ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

МОСКВА

2007

От издательства

«Божественная Комедия» в нашем издании публикуется в переводе известной русской поэтессы Ольги Чюминой. Этот полный стихотворный перевод всех трех частей поэмы Данте Алигьери, на наш взгляд, один из лучших. Переводчику удалось, во-первых, сохранить стихотворную форму великого творения Данте, а во-вторых, передать внутреннее содержание «Божественной Комедии» с очень большой близостью к подлиннику, невзирая на различия в морфологическом строе русского и итальянского языков (в частности, бóльшая длина русских слов по сравнению с итальянскими). Таким образом, наше издание вполне может заменить русскому читателю итальянский оригинал. Для уяснения тех мест, которые почему-либо могли бы оказаться непонятными при чтении, для раскрытия завуалированных мыслей и намеков автора мы сочли необходимым снабдить текст поэмы соответствующими примечаниями и кратким конспектом каждой песни, что делает нашу книгу вполне доступной для понимания каждого читателя.

Среди многочисленных иллюстрированных изданий «Божественной Комедии» Данте — как на его родном языке, так и на других — до сих пор нет ни одного, в котором великий писатель нашел бы себе достойного истолкователя в великом художнике. Вот почему мы поместили в книгу рисунки различных художников, отобрав то, что нам показалось наиболее ценным. Помимо иллюстраций Гюстава Доре (кстати сказать, в России все 135 иллюстраций Гюстава Доре к «Божественной Комедии» практически никогда не публиковались), наше издание сопровождается работами других художников, дополняющими и поясняющими различные эпизоды путешествия в загробный мир, а также содержит многочисленные виды городов и местностей, упоминаемых Данте в произведении.

Таким образом, соединение лучших в литературном и художественном отношении произведений великих художников слова и рисунка дает нам право сказать, что настоящее издание является **первым полным иллюстрированным стихотворным переводом** поэмы «Божественная Комедия» на русском языке.

Предисловие

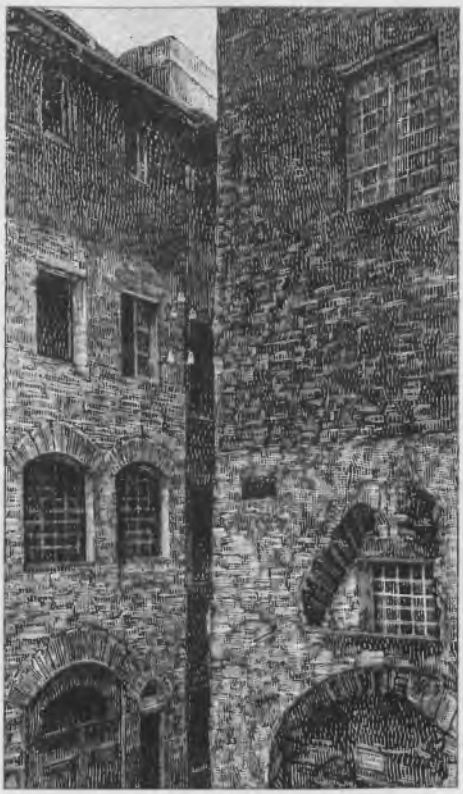
Перу Данте принадлежат сборники прозы и стихов «Vita Nuova», «Convivio», рефераты «Quaestio de aqua et terra» и многие другие произведения, но вклад их в мировую литературу и в другие области искусства несоразмерен с «La Divina Comèdia» «Божественной Комедией» — колоссальнейшей работой в области живого человеческого слова.

При полной отвлеченности замысла это произведение поражает своей реальностью, обилием и точностью почерпнутых из природы и человеческой жизни поэтических сравнений и образов. Данте находит такие точные слова в описании человеческой души с ее пороками, страстями, радостями и добродетелями, что каковы бы ни были детали, как бы ни чужда была обстановка, в которой совершается действие, — картина, созданная поэтом, становится близкой и понятной любому. В образах Данте, как в зеркале, отражаются все «потемки» души, осветить которые и интересно, и поучительно для каждого человека. Данте сумел сделать это, и не было еще никого, кто бы столь же проникновенно описал мир, откуда нет возврата никому из смертных.

* * *

Когда написано это произведение — сказать точно нельзя, но полагают, что первые песни «Комедии», судя по многим упоминаемым в ней фактам, были написаны около 1313 г., после окончания неудачного похода на Рим Генриха VII. Мысли же о создании «Божественной Комедии» появились у Данте задолго до того, как он приступил к работе над ней. Сборник «Vita Nuova» является своеобразным предисловием к «Комедии», потому что там уже есть указание на «путешествие Данте в ад».

Следует сказать несколько слов и о самом названии этого произведения. Сам Данте назвал его просто «Комедией», потому что начало ее — «Ад» — ужасно, а конец — «Рай» — радостен. Эпитет «Божественная» придан ей был уже в XVI столетии восхищенными потомками, с одной стороны, вследствие са-



Дом Данте во Флоренции

мого содержания ее и, с другой, как обозначение высочайшего ее совершенства. Петрарка о «Божественной Комедии» говорил так: «Это не Данте, а Святого Духа творение», и далее: «Данте сказал всё в "Комедии" и ничего не оставил другим».

«Божественная Комедия» не принадлежит ни к одному из существовавших ранее видов поэзии; это своеобразная смесь различных ее элементов, до сих пор еще единственная в своем роде. Поэма состоит из 100 песен, заключает в себе 14 230 строф и разделена на три части (или кантики): «Ад», «Чистилище» и «Рай». В каждой из частей — по 33 песни, «Ад» открывается одной добавочной — вступлением ко всей поэме. В «Божественной Комедии» Данте впервые применил терцины[1], вызвав впоследствии подражания почти во всех европейских литературах.

Данте в письме к Кану Гранде делла Скала, приютившему его в Вероне, при отсылке последней части «Комедии» отмечал, что смысл его произведения двоякий: буквальный и аллегорический — явный и скрытый, внешний и внутренний. Поэтому и тема поэмы двойная; первая — явная: показать состояние душ после смерти человека; вторая — аллегорическая, скрытая: человек по смерти награждается или наказуется, в зависимости от его дел при жизни. Две эти темы Дан-

[1] *Терцина* (от terza rima (*итал.*) — третья рифма) — ряд трехстиший, связанных рифмовкой по схеме aba, bcb, cdc, ded... yzy z. Таким образом, терцины дают непрерывную рифменную цепь произвольной длины, удобную для произведений крупных форм.

те подчиняет общей цели поэмы — показать, как живущие на земле могут освободиться от греховности и выйти на путь, ведущий к вечному блаженству.

Данте был не первым в создании произведений подобного рода. Многие поэты того времени писали уже на эту тему. Существовали многочисленные описания Страшного суда, ужасов ада, блаженства рая; существовали также легенды о видениях воскресших Лазаря, апостола Павла, но все эти произведения были отрывочны, противоречили друг другу, не имели философской подкладки. Данте же систематизировал нестройную смесь образов, согласовав свою систему с учением церкви и придав своему труду философский характер. «Комедия» Данте — великая аллегория греха и искупления его с религиозно-нравственной точки зрения. Как в зеркале, в поэме отражаются падение и возрождение человека, который в самом себе носит свой «ад» — гибель души при преобладании тела: поэтический образ порока, и свой «рай» — поэтический образ добра, внутреннего покоя и счастья. Переход от первого ко второму путем раскаяния — это чистилище, неминуемое для каждого стремящегося к блаженству.

Гробница Данте в Равенне

«Божественная Комедия» затрагивает еще и политическую составляющую жизни. Автор говорит об анархическом состоянии мира вообще и Италии в частности. Темный лес, где заблудился поэт, первый путеводитель Данте — Вергилий отражают в себе идею гибеллинов — идею римской всемирной монархии и т. д.

Вместе с тем содержание «Комедии» отражает в себе и личную жизнь автора, а сама поэма, будучи написана на итальян-

янском — народном — языке, является в некоторой степени началом итальянской литературы, отдавая предпочтение «народному» языку по сравнению с литературным языком того времени — латинским.

Таким образом, в этом произведении собраны разнообразнейшие мотивы: наука, религия, политика, история Италии, автобиография автора, и в то же самое время она является подробнейшей энциклопедией Средних веков.

Описания Данте так изумительно рельефны, что современники поэта думали, что он и в самом деле побывал в преисподней. Известен рассказ о двух веронках, встретивших Данте на улицах этого города. «Посмотри-ка! — сказала одна из них, указывая на поэта. — Вот тот, который может ходить в ад и приносить оттуда вести!» — «Ты права! — отвечала подруга. — У него от адского огня потемнело лицо и закурчавилась борода!» Так было велико впечатление, произведенное «Адом» на первых читателей, такое впечатление производит поэма и теперь на всякого, читающего ее...

Заканчивая на этом наше вступление, мы переходим к бессмертному произведению Данте Алигьери...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АД

Песнь первая

Данте, попав в дремучий лес (человеческая жизнь с ее страстями), заблудился в нем и внезапно заснул. Пробудившись, он видит себя у подножия холма, вершина которого освещена восходящим солнцем. Он решается продолжать свой путь, желая взойти на холм (что означает стремление к добродетели), но ему преграждают дорогу последовательно три чудовища: пятнистая пантера (чувственность), громадный лев (гордость) и волчица (алчность). Устрашенный этими чудовищами, Данте стал уже терять надежду на достижение своей цели, но на помощь ему является тень Вергилия (олицетворение поэзии). Этот римский поэт обращается к Данте со словами утешения и обещает ему провести его через все опасности, советуя при этом пройти вместе с ним через Ад и Чистилище и таким путем достигнуть порога высшего царства — Рая, где он, Вергилий, как язычник, должен будет расстаться с Данте, передав его более достойному проводнику, а именно Беатриче, в которой Данте олицетворяет богословие. Данте соглашается принять предложение Вергилия и вместе с ним начинает свое путешествие в Ад.

На полпути[1] земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий[2].
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я
И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, —
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропою
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.

На полпути земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий...

(«Ад», Песнь 1)

Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, —
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему.
Утихнул страх — взволнованное море
Души моей смущавший в эту ночь,
Которую провел я в тяжком горе.
И, как пловец, успевший превозмочь
Опасности, еще глядит на волны
И на берег выходит, страхом полный, —
Так, трепеща, туда я кинул взгляд,
Откуда нет живущему возврата
И ни один не приходил назад.
Почувствовав, что плоть моя объята
Усталостью, решил я отдохнуть
И, подкрепясь, опять пустился в путь.
Я шел вперед гористою дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой[3] быстроногой;
Преградою в пути являясь мне,
Ужасный зверь на месте оставался,
И сам бежать я тщетно порывался.

Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом,
И сам я ждал победы над врагом,
Но снова был тревогой роковою
Охвачен я: с поднятой головою

Я шел вперед гористою дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой быстроногой.

(«Ад», Песнь 1)

Свирепый лев[4] моим очам предстал,
Он шел ко мне настойчиво и властно,
И голодом казался так ужасно
Терзаем он, что воздух трепетал.
Вослед ему шла тощая волчица[5],
Чьей алчности неведома граница:
Томит людей желаньями она.
И вновь душа, отчаяньем полна,
Смутилася, и, повинуясь взору
Чудовища, не смел идти я в гору.
И, наподобье жалкого скупца,

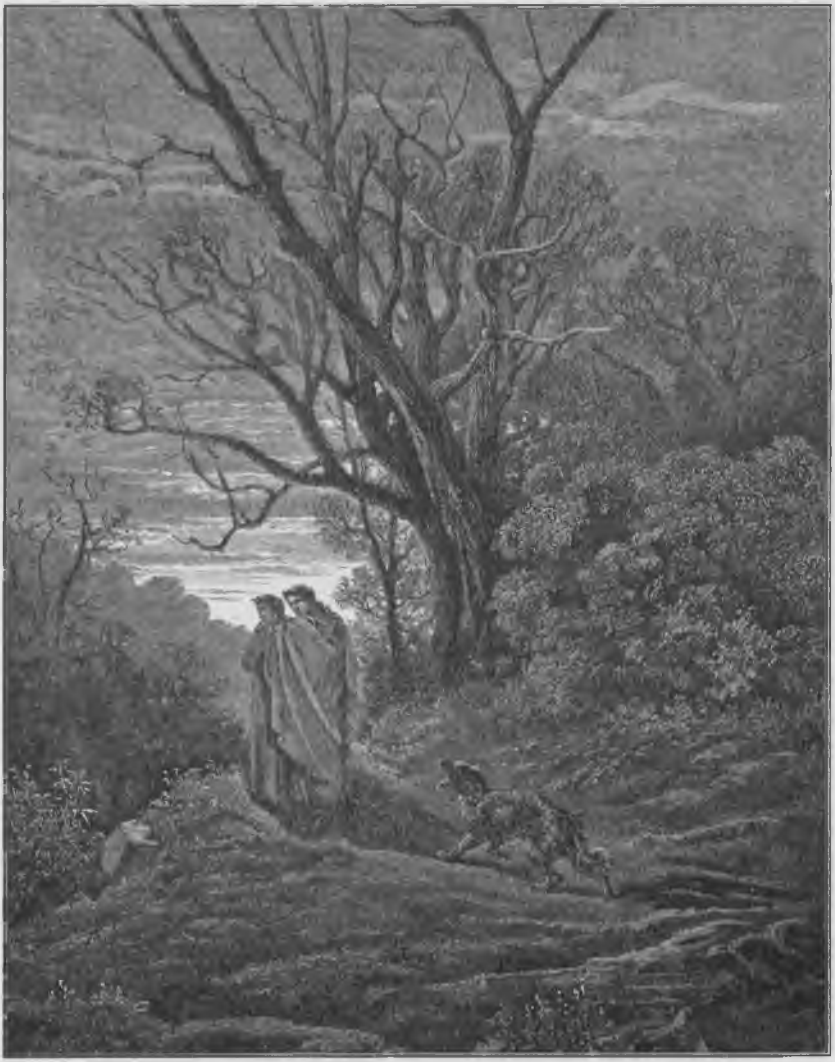
Когда, лишась навеки обладанья
Сокровищем, не в силах он рыданья
Сдержать в груди — я плакал без конца
И отступал пред нею к той долине,
Где гаснет свет. И там, в немой пустыне,
Я смертного увидел пред собой.
От долгого молчания безгласен
Казался он, и молвил я с мольбой:
— Призыв к тебе да будет не напрасен!
Кто б ни был ты: бесплотный светлый дух
Иль человек — склони к моленью слух,
Спаси меня в моей ужасной доле! —
И молвил он: — «Уж я не смертный боле,
Но смертным был при Юлии рожден[6].
Я жил во тьме языческих времен,
при Августе, и вместе с целым Римом
Благоговел пред божеством я мнимым.
Там, на земле, я также был поэт,
И в песнях мной Анхизов сын воспет,
Бежавший прочь от Трои горделивой.
Но отчего обратно в эту тьму
Стремишься ты — не к светлому холму,
Не к высоте безгрешной и счастливой?»
И молвил я, склонив пред ним чело:
— Ужели ты — Вергилий несравненный,
Поэзии источник вдохновенный,
Струящийся обильно и светло?
Хвала тебе! И славою, и светом
Являешься ты всем другим поэтам.
Наставник мой, которого прилежно
Я изучал, заступником моим
Явись в беде, грозящей неизбежно!
Тобою был в труде руководим,

...с поднятой головою
Свирепый лев моим очам предстал.

(«Ад», Песнь I)

По милости твоей, себе хваленья
Снискал и я в искусстве песнопенья.
Молю тебя, от зверя защити!
Идти вперед я более не в силах,
Смутился дух, и кровь мятется в жилах.

Ответил он: — «Ищи себе пути
Иного ты, чтоб выйти из пустыни.
Чудовище губило всех доныне,
И жертв его — несметное число.
Но алчности насытить не могло
Оно ничем: для жадности волчицы
Пределов нет, не может быть границы.
Со многими в союз войдет она,
Но будет Псом[7] затем умерщвлена.
Алкающий не злата и земель,
Поставит он себе иную цель,
Почтив любовь, премудрость, добродетель.
От Фельтро и до Фельтро — та страна,
Где он со дня рождения — владетель.
Италия им будет спасена,
Та, для кого Камиллы непорочной
Струилась кровь, и смертью в час урочный
Погибли Турн и с Низом — Эвриал.
Могучий Пес для мщения восстал.
Травя ее от града и до града,
Загонит он волчицу в бездну Ада,
Откуда зависть вызвала на свет
Чудовище. Последуй же, поэт,
За мною ты, я — твой путеводитель,
И вечности увидишь ты обитель;
Услышишь в той ужасной стороне
Стон грешных душ, мятущихся в огне,



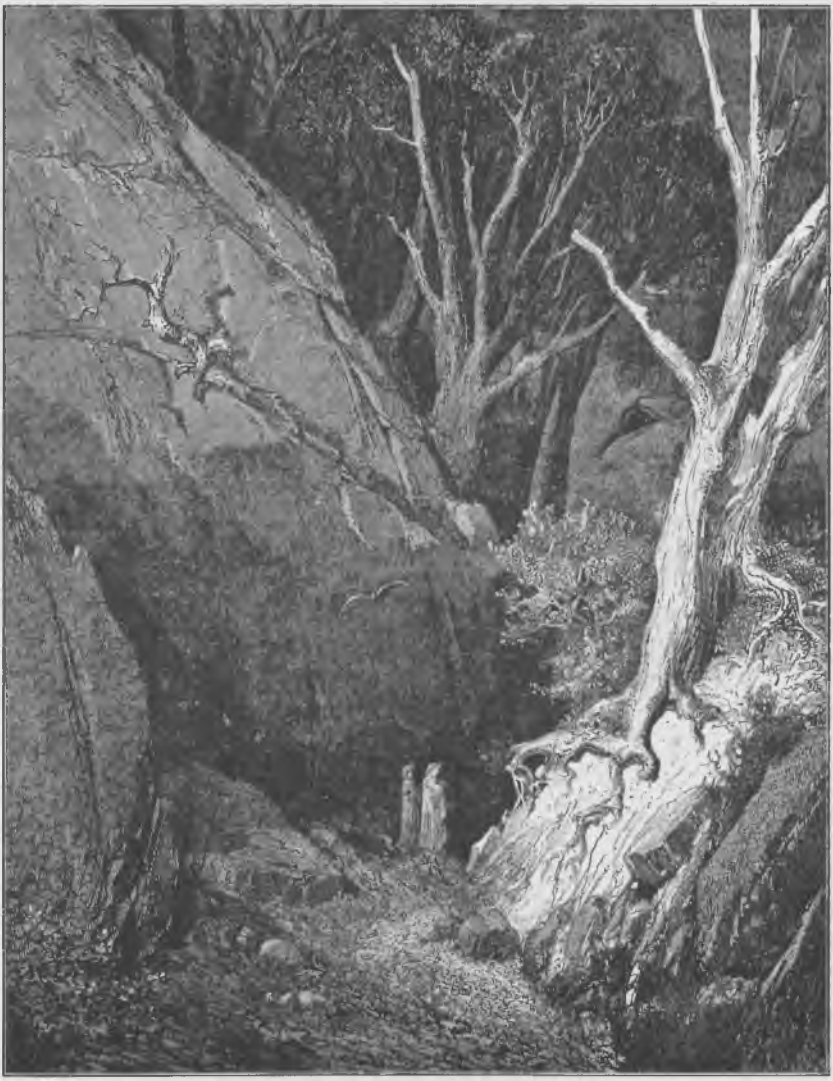
Ответил он: — «Ищи себе пути
Иного ты, чтоб выйти из пустыни.
Чудовище губило всех доныне,
И жертв его — несметное число».

(«Ад», Песнь I)

Вторую смерть[8] в отчаянье зовущих.
Увидишь ты и облегченья ждущих:
Со временем избавятся оне
И воспарят к обители блаженства.
Но, если ты захочешь вознестись
В тот светлый мир, в сияющую высь —
Есть существо[9], пределов совершенства
Достигшее, которому я сам
Тебя у врат небесных передам.
Воспитанный в преданьях ложной веры,
Я в райские не проникаю сферы
И не могу к Господню алтарю
Тебя привесть. Небесному Царю
Подвластно все, но там — Его чертоги,
Престол Его. Блаженны те стократ,
Кто в этот край не утерял дороги!»
И молвил я, волнением объят:
— О, заклинаю памятью о Боге,
Которому ты не служил, поэт,
Веди меня от этих зол и бед
В печальный край, описанный тобою,
И грешных скорбь да вижу пред собою, —
Оттуда же — к вратам Петра святым!

И он пошел, и я — вослед за ним.

Фельтре ди Беллюно



И он пошел, и я — вослед за ним.

(«Ад», Песнь 1)

Примечания к первой песне

[1] Половиной земной жизни человека считается тридцать пять лет на основании псалма 90-го, где говорится: «Наша жизнь продолжается семьдесят лет». Данте родился в 1265 г., и, следовательно, он спустился в Ад в 1300 г., когда ему было тридцать пять лет; путешествие его по Аду продолжалось двадцать четыре часа.

[2] Дремучий лес означает человеческую жизнь с ее страстями

[3] Символ чувственности

[4] Символ гордости и честолюбия

[5] Символ алчности. Здесь Данте делает намек на римское духовенство.

[6] Вергилию было семьдесят лет, когда родился Иисус Христос, и двадцать лет, когда Юлий Цезарь провозгласил себя диктатором.

[7] Под именем Пса подразумевается наместник Вероны Кан Гранде делла Скала, глава гибеллинской лиги в Ломбардии, который, как надеялись эта партия и Данте, должен был освободить Италию от партии гвельфов. Другие комментаторы предполагают под именем пса Угуччоне делла Фаджуола, главу войск Кана. Точно этот вопрос не решен

[8] Намек на слова Апокалипсиса: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее»

[9] Намек на Беатриче, которая является Данте в Раю («Чист.», Песнь тридцатая) и ведет его на небо.

Песнь вторая

С наступлением вечера Данте и Вергилий начинают свой путь, но при этом у Данте рождается сомнение в том, достаточно ли у него душевных сил, чтобы совершить предпринятый опасный путь. Вергилий рассеивает его страх, объясняя причину своей встречи с Данте. Он говорит, что судьба Данте находится под защитой Непорочной Девы, которая поручила его душу святой Люции, в свою очередь, передавшей ее защите Беатриче. Последняя обратилась к Вергилию с мольбой защитить погибавшего Данте, и он, Вергилий, охотно принял это на себя. Данте ободряется от слов Вергилия, восхваляет Беатриче и смело отправляется в путь.

Склонялся день к закату. Отдохнуть
Готовились все существа живые,
Лишь я один сбирался в трудный путь.
Опасности и скорби роковые,
Которые я испытал не раз, —
Да передаст правдивый мой рассказ.
О, гений мой, святое вдохновенье,
Взываю к вам из глубины души;
О, память, все, что знаешь, опиши!

Я начал так: — Поэт-путеводитель,
Пред тем как мы в подземную обитель
Сойдем с тобой, нам следует решить,
Под силу ли мне подвиг совершить?
Ты говорил, что Сильвия родитель,
Герой Эней[1], живым спускался в Ад
И невредим вернулся он назад?

Но жизнь его была Творцом хранима,
И смертного избегнул он одра,
Чтоб сделаться отцом великим Рима,
Где царствуют преемники Петра.
И в странствии, прославленном тобою,
Он с папскою тиарой золотою
Обрел еще победу над врагом.
Позднее же с великим торжеством
Свершил тот путь и сам сосуд избранья[2],
Дабы извлечь и утвердить прочней
Учения Христова основанья.
Но как дерзну явиться в мир теней?
И кто мне даст на это дозволенье?
Не Павел я апостол, не Эней.
Меня во всем мудрее ты, сильней;
Ты разреши мое недоуменье!

И так в уме я изменял решенье,
Которое созрело у меня.

И молвил дух: — «Не так ли, день от дня,
Мы подвигов, из трусости и лени,
Стараемся, где можно, избежать?
Не так ли зверь своей страшится тени?
Но ужас твой я властен разогнать.
Узнай же ты: меж призраков толпою
Покуда ждал с другими над собою
Последнего решения суда —
Предстал я там пред женщиной прекрасной.
Глаза ее сияли, как звезда,
И молвила, как ангел сладкогласный,
Мне вестница[3] прекрасная в ответ,
Когда спросил, какие повеленья

Склонялся день к закату. Отдохнуть
Готовились все существа живые,
Лишь я один сбирался в трудный путь.

(«Ад», Песнь 2)

Мне даст она? — «О, Мантуи поэт,
Чьей славою исполнен целый свет
И для кого не может быть забвенья,
Спаси того, кто, убоясь преград,
В пустыне ждет, охваченный испугом,
И в ужасе готов бежать назад.
Он был моим, но не Фортуны другом.
Мне ведомо, что сбился он с пути.
Не поздно ли теперь его спасти?
Иди к нему и силой дивной речи
Остереги! С тобой искала встречи,
И привела сюда меня любовь.
Мне имя Беатриче, и к престолу
Господнему, Всевышнего глаголу
Покорная, я возвращаюсь вновь.
Там за тебя предстану я с мольбою!»

И молвил я: — Святая благодать!
Наш род земной возвысился тобою
Над всем, чему дано существовать.
Не повторяй усердного моленья! —
Я с радостью исполню повеленье.
Скажи одно лишь: с горней высоты,
Из области надзвездного эфира,
Когда сюда, в пучину, сходишь ты,
Которая есть средоточье мира —
Ужель тебе пучина не страшна? —
И кратко мне ответила она:
— «Лишь одного всегда страшиться надо —
Вредить другим. Я так сотворена,
Что без вреда парю над бездной Ада.
Я не боюсь кромешного огня,
И скорбь земли не тяготит меня.

Предстал я там пред женщиной прекрасной.
Глаза ее сияли, как звезда,
И молвила, как ангел сладкогласный,
Мне вестница прекрасная в ответ,
.....
— «Мне имя Беатриче...»

(«Ад», Песнь 2)

Заступница[4] есть в горних небесах,
И, путника увидевши в слезах,
К которому ты послан для совета,
Она смягчила грозный приговор,
И Люции[5], носительнице света,
Готовой злу всегдашний дать отпор,
Так молвила: — «Во имя милосердья
Иди к тому, кто, утерявши путь,
Взывает к нам. Ты — враг жестокосердья —
Защитницей ему надежной будь!»
И Люция с своим небесным взглядом
Сказала мне, с Рахилью[6] бывшей рядом:
— О Беатриче, Господу псалом!
Спаси того, кто борется со злом.
Любя тебя, житейским жалким стадом
Он пренебрег. Под бременем тоски
Он борется со смертью у реки[7],
Которая страшнее океана.

О, кто бы мог от бедствий и обмана
Бежать быстрей иль устремиться вслед
Давно уже намеченной добыче —
Как, услыхав такую речь, поэт,
К тебе сюда спешила Беатриче!
Мудрей тебя и совершенней — нет:
В тебе ищу для странника опоры».

Так, возведя сияющие взоры
Свои ко мне, вещала мне жена
Прекрасная, твою судьбу доверя.
Я поспешил и спас тебя от зверя,
Опасность мной теперь устранена,
И можешь ты взойти на холм спокойно.

К чему же ты питаешь недостойно
В душе своей сомнения и страх?
Три светлые жены[8] на небесах
За жизнь твою возносят там моленья».

Так говорил Вергилий. Как цветы,
Поникшие в ночи от дуновенья
Холодного, но в блеске красоты
Ожившие при солнечном сиянье,
Так и во мне воскресли упованья,
И молвил я: — Благословенна ты,
Явившая святое состраданье!
И ты, поэт, как много доброты
В душе твоей, и как великодушно
Ты внял ее велениям послушно!
Тяжелый путь отважно предпринять —
Ты мужество внушаешь мне опять.
Мой славный вождь, наставник, повелитель!
Отныне воля нас одна ведет.
Ты будешь мне во всем руководитель.

Так я сказал, и он пошел вперед,
А вслед ему лесистою тропою
Пошел и я уверенной стопою.

Рим. Крепость Св. ангела на р. Тибре

Примечания ко второй песне

[1] Вергилий рассказывает в своей «Энеиде», что Эней, отец Сильвия, который родился от Лавинии и был отцом королей Альбалонги, спускался в Ад в сопровождении кумской сивиллы, чтобы узнать от тени своего отца Анхиза о своей будущей судьбе в Лациуме.

[2] Св апостол Павел. См Деян. апостол., XI, 15 и Посл. к коринф. I–14. «Ибо он есть мой избранный сосуд»

[3] Беатриче Некоторые толкователи видят в Беатриче олицетворение богословия, а другие считают ее образом первой и единственной любви Данте, служившей для него источником вдохновения. Когда Данте было девять лет, он полюбил прекрасного ребенка Беатриче, дочь богатого флорентийца Фолько Портинари, которая, однако, до своей смерти, случившейся в 1290 г., не знала о любви к ней поэта и даже была замужем Несмотря на это, Данте сохранил к ней свою любовь на всю жизнь, хотя и сам был женат на Джемме Донати

[4] Большинство толкователей поэмы объясняют эти слова указанием на Деву Марию

[5] Св Люция — Лючия (от слова lux — свет) — христианская святая, считавшаяся защитницей лиц, страждущих болезнями глаз, и олицетворением божественной благодати На горе Чистилища она же принесла уснувшего Данте к загражденным вратам

[6] Рахиль — погруженная в вечное созерцание бога, символ созерцательной жизни Данте ставит ее рядом с Беатриче, олицетворяющей богословие

[7] Здесь подразумеваются бури и волнения жизни

[8] Мария, Люция (Лючия) и Беатриче

Песнь третья

Данте и Вергилий приходят к вратам ада и видят на них зловещую надпись: «Оставьте здесь надежду навсегда» Страх овладевает Данте, но, ободренный своим спутником, он спускается в бездну Ада. Навстречу ему во мраке несутся плач, вой, крики и вздохи, и он начинает плакать. Вергилий объясняет ему, что место, куда они вошли, является преддверием Ада и в нем томятся в вечном мраке души трусов и, вообще, людей ничтожных, а также ангелы, которые во время борьбы дьявола с Господом не соблюли верности Творцу и вместе с тем не присоединились к полчищам его врага. Оба поэта подходят затем к адской реке Ахерон, через нее в своей ладье перевозит души грешников старик Харон. Он отказывается принять Данте и Вергилия в ладью, несмотря на слова Вергилия, говорящего, что Данте нисходит в Ад по повелению свыше, и, согнав в свой челн души грешников, сыплящиеся в него как листья, сорванные осенней бурей, отплывает. Подымается ужасный грохот, вихрь, блистает молния, и Данте падает в беспамятстве.

За мною путь к обители печальной,
За мною те, кто мукам осужден,
За мною край, где вечный плач и стон.
Созданье я любви первоначальной
И правосудной мудрости Творца,
И в вечности пробуду без конца
Я, как и все, что в мире безначально.
«Кто б ни были входящие сюда,
Оставьте здесь надежду навсегда!»[1]
Написаны над адскими вратами
Зловещими и черными чертами —
Виднелися те грозные слова.
И молвил я: — Значенье их ужасно! —

Но отвечал мой спутник и глава:
— «Откинь боязнь и не страшись напрасно!
Приблизимся! За этою чертой —
Обитель душ, сознания лишенных
И вечному безумью обреченных».

И, руку мне подавши с добротой,
Он ввел меня во тьму глубокой бездны,
Где небосвод, зловещий и беззвездный,
Был воплями и криком оглашен.

Заплакал я, печалью поражен.
Рыдания, исполненные муки
И ярости, речей безумных звуки
И всплески рук, тяжелый топот ног —
Сливалось все, крутилось, как песок,
Вздымаемый порывом вихря диким.

Охваченный смятением великим,
Воскликнул я: — Скажи, учитель мой,
Но кто же те, чьи вижу я страданья? —
Ответил он: — «Влачат существованье
Такое те, кто, живши на земле,
Был порицанью чужд и похвале.
Печальный род! Союзников ничтожных
Нашли они меж ангелов безбожных,
Которые, Творцу не изменив,
Но верности в душе не сохранив,
Лишь о себе имели попеченье.
Не приняли к себе их небеса,
Дабы небес чистейшая краса
Не омрачилась тенью преступленья,
И самый ад отвергнул их в презренье».

«Кто б ни были входящие сюда,
Оставьте здесь надежду навсегда!»
Написаны над адскими вратами
Зловещими и черными чертами —
Виднелися те грозные слова.

(«Ад», Песнь 3)

Но я сказал: — Учитель, тяжкий стон
Несется к нам сюда со всех сторон.
Исторгнут он мученьями какими? —
«Все объясню, — на это молвил он. —
Утрачена бесповоротно ими
Надежда смерть вторичную найти,
И худшее им легче бы снести.
Их след исчез подобно волнам дыма,
Отвергнуты они неумолимо

И милостью Господней, и судом,
Караемы презреньем и стыдом.
Взгляни на них и позабудь их! Мимо!»

Вдруг знамя[2] я увидел пред собой,
Что в воздухе неслось неудержимо,
И сонм людей за ним неутомимо
Бежал вослед несметною толпой.
Дивился я, что сенью гробовой
Поглощено живых людей так много.
Среди людей, бежавших той дорогой,
Немедленно я одного признал:
Из трусости высоким отреченьем[3]
Себя навек преступный запятнал.
В тех призраках, охваченных смятеньем,
Несчастный род узнать я сразу мог,
Которым ад гнушается и Бог.
Язвимые слепней и мух роями
Внушали страх нагие их тела;
По лицам их струилась кровь ручьями
И, с жгучими смешавшися слезами,
Немедля пожираема была
Кишащими у самых ног червями.

И тут же я заметил вдалеке,
Насколько мог при слабом видеть свете, —
Толпу людей, теснившихся к реке.
И молвил я: — Но кто же люди эти?
Зачем спешат к отплытию они?
Прошу тебя, наставник, объясни!
— «Узнаешь это, — было мне ответом, —
Когда со мной минуешь Ахерон»[4].

И к берегу крутому за поэтом
Я двинулся, безмолвен и смущен.
Там по реке, бежавшей без журчанья,
Навстречу плыл в ладье своей старик.

(«Ад», Песнь 3)

И к берегу крутому за поэтом
Я двинулся, безмолвен и смущен.
Там по реке, бежавшей без журчанья,
Навстречу плыл в ладье своей старик[5],
И молвил он, безжалостен и дик:
— «О, горе вам, погибшие созданья!
Не думайте увидеть дня сиянье:
В моем краю царит повсюду ночь,
И жгучий зной сменяет холод лютый.
А ты, живой, беги от мертвых прочь,
Меж призраков не медли ни минуты!» —
И, увидав, что молча я стою,
Прибавил он: — «Ищи себе ладью
Иную ты, чтоб волны Ахерона
В ней переплыть!» — Но грозный гнев Харона
Сумел смягчить мой мудрый проводник.
Промолвил он: — «Не прекословь, старик!
Есть высшее на это повеленье,
Ему повиноваться ты привык».

И, укротив свирепое волненье,
Седой Харон смирился в тот же миг;
В очах его, орбитой окруженных
Багровою, угас безумный гнев.
Но сонмы душ, нагих и истомленных,
Услышали ответ. Освирепев
И яростно заскрежетав зубами,
Презренные осыпали хулами
Всевышнего Творца и бытие,
Родителей своих, места и время
Рожденья их, от семени их семя,
И с миром всем — рождение свое.
Затем они столпились со стоном

...И, демоном Хароном
Сгоняемы при помощи весла,
Они в ладью, как листья без числа,
Развеянные бурею, валились.

(«Ад», Песнь 3)

На берегу, которого нельзя
Избегнуть тем, кем правая стезя
Покинута. И, демоном Хароном
Сгоняемы при помощи весла,
Они в ладью, как листья без числа,
Развеянные бурею, валились.
Как соколы, что в небесах кружились,
Покуда их не отозвал назад
Призывный клич — так поспешало в ад,
За тенью тень Адама поколенье.

Пока ладья скрывалась в отдаленье,
Дабы к стране отчаянья пристать, —
На берегу стекалася опять
Толпа теней, и молвил благосклонно
Учитель мой: — «О, милый сын, узнай:
Всех во грехе умерших неуклонно
Господень суд сгоняет в этот край,
И самый страх в желанье обращает
Узнать скорей грозящий им удел.
Переступить таинственный предел
Всем праведным Всевышний воспрещает,
Вот почему разгневался Харон».

Умолк поэт. Едва окончил он,
Как царство тьмы заколебалось с силой,
Что вызывает ныне на челе
Холодный пот. В долине слез унылой
Промчался вихрь, и молнии во мгле
Блеснули вдруг, как пламень красноватый.

И я упал, как будто сном объятый[6].

Город Фьезоле близ Флоренции

Примечания к третьей песне

[1] Знаменитая надпись над дверью Ада.

[2] В число ничтожных Данте помещает и трусов, знамя которых, малодушно покинутое ими при жизни, обречено теперь на вечное скитание.

[3] Это место очень спорное. Некоторые предполагают, что Данте подразумевал Исава, продавшего право первородства, другие — Диоклетиана, отрекшегося от престола, а также папу Целестина V, сложившего папскую тиару; некоторые останавливаются на Торреджиано де Черки, предводителе партии Белых, отказавшемся от начальства над войсками.

[4] Ахерон — река скорби, адская река, упоминается в греческой мифологии. Опоясывает первый круг Ада.

[5] Харон, адский кормщик, перевозчик душ античной преисподней. Данте придает ему вид демона с огненными колесами вокруг очей.

[6] Свою переправу через адскую реку Ахерон Данте покрыл непроницаемой тайной. Поэт погружается в сон, во время которого переносится на другой берег, точно так, как в первой песне он в глубоком сне входит в темный лес.

Песнь четвертая

Данте приходит в себя уже на другом берегу Ахерона и вместе с Вергилием входит в *первый* круг Ада — Лимб, где находятся души тех, кто не познал христианства, то есть тех, кто умер до принятия крещения или прожил жизнь добродетельным язычником. Они не несут никаких тяжелых наказаний, но томятся вечной жаждой недостижимого для них блаженства — Царства Небесного. Вместе с тем Данте узнает, что некоторые из подобных душ, как, например, праотцев Адама, Евы, Ноя, Авраама, Исаака и прочих, выведены из Ада Иисусом Христом при его сошествии в Ад. Затем поэты встречают во мраке массу теней добродетельных, но не славных язычников и вступают в светлое пространство первого круга, где их принимают в свою среду славнейшие поэты античного мира, которые проводят обоих путников на вечнозеленый холм героев, откуда Данте видит всех обитателей этого места. Здесь он упоминает различных героев древности и Средних веков, отца философии Аристотеля и др. Данте и Вергилий сходят с горы Лимба и отправляются во второй круг Ада.

Раздавшийся внезапно гул и гром
Рассеял сон, и, сразу пробужденный,
Я поднялся и, осмотрясь кругом,
Припомнить я пытался, пораженный,
Где нахожусь? Я понял, что стою
Над бездною печали[1], на краю
Пучины той, где вопли и стенанья
Безумные, сливаясь, звучат,
Похожие на громовой раскат.
Напрасно я употреблял старанья,
Чтоб взорами проникнуть в глубину
Сквозь мрачную тумана пелену.

Закрыты им спасения врата,
Отверстые поборникам Христа,
Крещение принявшим. К этим людям
Причислен я. Не знавшие Творца,
Мы жаждою блаженства вечно будем
Томиться здесь без меры и конца.

(«Ад», Песнь 4)

И произнес наставник мой, бледнея:
— «Иди за мной! В обитель вечной тьмы
И ужаса сойдем с тобою мы».
Но я вскричал, смущаясь и робея:
— Уж если ты, в ком я ищу и жду
Защитника, колеблешься, слабея, —
То как же я в подземный мир сойду? —
И молвил он: — «Терзаюсь не боязнью,

Но жалостью к казнимым тяжкой казнью.
Не медли же: суровый путь далек».
И в первый[2] круг поэт меня увлек.
Там слышались не крики и рыданья,
Но вздохами был воздух оглашен;
Исторгнуты тоскою без страданья,
Из уст детей, из уст мужей и жен
Неслись они. И произнес Вергилий:
— «Но что ж о них не спросишь ты меня?
Чуждаяся порока и насилий,
Любя добро и мудрость оценя,
В язычестве они, к несчастью, жили;
Закрыты им спасения врата,
Отверстые поборникам Христа,
Крещение принявшим. К этим людям
Причислен я. Не знавшие Творца,
Мы жаждою блаженства вечно будем
Томиться здесь без меры и конца».

И, услыхав слова его, с тревогой
Я ощутил печаль в душе моей.
Увидел я в толпе страдальцев много
Прославленных в отечестве людей.
И я сказал: — Да укреплюся в вере,
Сомненья все рассеяв в полной мере!
Случалось ли, по милости заслуг,
Иль силою предстательства чужого —
Кому-нибудь покинуть этот круг? —
И молвил он, в ответ на это слово:
— «В загробный мир едва сошел я сам,
Когда во мрак, могуществом венчанный,
Спустился Муж[3], победой осиянный.

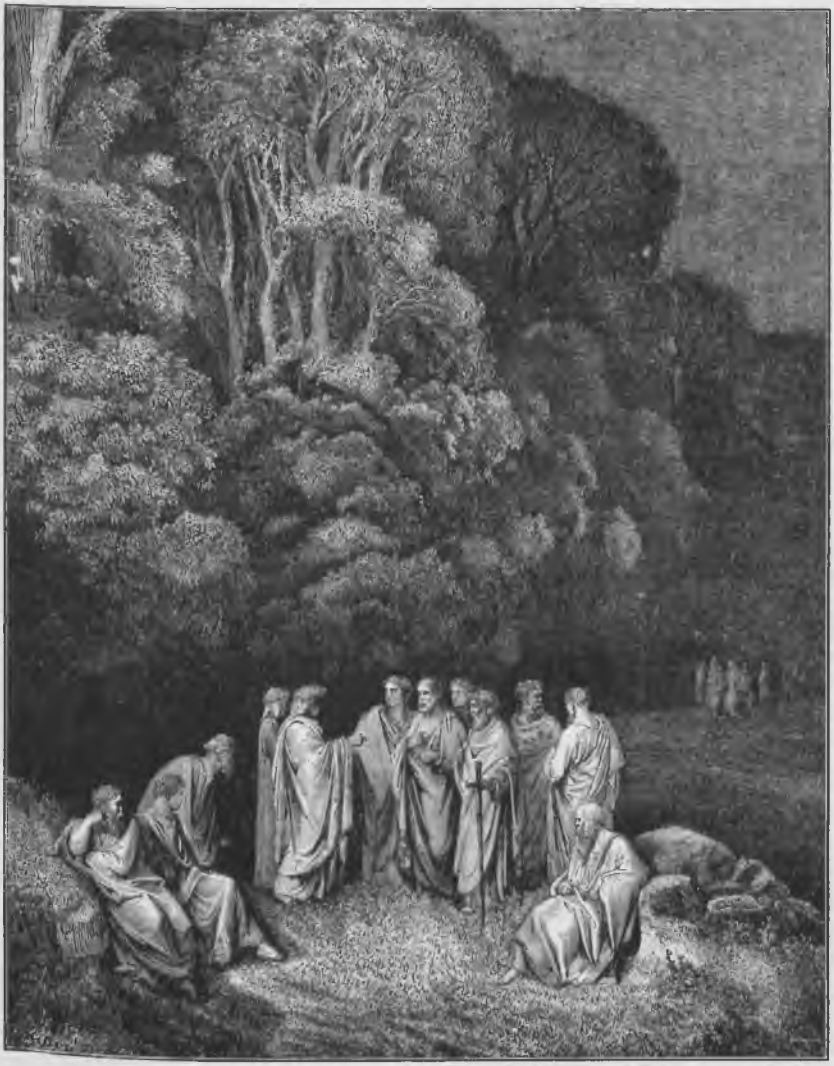
Им вызван был наш праотец Адам,
Ной, Моисей, покорный воле Бога,
И царь Давид, и древний Авраам,
И сын его, трудившийся так много
Из-за любви к Рахили. Их вознес
С собой в страну блаженную Христос;
Их и других он в горние селенья
Вознес из тьмы; дотоле же спасенья
Здесь ни одна не ведала душа».

Беседуя так, шли мы не спеша
В лесу теней. Не удалясь, однако,
От адских врат, над полушарьем мрака
Увидел я мерцавший огонек[4],
И я спросил: — Кого всесильный рок
Избранником столь видимо отметил
И чей удел во мраке самом светел?
Кто все они? — «Им милость суждена
От Господа, — Вергилий мне ответил. —
Людьми, на все века и времена,
Прославлены везде их имена».
Тут над собой услышали мы слово:
— «Привет певцу, вернувшемуся снова
К друзьям своим!» — Чудесный глас утих;
Навстречу к нам из отдаленной сени
Приблизились четыре славных тени,
Но я не мог прочесть на лицах их
Ни радости, ни скорби. И учитель
Заговорил: — «Смотри: как повелитель,
С мечом в руке, вот шествует Гомер,
Поэтов царь; Гораций-обличитель,
Подавший всем правдивости пример,

Идет за ним, затем — Назон с Луканом,
И в этом сонме, славою венчанном,
По праву я приемлю похвалу».

Так, меж певцов позднейших поколений,
Владыку их, подобного орлу,
Парящему на крыльях песнопений, —
Увидел я. И, тихо меж собой
Поговорив, ко мне они с приветом
Приблизились; присутствовал при этом
С улыбкою руководитель мой.
Сугубой тут сподобился я чести:
В их славный круг я принят был шестым;
И к свету все мы двинулися вместе.
Но можно ли мне языком простым
Здесь передать о тех речах чудесных,
В подобный час и в том краю уместных?

И вот, семью стенами обнесенный,
Величественный замок нам предстал.
Вокруг него, прозрачный, как кристалл,
Вился ручей; друзьями окруженный,
Пройдя его и семеро ворот,
Я с радостью вступил на луг зеленый.
На том лугу, где вечно все цветет, —
Бродили тени, чуждые печали;
Их ясный взор был важен и глубок,
И облик их — величественно строг,
А речи их, когда они вещали,
Медлительно и сладостно звучали.
С открытого холма я видеть мог
Прославленные души в той долине
И трепещу от радости доныне,



— «Смотри: как повелитель,
С мечом в руке, вот шествует Гомер,
Поэтов царь; Гораций-обличитель,
Подавший всем правдивости пример,
Идет за ним, затем — Назон с Луканом...»

(«Ад», Песнь 4)

Припоминая их. В стране теней
Явились мне: Электра[5] с целым хором
Друзей своих, и Гектор, и Эней,
И Цезарь сам с его сокольим взором.
Увидел я Камиллу[6], а за ней —
Погибшую в бою Пентезилею[7],
Лукрецию[8]. С Лавинией своей[9]
И царь Латин очам являлся тут,
Тарквиния изгнавший смелый Брут[10],
Корнелия[11], Помпеева супруга[12],
И Марция[13]. От тесного их круга
Особняком держался Саладин[14].
Я взор возвел, и знанья властелин[15]
Явился мне, философов толпою
Со всех сторон с почтеньем окружен;
За ним Сократ виднелся и Платон,
И тот, кто звал случайностью простою
Создание вселенной, — Демокрит[16],
Анаксагор, Фалес и Гераклит,
И Эмпедокл с Зеноном. Тень Орфея
Увидел я, Сенеки, Птоломея,
Сумевшего измерить глубь небес,
Тит-Ливия, ученого Эвклида,
Искусного врача Диоскорида.
Истолкователь слов Аверроэс
И Гиппократ с Галеном, с Авиценой —
Предстали мне в их мудрости почтенной.
Но всех назвать, исчислить их вполне
Объем труда не дозволяет мне,
И часто речь моя несовершенна.

Из шестерых, что составляли круг,
Лишь четверо остались,

Мирный луг
Покинул я и по стопам поэта
Направился к стране, лишенной света.

Примечания к четвертой песне

[1] Здесь подразумевается Ад, который, как его представляет Данте на основании средневековых верований, находится внутри земли, причем дно его уходит в центр земли. По своей архитектуре Ад является пропастью в виде воронки, суживающейся книзу и заканчивающейся цилиндрическим кольцом. Внутри эта воронка разделяется на ступени, образующие круги, которые опоясывают Ад. Всего подобных кругов девять, и в них находятся души грешников, причем чем ниже круг, тем сильнее мучения, которым подвергаются грешники. Они распределены по кругам сообразно с тяжестью их грехов и преступлений. В последнем — девятом — круге, имеющем вид колодца, заключен Люцифер, владыка Ада, подвергающийся вечным наказаниям за величайший, по мнению Данте, грех — измену. Из девяти кругов седьмой круг, где наказывают за насилие, разделяется на три меньших круга, а восьмой — на десять концентрических рвов, причем в нем подвергаются мучениям согрешившие обманом.

[2] Всех адских кругов девять. В них размещены грешники по виду своих грехов. Чем ближе к центру, тем тяжелее наказание.

[3] Иисус Христос.

[4] Лимб — преддверие Ада, жилище добродетельных язычников и некрещеных детей. Лимб разделен на два концентрических круга. Внешний, более обширный, покрыт мраком и вмещает язычников добродетельных, но неизвестных, второй круг озарен светом и имеет вид зеленеющего холма, служащего обителью для героев и славных мужей древности.

[5] Дочь Анхара и мать Дардана — основателя Трои, от которого получило начало римское государство.

[6] Воинственная дочь Метаба, царя вольсков, боровшаяся за Лациум против троянцев.

[7] Амазонка, убитая Ахиллом.

[8] Супруга Коллатина, опозоренная Секстом Тарквинием.

[9] Лавиния и Латин — супруга и тесть Энея.

[10] Знаменитый трибун.

[11] Мать Гракхов.

[12] Юлия, дочь Цезаря.

[13] Супруга Катона Утического.

[14] Султан Вавилонский, вел войну против крестоносцев, взял в плен Гвидо, короля Иерусалимского. Поместив его в число славных, Данте желал выказать свое беспристрастие.

[15] Аристотель. Чтобы взглянуть на него, Данте должен поднять голову. Он не называет его по имени, уверенный, что Аристотеля узнает каждый и без наименования.

[16] Демокрит полагал, что мир возник из случайного соединения атомов.

Песнь пятая

В этой песне Данте повествует о том, что он видел во *втором* круге Ада. Спустившись туда вместе с Вергилием, он встречает адского судью Миноса, который распределяет прибывающих в Ад грешников движением своего громадного хвоста. Увидев поэтов, Минос пытается остановить Данте, но Вергилий указывает ему на повеление свыше, и тот пропускает их во второй круг Ада, где мучаются души людей, предававшихся пороку сладострастия. Среди последних находятся, главным образом, женщины древней и средневековой эпох, и все они кружатся в вечном урагане. Данте обращает внимание на две тени, носящиеся вместе. Это Паоло да Римини и его невестка Франческа, которая, по просьбе Данте, рассказывает ему историю своей несчастной любви к Паоло — брату ее мужа, заканчивая свой рассказ повествованием об убийстве их обоих ревнивым мужем и страшным стенанием, от которого Данте, потрясенный сочувствием к несчастным влюбленным, падает замертво

Так миновали первый адский круг
И во второй сошли мы по ступеням;
Он меньше был, но согрешившим теням
Там выпало на долю больше мук.
Судья Минос[1] со скрежетом зубовным
Внимает там признаниям греховным,
И сколько раз он обовьется вкруг
Своим хвостом — на столько же ступеней
Спускается виновный ниже в ад.
Отягчены обильем преступлений,
Ему всегда их сонмы предстоят
И, вняв его суровому решенью,
Спускаются в пучину, тишь за тишью.

Судья Минос со скрежетом зубовным
Внимает там признаниям греховным,
И сколько раз он обовьется вкруг
Своим хвостом — на столько же ступеней
Спускается виновный ниже в ад.

(«Ад», Песнь 5)

Едва меня завидевши, Минос
Воскликнул так зловещими устами:
— «Зачем сюда, в приют скорбей и слез
Приходишь ты? Широкими вратами[2]
Уйти трудней отсюда, чем войти».
И возгласил наставник мудрый: — «Тише!
Не будь ему преградою в пути
И знай: на то есть повеленье свыше».

Тут явственный ко мне донесся стон
Преступных душ. Я был над бездной тою
В той стороне, где грозной немотою[3]
И самый свет навеки поражен,
Но весь простор, как волны океана,
Гудит во тьме. И там, среди тумана,
Крутя, бичуя душ преступных рой, —
Их мчат с собой порывы урагана.
Когда же вихрь к окраине скалы[4]
Приносит их и с силой ударяет, —
На правосудье Божие хулы
Мятежный сонм со стоном изрыгает.

И я узнал, что каре столь ужасной
Верховный суд подверг нещадно тех,
Кто, негою влекомый сладострастной,
Искал себе лишь чувственных утех.
И, как скворцы бесчисленной станицей
Несутся вдаль с приходом злой зимы,
Так, отдыха не зная в царстве тьмы,
Несчастные кружились вереницей.
Как, вытянувшись нитью, журавли
Несутся вдаль с печально-резким криком,
Так сонмы их, сливаясь в вопле диком,
Кружилися во мраке без конца.
И я спросил у мудрого певца:
— За что толпа виновная казнится?
— «Одна из них, — промолвил он, — царица.
Владычица когда-то славных стран,
Тех, где теперь правителем султан.
Наследовав от Нина царский сан,
Но чувственною жаждою объята,
Она была потворницей разврата;

...И там, среди тумана,
Крутя, бичуя душ преступных рой, —
Их мчат с собой порывы урагана.

(«Ад», Песнь 5)

Звалась Семирамидою она.
Другая с ней — преступная жена[5],
Которая себя лишила жизни.
Вот Клеопатра, жертвою страстей
Слывущая; Елена рядом с ней,
Причина зол и стольких бед в отчизне;
Парис, Тристан, великий вождь Ахилл,
Который пал в бою своем с любовью,
И многие из тех, кто должен был
За грех любви платить своею кровью».

Я состраданье в сердце ощутил
Безмерное, узнав в собранье этом
Мне названных по имени поэтом
Так много славных рыцарей и жен.
И молвил я, глубоко потрясен:
— Наставник мой, дозволишь ли со словом
Участия ты обратиться мне
Вон к той чете[6], парящей в вышине?
— «Когда сюда в порыве вихря новом
Приблизятся они — останови
Их именем связавшей их любви!» —
Ответил он. И я, когда суровым
Порывом бурь примчало их сюда,
Возвысив голос, молвил им: — Когда,
О страждущие тени, в состоянье
Вы говорить, услышать дайте вас! —
И вот они, на мой призывный глас,
Как пламенем любовного желанья
Объятые внезапно голубки,
Которые, воздушны и легки,
Летят к гнезду, — спустилися покорно,
Паря во мгле зловещей и тлетворной.

И молвил я, глубоко потрясен:
— Наставник мой, дозволишь ли со словом
Участия ты обратиться мне
Вон к той чете, парящей в вышине?

(«Ад», Песнь 5)

И молвила одна из них: — «О ты,
Исполненный величья, доброты,
Который к нам нисходишь в ад кромешный,
К нам, обагрившим кровью Божий мир,
Когда б Господь призыв услышал грешный,
Молила б я, чтоб даровал Он мир
Душе твоей! В печали безутешной
Ты жалость нам великую явил.
Расспрашивай! Покуда вихрь суровый
Безмолвствует, мы отвечать готовы[7].
Мне в том краю родиться рок судил,
Где волны По сливаются с родною
Манящей их прибрежною волною.
Любовь, чья власть над сердцем так сильна
Возвышенным, зажгла во мне влеченье
К тому, с кем я была разлучена
И, разлучась, не знала утешенья.

Любовь к одной нас смерти привела;
Убийца наш терзается в Каине,
Тот, чья рука нас смерти обрекла.

(«Ад», Песнь 5)

Любовь, забыть которую нет сил
Тому из нас, кто истинно любил,
Забыть ее я не властна доныне
И вырвать я из сердца не могла.
Любовь к одной нас смерти привела;
Убийца наш терзается в Каине[8],
Тот, чья рука нас смерти обрекла».

О их судьбе задумавшись в кручине,
Не поднимал я долго головы,

Тогда спросил учитель о причине
Молчанья, и я сказал: — Увы,
Как сладостно очарованье было,
Как велика желаний пылких сила
И как печально кончились они! —
Я продолжал: — Франческа, о жестокой
Судьбе твоей со скорбию глубокой
Я слезы лью. Прошу я, объясни,
Каким путем в то время, как мечтанья
Неясные, собой волнуя кровь,
Роились в вас, — дозволила Любовь
Узнать вам тайну смутного желанья?

И молвила она с тоской в очах:
— «Нет более ужасного страданья,
Как вспоминать о светлых временах
В несчастии; но, если о начале
Любви моей ты хочешь расспросить,
Как человек, принесший весть печали,
Отвечу я и буду слезы лить.
Не отдавая полного отчета
В том, что влекло и волновало нас,
Наедине оставшися, рассказ
Читали мы о страсти Ланчелота[9].
Мы взорами встречалися, не раз,
Краснели мы порой во время чтенья,
Но лишь одно короткое мгновенье
Решило все. Прочтя, как Ланчелот
Коснулся уст возлюбленной, — и тот,
С кем более не разлучусь в печали,
Прильнул к моим трепещущим устам.
И в этот день мы больше не читали...»

..... «...и тот,
С кем более не разлучусь в печали,
Прильнул к моим трепещущим устам.
И в этот день мы больше не читали...»

(«Ад», Песнь 5)

Пока она так говорила нам,
Другая тень в тоске невыразимой
Рыдала так, что, жалостью томимый,
Сознания я вдруг лишился там.

Река Нил в Египте

Примечания к пятой песне

[1] Мифологический судья мертвых преобразован, подобно Харону, в беса.

[2] Намек на слова из Евангелия «Входите в рай тесными вратами, ибо широкие врата ведут к погибели».

[3] Смелая метафора, которую употребляет Данте.

[4] Окраина скалы есть внутренний край адского круга, который граничит с бездною.

[5] Дидона, лишившая себя жизни из-за любви к Энею.

[6] Прекрасная Франческа — дочь Гвидо да Полента, синьора Равенны. Насильно обвенчанная с Джианчотто, старшим сыном Малатесты, вождя риминийских гвельфов, она любила уже его меньшего брата, Паоло. Муж ее был безобразен, хром, жесток и скуп; Паоло же был прекрасен, добр и страстно любил Франческу. Однажды застав их вдвоем во время чтения любовной книги, муж Франчески ударом шпаги пронзил обоих влюбленных. Так гласит предание, но документально оно не подтверждается.

[7] Адская буря смолкает во время рассказа Франчески.

[8] Одно из отделений девятого круга, названное так по имени Каина, где казнятся братоубийцы.

[9] Прославленный рыцарь Круглого Стола, любивший королеву Джиневру.

Пока она так говорила нам,
Другая тень в тоске невыразимой
Рыдала так, что, жалостью томимый,
Сознания я вдруг лишился там.

(«Ад», Песнь 5)

Песнь шестая

Придя в себя из состояния бесчувствия, Данте видит себя в *третьем* круге, который охраняется адским стражем — Цербером, безобразным чудовищем, беспрестанно лающим. В этом круге под снегом и градом подвергаются мучениям грешники, предававшиеся обжорству, и наказания над ними свершает Цербер. Последний с яростью бросается также на поэтов, но Вергилий кидает ему в пасть ком земли, благодаря чему оба путника получают возможность двигаться дальше. Здесь Данте среди грешников встречает флорентийца Чиакко, страшнейшего обжору, который вступает в разговор с Данте и предсказывает ему изгнание из родного города. Чиакко после расспросов Данте о соотечественниках падает ничком в грязь, а оба поэта продолжают свой путь и спускаются в четвертый круг, где они видят Плутоса, демона богатства.

Как только я опять пришел в себя[1]
И от забвенья тяжкого очнулся,
В которое, о той чете скорбя,
Внезапно впал, — кругом я оглянулся:
Куда бы мой ни устремлялся взгляд —
Страдания, страдальцев длинный ряд
Являлися повсюду предо мною.
Я был в кругу, где вечный дождь и град
Шумят во тьме и кроют пеленою
Долину всю, распространяя смрад.
И, не сравним ни с чем по безобразью,
На грешников, покрытых жидкой грязью,
Отчаянно барахтавшихся в ней,
Там лает Цербер[2]. С необъятным чревом

Но тут схватил наставник грязный ком
И в злую пасть, оскаленную жадно,
С размаху он швырнул землею смрадной.

(«Ад», Песнь 6)

И лапами, при помощи когтей,
Он грешников терзает с лютым гневом.
Бичуемы дождем, они ему
То грудь, то бок иль спину подставляют
И, словно псы, во мраке завывают.
Едва лишь мы приблизились к нему,
Чудовище, готовое на части
Нас растерзать, разинуло три пасти,
Затрепетав от ярости притом.
Но тут схватил наставник грязный ком
И в злую пасть, оскаленную жадно,

С размаху он швырнул землею смрадной.
И, словно пес, когда, смиривши злость,
Грызет он жадно брошенную кость, —
Так прекратил и Цербер лай ужасный,
Что мукою являлся ежечасной
Для грешников. Мы шли своим путем
Среди теней, бичуемых дождем,
Ступая там по призракам бесплотным[3],
Которые имели образ тел.
Один из них вдруг поднялся и сел,
А я взирал со страхом безотчетным.
И молвил он: — «Сошедший в этот край,
Коль можешь ты, несчастного признай;
Родился ты, когда я жил на свете».
Ответил я: — Так изменились эти,
Быть может, мне знакомые черты,
Что их признать не в силах я. Кто ты?
И чем навлек такое наказанье,
Где более позора, чем страданья? —
И с горестью сказал на это он:
— «Я в городе завистливом рожден[4],
И, прозванный людьми его Чиакко[5],
Я за вину обжорства осужден
Томиться здесь под ливнем в царстве мрака.
И тех, кого со мною видишь, — всех
Постигла казнь за тот же самый грех».

Я отвечал: — Растроган я сердечно
Страданьями твоими, но когда,
Поведай нам, окончится вражда,
Которая терзает бесконечно
Флоренцию? Что вызвало раздор? —
Ответил он: — «Польется кровь ручьями,

И с горестью сказал на это он:
— «Я в городе завистливом рожден,
И, прозванный людьми его Чиакко,
Я за вину обжорства осужден
Томиться здесь под ливнем в царстве мрака».

(«Ад», Песнь 6)

И партия лесная[6] даст отпор
Противникам и будет над врагами
Торжествовать в течение трех лет.
Но тут пришлец[7] появится меж нами,
Которого в стране покуда нет,
И перевес в борьбе доставит Черным[8].
Их партия насилиям позорным
Подвергнет всех враждебных ей в краю.
Вот почему в тоске я слезы лью.

Во всей стране есть праведников[9] двое,
Но гражданам неведомы они,
И раздувают пламя роковое
Во всех сердцах три адских головни:
Гордыня, зависть и любостяжанье».

Я вопросил: — Скажи, где пребыванье
Арриго, Рустикучи и других?
Где Моска, Тегиайо[10]? Встречу их
На небесах иль в огненной пучине? —
И отвечал он: — «Все они доныне
Заключены в лежащий ниже круг,
Где более грехов и больше мук;
Там встретишь их в безрадостной их доле,
Когда ж к родной вернешься стороне,
Согражданам напомни обо мне!
Я отвечать тебе не в силах боле».
И, посмотрев с минуту на меня,
Он снова пал меж прочих ослепленных[11].
Наставник мой взглянул на осужденных
И молвил так: — «Не встать ему до дня,
Пока труба Архангела не грянет,
А с нею зла Гонитель не восстанет.
В могильный прах вернутся все тогда,
И там, приняв свой вид первоначальный,
Все будут ждать последнего суда».

Так под дождем в толпе теней печальной
Мы шли вперед, и молвил я: — Тогда
Умножится иль уменьшится мука? —
И он сказал: — «Ответ дает наука:
Чем совершенней наше существо,
Тем более доступно для блаженства
И горестей. Далек от совершенства

Их жалкий род, но жаждет он его
И в помыслах своих стремится к благу».
О чем еще в дороге речь вели —
Я умолчу. Так к спуску подошли
И Плутоса[12] мы увидали, скрягу.

Флоренция. Мост через реку Арно

Примечания к шестой песне

[1] Данте не объясняет, каким образом перешел он из второго круга в третий

[2] Подобно Харону и Миносу, Цербер, адский пес, превращен в демона Лай его оглушает грешников, это — голос их совести

[3] Тени в аду не совсем освобождены от земли; они имеют человеческий образ, хотя Данте попирает их ногами, как грязь

[4] Флоренция

[5] Чиакко, Чакко — уменьшительное от Джакомо — означает на флорентийском наречии «свинья» Так звали известного обжору

[6] В г. Пистойе с 1296 г существовали две партии, Черных и Белых, которые образовались вследствие раздоров в семье Канчелльери, разделившейся на две линии, одни по имени матери Бианки, назывались Белыми, а члены другой — Черными В 1300 г обе партии перенесли свою деятельность и вражду во Флоренцию, и во главе Черных стал Корсо Донати, во главе Белых — Виеро Черки Во Флоренции поднялась ужасная смута, так как весь город принял участие в борьбе Белых и Черных Флоренция управлялась тогда приорами, которые избирались по шесть человек на каждый год, причем каждый из этих шести был у власти в течение двух месяцев Данте тоже исполнял обязанности приора с 15 июня по 15 августа 1300 г., и по его рекомендации совет приоров изгнал из Флоренции в 1301 г как Черных, так и Белых Черные обратились за помощью к папе Бонифацию VIII, а Белым разрешено было вернуться во Флоренцию. Бонифаций VIII принял сторону Черных и отправил во Флоренцию для восстановления внутреннего мира и порядка Карла Валуа, брата французского короля Филиппа Красивого Но тот вскоре ввел за собою в город вооруженное войско, которым воспользовались Черные, чтобы изгнать в 1304 г Белых, среди которых находился и Данте Партию Белых Данте называет потому «лесной», что глава ее, Виеро Черки, был уроженец лесной провинции Валь ди Ниоволе.

[7] Карл Валуа, брат короля Французского, пришедший на помощь Черным

[8] Во главе их стоял Корсо Донати

[9] Сам Данте и Гвидо Кавальканти — друг его.

[10] Названные здесь лица были знаменитыми флорентийскими гражданами того времени, они были весьма почитаемы, но имели массу тайных пороков, за которые Данте помещает их в различные круги ада (см. «Ад», песнь десятая)

[11] Слепые духом

[12] Плутос — бог богатства У Данте он — демон и стоит у входа в четвертый круг, где казнятся скряги и расточители

Песнь седьмая

Плутос стремится преградить поэтам дорогу, но Вергилий, обращаясь к нему, упоминает имя архангела Михаила, свергнувшего восставших ангелов, и Плутос падает пред ним ниц. Поэты входят в *четвертый* круг, где томятся скупые и расточители, причем в виде наказания они перетаскивают с места на место огромные тяжести и, столкнувшись друг с другом, вступают в яростный бой. Данте желает подробно узнать об именах этих грешников, но Вергилий, упомянув только о том, что это главным образом папы и кардиналы, говорит, что споры их будут продолжаться до Страшного суда. Кроме того, Вергилий говорит о непрочности человеческого счастья, об обманчивости фортуны. Затем оба отправляются дальше и на границе *пятого* круга подходят к грязному болоту Стикс, где мучаются души грешников, предававшихся необузданному гневу и лени. Эти грешники борются друг с другом, утопая в болоте, а Данте и Вергилий, продолжая свой путь, приближаются к башне.

Papé Satan, papé Satan, aleppe[1]!! —
Так голосом охрипшим возопил,
Встречая нас в своем зловещем склепе,
Тот, кто врагом всех человеков был.
Но молвил мне учитель благородный:
— «Откинь боязнь! Открыт нам путь свободный,
Препятствовать он не имеет сил». —
И Плутосу он молвил: — «Волк негодный[2],
Прочь! Задохнись от ярости бесплодной!
Спускаемся мы в бездну потому,
Что есть на то оттуда дозволенье,
Где Михаил поверг мятежных тьму».

И тотчас же, как парус в миг крушенья,
Так Плутос пал пред нами до земли,
И молча мы в четвертый круг вошли.

(«Ад», Песнь 7)

И тотчас же, как парус в миг крушенья,
Так Плутос пал пред нами до земли,
И молча мы в четвертый круг вошли,
Все приближаясь к берегу страданий,
Вместившему в себе мирское зло.
О, сколько я увидел там терзаний
И за грехи казнимых тяжело!
Подобные мятежному прибою
Харибды волн, встречаясь меж собою,
Там грешники вступали в лютый бой.

И, высшему покорны правосудью,
Со всех сторон, несметною толпой,
Они везли, в них упираясь грудью,
Огромнейшие тяжести и, вмиг
Столкнувшися, вдруг поднимали крик,
Озлобленно друг друга упрекая:
— «К чему держал?» — «А ты бросал зачем?»
И так, конца пути не достигая,
Встречалися безумцы лишь затем,
Чтоб разойтись во гневе и бесплодно
Опять в кругу вращаться безысходно.
И, жалостью объятый без границ,
Промолвил я: — Среди стоящих слева
Я узнаю толпу духовных лиц. —
Ответил он: — «Не убояся гнева
Господнего, безумцы в слепоте
Платили дань греховной суете
И в мотовстве не ведали предела.
Другими же, наоборот, владела
Иная страсть: здесь моты и скупцы
Заключены в различные концы.
Меж бритыми[3], которых здесь немало, —
И папу ты найдешь, и кардинала».
Я вопросил: — Узнаю ль я черты
Хоть одного из них? — И он ответил:
— «Настолько их порок собой отметил,
Что никогда их не признаешь ты.
К слепой борьбе направлены их силы,
И в судный день восстанут из могилы,
Среди пустых проклятий и угроз,
Те — сжав кулак и эти — без волос.
Утратили блаженство мот и скряга,
На вечную борьбу осуждены.

Со всех сторон, несметною толпой,
Они везли, в них упираясь грудью,
Огромнейшие тяжести и, вмиг
Столкнувшися, вдруг поднимали крик...

(«Ад», Песнь 7)

Ты видишь сам, как преходящи блага,
Которые Фортуною даны,
Слепой со дня рождения Фортуной.
Тщеславные — мы ими дорожим,
Пожертвовать мы всем готовы им,
А между тем все золото в подлунной
Не облегчит ни на единый миг
Страданья душ, которых здесь постиг
Господень суд». — Но кто Фортуна эта,
Судьбу людей держащая в когтях? —

Я вопросил у мудрого поэта.
И молвил он: — «Находится в сетях
Неведенья рассудок наш доселе.
Творец миров, в Своей премудрой цели
Создавши сонм бесчисленных светил,
Меж ними свет равно распределил,
А благами земными управленье
Могущественной силе Он вручил.
И, несмотря на наши ухищренья,
Сокровища и блеск своих щедрот,
Она то тем, то этим раздает,
Из одного в другое поколенье.
Фортуною зовет ее народ,
Пред ней земное знание — ничтожно,
Она царит и правит непреложно,
Подвластно все той силе роковой,
Таящейся, как змеи меж травой.
Не уследить Фортуны перемену,
И новому новейшее на смену
Несет она. Богиня такова,
Которую порой хулят свирепо.
И те, кого она дарила слепо,
Но ей ничто — проклятия слова;
Среди других созданий совершенных
Она царит в селениях блаженных
Всевластная над сферою земной.
Теперь же в круг тягчайшего возмездья
И горших мук ты спустишься со мной.
Уж к западу склоняются созвездья,
А медлить мы не можем на пути».

И так, весь круг успевши обойти,
Приблизились мы к берегу потока.

— «Ты видишь тех, — промолвил благосклонный
Учитель мой, — кто злобы исступленной
Обуздывать при жизни не умел».

(«Ад», Песнь 7)

Вода его, бежавшая глубоко,
Была черна скорее, чем мутна.
Образовав у самого истока
Болото Стикс, вливалася она
В него струей. И много обнаженных
Людских теней, в болото погруженных[1],
Увидел я. Сжимая кулаки,
Они дрались руками и ногами,
И головой, и острыми зубами
Старались рвать друг друга на куски.
— «Ты видишь тех, — промолвил благосклонный

Учитель мой, — кто злобы исступленной
Обуздывать при жизни не умел.
Другую часть[5] постиг иной удел:
Они навек погружены в трясину,
И вздохи их собой колеблют тину.
Прислушайся к их стону под водой:
«Мы светлый день безумно омрачали
Души своей преступной чернотой
И ныне здесь терзаемся в печали».

Я понимал их жалобы с трудом —
Они из тьмы, как кваканье, звучали.
Так, обогнув болото меж прудом
И высохшей рекою неглубокой,
Предстали мы пред башнею высокой.

Город Пистойя

Примечания к седьмой песне

[1] По мнению одних, эти слова означают: «Явись, сатана, во всем блеске своего величия». Другие же утверждают, что в них нет никакого смысла.

[2] В песне первой волчица является эмблемой скупости Плутос — бог богатства, бог скупцов; поэтому Данте называет его волком.

[3] Католическое духовенство бреет себе темя.

[4] Поэты приходят в пятый круг, где казнятся души одержимых гневом.

[5] Речь идет о завистниках, таивших в душе своей, как медленный огонь, зависть и ненависть.

Песнь восьмая

Когда Данте и Вергилий увидели башню, на ее вершине мелькнули два сигнальных огня, на которые ответил третий огонек с болота, и к путникам бесшумно примчался на своей ладье Флегиас. Они садятся в ладью и переплывают через болото Стикс, но по пути перед ними возникает из воды тень флорентийца Филиппа Ардженти, который хочет опрокинуть ладью, но его отталкивает Вергилий. Поэты плывут далее и среди страшных криков достигают адского города Дис, окруженного башнями, из которых вырывается огонь. Они пытаются войти в город, но сонмы падших ангелов преграждают им путь. Вергилий берется один пройти через ворота адского города, оставив, по приказанию грешных ангелов, Данте; это ему не удается, и он возвращается. Вергилий смущен неудачей, но выражает надежду на то, что к ним обоим скоро придет небесная помощь.

Я продолжаю вновь повествованье[1].
Над башней той два ярких огонька
Блеснули нам еще издалека,
И, им в ответ, на дальнем расстоянье
Зажегся вдруг и третий огонек;
Он теплился во мраке одинок.
И я сказал: — Великий кладезь знанья,
Наставник мой! Что значат те огни
И кем во тьме затеплены они? —
Ответил он: — «За дымкою болотной
Ты разглядеть не можешь челнока?»
Я поглядел. Стрелою быстролетной,
Быстрей ее и более легка —
Неслась ладья, и управлявший ею
Нам закричал: — «А! В жизни согреша,

Явилась ты, преступная душа?»
— «Обманут ты надеждою своею, —
Сказал поэт, — пришли мы, Флегиас[2],
Лишь для того, чтоб переправил нас
Ты на берег зловонного болота».

Как человек, лишившийся чего-то,
К чему давно стремился сердцем он, —
Так Флегиас издал тяжелый стон;
Когда же я и мой учитель сели,
То погрузилась глубже, чем доселе,
Ладья его под тяжестью моей[3].
Пока гребец лишь находился в ней,
Она в воде сидела неглубоко;
Не бороздя безмолвного потока,
Неслась она; теперь же по воде
Струился след, подобный борозде.
Вдруг, вынырнув над мертвою пучиной,
Явилась тень, покрыта грязной тиной,
И молвила: — «Кто ты и для чего
Явился к нам, свой срок предупреждая?»
Ответил я: — Пришел не навсегда я
И вновь уйду из мрака твоего,
Но кто же ты — столь видом безобразный? —
Ответил он: — «Скорбя я слезы лью».
И молвил я: — Скорби же, призрак грязный!
Лицо твое я ныне узнаю. —
Тогда, схватясь руками за ладью,
В ее края вцепился он безумно,
Но оттолкнул его благоразумно
Учитель мой, сказав ему: — «Иди
К проклятым псам, ревущим в дикой злобе!» —
И продолжал, прижав меня к груди:

Когда же я и мой учитель сели,
То погрузилась глубже, чем доселе,
Ладья его под тяжестью моей.

(«Ад», Песнь 8)

— «Хвала душе и благо той утробе,
Которая тебя произвела
На Божий свет! Душа твоя светла,
А эта тень, в которой дух гордыни
Свирепствует, дух ярости и зла,
Терзается их муками доныне.
О, сколько тех, кто прежде был велик,
Князей, вельмож, надменнейших владык —
Влачатся здесь, подобно жалким гадам,
Среди болот, в грязи, дышащей смрадом!..»
— Но прежде, чем достигнем мы конца, —

Промолвил я, — паденье гордеца
Увидим ли, чья тень в геенну канет?
— «Когда ладья у берега пристанет», —
Ответил он. И, мысленно Творца
Благодаря, я видел, как умчала
Безумного толпа других теней.
— «Филипп Ардженти!»[4] — слышалося в ней.
— «Сюда его!» — И зубы, словно жало,
В себя вонзив, он тело ими грыз.

Вдруг издали донесся вопль ужасный
И молвил мой наставник: — «Это — Дис[5],
Мучений град, проклятый и несчастный».
И молвил я: — Учитель, в глубине
Долины той я вижу стены башен,
Как будто бы пылающих в огне. —
Ответил он: — «Неугасим и страшен,
Им придает багровый отблеск он,
Их окружив кольцом со всех сторон».

В ее края вцепился он безумно,
Но оттолкнул его благоразумно
Учитель мой, сказав ему: — «Иди
К проклятым псам, ревущим в дикой злобе!»

(«Ад», Песнь 8)

Минуя рвы, мы приближаться стали
К твердыням тем, что вылиты из стали
Казалися. Достигнув адских врат,
Сказал гребец: — «Мы к берегу пристали,
Идите же!» — И, ужасом объят,
Увидел я мятежников, восставших
На Господа Всевышнего[6] и павших
Сюда с небес как ливень или град.
И демоны воскликнули надменно:
— «Кто из живых решился дерзновенно
Войти сюда, где царство мертвецов?»
И дал понять мудрейший из певцов,
Что втайне им желает молвить слово,
Но демоны ответили сурово:
— «Вступи один в таинственный предел,
А кто с тобой сюда явиться смел —
Пускай один вернется, если может».
И ужас мной мгновенно овладел.
Кто выбраться отсюда мне поможет?
— Наставник мой, — промолвил я с мольбой, —
Семь раз в пути я был спасен тобой,
Не покидай в тяжелом затрудненье
Меня и впредь, и, если доступ в Ад
Нам воспрещен, пойдем со мной назад! —
Ответил он: — «Имеем дозволенье
От Господа, не бойся же преград
И жди меня с надеждою глубокой!»
Так говорил мне с ласкою поэт;
Он отошел, и в скорби одинокой
Остался я. Боролись да и нет
В душе моей. Что молвил адской своре
Наставник мой — не ведаю того,
Но видел я: не пропустив его,

.....Достигнув адских врат,
Сказал гребец: — «Мы к берегу пристали,
Идите же!» — И, ужасом объят,
Увидел я мятежников, восставших
Иа Господа Всевышнего...

(«Ад», Песнь I)

Захлопнулись врата пред ним, и вскоре
Вернулся он с унынием во взоре,
С нахмуренным челом и произнес:
— «Кто предо мной в обитель вечных слез
Закрыл врата?[7] Но не смущайся! ведай,
Что искус тот я выдержу с победой.
Мятежников отвага не нова,
Случилось так пред первыми вратами
У входа в Ад, где грозные слова

Написаны зловещими чертами.
Там демонов отчаянный отпор
Был побежден могучими врагами,
И с адских врат навеки пал затвор.
Но чувствую, что некто[8] вслед за нами
Спускается с горы через проход
И крепости для нас откроет вход.

Мессинский залив (Сцилла)

Примечания к восьмой песне

[1] Существует предание, что во время изгнания Данте рукопись его затерялась и лишь впоследствии он получил ее обратно. Словами «Я продолжаю» он связал нить прерванного рассказа.

[2] Флегиас был царем Лопитским и сжег храм Аполлона. Данте смотрел на него как на вольнодумца и потому сделал его перевозчиком, переправляющим грешные души в город Дис, где помещаются безбожники.

[3] Данте как живой человек своим телом обременил ладью, предназначенную для перевоза теней.

[4] Богатый флорентиец, известный своим бешеным нравом. Он принадлежал к партии Черных, личных врагов Данте.

[5] Адский город, названный Дис, от имени Плутона или Люцифера, составляет шестой круг Ада, отделенный от пятого, болотистого Стикса стеной и рвами.

[6 7] Здесь Данте видит ангелов, восставших против Бога и свергнутых вместе с их вождем Люцифером в Ад. Они яростно заграждают вход в адский город Дис пришельцу, который руководствуется разумом. Они готовы принять Вергилия (олицетворение разума), чтобы овладеть им и лишить того странника, которым он руководит, возможности выйти из Ада. Они страстно хотят отпустить Данте одного, без Вергилия (разума), так как каждый человек, лишенный разума, легко впадает в заблуждение, которое наказывается именно в городе Дисе. Вергилий говорит демонам о том, что он и Данте находятся под защитой высшей воли, но падшие ангелы отказываются подчиниться разуму, как только слышат о необходимости повиновения Богу. Вергилий не теряет надежды проникнуть в Дис, полагаясь на помощь свыше и небесную силу, которая всегда является защитницей правды.

[8] Ангел небесный.

Песнь девятая

Вергилий и Данте, устрашенные, стоят перед закрывшимися вратами адского города Диса, и Вергилий рассказывает о том, как он уже спускался в самый нижний круг ада. В это время на вершине башни появляются три фурии — Мегера, Алекто и Тизифона, которые раздирают себе когтями тело, призывая в то же время Медузу, для того чтобы она вместо Тезея отомстила Данте. Вергилий закрывает своей рукой глаза Данте, чтобы он не видел Медузы, так как за этим обычно следует ослепление. Начинается страшный вихрь: души грешников волнуются, на гребнях волн Стикса появляется архангел Михаил, вооруженный мечом. Он подымает свой жезл и открывает перед поэтами врата, ведущие в Дис, в котором наказываются еретики, сектанты и не верующие в Бога, заключенные в огненные могилы. Это *шестой* круг Ада.

Наставника увидев моего
Бледнеющим, я стал бледней его.
Остановясь и устремляя взгляды
В густую мглу, прислушался поэт.
— «Низвергнем мы и сокрушим преграды, —
Промолвил он, — а если... если нет?
Но помощь нам обещана... чего же
Так медлит он?» И с чувством тайной дрожи
Прислушивался я к его словам,
Зловещий смысл угадывая там.
Я попросил учителя и друга:
— Из первого вступительного круга,
Где грешными надежда навсегда
Утрачена, — спускался ли сюда
Хотя один? — Ответил он: — «Доныне

Немногие спускалися к долине,
Где мы стоим. Однажды я сходил;
Эрикто[1], злой волшебницею, был
Я послан в круг, где мучится Иуда,
И должен был я вывести оттуда
Одну из душ. Он в самой глубине
Расположен, и путь известен мне.
Болота же, исполненные смрада,
Оградою являются для града,
Куда войти без бою нам нельзя».

Он говорил и многое другое,
Но я глядел на пламя роковое,
Которое взвивалося, грозя,
Над башнями и озаряло стены.
Явились там три Фурии геенны,
Имевшие свирепых женщин вид.
Их мощный стан был гидрами обвит;
Не волосы им падали на плечи,
Но кольца змей. И мне такие речи
Вещал поэт: — «Ты видишь Эвменид.
Царицы плача[2] верные рабыни —
Все три: вон ту Мегерою зовут,
Вторую же — Алекто, посредине
Увидишь ты и Тизифону тут».
Он замолчал, они же с диким криком
Царапали себе лицо и грудь.
И в ужасе склонился я великом
На грудь певцу: я не дерзал взглянуть.
Они меж тем взывали исступленно:
— «Горгона[3] к нам! Тезею[4] неуклонно
За дерзкое вторженье отомсти!» —
И мне сказал учитель: — «Отврати

Вещал поэт: — «Ты видишь Эвменид.
Царицы плача верные рабыни —
Все три: вон ту Мегерою зовут,
Вторую же — Алекто, посредине
Увидишь ты и Тизифону тут».

(«Ад», Песнь 9)

Лицо твое, закрой руками очи!
Кто увидал Горгоны страшный лик —
Пребудет тот навеки в царстве ночи».
И собственной рукою в тот же миг
Глаза мои закрыл он — для спасенья
Меня от зла. Сокрытое значенье
И тайный смысл последних этих слов
Поймут ли те, кто жаждут поученья?[5]

Достигнув врат, доселе неприступных,
Он поднял жезл — и те раскрылись вмиг.

(«Ад», Песнь 9)

Из глубины бушующих валов
Тем временем пронесся на просторе
Зловещий гул, потрясший берега.
Так ураган, как будто на врага,
Ударя вдруг, в садах и темном боре
Ломает все: от ветвей до плода
И, пастырей пугая и стада,
Со всех сторон вздымая прах летучий,
Несется вдаль, надменный и могучий.

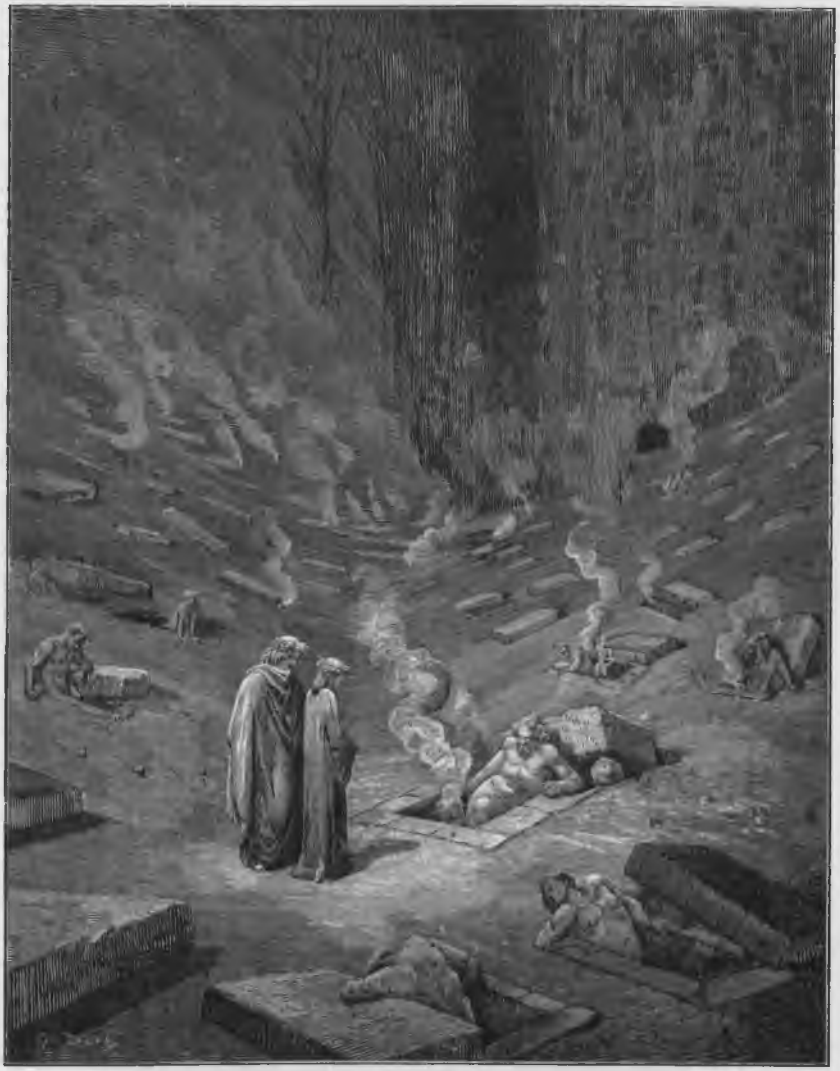
И молвил вождь: — «Теперь гляди туда,
Где гуще мгла, и ты увидишь души

Преступные, которые дрожа
Спасаются, как жабы от ужа,
Пред ангелом, идущим, как по суше,
Чрез грязный Стикс, не замочивши ног».

И ангел шел. Величественно строг,
Он отстранял руки своей движеньем
Густую мглу, и я с благоговеньем
Пред ним челом в смущении поник.
Как гневен был его прекрасный лик!
Достигнув врат, доселе неприступных,
Он поднял жезл — и те раскрылись вмиг.
И молвил он: — «Изгнанников преступных
Мятежный род! Как пробудиться в вас
Могло опять стремление к крамоле?
Противиться дерзаете ли воле,
Мятежников каравшей много раз?
Не в первый раз удары вам наносит
Всесильный рок, и Цербер, адский пес,
Следы борьбы[6] досель на шее носит».

Он эту речь спокойно произнес
И вновь пошел дорогою обратной,
Как человек, что в мысли погружен.
Подкреплены той речью благодатной,
В проклятый град, который населен
Виновными, вошли мы без преграды.

Куда бы мы ни устремляли взгляды,
Я видел плач и скорбь со всех сторон.
И, как холмов волнистые извивы
Вздымаются у Роны берегов,
Близ Арля[7], там, где, сонны и ленивы,



Ответил он: — «За мерзость лжеученья
Казнятся здесь огнем еретики
И все, кто шел дорогой их бесславной».

(«Ад», Песнь 9)

Текут струи — так, словно ряд холмов,
Но более печальны и унылы,
Виднелись тут раскрытые могилы.
Везде огонь змеился меж могил;
Пылающий сильней, чем пламя горна,
Гробницы он охватывал упорно
И докрасна их камень раскалил.

Разверстыми стояли эти гробы,
И вопли мук, отчаянья и злобы
Неслись из них. — Учитель, велики, —
Промолвил я, — несчастных преступленья?
Ответил он: — «За мерзость лжеученья
Казнятся здесь огнем еретики
И все, кто шел дорогой их бесславной.
Раскалены — но в степени неравной —
Гробницы их, где каждый заключен
Из грешников».
И, молвив это, он
Вдруг повернул и правой стороною
Среди могил пошел вперед со мною.

Река Рона у города Авиньона

Примечания к девятой песне

[1] Фессалийская колдунья, обладавшая способностью вызывать тени умерших

[2] Геката, или Прозерпина, на Олимпе чтимая как Луна, или Диана

[3] Медуза, одна из прекрасных горгон, была обольщена Нептуном в храме Паллады, за что богиня превратила ее волосы в змей, а голову, отсеченную Персеем, поместила на своем щите, дав ей силу превращать в камень каждого, кто взглянет на нее

[4] Тезей вместе со своим другом Перитосом решил похитить Прозерпину, богиню Ада; в наказание за это фурии заковали их в цепи, из которых Тезея высвободил Геркулес. Поэтому фурии, не успев наказать Тезея, горят желанием мести и приглашают друг друга направить свою месть на Данте, который, имея в виду счастливое освобождение Тезея из адских цепей, решился сойти в Ад

[5] Смысл этого места, а также всей девятой песни комментаторы объясняют различно Есть мнение, что Данте в образе фурий олицетворял фанатизм и ожесточение, которыми всегда отличались еретики, а в лице Медузы — ересь, которая готова вовлечь в свои заблуждения каждого, кто обратит на нее свое внимание. С другой точки зрения, в образе Медузы видится символ могущества духовного греха, отчуждающего душу от праведной жизни и Бога, вследствие чего каждый человек должен пользоваться всеми силами ума, чтобы не быть вовлеченным в этот грех Поэтому-то и Вергилий, являющийся во всей поэме олицетворением разума, столь тщательно защищает Данте от лицезрения Медузы.

[6] Согласно мифу Геракл наложил цепь на шею Цербера. Геракл же освободил Тезея, прикованного к скале за то, что он дерзнул сойти в Ад Цербер тут понимается как символ строптивости, т. е. самого Люцифера

[7] Город в Провансе на реке Роне, где она, умеряя быстроту течения, образует по берегам болота; близ него расположено знаменитое в Средние века кладбище христиан

Песнь десятая

Проходя среди огненных могил *шестого* адского круга, Данте спрашивает Вергилия, может ли он увидеть заключенных в этих могилах. Вергилий говорит, что открытые теперь могилы закроются в день Страшного суда в Иосафатовой долине и что в них похоронены последователи учения Эпикура. В это время из одной могилы появляется призрак Фаринаты дель Уберти, говорящего о борьбе гвельфов и гибеллинов; за ним показывается Кавальканти, отец друга Данте — Гвидо Кавальканти, приходящий в отчаяние от предположения о смерти сына. Фарината продолжает говорить о своей любви к отечеству и подвигах, совершенных им для его спасения, и предрекает Данте его изгнание из Флоренции. Выслушав все это, Данте, смущенный, возвращается к Вергилию, напоминающему о Беатриче, которая должна указать путь к вечному блаженству. Затем оба поэта отправляются в центр города Диса, глубокую долину, наполненную ужасными испарениями.

Так, узкою тропою проходя
Вослед ему, я вопросил вождя:
— О, высший ум! Твоей покорен воле,
Я странствую с тобой из круга в круг.
Гробницы всех, лежащих в этом поле,
Открыты нам, и стражи нет вокруг.
Могу ль со словом к теням обратиться?

Ответил он: — «Гроба должны закрыться,
Когда сюда тех души прилетят,
Чей прах лежит в полях Иосафата[1].
Вот Эпикур[2], прославивший разврат,
Учения которого гласят,

Но он сказал: — «Смотри же! Фарината —
Перед тобой. Его от головы
До пояса увидишь ты!»

(«Ад», Песнь 10)

Что с телом дух погибнет без возврата.
Здесь из могил узнаешь обо всем,
Что спрашивал, и многое, о чем
Ты умолчал». — Учитель! — прерывая,
Воскликнул я. — Молчу лишь потому,
Что следую завету твоему,
Тебе во всем открыться не дерзая.

— «Остановись, тосканский гражданин!
В речах своих ты скромен и прекрасен.
Ты — родины благословенный сын,
Которой я был некогда опасен!» —
Со дна могил раздался этот крик,
И в страхе я к учителю приник,
Но он сказал: — «Смотри же! Фарината[3] —
Перед тобой. Его от головы
До пояса увидишь ты!» Увы!
Он предстоял — прославленный когда-то —
Моим очам! Его надменный взгляд
С презрением взирал на самый Ад.
Когда к нему приблизились мы оба,
О краткости в беседе с ним певец
Напомнил мне. И дух спросил из гроба:
— «Кого зовешь ты предками, пришлец?»[4]
Я отвечал по истине. И, брови
Свои подняв, он вымолвил: — «Всегда
Разъединяла личная вражда
Твой род со мной. Лилось немало крови
В боях, и сам я дважды на войне
Их поражал, пришлося дважды мне
Их присуждать к изгнанью». — Фарината, —
Ответил я, — они возвращены,
А ты в огне томишься без возврата.

Но тут с другой поднялся стороны
Печальный дух коленопреклоненный
И, убедясь, что я — один пред ним,
Сказал в слезах, отчаяньем томим:
— «Ты, гения величьем вдохновленный,
Проникнул в мир незрячий и немой.
Скажи, зачем мой Гвидо не с тобой?»
— Я прихожу не собственною властью, —
Несчастному отцу я отвечал, —
— Со мной певец, которого, к несчастью,
Не оценив, твой Гвидо презирал.

Я знал, кто был со мною говорящий[5],
Но, услыхав из уст моих ответ,
Он поднялся, испуганный, дрожащий:
— «Как? Презирал? Так, значит, больше нет
Его в живых? Сияние денницы
Не видит он?» — С печалью без границы
Он вопрошал в лице моем судьбу,
Но, увидав, что медлю я ответом,
Он замертво упал в своем гробу.

Другой же дух, присутствуя при этом,
Глядел на все и, оставаясь тверд,
Проговорил, несокрушимо горд:
— «Мой славный род в изгнанье, на чужбине,
И мысль о том невыносимей мне,
Чем эта казнь в пылающем огне.
Но не блеснет лучистый лик богини[6]
Полсотни раз, как в чуждой стороне
Изгнанью ты подвергнешься в кручине.
За что твой род преследует меня —
В семье моей?» — Кровавая резня

Близ Арбии в народе не забыта, —
Ответил я. — «Но я не без причин
В сраженье шел! — тосканский гражданин
Ответил мне. — Зато лишь я один
Флоренцию отстаивал открыто».

— Пускай твои потомки обретут
Покой и мир, — сказал я Фаринате, —
Но мысль мою освободи от пут!
Сподобившись прозренья благодати,
В грядущем ты читаешь о судьбе
Людей и стран; неведомо тебе
Лишь то, что есть. — Ответил он в волненье:
— «Подобно тем, чье ослабело зренье,
Мы видим все, что издали от нас;
Ближайшее для дальнозорких глаз
Невидимо, и если перед нами
Закроются грядущего врата —
То взоры нам объемлет темнота».

И молвил я дрожащими устами,
С раскаяньем: — Собрату твоему,
Который здесь расспрашивал о сыне,
Ты возвести, что сын его доныне
Живет еще, о чем сказать ему
Я не успел, сомненьями томимый,
Которые разрешены тобой. —
Но тут певец позвал меня с собой,
И я просил, чтоб вождь непобедимый
Мне краткими словами объяснил,
Кто были те, чью участь он делил?
Ответил он: — «За этою стеною —
И Фридрих[7] сам, и кардинал[8] со мною.
Я тысячи других не назову».

Задумчиво склонив свою главу,
К поэту я приблизился уныло.
Он вопросил: — «Что разум твой смутило?»
Я повторил услышанную речь,
И молвил он, стремясь предостеречь
Меня от зла: — «Все то, что возвестила
Героя тень, ты в сердце сохрани!
Какие ждут тебя в грядущем дни —
Узнаешь ты из уст безгрешно чистых
Избранницы[9]. Очей ее лучистых
Небесный взор всевидящ и глубок».

И дальше он меня с собой увлек,
И, позади оставив эти стены,
Тропинкою спустившись вдоль горы,
Направились мы в самый центр геенны,
Где смрадные клубилися пары.

Город Сиена

Примечания к десятой песне

[1] Место Страшного суда, как говорит пророк Иоил. Туда соберутся все племена земные, и оттуда души вместе с телами возвратятся в страну блаженства или осуждения

[2] Эпикур помещен в число еретиков, так как учил, что душа умирает вместе с телом

[3] Победитель при Арбии, глава партии Черных — гибеллинов. Данте не потому поместил в Аду этого славного воина, что Фаринata опорочил себя каким-нибудь преступлением, а исключительно за его атеистический образ мыслей До 1248 г. во Флоренции господствовали гибеллины, но в 1250 г народ, недовольный их правлением, призвал вновь гвельфов, которые изгнали гибеллинов, удалившихся в город Сиену. Флоренция была сильно укреплена, стала процветать и достигла высокого благосо-

стояния Но гибеллины не могли успокоиться и обратились за помощью к сицилийскому королю Манфреду, который, покровительствуя гибеллинам, дал им восемьсот рыцарей Последние вместе с гибеллинами и сионцами осадили город Монтальчино. Во главе их встал Фарината дельи Уберти, знаменитый полководец Флорентиицы были тоже вовлечены в эту войну, и окончательное сражение произошло у холма Монтанерти при Арбии Здесь флорентийцы были побеждены и в 1260 г принуждены были открыть ворота своего города гибеллинам, снова захватившим власть Последние решили срыть все укрепления Флоренции, но против этого восстал Фарината, благодаря которому, следовательно, Флоренция была спасена, чем он и гордится, по словам Данте, находясь уже в Аду Гибеллины продержались во Флоренции только до 1267 г., когда они окончательно были изгнаны оттуда и главенствующее положение заняли гвельфы

[4] Предки Данте принадлежали к партии гвельфов — Белым — и были изгнаны из Флоренции два раза: в 1248 г. и затем в 1260 г после сражения при Арбии (см. выше); вернулись они в родной город в 1267 г

[5] Тень Кавальканте Кавальканти, отца Гвидо Кавальканти, философа и поэта, друга Данте Подслушав разговор Фаринаты с Данте Кавальканти заключает, что если поэт мог проникнуть в ад, опираясь на силу своего таланта, то и Гвидо, в качестве философа, должен находиться с ним. На это певец возражает, что ведет его не высота таланта, но Вергилий (разум), не всегда руководящий людьми даровитыми.

[6] Луна, называвшаяся в мифологическом Аду Прозерпиной Фарината хочет сказать, что не пройдет и пятидесяти месяцев, как сам поэт будет изгнан Предполагаемый разговор происходил в 1300 г., а в 1302 г уже состоялось изгнание Данте из Флоренции.

[7] Император Фридрих II Барбаросса Он держался эпикурейского образа мыслей и вел ожесточенные войны с папами, за что Григорием IX был отлучен от церкви.

[8] Кардинал Оттавиано дельи Убальдини, ревностный гибеллин, прозванный просто Кардиналом Он был известен своим безверием и отрицанием существования души

[9] Намек на Беатриче. Вергилий, утешая Данте, противопоставляет божественную жизнь житейскому треволнению, говоря, что от Беатриче, которая все созерцает в Боге, узнает он истинный путь в жизни; но вместе с тем он советует запомнить и предсказание Фаринаты

Песнь одиннадцатая

Поэты подошли к зловонной долине и укрываются от ее ужасных испарений на вершине громадной обрушившейся скалы Затем они медленно движутся вперед, и Вергилий, по просьбе Данте, объясняет последнему распределение грехов по кругам Ада Он говорит, что внутри адского города Диса наказываются души тех, кто согрешил насилием, обманом и изменой. При этом за насилие грешники наказуются в трех первых кругах адского города, сообразно с тем, против кого было направлено их насилие: против Бога, против самих себя и против ближнего. За этими грешниками следуют виновные в обмане и, наконец, в измене, подвергающиеся самому жестокому наказанию К числу виновных в насилии против Бога причисляются и ростовщики. С наступлением утра поэты продолжают свой путь.

Кокраине, которую громада
Разбитых скал собою создала,
Скалистая тропа нас привела.
Из пропасти клубились волны смрада,
И мы от них нашли себе приют
За крышкою гробницы. Надпись тут
Увидел я, которая гласила:
«Здесь папы Анастасия могила,
Что в ересь был Фотином[1] совращен».

Сказал певец: — «Здесь воздух заражен
Зловонием, и медленнее надо
Спускаться нам. Но ты не бойся смрада:
Впоследствии привыкнем мы к нему». —
Ответил я: — В течение дороги
Пускай свой ум учением займу. —

И молвил он: — «Да будет по сему!
Внимай же мне! Вот, этих скал отроги
В себе таят три круга роковых,
Что, суживаясь книзу постепенно,
Уходят в глубь. Казнятся неизменно
Там грешники. За что постигло их
Возмездие — узнаешь ты. Причина
И корень зла — неправда; от нее
Идут обман, насилие, кручина,
И род людской погряз в сетях ее;
Обман людей невыносим для Бога,
А потому и наиболе строго
Карается Всевышним. В первый круг —
Юдоль скорбей и жесточайших мук —
Ввергаются насильники. Три вида
Насилья есть: над Богом, над собой
И ближнему тяжелая обида,
Когда ему преступною рукой
Наносит враг удары за ударом
Иль предает добро его пожарам
И грабежу. И каждый лиходей —
Убийца, вор, терзающий людей, —
Томится здесь, в отделе первом круга.
А во втором заключены навек —
Кто самовольно жизнь свою пресек
В порыве мук, безумья иль недуга.
Кто оскорбляет святость Божества,
Произнося хуления слова,
И в Божие не верит Провиденье —
Тот заключен в последнем отделенье,
Отмеченном проклятия клеймом,
Отметившим Каорсу[2] и Содом.
Мучительно обман ложится всякий
На совесть нам, но есть обман двоякий:

Из пропасти клубились волны смрада,
И мы от них нашли себе приют
За крышкою гробницы.

(«Ад», Песнь 11)

Мы лжем тому, кто верит нам душой,
И лжем тому, кто нам не доверяет.
Последний грех собою нарушает
Закон любви, природою самой
В нас вложенный. За лесть и святотатство,
Подлог и ложь, соблазн и колдовство
В кругу втором томятся оттого.
Но тяжелей второго — первый грех.
Не ту любовь, что вложена во всех,
Но лучшую, рождающую братство
С доверием, позорно губит он,
А потому запятнанный изменой
Предательской навеки заключен
У средоточья самого вселенной,
В теснейший круг, где, каждому в пример,
Карается изменник Люцифер».

И молвил я: — Учитель несравненный,
Слова твои усвоил я вполне,
Еще одно, прошу, поведай мне:
Погрязшие среди пучины смрадной,
Бичуемы безжалостно дождем,
И те, кого уносит беспощадно
Холодный вихрь в кружении своем,
А также те, что злобою слепою
Охвачены, враждуют меж собою, —
Зачем они, равно осуждены,
Не вечному огню обречены?
А если нет на них вины великой,
Зачем они караются Владыкой?

Ответил он: — «Под властью смутных дум
Томится твой обычно светлый ум.

Припомни лишь: в высоком поученье[3]
Философ твой так разделяет грех:
Невоздержанье, злобы исступленье,
Плотская жажда чувственных утех.
И первое казнится меньше всех,
А потому и в том грехе виновных,
Их отделив от более греховных,
Обрек Господь, верховный Судия,
Мучениям легчайшим». — Молвил я:
— О, солнца свет, дарующий прозренье!
С тобою мне отрадны и сомненья.
Еще один мне узел рассеки
И мне поведай: чем ростовщики
И лихоимцы оскорбляют Бога? —
Ответил он: — «Кто изучает строго
Учение философов — поймет,
Что в разуме Божественном начало
Берет оно. Искусство в свой черед,
Как ученик, природе подражало.
И, вспомнивши о книге бытия,
Поймешь и ты, как понимаю я,
Что наша жизнь — природа и искусство.
Мздоимцу же возвышенное чувство
Неведомо, и путь его — другой;
Враждует он с природою самой,
И цель его во всем была иною.
Теперь иди, не мешкая, за мною.
На небесах всплывают знаки Рыб[4],
Приблизилася к Кавру колесница,
Сейчас во тьме забрезжит нам денница,
А там внизу я вижу скал изгиб».

Город Каорса

Примечания к одиннадцатой песне

[1] Летописец IX века Анастасий говорит, что папа Анастасий II (496–498 гг.) был совращен фессалоникийским дьяконом Фотином к принятию лжеучения патриарха Константинопольского Акакия; другие же комментаторы предполагают, что здесь нужно подразумевать не папу Анастасия II, а современника его, императора Анастасия I.

[2] Кагор, или Каорса, изобиловал ростовщиками.

[3] Этика Аристотеля.

[4] Из начала второй песни мы знаем, что стало смеркаться, потому говорилось о наступлении полуночи, а теперь Вергилий упоминает о приближении рассвета. Созвездие Рыб предшествовало появлению Солнца, а колесница, т. е. Большая Медведица, приближалась к той части горизонта, откуда дул кавр, северо-восточный ветер.

Песнь двенадцатая

Данте и Вергилий приходят к *первому* отделу *седьмого* круга, о котором уже говорилось в одиннадцатой песне. Их в бешенстве встречает Минотавр, но Вергилий напоминает чудовищу о Тезее, сразившем его, и Минотавр кружится в бессильной злобе. Поэты, пользуясь этим, сходят по камням обрыва, окружающего глубокий ров, наполненный кипящей кровью. Этот ров служит местом наказания виновных в насилии против ближнего. Грешники иногда порываются вынырнуть из моря крови, но их поражают своими стрелами центавры. Из числа последних Несс, Хирон и Фоль бросаются на поэтов, но Вергилию удается успокоить их. Он просит Хирона дать надежного проводника, который мог бы перенести его и Данте на своей спине через море крови. Проводником избирается Несс, и вместе с ним поэты продолжают свой путь и встречают различных тиранов. Последние, в зависимости от степени своей жестокости, находятся на разной глубине кровавого потока, и в самых глубоких местах его заключены и вечно плачут Аттила, Пирр, Секст и другие.

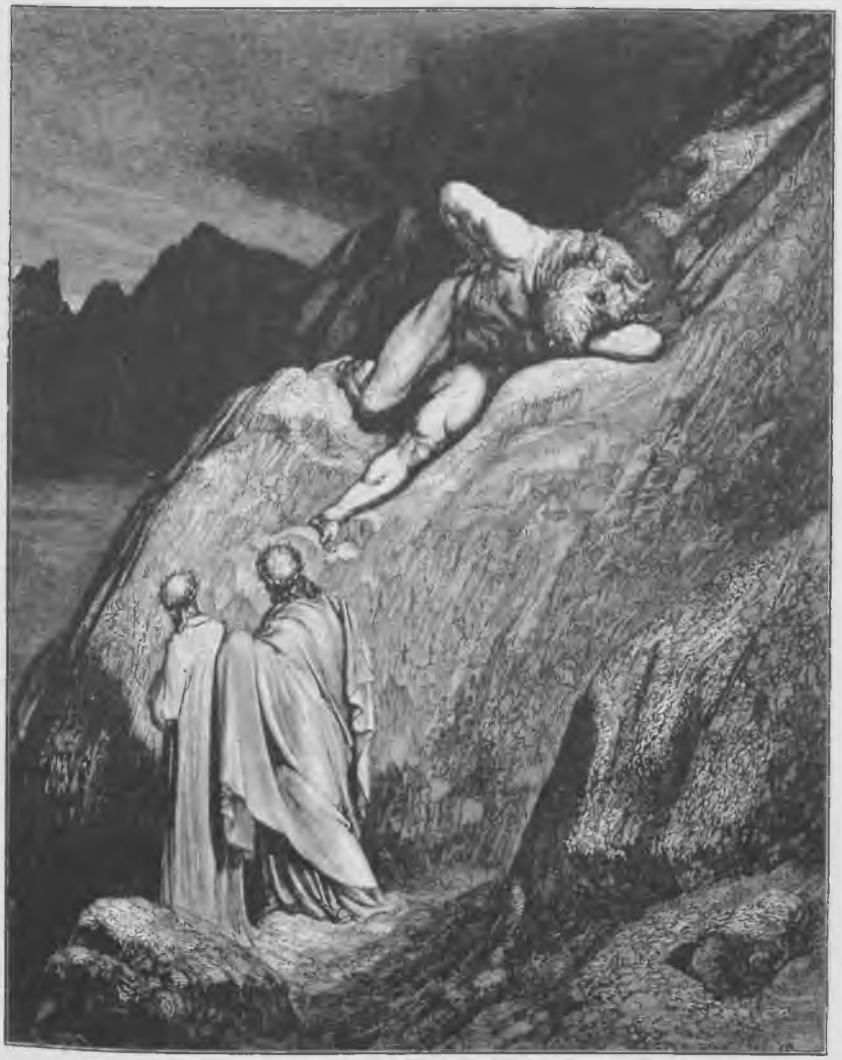
Ужасен был среди отвесных скал
Опасный спуск, и, ужас навевая,
Внизу зияла бездна роковая.
Подобный бездне в Тренто есть обвал[1],
Произвело его землетрясенье,
И неизбежно каждого паденье,
Кто б с высоты спуститься пожелал.

Там, посреди обломков из гранита,
Чудовище — позор и ужас Крита[2],
Которое телицей рождено
Подложною, — предстало нам. Оно
Себя кусало, пеною покрыто.

Вскричал поэт: — «Исчезни, злая тварь!
Перед тобою не афинский царь[3],
Кем на земле повержен ты когда-то,
И не сестрой воздвигнут он на брата;
Явился он, чтоб видеть вашу казнь».

Как дикий бык, врагом смертельно ранен,
Почувствовав и ярость, и боязнь,
Вдруг падает на землю бездыханен —
Так Минотавр метался, исступлен.

Сказал певец: — «Не медли ни минуты!
Покуда гнев его терзает лютый —
Идем вперед!» — Глубоко потрясен,
Я двинулся. Порой среди дороги
Разрыхленной мои скользили ноги.
Я тихо шел, в раздумье погружен,
И молвил вождь: — «Разрушенные ныне
Громады скал, которые теперь
Здесь сторожит смиренный мною зверь, —
Не преграждали мне пути к долине,
Когда сходил впервые я сюда.
Они во прах обрушились, когда
Явился Он[4], каратель злой измены,
Исторгнувший добычу у геенны.
Все дрогнуло. Казалось мне тогда,
Что от любви земля затрепетала,
От той любви, что в хаос повергала[5]
Вселенную. Теперь смотри туда,
Где в глубину кипящего потока
Кровавого погружены все те,
Кто ближнего преследовал жестоко.
Рабы страстей! В безумной слепоте



Там, посреди обломков из гранита,
Чудовище — позор и ужас Крита,
Которое телицей рождено
Подложною, — предстало нам.

(«Ад», Песнь 12)

Вредите вы другим бесчеловечно
С тем, чтобы здесь захлебываться вечно
В крови людей, лишенных бытия!»

Дугообразный ров увидел я,
И между ним и горной крутизною,
С колчаном стрел и луком за спиною,
Там рыскали центавры[6] и, вдали
Увидев нас, в волнение пришли.
Затем вперед их выступили трое
И молвили: — «Ответьте, на какое
Мучение сюда явились вы?
Не то стрелу мы спустим с тетивы!»

Сказал поэт: — «Хирону[7] мы ответим,
Ты в ярости столь не обуздан был,
Что гнев небес ты возбуждаешь этим». —
И, обратясь ко мне, договорил:
— «Ты видишь здесь перед собою Несса[8],
Что Деяниру пламенно любил
И покарал измену Геркулеса.
А вот Хирон, вскормивший Ахиллеса,
И Фол[9], кому безумный свойствен пыл.
Здесь рыщут их несметные отряды
И стрелами пронзают без пощады
Тех, кто дерзает выше выплывать,
Чем это им дозволено грехами».

Завидевши центавров буйных рать,
Спокойно к ней приблизились мы сами.
Тут, бороды чудовищную прядь
При помощи конца стрелы раздвинув,
Сказал Хирон, громадный рот разинув:

С колчаном стрел и луком за спиною,
Там рыскали центавры и, вдали
Увидев нас, в волнение пришли.

(«Ад», Песнь 12)

— «Заметьте вы: идущий позади —
Не дух; под ним каменья осыпались».

Меж тем поэт, приблизясь к той груди,
В которой две природы сочетались,
Ответил так центавру: — «В море зол
Не волею своей он снизошел.
Я — вождь его, а он — душа живая;
Пославшая же нас — в селеньях Рая,
Где сладостен избранников удел.

Во имя добродетели, которой
Приведены мы в бедственный предел
Страдания и тьмы, — будь нам опорой.
Один из вас пусть выступит вперед
И, моего товарища на плечи
Свои подняв, его перенесет».

И, выслушав безмолвно эти речи,
Сказал Хирон: — «Ты поведешь их, Несс,
И оградишь — на случай новой встречи!»

Так, волею хранивших нас небес,
Мы двинулись с проводником надежным
Вдоль берегов кроваво-красных волн,
Где, ярости отчаяния полн,
Сливался крик с рыданием мятежным.

Мы видели: погружены по бровь
Иные тени были в эту кровь.
И молвил Несс: — «Казнятся в этом месте
Тираны все, косневшие во зле.
Вот Дионисий, бич в родной земле,
Вот Александр, а здесь — Обиццо Эсте[10].
Вот, с черными кудрями на челе,
И Эццелино — жертва правой мести,
Что был рукой родною умерщвлен».

Я подошел к певцу за разъясненьем,
Но, указав центавра мне движеньем,
Сказал поэт: — «Тебе полезней он,
Чем я теперь». — И к сонму осужденных,
По горло в кровь навеки погруженных,
Подвел центавр обоих, говоря:
— «Тут есть злодей — у Божья алтаря

Здесь рыщут их несметные отряды
И стрелами пронзают без пощады
Тех, кто дерзает выше выплывать,
Чем это им дозволено грехами.

(«Ад», Песнь 12)

Безжалостно то сердце поразивший[11],
Которое народ его, любивший,
Доселе чтит у Темзы берегов».

Мы шли вперед, и в этой страшной груде
Мог различать я головы и груди;
Все более мельчал ужасный ров,
И под конец лишь покрывала ноги
Кровавая струя. — «В конце дороги
Мелеет ров, — центавр заметил мне, —

Но в том конце, на страшной глубине
Всех правосудье Божье поместило,
Кто был бичом вселенной, как Аттила
Иль Секст[12] и Пирр. Горючих слез ручьи
Там вечно льют в кровавые струи
Реньеро Пацци[13] и Реньер Корнето —
Грабители, бичи больших дорог».

Так перевел меня он и поэта
И вновь пошел обратно чрез поток.

Город Афины

Примечания к двенадцатой песне

[1] Обвал горы Барио между Вероной и Тренто

[2] Минотавр — чудовище, умерщвленное Тезеем, царем Афин

[3] Тезей, с помощью Ариадны, сводной сестры Минотавра, убивший последнего.

[4] Иисус Христос.

[5] По системе Эмпедокла мир делят два принципа раздор и любовь Раздор разделяет различные элементы, а любовь соединяет их и приводит к единству — хаосу. Подобное состояние, по учению Эмпедокла, мир претерпевал несколько раз

[6] Мифологические существа — полулюди, полузвери

[7] Центавр, вскормивший Ахиллеса

[8] Несс похитил прекрасную Деянеру, за что и был убит ядовитой стрелой Геракла Чтобы отомстить Гераклу, он, умирая, дал Деянире любовный напиток из собственной крови Когда потом Геракл изменил Деянире, она, желая опять привлечь его к себе, смочила кровью центавра одежду, назначенную для Геракла От этого он подвергся таким страшным мучениям, что сжег себя на костре

[9] Один из наиболее неистовых центавров

[10] Александр — тиран Фереи в Фессалии, убивший своего брата Обиццо д Эсти, граф Феррарский, был задушен своими Затем Эццелино ди Романо, или д Онара, зять Фридриха II и жестокий тиран, был ранен в битве при Кассано против властителей Ломбардии

[11] Гюи де Монфор, пронзивший сердце английскому королю Генриху III Пронзенное сердце было отослано в Лондон, где на мосту через Темзу была поставлена статуя убитого с чашей в руке, в которой хранилось сердце

[12] Аттила, царь гуннов, называвший себя Бичом Божьим, опустошил Италию в 442 г Пирр, царь Эпирский Секст Помпей — морской разбойник

[13] Известные разбойники

Песнь тринадцатая

Вергилий и Данте, которых оставил Несс, вступают одни в дикий лес — *второй* отдел *седьмого* круга. Здесь несут наказание виновные в насилии против самих себя: самоубийцы, которые превращены в деревья, и расточители, которые в виде живых теней подвергаются преследованию адских псов. Самоубийцы, превращенные в деревья, образуют лес, где свили себе гнезда гарпии, постоянно терзающие их своими клювами. Данте, слыша вопли и не видя никого, ломает, по приказанию Вергилия, сук одного дерева и видит, что из него течет кровь. Оказывается, в этом дереве томится душа Пьера делла Виньe, секретаря императора Фридриха II. Он рассказывает о своем самоубийстве и о состоянии душ, заключенных в этом лесу. В это время мимо поэтов стремительно пробегают две тени, за которыми гонятся черные собаки. Это расточители — сиенцы Лано и Джакомо Сант-Андреа. Последний прячется за куст, падает в изнеможении, но псы нагоняют его и разрывают на части. Той же участи подвергается и куст, в котором заключен неизвестный самоубийца, дающий на вопрос Вергилия сведения о своем родном городе Флоренции.

Не миновал еще потока Несс,
Как мы вошли в непроходимый лес,
Где темною листва была и ветки
Переплелися наподобье сетки.
Взамен плодов там тернии росли,
И дикий зверь, держащийся вдали
От берегов Чечины и Корнето[1],
Не мог желать вернейшего, чем это,
Убежища. Там гарпии[2] приют
Нашли себе и всюду гнезда вьют;
Те Гарпии, чья злоба без пощады
Троянский род изгнала из Строфады.

Они в лесу сидели меж листвой;
Подобье птиц с людскою головой —
Они имели пару крыл и брюхо
Громадное и издавали вой,
Который был терзанием для слуха.
— «Узнай теперь, — сказал учитель мой, —
Что пред тобой лежит подразделенье
Второе круга. Дальше глубоки,
Пойдут степей горячие пески.
Смотри вокруг и уясни значенье
Того, чем здесь ты будешь поражен!»

Со всех концов к нам доносился стон,
Но, не поняв его происхожденья,
Окаменев, стоял я в изумленье.
Мне думалось, учитель думал мой[3]:
Я думаю, что это стонут тени,
Укрытые в густой древесной сени.
И он сказал: — «Сломай своей рукой
Любую ветвь, и ты поймешь невольно,
Что впал в обман». Тогда громадный сук
Я обломил у дерева и вдруг
Услышал вопль: — «За что меня так больно
Терзаешь ты?» И я увидел кровь,
Что брызнула внезапно из излома.
А дерево заговорило вновь:
— «Ужель тебе пощада незнакома?
Когда-то сам был человеком я,
Но если б я был гад или змея,
То и тогда, из чувства состраданья,
Ты должен был щадить мои терзанья».

Зеленый сук, горя концом одним,
Другим, треща, распространяет дым,

..... Там гарпии приют
Нашли себе и всюду гнезда вьют;
.....
Они в лесу сидели меж листвой;
Подобье птиц с людскою головой...

(«Ад», Песнь 13)

Так с кровью здесь мешалися стенанья
У ветви той, что бросил я, сломив.
И я стоял, дыханье затаив.
— «Дух страждущий, с тобою он беззлобно
Так поступил, — учитель мой сказал, —
Но то, что я в поэме описал,
Казалося столь неправдоподобно,
Что он теперь моим советам внял,
О чем я сам жалею безусловно.
Но о своей поведай нам судьбе;
Вернувшись в мир, он память о тебе
В сердцах людей возобновит любовно».

И дерево ответило: — «Прости!
Но речь твоя исполнена участья,

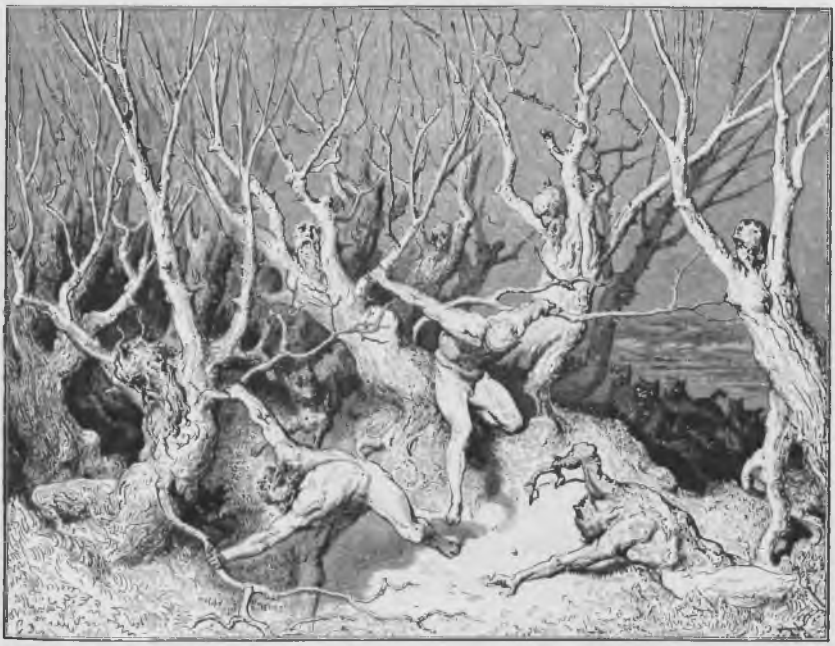
— «Все те, кто смерти собственной виновник,
Кто сам себя освободил от мук, —
Ввергаются в седьмой ужасный круг
.....
И, там пустив немедленно росток,
Становятся стволом или кустами...»

(«Ад», Песнь 13)

И я, о друг, не откажусь от счастья
В беседе краткой душу отвести.
От сердца государева ключами
Обоими владел я[4]. Фредерик
Мне доверял заветных дум тайник,
На все глядел моими он очами.
Я устранил от цезаря льстецов,
Но гнусная блудница[5], бич дворцов,
Так злобою сердца воспламенила,

Гнездясь под сводом царственных палат,
Что пылом гнева Август был объят,
И счастья свет навеки ночь сменила.
В отчаянье безвыходное впав,
Хотел спастись я смертью от позора,
И в правоте своей я стал неправ.
Клянусь корнями молодого бора,
Я не нарушил верности обет,
И кто из вас увидит землю скоро —
Пускай меня очистит от клевет.

Тут он замолк, и молвил мне поэт:
— «Расспрашивай, не трать минут напрасно».
Ответил я: — Ты все читаешь ясно
В душе моей. Расспрашивать пока
Не в силах я: так жалость велика
Моя к нему. Спроси его, учитель,
Сам обо всем! — Тогда сказал поэт:
— «О, заключенный в тесную обитель!
Исполнит он священный твой завет.
Но молви нам: ужель исхода нет
Отсюда вам?» — И так вздохнул терновник:
— «Все те, кто смерти собственной виновник,
Кто сам себя освободил от мук, —
Ввергаются в седьмой ужасный круг
Велением зловещего Миноса,
И, как зерно пшеницы или проса,
Упав туда, куда укажет рок,
И, там пустив немедленно росток,
Становятся стволом или кустами;
И Гарпии, питаясь их листами,
Терзают их, открыв страданьям путь.
И мы, в числе таких же душ презренных,



И тени две — истерзанных, нагих,
Бежавшие со скоростью такою,
Что все в пути ломали пред собою, —
Предстали нам.

(«Ад», Песнь 13)

Должны искать своих останков бренных,
Но никогда не сможем мы вернуть
Утраченного нами самовластно.
В глухом лесу отчаянья и зла
Повиснут здесь самоубийц тела
На дереве души своей несчастной».

Мы слушали терновника слова,
Склонив к нему сочувственные взоры,
Когда внезапно дрогнула листва;

Как будто бы от бега целой своры,
Травящей вепря в зарослях глухих.
И тени две — истерзанных, нагих,
Бежавшие со скоростью такою,
Что все в пути ломали пред собою, —
Предстали нам. Бежавший впереди
Кричал: — «О, смерть желанная, приди!»
Отставший же молил: — «Помедли, Лано![6]
Не так бежал от вражеского стана
В сраженье ты при Тонно!» — И потом,
Не добежав, упал он под кустом.

За ними рощу псицы черной масти
Наполнили, и скрывшийся бедняк
Настигнут сворой адскою собак,
Немедленно разорван был на части.

Меня поэт к терновнику подвел;
Оплакивал с тоской свои напасти
Израненный, покрытый кровью ствол.
Он восклицал: — «Джакомо Сант-Андреа[7],
Зачем в ветвях укрылся ты моих?
Обязан этой мукою тебе я!»

Сказал поэт: — «Со словом укоризны
Ты источаешь кровь из ран своих.
Скажи нам: кем ты был среди отчизны?»
Ответил он: — «Вам ведом мой позор,
Сложите же листов моих убор
Вокруг ствола. Из города я родом,
К которому, отвергнутый народом,
Патрон[8] его вражду таит с тех пор.
И если бы его изображенье

Не украшало мост через Арно —
То городу из пепла разрушенья
Восстать едва ли было б суждено,
Когда он пал, разрушенный Аттилой.
А я свой дом избрал себе могилой».

Примечания к тринадцатой песне

[1] Город в папской области. Чечина — речка в Тоскане у Ливорно; между ними лежит Маремма, лесистая местность, кишащая зверями.

[2] Птицы с людской головой, изгнавшие бежавших троянцев со Строфадских островов.

[3] В подлиннике — повторение тех же слов, придающих фразе характер шутки.

[4] Из дерева говорит тень Пьера делла Винье, канцлера императора Фридриха II прогнанного Барбароссой. Император осыпал его благодеяниями, но, по наущению врагов канцлера, заподозрил его в измене и велел ослепить. Делла Винье с отчаяния разбил себе голову о стену тюрьмы.

[5] Зависть.

[6] Уроженец Сиены, в сражении при Тонно в 1288 г. мог спастись бегством, но добровольно искал смерти.

[7] Знатный падуанец, славился своей расточительностью.

[8] Языческий бог Марс, бывший покровителем Флоренции в языческую эпоху. При нашествии Аттилы статуя его была низвергнута в воду, откуда впоследствии, при Карле Великом, ее достали и поставили на мосту через Арно. В христианскую эпоху патроном Флоренции стал св. Иоанн Креститель. По суеверному убеждению флорентийцев, их город не мог бы быть восстановлен при Карле Великом, если бы не поставили вновь статую Марса.

Песнь четырнадцатая

Флорентиец — самоубийца, о котором рассказывал Данте в последней песне, просит его собрать листья его, что Данте охотно исполняет, будучи растроган упоминанием имени родного города. После этого поэты продолжают свой путь и приходят к границе *третьего* отдела *седьмого* круга, где наказываются души виновных в насилии против Бога. Странники попадают в бесплодную степь, наполненную раскаленным песком, где в виде голых теней находятся грешники, разделенные на три группы: одни сидят, другие лежат, а третьи постоянно находятся в движении. Все они поражаются огнем в виде длинных полос, падающим с неба. Первую группу этих грешников составляют богохулители, вторую — ростовщики и третью — виновные в содомском грехе. Поэты, идя возле леса, приходят к адскому потоку Флегетону, и Вергилий объясняет происхождение адских рек, которые берут свое начало из наполненных слезами морщин, находящихся на теле времени, олицетворенного в образе статуи, пребывающем на горе Ида. Данте узнает, что пятая река Лета, которая, кроме Стикса, Ахерона, Флегетона и Коцита, по мнению древних, причислялась к рекам подземного царства, находится в Чистилище. После этого путники проходят через степь, следуя по берегу Флегетона.

Охваченный к отечеству любовью,
Собрав листы, я их вручил тому,
Кто замолчал, покрытый алой кровью.
Открылося тут взору моему
И третье в том кругу подразделенье,
Где правый суд карает преступленья
Нещаднее. Мы подошли с певцом
К равнине той, которая венцом
Страданий лес дремучий окружила,
Что окружен потоком крови был.

Вокруг лишь степь песчаная лежала —
Подобье той, которой проходил
С дружиною Катон[1]. О, Божья кара,
Как ты страшна для каждого, кто зрел
То, что узреть досталось мне в удел!

Страдавшие от огненного жара,
Нагие души плакали в тоске,
Одни из них лежали на песке,
Другие же безвыходно бродили.
Казалося, неравномерно были
Караемы они за тяжкий грех.
Блуждавшие превосходили тех
Числом своим, но павшие скорбели
Сильнее их о горьком их уделе.

Из пламени на землю падал дождь,
Как будто снег в затишье гор Альпийских,
Как ливень тот среди степей Индийских,
Которым был приостановлен вождь[2]
В пути своем и рати пораженной
Велел топтать песок воспламененный:
Так падал дождь из пламени и тут.
Воспламенясь, как под огнивом трут,
Сильнее жгли пески степей горючих,
И, защищая от обжогов жгучих
Тела свои, как в пляске роковой
Кружилися несчастные толпой,
И руки их в движенье были вечном.

— Наставник мой, — в волнении сердечном
Промолвил я, — ты, по дороге в ад
Все победивший, кроме тех преград,

Что демоны явили нам у входа[3], —
Поведай мне, какой страны и рода
Тот великан, что, гордый вид храня,
Как будто бы не чувствует огня?
И дух[4], поняв, о ком веду беседу,
Ответил так: — «И в царстве мертвецов —
Все тот же я! Юпитеру победу
Торжествовать не дам я. Кузнецов
Работою пусть он замучит злою,
Стремясь сразить меня своей стрелою,
Как поразил при Флегре[5] он в бою —
Все ж не смирит гордыню он мою!»

Но грешника прервал Вергилий властно,
Он никогда не говорил властней:
— «И этим ты наказан, Капаней,
Сильней всего. Не ярости ль избыток
Терзает нас ужасней всяких пыток?» —
Он продолжал, помягче и добрей:
— «Он был одним из тех семи царей,
Что осаждать пришли с дружиной Фивы[6].
Такие же безумные порывы
Таились в нем, и святость алтарей
Он презирал, кощунствуя во храме.
Опушкою лесной идем вперед,
Там, где песок ноги твоей не жжет».

Подобие ручья из Буликаме[7],
Что всех блудниц недуги врачевал, —
Навстречу нам лесной поток бежал,
И цвет его был красновато-ал,
Окраины же были из гранита,
А дно его каменьями покрыто.

Так падал дождь из пламени и тут.
.....
И, защищая от обжогов жгучих
Тела свои, как в пляске роковой
Кружилися несчастные толпой...

(«Ад», Песнь 14)

Сказал поэт: — «Вот этот ключ важней
Всего, что здесь очам твоим открыто:
В нем гаснет сила адская огней.
Есть островок, носящий имя Крита,
Где властвовал Сатурн, могучий царь,
И грешный мир был целомудрен встарь.
Там высилась гора, названьем Ида;
Она красой пленительного вида
И роскошью лесов пленяла взор.

Теперь она забыта с давних пор.
И той горы священная вершина
Была царицей Реей избрана
Убежищем единственного сына.
Дабы верней укрыть его, она
Младенца плач там заглушала криком[8].
Внутри горы великий старец[9] скрыт;
К пределам Рима обращенный ликом,
К Дамьетте он спиной своей стоит.
Глава его — из золота литого,
Могучий стан и руки — из сребра,
И медь видна до самого бедра,
А ниже — сталь. Лишь ноги из простого
И грубого железа, и одной
Ступней своей, из обожженной глины,
Он тяжелей ступает, чем другой.
За исключеньем части золотой,
На нем от слез прорезались морщины,
И слезы те, что проливает он,
Сквозь недры гор стекаются в долины,
Впадая в Стикс, безмолвный Ахерон
И Флегетон, а дальше, вдоль канала —
К пределам тем, где спуска больше нет,
И где Коцит берет свое начало.
Но говорить пока еще не след
О ледяной пучине «горших бед».

Я вопросил: — Но если эти воды
Берут свое начало на земле —
Зачем лишь здесь мы видим их во мгле? —
Ответил он: — «Вступив под эти своды,
Спускались мы вдоль левой стороны
И в ад идем путем кругообразным,
Но не достигли все же глубины.

А потому вещам разнообразным
Ты не дивись, что видеть мы должны».

Я вопросил: — Где Флегетон[10] и Лета?[11]
Ответил ты о первом на вопрос,
Что он берет начало в мире слез,
О Лете же ты не дал мне ответа.

И возразил наставник мой на это:
— «Значения вопрос подобный полн,
Но вслушайся в прибой багровых волн,
И сам найдешь желанное решенье.
А Лету, реку дивную забвенья,
Увидишь ты, но лишь в пределах тех,
Где покаянье с душ смывает грех»[12]. —
Он заключил: — «Без страха и тревоги
Иди за мной! Огонь не распалит,
Упав на них, холодный камень плит,
И ты обжечь не опасайся ноги».

Гора Ида на острове Крит

Примечания к четырнадцатой песне

[1] Ливийские пустыни, через которые с остатками войск Помпея проходил в Нумидию Катон

[2] Александр Македонский О факте этом упоминается в письме его к Аристотелю.

[3] У ворот города Дис (см. «Ад», песнь восьмая)

[4] Капаней, хвалившийся своим отрицанием божества Он был одним из семи царей Фив и вызвал Зевса на защиту своего города, за что был поражен молнией.

[5] Бой титанов с богами, происходивший в долине Флегра, в Фессалии

[6] Эти семь царей назывались: Адраст, Паник, Тидей, Гиппомедон, Амфиарай, Парфелоней и Капаней.

[7] Речка, о которой упоминает Данте, протекает поблизости от Витерба и до сих пор зовется Буликаме. В былые времена блудницы этого города брали здесь серные ванны.

[8] На Крите во время золотого века царствовал Сатурн, от которого Гея (богиня земли) спрятала Зевса в одном из гротов горы Иды, причем для того, чтобы скрыть крики малютки и спрятать его от Сатурна, она велела своим слугам производить шум перед гротом.

[9] Аллегорический образ времени, всех четырех его возрастов. Глава из золота — означает золотой век, она обращена к небу, и лишь ей одной неведомы слезы. По мере приближения к земле, к Аду, он слагается из материалов все худшего свойства, одна нога из глины, что означает возрастающую изнеженность и порчу человечества. Спиной старец обращен к Дамиатте, городу в Египте, дельте Нила, т. е. к Востоку, колыбели человечества; взор его устремлен на Рим, откуда он ждет спасения и возрождения мира через веру.

[10] Слово Флегетон происходит от греческого слова *гореть*. Вергилий удивлен, что Данте не узнает в кровавом кипятке этого потока Флегетона.

[11] Река забвения.

[12] Чистилище.

Песнь пятнадцатая

Данте и Вергилий приходят на каменную плотину, сооруженную на Флегетоне; поднимающийся с реки пар гасит огонь, горящий на высотах. Поэты встречают здесь громадную толпу грешников, виновных в содомском грехе. Из числа их, с клеймами позора на лице, выступает Брунетто Латини, один из учителей Данте. Брунетто расспрашивает Данте о причине путешествия в Ад. Поэт сообщает ему о своей встрече с Вергилием. Брунетто предсказывает ему славу, но вместе с тем и изгнание из Флоренции. Данте отвечает, что он готов к борьбе, и просит Брунетто назвать наиболее известных лиц из мчащейся мимо толпы грешников. Тот указывает на некоторых ученых, главным образом, приверженцев партии гвельфов, и затем оставляет Данте, советуя читать составленный им, Брунетто, труд «Сокровище».

Над речкою — от пламени охрана —
Клубилася густая мгла тумана.
По берегу ее мы шли вперед.
И точно так, как от напора вод
Воздвигнуты вдоль Брюгге и вдоль Гента
Ряды плотин — от волн морских оплот,
Как жителями Падуи их Брента
Закована бывает в берега,
Пока в горах не стаяли снега, —
Так были здесь воздвигнуты плотины.

Давно уже вдали остался бор,
И увидать его не мог бы взор.
Навстречу нам бежала из долины
Толпа теней. Они глядели так,

Как мы глядим сквозь новолунья мрак,
С трудом в лесу друг друга узнавая,
Иль как портной, когда, в иглу вдевая
Нить длинную, прищуривает глаз, —
Так призраки вперяли взоры в нас.
Но тут один, схватив меня за платье,
Воскликнул вдруг: — «О, чудо!» — и объятья
Простер ко мне. И в тот же самый миг
Обугленный и почерневший лик
Несчастного узнал я. — Вы ли это? —
Воскликнул я. — Вы здесь, мессир Брунетто?[1] —
Ответил он: — «Не гневайся, мой сын,
Когда с тобой пройдуся я один».

И молвил я: — Побыть желаю с вами;
Иль, может быть, мы сядем в стороне,
Как скоро вождь дозволит это мне.

Но возразил он этими словами:
— «Когда бы я в движении своем
Остановиться вздумал на мгновенье —
Сто лет стоять я должен под огнем,
Что падает с небес палящим градом.
Иди, мой сын! С тобой пойду я рядом».

Но, не посмев путем его идти,
Я шел вперед по моему пути
С опущенной почтительно главою.

И молвил он: — «Поведай мне: судьбою
Иль случаем ты занесен сюда?
И кто же тот, кто ввел тебя с собою
До наступленья грозного суда?»
Ответил я: — Свершив наполовину

Но тут один, схватив меня за платье,
Воскликнул вдруг: — «О, чудо!» — и объятья
Простер ко мне...

(«Ад», Песнь 15)

Путь жизненный, в опасную долину
Забрел я вдруг и заблудился там,
Но мудрый вождь, представ моим очам,
Ведет меня путем суровым к свету.

Ответил он: — «Избрав дорогу эту,
Ты вверился звезде своей[2]. Она,
Когда мои предположенья правы,
Тебя ведет к преддверью вечной славы.
И если б мне так рано суждена
Смерть не была — твоим я стал бы другом,

Но вскоре злой неблагодарный род,
Слепой к твоим общественным заслугам, —
Давно слепым[3] зовет его народ, —
К тебе враждою вспыхнет без причины;
Возможно ли, чтоб фиги сладкий плод
Мог созревать среди ветвей рябины?
Их близостью себя не оскверни!
Судьбою ты назначен к славной доле,
Пускай, как псы, друг друга во Фьезоле[4]
Пожрут сыны ее, но пусть они
Рукой своей не прикоснутся к розе —
От семени великих римлян цвет[5],
Которая растет на их навозе».

Я отвечал: — В теченье долгих лет
Похищены вы не были бы смертью,
Когда б Господь моей молитве внял.
В душе своей ваш образ сохранял
С любовью я; учили вы бессмертью
И мудрости, и сам, пока живу,
Распространю признательно молву
Везде о вас, и то, что вы сказали,
Я бережно внесу в свои скрижали
И, передав другому существу[6],
Я испрошу им в небе объясненье.
Узнайте же: я не боюсь гоненья,
Пока ничто мне совесть не гнетет.
Пусть колесо Фортуны поворот
Великий свой, как должно, совершает,
А землекоп лопатою вращает.

Тут на меня наставник поглядел
И произнес приветливо и ясно:
— «Кто понял все, тот слушал не напрасно».

Беседуя с Брунетто, я хотел
Узнать: среди несчастных осужденных
Кто славен был при жизни на земле?
Ответил он: — «Немало здесь ученых,
Писателей, погрязших в том же зле.
Вот Присциан[7]; виднеется отсюда
Д'Аккорсо с ним, страдающий от зуда,
А также тот, кого его недуг
Лишил хребта[8]. Он был слугою слуг
Переведен в пределы Баккильоны...
Но вижу я: окутывая склоны,
Клубится мгла. Приблизилась сюда
Толпа теней. С тобою навсегда
Расстанемся. Читай мое «Tesoro»,
В котором я живу и до сих пор».

Он кинулся бежать во весь опор,
Как будто бы в веронском состязанье,
Когда плащом зеленым обладанье[9]
Толпу людей бегущую влечет.

Он был бы тем, кто этот плащ сорвет.

Город Брюгге

Примечания к пятнадцатой песне

[1] Брунетто Латини, писатель и ученый, родом из Флоренции, написал «Книгу о сокровище» — нечто вроде энциклопедии по разным отраслям науки и был учителем Данте и его друга Гвидо Кавальканти.

[2] Брунетто занимался астрологией и составил гороскоп Данте.

[3] Жители Флоренции, прозванные слепыми. Относительно этого существует также предание, в 1117 г. флорентийцы приняли на себя защиту города Пизы, когда жители ее решили завоевать остров Майорку. По возвращении пизанцы из благодарности предложили флорентийцам выбрать себе награду: или двое богатых бронзовых дверей, или две поврежденные огнем порфировые колонны. Флорентийцы, не заметив изъяна, выбрали колонны, за что и были прозваны слепыми.

[4] Фиезоле — Фьезоле — небольшой городок, о котором существует предание, что выходцы его основали Флоренцию; но флорентийцы относились к ним с презрением, считая их происхождение низким, а свое производя от благородных римлян.

[5] Данте считал свой род от древних римлян.

[6] Намек на ожидаемую встречу с Беатриче, которой поэт намерен передать о предсказаниях, сделанных Фаринатой и Брунетто Латини.

[7] Знаменитый грамматик своего времени, Франческо д'Аккорсо — законовед.

[8] Андреа деи Модзи, флорентийский епископ, человек безнравственной жизни, переведенный в Виченцу, где протекает река Баккильоне, по уверениям одних — папой Николаем III, по свидетельству других — папой Бонифацием VIII.

[9] В Вероне существовал обычай участвовать обнаженными в бегах на призы, состоявшие из ценных тканей, преимущественно из суконных плащей модного в то время зеленого цвета.

Песнь шестнадцатая

Поэты подходят к тому месту, где Флегетон шумным водопадом низвергается в следующий — *восьмой* — круг Ада. Но здесь из толпы грешников выступают три тени, которые, приблизившись к Данте, просят его остановиться. Вергилий, услышав их просьбу, советует Данте исполнить ее. Тени, безостановочно кружась, смотрят на Данте и называют свои имена. Выясняется, что они были замечательными государственными людьми Флоренции — Тегьяйо Альдобранди, Якопо Рустикуччи и Гвидо Гверра. Данте уверяет их в своем уважении к их политической деятельности и на вопрос о состоянии Флоренции разражается горькими сетованиями на ее безнравственность. Три тени просят Данте по возвращении на землю напомнить об их славной деятельности на пользу родины и убегают от него. Данте и Вергилий приближаются затем к месту, где водопад Флегетона шумит с ужасающей силой. По совету Вергилия данте снимает с себя пояс, свертывает в клубок и передает его своему проводнику. Тот бросает пояс в пучину, из которой выплывает страшное чудовище.

Когда с моим поэтом подошел
Я к местности, где как жужжанье пчел
Послышался мне грохот водопада,
Что падает в восьмой ужасный круг, —
Три тени нас остановили вдруг.
На лицах их читались муки Ада,
И молвили несчастные: — «Постой!
Когда судить возможно по одежде,
Ты из страны сюда приходишь той,
Что родиной мы называли прежде».

И, выслушав, сказал мне мудрый вождь:
— «Когда б не этот падающий дождь

Из пламени — я выразил бы мненье,
Что следует тебе по отношенью
Ко всем троим учтивость соблюсти».

Когда же мы замедлили в пути,
Все трое к нам приблизилися с криком.
И, как борцы, пред тем как меж собой
Схватиться им, готовятся на бой —
Так и они кружились в вихре диком
Без устали, и направленье лиц
С движением их ног не совпадало.

Один из них промолвил: — «Нам пристало
Внушать одно презренье без границ.
Но молви нам, молений наших ради,
Кто ты, живой, со смелостью во взгляде,
Вступивший к нам уверенной стопой?
Взгляни: вон тот — израненный, нагой,
За кем иду, — внук Гуальдрады славной[1].
Он побеждал врага в борьбе неравной
И славою увенчан был земной.
Зовут его великий Гвидо Гверра.
Прославился отвагой без примера
И тот из нас, кто следует за мной, —
Альдобрандини[2], гордый и могучий.
Последний — я, злонравною женою
Загубленный, Якопо Рустикуччи»[3].
Когда б не страх пред огненным дождем —
Я б кинулся к несчастному в объятья,
Что было бы дозволено вождем,
И слез не мог пред ними удержать я.
— Вас презирать? О нет, внушили вы
Участье мне! Немногими словами

Наставник мой открыл мне, каковы
Деяния и подвиги, что вами
Совершены, и ваши имена
Мне ведомы. У нас — одна страна.
Покинул я мир злобы нечестивый,
И к сладкому священному плоду
Ведет меня наставник мой правдивый,
Но прежде в глубь геенны я сойду.

— «Душа твоя пусть долго телом правит,
И пусть тебя грядущее прославит, —
Сказала тень, — но мужество и честь
Подверглись ли на родине гоненью?
Гульельмо Борсиере[4], ставший тенью,
Принес о том нерадостную весть».

Ответил я: — Стремясь к обогащенью
И новыми людьми наводнена[5],
Флоренция оплакивает ныне
Излишества свои и дух гордыни,
Которыми наказана она.

Тут призраки, как будто приговором
Поражены, все обменялись взором:
— «Как счастлив ты, что можешь так легко
Давать ответ! Покинув край возмездья,
Когда от нас ты будешь далеко,
И в небесах увидя вновь созвездья,
Ты радостно воскликнешь: «Я был там!» —
О нас родным поведай ты местам».

И, молвив так, три злополучных тени
Умчалися, как дикий вихрь пустынь,

Скорее, чем сказал бы я: аминь!
Мы продолжали путь, но тут до слуха
Донесся шум, и, словно тот поток,
Вдоль Апеннин текущий на восток,
Зовущийся в верховьях Аквакетто,
Откуда он долиною течет
И, наконец, свергается с высот
К монастырю святого Бенедетто —
Приюту целой тысячи людей, —
Так с высоты, всей силою своей,
Свергалася вода волною мутной.
Оглохнуть тут я мог ежеминутно —
Так был ужасен водопада гул.

Учитель мой бечевку ту свернул,
Которой я пятнистую пантеру[6]
Хотел поймать, и в глубину швырнул.
И, к мудрости его имея веру,
Я дивного чего-то ожидал.
О, как должны мы думать осторожно
В присутствии того, кому возможно
Читать в душе! Учитель мой сказал:
— «Кого я жду, тот образ, о котором
Ты думаешь, — сейчас предстанет взорам».

Порой смыкать приходится уста
И говорить нам правду неудобно,
Когда она столь неправдоподобна,
Но пусть меня унизит клевета,
Клянусь моей комедии стихами[7] —
Я умолчать не в силах перед вами!

Я к ужасу увидел моему,
Что близилось и рассекало тьму

Чудовище — могучими крылами,
Чей грозный вид смутил бы храбреца,
Оледенив отважные сердца.
Оно подобно было мореходу,
За якорем ныряющему в воду,
Который, руки вытянув вперед,
Со дна предмет упавший достает.

Монастырь Св. Бенедетто

Примечания к шестнадцатой песне

[1] Гуальдрада (Гвальдрада), прекрасная флорентийка, дочь Беллинчоне Берти деи Равиньяни, славившаяся своей красотой и нравственностью, была матерью троих сыновей от графа Гвидо Гверры II, состоявшего при императоре Оттоне IV. Внук ее, Гвидо Гверра, сторонник гвельфов, командовал частью армии Карла Анжуйского и в сражении при Беневенто значительно способствовал победе.

[2] Тегьяйо Альдобрандини — Альдобранди дельи Адимари — старался своими советами удержать гвельфов от сражения при Монте-Аперто, где они были разбиты.

[3] Знатный и уважаемый флорентиец, имевший злую жену.

[4] Остроумный и насмешливый человек.

[5] В XIII веке вместе с усилением Флоренции в политическом отношении, в нее переселилась масса простых людей, захвативших в свои руки власть и устранивших от нее дворян (патрициев). В этом отношении особенно известен Джиано делла Белла, который в 1292 г. издал постановление, лишавшее патрициев права быть избранными в приоры (старшины) города.

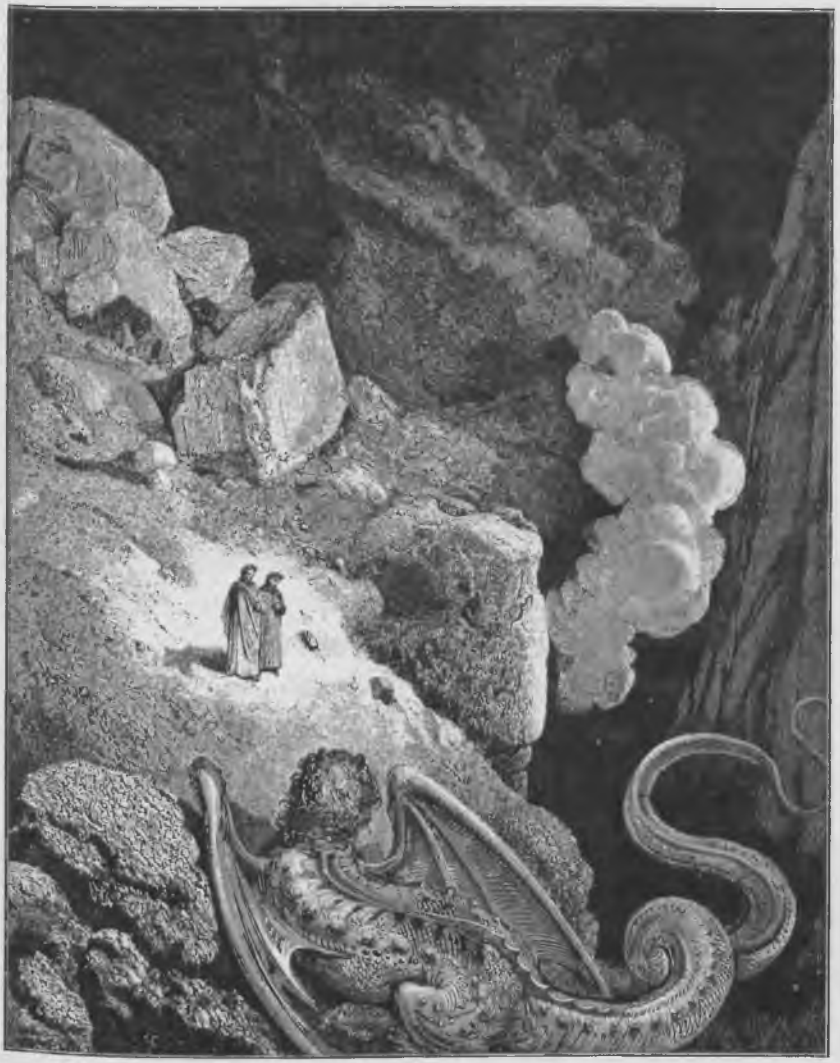
[6] Смотри песнь первую.

[7] Данте называет свое произведение комедией, так как, по его мнению, комедия заключает в себе все виды поэзии, касаясь как трагических, так и смешных явлений жизни.

Песнь семнадцатая

Чудовище, выплывшее из бездны, оказывается Герионом, в образе которого древние олицетворяли обман. Тело чудовища, приблизившегося к плотине, все состоит из змеиных колец и кругов и имеет длинный хвост и две мохнатые лапы; лицо у него человеческое, кроткое и правдивое. Вергилий приглашает Данте сойти с дороги и приблизиться к Гериону. Подойдя к нему, Данте видит вдали на песке группу грешников; чтобы узнать страдания их, Данте, по совету Вергилия, отправляется к ним, а Вергилий решается уговорить Гериона дать им обоим убежище на его спине для продолжения пути. Данте, идя к грешникам, подходит к самому краю *седьмого* круга и видит, что они стараются потушить огонь, чтобы облегчить свои страдания. Он смотрит в лица грешников, но никого не узнает и догадывается о том, кто это, только по кошелькам с гербами, которые висят на шее каждого. Это все — представители знаменитых итальянских дворянских родов, ростовщики, виновные в насилии против природы и Бога. Один из ростовщиков, вступив в разговор с Данте, указывает в Аду место, в которое за ним попадет еще живой в то время ростовщик Виталиано дель Денто. Поэт возвращается к Вергилию и, видя его сидящим на спине Гериона, тоже всходит на спину чудовища. Они с страшной быстротой пролетают над водопадом и спускаются к границе *восьмого* круга. Привезя их сюда, Герион скрывается.

Чудовище с хвостом остроконечным,
Крушащее железо и гранит,
Которое зловоньем дышит вечным,
Навстречу к нам сюда оно летит! —
Сказал поэт и подозвал движеньем
То существо, что было воплощеньем
Коварного Обмана. И оно
Приблизилось к нам головой и станом,
Но хвост его окутан был туманом.



Сказал поэт и подозвал движеньем
То существо, что было воплощеньем
Коварного Обмана.

(«Ад», Песнь 17)

Так было нам увидеть суждено
Чудовище, которое, имея
Приятный лик, напоминало змея
Хвостом своим, а лапами — зверей.
Грудь и бока, испещрены пестрей,
Казалися богаче и нежнее
Оттенками, чем ткани Арахнеи[1]
Иль цвет одежд у турок и татар,
И в сумраке горели, словно жар.

Как иногда в воде наполовину,
Наполовину врезавшись в песок,
У пристани виднеется челнок;
Иль словно бобр, засевший на плотину
Для ловли рыб в тевтонской стороне
Обжорливой, — так, показалось мне,
На берегу чудовище лежало.
И хвост его, как скорпиона жало,
Вздымался вверх. Сказал учитель мой:
— «Приблизимся к ужасному дракону».

Во избежанье пламени, по склону
Тропою мы сошли береговой;
Там вдалеке, у самого обрыва,
Толпа людей сидела молчаливо[2].

При виде их наставник молвил мне:
— «Дабы узнал ты этот круг вполне, —
Взгляни на их мучения! Покуда
Я попрошу чудовище отсюда
Нас перенесть обоих на плечах.
Не медли там и краток будь в речах».

Я подошел к толпе людей сидящей.
Страдания светились в их очах,
И, от жары спасаяся палящей,
Они лицо старались защищать.
Так точно псы, когда среди засухи
Со всех сторон их облепляют мухи,
Пытаются их лапой отгонять.
Я заглянул в их лица, но не встретил
Ни одного знакомого лица,
Зато на шее каждого заметил
Я кошелек, которым без конца
Восторженно их взоры любовались.
И меж собой по виду различались
Те кошельки[3]. Один лазурным львом[4]
Украшен был, на кошельке другом
Увидел я изображенье гуся[5],
Что белизной был сходен с молоком.
Исчислить всех там бывших не берусь.
Один из них — кошель его гербом
Украшен был свиньею голубою[6] —
Вскричал, меня увидев пред собою:
— «Прочь, дерзкий, прочь из ямы роковой!
Что делаешь среди чужого стана?
Я вижу, ты не мертвый, но живой,
Так уступи же место Витальяно[7] —
Здесь одесную сядет он со мной.
Явился я из Падуи родной,
Но и в Аду не нахожу покоя
От жителей Флоренции себе.
Они кричат: «Имеющий в гербе
Три клюва злых[8], ты, образец героя,
Яви у нас твой величавый лик!»

И, молвив так, он высунул язык,
Как делает, облизываясь, бык[9].

Меж тем, боясь, что возвращаюсь поздно,
Я поспешил к учителю. Сидел
Он на спине поднявшегося грозно
Чудовища[10] и произнес: — «Будь смел!
По лестнице подобной лишь возможно
Спуститься нам! Садись же осторожно
Ты впереди, чтоб ранить он не мог
Тебя хвостом!» — Дрожащий, как в припадке
Мучительной болотной лихорадки,
От ужаса не чувствовал я ног.
Но, как слуга, покорный господину,
К чудовищу взобрался я на спину,
И мысленно я умолял певца:
— «О, будь моей опорой до конца!»
Но со стыдом волнение боролось, —
И замирал, не повинуясь, голос.
Тогда он сам, привыкший тяжкий путь
Мне облегчать, привлек меня на грудь
И приказал чудовищному змею:
— «Пора и в путь! Но с ношею своею
Ты медленней спускайся, Герион!»

И, словно челн, когда отчалить он
Готовится, — попятился дракон
И ринулся вперед, как в половодье
Бывает челн волною унесен.
Не менее, чем юный Фаэтон,
Когда из рук он выпустил поводья,
И пламенем зарделся небосклон[11];
Не менее, чем гордый дух Икара,

И, словно челн, когда отчалить он
Готовится, — попятился дракон
И ринулся вперед...

(«Ад», Песнь 17)

Когда в пути от солнечного жара
Растаял воск на крыльях у него
И в ужасе вскричал отец его:
— «О, милый сын, ошибся ты в дороге![12]» —
Не меньше их я замирал в тревоге,
Когда себя почувствовал я вдруг
Повиснувшим в пространстве беспредельном
И, ничего не увидав вокруг,
Испугом был охвачен я смертельным:
Я услыхал, как с правой стороны
Поток, шумя, свергался с вышины,
Меж тем как бездна пламенем багровым
Светилася, и стоны к нам неслись.

Я увидал, как мы навстречу к новым
Страданиям, кружась, спускались вниз,
И в бездну я вперил со страхом взоры.

Как сокол тот, что птицы не нашел,
И на призывы ловчего, который
Зовет его, — слетает дик и зол[13],
Так Герион принес нас в укрепленье,
К подножию разрушенной скалы,
И, сбросив ношу, скрылся в отдаленье
Он с быстротою спущенной стрелы.

Город Падуя

Примечания к семнадцатой песне

[1] Арахнея из Колофона так гордилась своим умением ткать, что решилась состязаться с богиней Минервой, за что была обращена в паука.

[2] Ростовщики, большая часть их принадлежала к знатным флорентийским семействам.

[3] Остроумная и злая сатира. Никто из грешников не назван по имени, но кто они — можно узнать по гербам на кошельках.

[4] Герб фамилии Джанфилиацци из партии гвельфов.

[5] Герб Уббриаки из партии гибеллинов.

[6] Герб падуанского рода Скровеньи.

[7] Витальяно дель Денте, известный ростовщик.

[8] Другой ростовщик, Джованни Буйамонте.

[9] Насмешливая гримаса, которую делает простой народ в Италии, когда хочет над кем-нибудь посмеяться.

[10] Герион, воплощение обмана. Герион, по мифологии, был великан с тремя желудками, похитивший быков у Геракла, за что был трижды убит последним, кроме того, он обманывал чужеземцев и отдавал их на съедение своим волам.

[11] Известный миф Фаэтон, правя колесницей Солнца, уклонился с пути, отчего вспыхнула часть неба, образовав таким образом млечный путь.

[12] Дедал с сыном Икаром улетел из Крита на восковых крыльях, но крылья слишком высоко поднявшегося Икара растаяли от солнечного жара, и он упал в море, названное по его имени Икарийским.

[13] Герион (обман) озлоблен потому, что не мог завладеть добычею.

Песнь восемнадцатая

Достигнув на спине Гериона *восьмого* круга, Данте описывает все его пространство в виде глубокой пропасти, обнесенной высокой стеной и разделенной на десять глубоких концентрических рвов, или долин, уменьшающихся по направлению книзу. Весь восьмой круг носит название «Злые ямы», и в нем наказываются грешившие обманом. Через каждый ров перекинуты мосты из скал. Герион сбрасывает путников на одну из этих скал, и они приходят к *первому рву*. Здесь толпятся нагие грешники-обольстители, которых рогатые черти наказывают ударами бича по спине. Среди них Данте видит болонца Каччанемико. Затем поэты всходят на новый утес и, взяв вправо, продолжают свой путь по первому рву. Здесь мимо них, гонимые чертями, пробегают тоже обольстители, среди которых Данте узнает мифологического героя Язона, похитившего золотое руно и обольстившего Изифилу, дочь лемносского царя Фоанза, и Медею, дочь колхидского царя. И далее, поэты приходят к пересечению пути первого рва со *вторым*. Берега *второго рва* покрыты плесенью, от него исходит зловоние, и в нем томятся льстецы, которые стонут, проклинают и бьют себя. Вследствие ужасной глубины этого рва их можно видеть только свесившись с утеса, куда и взобрался Данте. Среди мучающихся здесь грешников поэт видит страшнейшего льстеца Алессио Интерминелли, а Вергилий указывает ему, кроме того, на древнюю грешницу Таису.

Ваду есть круг[1], из камня возведенный
И каменной стеною обнесенный;
Прозвание «Злых ям» ему дано.
В средине же колодезь есть бездонный,
Меж ним и меж стеной закруглено
Пространство все, и на десять огромных
Глубоких ям равно разделено.
Подобием больших мостов подъемных
У крепостей являются хребты

Увидел там я демонов рогатых,
При помощи бичей своих проклятых
Стегавших всех, кто несколько отстал.

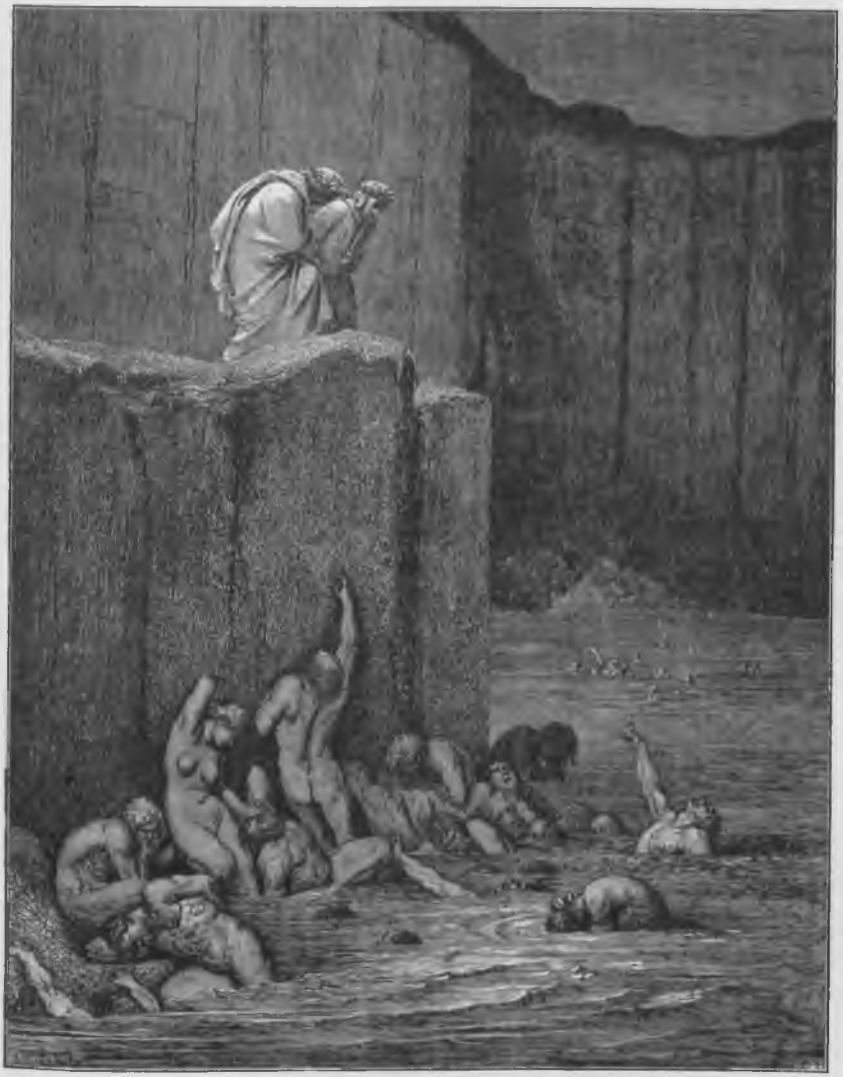
(«Ад», Песнь 18)

Высоких скал, ведущих, как мосты,
К тем «Ямам злым». Опущен Герионом,
Вослед певцу я двинулся по склонам.
И поразил собою взор очей
Вид новых мук и новых палачей,
Представших мне направо, в первой яме.
Там грешников увидел я нагих,
Спешивших к нам, а также и других,
Которые нас обгоняли сами.

Так римляне[2] обычай завели,
Чтоб тысячи молящегося люда
Во храм Петра мостом широким шли
По стороне одной, а все оттуда
Идущие — другою стороной,
Образовав людской поток двойной.

Увидел там я демонов рогатых,
При помощи бичей своих проклятых
Стегавших всех, кто несколько отстал.
Несчастные! Никто не ожидал
Вторичного удара: все поспешно
Неслись вперед. В толпе страдальцев грешной
Я встретился с известным мне лицом
И с ним вдвоем оставлен был певцом.
Укрыться он пытался безуспешно.
Я произнес: — Зачем скрываешь лик
И взор очей ты опускаешь долу?
Вене́дико Каччанеми́к[3],
За что тебя такой удел постиг?

Ответил он: — «Отрадно мне глаголу
Живущего внимать. Не утаю,
Что я склонил сестру мою Гизолу
Отдать во власть маркиза честь свою.
Различные об этом ходят толки,
Но не один явился я сюда
Из жителей Болоньи: словно волки
Они жадны, и каждый без труда
С охотою на все ответит: да![4] —
Способствуя стыду и беззаконью.
Их большинство покинуло Болонью
Для этих стен».
Так изъяснялся он,



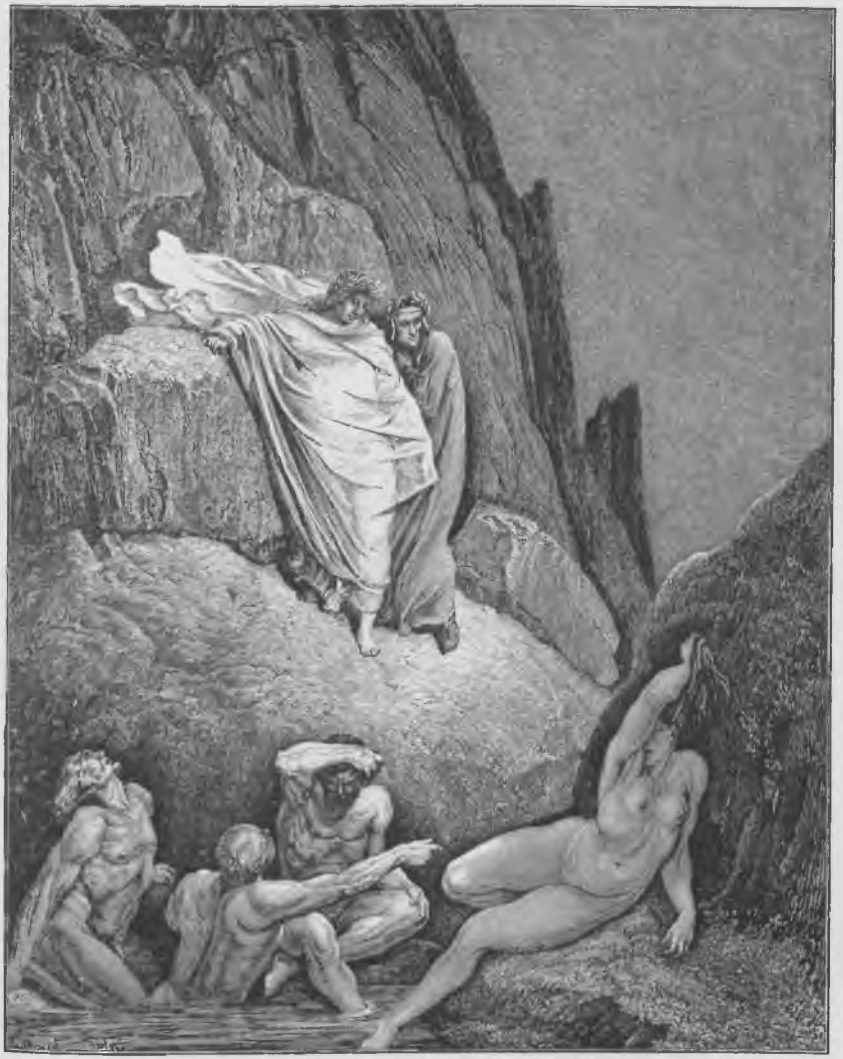
И видел я: несчастные в пучине
Барахтались, собой являвшей стон,
Казалося, для нечистот вселенной.

(«Ад», Песнь 18)

Но вдруг бичом был сзади поражен
И кинулся бежать, а демон-мститель
Кричал ему: — «Прочь, гнусный развратитель!
Здесь продавать не дозволяют жен!»

К учителю гористою тропою
Я поспешил вернуться, за собою
Оставив место вечного суда,
И вместе с ним мы поднялись туда,
Где высилась скалистая гряда,
Образовав для грешных род прохода.

И молвил вождь: — «Бичуемого рода
Ты явственней увидишь здесь черты,
Мы рядом шли, и разглядеть их лица
Был ранее не в состоянье ты!»
К нам близилась несчастных вереница,
Гонимая бесами. — «Погляди, —
Сказал поэт, — ты видишь впереди
Идущего? Он царственно прекрасен,
И взор его — невозмутимо ясен —
Страдания слезой не омрачен.
То — мудрый вождь, зовут его Язон[5],
Колхидского руна он похититель.
На Лемносе явясь вслед за тем,
Как нанесли удар мужчинам всем
Там женщины, искусный обольститель,
Пленявший всюду женские сердца,
Вступил в союз он с юной Изифилой,
От смерти спасшей старого отца,
И, ставшую впоследствии немилой,
Несчастную он бросил навсегда
Под бременем печали и стыда.
Прикован здесь виною он своею,



Ты видишь лик рабыни безобразной,
Которая то вскочит, то на миг
Присядет вновь...

(«Ад», Песнь 18)

Судьба ему отмстила за Медею.
За ним идут подобные ему.
Казнятся все в клыкастой этой пасти —
Кто изменил внушенной им же страсти».

К утесу мы приблизились тому,
Где узкая тропа образовала,
Скрестясь с другой, подобие моста,
Ведущего во внутренность провала.
Стонали там незримые уста,
И грешники там фыркали, как кони,
И слышал я, как били их ладони
По собственным телам. Густая мгла
Зловонная весь ров заволокла
И, плесенью осев у стенок зданья,
Отравою была для обонянья.
Нечистый ров казался столь глубок,
Что с высоты утеса только мог
Я разглядеть, что происходит в тине.
И видел я: несчастные в пучине
Барахтались, собой являвшей стон,
Казалося, для нечистот вселенной.

Тут одного среди толпы презренной
Заметил я на дне глубоком рва.
Облепленная грязью голова
Виднелась мне, и голосом сердитым
Он закричал: — «Что смотришь на меня?»
Ответил я: — Не с нынешнего дня
Я знал тебя, но лишь с лицом умытым.
Алессио Интерминеи[6] — ты.
Вот почему гляжу в твои черты.

И молвил он, себя ударив злобно
По голове: — «Здесь, в мерзости подобной,

Терзаюсь я за льстивый мой язык».
И заключил учитель: — «В яме грязной
Ты видишь лик рабыни безобразной,
Которая то вскочит, то на миг
Присядет вновь: бессовестной гетеры
Таисы[7] тень во лжи не знавшей меры.
Обманывая их, она своим
Возлюбленным нередко говорила:
— «В тебе одном мне все бывает мило!» —
Теперь ко рвам мы двинемся другим».

Город Лукка

Примечания к восемнадцатой песне

[1] Восьмой круг

[2] Во время папского юбилея 1300 г., устроенного ради всемирного покаяния (и желания пополнить папскую казну) римские власти распорядились поставить на мосту Св. Ангела продольную перегородку. По одной стороне шли богомольцы в храм Св. Петра, по другой — направлявшиеся оттуда в Монте-Джордано

[3] Венедико Каччанемико, болонец, продал родную сестру Гизолу (Гизолабеллу) феррарскому вельможе, маркизу Эсте; некоторые писатели, однако, отрицают этот факт

[4] Болонцы имеют обыкновение повторять слово sipa вместо si (да), и эта утвердительная частица приводится здесь как доказательство их услужливости во всяких, даже бесчестных, делах

[5] Предводитель аргонавтов, отправляясь в Колхиду за золотым руном, остановился на острове Лемнос, где женское население предало смерти всех мужчин. Только дочери царя Изифиле удалось, обманув подруг, спасти своего отца. Язон обольстил Изифилу, ставшую царицей острова, и вскоре отплыл оттуда, оставив девушку беременной. Также изменил он и колхидской царице Медее

[6] Вельможа из города Лукки, утонченно вежливый и бывший одним из отъявленных льстецов своего времени

[7] Здесь речь идет не об известной Таисе Коринфской, а о блуднице Таисе, выведенной в комедии Теренция «Евнухи»

Песнь девятнадцатая

Поэты подошли к *третьему рву восьмого* круга и, взобравшись на вершины отвесных скал, видят на дне его грешников — симониаков, или святокупцов — лиц, торговавших священными предметами, а также духовными должностями. Этот грех называется симонией потому, что некто Симон, как говорится в Деян. апостол., предложил святым апостолам деньги для того, чтобы они передали ему власть творить чудеса. За этот страшный грех виновные, по описанию Данте, наказываются следующим образом: дно третьего рва имеет много круглых ям, в которые заключены головы и тела грешников, в то время как ноги их торчат кверху и подвергаются вечным ожогам пламени. Данте, видя эти мучения, желает знать об их причине, и Вергилий переносит его на руках на дно рва и останавливается у одной ямы, где скрыт папа Николай III. Этот грешник сперва принимает Данте за папу Бонифация VIII, своего преемника, но затем, поняв свою ошибку, рассказывает о своем грехе, намекая и на других лиц духовного звания, виновных в симонии. Данте упрекает грешника за унижение папского достоинства и резко выражает свой гнев. К нему вновь подходит Вергилий, берет в объятия и возносит на мост между четвертым и пятым рвами.

Кудесник Симон, жалкие волхвы![1]
Святынею вы завели торговлю,
На золото ее сменяли вы,
И я для вас проклятие готовлю.
Погребены вы в третьей яме злой.

Приблизившись к ближайшей нам пучине,
Мы на мосту стояли посредине
Над пропастью, окутанною мглой.
Верховная премудрость! Как чудесно
Ты властвуешь в земной юдоли тесной

И здесь, в аду!
Увидел я гранит,
Который сплошь отверстьями прорыт
Был крупными, величиной с купели,
Какими наш Сан-Джиованни храм
Прославился. Одну для доброй цели,
Спасая жизнь невинную[2], я сам
Разбил в куски. Из этих углублений
Виднелися лишь ноги и колени
У грешников. Во внутренности ям
Их голова и тело были скрыты.
Все пламенело: икры и ступни,
Так судорожно двигались они,
Что будь они веревкою обвиты —
То и ее порвали бы в куски.

Я вопросил: — Должно быть, велики
Страдания ближайшего? Сильнее
Он корчится, огонь его краснее,
Чем у других. Но в чем вина его?

— «Когда со мной покинешь ты утесы, —
Ответил мне Вергилий на вопросы, —
Все от него узнаешь самого».
Воскликнул я: — Иду повсюду следом
Я за тобой, о, повелитель мой!
Тебе мой дух и каждый помысл ведом!

По-прежнему обняв меня рукой,
Учитель мой привел меня в четвертый
Глухой проход, удушливый и спертый,
И в яму с ним спустились мы на дно.
Над ямою мы стали роковою,

Где мучился преступник так давно,
И молвил я: — О, дух, вниз головою
Опущенный в могилу, словно кол,
Что в землю вбит! Услышав мой глагол,
Заговори и отвечай без страха!

С ним говоря, имел я вид монаха,
Пришедшего, дабы в последний раз
Напутствовать злодеев, из-под праха
Взывающих к нему, чтоб смертный час
Свой отдалить[3]. И голос со стенаньем
Ответил мне: — «Ужели прорицаньем
Обманут я на многие года[4]?
Ты, Бонифаций, ты пришел сюда?
Ужели ты пресытился богатством?
Из-за него постыдным святотатством
Ты осквернил прекрасную Жену[5]».

Как человек, сознав свою вину,
Безмолвствует, так, не поняв ни слова,
Стоял и я, но молвил мне поэт:
— «Скажи, что счел тебя он за другого!»
Я повторил наставника ответ,
Тут грешный дух затрепетал ногами
И жалобно ответил со слезами:
— «Чего же ты желаешь от меня?
Когда во мрак, не убоясь огня,
Спустился ты, желанием влекомый
Узнать: кто я? — о, путник незнакомый,
Узнай же ты: в обители святой
Венчался я тиарой золотой.
Медведицы[6] я был достойным сыном
И, алчностью безумною объят,

С ним говоря, имел я вид монаха,
Пришедшего, дабы в последний раз
Напутствовать злодеев, из-под праха
Взывающих к нему, чтоб смертный час
Свой отдалить.

(«Ад», Песнь 19)

Обогатить желая медвежат,
Я, сделавшись в отчизне властелином,
Все золото подвластных мне земель
Упрятал в этот каменный кошель[7]
И самого себя к нему в придачу.
В могиле той, где ночь и день я плачу,
Находятся под самой головой
Моей внизу еще симониаки,
Окончившие раньше путь земной,
И ниже сам низвергнусь я во мраке,
Чтоб место дать идущему за мной.
Ты за него сейчас был мною принят,
Но и его скорее опрокинет,
Чем он меня — развратнейший из пап.
Позоря веру Божию с законом,
Он явится новейшим Иасоном[8].
Как древле царь — постыдной страсти раб,
О чем читаем в книге Маккавея,
Дарил своей любовью иудея —
Так и к нему король французский слаб».

Я поступил ли с правдою согласно —
Не знаю сам, но я ответил страстно:
— Господь, ключи от рая Своего
Апостолу вручая, ничего
Не требовал, сказав: «Иди за Мною!»
Когда же был поставлен над казною
Взамен Иуды гнусного Матфей,
Кто требовал из Божьих сыновей
Из той казны сребра себе и злата?
Косней же здесь в пучине без возврата,
Храни казну, добытую тобой
Ценю лжи, позора и коварства!

Из-за нее ты Карла[9] вызвал в бой.
Когда б в былом ключом от Божья царства
Ты не владел — то более жесток,
Наверно, был бы ныне мой упрек[10].
Низвергли вы все истины основы,
Вас, пастыри, наместники Петровы,
В видении своем узрел пророк[11].
Он видел Рим блудницей семиглавой[12],
Блистающей своей позорной славой
И с десятью рогами на челе,
Любовь свою всегда делить готовой
Меж многими царями на земле.
Язычество своею верой новой
Вы сделали, но богу одному
Язычники приносят поклоненье,
А вы себе нашли кумиров тьму.
О, Константин, ты миру дал крещенье,
Но для чего имевшим папский сан
Тобою был и дар богатый дан!

Пока метал я в грешника проклятья,
Раскаяньем иль гневом обуян,
Он корчился. Вергилий же в объятья
К себе опять спешил меня привлечь
И, видимо, мою одобрил речь.
Так, вместе с ним, к его груди прижатый,
Достигнул я высокого моста,
Связавшего четвертый ров и пятый.
Столь грозною казалась высота
И столь тяжел подъем отвесный в гору,
Что здесь прошла б лишь горная коза.
Когда же вниз я опустил глаза —
Долины гладь внизу открылась взору.

Примечания к девятнадцатой песне

[1] Симон из Самарии, прозванный волхвом, обратившийся к апостолу Петру, прося его за деньги научить делать чудеса. От его имени произошло название симониатов, т. е. торгующих священными предметами.

[2] Данте, желая спасти ребенка, упавшего в купель церкви Сан-Джованни во Флоренции, разбил ее, за что и был обвинен врагами своими в нечестивости. Купели того времени представляли собой обширные помосты из камня с четырьмя отверстиями, рядом с которыми стояли священники. Таким образом они были защищены от натиска толпы, так как до 1579 г. во Флоренции крещение совершалось только два раза в год: накануне Пасхи и Троицы.

[3] В Италии заживо зарывали убийц головой вниз; при этом преступники, чтобы отдалить час смерти, нередко призывали к себе монахов-духовников под предлогом открытия новых преступлений.

[4] Грешник этот — папа Николай III из рода Орсини, известный тем, что он всеми способами содействовал обогащению своих племянников и всей своей родни. Такую же казнь Данте предсказывает и сменившему его папе Бонифацию VIII, история которого будет рассказана дальше.

[5] Церковь, которую Николаи III обесчестил симонией, т. е. уступкой выгодных должностей в пользу своих ближайших родственников.

[6] Медведица по-итальянски — orsa. Намек на фамилию Орсини, из которой происходил папа Николаи III, говорящий тут.

[7] Ров, носящий название «Злых ям».

[8] Новейшим Иасоном Данте называет папу Климента V, любимца короля Франции Филиппа Красивого и избранного в 1305 г. благодаря его покровительству, так же Антиох Епифан назначил первосвященником Иасона, пользовавшегося его милостью и введшего в Иудее поклонение языческим богам.

[9] Карл Анжуйский, брат французского короля Людовика Святого, царствовавший в Калабрии под именем Карла I, за племянницу его папа желал выдать своего племянника и, получив отказ, сделался врагом Карла. Здесь горькая насмешка, так как в Аду папа Николай III уже не владеет сокровищами, к достижению которых он так стремился на земле.

[10] Эти слова указывают на то, что Данте уважал папское достоинство и тех пап, которые не опозорили его своими преступными деяниями.

[11] Св. Иоанн Богослов.

[12] Рим был расположен на семи холмах. Десять рогов — десять заповедей, им нарушаемых.

Песнь двадцатая

С моста Данте обозревает *четвертый ров восьмого* круга и видит на дне его обманщиков особого рода — кудесников, волхвов, прорицателей и колдунов. Наказание их состоит в том, что у них лицо повернуто назад, слезы текут по спине, а борода падает на плечи. Вследствие оборота лица они не могут идти вперед, как обыкновенные люди, а постоянно пятятся задом, как раки. Данте плачет при виде этих необыкновенных мучений, но Вергилий укоряет его в скорби и называет заключенных здесь грешников: прорицателя Амфиарая, волхва Тирезия, Аронта и колдунью Манто, по имени которой назван город Мантуя, родина Вергилия; далее Вергилий указывает на Эврипида, врача Михаила Скотта, Гвидо Бонатти, астролога, и прорицателя Асденте и затем, по наступлении утра, предлагает Данте продолжать путь.

Канцоны[1] первой песнею двадцатой
Я новые страданья воспою,
Которые увидел в том краю.
Склонился я над ямою проклятой,
Наполненной слезами. В глубине
Толпа несчастных двигалась на дне,
Замедлив шаг, как делают в церковных
Процессиях, а из очей виновных
Струились тихо слезы их рекой.
Мне странною казалась их походка;
Вглядевшись в них, увидел я с тоской,
Что от груди у всех до подбородка
Искривлены суставы и назад
Обращены их головы. Объят
К ним жалостью, не доверял я взглядам:

Не шли они, но пятилися задом.
Так искажать лишь может паралич,
И я не мог уродство их постичь.
При виде слез, что орошали градом
У грешников не грудь, но спину их,
Увидев образ Божий искаженным —
Я не сдержал, читатель, слез моих.
Но молвил вождь: — «К безумцам осужденным
Ужель готов принадлежать и ты,
Божественной не видя правоты?
Питающий к преступным состраданье,
Подобно им — творит одно лишь зло.
Здесь мертвая любовь существованье
Свое влачит. Приподними чело,
Увидишь ты сейчас Амфиарая[2]
Трусливого, позор родного края,
Под кем земля разверзлась, поглотив
Его собой, а уроженцы Фив
Кричали вслед: — «Зачем сраженья поле
Покинул ты?» — меж тем как против воли
Он падал вниз, Миносом увлечен.
Он далеко желал проникнуть взором,
И ныне, спину сделав из груди,
Здесь осужден небесным приговором
Он ничего не видеть впереди.
Тирезия[3] ты видишь в яме здешней.
Преобразив свой пол и образ внешний,
Он сделался женой и лишь поздней,
Убив жезлом свивающихся змей,
Вернул себе свой образ первобытный.
Предвозвестивший бой кровопролитный
Колдун Аронт[4] спиной к нему идет;

Себе в горах Каррары белый грот
Из мрамора построил звездочет.
А эта тень, которая косою
Закрыла грудь, прославилась красою
И силой чар, и звал ее народ
Волшебницею Манто[5]. Исходила
Она, скитаясь, многие края,
Но суждено ей поселиться было
В том городе, где свет увидел я.
Когда постигла город их неволя,
Лишась отца, пришла она туда
В Италию, поблизости Тироля,
Где высится альпийская гряда,
Которая двум странам служит гранью.
Там в озеро — Бенако[6] по названью —
Вливаются ручьи со всех стремнин
Меж Гардою и склоном Апеннин.
Из Бресчии, из Тренты и Вероны
Три пастыря[7] могли бы здесь народ
Благословлять и утверждать законы.
Здесь Пескиера защищает склоны.
В той местности избыток чистых вод
Из озера становится рекою
С прозрачною и быстрою волною
И, Минчио названье получив,
Струится в По. Но тут реки разлив
Становится болотом зараженным,
Со всех сторон лесами окруженным.
Там поселилась вещая жена
С рабынями меж дебрей неприступных,
И, предана науке чар преступных,
Свой бренный прах сложила здесь она.

Соседний люд, прельстившись этим краем,
Который был болотом, огражденным,
Проник сюда и поспешил возвесть
Он город свой у Манто на могиле,
И Мантуей назвали город в честь
Волшебницы. Они спокойно жили
В большом числе, покуда был врагом
Не вовлечен в погибель Казалоди[8].
И если бы о городе моем
Другой рассказ услышал ты в народе —
Не верь ему!»
— Тебе лишь верю я,
И все иные речи для меня —
Лишь уголья потухшие, не боле! —
Воскликнул я. — Но, молви, посреди
Томящихся в позорной этой доле
Есть граждане известные.
— «Гляди! —
Ответил он, — вот с черной бородою,
Что падает ему до смуглых плеч,
Тот, кто велел в Авлиде пересечь
Канаты все, когда пошла на Трою
Воинственная Греция. Он был
Авгуром там и звался Эврипил[9].
И мной воспет в трагедии высокой[10],
Которую вполне ты изучил.
Вот магию постигнувший глубоко —
Микеле Скотто[11], тощий чародей;
Бонати[12] здесь, морочивший людей,
Корысть его в нем совесть заглушила.
Асденте[13] с ним и кается, что шило
Оставил он. Вот жены: побросав

Веретена и с пряжею вязанье —
Они взамен творили волхвованья,
При помощи своих волшебных трав.
Идем! Звезда, где пребывает Каин,
Несущий терн[14], — теперь вблизи окраин
Находится, у полушарий двух,
Где ропот волн собой ласкает слух[15];
Когда вчера мы шли чрез лес безмолвный —
В лесу глухом светил нам месяц полный[16],
Чей светлый луч в сердца отраду льет».

Так говоря, он шел со мной вперед.

Город Мантуя

Примечания к двадцатой песне

[1] Первой канцоной Данте называет «Ад» — первую часть своей поэмы

[2] Прорицатель, один из семи царей, осаждавших Фивы Во время осады, предвидя гибель, он скрылся, но жена выдала его; он принужден был идти в битву, и расступившаяся земля поглотила его

[3] Фивский волхв, убил пару свившихся змей и превратился в женщину Через семь лет он убил другую пару и снова вернул себе мужской образ

[4] Тосканский гадатель и астролог Он предсказал римские междоусобицы

[5] Знаменитая волшебница, дочь Тирезия Чтобы избежать тирании Креона, она скиталась по свету и прибыла наконец в Италию, где от брака ее с речным богом Тиберином у нее родился сын Энус, основатель города Мантуи, из которого происходил Вергилий.

[6] Озеро Гарда

[7] Это место, где сходятся рубежи трех епархий

[8] Владетель Мантуи Пинамонте Бонакосса убедил его в 1261 г. изгнать несколько дворянских родов, а потом с помощью черни произвел возмущение и умертвил легковерного Казалоди.

[9] Эврипил и Калхас — авгуры, предсказывали победу Элладе.

[10] Данте, устами Вергилия, называет его поэму «Энеида» трагедией потому, что она написана в вы-

соком трагическом стиле и на латинском языке, в противоположность итальянскому, на котором написана поэма Данте «Божественная комедия». Данте в своем послании к Кану Великому, которому посвящена третья часть поэмы — «Рай», говорит «Комедия отличается от трагедии по содержанию тем, что трагедия в начале приятна и спокойна, в конце же ужасна, а по изложению — трагедия высока и торжественна, а комедия низка и смиренна, и язык ее простой, которым говорят и женщины».

[11] Шотландский астролог, состоявший при императоре Фридрихе II.

[12] Гвидо Бонатти, знаменитый астролог из города Форли, обманувший графа Монтефельтро ложным предсказанием.

[13] Пармский сапожник, прославился своими предсказаниями

[14] Звезда эта — луна. Простонародье думало, что на диске месяца виден Каин с вязанкой колючего хвороста на спине, чем оно и объясняло себе видимые на Луне пятна

[15] Волны Атлантического океана, отделяющего Западное полушарие земли от Восточного.

[16] Мерцание месяца — слабый свет человеческой мудрости, служивший путеводным светом поэту, миновавшему с его помощью темный лес заблуждений и достигшему наконец подножия холма спасения.

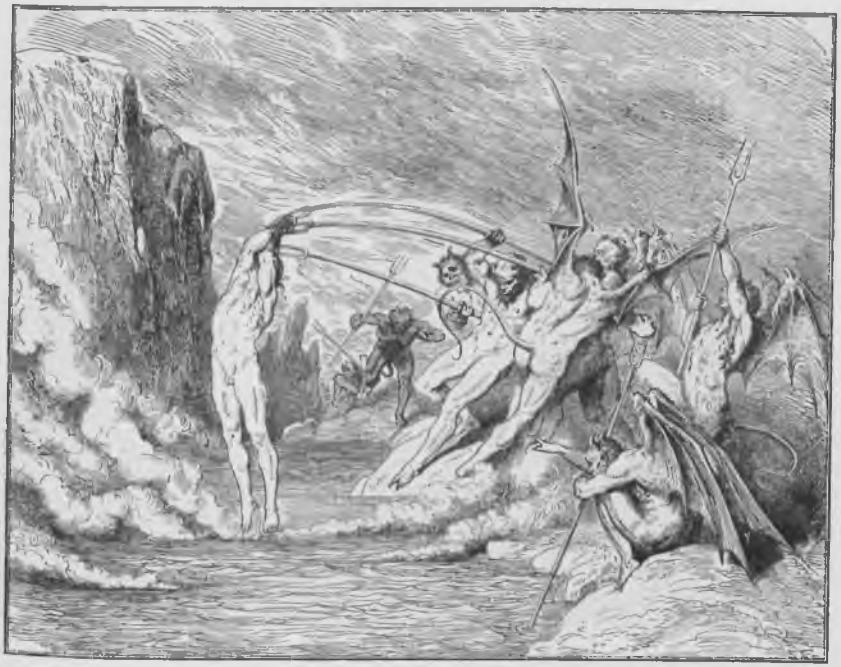
Песнь двадцать первая

Поэты, идя от четвертого рва, взошли на мост и с него увидели *пятый ров восьмого* круга, похожий на щель. На дне этого рва находится озеро, наполненное кипящей смолой, и в нем наказываются люди, противозаконно торговавшие местами и за деньги раздававшие различные должности, а также взяточники. Эти грешники порой выплывают из озера смолы, но их тотчас хватают на вилы демоны, которые бегают по берегам, сдирают с них кожу и вновь бросают в кипящую смолу. Поэты смотрят в ров, и в это время черт приносит на своих плечах сенатора, старшину города Лукки, и бросает в озеро, где его подхватывают на вилы другие черти. Вергилий, посоветовав Данте спрятаться за спину, переходит мост и подвергается нападению толпы дьяволов. Вергилий их укрощает и вступает в переговоры с одним из них, по прозванию Злой Хвост, который, узнав о причинах путешествия Данте и Вергилия по Аду, роняет из рук вилы. После этого Данте выходит, по приказанию Вергилия, из своего убежища и на него нападают черти, которых удерживает, однако, Злой Хвост. Он говорит поэтам, что мост разрушен только в этом рве, а дальнейший цел и необходимо идти по другому пути, для облегчения которого дает им проводников. Последние, угадывая злой умысел своего начальника, делают ему гримасы.

Беседуя о чуждых для поэмы
Предметах, шли мы от моста к мосту,
И пятый ров открылся взору, где мы,
Глубокую встречая темноту,
Услышали стенанья из провала.
Как в здании громадном арсенала
В Венеции, в течение зимы,
Готовят вар для просмоленья щелей
В тех кораблях, что стали жертвой мелей, —
И всюду там, от носа до кормы,

Стучит топор, и нет конца старанью:
Кто трудится над фоком иль бизанью,
А кто канат свивает, и, пока
Здесь конопатят дно или бока,
Там новое сооружают судно —
Так в этом рве, по воле Божьей, чудно
Смолистое кипело вещество,
И, клокоча, корою облепляло
Оно края зловещего провала.

Пока глядел я в страхе на него,
— «Остерегись!» — услышал я воззванье
Учителя и обернулся вдруг,
Как человек, что чувствует испуг.
За мной бежал на близком расстоянье —
Весь черный — демон. Он ужасен был
С копытами и парой черных крыл.
Вращая дико страшными очами
И грешника несущий за плечами,
Которого вниз головой держал,
Туда, где мы стояли, — он взбежал.
— «Эй, Малебранке![1] Вот священной Дзиты[2], —
Воскликнул он, — достойный гражданин!
Его к себе поглубже прибери ты!
В том городе Бонтуро[3] лишь один
Честнее всех. Бегу я без оглядки
За прочими; там процветают взятки,
И ловкие мошенники всегда
Из *нет* для вас готовы сделать *да*!»
И, тут в смолу кипящую с размаху
Швырнув того, кого с собою нес,
Он побежал быстрей, чем лютый пес,



И, молвив так, он сотней острых вил
Несчастного в пучину погрузил,
Сказав ему: — «Во мраке попляши же!»

(«Ад», Песнь 21)

Когда воров, трепещущих со страху,
Старается настичь он. Из смолы
Несчастный грешник вынырнул, но дико
Ему завыли бесы со скалы:
— «Назад, злодей! Здесь нет святого Лика![4]
Ты плаваешь не в Серкио[5] струях:
Когда собой тебе внушает страх
Вид злых когтей — ныряй как можно ниже!» —
И, молвив так, он сотней острых вил
Несчастного в пучину погрузил,

Сказав ему: — «Во мраке попляши же!
Ты совестью своей торговлю вел,
Обманывай, но втайне это делай!»
Так, если суп вскипает пеной белой
И выплывает мясо — то в котел
Его обратно повар погружает,
При помощи железного крюка.

— «Пускай тебя все это не пугает! —
Проговорил учитель мой. — Пока
Тут за скалой укройся, незамечен.
Угрозами опять я буду встречен,
Но, как в былом, отпор нечистым дам!»

Он подошел к шестой из гнусных ям,
И, словно псы, что с лаем и ворчаньем
На бедняка кидаются, когда
Заходит он во двор за подаяньем, —
Так кинулась бесовская орда
К учителю, в него направив вилы.

Но он вскричал: — «Прочь, демонские силы!
Один из вас пусть подойдет сюда;
Терзать меня полнейшую свободу,
Коль смеете, я вам даю потом!»
Раздался крик: — «Зовите Малакоду![6]
Немедленно послать за Злым Хвостом!»

Явился Хвост и вопросил: что надо
У них певцу? — «Ужели в бездну Ада, —
Ответил тот, — решился б я сойти,
Когда б Творцу так не было угодно?

..... Кинулась бесовская орда
К учителю, в него направив вилы.
Но он вскричал: — «Прочь, демонские силы!»

(«Ад», Песнь 21)

Веду с собой по этому пути
Другого я». — «Пускай идут свободно!» —
Воскликнул Хвост, роняя свой багор.

— «Скрывавшийся поодаль до сих пор,
Иди сюда! Дорога безопасна!» —
Сказал певец.
Я поспешил на зов,
Но, увидав грозивших мне бесов,
Затрепетал, как граждане в Капроне[7],
И стал искать защиты у вождя;

В тревоге глаз с нечистых не сводя,
Готовился я втайне к обороне.

Кричали все: — «Поддень его на крюк!» —
— «Ударь его!» — Но Малакода вдруг
Им закричал: — «Эй, смирно, Скармильоне!»[8] —
И продолжал, к нам обращаясь, Хвост:
— «Дороги нет; шестой разрушен мост,
Вы можете погибнуть в том провале.
Уж тысяча и двести шестьдесят
Шесть лет[9] тому исполнилось — не дале
Как лишь вчера. Но с вами мой отряд
Отправлю я, к нему имейте веру.
Вам новый путь чрез горную пещеру
Укажет он. Я посылаю их,
Чтоб наблюсти: из грешников моих
Не всплыл ли кто над смоляной пучиной?
Ступайте вы, Каньяццо, Алекино[10],
Ослушников разите не щадя;
Вы, Либикокко и Графиаканте,
Чирьятто, Фарфарелло, Рубиканте;
Ты, Барбариччьо, будешь за вождя.
Ведите их вдоль берега потока
Вплоть до моста, который уцелел!»

— Учитель мой, — взволнованный глубоко,
Воскликнул я, — разумен ты и смел,
Пойдем одни, без адских провожатых!
Сверкает гнев во взорах их проклятых,
И слышу я зубовный скрежет их.

Ответил он: — «Пускай себе скрежещут
И угрожают взорами! Трепещут

Лишь грешники перед угрозой злых.
Не бойся же бессильного их гнева!»

Тут двинулась дружина вся налево,
Но пред уходом демоны на миг
Все меж зубов просунули язык —
В знак тайного с вождем их соглашенья[11].
А тот ответил знаком одобренья.

Развалины крепости Капрона

Примечания к двадцать первой песне

[1] Общее имя для всех демонов пятого рва. Оно означает «злые когти».

[2] Святая Дзита — покровительница города Лукки.

[3] Эти слова имеют ироническое значение. Бонтуро Дати считался самым продажным человеком среди продажных граждан Лукки.

[4] Византийское распятие из черного дерева в Луккском соборе, особо почитаемое местными жителями, писанное, согласно преданию, самим Никодимом.

[5] Серкио — река, протекающая близ города Лукки.

[6] Малакода в буквальном переводе — «злой хвост».

[7] Гарнизон Капроны, пизанской крепости, сдался в 1290 г. гражданам Лукки, при условии, что жизнь солдат будет сохранена, но, когда они проходили через лагерь, в неприятельском войске кричали: «На виселицу их!» — что, естественно, наводило страх на осужденных.

[8] Скармильоне — вырывающий волосы.

[9] Те 1266 лет, о которых говорит Малакода, еще доказывают, что Данте свое воображаемое путешествие в ад относит к 1300 г. и как будто приписывает разрушение моста землетрясению, бывшему после смерти Спасителя, который умер 34 лет. Если прибавить число 34 к 1266, получится ровно 1300. Шестой мост, действительно, обрушился, но другого моста не оказалось. Малакода обманул путников.

[10] Алекино — заставляющий склоняться других. Каньяццо — злая собака, Либикокко — страстное желание. Графиаканте — кусающая собака, Рубиканте — воспламененный, Барбариччьо — щетинистая борода. Чирьятто — кабаний клык, Калькабрино — топчущий росу, т. е. Божью благодать.

[11] Они, очевидно, поняли злой умысел Малакоды.

Песнь двадцать вторая

Продолжая свой путь по пятому рву, поэты в сопровождении десяти чертей-проводников идут по его окраине. В это время на поверхности смоляного озера появляется грешник, которого захватывает на свой крюк один из чертей и вытаскивает на берег. Дьяволы хотят содрать с него кожу, но Данте просит Вергилия поспешно расспросить грешника об его происхождении и узнает, что это любимец наваррского короля Тебальда. Расспрос продолжается недолго, так как дьяволы продолжают гореть желанием поразить грешника. Но последний избегает мучений, так как бросается сам в озеро и скрывается в нем. За ним вдогонку кидается один из дьяволов, но, не догнав, возвращается на крыльях назад, причем сталкивается с другим своим собратом. Начинается борьба, и оба дьявола падают в кипящую смолу. На помощь им приходят четыре черта, которые и вытаскивают их крючьями из озера, а поэты, пользуясь случаем, уходят.

Видал не раз я конную дружину,
Когда она с врагом вступала в бой
И вслед за тем показывала спину;
Видал еще, как всадники гурьбой
При звуках труб и барабанном треске
Все на турнир спешили в полном блеске;
Видал я рать, чинившую разбой
В окрестностях Ареццо, но доселе
Ни с корабля, в виду опасной мели,
Ни при осаде вражьих крепостей,
Я не слыхал подобного сигнала,
Какой теперь услышал у чертей.
Толпа их нас в пути сопровождала,
Десяток рож! Но так и быть должно!

Во храме нам увидеть суждено
Молящихся, в трактире же — гуляку.

И взорами, привыкшими ко мраку,
Смотрел я вниз, в смолистые струи.
Там грешники, как резвые дельфины,
Чтоб облегчить страдания свои,
Порой на миг высовывали спины.
Подобные лягушкам на пруде,
Которые, скрываясь в воде,
Лишь головы наружу выставляют
И при малейшем шуме исчезают, —
Так и они при виде адских слуг
Спешили все нырнуть в свою пучину.
(Увы, порой припоминая вдруг,
Что видел я, — свой ужас и кручину
Преодолеть доселе не могу.)
Один из них замешкался со страху;
Графиаканте был на берегу,
И, в волосы вцепясь багром, с размаху
Несчастного, как выдру из реки,
Он вытащил. Оскалились клыки,
И раздались нечистых завыванья:
— «Эй, Рубиканте! Рви его в клочки!»
(Я знал теперь их наименованья.)

И молвил я: — Учитель, как зовут
Попавшего врагам на истязанье? —
Он вопросил: — «Зачем томишься тут?
Кто родом ты?» — «Я родился в Наварре[1], —
Ответил дух, — развратника я сын,
Но матерью был добрый господин
Приискан мне; затем при государе
Достойнейшем — Тебальде — я служил,

И, испытав страстей преступных пыл,
Я осужден на гибель без возврата».

Тут в грешника свирепый Чириатто
Вонзил клыки (досталася котам
В игрушки мышь!), но предводитель сам
Вмешался вдруг: — «Постой! Его на вилах
Я подниму!» — и, обернувшись к нам,
Проговорил певцу: — «Покуда в силах
Он говорить, расспрашивай глупца.
Теперь ему не долго ждать конца!»

И начал вождь: — «Поведай, в этом месте
Пизанцы есть?» — И грешник возопил:
— «С одним из них лишь только был я вместе,
И если б с ним по-прежнему я был —
Мне б не пришлось бояться адских вил!»

Разгневанный вмешался Либикокко:
— «Чего болтать? Прошел условный срок!» —
И вырвал он у грешника жестоко,
Вцепясь в него, живого мяса клок,
А Драгиньяццо за одну из ног
Схватил его, не вызвав даже стона.
Но в этот миг их взор декуриона[2]
Остановил, и адский гнев утих.
А грешный дух среди врагов своих
Смотрел на кровь из раны неприкрытой;
Тогда спросил Вергилий у него:
— «А как зовут собрата твоего,
Успевшего бежать?» — «Звался Гомитой[3];
При жизни он был званием монах, —
Ответил дух, осиливая страх. —
Нечестия сосуд, лишенный правил,

Встав на ноги, нырнул без замедленья
Наваррец вглубь и скрылся под смолой.
Обманутый искусно демон злой
Помчался вслед...

(«Ад», Песнь 22)

Обманами он так себя прославил,
Что признан был мошенников царем;
Дон Цанке[4] — с ним, они всегда вдвоем.
Тебе еще сказал бы я о нем,
Бессовестно ограбившем Галлуру,
Но почесать готовятся мне шкуру!»

При этом слове демонов глава
С угрозою взглянул на Фарфарелло
И закричал: — «Прочь, гнусная сова!»

А грешный дух проговорил несмело:
— «Я жителей тосканской стороны
С ломбардцами могу из глубины
Позвать сюда: когда наверх всплывает
Один из нас — то свистом призывает
Он семерых. Пусть только отойдут
(Чтоб не спугнуть несчастных) Малебранке!»

— «Советую не доверять приманке —
Он думает удрать!» — вмешался тут
Каньяццо злой. Но грешный дух, на штуки
И выдумки искусный, молвил им:
— «Я не хитрю, но не хочу на муки
Товарищей предать». — Тогда, другим
Наперекор, воскликнул Алекино:
— «Когда скользнуть ты думаешь ко дну,
Я буду бить крылами над пучиной,
Но за тобой не кинусь в глубину.
Не думай же подвергнуть нас обману:
Я за тобой следить не перестану
Из-за скалы!» — Тут демоны свой лик
(И первый — тот, кто выразил сомненья)
Все отвратили в сторону, и вмиг,
Встав на ноги, нырнул без замедленья
Наваррец вглубь и скрылся под смолой.

Обманутый искусно демон злой[5]
Помчался вслед, крича наваррцу грозно:
— «Ты не уйдешь, беглец!» — но было поздно,
И в воздухе бессильно он повис.
Так сокола увидевшая утка
Немедленно ныряет в страхе вниз.
И бес другой[6], кого взбесила шутка,
Сцепился с тем, кто одурачен был,

И бес другой, кого взбесила шутка,
Сцепился с тем, кто одурачен был,
А в свой черед и тот, что было сил,
Стал раздирать противника когтями.

(«Ад», Песнь 22)

А в свой черед и тот, что было сил,
Стал раздирать противника когтями.
Так потасовка длилась меж чертями,
Пока один решительный удар
Их не свалил в пучину! Сразу злоба
Утихла в них, и охладился жар,
Но как спастись? — они не знали оба:
Так облепила едкая смола
Повисшие их крылья и тела.
Тогда вождем, их ссорой огорченным,
Отправлена подмога им была.
Четыре их собрата опаленным
Наполовину демонам с горы
Там протянули длинные багры
И из смолы их вытащили вскоре.

А мы ушли, чертей оставив в ссоре.

Озеро Гарда

Примечания к двадцать второй песне

[1] Чамполо — сын знатной наваррской девушки, вышедшей замуж за развратника, расстроившего ее здоровье и состояние. Мать определила его к одному барону, откуда он попал ко двору короля Тебальда, осыпавшего милостями этого недостойного слугу

[2] Начальник десяти.

[3] Сардинский монах, вкравшийся в доверие Нино Висконти, правителю города Пизы, и изменявший ему ради денег В это время Сардиния принадлежала пизанцам и разделялась на четыре округа: Логодоро, Галлура, Кальяри и Альборея Гомита был правителем Галлуры

[4] Дон Микеле Цанке, правитель города Логодоро, был известен своим взяточничеством

[5] Алекино.

[6] Калькабрино

Песнь двадцать третья

Данте и Вергилий, оставив дерущихся чертей, идут одни, причем Данте, вспомнив басню Эзопа о мыши и лягушке, сравнивает обстоятельства этой басни со своими и приходит в ужас, опасаясь погони чертей, которые действительно гонятся за поэтами. Вергилий тоже видит погоню, хватает Данте, прижимает его к себе и, прислонившись спиной к откосу скалы, скатывается вместе с ним в *шестой ров восьмого* круга. Этим путем поэты благополучно избегли опасности, так как черти, достигнув границы своего рва, уже не имели возможности продолжать преследование. Тут поэты видят толпу теней, движущихся очень медленно и постоянно плачущих. Это — лицемеры. Они все одеты в мантии с капюшонами, снаружи украшенные золотом, а внутри — свинцом, вследствие чего они крайне тяжелы. Данте, по совету Вергилия, умеряет свои шаги и обращается с вопросом к двум теням, Каталано и Лодеринго, представителям полумонашеского ордена, носившего название «Веселое братство». Затем Данте видит тень Каиафы, распятого на земле и попираемого всеми проходящими; вместе с ними мучаются таким же образом все члены Синедриона, принудившие к распятию Иисуса Христа. Вергилий расспрашивает Каталано о дальнейшем пути и, узнав об обмане чертей, разгневанный, продолжает путь; за ним следует Данте.

В молчании, одни и без защиты,
Мы шли гуськом, как братья-миноориты.
Борьба чертей с концом ее вполне
Эзопово напоминало мне
Сказание про мышь и про лягушку[1],
Что привели к погибели друг дружку.
Не более похожи меж собой
Слова *теперь и ныне* — как борьбой
Бесовскою сказанье это схоже.

Учитель мой безмолвствовал, я тоже
Не говорил, но мне на ум пришло,
Что демоны, обманутые зло,
Настигнув здесь, нас растерзают скоро,
Как двух зайчат — собак свирепых свора.
И я вскричал с увлаженным челом:
— Учитель, нас укрой без замедленья!
Я чувствую нечистых приближенье. —
Он отвечал: — «Когда б я был стеклом,
То не быстрей наверно б отразился
Поверхностью моею этот лик,
Чем я во внутрь души твоей проник
И к нам двоим с советом обратился.
Когда бы нам пройти вон тот откос

.....Едва лишь мы в долину
Спустилися, как, поднимая взгляд,
Увидел я весь демонский отряд
Над головой моею, на вершине.
Но злобы их я не страшился ныне.

(«Ад», Песнь 23)

И в ров шестой спуститься удалось —
Мы избежим погони беспощадной».

Едва слова он эти произнес,
Как я отряд увидел кровожадный
Поблизости. Тогда, схватив меня
В объятия, как мать, среди пожара
Спасающая сына из огня,
Не чувствуя опасности и жара —
Он кинулся отчаянным прыжком,
Неся меня, с высокого откоса[2].
Едва ль вода, сбегая ручейком
И приводя в движение колеса
На мельнице, струится вниз быстрей!
Не как собрат, меня к груди своей
Он прижимал, но ласку мне, как сыну,
Оказывал. Едва лишь мы в долину
Спустилися, как, поднимая взгляд,
Увидел я весь демонский отряд
Над головой моею, на вершине.
Но злобы их я не страшился ныне:
Переходить из пятого в шестой
Соседний ров им волею святой
Воспрещено; те скалы — их граница.

Я увидал, как двигалась кругом
И плакала в отчаянье немом —
Блистательная теней вереница.
На каждой был монашеский убор,
Который в Кельне носят до сих пор,
И капюшон полускрывал их лица.
Снаружи он, как золото, блистал,

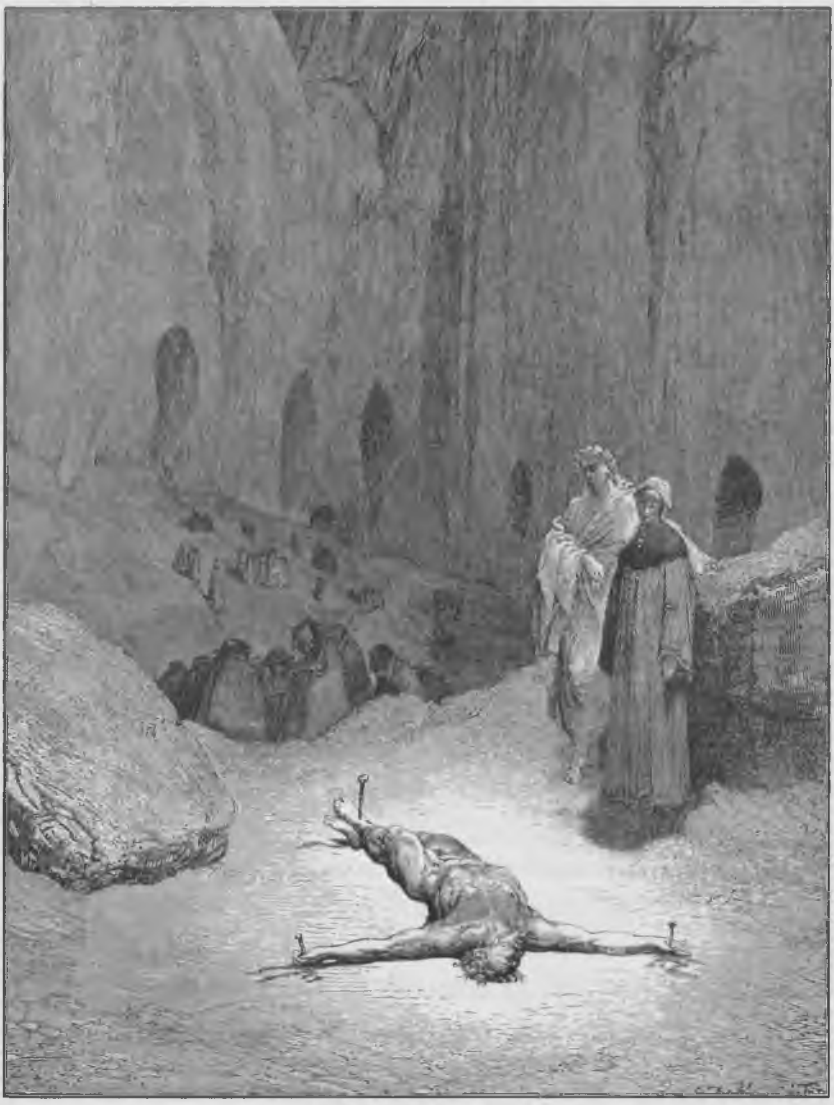
Я увидал, как двигалась кругом
И плакала в отчаянье немом —
Блистательная теней вереница.
На каждой был монашеский убор,
Который в Кельне носят до сих пор...

(«Ад», Песнь 23)

Но тяжестью свинцовой угнетал;
В сравненье с ним подобен был соломе
Плащ Фридриха[3]. В мучительной истоме
Они брели, и, обгоняя их,
Мы все меняли путников своих.
И молвил я: — Быть может, нам знакомо
Прозвание кого-нибудь из них?
Дозволь, о вождь, к ним обратиться с речью!

Тогда один, к тосканскому наречью
прислушавшись, воскликнул: — «Быстрый шаг
Замедли свой! Куда в подземный мрак
Стремишься ты?» — И произнес Вергилий:
— «Замедли шаг, чтоб мог он без усилий
Идти с тобой!» — И я, остановясь,
Стал поджидать двух грешников, которым,
Казалося, догнать хотелось нас.
Идущие обменивались взором,
И вымолвил ближайший, наконец:
— «Судя по речи, этот — не мертвец,
А если же они живые оба,
То почему и за пределом гроба
Их мантия не давит, как свинец?
Не ведаем подобных мы примеров». —
Он продолжал, смотря в мои черты: —
— «Тосканец, ты в темнице лицемеров
Находишься. Поведай нам: кто ты?»

— Отчизною мне город был известный
Вблизи Арно, — я молвил на вопрос, —
И я досель ношу состав телесный.
Но кто же вы? Ручьями жгучих слез
Без устали оплакивая горе,
Вы ходите в блистательном уборе. —
Он возразил: — «Наш блеск — не для красы,
Мучительно нас давит гнет тяжелый,
И так же, как под тяжестью весы,
Трещит спина. Мы «братией веселой»[4]
Звались в былом, и наши имена
Известны всем. Собрат мой — Лодеринго,
Я — Каталано. Вся твоя страна,



..... Явился мне лежащий
Во прахе дух, от ярости дрожащий...

(«Ад», Песнь 23)

Где правили мы в эти времена,
Приписывает нам пожар Гардинго».

— О, братие, ужель?.. — но замерла
Речь на устах. Явился мне лежащий
Во прахе дух, от ярости дрожащий,
Из чьей груди торчали три кола[5].
Монах сказал: — «Пожертвовать Единым,
Дабы спасти Израиля народ,
Настаивал тот вождь пред санхедрином.
И вот теперь, казнимый в свой черед,
Выносит он всех проходящих бремя.
Мучению такому ж осужден
И тесть его, и весь синедрион,
Что для евреев был несчастий семя».

Меж тем поэт, глубоко изумлен[6],
Рассматривал того, кто пригвожден
Во прахе был на вечные проклятья,
Потом сказал: — «Когда об этом, братья,
Вам говорить дозволено — то мне
Поведайте: на правой стороне
Имеется ли выход из пучины,
Чтоб не пришлось у демонской дружины
Нам помощи испрашивать в пути?»
Ответил тот: — «Здесь возвышались скалы,
Разрушенные ныне, но пройти
Вы можете по дну через обвалы».

При тех словах поэт потупил взор
И произнес, глубоко возмущенный:
— «Как обманул нас враг ожесточенный,
Что грешников цепляет на багор!»

А брат сказал: — «Исчисливши в Болонье
Диавола грехи и беззаконья,
Его назвали «всякой лжи отцом».

И спутник мой с разгневанным лицом
Пошел вперед поспешною стопою,
И, с грешною расставшися толпою,
Я следовал за дорогим певцом.

Мост Граций во Флоренции

Примечания к двадцать третьей песне

[1] Лягушка, желая погубить мышь, вызвалась путешествовать с ней вместе, для чего привязала ее к себе. Нырнув в воду, она утопила мышь, но пролетавший мимо коршун, увидав в воде мертвую мышь, вытащил ее, а с нею вместе — лягушку и проглотил обеих. Демоны, желая навредить друг другу, также оба попали в кипящую смолу.

[2] Мост через шестой ров разрушен, в то время как Злой Хвост уверил поэтов в его целости. Видя близкую погоню и не найдя моста, Вергилий скатывается по склону между пятым и шестым рвом.

[3] Император Фридрих II приказывал надевать на преступников плащи из свинца, в которых их сжигали на кострах.

[4] В папствование Урбана IV был учрежден особый полусветский орден, члены которого, обладая большими богатствами, вели разгульную жизнь и получили в насмешку прозвание «веселой братии». Двое из них — Каталано и Лодеринго — были флорентийскими подестами (правителями) и, предавшись гвельфам, приказали сжечь находившиеся в Гардинго дворцы гибеллинов.

[5] Первосвященник Иудейский — Каиафа, осудивший на смерть Спасителя. Он пригвожден к земле тремя колами, и по телу его проходят все лицемеры.

[6] Вергилий изумляется, так как в первое его странствование по Аду Каиафа еще не был казнен.

Песнь двадцать четвертая

Данте, видя гнев и смущение Вергилия, пугается, но последний успокаивает его своей обычной лаской. Затем они подходят к мосту в виде обрушившейся скалы, по которому им нужно выйти из шестого рва. Видя трудность пути, Вергилий берет Данте на руки и всходит на гору, служащую мостом; одолев ее, поэты сходят в *седьмой ров восьмого* круга. Здесь все пространство наполнено страшными змиями, между которыми бегает толпа теней, отыскивающая себе спасение от укусов змей. Грешники, которые наказываются здесь, суть воры. Змеи обвивают их тело в виде колец и совершают с ними различные превращения. Данте видит, как змея бросается на одного грешника, жалит его, и тот от укуса начинает гореть и падает на землю в виде пепла; но этот пепел тотчас же вновь сам собою собирается, и из него возрождается тот же грешник. На вопрос Вергилия грешник говорит, что на земле его звали Ванни Фуччи, а также рассказывает о своем преступлении — краже священных сосудов из храма Св. Иакова в его родном городе Пистойе. Вместе с этим он предсказывает Данте, чем завершится борьба Белых и Черных во Флоренции и что Данте вместе с Белыми подвергнется изгнанию.

В те дни, как солнце в урне Водолея[1]
Уже купает золото лучей,
Укоротив холодный мрак ночей, —
Порой в полях, как зимний снег белея,
Вдруг изморозь ложится, и пастух,
Увидев луг под пеленою снежной,
Идет к себе в печали безнадежной
Но вскоре он опять выходит в луг
И, увидав, что все зазеленело
И Божий мир переменил свой лик —
На пастбище овечек гонит смело.

Так вид певца смутил меня на миг —
Настолько был он странен и печален;
Когда же мы достигли с ним развалин,
Он обратил ко мне приветный взор
И снова мне объятия простер.

Мы поднялись на самый верх обрыва.
Указывая мне утес другой,
Он произнес: — «Иди неторопливо
И камень ты ощупывай ногой:
Обрушиться он может под тобой».

Едва ли б здесь свершили путь суровый
Те грешники, влача наряд свинцовый,
Когда и мы тут выбились из сил,
Хотя поэт бесплотным духом был
И вел меня, поддерживать готовый.
По счастию, со стороны одной
Короче путь, и этой стороной
Мы шли теперь, — весь круг идет наклоном
К колодезю, которому дано
Название «Злых ям». Когда по склонам
Достигли мы вершины, стеснено
Дыхание в груди усталой было,
И далее я двигаться не мог.

Но молвил вождь с несокрушимой силой:
— «Не сожалей о трудностях дорог,
Которые ведут к бессмертной славе!
Кто нежится — тот ждать ее не вправе.
Слабей, чем рябь на зеркале воды,
Чем легкий дым, растаявший в эфире,
Он за собой следы оставит в мире.

Дух закали на новые труды,
Пускай над ним не торжествует тело!
Нам предстоит мучительный подъем,
Но и тогда в пути своем предела
Мы не достигнем все-таки». — Идем! —
Воскликнул я, по-видимому, смело,
Хотя в душе я слабость ощущал.

Мы двинулись среди отвесных скал,
И тут, моста достигнув середины,
Я гневный крик услышал из пучины,
Но тщетно взор я погружал во тьму
И молвил так поэту моему:
— Я слышу крик, но не найду причины,
Приблизимся туда! — «Без лишних слов
Разумное исполнить я готов», —
Ответил он. Вперед пошли мы прямо,
И тут восьмая мне предстала яма.
Скопленье змей увидел я на дне,
Которое кровь леденит во мне.

Пусть Ливия не хвалится отныне
Кишащими в песках ее пустыни
Гелидрами и амфисбеной злой,
Якулями[2], что схожи со стрелой, —
Ни там, ни в царстве черных эфиопов —
Не видано нигде подобных змей!
Но в поисках камней-гелиотропов[3]
Отчаянно метался рой теней,
Убежища ища среди развалин.
У всех у них нагие их тела
Змея кольцом зловещим обвила.
Но вот один, гадюкою ужален,

Отчаянно метался рой теней,
Убежища ища среди развалин.
У всех у них нагие их тела
Змея кольцом зловещим обвила.

(«Ад», Песнь 24)

Воспламенясь, упал, сгорев дотла —
Скорее, чем здесь начертить могла
O или I^4 рука моя! Со страхом
Увидел я: развеянные прахом
Частицы вновь сплотились меж собой,
И принял он обычный образ свой.

Так возникает вновь из пепелища
И Феникс тот, проживший пять веков,

Кому чужда из хлебных злаков пища
И чей костер из нарда лепестков.

Как одержимый бесом иль недугом
Вдруг падает на землю, и, когда
Кончается припадок[5], он с испугом
Встает, не зная, как попал сюда? —
Так грешник встал, из пепла возрожденный.
(Жестоко род караешь осужденный,
О, правосудье Божие!) Поэт
Спросил: кто он? — и грешник дал ответ:
— «Недавно лишь покинул я Тоскану,
Я — Ванни Фуччи[6] и таить не стану
Моей души преступной черноту.
Я жизнь влачил, приличную скоту,
И мне была берлогою Пистойя».

— Учитель мой, пускай, пред нами стоя,
Расскажет он, что в яму привело
Его сюда? — сказал я и заметил,
Как вспыхнуло у грешника чело.
Но, не таясь, он тут же мне ответил:
— «Мучительней страдаю я теперь,
Вас видя здесь свидетелями срама,
Чем расставаясь с жизнию, поверь.
Сосуды все похитил я из храма
И обвинил другого в воровстве.
Но не спеши отсюда в торжестве,
Не радуйся моим делам позорным.
В Пистойе нет теперь спасенья Черным,
Но станет вся Флоренция иной,
Из Валь-ди-Магры грозною войной
Восстанет Марс[7] и Белых уничтожит.
Пускай тебя такая весть встревожит[8].

Долина реки Магра

Примечания к двадцать четвертой песне

[1] С конца января до половины февраля солнце находится в созвездии Водолея и пригревает в Италии так сильно, что пастух дивится, видя нивы, побелевшие от инея, который исчезает с восходом солнца.

[2] Названия этих змей заимствованы Данте у Лукана; в действительности они не существовали, а упоминались только в баснях и вымыслах. Значение их следующее: гелидры — водяные змеи; амфисбена — змея, которая имеет одинаковую толщину как у головы, так и у хвоста, вследствие чего древние думали, что она может двигаться назад и вперед; якули — змеи, которые набрасываются на свою добычу с быстротой стрелы.

[3] В древности полагали, что этот камень спасает от укусов змей и обладает свойством делать человека невидимым.

[4] Буквы, которые быстрее всего можно написать.

[5] Падучая болезнь, приписываемая в древности демонской силе.

[6] Ванни Фуччи украл из собора Св. Иакова в Пистойе священные сосуды, которые отдал на хранение другу своему Ванни делла Мона, а когда начались розыски, указал на него как на вора, за что последний и был повешен.

[7] В конце XIII века в Пистойе знаменитый род Канчельери разделился на две партии — Белых и Черных (см. «Ад», песнь шестую). К партии Черных примкнул и вышеназванный Ванни Фуччи, убивший Фоккаччиа Канчельери из партии Белых. Эти, в свою очередь, отомстили убийством Детто из партии Черных. Ввиду вражды этих партий они были изгнаны из города, но борьба была перенесена ими во Флоренцию. Некоторым Черным удалось снова завладеть Пистойей, но в 1301 г. Белые с помощью флорентийцев изгнали их из этого города и захватили там власть. Однако уже в 1302 г. на Пистойю напало войско Черных, во главе которого стоял маркиз Маластина. Это войско собралось в долине Магры (Валь-ди-Магра) и сразилось с Белыми, которые после этого были изгнаны как из Пистойи, так и из Флоренции. Это именно и предсказывает Данте Ванни Фуччи (см. прим. 8). Под именем Марса он разумеет здесь маркиза Маластину.

[8] Данте, приверженец к партии Белых, был изгнан из Флоренции.

Песнь двадцать пятая

Ванни Фуччи, окончив свой рассказ, начинает страшно богохульствовать и убегает от поэтов; но на него нападают две змеи, одна охватывает петлей его шею, а другая сжимает руки тесным кольцом. Грешник приходит в ужас, бежит, но за ним гонится центавр Какус, на плечах которого сидит дракон с распростертыми крыльями. Вергилий рассказывает Данте историю Какуса, а в это время перед ними появляются три новые тени — Аньело, Буозо Донати и Пуччио Шианкато — флорентийцы, приверженцы партий Белых и Черных. На первого — Аньело — набрасывается дракон и срастается с ним совершенно, так что из двух существ образуется одно. Дракон этот — флорентиец Чианфа. Когда совершилось слияние Чианфы с Аньело, на Буозо бросается черный змей, в котором заключен дух Кавальканте; он превращается в человека, а Буозо — в змею, и только один Пуччио Шианкато остается неизмененным.

Так говоря, сложил свои персты,
Показывая фигу[1], плут презренный,
И стал хулить суд Господа священный.
При первом же шипенье клеветы
Сдавил ему один из змеев шею
(Я с этих пор питаю дружбу к змею);
Тем временем другой громадный гад,
Прильнув к рукам, их закрутил назад,
Лишив его возможности движенья.
Вскормившая своих преступных чад,
Пистойя, стань добычей разрушенья!
Я не встречал, пройдя чрез целый ад,
Подобного в грехе ожесточенья,
Наглее не был дерзкий Капаней[2].

Я увидал кентавра приближенье,
Кричавшего: — «Где он? Где тот злодей?» —
Не думаю, чтоб столько лютых змей
Нашлось в Маремме, сколько извивалось
Вокруг него — от ног и до хребта.
Меж плеч его зубами в тыл впивалось
Чудовище крылатое, уста
Которого дышали лютым зноем.

Сказал поэт: — «Близ Авентинских гор
Тот Какус[3] жил насильем и разбоем;
Меж братьями и им царил раздор,
Но Геркулес ударов целой сотней
Свалил его однажды на пути,
И умер тот от первых десяти».

Учителю внимал я все охотней,
Кентавр исчез, услышав те слова,
Но тени три, которых мы сперва
Не видели во мраке за утесом,
О том: кто мы? — приблизились с вопросом.
Я их не знал, но вскоре первый дух:
— «Чианфа[4] где?» — спросил последних двух,
И тотчас же я сделал знак поэту.

Читатель мой, когда бы повесть эту
Ты басней счел — не удивлюсь тому,
Едва себе я верю самому!

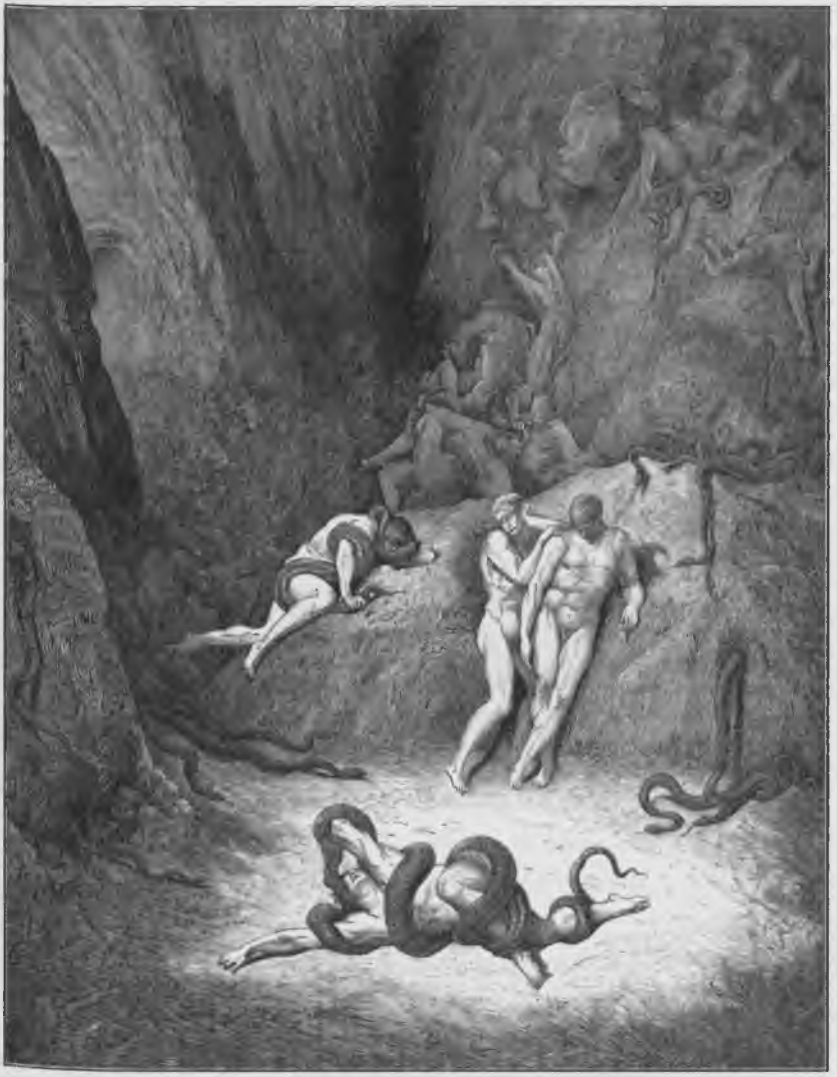
Вдруг кинулся дракон с шестью ногами
На грешника; как цепкими узлами,
Он парой лап обвил ему живот,
Причем ланит коснулся страшный рот.
Передние на плечи он закинул,

А задние вдоль по бокам раздвинул
И длинный хвост продел ему меж ног.
Деревья плющ так обвивать не мог,
Как страшный гад вкруг тела обвивался;
Два существа сплелись в один клубок,
Как с воском воск — обоих цвет сливался.
Не так же ли, когда полуистлел
Бумаги лист, не черен и не бел
Он кажется? Другие два, несмело
Взиравшие, вскричали: — «О, Аньело![5]
Ты не один и, вместе с тем, не два,
Не видано столь страшной перемены!»

Слилась с одной другая голова,
Смешалися все их черты и члены:
В одном исчезли оба существа,
Утративши свой вид первоначальный.

Смотря на них, безмолвный и печальный,
Я увидал: своею быстротой
Уподобляясь ящерице той,
Которая как молния мелькает
И в знойный день нам путь пересекает, —
Вдруг выползла змея; она была
Вся перечного цвета и мала.
И, грешника ужалив прямо в чрево,
Она в пыли простерлась перед ним.
Из ран его и у змеи из зева
Багрового клубился легкий дым,
Соединясь вверху столбом одним.

Не пой, Лукан, о том, как был Медузой
Спален Сабел[6]; о Кадме с Аретузой[7]
Не повествуй, Овидий-чародей!
Пускай ее ты превратил в ручей,



Вдруг кинулся дракон с шестью ногами
На грешника; как цепкими узлами,
Он парой лап обвил ему живот,
Причем ланит коснулся страшный рот.

(«Ад», Песнь 25)

Его — в змею, — такого превращенья
Ты не свершил, какое видел я.

Свидетелем я стал перерожденья.
Свой длинный хвост раздвоила змея,
Лежавшая во прахе у дороги,
У грешника срослись чудесно ноги
И руки в плечи спрятались свои.
Но удлинялись лапы у змеи,
Из задней пары нижняя часть тела
Возникла вдруг, а у него твердела,
Меж тем она под слоем чешуи
И в длинный хвост преобразилась сразу.

Я наблюдал, почти не веря глазу;
Тут дымом все на миг заволоклось,
Я грешника увидел без волос
И волосы — на голове у змея.
Один, в ногах опоры не имея,
На землю пал, влача змеиный хвост,
А бывший змей во весь поднялся рост,
Но взорами они не разлучались
И вмиг под их влияньем изменялись.

У вставшего явились в краткий срок —
С зубами рот, и нос, и пара щек;
У павшего, как это видно было,
Втянулись уши в голову и лик
В змеиное вытягивался рыло.
Тут у него раздвоился язык,
А у змеи раздвоенное жало
Ее срослось. Тогда, как надлежало,
Дух, зверем став, со свистом убежал,
А змей переродившийся сказал,

Плюя вослед: — «Исполнилась угроза!
Подобно мне, пусть ползает Буозо!»[8]

Так увидал я превращений ряд.
Пусть, оправдав предмета новизною,
Мне описанье бледное простят.
И Пуччио[9] был также узнан мною,
Хотя порой мутились ум и взгляд.
Лишь он один избегнул превращенья.

Другой был Кавальканте[10] привиденье.

Гавилле

Примечания к двадцать пятой песне

[1] Самый обидный жест в Италии Пистойцы, в обиду Флоренции, однажды поставили столбы с изображением руки, указывающей на вражеский город, причем большой палец ее был просунут между указательным и средним.

[2] Капаней — см. «Ад», песнь четырнадцатую

[3] Разбойник-кентавр, убитый Гераклом за то, что он похитил у него волов, которых Геракл, в свою очередь, увел от Гериона (см. «Ад», песнь семнадцатую). Данте делает его здесь стражем воров Какус жил на Авентинском холме близ Рима.

[4] Чианфа (Чанфа) Донати, флорентиец из партии Черных, превращенный в шестиногого дракона

[5] Флорентиец Аньело Брунеллески, тоже из партии Черных. Он при жизни делился украденным с Чианфой, вследствие чего в Аду оба они свиваются вместе в одно целое.

[6] Один из воинов Катона, погибших в Ливийской пустыне. Он, по словам Лукана, был ужален змеей и превратился тотчас же в золу. Другой воин так распух от укуса змеи, что на нем лопнули железные латы.

[7] Рассказ из Овидиевых «Превращений».

[8] Буозо Донати, знатный флорентиец

[9] Пуччио (Пуччо) дей Галигаи, тоже родом из Флоренции.

10 Черная змея (перечного цвета) — Франческо Кавальканти, передавший свою змеиную натуру Буозо Донати, принадлежал к партии Белых и был убит жителями Гавилле, которым страшно отомстили за его смерть его друзья и единомышленники.

Песнь двадцать шестая

Данте, увидев все ужасные превращения, которые он описал в предыдущей песне, разражается упреками в отношении Флоренции и предсказывает ей гибель от испорченности нравов ее жителей. Затем он с помощью Вергилия взбирается на мост, перекинутый через *восьмой ров восьмого* адского круга. С этого моста Данте видит языки пламени, в которые заключены души злых советников; он спрашивает Вергилия о том, кто заключен в раздвоенном вверху пламени, и узнает, что тут наказываются Улисс и Диомед, благодаря хитрости и пагубному совету которых погибла Троя. После этого Вергилий, по просьбе Данте, вступает в разговор с Улиссом, и тот рассказывает о своем путешествии с товарищами за Геракловы столбы (Гибралтар), а также на Восток; в последнем пути на корабль Улисса налетел вихрь, который и потопил в океане его самого и всех его спутников.

Ликуй, гордись, Флоренция, по праву,
Завидую себе, стяжавши славу,
Которая проникла даже в Ад!
Среди воров я с полдесятка чад
Нашел твоих, что, бывши взяты вместе,
Тебе и мне не сделали бы чести.

Когда не лгут нам утренние сны[1],
То над тобой исполниться должны
Проклятия не одного лишь Прато[2].
И, если нет к прошедшему возврата,
Пускай скорей обрушится беда:
Она страшней в позднейшие года.

Мы поднялись по лестнице, с которой
Спускалися недавно, и опорой
Лишь руки нам служили на пути.
Но продолжал поэт меня вести
Опасною дорогой меж развалин.
Я был душой глубоко опечален
И предаюсь печали до сих пор,
Припомнив все, что там увидел взор,
Но сердце я немедленно смиряю,
Боясь, что я в волненье утеряю
Разумного и доброго предел
И блага все, мне данные в удел.

Как селянин июльскою порою,
Покоясь в час вечерний под горою,
Чтоб отдохнуть от зноя и жары,
В тот час, как мух сменяют комары,
Любуется, увидевши в долине,
Где сад его и поле, меж ветвей
Блестящий рой светящихся червей —
Так увидал и я внизу, в пучине
Несчастный ряд светящихся огней.

Как Елисей, подняв к лазури око,
Уже не мог в ней различить пророка[3]
И колесницу с парою коней,
Казавшихся лишь облаком прозрачным —
Так двигались огни в вертепе мрачном,
И в каждом был несчастный дух сокрыт.

Я все стоял, держася за гранит,
Чтоб не упасть. — «В светильниках зажженных, —
Сказал поэт, — добычею огня

Заключены здесь души осужденных».
Я отвечал: — Ты убедил меня,
Что я был прав. Но чей огонь раздвоен?
И тот костер напоминает он,
Где Этеокл с Полиником[4] сожжен?

Ответил вождь: — «Эллады храбрый воин,
Здесь Диомед[5] с Улиссом заключен.
Когда-то грех они свершали вместе,
При помощи коня введя в обман
И гибели предав троянский стан,
За что теперь подверглись высшей мести.
По их вине здесь Ликомеда[6] дочь —
Хотя мертва — тоскует день и ночь,
И ими взят Палладиум[7] безбожно».

Воскликнул я: — Когда для них возможно
К нам говорить из пламени — стократ
Молю тебя и вновь молить я рад:
Дождемся здесь двурогого сиянья! —
Ответил он: — «Готов твое желанье
Исполнить я, но должен остеречь:
Им чуждою твоя была бы речь,
И лучше я речь поведу к обоим».

Когда огонь приблизился, героям
Так молвил он: — «Вы, в пламени одном
Пылающие здесь неразделимо,
Коль скоро я — певец родного Рима,
Снискал у вас в пути моем земном
Хоть слабое внимание — то ныне
Поведайте о вашей мне кончине».

«В светильниках зажженных, —
Сказал поэт, — добычею огня
Заключены здесь души осужденных».

(«Ад», Песнь 26)

Светильник тот, который выше был[8],
Затрепетал, как будто бы гасила
Его огонь холодных ветров сила,
И, наконец, с трудом заговорил:
— «С Цирцеею[9], которой околдован
Был целый год, когда расстался я
(*Гаэтой* град ее наименован
Впоследствии Энеем был), — семья,
Любовь отца[10], святые ласки сына
И Пенелопы преданной кручина
Остановить порывов не могли,
Что в край меня неведомый влекли.
Увидеть я хотел чужие страны,
Добро и зло, и правду, и обманы —
Изведать все. Так из родной земли
Отплыл я вдаль с немногими друзьями
На корабле единственном. С кормы,
Качаемы волной, глядели мы,
Любуяся Марокко берегами,
Сардинией и рядом островов.
Когда же Геркулесовых столбов[11]
Достигли мы под старость и Севилья
С Сеутою остались позади,
Воскликнул я с волнением в груди:
— «Ценой трудов и тяжкого усилья
Достигли мы заката. Посвятим
Остаток дней мы подвигу и следом
Плывем туда за солнцем золотым,
В чудесный мир, что никому неведом.
Не для того на свет мы рождены,
Чтоб жалкое влачить существованье,
Но до конца за истиной должны

Стремиться мы к добру и к свету знанья!»
Так, обратясь к пытливому уму,
Я возбудил их силою воззванья,
И, на восток оборотив корму,
На веслах мы, как на крылах, помчались.
Других небес нам звезды зажигались,
С тех пор как мы в стремлении вперед
Заветные переступили грани —
Пять раз луна над гладью синих вод
Сияла нам. Внезапно в океане
Увидели мы гору сквозь туман, —
Подобных гор я ни в одной из стран
Не видывал. Тут с силой непонятной
Вдруг с берега поднялся ураган
И нас в корму ударил троекратно,
И трижды руль выдерживал напор.
Но Господа свершился приговор:
Четвертая волна восстала вскоре,
И в тот же миг нас поглотило море»[12].

Город Прато

Примечания к двадцать шестой песне

[1] Утренние сны считались самыми правдивыми. Предчувствие несчастий родного города Данте высказывает в форме сновидения.

[2] Соседний город Прато ненавидел Флоренцию, притеснявшую его.

[3] Имеется в виду Илья Пророк, вознесшийся на небо.

[4] Этеокл и Полиник, сыновья Эдипа, умертвившие друг друга в борьбе из-за Фив. После смерти тела их были положены на один костер, но пламя разделилось на два огненных языка, которые словно боролись между собою.

[5] Улисс и Диомед заключены в один огненный столб, как неразлучные изобретатели различных хитростей против троянцев. По совету Улисса греки построили деревянного коня, внутри которого спрятались Улисс и другие герои. Троянцы, поверив, что конь предназначен богине Палладе, дозволили втащить его в Трою, ночью греки вышли из коня и открыли ворота своим войскам. Тогда Эней, бежав из Трои с немногими гражданами, прибыл в Италию, где положил основание будущей Римской империи.

[6] Дендамия, дочь царя Ликомеда, возлюбленная Ахилла, имевшая от него сына Неоптолема. Улисс убедил Ахилла покинуть ее.

[7] Величайшая троянская святыня, статуя богини Паллады, с которой была связана судьба города.

[8] Более разумный Улисс.

[9] Волшебница Цирцея, околдовавшая Улисса и его спутников.

[10] Т. е. ни преданность Лаэрта, престарелого отца, ни ласки Телемака, юного сына Одиссея, ни верная любовь Пенелопы, образца жен.

[11] Геркулесовы столбы — Гибралтар; Севилья — город в Испании, Сеута — гавань в Марокко.

[12] По мнению старинных комментаторов, Данте разумел под этой горой чистилище, по мнению позднейших — платоновскую Атлантику, или Америку. Поэтический рассказ Улисса есть предсказание открытия Америки. Данте вообще здесь описывает странствование Улисса не согласно с Гомером, а по тем преданиям о нем, которые были запечатлены римскими писателями. Так, например, Плиний говорит, что Улисс основал город Лиссабон, а Тацит — что он был у берегов Немецкого моря.

Песнь двадцать седьмая

Окончив свой рассказ, Улисс, с разрешения Вергилия, удаляется, а вместо него появляется новое пламя, в котором заключен граф Гвидо де Монтефельтро, наказываемый тоже за свой зловредный совет. Этот грешник обращается к Вергилию с расспросами относительно политического положения Романьи, его родины. Данте, по приказанию Вергилия, подробно отвечает Гвидо и просит поведать ему свою историю. Гвидо де Монтефельтро называет свое имя и говорит о том, как он дал совет папе Бонифацию VIII во время его борьбы со знаменитым родом Колонна. Затем он рассказывает о том, как в минуту его смерти произошел спор из-за его души между св. Франциском и одним из черных херувимов, а также о том, как адский судья Минос направил его душу в восьмой круг Ада для вечного наказания. Затем грешник умолкает и удаляется от поэтов, которые отправляются в дальнейший путь по Аду.

Огонь замолк и удаляться стал,
Отпущенный поэтом сладкогласным,
Но тут другой моим очам предстал;
Шипением и шорохом неясным
Внимание мое привлек он вмиг.

Как некогда тот раскаленный бык[1],
В котором был изжарен для начала
Творец его, хотя из меди был,
Но голосом людским заговорил —
Так выхода пока не обретала
Себе в речах душевная тоска.
Когда же она сквозь острие прорвалась,

Немедленно все пламя всколебалось,
Волнуемо движеньем языка.

Дух[2] начал так: — «Афинскому царю
На языке ломбардском удалиться
Ты приказал, но с речью обратиться
Дозволь к тебе. Ты видишь, я горю
И, несмотря на это, не сгораю.
Когда пришел к безрадостному краю
Ты из земли латинской, мне родной,
Где грешником свершил я путь земной, —
Скажи: судьбой ниспослана в Романью
Война иль мир? Я родился меж гор,
Которые Урбино служат гранью».

Ему внимал я молча до сих пор,
Но молвил тут учитель благосклонный:
— «Ответь ему! Латинцем он рожден».
Я молвил: — Дух, что в пламень заключен!
В отечестве твоем нет перемены,
Враждуют там тираны и рабы,
Но не было открытой там борьбы.
Над Червией, над стогнами Равенны —
Орел Поленты[3] крылья распростер,
А городом[4], что некогда отпор
Французам дал, владеет лев зеленый[5].
По-прежнему добычу разъяренный
Терзает пес[6] Вероккио седой.
Он сам и сын с приверженцев ордой
Замучили Монтано беспримерно.
В двух городах — Ламоне и Сантерно —
Лев молодой из белого гнезда[7]
Правителем, который без стыда

Два раза в год меняет убежденья.
Тот город[8], чье местоположенье —
Близ Савио, с одной из двух сторон
Границею имеющий долину,
С другой — хребтом гористым огражден, —
Тот город сам живет наполовину
Меж вольностью и рабством. А теперь,
Прошу тебя, откройся нам, доверь
Нам прошлое и кем ты был при жизни?
Весть о тебе да передам в отчизне.

Тут огненный заколебался рог,
И в пламени послышалось шипенье:
— «Воистину, когда б я верить мог,
Что в мир земной возможно возвращенье, —
Ты б не узнал бесславие мое.
Греховное влачил я бытие,
Был воином; затем, терзаем страхом
Возмездия, я сделался монахом[9],
И, может быть, сподобился бы я
Прощения, принявши сан духовный,
Но тут меня — Господь ему судья! —
Безжалостно поверг отец верховный[10]
В покинутый водоворот греховный.
Покуда я жил в мире во плоти,
Не львом я был, но хитрою лисицей,
И темные мне ведомы пути.
Из зла барыш я извлекал сторицей.
Когда ж во мне улегся пыл страстей,
А вместе с тем и время наступило,
Когда пора уборкою снастей
Заняться нам и опустить ветрила, —
Покаялся я в мерзости своей.

Тогда глава новейших фарисеев[11],
Сражавшийся не с войском иудеев
Иль сарацин, но бравший Латеран[12],
Преследовал всех добрых христиан,
Что не вели торговли воспрещенной[13]
С суданцами и в Акре осажденной
Не изменяли вере и Христу.
Свой долг забыв и сана высоту,
Вериги те, что я носил на теле,
Он и меня повлек к преступной цели.
Как некогда Сильвестра Константин
Призвал к себе в болезни из пустыни,
Так и меня позвал мой властелин,
Чтоб исцелить его от злой гордыни.
Слова его какой-то пьяный бред
Безумием своим напоминали,
И я, дивясь, безмолвствовал вначале.
Он продолжал: — «Подай один совет:
Как победить без боя Палестрину?
Поверь, тебя в беде я не покину
И всякий грех прощаю наперед.
В Господень рай я открываю вход,
Обоими владею я ключами
От Царствия Небесного: один
Оставил мне в наследье Целестин»[14].
Тут, убежден подобными речами,
Решился я ответить, наконец,
И молвил так: — «Когда, святой отец,
Торжествовать ты хочешь на престоле,
То обещай всегда как можно боле
И сколь возможно меньше исполняй!»
Умершего хотел в надзвездный край
Святой Франциск вознесть меня с собою,

Но черный тут явился херувим
И возгласил: — «Он должен быть моим!
Я цепкою держал его рукою
С тех пор, как им совет коварный дан.
И каяться, и замышлять обман —
Одно с другим бывает несогласно».
Я весь дрожал, а он меня повлек
И говорил: — «Подумать ты не мог,
Чтоб я судил логически и ясно?»
Так я предстал, покинув смертный одр,
Перед судьей Миносом. Восьмикратно
Он хвост обвил вокруг своих же бедр
И произнес: — «Терзайся безвозвратно
Ты в пламени!» — Вот почему меня
В пылающем ты видишь одеянье!»[15]

Тут тихое послышалось стенанье,
Заколебалось острие огня,
И он исчез из виду чрез минуту,
А мы с вождем пошли к пределам рва,
Где жалкие казнятся существа,
Любившие при жизни сеять смуту.

Примечания к двадцать седьмой песне

[1] Афинянин Перилл был первым заключен в медном быке, изобретенном и подаренном им Фаларису (Фалариду), сицилийскому тирану, правившему в VI веке. Бык был изготовлен для сжигания людей, которых заключали в него после того, как он был раскален докрасна.

[2] Дух, говорящий в пламени, граф Гвидо де Монтефельтро. Монтефельтро — возвышенная страна между Романьей и Тосканой, простирается до города Урбино.

[3] Граф Гвидо да Полента, покровитель Данте, владетель Равенны и Червии. На гербе Поленты был лев.

[4] Город Форли, жители которого принадлежали к партии Белых, отразил наступление французского войска в 1282 г с помощью Гвидо де Монтефельтро, в руках которого Форли находился до 1296 г.

[5] Герб фамилии Орделаффа, получившей в 1296 г в свое владение город Форли

[6] Псами Данте называет Малатесту-отца, владельца Римини, и Малатесту-сына, овладевшего замком Вероккио. Монтано — предводитель партии гибеллинов — был изменнически захвачен Малатестой-отцом и передан сыну, который замучил его в темнице.

[7] На реке Ламоне был город Имола и на реке Сантерно — город Фаэнца, оба города были во владении Магинардо Пагани да Сузинама, «молодого льва», как его называет Данте, за его неустойчивость: он, в зависимости от обстоятельств, был приверженцем то Черных (гвельфов), то Белых (гибеллинов)

[8] Город Чезена на реке Савио жители которого попеременно были сторонниками то Черных, то Белых

[9] Граф Монтефельтро вступил в орден францисканцев

[10] Папа Бонифаций VIII.

[11] Тот же Бонифации VIII

[12] Дворец и храм в Риме, поблизости которых находились дворцы фамилии Колонна, разрушенные Бонифацием VIII

[13] Торговля с сарацинами воспрещалась церковными законами во время войны, но купцы ради выгоды нередко нарушали их. Во время осады Сен Жан д'Акра, последнего оплота христиан на Востоке, некоторые из них изменнически помогали врагам

[14] Папа Целестин V по проискам Бонифация VIII добровольно сложил с себя папское звание.

[15] Для ясного понимания рассказа Гвидо де Монтефельтро необходимо знать, что папа Бонифаций VIII вел борьбу со знаменитым римским родом Колонна, два члена которого — кардиналы Якопо и Пьетро — противились его избранию. В 1296 г против Колонна был начат поход, имущество их было разграблено (в числе его дворцы в латеранском квартале в Риме), а оба кардинала лишены своего духовного сана Но они отказались повиноваться и заперлись в крепости Палестрина, называемой также Пенестрина. Когда приверженцы Бонифация VIII в 1297 г обступили эту крепость, они увидели, что взять ее не могут, и Бонифаций вызвал для руководства осадой и советов графа Гвидо де Монтефельтро, бывшего в то время уже монахом. Гвидо посоветовал папе «много обещать, но ничего не исполнить», и Бонифаций VIII, следуя его совету, обещал обоим кардиналам Колонна простить их и возвратить все отнятое. Те поверили этому обещанию, сдали свою крепость, но, после того как она, по повелению папы, была разрушена, они, опасаясь все-таки за свою участь, вместе со всеми членами своей семьи оставили Рим и расселились в разных странах Европы Гвидо де Монтефельтро вскоре после этого умер.

Песнь двадцать восьмая

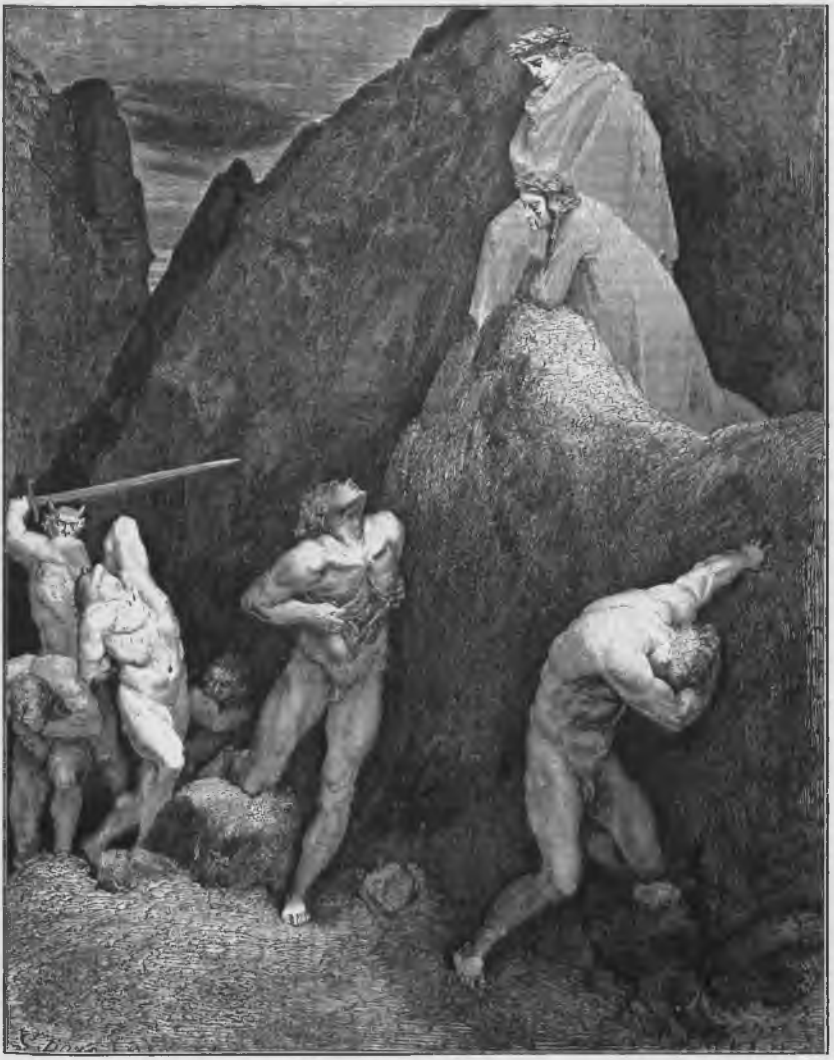
Из восьмого рва поэты приходят в *девятый ров восьмого* круга и встречают здесь грешников, которые виновны в том, что распространяли религиозные лжеучения или сеяли несогласия политические и семейные. Наказание их состоит в том, что демон постоянно наносит им своим мечом раны, которые заживают в то время, когда грешники обходят вокруг этого рва; но, как только они вновь подходят к демону, тот опять наносит им раны, и это продолжается бесконечно. Из числа грешников первыми перед поэтами предстают распространители религиозных лжеучений, и между ними — Магомет с разрезанным животом; за ним идет его последователь Али, лицо которого разрублено. Магомет говорит Данте о грешниках, наказываемых вместе с ним, и упоминает о фра Дольчино, еретике, распространявшем раскол при жизни Данте. После Магомета появляется Петр из Медичины, виновник политических несогласий; у него отсечены нос и ухо; затем проходят курион без языка, давший дурной совет Цезарю, и флорентийский гражданин Моска делли Ламберти, из-за которого началась борьба партий Белых и Черных. Наконец, перед Данте возникает третья группа грешников, сеявших семейные раздоры, и между ними трубадур Бертран дель Борн, у которого в наказание за раздор, посеянный им между принцем Генрихом и отцом последнего, отсечена голова; он носит ее в руках, как фонарь, причем она не лишена способности говорить.

Кто бы мог в своем повествованье,
Причудливою рифмой не стеснен,
Здесь дать тех ран, той крови описанье,
Которая лилась со всех сторон!
Нет слов таких на языке поэта,
И разум наш постичь бессилен это.

Когда бы всех могли собрать мы вновь,
В Апулии когда-то ливших кровь[1],

Где римляне забрали в вражьем стане
Все золото, и тех, кто в Чеперане[2]
Был побежден, и тех, кого Алар[3]
Обманом взял иль умертвил Гискар[4], —
О, если б всех увечных и безглавых
Собрали мы — то вид их ран кровавых
Ужаснее не показался б нам,
Чем то, что здесь явилося очам
В девятом рву! Бочонок весь разбитый,
Лишенный дна, так сильно не сквозит,
Как грешник тот — от чрева до ланит
Разрубленный и кровию покрытый —
Представший нам. Желудок был открыт,
И внутренность, висевшая с кишками,
Казалася кровавыми кусками,
Висевшими меж ног его. Руками
Он разрывал с тоскою грудь свою
И молвил мне: — «Смотри, как я стою,
Я — Магомет — жестоко изувечен!
А вот Али, и он, как я, рассечен
От черепа до подбородка весь.
И все, кого ты ныне видишь здесь,
Караются за смуты и расколы.
Мечом своим нас рубит демон голый;
Пока пройдем урочною тропой,
Затянутся зияющие раны,
И вновь к нему мы явимся толпой.
Но кто же ты и кару за обманы
Какие ждешь, замедлив путь у скал?»

И за меня учитель отвечал:
— «Нет, смерть его не приняла в объятья.
Явился он в обители проклятья

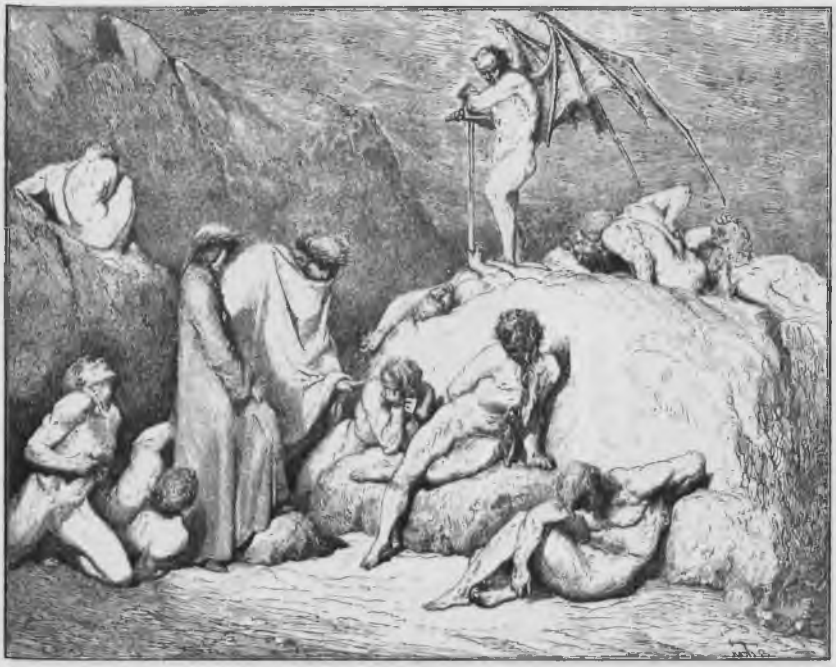


.....Руками
Он разрывал с тоскою грудь свою
И молвил мне: — «Смотри, как я стою,
Я — Магомет — жестоко изувечен!»

(«Ад», Песнь 28)

Лишь для того, чтоб видеть ужас мук,
И я веду его из круга в круг,
Умерший, я — вожатый для живого».
И сотни душ, услышав это слово,
Остановясь, в меня вперили взор,
Забыв на миг мученья и позор.
— «Когда, пройдя кромешною пучиной,
Вновь на земле увидишь солнца свет, —
Готовясь в путь, промолвил Магомет, —
То от меня поведай Фра-Дольчино[5],
Что, если он за мною в царство тьмы
Последовать не хочет — понемногу
Пусть запасет он пищу для зимы:
Иначе враг возьмет его берлогу».

Пророк исчез. Взамен его иной
Ужасный дух явился предо мной:
Гортань в крови, без уха и без носа,
И тихое стенанье раздалося:
— «Знакомый мне в латинской стороне,
О ты, что здесь не по своей вине.
Узнай меня! Я — Пьетро Медичина[6].
И если бы ты вновь явился там,
Где стелется цветущая долина
От Маркабо к Верчелли[7], — то друзьям
Ты передай: и Гвидо, и Каньяно[8],
Которые из лучших граждан Фано,
Что если дух предчувствия не лжет —
по милости предательства тирана[9]
Погибель их в открытом море ждет,
И бог Нептун меж Кипром и Майоркой
Столь гнусное деянье в первый раз
Увидит сам. Изменник одноглаз,
Но выгоду свою он видит зорко.



Ужасный дух явился предо мной:
Гортань в крови, без уха и без носа,
И тихое стенанье раздалося:
.....
— «...Узнай меня! Я — Пьетро Медичина».

(«Ад», Песнь 28)

В страну его злосчастный спутник мой
За целый мир не ступит и ногой.
Товарищей он в свой вертеп заманит,
И с той поры для них ненужным станет
Фокары[10] злые ветры заклинать».

Я отвечал: — Чтоб мог я передать
Слова твои и смысл их был бы ясен —
Кому, скажи, вид этих стен ужасен?

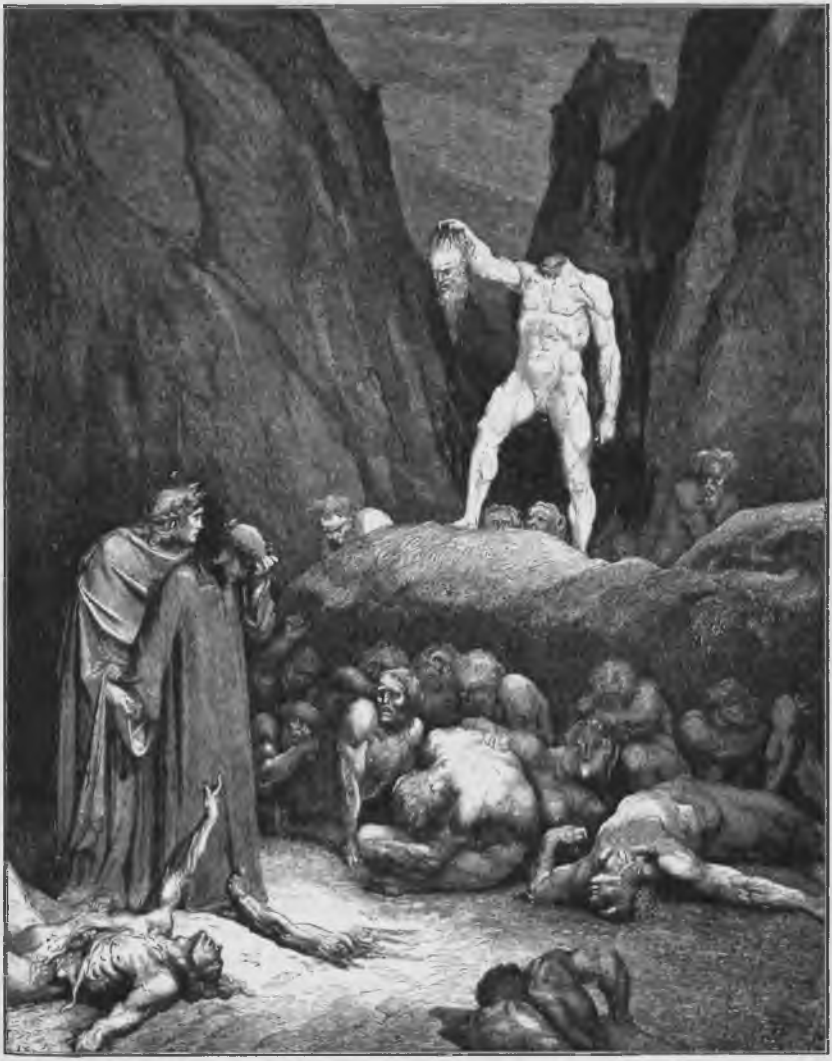
Тогда его дрожащая рука
Раскрыла рот безмолвного собрата:
Я увидал, что тот без языка.

О, как ты был красноречив когда-то,
Теперь навек замолкший Курион![11]
Ты Цезаря лишил в пути возврата,
Переступить заставив Рубикон.

Другой с лицом, искривленным от муки,
Вверх поднимал отрубленные руки
И мне кричал: — «О Моске[12] вспомяни!
Говаривал я сам в былые дни:
«Во всех делах важнейшее — начало!»
И те слова кровавый дали плод;
От них — увы! — Тоскана пострадала».
Я заключил: — И твой загублен род! —
Так он ушел, терзаемый укором.
Но что затем моим предстало взорам —
Повествовать не смели бы уста
Мои о том — будь совесть не чиста!

Из сумрака явился дух безглавый,
И голову он, как фонарь кровавый,
Держал в руке. Чуть слышный стон: — «Увы!» —
Сорвался с уст кровавой головы.
Она ему светильником служила,
Себе собой светил несчастный дух,
И два в одном, один терзался в двух,
Как высшая повелевала сила.

Приблизившись к подножию моста,
Он голову приподнял над собою,



Из сумрака явился дух безглавый,
И голову он, как фонарь кровавый,
Держал в руке.

(«Ад», Песнь 28)

И скорбные промолвили уста:
— «Кому страшней назначена судьбою
Казнь за грехи? Тень рыцаря-певца
Ты видишь ныне, тень Бертран де Борна[13],
Советам чьим король внимал покорно.
Разжег в отце и сыне я сердца
Коварнее, чем был Ахитофелом[14]
Авессалом воздвигнут на отца.
Я запятнал себя позорным делом,
И вот за то, что близких разлучил,
Находится мой мозг в разлуке с телом.
Меня закон возмездья поразил».

Примечания к двадцать восьмой песне

[1] Кровопролитные войны в Апулии до начала Пунических войн, особенно избиение 2 тыс. апулийцев консулом Децием Муром в 455 г.

[2] Против Манфреда, сына Фридриха II и короля Сицилии и Неаполя, вел борьбу папа Урбан IV, который призвал из Франции в Италию графа Карла Анжуйского и короновал его королем Сицилии и Неаполя. Карл Анжуйский, поддерживаемый гвельфами, двинул французское войско против Манфреда, который был изменнически покинут при горном проходе Чеперано своими сицилийскими и апулийскими рыцарями и затем погиб в 1265 г. в последовавшей вскоре битве при Беневенте. Данте, по-видимому, смешал эти два события, так как при Чеперано битвы не было.

[3] В 1268 г. Конрадин, последний из Гогенштауфенов, двинулся походом через Альпы в Италию, чтобы вернуть себе корону своих предков. Он направил громадное войско, набранное в Ломбардии, в Неаполь. Встреча его войск с войсками Карла Анжуйского произошла при Тальякоццо, и в начале сражения Конрадин имел перевес над противником, но на помощь последнему появился из засады рыцарь Алар де Валдери, который со своим французским отрядом разбил войска Конрадина. Обман его состоял в том, что он посоветовал Карлу дать сперва войскам Конрадина возможность приступить к грабежу и, пользуясь этим моментом, напасть на них из засады.

[4] Роберт Гискар, брат герцога Норманнского, знаменитый воин-бандит.

[5] Фра-Дольчино проповедовал в 1305 г. в Наварре общность имущества и жен. Он заперся в горах, но, взятый голодом, был казнен вместе со своей женой, прекрасной Маргаритой, по приказанию епископа Беневентского. Оба они геройски встретили смерть.

[6] Пьер да Медичина был интриган, сеявший раздоры между влиятельными болонскими домами и романскими феодалами Болоньи.

[7] Маркабо — венецианская крепость при устье реки По. Верчелли — город в Пьемонте. Между ними лежит Ломбардская равнина

[8] Медичина просит поэта предупредить двух граждан Фано — Гвидо дель Кассеро и Анджолелло да Каньяно (Кариньяно) — о грозящей им опасности. Малатеста приказал утопить их в море

[9] Малатеста — Малатеста да Верруккьо, синьор Римини

[10] Т. е. им нечего бояться ветров, дующих с гор Фокары и развивающих такую бурю, что мореходы начинают призывать святых на помощь.

[11] Курион, изгнанный из сената друг Цезаря, советовал тому перейти Рубикон, чтобы начать борьбу против отечества

[12] Буондельмонте обещал жениться на девушке из рода Амидеи, но женился на Донато. Это возбудило гнев Амидеи, к ним присоединились Уберти и Ламберти, проигнорировав советы быть благоразумным. Моска дей Ламберти настоял на убийстве Буондельмонте, которому сам нанес несколько ударов кинжалом. Данте разделял всеобщее убеждение, что именно эта трагедия вызвала политический раскол во Флоренции и стала причиной всех дальнейших раздоров.

[13] Знаменитый трубадур, наставник Иоанна Безземельного, сына Генриха II, короля Английского, поссорил сына с отцом

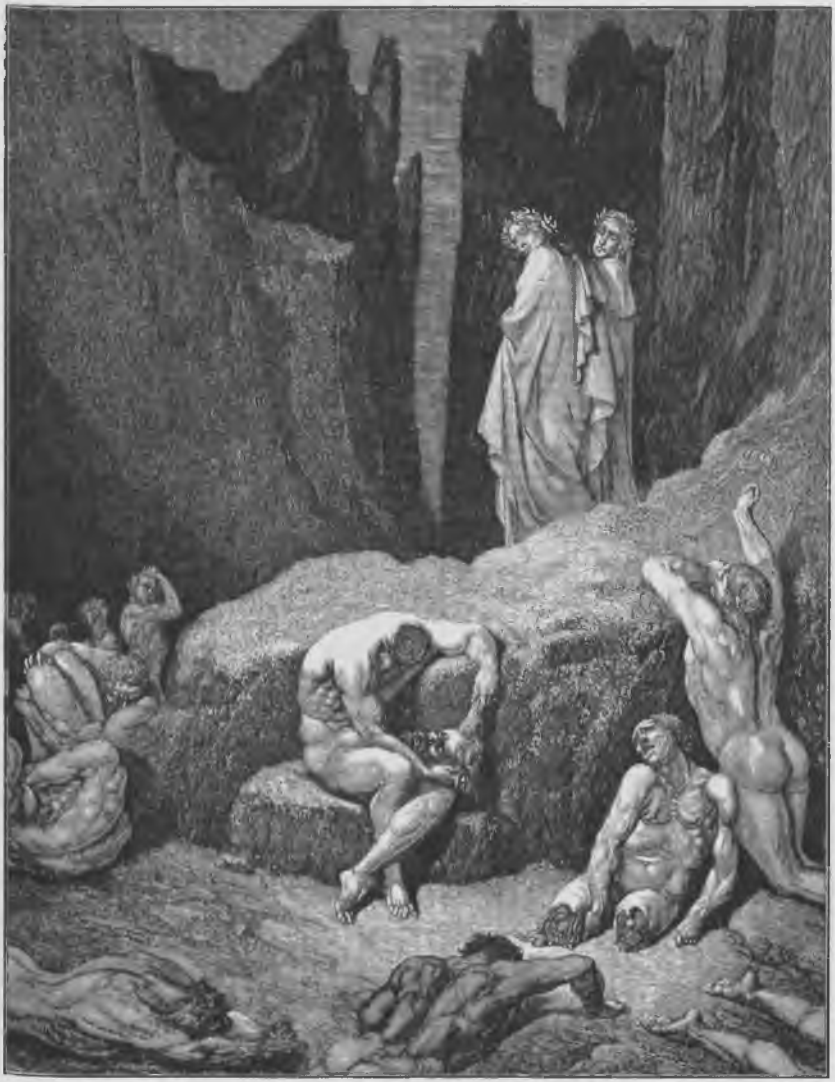
[14] Друг Авессалома, восстанавливал его против отца его, Давида

Песнь двадцать девятая

Данте потрясен ужасными наказаниями, которые ему приходится видеть в девятом рву, готов заплакать и не решается отойти, но Вергилий напоминает ему о необходимости продолжать путь, так как дозволенное им для обозрения Ада время быстро близится к концу. Поэты подходят к *десятому рву восьмого* адского круга, где воздух наполнен страшным зловонием. Здесь подвергаются наказаниям грешники, виновные в подделках разного рода и обманах; все они издают истошные вопли, под которые поэты продолжают свой путь. Грешники поражены страшными болезнями, тела их покрыты струпьями, которые они стремятся снять с себя. Вергилий обращается к двум из грешников с просьбой рассказать ему о томящихся в десятом рве. Те называют свои имена. Это алхимик Гриффолино из Ареццо, который был сожжен за то, что распространял слухи о своем умении летать по воздуху; другой — флорентиец Капоккио, рассказывающий о легкомысленной жизни жителей города Сиены и перечисляющий тех, кто невоздержан.

Страдальцев вид и ран многообразных
Смутил меня и взволновал до слез.
— «Своих очей, — Вергилий произнес, —
Ты с призраков не сводишь безобразных;
У прочих рвов не медлил ты в пути.
Их не сочтешь: здесь миль до двадцати
В окружности, меж тем луна — под нами[1],
И краткий срок нам для обзора дан».

— Когда б ты знал, кого я меж тенями, —
Ответил я, — увидел сквозь туман:
В юдоли зла томится дух мне кровный.
— «Оставь его, он, как и все, — виновный, —



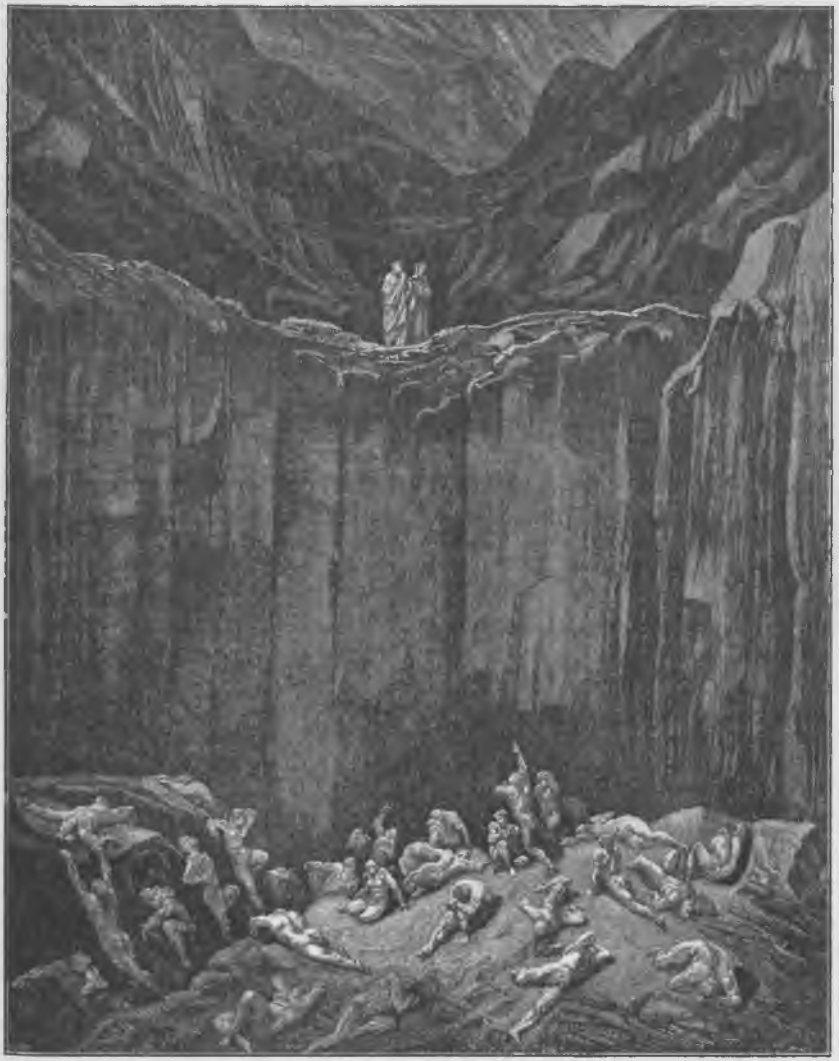
Страдальцев вид и ран многообразных
Смутил меня и взволновал до слез.
— «Своих очей, — Вергилий произнес, —
Ты с призраков не сводишь безобразных;
У прочих рвов не медлил ты в пути.
Их не сочтешь...»

(«Ад», Песнь 29)

Ответил вождь, — скрываясь под мостом,
Он на тебя указывал перстом
С угрозою и звал себя дель Белло[2],
Но ты глядел все время на того,
В Готфоре[3] кто оборонялся смело,
И в сумраке ты не видал его!»

Ответил я: — Жестоко умерщвленный
И кровными досель не отомщенный —
Не без причин сейчас грозил он мне:
О нем теперь печалюсь я вдвойне.

Так говоря, приблизились к долине
Последней мы, к последней части рвов,
И если б мрак был менее суров —
Глубь разглядеть могли бы мы в пучине.
Когда ее страдальцев я узрел —
Стенанья их, подобно туче стрел,
Впилися в слух и наносили раны
Душе моей. Страдальцам из Маремм,
Сардинии, болотной Вальдикьяно[4]
Когда бы здесь нашлося место всем —
Не большее ужасных мук скопленье
Мы видели б! Несносный запах тленья
От заживо гниющих исходил.
Туда, где суд Всевышнего казнил
Обманщиков, их праведно карая, —
По склону скал спустились мы до края.
Подобных мук не видано с тех пор,
Когда царил на Этне[5] лютый мор
И в воздухе вдыхавшие заразу
Все жители и скот погибли сразу,
И род людской там возродился вновь
Из семени прилежных муравьев.



Несносный запах тленья
От заживо гниющих исходил.
Туда, где суд Всевышнего казнил
Обманщиков, их праведно карая, —
По склону скал спустились мы до края.

(«Ад», Песнь 29)

О, что за вид являли безотрадный
Лежавшие недвижно кучей смрадной!
За шагом шаг мы двигались во мгле
Среди больных, стонавших от недуга
И ползавших бессильно по земле.

Облокотясь спиною друг о друга,
Как сковородок пара у огня,
Сидели два, и конюхи коня
Не чистят так, пуская в ход скребницу,
Как эти два чесали поясницу
При помощи ногтей обеих рук,
И струпья их, как чешуя у щук,
Что чистит нож, валилися кусками.

Тут одного, кто действовал руками
Без устали, так вопросил поэт:
— «Поведай мне, меж вас латинцев нет?
И пусть ногтей тебе на веки станет!»

Ответил дух: — «Язык мой не обманет;
Латинцы мы, но дай и ты ответ:
Кто ты?» — «Сюда в обитель зол и бед, —
Ответил вождь, — я привожу живого;
От одного утеса до другого
Я вел его, показывая Ад».

Тогда в меня они вперили взгляд;
Учитель мой ко мне нагнулся ближе
И прошептал: — «Спроси их, говори же,
О чем желал!» — И тихо молвил я:
— След вашего земного бытия
Да сохранится долго во вселенной!
И, не смущаясь карою презренной,
Поведайте, откуда родом вы?

За шагом шаг мы двигались во мгле
Среди больных, стонавших от недуга
И ползавших бессильно по земле.

(«Ад», Песнь 29)

И отвечал один из них: — «Увы!
Казнен я тем, кто управлял Сиеной[6],
Но родился в Ареццо, и шутя
Однажды я похвастался Альберу[7],
Который был по разуму дитя,
Что я летать умею. И примеру
Последовать хотел он моему,
Но не был я Дедалом — потому
Сжег на костре меня отец Альбера.
С алхимией я был знаком всегда,
И вот Минос, кому известна мера
Грехов и кар, поверг меня сюда».

И я сказал: — Тщеславнее на свете
Народа нет, чем все сиенцы эти,
Что превзошли французов пустотой.

И возразил другой из прокаженных:
— «Но из числа сиенцев, зараженных
Тщеславием и пошлой суетой,
Ты исключи расчетливого Стрикко[8]
И Николо[9], кем введена гвоздика
Среди пиров безумия в саду,
И Каччио[10] — с другими наряду,
Помогшими ему спустить богатство,
И Аббальято[11], бывшего душой
И главарем разгульного их братства.
А хочешь знать: кто здесь перед тобой —
Капоккио[12] узнай во мгле туманной;
Я золото подделывал порой
И был всегда природы обезьяной.

Город Сиена

Примечания к двадцать девятой песне

[1] Этим определяется полдень

[2] Джери дель Белло, кровный родственник Данте, алхимик и человек беспокойного характера, убитый одним из Сакетти, уличившим его в клевете. Смерть его была отмщена лишь тридцать лет спустя.

[3] Защитник замка Готфор — Бертран де Борн

[4] Вальдикьяно — болотистая долина близ Ареццо, известная своими лихорадками. Маремма — болотистая полоса земли между Пизой и Сиеной

[5] Остров, на котором в царствование Эака, сына Юпитера, чума истребила всех жителей и скот. По просьбе Эака Юпитер превратил в людей оставшихся живыми муравьев.

[6] Гриффолино из Ареццо — грешник, говоривший с Данте, был казнен епископом Сиенским за то, что уверил его незаконнорожденного сына Альбера в своей способности летать, уподобляясь Дедалу.

[7] Сын епископа Сиенского

[8] Очевидная ирония. Стриккo разорил себя неслыханной роскошью, он был членом знаменитого сиенского Клуба расточителей

[9] Николо, из Сиенны же, первый придумал употреблять в кушаньях гвоздику и другие пряности. Садом поэт называет расточительную Сиенну.

[10] Каччио промотал в сиенском клубе свои богатства.

[11] Аббальято сделал то же, что и Каччио

[12] Капоккио — сиенец, изучал физику и естественные науки вместе с Данте. Впоследствии он увлекся алхимией и стал подделывать золото, почему и называет себя обезьяной природы.

Песнь тридцатая

Оставаясь в десятом рве, Данте видит и других обманщиков, выдававших себя при жизни, ради обмана, за других лиц. Наказанием для них служат здесь бешенство и лишение рассудка. Перед Данте пробегают две нагие тени, грызущие попадающихся на их пути грешников. Одна из этих теней — тень древней Мирры, скрывается, а другая набрасывается на алхимика Капоккио (см. песнь двадцать девятую), хватает его зубами и тащит по камням. Это Джианни Скиччи, флорентиец, виновный во многих обманах. После них перед Данте появляется тень мастера Адама из Брешии, который подделывал монеты, за что был сожжен на костре. Рядом с ним в аду мучится жена Пентефрия, возведшая клевету на непорочного Иосифа, и грек Синон, убедивший троянцев ввести в город деревянного коня, в котором находилась часть греческих войск, погубивших Трою. Между Синоном и Адамом начинается драка и ссора; они взаимно обвиняют друг друга в прегрешениях, а Данте слушает их, за что Вергилий сердится на него, выражая свой гнев в форме резкого выговора.

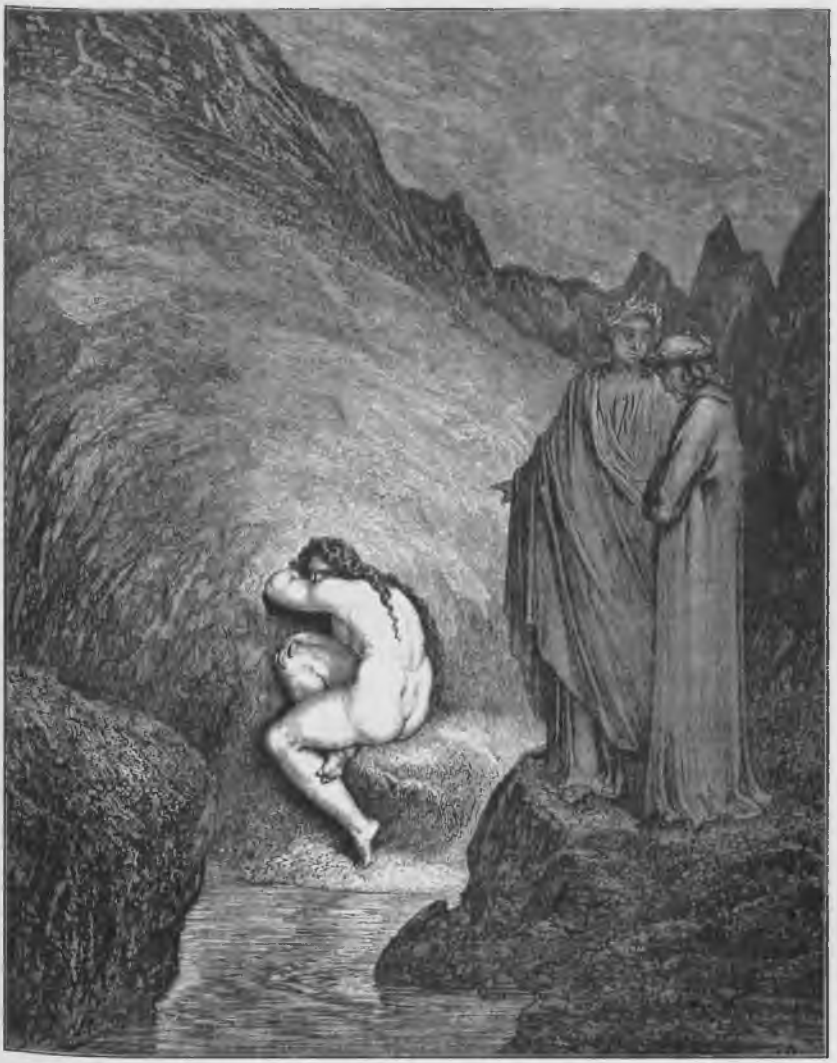
Когда на город Фивы за Семелу[1]
Юноны гнев обрушился, не раз
Предав его жестокому уделу, —
Безумием объятый Афанас,
Увидевши свою супругу Ино,
С которою и оба были сына,
Сказал рабам: — «Давайте мне сетей!
Вот львица здесь, а с нею — оба львенка!» —
Затем схватив невинного ребенка,
Разбил его об острие камней.
С оставшимся из двух ее детей
В пучину моря кинулась царица.
Когда была троянская столица

В Капоккио несчастного вцепился
И за собой повлек его один.
«Джианни Скиччи бешеный явился!» —
Трепещущий промолвил Гриффолин...

(«Ад», Песнь 30)

Побеждена, Гекуба[2] — мать, в тоске
Видавшая погибель Поликсены,
Найдя меж трав и клочьев белой пены
Растерзанный труп сына на песке,
На берегу бушующего моря —
Залаяла собакою от горя!
Но никогда никто, освирепев,
Не проявлял столь безграничный гнев
В пределах Фив и в злополучной Трое —
Как грешники, которых было двое,

Что, выбежав, кидались на теней,
Как пара двух взбесившихся свиней;
В Капоккио несчастного вцепился
И за собой повлек его один.
«Джианни Скиччи[3] бешеный явился! —
Трепещущий промолвил Гриффолин, —
Других грызет он в злобе нечестивой».
— А кто другой? — промолвил я. — «Душа
Преступная той Мирры[4] похотливой, —
Ответил он, — которая, греша
С родным отцом, черты свои меняла
И в образе чужом его пленяла.
Так поступал и грешный дух другой:
Чтоб завладеть кобылой дорогой,
Он принял вид болящего Донати
И приложил к духовной он печати».
Умчался дух, и я увидел тут
Другого[5]; был у грешника раздут
Живот его, как лютня. Мучим жаждой,
Которая росла с минутой каждой,
Засохшими устами молвил он:
— «О вы, над кем суд вышний не свершен!
Вы видите Адама. Достоянье
И славу — все имел я, но желанье
Теперь — увы! — имею я одно:
Испить воды. Всегда одна картина
Передо мной: долина Казентино
И ручейки прозрачные Арно.
Цветущую страну я вижу эту,
Где я ковал фальшивую монету
И где сгореть мне было суждено.
Но для того, чтоб Александра с Гвидо[6]
Мне встретить здесь, — о, для такого вида
Я отдал бы и Бранды[7] всей струи!



— А кто другой? — промолвил я. — «Душа
Преступная той Мирры»...

(«Ад», Песнь 30)

Мне молвили товарищи мои,
Что Гвидо здесь, и был готов лететь я —
Когда бы мог в течение столетья
Подвинуться хоть на единый шаг —
На поиски того, сквозь вечный мрак,
Кто приказал, чтоб меди три карата
Примешивал я к золоту в состав».

Тут я прервал несчастного, сказав:
— Вблизи тебя есть эти два собрата,
Которые лежат не шевелясь
И лишь от тел исходят испаренья? —
Ответил он: — «Лежащих без движенья
Я их застал и погруженных в грязь.
Тень первая — достойная презренья
За клевету Пентефрия жена.
Другой же — тот, кем Троя предана,
Продажный грек, зовущийся Синоном[8].
Заражены горячкою гнилой,
Покоятся они в чаду зловонном».

Тогда, в ответ на этот отзыв злой,
Лежавший грек толкнул Адама в брюхо,
Которое отозвалося глухо,
Как барабан. Изменнику-лжецу
Ответил тот ударом по лицу,
Сказав ему: — «Хотя отяжелело
Под бременем недугов это тело —
Зато рука достаточно легка».

Грек возразил: — «Едва ли столь проворна
Была она в тот день, когда позорно
Ты был казнен, чем ранее, пока
Чеканила фальшивую монету».

— «Я радуюсь правдивому ответу, —
Сказал Адам, — но так же ли правдив
Ты в прошлом был, троянцам послужив,
Прибегнувшим к коварному совету?»

Ответил грек: — «Морочил род людской
Я на словах, а ты — посредством веса,
В обманах ты ничуть не ниже беса,
На мне ж вины нет больше никакой».

— «Умолкни, лжец! — прервал его больной. —
И о коне припомни деревянном!
Прославился чудовищным обманом
И собственной наказан ты виной».

— «А ты, брюхан, — ему ответил грек, —
Будь жаждою наказан ты навек,
Которая тебя жестоко мучит,
И пусть тебя вода гнилая пучит,
Раздувшая горою твой живот!»

— «Лишь для хулы ты раскрываешь рот! —
Ответил тот. — Пускай терплю мученья
От жажды я; готов я присягнуть:
Ты ожидать не стал бы приглашенья,
Чтоб зеркало Нарциссово[9] лизнуть».

Я слушал брань, но тут учитель строго
Остановил меня: — «Еще немного —
И пробудить во мне ты можешь гнев».

Так говорил со мною он впервые,
И, пристыжен, стоял я, онемев.
Припомнив те минуты роковые,
Я и теперь сгораю от стыда,

Как человек, желающий, чтоб было
Тяжелым сном все, что его смутило.
Покаяться стремился я тогда
И каялся, хотя и без сознанья.

Но он сказал: — «Искуплены стыдом
Не столь большим и худшие деянья,
Утешься же, но помни об одном:
Слух осквернять столь недостойной бранью
Равняется нечистому желанью!»

Цитадель, город Брешия

Примечания к тридцатой песне

[1] Юнона ненавидела жителей Фив за любовь Юпитера к Семеле, дочери Кадма, царя Фив. С помощью фурий она привела Афаманта (Афанас — искаженное Афамант — царь Миниев (в Беотии), правитель Орхомена) в такое состояние бешеного безумия, что тот, приняв жену свою, Ино, за львицу, а сыновей — за львят, разбил одного из них, Леарха, о камни, а испуганная мать с другим сыном, Меликертом, бросилась в море.

[2] Греки, взяв в плен семейство Приама, умертвили Поликсену, дочь Приама и Гекубы; в то же время брат Поликсены, Полидор, был убит Полимнестром, и мать, найдя его труп, обезумела от горя, так что ее вопли походили на лай собаки.

[3] Джианни Скиччи известен был во Флоренции своей способностью менять черты лица. Между прочим, по смерти Буозо Донати (см. «Ад», песнь двадцать шестая) он лег на его постель и продиктовал от его лица духовную, лишавшую наследия законных наследников; за это он получил в дар дорогую кобылицу.

[4] Дочь Цинира, царя Ассирийского, мать Адониса, которую считали колдуньей. Она долго оплакивала свою преступную любовь, и боги превратили ее в бальзамическое дерево.

[5] Мастер Адам из Брешии, изготовитель фальшивых монет.

[6] Владельцы Ромены, графы Александр и Гвидо, по наущению которых Адам прибавлял меди в золотые флорины.

[7] Источник близ города Сиены.

[8] Синон, беглый грек, убедивший троянцев ввести деревянного коня в город и тем погубивший Трою.

[9] Влюбленный в свою красоту, любовавшийся собой в ручье Нарцисс был превращен в цветок; следовательно, зеркалом Нарцисса называется ручей. Адам хочет сказать, что грек тоже не отказался бы напиться воды, если бы его позвали.

Песнь тридцать первая

Выговор Вергилия сильно подействовал на Данте, но вместе с тем это впечатление тотчас изгладилось от обычной ласковости этого поэта. Вергилий и Данте уходят из десятого рва восьмого круга и приближаются к *последнему* адскому кругу. Царит сумрак. Вдруг раздается сильный звук трубы. Данте обращает свой взор по направлению этого звука и видит перед собой подобие крепости. На вопрос о ней Вергилий говорит, что это не крепость, а великаны, и предлагает ускорить путь. Перед поэтами ясно вырисовывается фигура гиганта Немврода, строителя Вавилонской башни. За ним они видят титана Эфиальта, окованного цепями; он потрясает своим телом, почти приводя всю землю в содрогание. После этого поэты приближаются к третьему гиганту, Антею, единственному из великанов, не закованному в цепи, так как он воздержался от борьбы с Юпитером. Вергилий обращается к Антею с просьбой спустить их на дно колодца, образующего последний — *девятый* — круг Ада. Гигант исполняет это, а сам поднимается, выпрямившись, как корабельная мачта.

Язык певца, меня поранив больно,
Так что стыдом зарделося невольно
И вспыхнуло от слов лицо мое,
Мне вслед за тем принес и облегченье.
Так, говорят, Ахиллово копье',
Боль причинив, давало исцеленье.

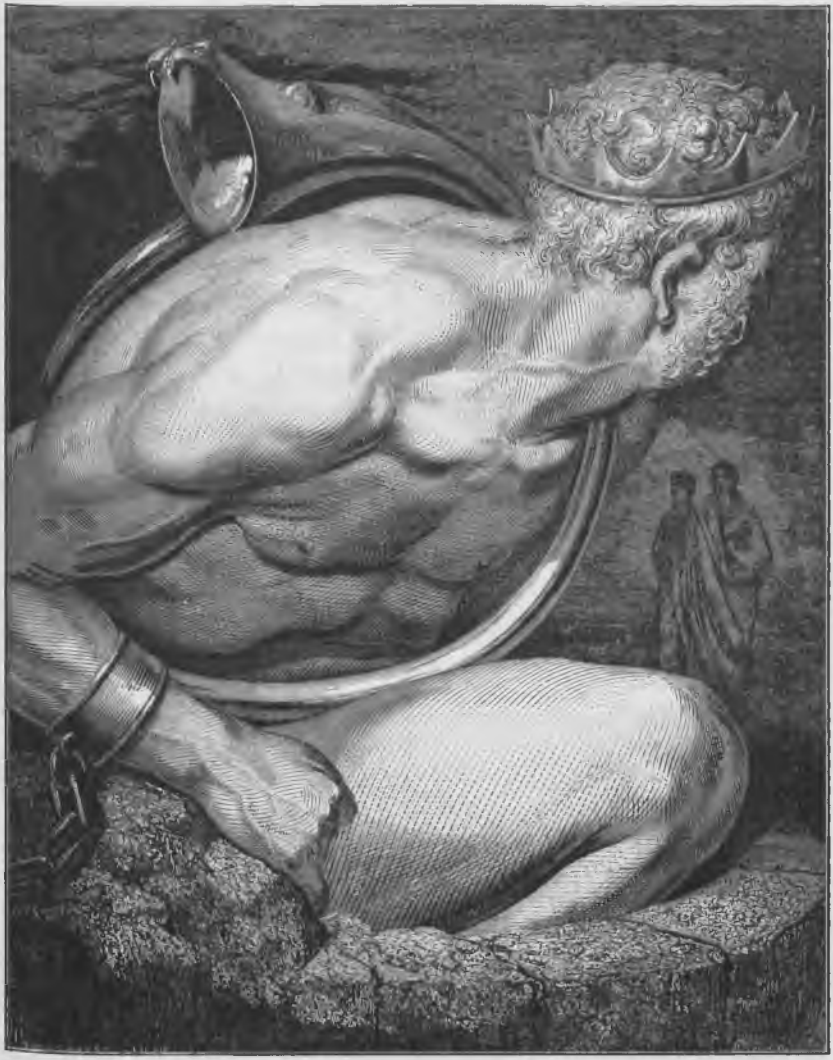
Окраиной долины мы прошли;
Расставшись с ней, мы шли в молчанье строгом
И в сумерках мы видеть не могли;
Тут поражен я был звучащим рогом
Сильней, чем гром, раздавшимся вдали.

В проигранном бою при Ронсевале[2]
Роландов рог звучал сильней едва ли.

Я вверх глядел и, думая, что взгляд
Мой различал высоких башен ряд,
Спросил вождя: — Но что за крепость это? —
Ответил он: — «Твой взор, лишенный света,
Стремится вглубь проникнуть сквозь туман,
И вызван тем лишь зрения обман.
Ускорь шаги!» — И тут рука поэта
Взяла мою, и мы пошли вперед.

Он продолжал: — «Не башен грозных свод
Виднеется, но в глубину пучины
Погружены нагие исполины
От пояса до ног». Как иногда,
Рассеявшись, туманная гряда
Являет нам предметов очертанья —
Так и мои рассеялись мечтанья,
Когда предстала истина очам.
Подобно замку Монтериджионе[3],
С бойницами вдоль стен и по углам,
Из сумрака так выступали там
Могучие гиганты; им на троне
Еще грозит Юпитер, гордый бог[4],
Перунами гремящими. И мог
Я разглядеть во мгле густой тумана
Лик одного, рамена и живот;
Я различал висевшие вдоль стана
Чудовищные руки великана.

Пресекшая навеки этот род,
Природа-мать, ты мудро поступила



Лицо и рост гиганта — соразмерно
В нем было все. Лицо его, наверно,
Равнялося длиной и толщиной
С известною своей величиной
Той шишкою, что ныне у карниза
Красуется на куполе Петра.
Он погружен был в яму до бедра. *(«Ад», Песнь 31)*

И палачей у Марса отняла.
Ты создаешь чудовищ без числа:
Китов, слонов, — но там, где злость и сила
Соединились с разумом людским, —
О, кто бы мог сопротивляться им?

Лицо и рост гиганта — соразмерно
В нем было все. Лицо его, наверно,
Равнялося длиной и толщиной
С известною своей величиной
Той шишкою, что ныне у карниза
Красуется на куполе Петра[5].
Он погружен был в яму до бедра;
Волос его три великана-фриза[6]
Рукой своей достать бы не могли.
Огромные три пальмы там росли,
Достигшие ему всего до шеи.

Другая тень виднелась там — грозна.
Прикована к груди ее одна
Была рука, другая — за спиною.
В пять раз обвит он цепью был стальною.

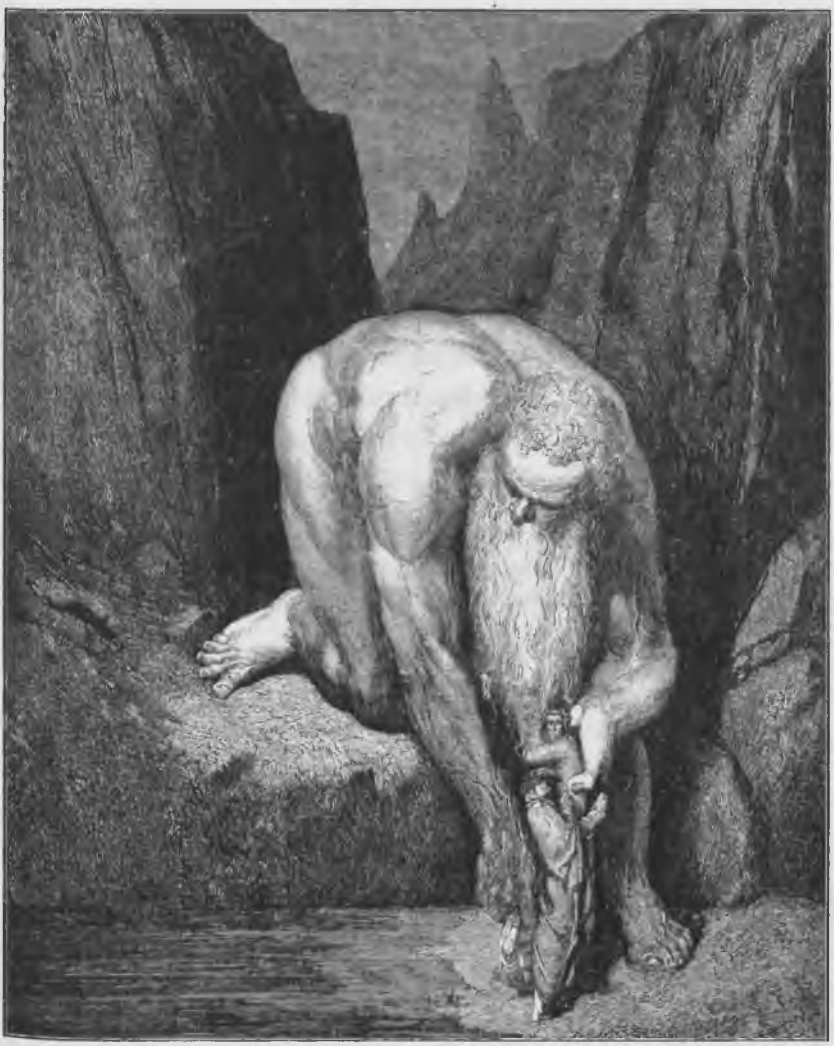
(«Ад», Песнь 31)

— «Rapel maï amek zali al mi!»[7] —
Он восклицал все бешеней и злей.
Но вождь сказал: — «Безумец, рог возьми,
И, если гнев, неукротимо бешен,
Кипит в тебе, ты облегчай себя,
Без устали в громадный рог трубя:
Он для того к груди твоей привешен». —
Вождь продолжал: — «Перед тобой — Немврод[8].
От дикого его столпотворенья
Произошло наречий всех смешенье;

Его людской не понимает род,
Из наших слов он не поймет ни звука».

Тут сделали налево мы обход;
На расстоянье выстрела из лука
Другая тень виднелась там — грозна.
Прикована к груди ее одна
Была рука, другая — за спиною.
В пять раз обвит он цепью был стальною,
И вождь сказал: — «С Юпитера гордец[9]
Намерен был сорвать его венец,
И вот ему — достойное возмездье,
Рукой своей, которой без труда
Он потрясал небесные созвездья, —
Он более не двинет никогда!»
Я произнес: — Дозволишь Бриарея[10] —
Чудовище — теперь увидеть мне? —
Ответил он: — «Поблизости Антея[11]
Мы здесь пойдем, обоих на спине
Он спустит нас на дно пучины ада.
Там, в глубине, прикован Бриарей,
Он с ними схож, но вид его — страшней».

О, никогда высоких стен громада
Не напрягалась с грохотом таким,
Когда огонь клубится из вулкана, —
Как потряслось все тело великана!
Я замертво упал бы перед ним,
Когда б на нем не тяготели цепи.
Мы далее пошли, и там в вертепе —
Имеющий до шеи пять локтей —
Предстал очам дивящимся Антей.



Но бережно он нас спустил оттуда
В глубь пропасти, где, высший суд хуля,
Сам Люцифер страдает и Иуда.

(«Ад», Песнь 31)

И молвил так титану мой учитель:
— «Могучих львов отважный победитель
В долине той, где славен Сципион[12]
И Ганнибал им в бегство обращен!
О, если бы среди своих собратий
Сражался ты, вас, сыновей земли,
Небесные не одолели б рати!
Дабы туда спуститься мы могли,
Где в ледяных покоится покровах
Коцит, река безмолвная, на дно,
Где грешным стыть вовеки суждено, —
Нас отнеси! Не отвращай суровых
Очей твоих, идти не принуждай
Нас к Тицию[13] иль к мощному Тифею.
Мой спутник жив, поэмою своею
Прославит он тебя на целый край,
Когда Господь не призовет до срока
Его к себе!»
Так говорил поэт.
Ему простер объятия в ответ
Гигант Антей, чью силу так жестоко
Сам Геркулес изведал. И вослед
Учителю я там же очутился.
Когда Антей мгновенно наклонился,
Мне чудилось, что Гаризенда[14] он,
И башни той припомнил я наклон.
Но бережно он нас спустил оттуда
В глубь пропасти, где, высший суд хуля,
Сам Люцифер страдает и Иуда.
И, совершив над нами это чудо,
Стал выпрямясь, как мачта корабля.

Ронсеваль

Примечания к тридцать первой песне

[1] Копье Ахилла и отца его Пелея обладало свойством заживлять наносимые им раны Поэт хочет сказать, что Вергилий, сделавший ему выговор, тотчас же утешил его

[2] Согласно преданию, рог Роланда, в который тот трубил при Ронсевале, где пал цвет дружины Карла Великого, был слышен на восемь миль вокруг

[3] Замок близ города Сиены, был обставлен по всей ограде, шедшей в виде круга, каменными башнями

[4] Борьба титанов, сыновей Урана и Геи, с Юпитером, о которой говорится в мифологии Юпитер поразил титанов молнией и свергнул их в Ад

[5] Сосновая шишка (pigna) имеет одиннадцать футов в длину, она была сделана из бронзы и украшала фасад храма Св Петра в Риме

[6] Фризы, т. е. фридландцы, славились своим большим ростом

[7] Непонятные слова.

[8] Немврод был строителем Вавилонской башни; из-за него произошло смешение языков, и люди перестали понимать друг друга

[9] Титан Эфиальт, восставший против Юпитера.

[10] Бриарей — другой титан, имевший сто рук.

[11] Антей — сын земли (Геи), придававшей ему при каждом соприкосновении с ней новые силы. Геракл задушил его, подняв на воздух Антей не воевал вместе с братьями против богов (см. прим 4), и потому он один не закован в цепи

[12] Здесь упоминается о победе Сципиона Африканского над Ганнибалом

[13] Тиций и Тифей — титаны

[14] Наклонная башня в Болонье. Если стоять под наклоном башни и смотреть на ее вершину в то время, когда над ней проходят тучи, кажется, что башня колеблется и вот-вот упадет

Песнь тридцать вторая

В *девятом* круге Ада показываются важнейшие грешники — виновные в измене. Для описания этого круга Данте призывает на помощь себе муз. Девятый круг — это центр вселенной, представляющий из себя громадное, покрытое слоем льда озеро и разделяющийся на четыре отдела: *Кайна* — в котором наказываются братоубийцы, *Антенора* — место наказания изменников отечеству, *Толомея*, где наказываются люди, изменившие своим друзьям, и *Джиудекка* — место наказания грешников, восставших против Бога. В Кайне Данте видит грешников, замерзших по щеки, по которым льются слезы, тут же замерзающие. Данте вступает в разговор с изменником Камиччионе деи Пацци, который и указывает ему на двух грешников — братьев Александра и Наполеона делли Альберти, умертвивших друг друга в борьбе за наследство. Камиччионе называет и других грешников, а также предсказывает прибытие в Ад своего еще живого родственника Карлино де'Пацци. После этого поэты идут в Антенору — второй отдел девятого круга, где Данте случайно задевает ногой голову одного из грешников, начинающего жаловаться на этот поступок поэта. Последний желает знать имя грешника, тот отказывается, и Данте, разгневанный, хватает его за волосы и начинает вырывать их. Но и это не помогает, и Данте узнает об имени терзаемого им только от другого грешника, который называет первого предателем Боккой, погубившим гвельфов при Монтаперти. Затем на границе Антеноры и Толомеи Данте замечает грешника, который грызет голову своего соседа, и просит его рассказать свою историю.

Когда б владел я рифмою железной —
Все ужасы я описать бы мог,
Витавшие над этой адской бездной,
Полнее бы излил я мысли сок.
Но стих мой слаб, и тот достоин срама,
Кто вздумал бы прославить Божий мир,
Когда язык лепечет: «Папа! Мама!»

Так грешники в немом оцепененье
Погружены все были до ланит,
Которые окрашивает стыд,
В глубокий лед и щелкали зубами.

(«Ад», Песнь 32)

О Музы! пусть же звуки ваших лир
Помогут мне, как прежде Амфиону[1],
Воздвигшему чудесно стены Фив!
Ты, род людской, безмерно нечестив,
И предан здесь проклятию и стону;
О, лучше б ты звериным стадом был!

Когда на дно колодца опустил
Нас великан, смотрел я растревожен
Вокруг себя и услыхал слова:

— «В пути своем будь ныне осторожен,
Несчастных ты не раздавил едва».
Я поглядел. Виднелось предо мною,
Покрытое корою ледяною,
Дно озера, блистая, как стекло.
Когда зимой метель кружится с воем,
Течение Дуная не могло
Быть сковано таким тяжелым слоем,
Какой лежал на озере в тот миг.
И если б с Пьетропаной Таверник[2]
Обрушились — под тяжестью громадной
Не дрогнул бы покров тяжелый льда.

В вечерний час, когда порою страдной
Работница заснет, и иногда
Колосьев сбор ей снится — из пруда
В тот самый час лягушка на мгновенье
Покажется и вновь уйдет туда, —
Так грешники в немом оцепененье
Погружены все были до ланит,
Которые окрашивает стыд,
В глубокий лед и щелкали зубами.
Их скорбный лик был книзу обращен,
И ужас мук во взоре отражен.

Тут увидал внизу я, под ногами,
Прижавшихся друг к другу двух теней;
Примерзнувшие пряди их кудрей
Смешалися, и я спросил их: — Кто вы,
Что слиться здесь в объятиях готовы?

Приподняли в ответ на мой вопрос
Они лицо, но капли горьких слез,

Тогда рукой вцепился я в него
И произнес: — Ответишь поневоле,
Иль волосы твои до одного
Я выдерну!..

(«Ад», Песнь 32)

Струясь из глаз, от холода застыли,
И на устах слова сковал мороз.
Тут злоба их проснулась в полной силе
И, как козел, сцепившийся с козлом —
Так и они, ударившись челом,
Бодалися. Товарищ их — безухий
От холода — сказал мне: — «Почему
Глядишь на них сквозь призрачную тьму?
Ты хочешь знать: кто эти злые духи?
Долиной, где Бизенцио[3] течет,

Владел Альбер, а с ним — его два сына,
И, будь тобой обойдена Каина[4],
Ты не найдешь меж погруженных в лед
(Их матери одной носило чрево)
Достойнейших Божественного гнева,
Чем эти два. Не хуже тот злодей[5],
Желавший быть предателем на троне,
Кого Артур убил рукой своей.
Фокаччио[6], предатель Маскерони[7],
Чья голова глядеть мешает мне, —
Их превзойти не могут по вине.
Узнай: я сам зовусь Камиччионе[8]
Де Пацци; здесь того Карлино[9] жду,
Пред чьим грехом бледнеет наряду
Моя вина».
Страдающих в пучине
Немало лиц увидел я во льду;
Казалися они багрово-сини.
Я голову одну толкнул ногой,
И грешный дух воскликнул тут с тоской:
— «Зачем меня преследуешь и в смерти?
Иль, может быть, ты мстишь за Монтаперти?»[10]

И, чувствуя волнение в груди,
Учителю сказал я: — Обожди!
Я разрешить свои хочу сомненья.
Затем с тобой немедля я пойду. —
И грешнику, что извергал хуленья,
Промолвил я: — Томящийся в Аду,
Кто ты? Зачем со злобою во взоре
Хулишь меня? — «Скажи сначала сам, —
Ответил он, — кто ты, по головам
Ступающий в ужасной Антеноре?[11]

Две головы — одна поверх другой —
Предстали нам, и грешник, сверху бывший,
Вцепясь в того, кто погрузился вниз,
Безжалостно его зубами грыз.

(«Ад», Песнь 32)

Так поступить не мог бы и живой».
— Я жив еще; из бездны роковой
Вернувшись в мир, могу тебя прославить, —
Ответил я, но крикнул грешный дух:
— «Прочь от меня! Я к лести нынче глух!
В покое лишь прошу меня оставить».
Тогда рукой вцепился я в него
И произнес: — Ответишь поневоле,
Иль волосы твои до одного
Я выдерну! — Но он со стоном боли

Ответил мне: — «Ты можешь их таскать,
Ответа же не вырвешь ты, однако!»

Выдергивать я стал за прядью прядь,
И грешный дух залаял, как собака.
Послышались тут сзади голоса,
Кричавшие: — «Но что с тобою, Бокка?[12]
Залаял ты сейчас не хуже пса.
Кой черт тебя терзает так жестоко?»

Тут выпустил я грешника из рук:
— Изменник, прочь! Достоин ты проклятий!
Я принесу из бездны адских мук
Весть о тебе, покинув этот круг!
И молвил он: — «Не позабудь собратий!
Известен тот был длинным языком,
Ты видишь там изменника Дуэру[13],
Над золотом рыдает он тайком,
А далее примкнули к Гольданьеру[14]
Беккерия[15] и гнусный Ганеллон[16]
С изменником коварным Тебальделло[17]
(Во тьме ночной Фаэнцу предал он)».

Мы отошли, и тяжких мук предела
Достигли мы: в пучине роковой
Две головы — одна поверх другой —
Предстали нам, и грешник, сверху бывший,
Вцепясь в того, кто погрузился вниз,
Безжалостно его зубами грыз.
Так человек, уж много дней постивший,
Кидается на хлебные куски;
Так павшего фивянина виски
Глодал Тидей[18], предчувствуя кончину.

И я сказал: — Поведай мне причину
Звероподобной ярости твоей,
И, если враг — воистину злодей,
Узнав, о чем враждуете друг с другом,
Вернувшись в мир, покинутый тобой,
Ему воздам я кару по заслугам,
Когда язык не онемеет мой.

Примечания к тридцать второй песне

[1] Амфион — древний греческий певец. По звуку его лиры, оживлявшему камни, воздвигались сами собой стены Фив.

[2] Пьетропана — гора в Тоскане, Таверник — гора в Эсклавонии

[3] Бизенцио течет в долине Фальтероно между Луккой и Флоренцией. Александр и Наполеон, сыновья Альберо д'Альберти, умертвили друг друга после смерти отца, борясь за наследство

[4] Отделение девятого круга, где помещаются братоубийцы.

[5] Мордрек, сын короля Артура, задумавший убить его и овладеть его престолом и женой, прекрасной Джиневрой.

[6] Фокаччио Канчелльери из Пистойи, приверженец партии Белых, отрубил руку двоюродному брату из партии Черных и убил дядю

[7] Сассоло Маскерони из Флоренции — убийца близкого родственника, был обезглавлен

[8] Камиччионе де Пацци также умертвил родственника

[9] Карлино де Пацци, гибеллин, предал за деньги гвельфам замок Пьянтравинье, в котором погибло много его родственников.

[10] В сражении при Монтаперти гвельф Боккадельи Абати, подкупленный гибеллинами, изменнически отрубил руку Джакопо Пацци, несшему знамя своей партии, вследствие чего гвельфы проиграли сражение. Помещая Бокка в Аду, Данте свидетельствует о своем беспристрастии.

[11] В Антеноре помещены изменники отечеству

[12] Бокка — изменник при Монтаперти (см. прим. 10)

[13] Буозо да Дуэра, подкупленный французами, предал Кремону войскам Карла Анжуйского в 1265 г.

[14] Гольданьер — сначала гибеллин, потом гвельф, был одно время правителем Флоренции

[15] Тезауро деи Беккерия — аббат монастыря Валломброзе, — легат папы Александра IV, намеревался продать Флоренцию гибеллинам, но был казнен.

[16] Ганеллон из Майнца. Измене его приписывают поражение войск Карла Великого при Ронсевале, где пал знаменитый Роланд

[17] Требальделло деи Дзамбрази продал ночью Фаэнцу гвельфам города Болоньи.

[18] Один из семи царей-гигантов, осаждавших Фивы. Пораженный смертельно Меналиппом, он нашел в себе силы убить его, затем велел отрубить ему голову и грыз ее перед смертью

Песнь тридцать третья

Грешник поднимает свою голову, вытирает губы и волосы своей жертвы и приступает к рассказу о своей жизни. Это граф Уголино, наместник города Пизы. Он был заподозрен в измене родному городу, население которого, имея во главе архиепископа Руджиери, восстало против Уголино и заперло его вместе с сыновьями и внуками в так называемой с того времени башне Голода, где несчастные были заморены голодом. Данте слушает рассказ Уголино и разражается упреками к пизанцам. Затем поэты вступают в третий отдел девятого круга — Толомею, где наказываются виновные в измене друзьям; эти грешники вечно плачут, но слезы не приносят им облегчения, а, наоборот, только усугубляют страдания. К Данте обращается один из грешников — Альбериг — с просьбой снять с него застывшие слезы. Данте обещает сделать это, если тот объявит ему свое имя. Альбериг рассказывает о своем преступлении, и Данте не исполняет обещания, находя, что в столь нечестном месте, как Ад, можно самому быть нечестным. Затем поэт удаляется от грешника, осуждая генуэзцев.

Оторванный от яства рокового
И отерев уста о прядь волос,
Ответил так мне грешник на вопрос:
— «Желаешь ты, чтоб воскресил я снова
Перед тобой печаль минувших дней?
Мне тягостна и мысль одна о ней,
Но если речь моя — позора семя
Изменнику и я дождусь плода —
Я говорить и плакать в то же время
Готов теперь. Кто ты и как сюда
Проникнуть мог — понятья не имею,
Но речью ты напомнил мне своею

Прислушивался тщетно я к приходу
Тюремщиков, носивших хлеб и воду.
Вдруг слышу я, как забивают вход
В темницу к нам.

(«Ад», Песнь 33)

Флоренцию. Итак, узнай сейчас:
Граф Уголино[1] я, он — Руджиери.
Как страшно я ошибся в лицемере
И как затем он смерти предал нас —
Известен всем печальный тот рассказ.
Но одного не ведают доныне:
Как я страдал жестоко при кончине.
В тюрьме моей томился я давно;
Присвоено, в мое воспоминанье,
Теперь ей «Башни Голода» названье;

Много раз сквозь узкое окно
Наблюдал за светлою луною —
Когда в ночи привиделся мне сон[2],
Исторгнувший завесу предо мною.
Тот, кем я был в темницу заключен,

Когда настал ужасный день четвертый,
Мой Гаддо пал передо мной, моля
О помощи, и умер распростертый.

(«Ад», Песнь 33)

Приснился мне владыкой, господином;
С волчатами он волка по долинам
Окрестным гнал к высокому холму[3]
Меж Луккою и Пизою. Ему
Предшествуя, Сисмонди и Ланфранки,
Со сворой псов, алкающих приманки,
Неслись, как вихрь. Был также впереди
И Гуаланди. С ужасом в груди
Увидел я, как настигают кони
Волчат с отцом, затравленным в погоне,
И стая псов, голодных и борзых,

Кидается и раздирает их.
Еще зарей не заалело небо,
Когда детей послышался мне плач,
Которые во сне просили хлеба.
Душою ты суровей, чем палач,
Когда меня не сожалеешь ныне,
Поняв, что я предчувствовал в кручине!
И если слез сочувственных ручей
Не в силах я исторгнуть из очей —
О чем, скажи, ты проливаешь слезы?
Проснулись мы под бременем угрозы,
Навеянной тяжелым сном моим.
Предчувствием мучительным томим,
Прислушивался тщетно я к приходу
Тюремщиков, носивших хлеб и воду.
Вдруг слышу я, как забивают вход
В темницу к нам. Отчаяния полный,
В лицо детей я устремил безмолвный
Суровый взор, и сердце, словно лед,
В груди моей от ужаса застыло.
Все плакали, но в продолженье дня
Не плакал я, ни звука не сходило
С холодных уст. — «Отец мой, что с тобою?
Как странно ты глядишь перед собою!» —
Спросил Ансельм-малютка у меня.
Но я молчал. Когда же луч денницы
Проник опять в окно моей темницы
И в их чертах, искаженных от мук,
Я черт своих увидел отраженье —
Я укусил невольно пальцы рук.
Но, думая, что голода мученья
Не в силах я терпеньем побороть,
Промолвили они: — «Ты в эту плоть

Все на глазах скончались у меня.
Уже слепой, бродил я, как в могиле,
И мертвых звал в течение трех дней.

(«Ад», Песнь 33)

Наш дух облек, сними ее покровы;
Тебя собой насытить мы готовы
И легче нам не видеть мук твоих».
Тогда порыв безумия утих,
Смирился я, и мы три дня молчали.
О, почему во дни такой печали
Не приняла в объятья нас земля?
Когда настал ужасный день четвертый,
Мой Гаддо пал передо мной, моля
О помощи, и умер распростертый.

От пятого и до шестого дня
Все на глазах скончались у меня.
Уже слепой, бродил я, как в могиле,
И мертвых звал в течение трех дней.
Потом... Но муки голода сильней,
Ужасней мук моих душевных были». —
Он замолчал и, бешеную злость
Почувствовав, вонзил в злодея зубы,
Как будто пес, который гложет кость.

О, Пиза! Стыд, позор тебе сугубый!
Пускай, когда враги тебя щадят,
С Капрайею[4] Горгона заградят
Теченье вод, как крепкая плотина,
И город весь погибнет. Уголино
В предательстве виновен, может быть[5],
Но за отца зачем детей казнить?
От первых двух до юного Бригаты
С Угуччионе был ли виноватый
Хотя один, о люди новых Фив?

В пределы льда крепчайшего вступив,
Мы грешников увидели, лежавших
Там на спине и тем сильней страдавших,
Что, влагою наполнив их глаза,
В них каждая застывшая слеза,
Сгущаяся, собой образовала
Подобие кристального забрала.
Хотя лицо от стужи потеряло
Чувствительность, я ветер ощутил
И вымолвил: — Я знаю, что застыл
И воздух здесь. Откуда ж дуновенье? —
И вождь сказал: — «Тебе ответит зренье!»

Воззвал один из погруженных в ров:
— «О, души злых, дошедшие до круга
Последнего[6] и чей удел суров,
С очей моих снимите вы покров,
Дабы всю боль душевного недуга
Хотя на миг излить я мог в слезах,
Покуда нет завесы на глазах».
Но я сказал: — Поведай мне сначала,
Кто родом ты? И если покрывала
С очей твоих я не сниму затем —
Пускай во льду томлюсь, подобно всем. —
Ответил он: — «В саду моем взлелеял
Я плод дурной, я — падре Альбериг[7]
И здесь несу возмездье из-за фиг;
Сторицей жну лишь то, что я посеял».
Я вопросил: — Ты мертвый иль живой? —
Ответил он: — «Сказать я не сумею.
Порой лишь дух исходит в Толомею,
Меж тем толчок нам не дан роковой
Антропосом[8], и существует тело.
Но для того чтоб ты скорее снял
С очей моих давящий их кристалл —
Узнай: душа едва лишь отлетела,
Как телом злых овладевает бес
И там живет, покуда суд небес
Не совершен. Душа же цепенеет
Здесь в пропасти. На Д'Ориа[9] взгляни:
Он на земле влачит доселе дни,
А дух его в пучине леденеет,
И много лет с тех пор уже прошло».
Ответил я: — Меня морочишь зло;
Ведь Д'Ориа все так же, как и прежде,
Спит, ест и пьет, и ходит он в одежде! —

Но отвечал мне падре Альбериг:
— «Смолистая пучина Малебранке
Не приняла еще в объятья Цанке,
Как в Д'Орио мгновенно бес проник
И в плоть его племянника родного,
Виновного в измене, как и тот.
Теперь сними, тебя прошу я снова,
С очей моих невыносимый гнет!»
Но честным быть здесь было бы нечестным,
И я ушел. О, развращенный род
Из Генуи! Зачем судом небесным
Не изгнаны из мира вы навек?
Развратнейший в Романье человек[10]
Мне встретился с другим злодеем[11] рядом,
Чей грешный дух давно уж принят Адом,
А плоть его как будто бы живет.

Примечания к тридцать третьей песне

[1] Граф Уголино делла Герардеска, граф Доноратико, наместник города Пизы и владетель замков в пизанской области, командовал пизанским флотом во время битвы его с генуэзцами при Мелории, 6 августа 1284 г. генуэзцы одержали полную победу, находясь под начальством Уберто д'Ориа, а пизанцы потеряли 4 тыс. убитыми и 11 тыс пленными. Уголино обратился в бегство и вернулся в Пизу с тремя галерами Как говорит историк, за это бегство Уголино стали обвинять в измене, но все-таки его вновь выбрали наместником на два года. Между тем генуэзцы заключили союз с гвельфами Флоренции, Лукки и других тосканских городов против Пизы, где долго сосредоточивались гибеллины Уголино удалось с помощью значительной суммы денег и уступки некоторых крепостей отвлечь от этого союза Флоренцию и Лукку, но Генуя продолжала воевать Пиза была ослаблена и истощена военными издержками и голодом. Общий голос поднялся против Уголино, которого стали обвинять в том, что он намеренно медлит с освобождением пленных и поддерживает партию гвельфов, чтобы с ее помощью удержаться у власти Нино Висконти, внук Уголино, а также партия старых гибеллинов с архиепископом Руджиери во главе и при содействии знаменитых и влиятельных родов Гуаланди, Сисмонди и Ланфранки подняли восстание, возбудив народ против Уголино 1 июня 1288 г. дело разгорелось Руджиери, с крестом в руках, повел за собою народную массу. Уголино с сыновьями и внуками заперся в Палаццо ди Пополо, но был взят в плен и переведен в башню Гваланди, где и умер от голода вместе со

всей семьей. После их смерти башня получила название «Голодной башни». Рассказ этот — одно из самых потрясающих мест поэмы.

[2] Этот сон Уголино — предзнаменование близкой смерти. Архиепископ Руджиери является в нем главой охоты: Сисмонди, Гваланди, Ланфранки — влиятельные гибеллины, союзники архиепископа, — ловчими; а сам Уголино с детьми — волком с волчатами.

[3] К холму — т. е. к горе Сан-Джулиано, расположенной между Пизой и Луккой.

[4] Капрайя и Горгона — небольшие острова в Тирренском море близ устья Арно, в низовье которого расположена Пиза.

[5] Намек на обвинение Уголино в измене.

[6] Грешник принимает поэтов за осужденных на заключение в девятом круге.

[7] Альбериг — Альбериго деи Манфреди — член ордена братьев гаудентов, один из гвельфских главарей Фаэнцы. Поссорившись с родными, созвал их на пир и, пока подавали плоды, велел умертвить их. От этого в Италии произошла поговорка. «Он попробовал плодов Альберига».

[8] Парки (мойры) — дочери Зевса и Фемиды, богини человеческой судьбы. Мойры изображались в виде старух, прядущих нить человеческой жизни. Перерезая нить, мойры обрывали жизнь.

[9] Бранка д'Ориа, генуэзец, убил своего родственника Микеле Цанке (см. «Ад», песнь двадцать вторую).

[10] Альберит.

[11] Бранка д'Ориа.

Песнь тридцать четвертая

Данте и Вергилий входят в Джиудекку, последний отдел девятого круга, названный по имени Иуды-предателя. В нем среди вечных льдов томятся виновные в самом страшном грехе — измене благодетелям и Богу. Между ними Данте видит громадную фигуру Люцифера, который выдается верхней частью стана из ледяной пещеры; у него три лица и три рта, а под каждым лицом — пара лишенных перьев крыльев, они постоянно возрождают три ветра. От этих ветров замерзает адская река Коцит, образовавшая ледяное озеро девятого круга, куда выливаются струи слюны, вытекающей из ртов Люцифера. В каждом рте он держит, в назидание прочим, по одному грешнику: в одном — Иуду Искариота, в другом — Брута, убийцу Цезаря, и в третьем — Кассия. Осмотрев девятый круг, поэты решают закончить свое странствование и выйти из Ада. Крылья Люцифера раскрываются, и Данте, обхватив шею Вергилия, спускается вместе с ним по обледенелым бокам Люцифера до бедер последнего, находящихся в центре Земли. Здесь Вергилий меняет положение своего тела, а именно: становится головой на то место Ада, где находились его ноги, и начинает свое восхождение на другое полушарие Земли, цепляясь за шерсть Люцифера. Он приводит Данте по узкому цилиндрическому ходу к скалам, где и усаживает его для отдыха. Данте, к своему удивлению, видит перед собой ноги Люцифера и просит Вергилия объяснить ему причину такого явления. Последний исполняет эту просьбу и говорит о строении земного шара, сравнивая его с яблоком, которое протачивает червь изнутри. От скал поэты опять идут по цилиндрическому ходу, по которому течет в Ад поток, и проходят к отверстию, через которое видны светила. Это — подножие горы Чистилища, его описанию Данте посвящает вторую часть своей поэмы.

Приблизились знамена князя тьмы! —
Сказал поэт, — гляди пытливым оком!
Как сквозь туман иль в сумраке глубоком
Перед собой чуть различаем мы
Вертящуюся мельницу с крылами —

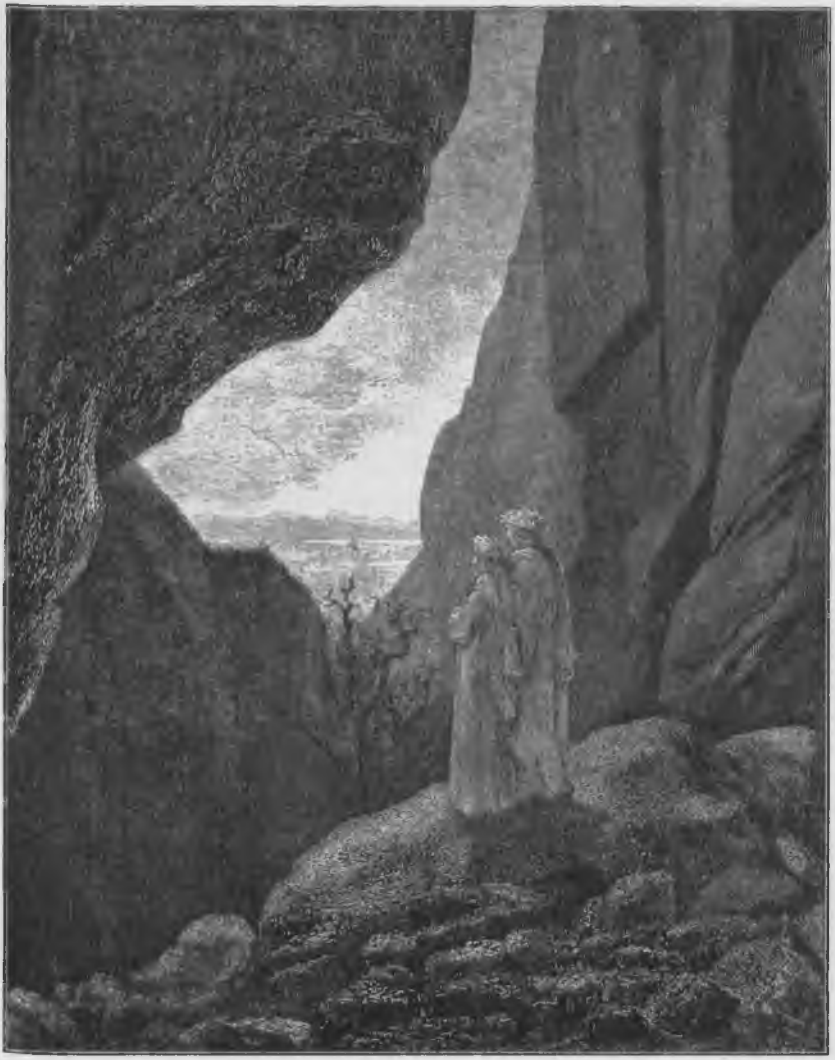
Учитель мой мне указал того,
Кто прежде был божественно прекрасен,
Сказав: — «Ты Дитэ видишь самого.
Мужайся же, здесь царство Люцифера!»

(«Ад», Песнь 34)

Так башня вдруг явилась перед нами.
Имеющий защиту только в нем,
Укрылся я от ветра за вождем.
К последнему приблизились мы краю
(И с ужасом я этот стих слагаю!).
Затертые неумолимо льдом,
Напоминали грешники собою
Зародышей в спирту и под стеклом.
Один лежал, другой вниз головою
Стоял во льду, а третий, словно лук,

Сведенный весь, окоченел от мук.
И, наконец, — о, этот миг ужасен! —
Учитель мой мне указал того,
Кто прежде был божественно прекрасен,
Сказав: — «Ты Дитэ[1] видишь самого.
Мужайся же, здесь царство Люцифера!»

Всех ужасов исполнилася мера;
Как был в тот миг подавлен я и нем —
Не вопрошай: слова мои бессильны.
Не умер я и не жил вместе с тем,
Но ощущал я холод замогильный.
Долины слез и скорби властелин
Предстал очам и лишь до половины
Груди своей был виден из пучины.
В сравнении со мною исполин
Чудовищен так не был по размерам —
Как был бы мал в сравненье с Люцифером,
Он, дерзостно восставший на Творца,
Начало зла, настолько же ужасен
Был ныне он, как некогда прекрасен.
Я у него увидел три лица[2].
Передний лик, как зарево, был красен;
По сторонам его я разглядел
И два других: сливаясь меж собою,
Казалось все одною головою.
Но правый лик был желто-бел,
Окраска же другого походила
На смуглоту людей долины Нила.
Над ликами по паре грозных крыл
Виднелося, подобие ветрил,
Каких нигде не видел я доныне.
Три ветра он производил в пучине



Из бездны той, что грозно поглотила
Собою нас, — мы к выходу пришли.

(«Ад», Песнь 34)

При помощи своих бесперых крыл,
Которые Коцит оледеняли.
Все шестеро очей его роняли
Потоки слез, которые тройной
Текли струей на грудь его тройную
И, смешаны с кровавою слюной,
Струились вниз в пучину ледяную.

По грешнику держа в зубах своих,
Он их тела тремя своими ртами
Трепал, как лев, зараз казня троих.
Но меньшую он причинял зубами
Боль грешнику, которого он грыз
Передним ртом, чем острыми когтями.
И вождь сказал: — «Висит ногами вниз
И головою в пасти Люцифера
Караемый всех строже для примера —
Искариот. Еще ты видишь тут:
Вниз головой висит предатель Брут,
В безмолвии он корчится от гнева,
И Кассий с ним, висящий там налево.
Но в путь пора, окончен наш обзор
И ночь близка».
Тут распахнулись крылья
У демона; Вергилий мне простер
Объятия. Напрягши все усилья,
Он по бокам косматым Сатаны
Спускаться стал, и были мы должны
Цепляться там, где шерсть обледенела.
Достигнув бедр, перевернулся смело[3]
Вниз головой Вергилий, и ползти
Он стал наверх. Мне думалось: обратно
Мы сходим в ад, — так это непонятно

И мир чудес открылся нам вдали,
И в небесах блеснули вновь светила.

(«Ад», Песнь 34)

Казалось мне, но он сказал в пути,
Переводя с усилием дыханье:
— «Крепись, мой сын! Из области страданья
Одним путем возможно нам уйти».

Тут вышли мы в расщелину утеса,
И, посадив меня на край откоса,
Передо мной он осторожно встал.

Подняв глаза, я Дитэ ожидал
Увидеть там, каким он мне явился,
Но увидал вверху я лишь одни
Гигантских ног торчавшие ступни,
И в сердце я невольно подивился.
Какую здесь переступил я грань[4] —
Постигнет ли простой и грубый разум?
Я был смущен, но поднялся я разом,
Когда сказал учитель мне: — «Восстань!
Наш путь тяжел, а в небе совершило
Уж треть пути полдневное светило».

Мы шли во тьме невиданных пещер,
Нас привели их мрачные изгибы
Вовнутрь земли, где громоздились глыбы.
— Как погружен в пучину Люцифер
Вниз головой? Где вечных льдов обитель?
И почему настал так быстро день?
Пока мы здесь, о мой руководитель,
Прошу тебя, рассей сомнений тень! —
Он отвечал мне: — «На две половины
Вселенная разделена червем[5],
Точащим мир. Когда, спустясь по нем,
Достигнул я с тобою середины

И вновь по нем я подниматься стал —
Ты роковую точку миновал,
Куда весь груз стремится центробежно.
Теперь с тобой достигли неизбежно
Другого мы из полушарий двух.
Над нами — то, где без греха рожденный[6]
Был умерщвлен, безвинно-осужденный.
Под нами же расположен тот круг,
Что Джиудекке служит антиподом[7].
Там — солнечным закатом, здесь — восходом
Одновременно блещет небосклон.
И Люцифер — с тех пор как сокрушила
Его во прах десница Михаила —
Главою вниз в пучину погружен[8].
Где он упал — от ужаса закрыла
Свой лик земля пучиною морской,
И тут же холм вознесся вековой.
Глубокий ход вдали за Вельзевулом
Прорыт в земле, незримый для очей,
И выдает себя подземным гулом
Струящийся на дне его ручей»[9].

Мой вождь и я поспешною стопою
Пошли вперед таинственной тропою,
Дабы скорей увидеть Божий свет.
И мне в пути предшествовал поэт.

Из бездны той, что грозно поглотила
Собою нас, — мы к выходу пришли,
И мир чудес открылся нам вдали,
И в небесах блеснули вновь светила[10].

Примечания к тридцать четвертой песне

[1] Люцифер у Данте называется Дитэ. Здесь начинается четвертое отделение девятого круга — Джиудекка (Джудекка), названный так по имени апостола Иуды, который предал Христа. Здесь казнятся предатели своих благодетелей. Они вмерзли в недра ледяного слоя: кто — лежа, кто — головою вверх, кто — головою вниз, кто — изогнувшись дугой. По одному старинному толкованию, это те, кто предал равных себе (лежат), низших (головою вверх), высших (головою вниз) или же тех и других (изогнутые).

[2] Три лица. — трехликий Люцифер — противоположность триединого Бога. Если три лица божества знаменуют могущество (Бог Отец), мудрость (Бог Сын) и любовь (Бог Дух), то лица Дантова Люцифера означают бессилие (бело-желтое), невежество (черное) и ненависть (красное). Существует еще одна версия: эти три лица изображают европейцев, азиатов и африканцев.

[3] Если вообразить себя в центре Земли, где помещается Люцифер, то для перехода на другое полушарие нельзя представить себе другого средства, кроме того, к которому прибегает Вергилий: т. е. мы должны перевернуться так, чтобы голова оказалась там, где были ноги. Вергилий спускался до тех пор, пока не достиг центра, а потом, перевернувшись, должен был подниматься вверх, хотя в обоих случаях он двигался по одной и той же линии.

[4] Т. е. центр тяготения всего мира, по толкованию поэта.

[5] Данте представляет землю яблоком, середину которого точит червь, т. е. отец греха — Люцифер.

[6] Иисус Христос.

[7] Поэты употребили только два с половиной часа на путешествие по клочьям шерсти Люцифера, а между тем солнце уже перешло от вечера к утру, что удивляет Данте. Вергилий объясняет ему, что, когда на одном полушарии — день, на другом — ночь.

[8] Сюда с небес вонзился он когда-то . — Данте перерабатывает и дополняет библейский рассказ о падении Люцифера. Этой катастрофой он объясняет то устройство преисподней и горы Чистилища, которая лежит в основе его поэмы. Изложение своей концепции он влагает в уста Вергилия.

[9] В глубине пещеры, окружающей Вельзевула (одно из имен Люцифера), есть место, где вытекает ручей, вдоль которого, следуя ходам незримым, т. е. в полной тьме, поэты начинают восхождение к поверхности Южного полушария, чтобы выйти к подножию горы Чистилища. По-видимому, этот ручей уносит в преисподнюю воды Леты, стекающей сюда с вершины Чистилища, из земного Рая, где она смывает с очистившихся душ воспоминание о грехах.

[10] Поэты выходят к подножию горы Чистилища, окруженной южным океаном, часа за полтора до восхода солнца, 10 апреля. Их восхождение от центра земли длилось приблизительно 21 час, примерно столько же, сколько нисхождение в адскую пропасть от ворот Ада до Люцифера. Они начали подниматься вдоль подземного ручья в утро Страстной субботы, наступившее для них вторично, и вышли на остров Чистилища в ночь на Пасху, перед рассветом. Словом «светила» заканчивается каждая их трех частей «Божественной Комедии».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧИСТИЛИЩЕ

Песнь первая

Пройдя через Ад, Данте и Вергилий приходят к подножию горы Чистилища, описанию которого поэт, после обращения к музам в начале этой песни, решает посвятить свой труд. На востоке разгорается заря, и постепенно меркнут светила на небосклоне; лишь на южной части его горят четыре яркие звезды — по предположению комментаторов, звезды Южного Креста, они олицетворяют у Данте четыре высшие человеческие добродетели. Перед поэтом появляется старец, внушающий ему почтение. Это Катон Утический — величайший муж древности, выше всего в своей жизни ставивший вечную свободу. Старец, охраняющий доступ к чистилищу, выражает удивление при виде Данте и Вергилия, но последний объясняет, что ему поручено небесной женой провести Данте к ступеням высшего блаженства. Тогда Катон указывает им путь к островку, на котором они должны сорвать тростник и опоясаться им, и, кроме того, говорит, что Данте должен омыть свое лицо живительной росой, чтоб снять с себя копоть, осевшую на его лице во время пребывания в Аду. Оба поэта в точности исполняют повеление Катона.

Покинувший пучину адских волн,
В иных водах, о, вдохновенья челн,
Лети вперед под всеми парусами.
Обитель ту[1], которая светла,
Куда наш дух, влекомый небесами,
Возносится, очищенный от зла, —
Прославлю я моею песнью ныне.
Взываю к вам, о музы, о богини!
Пусть Каллиопа[2] выше воспарит,
Моим стихам той музыкою вторя,
Которая смирила Пиэрид[3],
В прощении отчаявшихся с горя.

С надеждою вступил я в первый круг[4].
Цвет сладостный небесного сафира
Сливался здесь с дыханием эфира,
Все светлое, что видел я вокруг, —
Душе моей, томимой видом мук,
Моим очам — надежду возвратило.
Узрев любви прекрасное светило[5],
Которое созвездье Рыб затмило, —
Улыбкою Восток зарделся весь.

Я устремил направо взор, и здесь,
У полюса другого, мне четыре[6]
Явилися планеты: в целом мире
Видала их лишь первая чета.
Среди небес их блеск и красота,
Казалося, рождают ликованье.

Полночный край, печален твой удел:
Не знаешь ты их дивного сиянья.

Я в сторону другую поглядел,
Где виден был лишь след от колесницы[7],
И старец[8] тут явился предо мной,
Почтение внушавший без границы —
Сильнейшее сыновьего. Двойной
На грудь его спускалися волной
Серебряные кудри с бородою,
Такою же, как волосы — седою.
В сиянии тех четырех светил,
Как будто днем он ясно виден был,
И молвил он: — «Из мрака заточенья
Идущие насупротив теченья —
Кто вы? И кто светильник вам зажег?
Кто вывести из тьмы кромешной мог?
Ужель закон геенны уничтожен?
Иль Божий суд, во веки непреложен,
Был изменен Создателем Самим,
И грешникам дозволил Он одним
На этот раз прийти в мою обитель?»

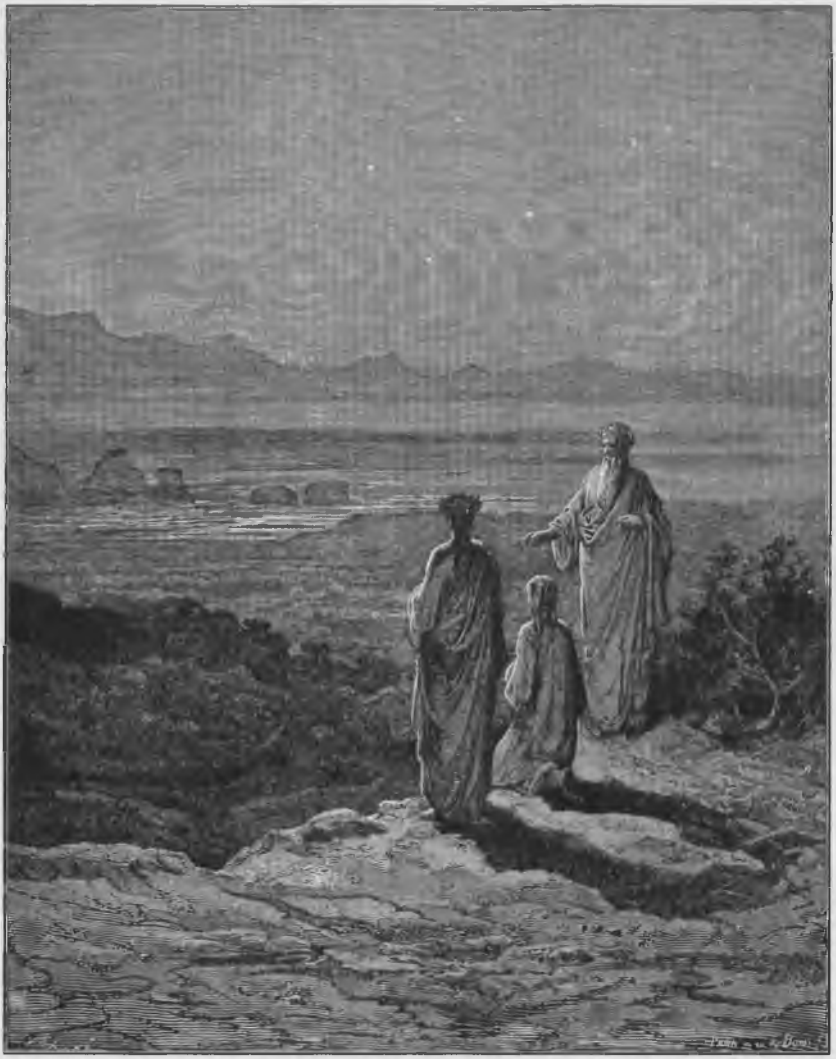
Тут повелел мне знаками учитель[9]
Потупить взор, колена преклоня,
И отвечал он старцу за меня;
«Не по своей сюда являюсь воле.
Сошедшею из горних стран Женой[10],
Доверен мне стоящий тут со мной.
А если ты узнать желаешь боле —
Всю истину тебе открою я.
Он близок был к закату бытия,
Благодаря деяньям безрассудным.

С надеждою вступил я в первый круг.
Цвет сладостный небесного сафира
Сливался здесь с дыханием эфира,
Все светлое, что видел я вокруг, —
Душе моей, томимой видом мук,
Моим очам — надежду возвратило.

(«Чистилище», Песнь 1)

От гибели стремясь его спасти,
Его путем единственным и трудным
К спасению решил я привести.
Теперь пускай увидит смертным взором
Те души он, что под твоим надзором
Очиститься от их грехов должны.
Как шли мы с ним из адской стороны,
Я долго бы рассказывал об этом.
Ведомые сиявшим свыше светом,
Мы для того явились в твой чертог,
Чтоб видеть он, тебя услышать мог.
Прими его, о старец, благосклонно!
К свободе он стремился неуклонно,
Которая героям дорога.
Ты за нее, не от руки врага,
Пал в Утике, где прах остался бренный,
И в день суда восстанет он — нетленный.
Нет, ради нас не изменил Творец
Решения: мой спутник — не мертвец,
Не страшны мне Миноса приговоры,
Я в том кругу, что озаряют взоры
Тобой любимой Марции[11]. Она,
По-прежнему любви к тебе полна,
Назваться вновь желала бы твоею.
От имени ее молить я смею:
Смягчися к нам, дозволь пройти по всем
Кругам твоим, число которых семь.
И Марции, когда дозволишь это,
Я выскажу признательность мою».

Ответил он: — «От вас не утаю:
Пока еще не уходил из света,
Я на земле так Марцию любил,



И старец тут явился предо мной,
Почтение внушавший без границы —
Сильнейшее сыновьего. Двойной
На грудь его спускалися волной
Серебряные кудри с бородою,
Такою же, как волосы — седою.

(«Чистилище», Песнь 1)

Что отказать я не имел бы сил
Ей в чем-либо. Теперь, когда глубоко
Мы бездною преступного потока
Разделены, — нет власти надо мной
У Марции. И если ты Женой
Небесною ведом и направляем,
Напрасно я тобою восхваляем,
От сладостной хвалы мой слух отвык.
Иди, сорви растущий там тростник[12]
И опояшь им спутника, и лик
Его омой, пятно скорбей стирая,
Дабы его увидел Ангел Рая
Очищенным. На этом островке,
Который там лежит невдалеке
Растет тростник. Не может никакое
Зазеленеть растение иное
На той скале; настолько там силен
Волны прибой. Пребудьте в ожиданье
На острове, покуда небосклон
Не озарит светила дня сиянье,
В лучах зари найдете указанье,
Как на гору удобнее взойти».

И он исчез. К поэту подойти
Я поспешил, безмолвно вопрошая.

И отвечал путеводитель мой:
— «Нам следует назад идти с тобой,
В долине здесь покатость есть большая».

Меж тем заря забрезжила. Вдали
Увидел я, как море трепетало.
Равниною пустынною мы шли,

Как путники, бредущие устало.
И, наконец, достигнув уголка,
Где, меж ветвей зеленых укрываясь,
Блестит роса, от солнца защищаясь, —
Ладонями наставник мой слегка
Коснулся трав. Росою слез омыты,
Ему мои подставил я ланиты,
И снова им вернул он цвет былой[13],
Неведомый в пучине ада злой.

Приблизились мы к берегу, откуда
Никто еще из смертных не отплыл[14];
Там тростником я опоясан был,
Как повелел нам старец, и — о, чудо! —
Учитель мой едва сорвал тростник,
Взамен его другой явился в миг.

Город Иерусалим

Примечания к первой песне

[1] Т. е. Чистилище.

[2] Муза поэзии.

[3] Девять дочерей Пиэра. Они вызвали муз на состязание в пении и были побеждены, а в наказание Аполлон превратил их в сорок.

[4] Первый круг, по системе Птоломея, — сфера Луны.

[5] Светило любви — планета Венера, затмевающая предшествующий ей знак Рыбы, в котором находилось Солнце.

[6] Данте поворачивается с востока на юг и видит четыре планеты, которые аллегорически обозначают четыре человеческие добродетели: мудрость, справедливость, храбрость и воздержание.

[7] Колесница — созвездие Большой Медведицы, находящееся в северной части неба.

[8] Катон Утический, покончил жизнь самоубийством после битвы при Фарсале, чтобы избавиться от власти Цезаря. На этот поступок он решился

вполне добровольно, предпочитая вечную свободу зависимой жизни, и потому предполагают, что Данте в Катоне Утическом олицетворяет свободную волю, с помощью которой грешный человек может достигнуть очищения. Данте, невзирая на язычество Катона, ставит его стражником Чистилища, так как глубоко почитал его личность

[9] Вергилий (см. «Ад»).

[10] Беатриче (см. «Ад», песнь вторую)

[11] Марция, супруга Катона Утического, была уступлена им Гортензию и по смерти последнего пожелала вновь вернуться к Катону. Как добродетельная язычница она находится в первом круге Ада — Лимбе (см. «Ад», песнь четвертую)

[12] Эмблема терпения и смирения

[13] Румянец, исчезающий на лице попадающих в Ад

[14] В чистилище попадают только души, которым предназначено очиститься от грехов. Они не возвращаются обратно ни на землю, ни в Ад, а или остаются здесь, или шествуют в Рай

Песнь вторая

Пока поэты совершают омовение, заря на востоке теряет свой алый цвет и восходит солнце. Вместе с этим Данте замечает другой, все более и более усиливающийся свет, сзади которого Вергилий видит очертания крыльев. Это — ангел Божий. Он без весел и руля ведет ладью, в ней находятся более ста душ, жаждущих проникнуть в Чистилище. Ангел покидает их, и они обращаются к Вергилию с вопросом относительно дороги на гору Чистилища. Один из прибывших призраков, приветливо улыбаясь, протягивает к Данте объятия. Он, в свою очередь, хочет обнять его, так как признал в нем своего друга — композитора Казеллу, но, ввиду бесплотности призрака, поэт чувствует, что обнимает только воздух. Казелла рассказывает, как он попал в это место, и Данте просит усладить его слух пением, в ответ Казелла поет первую строфу из стихотворения Данте, положенную им на музыку. Все призраки в восхищении внимают, но пение нарушает благоразумный старик, приглашающий все души начать путь к горе Чистилища. Души и поэты отправляются

Со стороны того меридиана,
Где царственный стоит Иерусалим[1],
Явилося нам солнце из тумана,
Меж тем над полушарием другим
От Ганга[2] Ночь с Весами восходила.
Когда собою землю тьма покрыла —
Роняет Ночь из рук своих Весы.
Пылавшая румянцем в те часы,
Покуда в небе солнце не всходило,
Подернулась Аврора[3] желтизной.
Стояли мы пред гладью водяной
Задумавшись и схожие с пловцами,

Которые одними лишь сердцами
Стремятся вдаль, не двигаясь вперед.
Как иногда, над лоном светлых вод,
Алеет Марс под дымкою рассвета —
Так предо мной явился отблеск света
Чудесного, скользивший по волнам.
О, если б вновь я мог увидеть это!
И тот же свет предстал моим очам
Блистательней и ярче, приближаясь.
По сторонам обеим выделяясь,
Виднелось нечто белое. Уж был
Он близок к нам, и очерк белых крыл
В сиянии наставник мой заметил,
И, Кормчего узнав, проговорил:
— «Здесь Ангела Господнего ты встретил;
Почти его, колена преклоня;
Таких, как он, ты с нынешнего дня
Увидишь здесь — избранных небесами.
Ему весла не нужно с парусами:
Достаточно ему лишь этих крыл.
Ты видишь ли, как светлый Ангел Рая
Летит сюда, их к небу простирая?
И перья их, бессмертны, как он сам, —
Не падают, подобно волосам
У смертного».
По мере приближенья
Небесный Дух все делался светлей,
И блеск его — для взора тяжелей.
Потупил я глаза в благоговенье,
И к берегу причалил он свою
Воздушную и легкую ладью.

Он радостно ладьею этой правил;
Спасенных душ с ним было больше ста,

Виднелось нечто белое. Уж был
Он близок к нам, и очерк белых крыл
В сиянии наставник мой заметил,
И, Кормчего узнав, проговорил:
— «Здесь Ангела Господнего ты встретил;
Почти его, колена преклоня!»

(«Чистилище», Песнь 2)

И к Господу взывали их уста:
«Когда народ Израиля оставил
Египетскую землю...» — Торжеством
Звучала песнь — ликующий псалом.
Остановясь и знамением крестным
Напутствовав причаливших к земле,
Он с легкостью исчез в лучистой мгле.

Спасенные, причалив к неизвестным
Им берегам, не ведая дорог,
По сторонам смущенно озирались.

Меж тем лучи дневные разгорались,
И с половины неба Козерог
Их стрелами был прогнан. Тут с вопросом
Прибывшие к поэту подошли:
— «Как на гору подняться к тем утесам?»

И отвечал Вергилий им: — «Земли
Мы здешней не видали. Издали
Явились мы — такие ж пилигримы,
Как сами вы; усталостью томимы,
Взбирались мы неведомым путем,
Дорогою, столь трудной и крутою,
Что на гору покажется подъем
В сравненье с ней — забавою простою».

Как смертные, которые, теснясь,
Льнут к вестнику, принесшему собранью
Маслины ветвь — так призраки, дивясь,
По моему заметивши дыханью,
Что я живу, — столпились возле нас,
Забыв свершить святое омовенье.

По мере приближенья
Небесный Дух все делался светлей,
И блеск его — для взора тяжелей.
Потупил я глаза в благоговенье,
И к берегу причалил он свою
Воздушную и легкую ладью.

(«Чистилище», Песнь 2)

О, призраки, доступные для зренья!
Один из них, исполненный любви,
Простер ко мне объятия свои;
Я в свой черед пытался троекратно
Обнять его, но руки непонятно
Мне падали на грудь, и обнимал
Лишь воздух я. Он удаляться стал
С улыбкою, я двинулся, конечно,
Вослед ему, и молвил он сердечно:
— «Как я любил когда-то во плоти,
Так и теперь, освобожден от плоти,
Люблю тебя. Но в здешний край идете
Вы для чего?» — По этому пути, —
Я отвечал, — я должен, мой Каселла[4],
Вернуться в мир. Еще не отлетела
Душа моя, но ты почил давно.
Так почему ж досель не суждено
Тебе вступить в обитель очищенья?

Ответил он: — «Мне Ангел в разрешенье
Отказывал, за это не должно
Корить его: так Господу угодно.
Но вот уже три месяца свободно
Желающих войти впускает он.
Где быстрый Тибр[5] течет волною мутной —
Я принят был с толпою мне попутной;
Туда со всех стекаются сторон
Все те, кого не принял Ахерон».

Я отвечал: — Когда не возбранил
Тебе закон тех дивных песнопений,
В которых я среди моих сомнений
Вновь почерпал запас любви и сил, —

Утешь мой дух смятенный и мятежный, —
И мне в ответ раздался голос нежный:
— «Любовь моя, глаголешь ты уму»[6].

Восхищены, внимали все ему,
И призраков объял восторг священный,
Но пение прервал старик почтенный,
Воскликнувший: — «О, нерадивый род!
Что ж двинуться вы медлите в дорогу?
Там на горе кору земных забот
Стряхнете вы, мешающую Богу
Проникнуть к вам». — Услышав голос тот,
Как голуби, которые, покуда
Их не спугнут, усевшись на окно,
Не трогаясь, клюют свое зерно,
Но, слыша крик, снимаются оттуда
И прочь летят, — так и толпа теней
Испуганно рассеялась, и сами
С учителем, поспешными шагами,
Мы двинулись к вершине вслед за ней.

Река Ганг

Примечания ко второй песне

[1] Так как Иерусалим и гора Чистилища представляются расположенными один против другой, то около земли можно провести воображаемый круг, в каждой своей точке одинаково отстоящий от того и от другой и служащий для них общим горизонтом. Когда солнце находится на меридиане Иерусалима, на всем том полушарии наступает день, а в полушарии Чистилища — ночь.

[2] В полночь наибольшей высоты в небе достигает противоположное солнцу созвездие зодиака Во время весеннего равноденствия, когда солнце находится в знаке Овна, против него приходится созвездие Весов Данте предполагал, что горизонт Иерусалима касается с восточной стороны Индии (Ганга)

[3] Алый цвет Авроры (зари) желтеет по мере восхождения солнца

[4] Известный композитор и певец, друг Данте, положивший на музыку одно из лучших его произведений.

[5] Сборным местом для душ, предназначенных к пребыванию в Чистилище, служит устье Тибра Это место Данте выбрал, по-видимому, вследствие близости к Риму как местопребыванию папы Из слов Каселлы видно, что его душа должна была ожидать возможности переселения в Чистилище вследствие того, что он не покаялся в некоторых грехах, но в первый юбилей — в 1300 г. — папа Бонифаций VIII дал индульгенцию, по которой все участники юбилея, а также богомольцы, скончавшиеся в начале 1300 г., получили прощение Потому и Каселла получил возможность попасть в Чистилище

[6] Начало одной из лучших песен Данте

Песнь третья

Вергилий и Данте за толпой душ отправляются к горе Чистилища. Вергилий озабочен Данте, увидев свою тень перед собой, тоже смущается и боязливо оглядывается назад, но Вергилий успокаивает его обещанием не покидать его в пути и вместе с тем говорит, что человеку незачем стараться проникнуть в тайны Провидения: ему достаточно только знать проявление этих тайн, не доискиваясь их причины. Подойдя к горе, поэты остановились, видя перед собой весьма крутой подъем и не зная, как взобраться на него. В это время к ним с левой стороны робко приближается толпа душ. Вергилий поясняет им, что Данте, хотя и живой, допущен в Чистилище высшей волей, и просит указать дорогу к вершине горы. Из толпы выделяется один призрак и спрашивает Данте, не признает ли он его. Когда поэт говорит, что он этого сделать не может, призрак объясняет, что он — Манфред, король Сицилии, павший в битве при Беневенте. Он предсказывает Данте, что тот до конца жизни вернется на свою родину, и просит поэта передать его дочери Констанции, родоначальнице королей Арагонских и Сицилийских, что он, Манфред, хотя и был отлучен от церкви, но все-таки не подвергся вечным мучениям, так как покаялся перед смертью, и попал в Чистилище. Здесь ему придется пробыть срок, который в тридцать раз дольше, чем время прегрешения на земле, так как этот срок может быть сокращен молитвами оставшихся в живых, то он просит Данте передать Констанции, чтобы она молилась за его, Манфреда, душу. В этой песне вполне ясно определяется воззрение Данте на Чистилище, основанное на учении религии, которую он исповедовал.

Когда толпа вся двинулася разом
К святой горе[1], куда влечет нас разум, —
Я подошел к Вергилию. Один
Не в силах был достигнуть я вершин.
Собою недоволен и встревожен
Казался он. Чья совесть так чиста —
Терзается проступком, как ничтожен

Тот ни был бы. И эта быстрота,
С какой он шел, казалась непривычной,
Не согласуясь с поступью обычной,
Исполненной величия. Певец
Шаги свои замедлил, наконец,
И я, смирив душевную кручину,
Глаза возвел на горную вершину,
Ушедшую высоко в небеса.
Вдруг тень моя легла, как полоса,
Мне на пути, являясь преградой
Для солнечных лучей[2], и я назад
На спутника с тревогой кинул взгляд.

Но он сказал: — «Тревожиться не надо.
С тобою был и буду я всегда.
Теперь восходит Веспера звезда
В той местности, где прах мой погребенья
Сподобился[3] и где когда-то тень
Отбрасывал он также. В эту сень
Свершилося его перенесенье
Из города Бриндизи. Светлый луч
На луч другой бросать не в состояньи
Тень от себя, и вот — разгадки ключ.
Ты — плоть, я — дух бесплотный, но страданья
Испытывают духи: стужу, зной.
Как? Почему? — Наукою земной
Нам не достичь желанного познанья.
Воплощено в трех лицах Божество,
И тайны все исходят от Него.
Будь смертному доступны все понятья —
К чему тогда и таинство зачатья
Мариина? Открыть вещей закон
Стремились Аристотель и Платон,

Бессильные пред тайной мировою».
И, молвив так, поникнул он главою.

Достигнувши подножия, мы тут
Замедлили на несколько минут;
Идти вперед отказывались ноги —
Так был подъем неимоверно крут.
Ничто пред ним пустынные дороги
Меж Лериче и Турбией[4]. Тогда,
Остановясь, проговорил Вергилий:
— «Подняться вверх немыслимо без крылий,
А здесь пути не вижу и следа».

Покуда он глядел перед собою,
Увидел я, как с левой стороны
Немало душ к нам двигалось гурьбою,
И вымолвил: — Подать они должны
Благой совет. — Спокойнее, чем прежде,
Ответил он: — «Навстречу им готов
Идти с тобой; доверься же надежде!»

Мы сделали до тысячи шагов
В их сторону, и все же оставались
Мы от толпы на перелет праща,
Когда у скал, что к небу поднимались,
Они столпились, выхода ища.
И молвил им наставник мой: — «Блаженный
Ниспослан был вам Господом конец,
О души тех, кого избрал Творец,
И ныне ждет вас мир неизреченный.
Откройте нам: как на гору взойти?
Мы время здесь теряем дорогое».

Как робкие барашки — двое-трое,
Лишь издали решаясь подойти,
С покорностью стоят пугливо-кроткой
Иль следуют за первым по пятам —
Так первые из душ, стоявших там,
К нам скромною направились походкой.
Но, тень мою увидев пред собой
На выступе скалистого откоса,
Попятились испуганной гурьбой.

— «Не ожидая вашего вопроса, —
Сказал поэт, — сознаюсь вам: из двух,
Стоящих здесь, лишь я — бесплотный дух,
Другой — живет. Но не дивитесь, верьте,
Что свыше он допущен в царство смерти».

И призраки сказали в свой черед:
— «Вон там свернув, идите все вперед!»
Указывая путь руки движеньем,
Так молвили толпою всей они.
Один из них, глядевший с умиленьем
В лицо мое, проговорил: — «Взгляни
И поищи в своем воспоминанье
Черты мои!» — На призрака вниманье
Я обратил; раздвоенный рубец
Над бровью разглядел я, но приятен
Лицом он был: и белокур, и статен.
Когда же я сознался, наконец,
Что я признать его не в состоянье,
Улыбкой он ответил на сознанье,
И, на груди указывая след
Глубоких ран, промолвил: — «Я — Манфред[5],
Констанции я внуком был. Земную

Покуда он глядел перед собою,
Увидел я, как с левой стороны
Немало душ к нам двигалось гурьбою.

(«Чистилище», Песнь 3)

Не кончив жизнь, вернешься ты в родную
Италию. Дочь милую мою[6]
Ты посети, зовущуюся «Славой
Сицильи с Арагонией» в краю.
Когда двумя ударами смертельно
Я был пронзен (об этом повести), —
К Всевышнему, чья благость беспредельна,
Я поспешил моленья вознести.
Перед Лицом Его грешил я много,
Но, если бы завет великий Бога,
Дарующий прощенья благодать,
Умел Козенцы пастырь[7] исполнять,
На поиски костей моих Климентом
Отправленный — досель под Беневентом
В гробнице бы покоились оне.
Теперь же вихри буйные одни
С туманами и частыми дождями
Проносятся над этими костями.
Близ Верде были брошены они;
И факелов потухшие[8] огни
Им грозное проклятие вещали.
По счастию, проклятья не изгнали
Так далеко небесную любовь,
Чтоб не могла она вернуться вновь,
Пока цветет надежда красотою.
Кто осужден был церковью святою,
Хотя бы он успел в предсмертный час
Раскаяться душой, — ждет очищенья
В теченье срока трижды десять раз
Длиннейшего, чем время согрешенья.
Тяжелый срок! Порой бывает он
Молитвами живущих сокращен.
Констанции доставишь утешенье,

Пред ней меня очистивши от лжи.
Проси ее молиться и скажи,
Какою здесь удержан я преградой!
Молитвы их бывают нам отрадой».

Город Бриндизи

Примечания к третьей песне

[1] К горе Чистилища

[2] Тень, бросаемая Данте, так же, как и дыхание, служит здесь для отличия его, живого человека, от бестелесных духов.

[3] Вергилий скончался в Бриндизи, но прах его был перевезен в Неаполь.

[4] Лериче — городок близ Генуи. Турбия — деревня в Альпах

[5] Король Неаполя и Сицилии, внук императрицы Констанции, супруги Генриха VI.

[6] Дочь Манфреда также называлась Констанцией; она была матерью королей Сицилийского и Арагонского Манфред просит Данте разубедить ее в той лжи, будто он, будучи отлученным от церкви, находится между осужденными.

[7] Манфред был отлучен от церкви Когда он пал в битве при Беневенте, Карл Анжуйский не согласился на погребение его праха на кладбище, но каждый из солдат войска Карла принес по камню на то место, где было найдено тело Манфреда, и таким образом был сооружен надгробный холм Однако папа Климент IV приказал Бартоломею Пиньятелли, епископу Козенцы, извлечь оттуда труп Манфреда, перенести его за границы государства к берегам реки Верде и бросить там без погребенья

[8] При погребении отлученного от церкви был такой обычай: священник бросал на землю горящую свечу, которая от этого гасла

Песнь четвертая

Прошло три часа. Поэты подходят к горному проходу, и души, сопровождавшие их, говорят, что здесь начинается ход на гору Чистилища. Ход этот не что иное, как узкая тропинка, по которой Данте и Вергилий поднимаются вверх. Данте измучен тяжелым подъемом, но Вергилий ободряет его, говоря, что при подъеме лишь вначале чувствуется усталость, а затем она уменьшается и дорога кажется совсем легкой, так что появляется возможность отдохнуть на вершине. В это время раздается голос, иронически сообщает, что путникам придется отдохнуть гораздо раньше. Данте всматривается в говорящего и узнает в нем музыканта Беллаку, известного своей поразительной ленью. С ним вместе находятся еще много душ ленивцев. Беллака говорит, что он вовсе не желает утруждать себя подъемом, так как все равно его не пустит ангел к вратам искупленья: до конца своей жизни он откладывал покаяние и потому столько же времени должен томиться на этой возвышенности горы Чистилища. Данте, таким образом, изобразил томление душ грешников, виновных в лени.

Когда душа восторга иль тоски
Исполнена — бывают далеки
Все помыслы другие, не тревожит
Ее ничто: раздвоиться не может
У нас душа, и — в заблужденье тот,
Кто две души[1] у смертных признает.
По этой же причине, в созерцанье
Углублены того, что нас влечет, —
Мы забываем времени полет.
В душе есть две способности: вниманье
И самоуглубление; одна
В себе самой бывает не вольна,

Другая же — свободна. В том на деле
Я убедиться мог; покуда слух
Мне пением ласкал любимый дух —
Мгновения невидимо летели,
И три часа минуло с той поры.
Так мы пришли к проходу у горы,
Где молвили нам души: — «Вы — у цели!»

Не так узка тропинка, в пышный сад
Ведущая, где зреет виноград,
Загораждена из терния забором —
Как горный путь, представший нашим взорам.
Когда от нас ушла толпа теней —
С учителем мы двинулись по ней.
При помощи здоровых ног и воли,
Спускаемся мы из Сан-Лео[2] к Ноли,
На самый верх Бисмантуи идем,
Но совершить столь тягостный подъем
Возможно здесь лишь на крылах желаний,
И, на него исполнен упований,
Я следовал покорно за вождем.

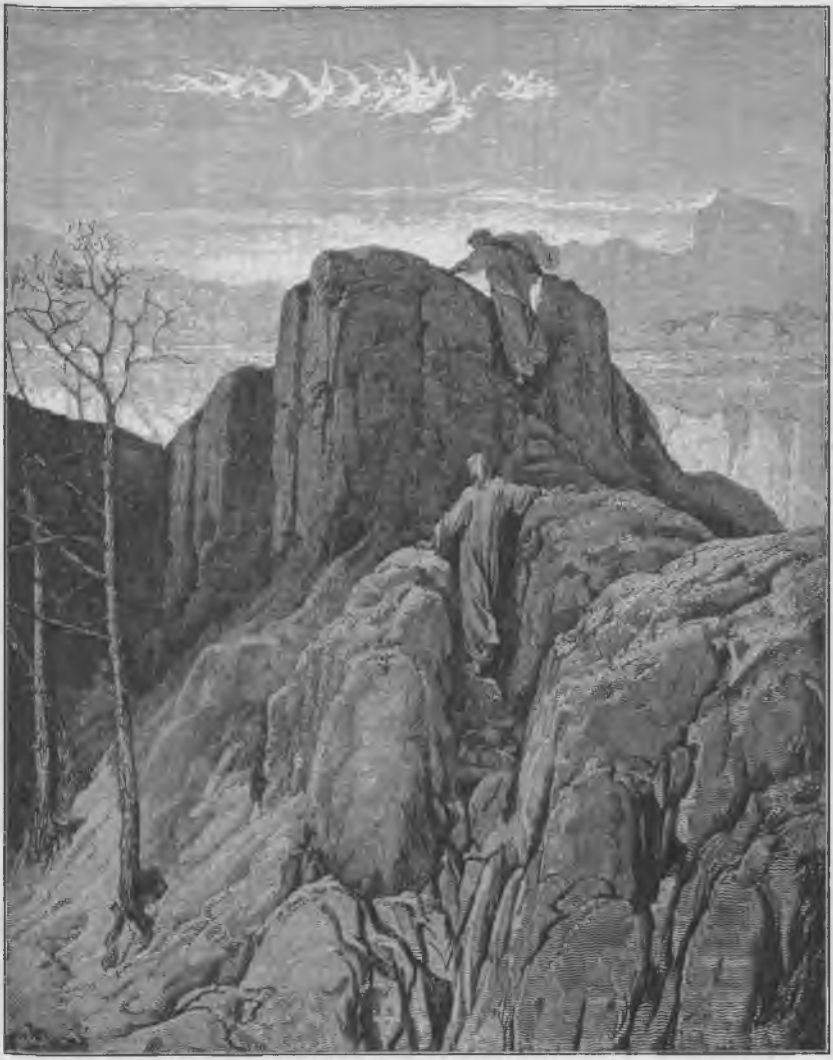
Тропинкою мы поднимались тесной,
При помощи усталых рук и ног,
Меж темных скал, что высились отвесно.
Когда взошли мы на крутой отрог,
Я вопросил наставника: — Отныне
Какой же путь мы дальше изберем? —
Ответил он: — «Иди за мной к вершине,
Покуда мы проводника найдем».

Так далеко казалось до вершины,
Что тех высот не мог достигнуть взор.

Превосходил величьем косогор
Идущую от самой середины
Квадранта к центру высшему черту.

Измученный, на эту высоту
Карабкаясь, с отчаяньем глубоким
Воскликнул я: — Замедли шаг, отец!
Не то в пути останусь одиноким! —
Ответил он: — «Иди! У тех высот
Тебя, мой сын, желанный отдых ждет».
Так ободрял в пути меня Вергилий.

Мы поднимались, не щадя усилий,
И, наконец, присели отдохнуть
И обозреть пройденный нами путь.
На землю взор я опустил сначала,
Потом возвел на солнце и немало
Был изумлен, когда явилось мне
Светило дня на левой стороне —
Меж нашею горой и Аквилона
Пустынею. Вергилий молвил так:
— Когда бы шли за солнцем неуклонно
Кастор и Поллукс[3], яркий зодиак
Узрели б мы в лазури небосклона
Гораздо ближе к северу, но он
Сошел с пути. Когда б гора Сион
И здешняя — с различных двух сторон
И в разных полушарьях возвышались,
Но горизонт имели бы один,
То смелый путь, каким среди равнин
Заоблачных неудержимо мчались
Тут кони Фаэтоновы вперед[1] —
Двумя кругами разными идет:



Тропинкою мы поднимались тесной,
При помощи усталых рук и ног,
Меж темных скал, что высились отвесно.

(«Чистилище», Песнь 4)

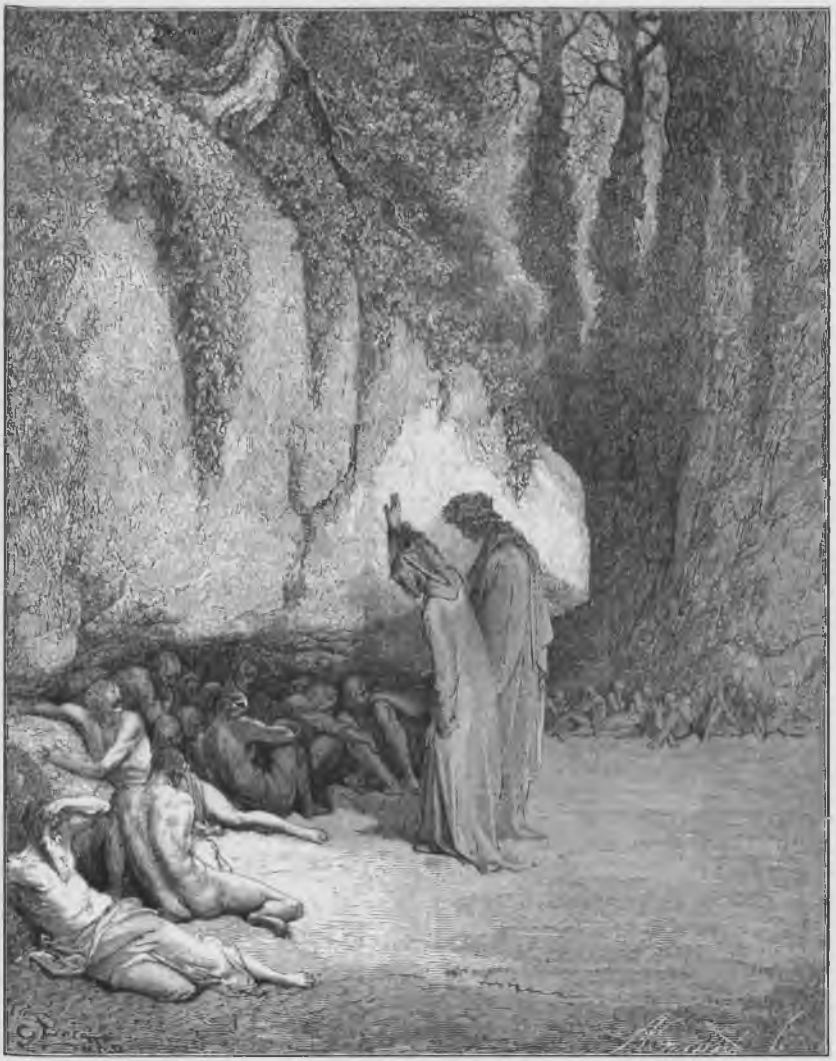
Вверху — один, внизу — другой. Понятно
Вполне оно пытливому уму».

Ответил я: — Понятью моему
Ты все открыл, что было непонятно.
Тот высшего движенья полукруг,
Что назван был одною из наук
Экватором, меж нашею планетой
И солнцем проходящий — не на юг
Стремится он, как полагали это
В Израиле, а к северной стране.
Но долго ли — теперь поведай мне —
Продлится путь? Вершина так высоко,
Что увидать ее не может око.

Ответил он: — «На первой лишь поре
Ты чувствуешь бессилие и вялость;
Чем дальше вверх идешь ты по горе[5] —
Тем легче путь и менее — усталость,
И под конец дорога так легка,
Как по воде — движенье челнока.
Но отдохнуть лишь при конце возможно.
Все, что тебе поведал я, — не ложно».

В молчании внимал я тем словам,
Когда вблизи раздался некий голос:
— «И ранее присесть придется вам!»

На выступе скалы, что раскололась,
Немало душ, усевшихся в тени,
Предстало нам. — Учитель мой, взгляни
На эту тишь! Обняв свои колени,
Не кажется ль сестрой родною лени



На выступе скалы, что раскололась,
Немало душ, усевшихся в тени,
Предстало нам.

(«Чистилище», Песнь 4)

Тебе она? — проговорил я вслух,
И мне в ответ лениво молвил дух:
— «Взбирайся вверх, когда в себе отвагу
Ты чувствуешь».
Взойдя на этот склон,
Подъемом был я крайне утомлен,
Дыхание спиралося, но шагу
Прибавил я, чтоб подойти к нему.
Тут голову приподнял он устало
И произнес: — «Ты понял, почему
Светило дня налево заблистало?»

По медленным движеньям и речам
Его сейчас признал я без ошибки,
И отвечал, не удержав улыбки:
— Беллака[6], ты ль являешься очам?
Тебя жалеть я не могу отныне.
Но почему, не двигаясь к вершине,
Сидишь ты здесь? Ты ждешь проводника
Иль, может быть, все так же велика
В тебе наклонность к лености и ныне?

Ответил он: — «Зачем пойду, о брат?
Ждет ангел там, у искупленья врат,
И он меня не впустит. Покаянье
Я отлагал до самого конца,
И столько же продлится ожиданье.
Молитвою лишь чистые сердца
Помогут мне до истеченья срока».

— «Иди за мной!» — учитель молвил мне.
«С меридианом — солнце наравне
И скрыла ночь стопой своей Марокко»[7].

Город Ноли

Примечания к четвертой песне

[1] Последователи Платона приписывали человеку три самостоятельных души

[2] Сан-Лео — горная крепость в герцогстве Урбано. Ноли расположен в глубокой долине близ саванны. Бисмантуа — большая гора в Ломбардии

[3] Это объяснение основано на системе Птолемея, полагавшего, что Земля находится в центре Солнечной системы, а Солнце обходит ее с востока на запад

[4] Путь, на котором погиб Фаэтон, — это кажущийся путь Солнца по небу (Легенда из мифологии.)

[5] Аллегория, состоящая в том, что грешнику крайне трудно начало покаяния. Чем больше он, однако, ему предается, тем легче оно становится для него

[6] Музыкант, известный своей леностью.

[7] Марокко представляется лежащим почти под одним градусом с Гибралтарским проливом.

Песнь пятая

Данте продолжает путь, следуя за Вергилием, но один из духов той толпы, о которой говорилось в четвертой песне, обращает внимание на то, что Данте должен быть живым человеком. Все с изумлением смотрят на него. Данте также оборачивается, но Вергилий советует ему неуклонно продолжать путь. За ними следует много душ, поющих гимн и тоже замечающих тень Данте. Вергилий говорит им, чтоб они вернулись обратно к своим сотоварищам и объяснили им, что Данте может оказать им большую помощь, вернувшись на землю и передав их родственникам об их жизни в Чистилище. Это оказывает действие. Поэты окружены массой душ, из которых выделяются трое: Джакопо дель Кассеро, Буонконте, сын графа Монтефельтро, и Пия-дей-Толомеи. Все трое они погибли насильственной смертью, но перед кончиной покаялись, а потому, хотя и не получили от церкви отпущения грехов, попали в Чистилище.

след за вождем, идущим впереди,
Я двинулся, толпу оставив эту,
Но дух один воскликнул: — «Погляди
На путника, который позади;
Помехою он солнечному свету
Является, отбрасывая тень;
Не мертвецом вступил он в эту сень».

Все на меня взглянули изумленно,
Я обернулся также в свой черед,
Но мне сказал Вергилий: — «Неуклонно,
Не слушая речей, иди вперед!
Подобен будь незыблемой твердыне:
Пусть ураган шумит в ее вершине —

Она стоит и не падет вовек.
Всегда далек от цели человек,
В чьей голове одной идет на смену
Другая мысль, утрачивая цену».

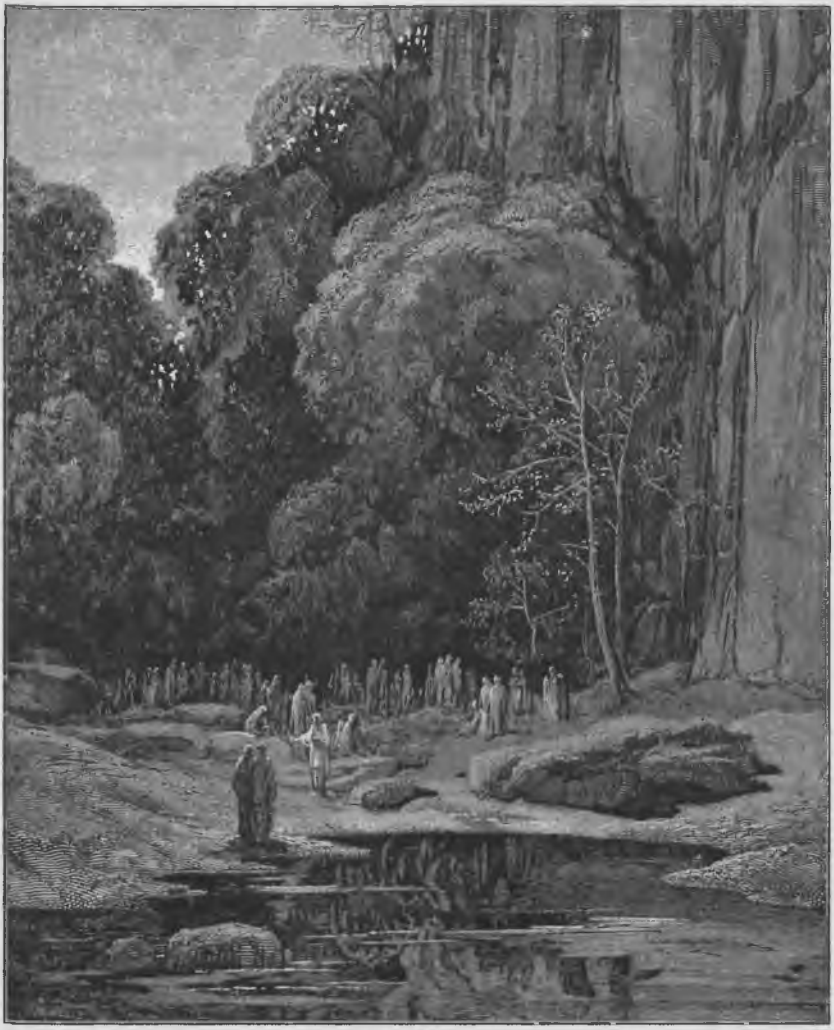
Ответить мог одно лишь я: — Иду! —
И вспыхнул весь той краскою смущенья,
Что искупить способна заблужденья.

Тут увидал я с нами наряду
Немало душ, идущих по дороге;
Когда они заметили в тревоге,
Что тень мою я за собой веду, —
Протяжное испуга восклицанье
Сменило гимн священный покаянья
В устах у них, и двое, подойдя,
Спросили нас: — «Поведайте нам: кто вы?»
И прозвучал ответ из уст вождя:
— «К своим вернуться будьте вы готовы
И им открыть, что тот, кто на пути
Бросает тень, явился во плоти
В загробный мир и многим здесь поможет,
Вернувшись в мир живущих; потому
Пусть выкажут почтение ему».

С такою быстротой блеснуть не может
Луч молнии иль светлый солнца луч
Рассеять в миг громаду темных туч —
С какой толпа, помчавшись за другою
Толпою душ, вернулась с ней назад,
Как будто в бой несущийся отряд.

— «Они пришли громадною толпой,
И, следуя, куда тебя веду,

Выслушивай их просьбы на ходу!» —
Сказал поэт.
Меж тем они гурьбою
Столпились и восклицали так:
— «Блаженная душа, замедли шаг
И оглянись! Увидишь пред собою
Кого-нибудь, о ком отсюда весть
Ты вздумаешь друзьям его принесть.
Но почему не хочешь на дороге
Помедлить ты? Забывшие о Боге,
Мы все нашли насильственный конец,
И лишь пред ним нас просветил Творец.
Очистившись посредством покаянья,
Стремились мы к блаженству созерцанья».



— «Они пришли громадною толпой,
И, следуя, куда тебя веду,
Выслушивай их просьбы на ходу!» —
Сказал поэт.
Меж тем они гурьбою
Столпилися и восклицали так:
— «Блаженная душа, замедли шаг...»

(«Чистилище», Песнь 5)

Ответил я: — Скажите, отчего
Не узнаю из вас я никого,
О, сонмы душ, рожденные для счастья?
Питая к вам нежнейшее участье,
Исполнить все просимое берусь.
Я миром в том божественным клянусь,
Стремлением к которому сгорая,
Перехожу я ныне в край из края,
Вслед за моим возлюбленным вождем.

Один из них ответил: — «Доверяя
Тебе вполне, обета мы не ждем
И веруем лишь в доброе желанье.
Меж королевством Карла и Романьи[1]
Пределами мой край расположен.
Пусть обо мне мольбы возносят в Фано,
Где некогда я жил и был рожден,
Хотя моя мучительная рана
Получена не в городе родном,
А в Падуе, на лоне Антенора[2],
Где мщение меня настигло скоро.
Укройся я в убежище ином[3] —
Загробного я избежал бы мрака.
Но я врагом настигнут в Ориако;
Среди болот упал я, и кругом
Струилась кровь из ран моих ручьем».

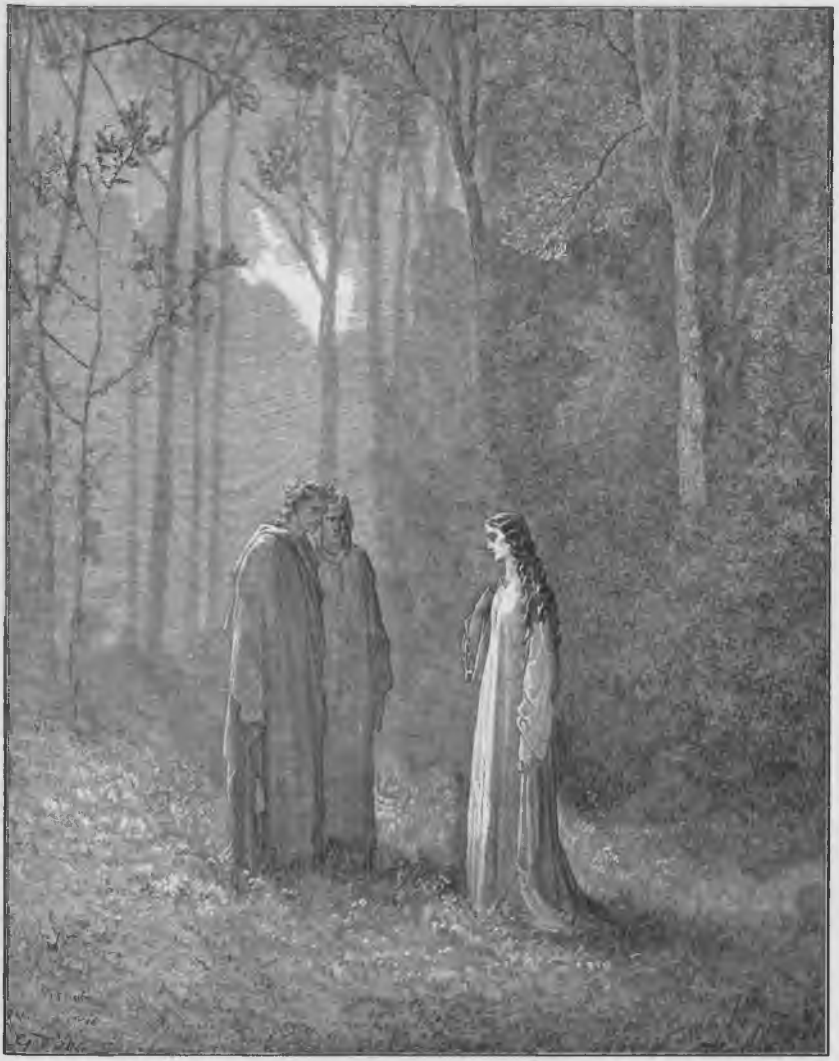
Другой души услышал я воззванье:
— «Когда горы достигнешь ты святой,
Где все твои исполнятся желанья —
И о моем ты вспомнить удостой,
Молитвою смягчи мне покаянье.
Я — Буонконте[4], Монтефельтро сын,

И начал он: — «К подножью Казентино
Бежит река, струясь из Апеннин;
Там, где ее теряется названье, —
С пронзенным горлом пал я без дыханья».

(«Чистилище», Песнь 5)

На родине забыт я Джиованной
И здесь брожу с толпою покаянной».

— Где ты погиб — не знает ни один
Из жителей родного Кампальдино, —
Ответил я, — какой злосчастный рок
Так далеко сюда тебя увлек? —
И начал он: — «К подножью Казентино
Бежит река[5], струясь из Апеннин;
Там, где ее теряется названье, —
С пронзенным горлом пал я без дыханья
И с именем Марии на устах,
И от меня остался только прах.
Всю истину поведай, не скрывая:
Меня с собой унес посланник Рая,
Но адский дух кричал ему: — «Он — мой!
Возможно ли? Из-за слезы одной
Лишаюсь я его бессмертной части!
Но плоть его в моей осталась власти[6]».
Ты ведаешь, как влажные пары,
Поднявшися над уровнем горы,
Сгущаются, преображаясь в воду.
И, выказав ту злобную природу,
Что демонам присуща, злобный дух
Вдруг поднял вихрь, навеяв непогоду.
Как только день сияющий потух —
Окуталася тучами долина
От Прато-Манья вплоть до Апеннина,
И хлынул дождь, заливший все вокруг.
И в яростном порыве урагана,
Ломая все, бурливый Арчиано,
Преобразившись в бешеный поток,
В широкую Арно мой труп увлек.



«Не забывай, — сказала третья тень, —
Погибшую в тоске неизреченной.
Я — Пии тень, и, рождена Сиенной,
Нашла в Маремме гибель я свою».

(«Чистилище», Песнь 5)

Он разметал неумолимо руки,
Которые, среди предсмертной муки,
Я на груди моей сложил крестом.
На дне речном, в песке и влажном иле,
Покрывших труп истерзанный пластом —
В неведомой он погребен могиле».

— «Когда опять в родную вступишь сень,
Не забывай, — сказала третья тень, —
Погибшую в тоске неизреченной.
Я — Пии тень[7], и, рождена Сиенной,
Нашла в Маремме гибель я свою.
И ведает про жребий мой печальный
Тот, кем во храме перстень обручальный
Надет когда-то на руку мою».

Город Фано

Примечания к пятой песне

[1] Между Романьей и королевством Неаполитанским находилась Анконская мархия; Фано — один из городов, входивших в ее область.

[2] Падуя называлась лоном Антенора, который считается ее основателем. Говорящий — Якопо дель Кассеро, наместник Болоньи, которую завоевал тог-

да маркграф Адзо VIII д Эсте Кассеро изгнал из города всех сторонников Адзо и возбудил его гнев оскорблениями Когда после этого Кассера был призван на пост наместника Милана, Адзо приказал убить его в Ориако, во время пути через падуанские владения

[3] Т е. в городе Мира — небольшом городке между Ориако и Падуей

[4] Сын графа Гвидо да Монтефельтро, упоминаемого в двадцать седьмой песне «Ада», супруг Джиованны, убитый в бою при Кампальдино Этот бой велся гибеллинами, под предводительством Буонконте, против гвельфов из Флоренции в 1289 г В нем принимал участие сам Данте, находясь в рядах гвельфов.

[5] Аркьяно, один из притоков Арно, — горная река в области Казентино, протекающая неподалеку от монастыря Камальдоли и впадающая в Арно южнее равнины Кампальдино

[6] Душою отца Буонконте — Гвидо — завладел дьявол в своем споре со св. Франциском (см. «Ад», песнь двадцать седьмую); похитить душу Буонконте дьяволу не удается из-за слезы покаяния, пролитой им Поэтому дьявол, который, по тогдашним верованиям, обладал властью над грозными стихиями, вымещает свою неудачу на трупе Буонконте, размыкая даже его руки, сложенные крестом.

[7] Пия-деи-Толомеи, уроженка Сиены, жена Нелло деи Паннокьески, владетеля многих замков в Сьенской Маремме, в том числе замка Кастелло делла Пьетра, трагическая история которой окутана мраком Предполагают, что муж, подозревая ее в измене, заключил несчастную в своем замке среди болот Мареммы, где злокачественные испарения стали причиной ее смерти

Песнь шестая

В этой песне Данте продолжает перечислять многих лиц, погибших насильственной смертью, рассуждает о силе молитв живущих на земле, влияющей на уменьшение терзаний умерших грешников и по поводу встречи с мантуанским поэтом Сорделло, приветливо встречающим своего земляка Вергилия, разражается страстным воззванием к Италии, раздираемой внутренней борьбой партий. Кроме того, он горячо упрекает австрийского императора Рудольфа и его сына Альбрехта за их нежелание выступить на защиту гибеллинов и заканчивает песнь язвительной иронией о положении дел в своем родном городе — Флоренции.

Когда игрок по окончанье *зары*[1],
Все проиграв, с тревогою отчет
Себе в уме об этом отдает
И повторяет мысленно удары —
Толпа за тем, кто выиграл, идет.
Преследуя его, корысти ради,
Теснятся все, кто — спереди, кто — сзади.
Им на ходу счастливец руки жмет
И, вырвавшись от них, спешит вперед.

Так, посреди печального собранья,
Всем раздавал я щедро обещанья.
Там были все: злосчастный Аретин[2],
Разбойником убитый, и Новелло[3],
О помощи взывающий несмело,
А с ним беглец[4], погибший меж трясин,
И, наконец, Пизанский гражданин[5],
Благодаря которому Марцукко

Величие души своей явил.
Меж призраков граф Орсо[6] также был.
И тень того[7], кого постигла мука
Повешенья не за грехи его,
Но зависти доставив торжество.
Пусть молится усердно королева,
Дабы спастись от праведного гнева.

Освободясь от горестных теней,
Стремившихся к скорейшему блаженству,
Промолвил я: — Ведущий к совершенству
Свет разума! Поэмою твоей
Ты отрицал для смертного возможность
Смягчить суда Господня непреложность
Молитвами своими. Но ужель
Все те, кого мы видели досель, —
Обманутся в отрадной их надежде?
Иль, может, я тебя не понял прежде?

Ответил он: — «Рассудком ты не вник
В слова мои; там говорится ясно:
Любви дано свершить в единый миг
Все то, чего годами ждут напрасно.
Я отрицаю лишь молитвы тех,
Которые в удел избрали грех
И чистого не знают покаянья.
Но глубины великой познанья
Достигнешь ты вполне при виде Той[8],
Которая тебя, ликуя, встретит
И факелом немеркнущим засветит
Меж разумом и правдою святой.
Я говорю о Беатриче дивной;
Ту, чьей мольбе покорствуя призывной

Ты шел вперед, достигши высоты,
Там, наверху, ее увидишь ты
Блаженною и радостной». — Скорее
Идем туда! — воскликнул я. — Бодрее
Я чувствую себя. Ночная тень
Ложится с гор. — «Пробудем целый день
С тобой в пути, — Вергилий мне ответил. —
Но прежде чем достигнем этих круч,
Из-за горы угасший солнца луч
Навстречу нам вновь засияет, светел.
Но видишь ли — вот одинокий дух,
С достоинством взирающий вокруг?
И наш приход наверно он заметил».

Мы подошли. Прекрасна и светла
Душа ломбардца[9] гордого была.
Все было в нем так смело и свободно,
И каждое движенье благородно,
Как взор очей. Безмолвно оглядев
Обоих нас, надменно и спокойно
Сидела ты, как отдыхавший лев.

Спеша ее приветствовать достойно,
Приблизился с вопросом к ней поэт.
Дух ничего не вымолвил в ответ,
Но пожелал узнать о нашей жизни,
О странствованьях наших и отчизне.
Но Мантую упомянул едва
Учитель мой, как, слыша те слова,
Воспрянул дух в восторге без предела
И радостно воскликнул: — «Я — Сорделло,
В одной стране с тобой мы родились». —
И оба духа нежно обнялись.

Италия! Кидаемый по воле
Бурливых волн, ты — остов корабля,
Носящийся без верного руля!
Среди племен ты не царица боле:
Терзаема раздором и стыдом —
Приют скорбей и непотребный дом.
Тот светлый дух приветствовал, как сына,
Страны своей родимой гражданина.
А ныне что? Враждой разлучены
Живущие в одних стенах сыны,
И нет угла во всей земле обширной,
Где жили бы спокойно жизнью мирной.
Юстиниана смелая рука
Тебя сдержать старалась бесполезно.
Пока в седле не будет седока —
И надобности нет в узде железной:
Лишь увеличен ею твой позор.
Когда б ты чтила Господа веленье.
Ты Цезарю вручила б управленье.

О, дикий конь! Не с тех ли самых пор
Ты сделался упрям и непокорен,
Как, будучи (увы, к его стыду!)
Альбрехтом[10] взят тевтонским на узду,
Ты не был им оседлан и пришпорен?
Рудольфа сын, обязан был седлом
Ты завладеть! И твой отец в былом,
И ныне ты, из трусости корыстной,
Дозволили ватаге ненавистной
Опустошить великолепный сад
Империи. Укоры вам стократ
За это шлю — отныне и вовеки!
Враждуют Капулетти и Монтекки;

Мональдо с Филиппески — во вражде.
Повсюду страх, насилие и горе,
Ошибок ряд увидишь ты везде,
Опасности грозят Санта-Фиоре.
Приди взглянуть на Рим, тебе родной!
Он, как вдова, не осушает очи,
К тебе с мольбой взывая дни и ночи:
— «Зачем, о ты, мой Цезарь, не со мной?»
Взгляни, как все исполнены любовью!
И, если ты не пожалеешь их —
Себя стыдись и славы дел твоих!

Владыка наш, Ты, искупивший кровью
Грехи людей, умерший на Кресте, —
Ужель от нас Ты отвращаешь взоры?
Иль мы в земной не видим слепоте
Путей Твоих? Посеяны раздоры
Тиранами во всей земле родной,
Где каждый вождь становится Марцеллом[11].

Я не коснусь в моем укоре смелом,
Флоренция моя, тебя одной[12].
Живет в сердцах у многих справедливость,
А у тебя в устах она живет.
Сынам твоим присуща торопливость,
И, прежде чем их кто-либо зовет,
Бегут они опрометью вперед,
Готовые служить любому делу.
К завидному ты призвана уделу!
Довольна будь, родная сторона,
Богатствами и мудростью полна,
Все лучшее имея, даже — море!
А прав ли я — увидим это вскоре.

Ты превзошла на первой же поре
В правлении и Спарту, и Афины,
Твои законы тоньше паутины,
И тем, что ты сплетаешь в октябре, —
Не пережить ноябрь до середины.
Как много раз в течение времен,
Мне памятных, меняла без причины
Ты у себя обычаи, закон,
Правителей, монету, учрежденья.
Припомни все, — и ты найдешь сравненье,
Пришедшее невольно на язык:
Положена на мягкий пуховик,
Так мечется, без устали стеная,
На нем порой капризная больная.

Примечания к шестой песне

[1] Азартная игра в кости

[2] Аретин (Аретинец) Бенинказа, судья, убитый разбойником Гин ди Такко за то, что приговорил к смерти его брата и племянника

[3] Федерико Новелло, убитый одним из рода Бостоли в 1292 г.

[4] Чионе ди Тарлати, также из Ареццо, из одной гибеллинской семьи. Он, будучи преследуем гвельфом Ростоли, был сброшен своим конем в Арно.

[5] Гано, сын знатного пизанца Марцукко Скорниджани, убитый в 1287 г. по приказанию графа Уголино. Отец его уговорил своих родичей не мстить убийце сына и примириться с ним. На этот эпизод и намекает Данте, говоря, что Гано дал Марцукко повод проявить необычную силу духа.

[6] Граф Орсо, убитый родным дядей.

[7] Пьетро делла Броччиа, секретарь и любимец короля Филиппа Красивого, был ложно обвинен королевой в намерении обольстить ее и за это повешен. Данте грозит королеве, еще жившей в это время, судом Божиим.

[8] Беатриче (Богословие) — посредница между разумом и откровением.

[9] Сорделло, мантуанский поэт, автор «Сокровища сокровищ», остается невыясненным, скончался ли он насильственной смертью или принадлежит к разряду лиц, которые при жизни не заботились о покаянии.

[10] Альбрехт Австрийский, сын императора Рудольфа, отказавшийся, как и тот, идти в Италию, которую терзала могущественная партия гвельфов.

[11] Неизвестно, о каком Марцелле идет здесь речь.

[12] Окончание песни заключает в себе ядовитую насмешку над Флоренцией.

Песнь седьмая

Вергилий и Сорделло трижды приветствуют друг друга. Сорделло спрашивает о том, кого он встретил, и, узнав, что перед ним находится Вергилий, обнимает колена великого поэта. Вместе с тем он просит Вергилия рассказать, который круг Ада удалось пройти ему. Вергилий отвечает, что он прошел весь Ад благодаря святой добродетели, и сокрушается о том, что ему все-таки придется оставаться вовеки в том круге Ада — Лимбе, где находятся люди, не принявшие крещения, но не забывшие величия своей души и чуждые презренных деяний. Он, кроме того, просит Сорделло указать дорогу к вершине горы Чистилища. Тот говорит, что идти теперь невозможно ввиду наступления ночи, и предлагает указать Данте и Вергилию приют. Поэты подходят к долине, усыпанной цветами, и здесь видят толпу душ. Между ними находятся Рудольф Габсбургский, Оттокар Богемский, Филипп III Смелый, король Французский, Генрих Наваррский, Петр III Арагонский, Карл I, король Сицилии, Генрих III, король Английский, и маркиз Гильом Монферратский. Все они при жизни только помышляли о своем величии и о расширении власти и владений и не думали о покаянии. Некоторые из них отчасти наказаны в своих преемниках, не наследовавших их хороших качеств.

Когда обмен приветствий совершился
И дружески был трижды повторен,
От нас на шаг Сорделло удалился.
— «Кто вы?» — спросил он. — «Ранее времен,
Чем Господом сюда для очищенья
Направлены достойные спасенья[1], —
Октавианом был я погребен.
Вергилий — я, и лишь за то, что веры[2]
Я не познал, лишен я райской сферы». —
Так отвечал руководитель мой.

Как Человек, которым овладело
Сомнение, когда перед собой
Чудесное он видит, — так Сорделло
Был изумлен, и, скромно подойдя,
Он обнял вдруг колена у вождя
И молвил так: — «Приветствую я славу
Латинского народа! Наш язык
Тобою стал прославлен и велик.
За это — честь родной земле по праву.
Но молви мне, что сделал, наконец,
Чем заслужил я счастье этой встречи?
И если я достоин слышать речи
Из уст твоих, поведай мне, певец,
Когда идешь из царства тьмы кромешной,
Который круг пройден тобою был?»
— «Я все круги страданий посетил,
Где мрак царит с печалью безутешной.
Святая добродетель привела
Меня сюда во мраке. Не дела
Небесного меня лишили света —
Отсутствие угодных Богу дел,
И поздно я для истины прозрел,
Меж тем как ты увидишь солнце света.
Там, в глубине, обитель есть одна,
Которая лишь тьмой омрачена,
Не тяжкими мученьями. Стенанья
Там кажутся не криками страданья,
А вздохами. Среди младенцев тех,
С которых смыть их первородный грех
Крещением пред смертью не успели,
Там я томлюсь со многими доселе.
Которых сонм, не ведая о трех[3]
Главнейших добродетелях священных,

Величием души не пренебрег
И чуждым был для всяких дел презренных.
Но укажи к Чистилищу проход,
Когда тебе дано на это право!»

— «Мы ходим здесь, — ему ответил тот, —
И вверх, и вниз, налево и направо.
Где путь для нас доступен и знаком,
Готов я быть твоим проводником.
Но гаснет день, приблизилась минута,
Когда искать нам следует приюта.
Идти во тьме немыслимо для нас.
В обитель душ направимся сейчас,
Где многих ты приветствуешь охотно».

— «Но, если я решил бесповоротно
Идти вперед, — Вергилий возразил, —
Препятствовать, меня лишая сил,
Кто может мне?» — Тогда провел Сорделло
Перстом черту пред нами на земле
И молвил так: — «Я отвечаю смело,
Что той черты переступить во мгле
Не сможешь ты. За исключеньем мрака —
Препятствий нет, у берега, однако,
Беспомощно блуждают все во тьме».
Тогда, дивясь речам его в уме,
Сказал поэт: — «Веди же нас отсюда
Куда хотел!»
Мы шли вперед, покуда
Открылся нам в горе большой проход.
— «В долине здесь мы встретим дня восход», —
Промолвил дух. Извилистой дорогой
К той стороне долины мы сошли,

.....Сорделло
Был изумлен, и, скромно подойдя,
Он обнял вдруг колена у вождя.

(«Чистилище», Песнь 7)

Что более казалася отлогой.
Цветов ее затмить бы не могли
Своей красой и роскошью окраски
Ни золото, ни пурпур с серебром,
Ни изумруд. Здесь развернулись краски
Природы всей блистающим ковром,
И в множестве волшебных сочетаний
Сливалась тут волна благоуханий.

Толпу теней, сидевших в стороне,
Уклон горы мешал увидеть мне,
Но все канон Марии Деве пели.

— «Не ранее, чем землю скроет тьма, —
Промолвил дух, — вас приведу я к цели.
Но с высоты вон этого холма
Их разглядеть вы можете прекрасно.
Сидящий тут безмолвно и бесстрастно —
Рудольфом императором звался[4].
Италия его молила вся
Спасти ее от бед невыразимых,
От страшных ран — теперь неисцелимых
С ним рядом — тот властитель[5], что, царя
В земле своей, где с Эльбою Молдава
Несут волну в далекие моря, —
С младенчества был выше Венцеслава,
Не знавшего страстей преступных жар,
И некогда звался он Оттокар.
Вон тот с лицом курносым и тщедушным[6],
Что говорит с соседом благодушным, —
Бежал, позоря лилию свою.
Другой[7] грешил в своем родном краю,

Толпу теней, сидевших в стороне,
Уклон горы мешал увидеть мне,
Но все канон Марии Деве пели.

(«Чистилище», Песнь 7)

Он был отцом и тестем беззаконью,
И, подперев чело свое ладонью,
Вздыхает он, потупив грустно взгляд.
Тот богатырь[8], с другим поющий в лад,
Высоким и носатым[9], — несомненно
Был доблестью великой наделен,
И если бы венец оставил он
Сидящему с ним рядом[10] — неизменно
Осталась бы она в роду у них;
К несчастию, в наследниках других
Не привилась она, и на престоле
Иаков с Фредериком лучшей доли
Отцовского наследья лишены[11].
Мы видим все по ветви родословной,
Что редкостью бывает безусловной,
Когда отцу наследуют сыны.
Касаются тебя, о дух носатый[12],
Слова мои, а также и Петра:
Дурной росток от семени добра —
Сыны его в страданьях виноваты
Апулии с Провансом. Лишь одна
Констанция[13], счастливая жена,
Пред Беатриче с гордой Маргаритой
Избранником тщеславиться должна.
Вот тот король, не окруженный свитой
И пышностью, простую жизнь любил,
И в сыновьях счастливый Генрих был[14].
Лежащий там — безжалостно убитый
Маркиз Гильом[15]. Кровавую войну
Зажгла в земле родной его утрата
Войска Александрийские в страну
Вторгаются, и плачет Монферрато».

Река Эльба

Примечания к седьмой песне

[1] Т. е. ранее сошествия Иисуса Христа в Ад. После смерти на кресте До этого лучшие души переходили в Лимб, а виновные — в Ад.

[2] Христианской веры.

[3] Теологические добродетели — вера, надежда, любовь.

[4] Рудольф — отец Альбрехта, о котором говорилось раньше.

[5] Оттокар, король Богемии. Он, как Рудольф Габсбургский, стремился к увеличению своего мирского величия и был побежден Рудольфом в 1278 г. в битве при Вене, где и погиб. Сын его Венцеслав, по свидетельству позднейших историков, был благочестивым королем. Данте же называет его порочным. По всей вероятности, его показание верно, так как он был современником Венцеслава.

[6] Филипп III, король Франции, из дома Валуа, имевшего в гербе лилию.

[7] Генрих Наваррский — благодушный сосед Филиппа III, он был тестем Филиппа Красивого, правление которого считалось позором для Франции. Филипп ради денег совершил массу беззаконий по отношению к своим подданным.

[8] Петр III, король Арагонский.

[9] Карл I, король Сицилии.

[10] Старшии сын Петра III Арагонского, Альфонс. Он царствовал в Арагонии только пять лет, затем королевство перешло к его брату Иакову, а другой его брат, Фредерик, стал королем Сицилии.

[11] Т. е. его благородных качеств.

[12] Поэт снова обращается к Карлу I и Петру III.

[13] Жена Петра III (см. «Чистилище», песнь третью), Беатриче и Маргарита дочери Беранже, графа Прованского, были супругами Карла I.

[14] Генрих III, король Англии; у него был сын Эдуард I, который отличался умом и храбростью. Он завоевал Шотландию и предпринял крестовый поход.

[15] Маркиз Гильом Монферра, глава гибеллинов верхней Италии, умерщвленный жителями Александрии во время войны с гвельфскими городами Ломбардии, вследствие чего произошла война между Александрией и Монферрато, к которому присоединились жители Канавезы.

Песнь восьмая

Наступает вечер; души поют вечерний гимн. Данте, не слушая других, обращает внимание на призрака, который, набожно сложив руки, поет «Свете тихий», и погружается в забвение при этом песнопении. Затем он замечает, что души чего-то ждут, и видит двух приближающихся ангелов в зеленой одежде, с зелеными крылами и притупленными мечами из пламени. Зеленый цвет их одеяния обозначает надежду на искупление, пламенные мечи — Божью справедливость, притупленные концы мечей — Божье милосердие. Ангелы явились из чертогов Пресвятой Девы Марии для того, чтобы не допустить к душам змея — символ искушения. Среди душ Данте видит Нино Висконти, судью города Галлуры, принадлежавшего пизанцам. Тот вступает с ним в беседу и просит поэта по возвращении на землю напомнить его дочери Джованне о необходимости молиться за его, Нино, душу, так как жена его, Беатриче, выйдя замуж за другого, забыла об этом. Во время этой беседы подкрадывается к долине змей, но, заслышав полет небесных ангелов, удаляется. В продолжение борьбы ангелов со змеем к Данте подходит Коррадо Маласпина из Луниджианы и говорит, что он находится в Чистилище потому, что, сильно любя друзей, забыл о покаянии. Данте восхваляет его род, а Коррадо уверяет его, что род его всегда окажет Данте поддержку.

Настал тот час, который в одиноких,
По воле бурь несущихся, пловцах
Рождает мысль о их друзьях далеких
И отдается горестью в сердцах;
Тот час, когда, любви тоской томимы,
Вечерний звон заслышат пилигримы,
И мнится тем, кто слышит этот звон:
Умерший день оплакивает он.

Не слушая их песнопений звуки,
Увидел я, как встала тень одна,
И, набожно свои склонивши руки,
Направила к востоку взор она,
И взор ее, и все движенья эти,
Казалось, говорили: — «Одному
Лишь Господу и Богу моему
Я предаюсь душою». — «Тихий свете!» —
Вдруг полилось с такою чистотой
Из уст ее, такою красотой
И нежностью невыразимой вея,
Что я, душою всей благоговея,
Сознание утратил. К небу взор
Поднявши свой, ей вторил стройный хор
Других теней. Читатель мой, вниманью
Отдайся весь; гляди за мной сюда:
Окутана прозрачно легкой тканью,
Нам истина является!
Когда
Увидел я толпу благочестивых
И бледных душ, смиренно молчаливых,
Которые чего-то ждали все, —
На небесах в сияющей красе
Два ангела внезапно мне предстали,
Которые на землю к нам слетали,
И острия лишенные мечи
В руках у них сверкали, как лучи.
Подобная листве новорожденной,
Зеленою одежда их была,
И веяли зеленых два крыла
За их спиной, а взор их напряженно,
Усиленно блуждал по сторонам.
Из ангелов один спустился к нам,
Второй из них слетел к другой долине,

И душ толпа осталась в середине».
Нам поспешил Сорделло объяснить:
— «Они сюда являются из лона
Мариина затем, чтоб неуклонно
Долину здесь от змея[1] сторожить».

Не ведая, какою он дорогой
Придет сюда, охваченный тревогой,
Прижался я к поэту моему.
Сорделло же сказал: — «Идемте к сени,
Где светлые вас ожидают тени».
Мы двинулись. Сквозь эту полутьму
Я различил знакомый призрак вскоре,
Он подходил с приветствием во взоре.

— О, Нино благородный[2], как я рад, —
Воскликнул я, — что ты не ввержен в Ад!
Мы обнялись, и он спросил: — «Давно ли
Находишься в загробной ты юдоли?» —
Ответил я: — Сегодня на заре
Из вечной тьмы явился я к горе.
Безрадостно влачу я жизнь земную,
Но этот путь дарует жизнь иную.

И, вняв тогда ответу моему,
Которому немало изумился,
К Вергилию Сорделло обратился,
А дух сказал соседу своему:
— «Возрадуйся! Ты видишь ли, Коррадо[3],
От Бога нам ниспослана отрада». —
И продолжал он в сторону мою:
— «Тебе с мольбою, о смертный, предстою.
От имени Того я заклинаю,
Кто мог Один тебя сюда ввести
И Чьи для нас неведомы пути:
Когда опять придешь к родному краю,
Мою ты Джиованну навести.
Пусть обо мне помолится усердно:
Невинным Бог внимает милосердно.
Я Джиованны матерью забыт,
Забыто все, любовь моя и ласки,
И белые отброшены повязки[4],
Но пожалеть об этом предстоит
Вдове моей. Миланская ехидна[5]
Ей менее пристала, очевидно,
Чем из Галлуры доблестный петух». —
Так говорил с глубокой скорбью дух.

Меж тем глядел я жадно в небеса,
Где медленно, как части колеса,

Созвездия вращалися в эфире.
— «Что видишь ты?» — спросил меня поэт.
— Над полюсом сиянье трех планет[6], —
Ответил я. И молвил он: — «Четыре[7]
Блестящие звезды, в лучах зари
Сиявшие здесь утром, закатились,
И эти три на место их явились».

Но тут прервал Сорделло: — «Посмотри,
Наш враг ползет!» — И он рукой своею
Указывал по направленью к змею,
Проникшему в незащищенный ход.
В траве густой сворачивал то влево,
То вправо гад и двигался вперед.
Не тот ли змей, явившись перед Евой,
Вкусить ей дал познанья горький плод?
Возвесть глаза на стражников чудесных
Я не посмел, но, в воздухе полет
Заслышавши двух ястребов небесных,
Испуганный куда-то скрылся гад,
И ангелы вернулися назад.

Пока борьба их длилась, тень Коррадо
С меня на миг не отводила взгляда,
И молвила: — «Тот пламень, что ведет
Тебя к горе, пусть для себя обильно
В душе твоей питание найдет.
Когда б ты знал, как я желаю сильно
О Вальдимагре[8] слышать от тебя!
За доброго там слыл я господина
И назван был Коррадо Маласпино.
Своих друзей чрезмерно возлюбя,
Я предан здесь за это очищенью».

Возвесть глаза на стражников чудесных
Я не посмел, но, в воздухе полет
Заслышавши двух ястребов небесных,
Испуганный куда-то скрылся гад.

(«Чистилище», Песнь 8)

Я отвечал: — Я не был в том краю,
Но целому Европы населенью
Все про отчизну ведомо твою.
Так счастлив ты в своем великом роде,
Что слава о вельможах и народе
Страны твоей далеко за предел
Ее идет! О, если б так же смел
Я веровать в возможность искупленья
Грехов моих посредством очищенья,
Как верую, что ваш достойный дом,
Не знавшийся вовеки со стыдом,
Останется себе и чести верен,
Которую оружием добыл,
Хотя бы всех — лукав и лицемерен —
Верховный враг с пути прямого сбил!

И дух сказал: — «Иди и будь уверен:
Еще семи годам не миновать,
Как мнения подобного опять
Ты прочное увидишь подтвержденье.
К тому приводит истины движенье».

Замок Маласпины в Луниджане

Примечания к восьмой песне

[1] Змей — символ искушения.

[2] Нино из рода Висконти, правитель г. Пизы, которому принадлежал округ Галлуры в Сардинии, где Нино был судьей. Он был известен как человек честный и справедливый. (См. «Ад», песнь двадцать вторую.)

[3] Коррадо Маласпина — правитель Луниджианы.

[4] Беатриче, дочь Обиццо II Эсте, жена Нино, после смерти его вышла замуж за Галеаццо Висконти из Милана. Белые повязки были головными уборами вдов. Джиованна была дочерью Беатриче. Данте должен передать ей просьбу отца о необходимости молиться за него.

[5] Галеаццо (см. прим. 4) имел в гербе ехидну. В гербе Нино был петух (герб Галлуры).

[6] Три звезды изображают аллегорически теологические добродетели — веру, надежду, любовь.

[7] Четыре кардинальные добродетели: благоразумие, справедливость, сила и воздержание.

[8] Долина Вальдимагра принадлежала к владениям Маласпины. Она лежит у реки Магры и называется Луниджианой от старого г. Луни, который находится у устья реки. Род Маласпины очень славен. По отношению к Данте он был благодетелем. Поэт во время изгнания пользовался его гостеприимством с 1300 по 1308 г., прибыв из Падуи в Луниджиану. Отсюда он уехал в Париж, где оставался, по всей вероятности, до 1310 г., написав за это время «Чистилище».

Песнь девятая

Наступила ночь. Данте погружается в сон, к нему приходит странное видение. Ему снится орел с золотыми крылами, спускающийся вниз и подхватывающий его, чтобы вознести в высоту к сфере огня. Данте со страхом и дрожью просыпается, Вергилий успокаивает его, говоря, что, в то время как Данте спал, явилась святая Лючия и вознесла его к входу в Чистилище. Недавние спутники поэтов — Сорделло и другие — остались позади, в цветущей долине, так как время их покаяния в преддверии Чистилища еще не прошло, святая же Лючия, олицетворяющая божественную благодать, сделала Данте достойным к вступлению в чистилище. Поэты подходят к ограде Чистилища и видят врата, к которым ведут три ступени. Тут же находится охранитель их — ангел с блестящим мечом, с сияющим ликом, в одеянии пепельного цвета — одежде покаяния. Узнав, что поэты приведены сюда святой Лючией, ангел приглашает их взойти на ступени. Данте, по совету Вергилия, смиренно просит ангела о доступе в врата Чистилища, и тот, начертав на челе Данте семь раз букву Р, как напоминание о семи смертных грехах, которые каждый грешник должен смыть с себя раскаянием, открывает врата двумя ключами — золотым и серебряным, вспоминая при этом о завете, который дал ему святой Петр. Врата отверзаются с ужасным грохотом, и в то же время раздается торжественное песнопение. Это встречают поэтов души, находящиеся в Чистилище.

Прекрасная Титонова подруга[1],
Восставшая поспешно с ложа друга,
Явилась на восточных берегах
В своей одежде белой. В жемчугах
Алеющих чело ее блистало
Прекрасное, расположенных так,
Что сочетанье их изображало
Таинственного Скорпиона знак.

Бледнела ночь и быстрыми шагами
Спешила в путь с поникшими крылами.
Три четверти прошла уже она,
Когда, подобно праотцу[2], я тоже,
Преодолеть не в состоянье сна,
Склонился сам на травяное ложе,
Где впятером сидели мы тогда.

В тот ранний час таинственный, когда
Лишь ласточка оплакивает песней
Печаль свою и наше существо,
Являясь духовней, бестелесней,
Свободное от бремени всего
Житейского, что тяготит его,
Становится доступным в сновиденье
Божественным восторгам откровенья, —
В тот ранний час мне снился на заре

Летающий орел золотоперый
С крылами распростертыми, который
Спускался вниз. И был я на горе,
Покинутой для неба Ганимедом[3],
И, взорами стремясь за птицей следом,
Так думал я: — «На этих высотах,
А не в других каких-либо местах
Охотиться привык орел могучий». —
Но вдруг, быстрее молнии летучей,
Спустился он и к сфере огневой[4]
Вознес меня бестрепетно с собой.
Казалось мне: пылающим горнилом
Охвачены мы оба. Этот сон
Так страшен был, что вдруг прервался он.

Я весь дрожал, как некогда с Ахиллом
Случилося, когда родная мать
Пришла за ним, чтоб у Хирона[5] взять
Дитя свое и отвести в Элладу.
Я дрожью был охвачен ледяной,
Как будто вдруг почувствовав прохладу.
Но мой руководитель был со мной,
И два часа со времени восхода
Уже прошло; тут молвил проводник:
— «Смелее! Мы находимся у входа.
Чистилища ограды ты достиг.
Покуда дня предвестница сияла
Нам с высоты, душа твоя дремала
Среди цветов, но вот пришла Жена
Небесная и молвила она:
— «Я — Лючия[6], и спящего хочу я
С собою взять. Ему во время сна
Тяжелый путь незримо облегчу я». —

Бледнела ночь и быстрыми шагами
Спешила в путь с поникшими крылами.

(«Чистилище», Песнь 9)

Сорделло, с ним — толпа других теней
Осталась там, но с первыми лучами
Тебе вослед я двинулся за ней.
Здесь, указав небесными очами,
Вот этот вход, она исчезла вдруг,
А с ней твое исчезло сновиденье».

Как человек, забывший о сомненье,
В ком радостью сменяется испуг,
Так от моих тревог освобожденный,
С учителем к твердыне огражденной
Я двинулся. Читатель, не дивись,
Что, высотой предмета окрыленный,
Все более я уношуся в высь.
Итак, с благоговением во взгляде,
Мы подошли к расщелине в ограде,
И вдруг врата увидели мы там.
Различных три ступени к тем вратам
Вели наверх, и тут же я заметил
Безмолвного привратника. Так светел
Был лик его, сияние лучей
Блестящий меч так отражал собою,
Который он держал одной рукою,
Что я не смел поднять к нему очей,
Смятением и робостью объятый.
— «Как вы пришли? И кто ваш провожатый?
Воскликнул он. — Не двигаясь вперед,
Скажите мне!» — И вымолвил Вергилий:
— «Небесною Женой сюда мы были
Приведены, нам указавшей вход». —
И, выслушав, ответил нам словами
Такими страж: — «Пусть вашими стопами
Руководит, божественно светла,
Она и впредь! Взойдите на ступени!»

Так думал я: — «На этих высотах,
А не в других каких-либо местах
Охотиться привык орел могучий». —
Но вдруг, быстрее молнии летучей,
Спустился он и к сфере огневой
Вознес меня бестрепетно с собой.

(«Чистилище», Песнь 9)

Мы подошли. Ведущих к дивной сени,
Их было три[7], и первая была
Из мрамора, столь девственно бела,
Что в ней себя узрел я отраженным.
Вторая — схожа с камнем обожженным,
Бороздками кругом испещрена,
А третья — из порфира дорогого,
Как брызнувшая кровь была красна;
Для ангела, хранителя святого,
Подножием являлася она,
И был порог из цельного алмаза.

Желанием ведомый, я всходил,
И повелел Вергилий, чтоб молил
Я ангела о доступе. Три раза
Смиренно я склонялся перед ним
И, в грудь себя ударив троекратно,
Ответа ждал. Тогда мечом своим,
О милости вещая благодатно,
Он букву P[8] семь раз изобразил
Мне на челе, сказав, чтоб не забыл
Впоследствии стереть я эти пятна.

Я, до сих пор не поднимавший вежд,
Заметил тут, что цвет его одежды
Был пепельный. Из-под одежды вынул
Он два ключа. В затворы страж святой
Поочередно оба их водвинул:
Серебряный, а после — золотой,
И произнес: — «Когда не входит плотно
Один из них иль нет его со мной —
Останутся врата бесповоротно
Закрытыми. Один из них — ценней,
Другим зато мне действовать трудней,

.....Я заметил
Безмолвного привратника. Так светел
Был лик его, сияние лучей
Блестящий меч так отражал собою,
Который он держал одной рукою,
Что я не смел поднять к нему очей,
Смятением и робостью объятый.

(«Чистилище», Песнь 9)

Приводит он в движение пружину.
Ключи от врат, ведущих в середину
Чистилища, врученные Петру[9],
Мне отданы апостолом с заветом:
Пусть грешнику я лучше отопру
Ошибкою, чем огорчу запретом
Пришедшего, что здесь у ног моих
Покаяться бы мог в грехах своих.
Входите же, но помните: вернуться
Обязан тот из вас, кто оглянуться
Задумал бы!» — Так ангела уста
Вещали нам. На петлях повернулись
И с грохотом металла распахнулись
Тяжелые и грозные врата.
В недобрый час изгнания Метелла[10]
Под аркою, что сразу опустела,
Подобный шум не огласил простор.
Вдруг раздалось: «*Тебя мы хвалим, Боже!*»
И голосу поющему похоже
С гудением органа вторил хор.

Тарпейская скала в Риме

Примечания к девятой песне

[1] Титон — муж Авроры, утренней зари

[2] Если бы не грех Адама, у нас не было бы потребности сна

[3] Гора Ида, с которой Юпитер похитил Ганимеда.

[4] Она, по мнению древних философов, находилась над сферой воздуха, под небом Луны

[5] Ахилл, похищенный матерью у наставника своего Хирона для того, чтобы отвлечь его от войны с Троей, был перенесен ею во дворец Ликомеда

[6] Олицетворение божественной благодати

[7] Первая ступень есть символ искренности, вторая — раскаяния, третья — удовлетворения.

[8] Символ семи смертных грехов. Буква Р — начало слова *peccata*, что в переводе обозначает «грех»

[9] Золотой ключ — символ науки, необходимой для духовной особы, чтобы иметь правильные взгляды, серебряный — символ права, данного церкви в ее выводах и суждениях

[10] Метелл, укрывшийся на Тарпейской скале, последнем укреплении Рима, охраняя находившуюся там сокровищницу. Она открывалась только в минуты крайней государственной необходимости, и потому врата ее были заржавлены. Когда Цезарь взломал их и завладел сокровищами, врата произвели меньший шум, чем врата Чистилища

Песнь десятая

Как только поэты вошли в Чистилище, врата за ними закрылись. Данте и Вергилий, идя по извилистой тропинке, поднимаются по скалам и вступают в *первый* круг Чистилища. Стены скал из мрамора и украшены удивительной резьбой, которая в различных изваяниях воплощает важнейшие примеры смирения. Первая картина — благовещение Пресвятой Девы Марии, с кротостью и смирением выслушивающей благую весть, принесенную ей архангелом Гавриилом. На второй картине изображено смиренное деяние царя Давида, участвующего в перенесении Святого Ковчега Завета; на третьей картине запечатлен император Траян, издавший закон, который запрещал преследование христиан. Данте с восторгом рассматривает эти изваяния, но его из созерцания выводит Вергилий, приглашающий взглянуть на приближающиеся к ним души. Это все — души людей гордых; в Чистилище им приходится, ради смирения, нести тяжести, настолько грузные, что грудь их прижимается к коленям. Данте терзается душой, не имея сил помочь им и читая в их взорах скорбную жалобу о том, что страдания их превышают их силы.

Когда вступили мы в ту дверь святую,
Которая бывает зачастую
Закрыта тем, кто шел кривым путем[1], —
Со стуком дверь захлопнулась за мною.
Что, если б я в безумии моем
Взглянул назад! Мы двигались вдвоем
Извилистой тропой, как за волною
В прилива час бегущая волна:
То хлынет, то отхлынет вдруг она.

— «Внимательней быть надо в этом месте, —
Сказал поэт, — где шире путь — мы вместе,
А где поодиночке мы пойдем».

Так долго шли извилистым путем,
Что, прежде чем измучены, усталы,
С усилием мы поднялись на скалы, —
Взошла на ложе отдыха луна.

В сомненьях мы стояли на вершине;
Печальнее казалася она
Бесплодного пути в немой пустыне[2].
Гранитного откоса крутизна
Над бездною зиявшей возвышалась,
И с двух сторон тропинка извивалась.
Но прежде чем пойти тропинкой той,
Заметил я, переводя с утеса
Взор на утес, что внутренность откоса
Была сплошной из мрамора плитой
И, девственной сияя белизной,
Была резьбой украшена столь чудно,
Что и самой природе было б трудно,
Немыслимо, с ней спорить красотой,
Не только что искусству Поликтета[3].
Принесший после долгого запрета
На землю мир, архангел Гавриил[1]
Изображен был с живостью такою,
Что «Радуйся», казалось, говорил,
Представ с благою вестью перед Тою,
Которая, божественно чиста,
Открыла нам спасения врата.
Присущие Ей кротость и смиренье,
Как будто бы на слепке восковом,
Запечатлелись в том изображенье,
И молвила Она всем существом:
— «Раба Твоя покорна Божьей воле».

В восторге здесь я простоял бы доле,
Но мой поэт повел меня с собой;
Он был со мной все время неотлучно
С той стороны, где слышен сердца бой,
И с той же стороны собственноручно
Он указал на снимок мне другой.

Увидел я быков и колесницу,
Которые везли святой Ковчег,
Столь грозный тем, кто в жизни не избег
Преступных дел. Народа вереницу
Вокруг Ковчега видел я. Она
Была на семь хоров разделена,
И, чувствами введенный в заблужденье,
Казалося, я слышу звуки пенья
И ладана вдыхаю аромат.
Смиренный псалмопевец, что объят
Восторгом был, предшествуя святыне,
Плясал и пел у Божья алтаря.
Он более и менее царя
Был в этот миг. И тут же, на вершине
Высокого роскошного дворца,
Печалилась надменная Мелхола[5]:
Униженным достоинство престола
Казалось ей и блеск его венца.

Виднелась там еще картина третья,
И подошел поближе рассмотреть я
Великого Траяна славный лик,
Лик Цезаря, что доблестью подвиг
Григория к победе достославной[6].
Среди дружин виднелся вождь державный,
А в воздухе, собою осеня
Главу его, взвивалися над ними

Среди дружин виднелся вождь державный,
А в воздухе, собою осеня
Главу его, взвивалися над ними
Ряды знамен с орлами золотыми.
И, захватив узду его коня,
Несчастная вдова его молила...

(«Чистилище», Песнь 10)

Ряды знамен с орлами золотыми.
И, захватив узду его коня,
Несчастная вдова его молила:
— «Мой сын убит, его взяла могила!
О, господин, с отчаяньем в груди,
О мести умоляю!» — «Подожди,
Пока вернусь!» — вдове ответом было.
— «А если ты не возвратишься сам?»
— «Преемнику возмездье передам».
— «Обязан ты, святым обетом связан,
Исполнить долг!» — промолвила вдова.
И отвечал ей цезарь: — «Ты права,
Что требуешь — исполнить я обязан».

Так я стоял и понимал в тот миг
Тот видимый божественный язык,
Что создан Тем, Кому ничто не ново[7].
Но тут привлек мое вниманье снова
Наставник мой, промолвивший: — «Взгляни
На призраков. Как медленно они
Идут сюда. Вослед печальным теням,
Мы двинемся все выше по ступеням!»

В их сторону я жадно поглядел.
Читатель мой, пусть за грехи, когда-то
Свершенные, — мучительна расплата,
Да не страшит тебя такой удел!
Мучения не вечны, и спасенье
Ждет грешников в день светлый воскресенья.

Я произнес: — Учитель, вразуми!
Ужель меня обманывает зренье?
Настолько эти странные виденья
Мне кажутся несхожими с людьми.

Ответил он: — «Камней тяжелых бремя
Их до земли собою пригнело
И в самый прах склоняет их чело.
Род христиан! Не жалкое ли племя,
Не все ли мы — подобье червяков,
Рожденных для того, чтоб превратиться
Со смертью нашей в райских мотыльков,
Могущих смело к истине стремиться?
Зачем же ум, приведший ко греху,
Тщеславится, подобно петуху?
Мы — червяки в зародыше, без жала».

Толпа свой путь урочный продолжала.
Под тяжестью, лежавшей на спине,
Несчастных грудь казалась наравне
С коленями. Терзался я немало

При виде их, не в силах им помочь.
И я прочел у самых терпеливых
В страдании в их взорах молчаливых
Одни слова: — «Нам более невмочь».

Санта-Фьоре

Примечания к десятой песне

[1] Грехи происходят от любви людей к земным благам. Поэтому в Ад попадает несравненно больше душ, нежели в Чистилище, вследствие чего врата последнего редко открываются

[2] Эта пустыня опять указывает на малое число душ, попадающих в Чистилище

[3] Знаменитый греческий скульптор.

[4] Вступающим в первый круг Чистилища при первом взгляде попадаются изображенные в картинах и изваяниях примеры смирения, среди которых первое место занимает благовещение Пресвятой Девы Марии

[5] Данте описывает перенесение царем Давидом святого Ковчега Завета. Эта священная церемония возвышает Давида выше царя. В то время, как Давид совершал священную пляску, Мелхола, жена его и дочь Саула, находила это несовместимым с царским достоинством и гневалась на супруга, хотя это со стороны Давида было знаком смирения перед Господом Богом

[6] Папа Григорий Великий, как гласит средневековое предание, прочтя о добродетелях императора Траяна, бывшего язычником, но издавшего закон, воспрещающий преследовать христиан, стал так горячо молить Бога о спасении его души, что мольба его была услышана и Траян был выведен из Ада.

[7] Т. е. Богом

Песнь одиннадцатая

Души, проходящие по *первому* кругу Чистилища, возносят к Богу молитву за себя и за ближних. Поэты, слыша эту мольбу, умиляются, и Вергилий обращается к одному из призраков с пожеланием облегчения его участи и, кроме того, просит указать ему удобный путь к вершине горы. Из толпы душ раздается голос, который приглашает поэтов следовать за ним и вместе с тем рассказывает о себе и своей жизни на земле. Это Умберто, убитый сиенцами за свою гордость и надменность. За ним из-под камня подымает свое лицо другой призрак. Это Одериджи, знаменитый художник-миниатюрист. Он вступает с Данте в рассуждение о непрочности людской славы и перечисляет многих знаменитых художников и поэтов, заканчивая свою речь рассказом о Сальвани Провенцано, который, хотя и был спесив и горд, но все-таки получил доступ к Чистилищу за то смирение, с которым он заботился об улучшении участи своего друга, попавшего в плен к врагам.

О наш Отец, на небесах живущий!
Не потому, что обитаешь там,
Но потому, что полон всемогущей
Любовью Ты и к смертным существам,
Да предадут смиренно и с любовью
Твое Святое Имя славословью
Все те, кому даруешь бытие.
И да приидет царствие Твое —
Затем, что мы идти к Нему не можем.
Перед Тобой мы нашу волю сложим,
Как ангелы, что Господа хваля,
Поют Ему свою «Осанну» в небе.
Тебя мы просим о насущном хлебе,
Пускай его нам ниспошлет земля.

Как мы врагам прощаем прегрешенья, —
Так отпусти и наши. Не введи,
О Господи, людей во искушенье!
Не за себя — за тех, что позади
Остались, последнее моленье,
Творец миров, возносим мы к Тебе».

Так, в искренней сливаясь мольбе
За ближних и себя, брели толпою
Печальною те призраки вперед,
Согбенные под тяжестью такою,
Какая нас порой во сне гнетет.
Так первый круг страдальцы проходили,
Где муками им было суждено
Навеки смыть греховное пятно.
О, если так за нас они молили,
То как должны за них молиться те,
Кто сам стоит на должной высоте,
Как помогал — очищенным от пятен —
Подняться им в бессмертной чистоте
В надзвездный мир, что дивно необъятен!

— «Дабы могли, поднявшись на крылах.
Достигнуть вы небесного чертога,
Да облегчит вас милосердье Бога!» —
Сказал поэт. — «Вы можете ль в скалах
Путь указать, что более отлого
Идет наверх? Наследовавший плоть
Адамову, хотя одушевленный
Надеждами, мой спутник утомленный
Всех трудностей не в силах побороть».

Последовал, неведомо откуда,
Такой ответ: — «Вослед идите нам

Вдоль берега скалистого, покуда
Проход в скале вы не найдете там.
Когда б не камень тот тяжеловесный,
Что гордое чело гнетет собой, —
Узнал бы я, кто спутник неизвестный,
Явившийся в загробный мир с тобой;
И, чувствуя безмерную усталость,
Я пробудить в нем постарался б жалость
К судьбе моей. В Тоскане родился
Я некогда, Гильом Альдобрандески
Мне был отцом, отчизна знает вся
О подвигах, о знатности, о блеске
Моих великих предков. Возгордясь,
Я кровную порвал с отчизной связь,
Кичился я пред всеми беспредельно
И был за то я поражен смертельно.
Умберто — я[1]. Надменностью своей
Я загубил и близких, и друзей,
И, смертному подвергшийся удару,
За гордость я несу достойну кару».

И, выслушав, главою я поник.
Одна из душ приподняла свой лик
Под тяжестью, и я, вглядевшись ближе
В знакомые усталые черта,
Узнал ее. — Не Одеризи ль ты[2],
Прославленный за живопись в Париже? —
Воскликнул я. И он ответил: — «Брат!
Франческо из Болоньи[3] во сто крат
Известней стал. Своим искусством славен,
Он приобрел все то, чем дорожил
При жизни я. Надменен и тщеславен,
Стремленьем я к одной лишь славе жил,

И от нее осталось так немного!
За прошлое я наказуюсь строго.
О, славы цвет! Ты блекнешь, как трава.
Чимабуэ[4] прославила молва,
И что же? Он остался позабытым,
И сделался Джиотто[5] знаменитым.
Имел поэт[6] на славу все права,
Но вот его другой сменяет Гвидо[7],
А может быть, — о, горькая обида! —
Появится и третий, и тогда
Он выгонит обоих из гнезда.
Что славы шум? Лишь ветра дуновенье!
И вечно он меняет направленье.
И большую ли славу заслужил
Тот, кто познал страстей преступных трепет
И до глубокой старости дожил,
Иль умерший, твердя лишь детский лепет,
Минуй тысячелетие всего —
Ничтожный срок, когда сравним его
Мы с вечностью! Смотри: вот бывший в сане
Правителя; он славен был в Тоскане, —
Идущий пред тобою. А теперь
Изгладилось о нем воспоминанье,
Сиенною он позабыт, поверь,
Где правил он во время обузданья
Флоренции, которая горда
Настолько же бывала в те года —
Насколько ныне сделалась развратна.
О слава мира, травке полевой
Подобна ты: убор зеленый твой
Вновь у тебя отнимет безвозвратно,
Кто дал его».
И я сказал ему:

— Урок смиренья гордому уму
Ты здесь даешь. Но кто он, кем Тоскана
Гордилась так? — «Сальвани Провенцано[8], —
Ответил дух, — в возмездие за спесь,
Под гнетом он изнемогает здесь».

— Но если всем до истеченья срока,
К горе бывает доступ возбранен,
То как же мог сюда явиться он? —
Воскликнул я, в душе дивясь глубоко.
И молвил дух: — «В темнице короля
Томился друг Сальвани, и в Сиенне,
О выкупе для узника моля,
На площади он преклонил колени,
Дрожа всем телом. В эти времена
Его высоко чтила вся страна.
Речей моих не вправе объяснить я,
Благодаря согражданам твоим[9],
Их разъяснят грядущие событья».

Он сжалился над тем, кто был гоним,
И здесь врата раскрылись перед ним.

Город Агоббио

Примечания к одиннадцатой песне

[1] Умберто Альдобрандески, граф Сантафьора, убитый в 1259 г сиенцами за свою надменность.

[2] Одеризи, родом из Губбио, или из Агоббио, известный миниатюрист.

[3] Франческо (Франко) — счастливый соперник и ученик Одеризи, миниатюры его до сих пор сохраняются в галерее Мальвеццци в Болонье.

[4] Чимабуэ — Ченни ди Пепо — один из величайших флорентийских художников, 1240–1302 Он считается основателем итальянской школы живописи

[5] Джиотто — Джотто ди Бондоне — знаменитый итальянский художник, ученик Чимабуэ (1266–1337)

[6] Гвидо Гвиницелли, известный поэт, родом из Болоньи, скончавшийся в 1276 г.

[7] Гвидо Кавальканти, друг Данте, превзошедший своим талантом Гвидо Гвиницелли

[8] Вождь гибеллинов, пользовался большим влиянием в ту эпоху, когда флорентийцы были разбиты сиенцами при Монте Аперто. Один из друзей его, по имени Виньи, был взят в плен Карлом Анжуйским в битве при Таглиаццо, он должен был быть подвергнут казни, от которой освобождался в случае предоставления выкупа в 10 тыс. дукатов. Провенцано, не имея такой большой суммы, отправился на главную рыночную площадь Сиены — Кампо — и, положив перед собой ковер, стал просить милостыню для освобождения друга

[9] Т. е. и ты (Данте), подобно Провенцано, будешь изгнан согражданами и станешь дрожа всем телом, просить подаяние

Песнь двенадцатая

Несколько времени поэты идут, сопутствуемые Одеризи. Затем Вергилий приказывает Данте оставить этого художника и продолжать путь, руководствуясь собственной волей. Им встречаются художественные изваяния, на которых изображены сцены сокрушенной гордости — величайшего из грехов. Смотря на эти изваяния, поэты преодолели довольно длинную дорогу. Вдруг Вергилий замечает ангела и велит Данте встретить его с подобающим благоговением. Ангел, простирая крылья, повелевает поэтам следовать за ним и приводит к скале, в которой есть проход; слегка коснувшись чела Данте, он удаляется, а поэты отправляются в дальнейший путь, который кажется более легким, чем уже пройденный. Они вступают во *второй* круг горы Чистилища, навстречу им несется пение «Блаженны нищие духом». Данте удивлен той легкостью, с которой он совершает путь, и спрашивает Вергилия о причине этого. Тот отвечает, что Данте снял с себя грех гордости и на челе его остались наименования только шести остальных смертных грехов.

Как под ярмом ступают два быка[1],
Так медленно мы с духом шли, пока
Не повелел учитель мой: — «Оставив
Его, иди! Обязан каждый сам
Прибегнуть здесь к веслу и парусам[2],
Свою ладью в дальнейший путь направив».

Немедленно склоненный стан расправив,
Я голову приподнял, но согбен
Был дух во мне и тяжко удручен.
Так, пользуясь свободою движенья,
Легко мы шли, и за проводником
Я следовал, надеждою влеком.
Вдруг молвил он: — «О друг, для облегченья

Себе преград и трудностей пути
Ты взоры вниз на землю опусти!»

Как ряд гробниц под сводами в соборах,
Как мраморные плиты, на которых
Виднеются изображенья тех,
Кто погребен, будя собой во всех
Достойнейших сердцах воспоминанья
Печальные, — так здесь по сторонам
Гористого пути предстали нам,
Меж бездной и горою, изваянья,
Искусства несравненного созданья.

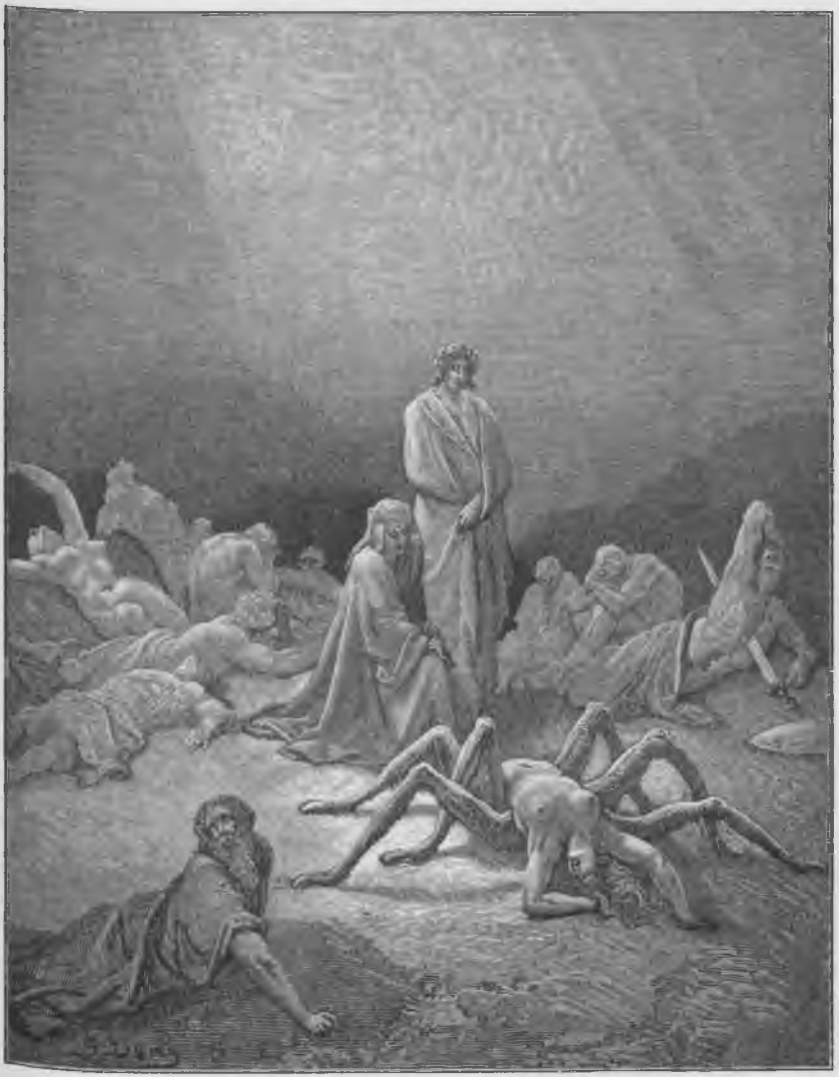
Изображен меж ними был и тот,
Кто совершенней всех был в мирозданье[3]
И пал, подобно молнии, с высот.
Со стороны другой я Бриарея[4]
Увидел там, сраженного стрелой
Небесною, охваченного мглой:
Под ним земля застыла, холодея.
Я увидал прекрасного Тимбрея.
Паллада с Марсом, вооружены,
Вблизи отца их, ужасом полны,
В отчаянье там созерцали члены
Изрубленных титанов, а Нимврод
С безумием в очах глядел на стены,
Разрушенные башни и народ,
Пришедший с ним в долину Сеннаара,
Где Божия их ожидала кара
Там на пути и твой несчастный род,
Семь чад твоих я видел, Ниобея[5],
И жалостью исполнился к тебе я.
Ты, собственным копьем пронзенный вождь,
Саул, в земле царивший иудейской —

.....Здесь по сторонам
Гористого пути предстали нам,
Меж бездной и горою, изваянья,
Искусства несравненного созданья.

(«Чистилище», Песнь 12)

Тебя узрел я на горе Гельвейской[6],
Которой чужды и роса, и дождь.
Безумная ткачиха Арахнея[7],
Увидел я, как, в страхе цепенея,
Ты вполовину стала пауком.
О, Ровоам[8], в смущении каком
На меткость стрел своих не полагаясь,
Ты прочь бежал, изгнанья опасаясь.
Являлся там убийца Алкмеон[9],
Занесший меч над матерью родною,
Купившею кровавою ценою
Блистательный убор свой. Меж колонн
Во храме кровь струилася волною
Сеннахерима[10] гордого: с отцом
Покончила сынов его секира,
И в храме он остался мертвецом
Там видел я и наказанье Кира[11],
Когда царица молвила с лицом
Разгневанным перед дружиной всею:
— «Ты крови жаждал: упивайся ею!»
Там видел я, как Олоферна стан,
Узнав, что смелый вождь ассириян
Убит в ночи, — бежит в безумном страхе.
И Трою там увидел я во прахе,
Униженный глубоко Илион.

Но кто был он, что, силой вдохновлен
Чудесною, здесь проявил свой гений,
Как властелин, кистями и резцом
Владеющий, явившийся творцом
Встречаемых в пути изображений?
На них мертвец казался мертвецом,
Толпа живых казалася живою.
Свидетели событий этих дней



Безумная ткачиха Арахнея,
Увидел я, как, в страхе цепенея,
Ты вполовину стала пауком.

(«Чистилище», Песнь 12)

Действительность не видели ясней,
Чем я все то, что попирал ногою,
Покуда шел с поникшею главою.
Гордись же ты надменный Евин род!
С приподнятым челом иди вперед
И не гляди в пути своем под ноги,
Дабы дурной не увидать дороги!

Немалый путь успели мы пройти
Вокруг горы, и далее в пути
Подвинулося солнце, чем вначале
Мы думали. Вергилий впереди,
Как прежде, шел; внезапно прозвучали
Слова его: — «Поспешнее иди!
Окончил труд уж пятый дня служитель[12],
Их четверо осталось позади.
Ты видишь, к нам подходит небожитель.
Благоговейно встреть его, чело
Твое да будет ясно и светло,
Дабы небесный наш руководитель
Охотнее повел с собою нас!
Не повторятся этот день и час».

Учителю давно уже внимая,
Ему повиноваться я привык
И смысл речей таинственных проник.
В одежде белоснежной ангел Рая
К нам близился, блиставший, как звезда,
И произнес он, крылья простирая:
— «За мною вслед идите без труда.
Очищенным, раскаявшимся теням
Нетрудно здесь подняться по ступеням».

О, род людской! Подняться высоко
Ты должен бы, и падаешь легко

Ты при малейшем ветра дуновенье!
Приблизились мы к месту, где скала
Раздвоилась; там моего чела
Крылом своим коснулся на мгновенье
И, обещав счастливый путь, исчез
Руководитель, посланный с небес.

Как лестница близ Рубиканте, в гору
Ведущая к старинному собору[13],
Которая была в те времена
Счастливейшие сооружена,
Когда велись все исчисленья верно
И правили Флоренцией примерно, —
Так, лестнице уподобляясь той,
Здесь ко второму кругу путь крутой
Смягчался вдруг. Направо и налево
Чернели скалы темные. Вошли
В ущелье мы, и раздалось вдали:
— «Блаженны духом нищие!» — Напева
Столь нежного услышать не могли
Мы на земле. Пути, какими шли
Досель в аду, крик ярости и гнева.
Встречавший нас, сравнятся ли с путем
В Чистилище, где услаждал подъем
Нам тихий звук священного напева!

Мы поднялись по лестнице святой,
Где легче путь казался, чем в долине,
И я сказал: — С обычной добротой
Поведай мне, от тяжести какой
Освобожден, не чувствую я ныне
Усталости? — И молвил он: — «Когда
С чела навек исчезнут без следа
И остальные буквы — в восхожденье
Высокое найдешь ты наслажденье».

Как человек не видящий — тогда,
Сам в истине увериться желая,
Дотронулся рукою до чела я:
Взамен семи начертанных на нем
Шесть букв[14] нашел я на челе своем.
Учителя довольный взор я встретил,
И кроткою улыбкой он ответил.

Примечания к двенадцатой песне

[1] Поэт хочет сказать, что Одериджи и Данте продолжали путь опустив голову Первый под тяжестью ноши, а второй — для того, чтобы слышать его.

[2] Метафора

[3] Сатана до своего преступления (см. «Ад», песнь тридцать первую).

[4] Бриарей — сын Титана и Земли, имевший сто рук и пятьдесят голов (см. «Ад», песнь тридцать первую). Тимбрей — прозвище Аполлона

[5] Дочь Тантала и жена Амфиона, стала гордиться перед Латоной своим многочисленным потомством. Латона, имевшая только двух детей, подговорила Аполлона и Диану умертвить всех детей Ниобеи; последняя, окаменевшая от страдания, была превращена в скалу.

[6] Гора Гельвейская, на которой не бывает ни росы, ни дождя, по пророчеству Давида.

[7] Искусная вышивальщица, вздумала состязаться с Минервою, за что последняя превратила ее в паука

[8] Сын Соломона. Против него восстало одиннадцать племен вследствие его надменного отношения к народу

[9] Сын Амфиарая Амфиарай, не желая участвовать в войне с Фивами, спрятался, но был предан женой — Ерифилией, получившей за это драгоценный убор. Алкмеон отомстил за смерть отца, убив мать.

[10] Ассирийский царь, убитый во время жертвоприношения своими двумя сыновьями

[11] Тамириса — царица Скифии, захватив в плен персидского царя Кира, приказала отрубить ему голову, которую погрузила в сосуд, наполненный человеческой кровью.

[12] Служители дня — часы Поэт хочет сказать, что прошло уже пять часов

[13] Церковь Сан-Миниато, построенная на горе возле Флоренции, близ моста через Арно, называемого Русиканте Этот мост был сооружен еще в ту эпоху, когда во Флоренции не подделывались городские книги и меры, что практиковалось при жизни Данте

[14] Значение букв — см. «Чистилище», песнь девятую Грех гордости — самый важный С исчезновением его почти исчезают остальные грехи

Песнь тринадцатая

Постепенно поднимаясь по лестнице, поэты приходят к вершине *второго* круга. Не видя проводника, Вергилий обращается с мольбой к солнцу, прося его указывать путь. Они проходят милю и замечают прилет духов. С разных сторон раздаются голоса. Вергилий объясняет, что во втором круге караются завистники. Души виновных в этом грехе прислонены в виде призраков к скалам. Они почти сливаются со скалами, так как одеты в плащи такого же цвета, как окружающая их местность. Призраки опираются плечами друг на друга, как слепые нищие на паперти храма; веки их сшиты железной нитью, и потому они не могут видеть ни божественного света, ни друг друга; из глаз их льются слезы. Данте обращается к ним, с разрешения Вергилия, и спрашивает, нет ли среди них кого-нибудь из Италии. Из толпы духов отвечает на этот призыв одна тень, поднимая свое лицо. Это знатная жительница города Сиены Сапия, злорадствовавшая по поводу поражения своих сограждан. Она просит Данте при возвращении его на землю восстановить ее честь в уме ее родственников, принадлежащих к числу сиенцев, которые не раз преследовали несбыточные цели.

По лестнице достигли мы вершины
Той площади, где суживался круг.
Нигде резьбы не видел я вокруг
И не являлись чудные картины,
Но вымощен был синим плитняком[1]
Пред нами путь. — «Появится едва ли
Могущий нам служить проводником», —
Сказал поэт; глаза его сияли,
И, повернувшись к солнцу, молвил он:
— «О, дивный свет, тобою озарен
Весь Божий мир, тобою согреваем!
В сиянии лучей твоих вступаем

Мы с верою глубокой в новый путь;
Веди же нас и светочем нам будь!»

В короткий срок прошли мы расстоянье,
Что милею зовется на земле,
Влекомые могуществом желанья;
И духов мы почуяли во мгле,
Летевших к нам и нежно призывавших
На пир любви. Один из пролетавших
Воскликнул ясно: — «Нет у них вина!»[2] —
И речь его была еще слышна,
Повторена слабее в отдаленье,
Когда другой послышался окрест
Чудесный глас, вещавший: — «Я — Орест!»[3]
Он смолк, и тут спросил я в изумленье:
— Отец мой, чьи же это голоса? —
Меж тем, и третий голос раздался:
— «Врагов своих любите!» — В поясненье
Сказал поэт: — «Карает этот круг
Грех зависти; но узы осужденных,
Бичом любви к спасенью приведенных,
Здесь издают совсем особый звук[4],
И вскоре ты его услышишь, друг.
Но погляди: увидишь прислоненных
Спиной к утесам множество теней,
Сидящих там». — Напрягши взор сильней,
Я призраков увидел, облеченных
В плащи под цвет утесов и камней.
Приблизившись, мы крики услыхали:
— «Моли о нас, Мария, Бога сил
И вы, святые Петр и Михаил!»

Меж смертными нашелся бы едва ли
Хотя один, душою столь жесток,

Когда совсем приблизились мы к ним,
Почувствовал я слезы на ресницах.
Они сидели в грубых власяницах,
И ближнему служил плечом своим
Опорою там каждый из сидящих.

(«Чистилище», Песнь 13)

Который бы спокойно видеть мог
Все то, что мы с поэтом увидали.
Когда совсем приблизились мы к ним,
Почувствовал я слезы на ресницах.
Они сидели в грубых власяницах,
И ближнему служил плечом своим
Опорою там каждый из сидящих.
У входа в дом прощения[5] слепых,
О милостыне жалобно просящих,
Так иногда мы видим. И от них,
Как от слепцов, но только не навеки,
Небесный свет был так же скрыт. Их веки
Железная пронизывала нить,
Как делается это с соколами[6],
Когда хотят их к ловле приучить.
Глядеть на тех, что нас не видят сами,
Обидою казалось, и, в ответ
На мысль мою, промолвил мне поэт:
— «Заговорить ты мной уполномочен,
Но краток будь в речах своих и точен!»

Вергилий шел опасной стороной
Над бездною, зиявшей глубиной;
Со стороны моей сидели рядом
Несчастные, и слезы из-под шва
Зловещего у них катились градом,
И молвил я участия слова:
— О призраки! уверены глубоко,
Что свет небес увидит ваше око,
Вы благ иных не можете искать.
И совесть вашу — мутного потока
Подобие — прозренья благодать
Да освежит; свободно и широко

— «Но если ты назад вернешься снова,
Скажи, кем был чудесно ты введен?»

(«Чистилище», Песнь 13)

Да разольется разума река,
Стремясь вперед, светла и глубока.
Порадуйте меня своим ответом:
В собрании я не найду ли этом
Италии сынов?
— «О, милый брат!
Отечество для нас — небесный град,
Но вот душа, блуждавшая при жизни
В Италии: во временной отчизне».

Приблизившись, заметил меж толпой
Я тень одну; должно быть, отвечала
Мне эта тень, она приподнимала
Лицо свое, как делает слепой.
— Дух! — молвил я, — путями униженья
Стремящийся к вершине очищенья,
Беседуя со мной, поведай мне
Об имени твоем и стороне.

— «Сиенка я и здесь за прегрешенья
Наказана с другими наравне, —
Ответил дух, — я мудрой[7] называлась,
Но не была я мудрой по уму,
И, равнодушна к счастью своему,
Я ближнего несчастьем наслаждалась.
Внимай же! Я была не молода,
Когда мои сограждане при Колле
С врагом своим сошлись на ратном поле,
И Господа молила я тогда
О том, что сам Он предрешил заране:
В сраженье том отечества сыны
Бежали все, врагом побеждены,
Смятение царило в нашем стане,

И тут одна, при виде бедствий их,
Я радостью превыше всех других
Исполнилась и восклицала дико:
«Отныне Ты не страшен мне, Владыко!»
Похожею была я на дрозда[8],
Обманутого раннею весною,
Которой вслед настанут холода.
Испуганная собственной виною,
Впоследствии, перед моим концом,
Я примириться думала с Творцом,
И Пьетро Петинаньо[9] мне святою
Молитвою войти сюда помог,
А без него меня б отвергнул Бог.
Но ты живешь и дышишь, перед нами
Явился ты с открытыми очами».

Ответил я: — Сомкнутся здесь они,
Но лишь на краткий срок. В былые дни
Страдал и я от зависти недуга,
Но первого я опасаюсь круга,
Той тяжести, что грешных там гнетет —
И на себе я ощущаю гнет.
— «Но, если ты назад вернешься снова,
Скажи, кем был чудесно ты введен?»
Ответил я: — Меня приводит он,
Кто до сих пор не вымолвил ни слова.
Но я живу, о призрак, и отнесть
Я о тебе могу в отчизну весть.
— «Как радостно и как мне это ново!
Избранный Им, ты Господом любим
И за меня молися перед Ним! —
Вскричала тень, — тебя просить я стану
Всем для тебя на свете дорогим:

Восстанови, когда придешь в Тоскану,
Ты честь мою в уме родных моих.
Ты их найдешь среди людей пустых,
Отыскивавших некогда Диану[10].
Возложены теперь надежды их
На Саламин и гавань Таламонэ,
Но за морскою славою в погоне,
Как некогда и в поисках реки,
Опять урон потерпят моряки»[11].

Гавань Таламонэ

Примечания к тринадцатой песне

[1] Цвет, означающий скупость.

[2] Слова Девы Марии, сказанные Иисусу Христу на свадебном пире в Кане Галилейской, должны, по мысли Данте, служить примером заботы о других.

[3] Слова Пилада, который хочет пожертвовать собой вместо Ореста. Пилад и Орест были неразлучные друзья.

[4] Речь идет об узах, сдерживающих чувство зависти. Бич в этом случае — нежные голоса любви, т. е. узы издают другой звук — звук угрозы.

[5] Т. е. у храма. Это зрелище можно видеть и теперь у многих итальянских церквей.

[6] Соколам, которых приучали к охоте, зашивали глаза.

[7] Сапиа — значит мудрая. Так называлась знатная сиенская гражданка, заключенная согражданами в Колле, когда сиенцы были разбиты. Сапиа надменно насмехалась над согражданами.

[8] Согласно итальянскому преданию, дрозд, обманутый теплой январской погодой и полагая, что зима кончилась, улетая из клетки, напевал «Не боюсь тебя, владыко».

[9] Флорентийский пустынник, молившийся за Сапию.

[10] Баснословная река, которая, по мнению сиенцев, должна была протекать у самых стен их города. Они предпринимали грандиозные работы, чтобы обнаружить ее, но безуспешно. Таламонэ — другое разочарование сиенцев. Они приобрели этот порт на Средиземном море за большие деньги, но зловредный воздух этой местности вскоре заставил их его покинуть.

[11] Те, что, принимая химеру за действительность, уверены, что будут адмиралами флота, который будет стоять у порта Таламонэ.

Песнь четырнадцатая

Закончив разговор с Сапией, Данте слышит, как с правой от него стороны переговариваются два призрака. Один из них обращается к Данте с вопросом: кто он? Поэт говорит, что он родился на берегах реки, берущей начало с горы Фильтерона. Первый призрак, догадываясь, что поэт имеет в виду реку Арно, переходит к воспоминаниям о жителях, населяющих города, лежащие по течению этой реки. Он называет их именами различных животных, ввиду их пороков, и сокрушается об испорченности населения Тосканы. Говорящие здесь призраки — Гвидо дель Дука и Риньери де Кальболи. Поэты, выслушав их разговор, идут дальше и слышат в воздухе слова Каина и другие голоса. Назначение этих голосов — напоминать завистникам о тяжелых последствиях их греха.

«Скажи, кто он, спасения вершины
Стремящийся достигнуть до кончины?
Глаза глядят, и дышит грудь его!»
— «Тебя хотел спросить я самого.
Он не один; спроси его об этом,
Быть может, он почтит тебя ответом».

Так призраки на правой стороне
Вели свою беседу обо мне,
И, наконец, лицо приподнимая,
Сказал один из них: — «Душа живая,
Ты во плоти восходишь к небесам.
Молю, скажи из состраданья нам,
Кто родом ты, куда идешь, откуда?
Ты милостью неслыханной почтен
От Господа, дивящей нас, как чудо».

Я отвечал: — В Тоскане я рожден,
Близ той реки, что омывает склоны
Цветущие высокой Фальтероны[1]
И вдаль бежит, в истоке лишь мелка,
На сотни миль — светла и широка.
Об имени своем не вспоминаю:
Еще не так прославилось оно.
— «Когда тебя я верно понимаю,
Ты разумеешь бурную Арно?» —
Сказала тень, и молвила другая:
— «Зачем, как нечто страшное скрывая,
Он умолчал об имени реки?» —
И отвечал беседовавший с другом
Тут первый дух: — «Навеки по заслугам
Ее, Господь, забвенью обреки!
От самого истока, где Пелоро[2]
Отрезан был волной от косогора
И где река водою так полна,
Что затопляет все кругом она,
До самого ее впаденья в море
В той местности на всем ее просторе
Все жители бегут от добрых дел,
Пугаясь их, как от змеи опасной.
Таков страны губительный удел,
Где лишь порок укоренился властно,
И жители долины той несчастной,
Исказили настолько образ свой,
Что кажется, как будто бы травой
Коварная Цирцея[3] их вскормила.
Вдоль берегов текущая уныло
Река в пути встречает не людей,
Но тех, кому вполне пристойно было
Искать себе для пищи желудей[4].

За свиньями там следуют собаки[5],
Сварливые не в меру забияки;
От них река с презрением бежит,
Но впереди, где путь ее лежит,
Чем бурней и быстрей меж берегами
Течет она, тем более собак
Встречается, что сделались волками[6].
Прорезавши ущелий горных мрак,
Бежит она, минуя все преграды,
И на пути встречает там лисиц[7],
Чьей хитрости лукавой нет границ:
Ничто для них ловушки и засады,
Их обличать не перестану я.
Да возвестит другому речь моя
Все то, о чем имел я откровенье.
Твой гордый внук явился мне в виденье
Охотником жестоким на волков[8];
Как жизни их, в неумолимой мести
Так собственной он не жалеет чести
И на убой ведет их, как быков.
Окровавлен, покинув лес печальный[9],
Выходит он, и через сотни лет
Не расцветет в красе первоначальной
Угрюмый лес!»
Как предвещанье бед
Вселяет в нас невольное смущение,
Так на лице явилось огорченье
У призрака другого, и поник
Он головой. Его печальный лик
И речь его товарища желанье
Внушили мне узнать их имена.
Тот, от кого я слышал предсказанье,
Ответил мне: — «Ты сам хранишь молчанье

Об имени твоем, но, как луна
Сияет нам в безоблачном эфире,
Так над тобой — Господня благодать.
Гвидо дель Дука назывался в мире
При жизни я, и, не хочу скрывать,
Невыносимой завистью такою
Вся кровь моя была заражена,
Что видел я с глубокою тоскою
Веселие других. Вот семена,
Дающие мне жатву из соломы!
О, род людской! Туда сердца влекомы,
Где добрым двум началам не дано,
К несчастию для вас, ужиться вместе,
И где одно другим исключено.
Риньери здесь, он — представитель чести
Фамилии Гальболи, никого
Наследников нет больше у него.
Несчастный раб, живущий меж Горою
И речкой Мо, меж морем и Рено,
Всю жизнь тебе томиться суждено
Без радости и правды! Там, не скрою,
Так плевелы глубоко проросли,
Что их ничем не вырвать из земли.
Где Личио, Манарди, Траверсаро?[10]
Где Гвидо ди Карпинья? Что за кара
Постигла вас? За что превращены
Родной Романьи гордые сыны
В ублюдков злых? А Фабро из Болоньи[11] —
Простой кузнец, во имя беззаконья,
Вельможей стал! Де-Фоска Бернардин —
Прославленный отныне гражданин!
О, не дивись, тосканец, что объята
Глубокою тоской душа моя;

Навеки вас оплакиваю я:
Вы, Анатаджи, Д'Аццо и ди Прато[12],
И ты, Гиньозо славная семья,
Наследие добра вы без возврата
Растратили! Слезам я волю дам,
Припоминая рыцарей и дам[13],
Их радости и их труды, учтивость
И власть любви, смягчавшие сердец
Суровейших упорную строптивость.
Когда бежал, спасаясь, как беглец,
Твой властелин от горя и позора,
Зачем во прах не пал ты, Бретиноро?[14]
Кончается Баньякавало род.
И Кастрокаро с Канио напрасно
Не следуют примеру, столь прекрасно
Им данному! Тогда лишь добрый плод
Увидим мы от дерева Пагани,
Когда исчезнет злобный демон их;
Но все ж пятно останется на них
И слава их пока еще в тумане.
Бездетен ты, не бойся впереди
Позора, Уголино де Фантолли,
Лишь ты один достоин славной доли.
Но я молю, тосканец, уходи!
Воспоминаний горечью томимый,
Могу лишь край оплакивать родимый —
Не говорить».
Мы двинулись вперед,
И ими был замечен наш уход:
Молчанье их доказывало это.

Но вдруг, как гром порою знойной лета,
Послышался ужасный голос: — «Тот,

Кто встретится, пускай меня убьет!»[15]
И, как раскат, раздавшийся из тучи,
Он сразу смолк. Едва удар могучий
Затих вдали, как раздался другой
Громоподобный голос роковой:
— «Я — в камень превращенная Аглая»[16].

К Вергилию приблизиться желая,
Я сделал шаг, и молвил он тогда,
Меж тем как все затихло, умолкая:
— «Вот какова железная узда,
Что сдерживать должна бы от соблазна,
Но искушенье так разнообразно,
Так жадно вы кидаетесь к нему,
Влекомые людей врагом во тьму,
Что вам помочь ничто уже не в силах.
Над вами твердь небесная в светилах
Бессмертною чарует красотой,
Меж тем как вы, прельщаясь суетой,
Глядите вниз, и потому жестоко
Карает вас Всевидящее Око».

Примечания к четырнадцатой песне

[1] Гора в Апеннинах, на которой берет начало река Арно

[2] Мыс в Сицилии. Он сначала был соединен с южной частью Апеннин, но затем вследствие вулканических изменений отделился, причем образовался Мессинский пролив

[3] Волшебница, превратившая товарищей Улисса в поросят

[4] Жители Казентино, находящегося в верхней долине реки Арно, между Фальтероной и Ареццо.

[5] Жители Ареццо

[6] Флорентийцы

[7] Пизанцы (из-за их хитрости).

[8] Говорящая тень — Гвидо дель Дука, он обращается к Риньери, внук которого, будучи флорентийским подестой, заключил в тюрьму и умертвил важнейших членов партии Белых.

[9] Флоренция.

[10] Личио ди Вальбона и Манарди — честные граждане того времени. Пьетро Траверсаро — владетель Равенны. Гвидо ди Карпинья — дворянин из Монтефельтро.

[11] Кузнец из Болоньи, сделавшийся вельможей.

[12] Знатные фамилии того времени.

[13] Намек на рыцарские обычаи, которые смягчали суровость нравов.

[14] Укрепленный замок, родина Гвидо дель Дука. Баньякавало и др. — романские фамилии, владевшие замками. Один из Пага и был прозван Дьяволом. Уголино ди Фантолли считался благороднейшим из Фаэнцев.

[15] Слова Каина после убийства.

[16] Аглая, или Аглая, дочь Кекропса, бросившаяся со скалы из ревности к сестре и превращенная в камень.

Песнь пятнадцатая

Остается три часа до заката солнца; на небе сияет Венера, и вместе с тем с неба льется ослепительный свет. Данте закрывает рукой глаза и спрашивает Вергилия о причине этого яркого света. Тот говорит, что к ним является ангел, который поведет их в дальнейшем пути. Поэты выходят из второго круга и слышат слова: «Блаженны милосердные!» Данте, пользуясь тем, что он находится наедине с Вергилием, просит объяснить ему значение речи Гвидо дель Дука, переданной в предыдущей песне. Вергилий делает это и подробно говорит о зависти и о блаженстве душ, не знавших ее. Тем временем поэты входят в третий круг, где очищаются души, грешившие гневом. Данте являются видения. Он видит храм, у которого находится Богоматерь, нашедшая своего отрока Иисуса. Затем ему является жена Пизистрата, правителя Афин, требующая у мужа мести оскорбителю ее дочери; наконец, Данте видит мученическую кончину святого Стефана, которого камнями побивает разгневанный народ. Поэт смущен и взволнован этими видениями. Вергилий объясняет ему цель ниспослания этих видений и подбадривает Данте. Поэты отправляются в путь, но в это время поднимается столб удушливого дыма, затемняющего закат солнца. Поэтам трудно дышать и смотреть

Осталось солнцу до конца пути
Лишь три часа пред тем, как перейти
В пределы зыбкой движущейся сферы;
Блистало там созвездие Венеры,
А на земле полночный час настал;
Мы обойти уже успели гору,
И блеск лучей, явясь преградой взору,
Так с высоты небесной нам блистал,
Что я рукой закрылся, ослепленный.
Как солнца луч, водою отраженный
Иль зеркала поверхностью, горит,

Сверкающий и в отраженье этом, —
Так мнилось мне, что этим дивным светом
Я весь горю и он во мне разлит.

— Отец мой! — я воскликнул. — Дивно странен
Тот яркий свет! Я словно им изранен.
Он приближается заметно... — «Не дивись, —
Сказал поэт, — небесного блистанья
Ты выносить пока не в состоянье.
Посол небес является и в высь
Нас поведет с собою. Будешь скоро
Все, что теперь так тягостно для взора,
В прозрении блаженном созерцать
И высшую постигнем благодать».

Приблизились мы к ангелу святому
И молвил он: — «По менее крутому
И тяжкому пути, чем первых два,
Всходите вы!»
Оставили едва
Мы круг второй, как раздались при этом:
«Блаженны милосердные!» — слова,
Звучавшие ликующим приветом,
А также: «Слава тем, кто победил!»

С учителем наедине я был,
И я спросил его: что означает
Речь призрака, который нам сказал:
«Одно добро другое исключает»?

И отвечал учитель: — «Он сознал
Опасность всю ужасного порока
И осуждал завистников жестоко,

Дабы от слез предохранить других.
Все к счастию душой стремятся жадно,
И их число чем более громадно,
Тем меньше доля каждого из них,
И зависть их терзает беспощадно.
Но, если бы, возвышенно светла,
Любовь горе направлена была,
То зависти не знало б сердце ваше.
Чем чаще здесь мы молвим: «Это наше!»
Тем более сокровищ без числа
Дается нам; луч милосердья дивный
Тем ярче нам сияет здесь, призывный!»

Но молвил я: — Из глубины души
Идущие сомненья разреши!
Сокровище, разделено на части,
Обогатит ли всех, когда число
Владеющих богатством возросло?

Ответил вождь: — «Находятся во власти
Земных понятий помыслы твои;
Где льются света яркие струи —
Ты видишь мрак. Пойми, неистощимо
Сокровище: чем более делимо —
Обильней тем становится оно.
Любви и милосердия святыней,
Как солнечным лучом, озарено
Бывает все. Чем больше на вершине
Блаженных душ, тем более сильна
Меж них любовь: как зеркалом она
Отражена взаимно. Непонятно
Когда тебе значенье слов моих —
От Беатриче смысл узнаешь их.

Но поспешим, дабы и эти пятна
Исчезли безболезненно с чела».

— Мне речь твоя понятна и светла! —
Воскликнуть я хотел, но в то мгновенье
Вступили мы с поэтом в третий круг.
Чудесный храм открылся мне в виденье[1],
И с жадностью блуждал мой взор вокруг.

Я различал стечение народа,
И женщину увидел я у входа,
Которая, как любящая мать,
Воскликнула: — «Что сделал Ты, о Чадо![2]
Тебя в тоске пришлося нам искать!»
Немедленно все скрылося от взгляда:
Она и храм. С росою гневных слез
На бледном лике, женщина другая
Явилась нам, к правителю взывая:
— «Тем городом, что столько перенес
Из-за раздора смертных с божествами[3],
Где колыбель искусства и наук —
Коль скоро им ты правишь, мой супруг,
То отомсти; молю я со слезами,
О Пизистрат, владельцу дерзких рук,
Что нашу дочь ласкали перед всеми!»[4]
Но, повернув к ней ясное чело,
Ответил он: — «Когда поступим с теми
Безжалостно, к кому сердца влекло, —
Что сделаем с творящими нам зло?»

Но тут другим сменилося виденье,
И в юношу бросающих каменья
Я увидал разгневанных людей,

Которые кричали громко: «Бей!»[5]
Поверженный, последнего мгновенья
Он ждал, но очи кроткие его,
Подобные в тот миг вратам небесным,
О милости молили Божество
К врагам его.
Видением чудесным
Исчезло все; к сознанью пробужден,
В себя пришел я, стряхивая сон.
И мне сказал учитель: — «Ты с полмили
Шатаясь шел, как будто опьянен
Ты был вином иль силы изменили
Тебе совсем. Поведай, что с тобой?»

— О, мой отец, покуда я стопою
Дрожащей шел, видения толпою
Являлись мне, и, правды не тая
Перед тобой... — в волненье начал я.
Но он сказал: — «Когда бы целой сотней
Двойных личин укрыть ты вздумал лик —
Я помыслы бы все твои проник.
С тем, чтоб душой ты воспринял охотней
Божественно прозрачные струи
Из светлого источника любви —
Явилося тебе в пути виденье.
Не для того спросил я: «Что с тобой?» —
Чтоб разрешить в уме своем сомненье,
Но для того, чтоб бодрою стопой
Ты шел вперед: так побуждать ленивых
Нам следует — в труде неторопливых».

Мы двинулись, смотря перед собой,
Но вдруг столбом удушливого дыма

...В юношу бросающих каменья
Я увидал разгневанных людей,
Которые кричали громко: «Бей!»
Поверженный, последнего мгновенья
Он ждал...

(«Чистилище», Песнь 15)

Сияющий закат заволокло,
И в этой тьме дышать невыносимо
И созерцать нам стало тяжело.

Город Фаэнца

Примечания к пятнадцатой песне

[1] Вместо картин и изваяний, изображавших смирение и сокрушенную гордость, а также голосов духов, призывавших к любви и отвлекавших от гнева, поэту являются в этом кругу видения, рисующие милосердие как прямую и полную противоположность гневу.

[2] Слова Богоматери к отроку Христу, оставшемуся в храме

[3] Афины

[4] Жена Писистрата умоляет мужа отомстить молодому афинянину, осмелившемуся публично обнять их дочь

[5] Смерть св. первомученика Стефана

Песнь шестнадцатая

Все первое пространство *третьего* круга окутано дымной мглой. Поэты идут, причем Вергилий поддерживает Данте под руку. Слышны мольбы душ о сострадании. Один из призраков обращается к Данте с вопросом: кто он? Вергилий предлагает Данте спросить призрака, не могут ли они оба попасть в обитель третьего круга. Данте исполняет это. К ним присоединяется только что говоривший призрак и объясняет, кто он. Это Марко Ломбардец. Данте вступает с ним в беседу о гневе, тот приступает к подробному объяснению и говорит о свободе воли, о неправдоподобности астрологического учения и о происхождении души. Далее он говорит о необходимости существования законов для обуздания людей и о гибельности соединения в руках папы власти духовной и светской. Упомянув о трех доблестных мужах, хранящих заветы чести и справедливости, призрак удаляется.

Геенны тьма и грозный мрак ночной,
Когда звезды не блещет ни одной
Меж темных туч на небе безотрадном,
Не может быть таким же непроглядным,
Как этот дым, зловещей пеленой
Покрывший все, глядеть мешавший взору.
И, как слепцу, руки своей опору
Мне предложил руководитель мой.
Со всех сторон густой окутан тьмой,
Я шел за ним, речам его внимая,
И молвил он: — «Иди, не отставая!»

Тут голоса, звучавшие мольбой,
Услышал я; сливались меж собой

К Божественному Агнцу[1] их воззванья
О милости и высшем состраданье.
И молвил я: — Не духов ли слышны
Нам голоса с их жалобным напевом? —
И молвил он: — «Завязанные гневом
Распутывать узлы они должны».
— «Но кто же ты, в густом дыму идущий?
Ты говоришь о мертвых, как живущий
Во времени, не в вечности»[2], — из тьмы
Послышалось, и молвил мне учитель:
— «Спроси его, взойти с тобою мы
Не можем ли сегодня в их обитель?»

И я сказал: — О дух! чрез эту тьму
Очищенным вернешься ты к Тому,
Кем сотворен. Иди за мной и много
Чудесного узнаешь ты дорогой!

И мне сказал в ответ на это дух:
— «Я подойду, насколько разрешенье
Дается нам. Когда бессильно зренье,
Меня к тебе приблизить может слух».

Я начал так: — Сквозь адские мученья
В загробный мир схожу я во плоти,
Которую ждут смерть и разрушенье.
Когда Господь и Бог меня ввести
Сюда путем изволил не обычным[3],
От общего для всех других отличным,
То не скрывай об имени твоем,
И молви нам: туда ли мы идем?

— «Ломбардец я, при жизни звался Марко[4], —
Ответил он, — и добродетель жарко

— «Но кто же ты, в густом дыму идущий?
Ты говоришь о мертвых, как живущий
Во времени, не в вечности», — из тьмы
Послышалось...

(«Чистилище», Песнь 16)

Я почитал; из-за нее теперь
Никто уже не тратит стрел, поверь.
Прямым путем иди без колебанья,
Когда же вверх зайдешь по крутизне,
То помяни в молитве обо мне!»

Ответил я: — Клянусь, твое желанье
Исполню я, поднявшися наверх.
Но ты вдвойне сомнению подверг
Меня теперь, когда пытаюсь вместе
Согласовать, что слышал от тебя
И что в ином мне говорили месте.
Ты говоришь: «Все доброе сгубя,
Исполнен мир одною злобой ныне»,
Но я молю, скажи мне о причине,
Пускай ее наш мир узнает весь.
Одни из нас ее искали здесь,
Другие же — всегда в земной юдоли.

Тут молвил он со вздохом, против воли
Сорвавшимся: — «О, милый брат, увы!
Как слепотой объяты в мире вы!
Ответственность за каждое деянье
На небеса хотите вы сложить.
Но для чего тогда должна служить
Свобода воли? Как же воздаянье
Достойное могли б вы получить
За добрые дела и за дурные?
Отчасти лишь все действия земные
Зависимы от неба[5], свет его
Ниспослан вам на землю для того,
Чтоб доброе от злого отличали.
Свобода воли также вам дана,

И мне сказал в ответ на это дух:
— «Я подойду, насколько разрешенье
Дается нам. Когда бессильно зренье,
Меня к тебе приблизить может слух».

(«Чистилище», Песнь 16)

И если к ней прибегнете вначале —
Все победит влияния она.
Не связаны ничем в своей свободе,
Подчинены лишь лучшей вы природе,
И высшей силе, ими создана
Та воля в вас, что небу не подвластна,
И небеса вините вы напрасно;
Когда с пути прямого мир сошел —
В самих себе таите корень зол.
В руке Творца — подобием ребенка
Душа на свет является; ее
Он раньше знал, чем дал ей бытие;
И, как малютка, то смеется звонко
Она, резвясь, то плачет. Лишь одно
Известно ей: что Господом дано
Ей бытие и к Господу обратно
Она уйдет. На первых же порах,
Покуда все ей в мире непонятно,
Она себе в ничтожнейших дарах
Отрады ждет, впадая в заблужденья,
Пока не даст другого направленья
Любви ее надежная узда.
Создать узду закона надо было,
Нужны цари из Истинного Града[6],
Умеющие Башню различать.
Законы есть, но кто же применять
Желает их? Глава и пастырь стада
Раздвоенных копыт[7], увы, лишен,
И жвачку лишь жевать умеет он.
Так, следуя своей привычке стадной,
Питаются такой же пищей жадно
И овцы все, не зная благ иных.
Сам человек невинен по природе,

Но подчинен влиянью сил дурных!
Великий Рим имел на небосводе
Блистающих два солнца золотых[8],
Сияние над миром разливавших
И два пути различных озарявших:
Путь Господа и трудный путь мирской.
Но с той поры, как первое светило
Насильственно другое поглотило,
А меч и посох тою же рукой
Захвачены — согласья нет меж ними,
Едва исчез у них взаимный страх.
Смущаешься словами ты моими?
Взгляни на колос, зреющий в полях:
По семени растенье узнается[9].
В стране, где По с Адиджей[10] светлой льется,
Встречалися отваги чудеса
И рыцарства, пока не ворвался
Раздора дух, внесенный Фредериком[11].
Теперь же ты, краснея от стыда,
Там честности не встретишь и следа.
Хранят завет о времени великом
Три старца лишь, и молят у Творца
Они себе давно уже конца:
Куррадо да Палаццо, добродушный
Герардо мой и Гвидо — получил
Прозванье он: Ломбардец простодушный[12].
Скажи, что Рим в себе соединил
С духовною мирскую власть и скоро,
Под тяжестью обманов и позора,
Он сам падет с своею ношей в грязь».

— В словах твоих усматриваю связь
Меж этим я и тем, что из раздела

Наследия всегда исключены
Бывали встарь Левитовы сыны![13] —
Воскликнул я. — Но мною овладело
Желанье знать, кто он, Герардо тот.
В ком светит наш угасший славный род,
Служащий всем живою укоризной?

Ответил дух: — «Ты хочешь испытать
Иль обмануть меня? Когда отчизной
Твоей была Тоскана, то не знать
Не можешь ты Герардо. Он известен,
Возвышенно и безупречно честен,
По всей стране. Его зовут отцом
Прекраснейшей из женщин в целом крае.
Кто не слыхал о юной, чистой Гайе?[14]
Но будьте же хранимы вы Творцом!
Вдали закат блеснул сквозь волны дыма,
Он предвещает близость Херувима.
Я удаляюсь».
Больше ничего
Нам не пришлось услышать от него.

Примечания к шестнадцатой песне

[1] Евангелие от Иоанна, гл. 1, ст. 29.

[2] В оригинале сказано: «Как если бы ты и теперь делил время на календы». Римляне делили время на календы, ноны и иды.

[3] Хождение в сверхчувственный мир, по преданию, совершали св. Павел и Эней (см. «Ад», песнь вторую).

[4] Благородный венецианец, друг Данте.

[5] В Средние века верили, что каждый человек рождается под влиянием какой-либо звезды; судьба человека, однако, не безусловно зависит от этой звезды, так как для устройства счастья ему дана свобода воли.

[6] Необходимы законы, которые бы сдерживали людей. По мнению Данте, жизнь человеческая

разделяется на два града: град доброй жизни и град злой жизни. Первый он называет *истинным градом Башня* — означает главные социальные обязанности, справедливость.

[7] В книге «Левит» сказано, что животные, копыта которых не раздвоены, считаются нечистыми. Для жертвоприношения пригодны были только жвачные животные с раздвоенными копытами. Аллегорический пастырь, т. е. папа, о котором здесь говорится, не имеет раздвоенного копыта. Он не в состоянии вести души к спасению, так как у него есть только одно качество истинного пастыря душ — способность поучать словом, а способности поучать примером нет. Под именем жвачки теологи понимали само учение, а под именем раздвоенных копыт чистоту нрава учащего. Поэт намекает на папу Бонифация III, врага Данте.

[8] Папа и император. Первый указывал путь к спасению, второй — к созданию земного счастья. Когда папа захватил в свои руки власть духовную и светскую, начались раздоры, причинившие много бед Италии.

[9] Евангелие от Матфея: «По плодам узнаете их».

[10] Тревизская Мархия, Ломбардия и Романья.

[11] Фредерик — император Фридрих — сын Генриха VI, ведший войны с папами, благодаря которым воцарились раздоры в Италии.

[12] Три старца. Куррадо да Палаццо из Брешии, Герардо да Камино из Тревизо и Гвидо да Кастель из Реджио, в Ломбардии, они принадлежали к партии гибеллинов и были друзьями Данте.

[13] Поколение Левитов (сословие жрецов), предназначенное к духовному сану, было исключено из наследства земли Хананской.

[14] Гайя — дочь Герардо да Камино.

Песнь семнадцатая

Подобно горному туману, дым рассеивается, вновь виден закат солнца, и при его свете поэты продолжают путь. Постепенно наступает мрак, и перед Данте появляются видения, рисующие картины гнева и насилия. Затем видения исчезают, мрак озаряется ярким сиянием, и раздается голос, говорящий поэтам, что они у входа в следующий круг. Это снизошел ангел Божий, проводящий путников в *четвертый* круг, где казнятся ленивые, нерадиво относившиеся к делам любви. При входе на первую ступень четвертого круга ангел удаляет с чела Данте третью букву, обозначающую грех гнева. Наступила ночь, поэты останавливаются на отдых. Пользуясь этим, Вергилий вступает с Данте в беседу о сущности любви, говорит о двух родах ее — врожденной и случайной, доказывает, что добрые и злые дела имеют в своем основании любовь, и подробно сообщает о тех случаях, в которых любовь может быть грешна.

Читатель мой, когда среди высот
Альпийских был туманом ты захвачен
И сквозь него глядел ты, словно крот,
Сквозь пленку глаз[1], но вскоре густ и мрачен
Рассеялся туман и бледный луч
Вдруг проглянул украдкою из туч;
Когда тебе случалось видеть это —
Пойми, каким я чувством был объят,
Увидя вновь сияющий закат.

Так следовал я по стопам поэта.
Из дымных туч мы вышли в поздний час,
Когда зари последний луч погас
Внизу горы. Воображенья сила,

Все чувства ты себе поработила,
И часто нам не слышен трубный глас.
Кто жизнь дает тебе, воображенье?
Само собою вспыхиваешь ты.
Иль послано с небесной высоты
На землю к нам, по воле Провиденья?

Вдруг пред собой увидел я виденье:
Несчастную, что стала соловьем[2].
И, ощутив неведомый подъем
Душевных сил, стоял я, недоступный
Для голосов и образов извне.
Казненный муж, надменный и преступный[3],
В час гибели затем явился мне,
И близ него стояли в стороне
Ассур в сопровождении Эсфири
И Мардохей, честнейший старец в мире.

Видение мое исчезло в миге,
Как легкий пар, стоявший над водою,
И образ девы плачущей возник[4]:
— «Царица мать, ослеплена тоскою,
И ярости не в силах превозмочь,
Зачем себя, боясь утратить дочь,
Ты погубила собственной рукою?
И о тебе, в отчаянье моем,
Я более скорблю, чем о другом».

Как иногда, когда еще с очами
Закрытыми дремой объяты мы,
Врывается внезапно свет из тьмы
И гонит сон блестящими лучами —

Так призрак мой немедленно исчез,
Едва блеснул чудесный свет с небес,
И чей-то голос молвил: — «Ты у входа!»

Я захотел узнать, кто говорил,
Но, ослеплен, глаза свои закрыл.
Так солнца луч порою с небосвода
Сияет нам, и блеск его таков,
Что даже и сквозь дымку облаков,
Мы созерцать его не в состоянье.
Поэт сказал мне: — «В собственном сиянье
Скрывается Всевышнего посол;
Без просьбы нашей к нам он снизошел,
Дабы вести наверх горы с собою.
Так поступать обязан человек:
Кто просьбы ждет от ближнего, вовек
Не тронется несчастного мольбою.
Идем вперед, пока сияет день!»

Так говорил учитель. Поспешили
Мы к лестнице; на первую ступень
Едва лишь я поднялся без усилий,
Как на челе прикосновенье крылий[5]
Я ощутил и услыхал слова:
— «Блаженны миротворцы! Нарекутся
Они вовек сынами Божества».

Меж тем небес темнела синева,
И видел я, что звезды вот зажгутся
И заблестят над нами в вышине.
— «О, мужество, ты изменяешь мне!» —
Подумал я, почувствовав, что еле

Могу идти и ноги ослабели,
Но мы, меж тем, на лестницу взошли
И отдохнуть могли от утомленья,
Как в гавани спокойной — корабли.
Остановясь, я на одно мгновенье
Прислушался и молвил наконец:
— Поведай мне, о дорогой отец,
Какой порок находит очищенье
В кругу, куда вступили мы? Идти
Нельзя вперед, но можно речь вести.

И отвечал он: — «Исполненьем долга
Святой любви пренебрегавших долго —

Ждет кара здесь, где учатся грести
Ленивые гребцы, но ты вниманье
Ко мне свое всецело обрати,
Дабы извлечь плоды из выжиданья.
Создатель Сам и все Его созданья
Существовать не могут без любви,
Но у нее законы есть свои:
Врожденною бывает иль случайной
У нас любовь[6]; лишь первая всегда
Преступного влечения чужда,
Вторая же порой питает тайно
Греховные желания. Когда
Стремится к целям высшим и священным
У нас любовь, к вещам второстепенным
Привязана отчасти лишь, она
Чужда греху, но — к злу обращена
Иль рвением исполнена излишним
В стремлении к добру — грешит равно
Подобная любовь перед Всевышним.

Итак, она — зародыш и зерно
Всех добрых дел, и дел дурных — начало.
Но так как нет на свете существа,
Которое бы в сердце ощущало
Вражду к себе иль злобой отвечало
На милости и благость Божества,
То, значит, зло, которое мы любим, —
Несчастье тех, кого мы в злобе губим.
В грязи любовь такая родилась,
Рожденная из праха и из мрака
Себе исход нашла она трояко:
Один из нас соседа топчет в грязь
Затем, что сам возвыситься намерен.
Другой — в своем блаженстве не уверен —
Дрожит за все: за почести и власть —
И потому готов соседа клясть.
У третьего, униженного в чести,
Живет в душе одно желанье мести.
В круги любовь подобная ведет,
Лежащие внизу. Еще другая
Бессмертная любовь в душе живет
Но если мы, все счастье полагая
В каком-либо добре, его достичь
Не поспешим, усилья отлагая —
Карает нас раскаяния бич.
Еще добро я знаю, но блаженства
В нем не найдет вовеки смертных род,
И далеко оно от совершенства.
В нем доброго — не корень и не плод,
И кто к нему стремился безгранично,
Казнится здесь в троих кругах различно,
А в чем различье это состоит —
Узнаешь сам: догадке путь открыт».

Город Верона

Примечания к семнадцатой песне

[1] Древние полагали, что у крота глаза покрыты пленкой.

[2] Филомела, дочь Пандеона, была заключена в темницу Тереем, своим зятем, который приказал отрезать ей язык. Филомела написала на полотне о том, что с ней сделали, и отослала письмо сестре своей, Пронье, жене Терея, которая освободила Филомелу и приготовила обед Терею из его собственного сына Итиса. Терей, преследуя жену, был превращен в коршуна, Пронье — в ласточку, а Филомела — в соловья.

[3] Аман, распятый, по просьбе Эсфири, Агасфером на кресте, который он приготовил для Мардохея.

[4] Лавиния, дочь царя Латина и царицы Аматы, невеста Турна. Амата, полагая, что Турн умер, и думая, что потеряет свою дочь, с отчаяния повесилась.

[5] Ангел стирает с чела Данте третью букву, представляющую грех гнева.

[6] Существует двоякого рода любовь: врожденная (естественная) и случайная (свободно выбирающая). Первая никогда не грешит, потому что она, будучи внушена Творцом, не может содержать ничего дурного; вторая может грешить тремя путями: 1) будучи направлена к чему-нибудь дурному, 2) будучи направлена к чему-нибудь хорошему, но сверх должной меры и 3) слишком мало заботясь о добре.

Песнь восемнадцатая

Данте обращается к Вергилию с просьбой объяснить ему, каким образом любовь может быть началом добра и зла. Вергилий говорит о происхождении любви и опровергает мнения тех, кто считает всякую любовь похвальной. Он доказывает, что любовь сама по себе чиста, но проявление ее находится в зависимости от свойств человека. Далее Вергилий говорит, что человеку даны свободные разум и воля, благодаря которым человек может решить, что таится во вспыхнувшей в нем любви — добро или зло. В конце беседы восходит на небе луна. Сомнения Данте рассеиваются, и его охватывает дремота, которую, однако, скоро прогоняют крики. Перед Данте пробегает толпа душ со страшной быстротой. Особенно скоро движутся два призрака, быстрота движения которых объясняется их рвением к добру. Вергилий просит их указать путь. Один из духов, сообщив об этом, стремится вперед, дав понятие о себе. Это дон Герардо, настоятель монастыря Св. Зенона. Этот призрак удаляется, а Данте слышит речи о лености евреев и спутников Энея, произносимые толпой душ, постепенно скрывающихся из глаз поэта. Он начинает думать и погружается в сон.

Так молвил ли учитель в заключенье
И по глазам угадывал моим,
Насколько мне понятно поученье.
Я был познанья жаждою томим,
Но, пробудить боясь утомленье
Расспросами, безмолвствовал пред ним.
И первый он, исполнен добротою
Отеческой, заговорил со мною.

Ободрен им, тогда я начал так:
— Слова твои рассеивают мрак
И собственным я различаю глазом

Все то, что мне твой открывает разум.
Скажи, отец, как понимать должно
Нам ту любовь, которой суждено
Началом быть и доброго, и злого?

И он в ответ такое молвил слово:
— «Духовный взор ко мне ты подними,
И ты слепцов увидишь заблужденье,
Что сделались вождями над людьми[1].
Когда сердца почувствуют влеченье
К тому предмету, что пленяет их, —
Немедленно способность пониманья
Его собой воспроизводит в них,
Исполненным такого обаянья,
Что склонность та, возвысясь до него
И охватив все наше существо,
Становится любовью и второю
Природою, с любимым существом
Сливаясь в наслаждении порою.
Любовь огню в стремлении своем
Становится подобной: разгораясь,
Он рвется вверх, с материей сливаясь.
Так и сердца, когда огнем в крови
Зажжется в них желание любви,
Утолены бывают обладаньем.
Ошибочным поддавшись толкованьям,
Сколь многие распространяют ложь,
Что всякая любовь всегда похвальна!
Ошибку их отныне ты поймешь.
По существу чиста первоначально
В сердцах любовь, но если воск хорош,
То слепок все ж порою неудачен».

— В твои слова моим умом я вник, —
Ответил я, — и суть любви постиг,
Но тяжким я сомнением охвачен:
Когда любовь является извне,
Направленная истинно иль ложно,
За ней признать заслуги невозможно.

И отвечал руководитель мне:
— «Рассудком лишь могу привесть примеры
И разъяснить, но это — дело веры,
И полного прозренья впереди
Ты с появленьем Беатриче жди.
Все, что есть дух, но связано обычно
С материей, всегда наделено
Способностью особой, и различно
Ему в делах являть ее дано,
Как проявляют свежими листами
Растенья жизнь. Кто знает между нами,
Как первые понятья у людей
Рождаются и первый пыл страстей?
Потребность их вложила в нас природа,
Которая не так же ль у пчелы
Рождает склонность к добыванью меда?
Для побуждений первых похвалы
Не может быть, упреков же — тем боле.
Но для того свободный разум дан,
Чтоб отличить от истины обман
И подчинить влеченье нашей воле.
Заслуга в том: отвергнуть иль принять
Душой любовь, тому лишь сообразно —
Таится ли в ней зло иль благодать.
Те, кто глубоко и многообразно

Я увидал бегущую вперед
Толпу людей.....
.....
.....Здесь к истинной любви,
Не ведая сомнения и лени,
Стремились так, по доброй воле, тени.

(«Чистилище», Песнь 18)

Суть жизненных явлений изучал —
Наследие из нравственных начал
Оставили потомству. Против воли
Пускай любовь природой зажжена,
Но может быть подавлена она
При помощи одной свободной воли:
Так Беатриче качество зовет,
Которое в душе у нас живет,
Она о нем заговорит при встрече,
Не позабудь же слышанные речи».

Меж тем луна[2], рассеявшая мглу,
Затмив собой сиявшие светила,
Подобна медно-красному котлу,
В полночный час над нами восходила
Стезею той, где солнце, путь дневной
Звершившее, заходит меж страной
Сардинии и Корсикой. Тяжелый
Сомнений гнет, мучительный уму,
Рассеялся, благодаря тому,
По милости кого перед Пьетолой[3]
Склоняется вся Мантуя. Постиг
Я истину и тут же был обвеян
Дремотою внезапною, но вмиг
Недолгий сон был криками рассеян.

Я увидал бегущую вперед
Толпу людей, там, где Асоп течет
С Исменою, фиванец в исступленье.
Так Бахусу[1] свершали поклоненье
Порой ночной. Здесь к истинной любви,
Не ведая сомнения и лени,
Стремились так, по доброй воле, тени.

Две первые струили слез ручьи,
Крича другим: — «Бежит Мария[5] в горы,
И Цезаря воинственные взоры
Привлечены Илердой! Он летит
В Испанию, покинувши Марсилью![6]
Скорей, любви греховному бессилью —
Не время! В путь! Кто ныне поспешит —
Тем благодать Творца зазеленеет».
И молвил вождь: — «О, души, пламенеет
Желанием не каждая ль из вас:
Ту медленность, с которою подчас
Вы долг любви при жизни совершали,
Здесь искупить? Наверх идет со мной
Тот, кто еще не кончил путь земной,
И я прошу, чтоб здесь вы указали
Стезю, едва забрежжит свет дневной!»

— «Иди за нами, — дух[7] сказал, — у склона
Поблизости увидишь ты проход.
Но медлить мы не можем, неуклонно
Без отдыха стремимся мы вперед.
Аббатом там, в обители Зенона,
В дни Барбароссы Доброго я был,
Которого Милан не позабыл.
Сколь многие, и даже тот, кто ныне
Одной ногой стоит уже в гробу[8],
Оплакали обители судьбу,
Где пастыря нам дал правитель в сыне
Уродливом и телом, и душой,
И этим взял грех на душу большой».

Не помню я: он говорил ли дале,
Иль замолчал и удалился дух,
Но в память мне слова его запали.

И молвил тот, кто для меня в печали
Опорой был: — «Взгляни на этих двух,
Что предают суровой укоризне
Грех праздности». — И я услышал крик:
— «Вод Иордана[9] не видал при жизни,
Земли обетованной не достиг
Израиль тот, пред кем разверзлось море.
Все, кто делить с Энеем[10] не хотел
Его трудов, его великих дел, —
Влачили жизнь в изгнанье и позоре!»

Когда исчезли призраки вдали,
В уме моем возникли мысли роем,
Но вскоре был охвачен я покоем,
И думы в сон глубокий перешли.

Примечания к восемнадцатой песне

[1] «Они — слепые вожди слепых» (Евангелие от Марка, гл. 15, ст. 14)

[2] Идет уже пятая ночь странствования Данте, когда луна должна была всходить почти в полночь. Поэт сравнивает ее с раскаленным докрасна медным котлом, какие еще и теперь употребляются в Риме.

[3] Родина Вергилия, маленький город близ Мантуи.

[4] Исмена — река в Беотии. Асоп — река в Ахайе, близ которых происходили празднества в честь Бахуса.

[5] Пример быстрого передвижения. Пресвятая Мария с поспешностью бежала в горы.

[6] Юлий Цезарь, выступив из Рима, направился в Марсилию (Марсель), но вскоре, оставив около этого города часть войска под начальством Брута, поспешил в Испанию — на завоевание Илерды (Лериды).

[7] Тень, отвечающая Вергилию, называется дон Джерардо II, бывший настоятелем в обители Св. Зенона в Вероне во время владычества доброго (в ироническом смысле) Барбароссы, приказавшего стереть с лица земли город Милан, отказавшимся повиноваться ему.

[8] Стоящий одной ногой в гробу — Альберто делла Скала, принудивший мирных монахов избрать аббатом его побочного сына, злого и безобразного Джузеппе.

[9] Евреи умерли прежде, чем достигли Иордана, так как Бог хотел наказать их за леность и трусость. Он сохранил только Иисуса Навина и Калеба.

[10] Троянцы, которые остались в Сицилии, сами себя обрекли на бесславие, отказавшись сопровождать Энея, потомки которого под именем римлян прославились не только в Италии, но и во всем мире.

Песнь девятнадцатая

Данте спит. Приближается рассвет. Поэту во сне являются две женщины. Одна — косая, хромая, заика; это сирена, начинающая петь песню и объясняющая в ней, кто она. Сирена олицетворяет собой ложные земные блага. К концу ее песни перед Данте появляется другая — святая женщина. Она олицетворяет собой добродетель и истину и упрекает Вергилия в том, что он не уберег порученного его наблюдению Данте от вида лживой сирены. Затем святая женщина срывает с сирены одеяние, отчего распространяется ужасный запах, от которого пробуждается Данте. Вергилий приглашает его продолжать путь. Восходит солнце; повсюду яркое сияние. Данте слышит чудесный голос, призывающий его к себе. Это ангел явился для того, чтобы провести поэтов в *пятый* круг Чистилища. Перед входом в этот круг ангел стирает с чела Данте еще одну букву, обозначающую смертный грех лености. В пятом круге, куда входят поэты, томятся скупцы. Лица их заплаканы и вечно опущены к земле, как о том говорит псалом 118. Из толпы грешников, к которым Данте обращается с речью, отвечает папа Адриан V, рассказывающий о своем пристрастии к земным благам и греху корыстолюбия. За это он томится в пятом круге Чистилища и для облегчения своей участи просит Данте навестить его племянницу Аладжию для того, чтобы она помолилась о душе дяди.

Был час, когда потухший жар дневной,
Сатурном и землею побежденный,
Не борется с холодною луной.
И геомант[1], в расчеты погруженный,
На небесах, где предрассветный мрак
Еще царит, всходящим видит знак —
Высокого блаженства предвещанье.
В тот час явилась мне в полусознанье
Косая, хромоногая жена[2],

Заикою притом была она,
С безжизненным и синеватым ликом,
С бессильными руками. И в великом
Смущении я на нее глядел,
Как солнца луч, который отогрел
Застывшие на зимней стуже члены, —
Так и мой взор ей развязал язык
И краскою ей зарумянил лик,
А в довершенье дивной перемены
Из уст ее услышал песню я
И ей внимал, дыханье затая.

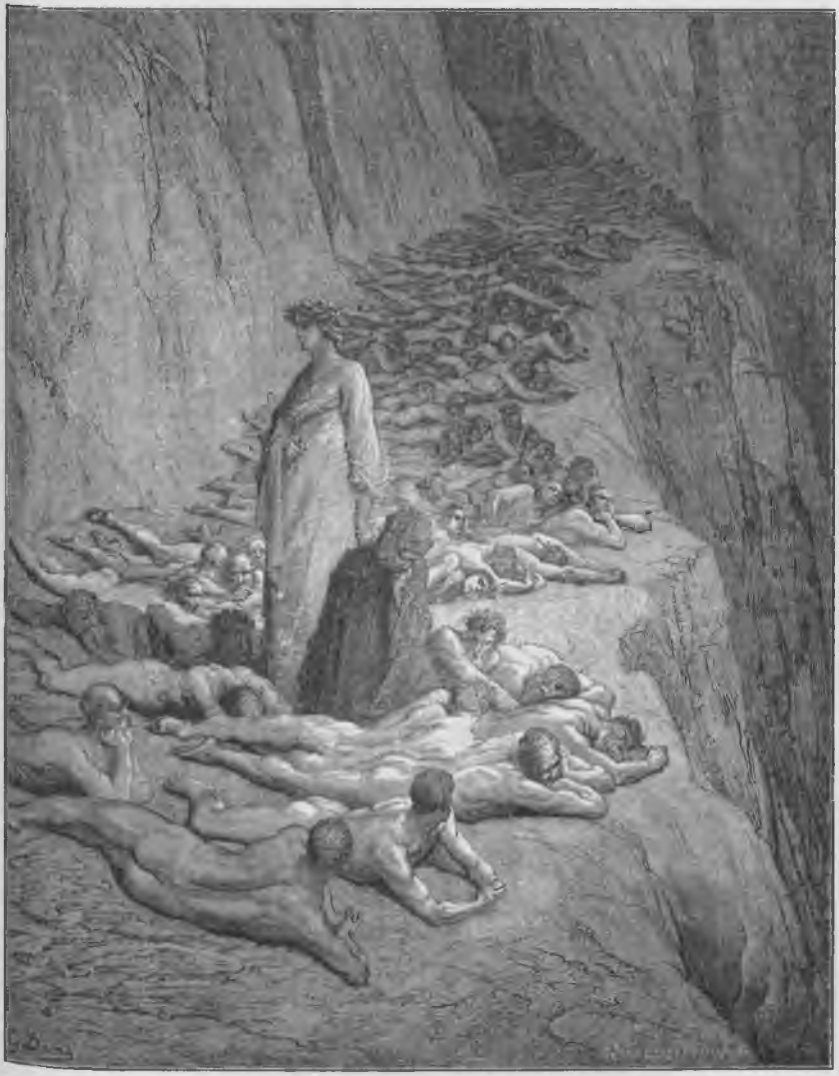
— «Сирена я; среди морей безбрежных
Плывущий вдаль отважный мореход
Мной вовлечен бывал в водоворот.
Заслушавшись моих напевов нежных,

Когда руководитель наш священный
Исчез среди заоблачных высот,
Спросил певец: — «Какая же кручина
Тебя к земле столь видимо гнетет?»

(«Чистилище», Песнь 19)

Забыл Улисс о странствии своем,
Охвачены бывают забытьем
Те из людей, кто внемлет песне чудной,
И от меня им оторваться трудно».

Она еще не кончила, когда
Исполнена величья и горда,
Явилась вдруг нам женщина святая[3]
И молвила: — «Вергилий, кто такая
Бесстыдно здесь представшая жена
И для чего пришла сюда она?»
Он подошел спокойно, не спуская
С жены святой свой вдохновенный взгляд,
Но тут она с сирены одеянье
Вмиг совлекла, открыв на поруганье
Живот ее, распространявший смрад
Неслыханный такой, что он в сознанье
Привел меня. — «Три раза я подряд
Будил тебя; идем искать прохода!» —
Сказал поэт. — Мы встали, рассвело;
И позади сиял нам блеск восхода,
Но удручен раздумьем тяжело,
В сиянии, весь круг залившем ярко,
Я шел, склонив к земле мое чело:
Такой наклон моста имеет арка.
Вдруг раздалось: — «Идите вы сюда!» —
И звуков столь божественных чудесных
Я на земле не слышал никогда.
Кто говорил — повел меж скал отвесных
К вершине нас, и моего чела[4]
Он краем лебединого крыла
Коснулся тут, и вымолвил: — «Блаженны
Скорбящие, их утешенье ждет!»



Невольному поддавшись уваженью,
Колена я склонил, заговорив,
Но духом был замечен мой порыв.
— «Не поддавайся, брат мой, заблужденью,
Мы все равны пред властью Божества, —
Сказал он, — встань!»

(«Чистилище», Песнь 19)

Когда руководитель наш священный
Исчез среди заоблачных высот,
Спросил певец: — «Какая же кручина
Тебя к земле столь видимо гнетет?»
— Видение мое — тому причина. —
Я отвечал, — сомненьем удручен
Невольно я. — И мне ответил он:
— «Волшебница очам твоим предстала.
Пусть горьких слез струилося не мало
Из-за нее в лежащих глубоко
Внизу кругах, ты видел, что легко
Бороться с ней в уверенности гордой.
Итак, вперед, усердием горя,
Ты по земле иди стопою твердой
И в высь, к светилам вечного Царя,
Ты подними глаза твои!» — Как кречет,
Вокруг себя с тоскою взоры мечет,
Пока его охотник не пошлет
Добыче вслед — я кинулся вперед,
И, наконец, мне круг открылся пятый;
И множество, к ним жалостью объятый,
Заплаканных я увидал там лиц.
На землю пав со скорбью без границ,
Так призраки несчастные вопили:
— «К земле душой привязаны мы были!»[5]
И страждущим промолвил мой поэт:
— «Избранники! Для вас надежды свет
Смягчает гнет мучений в этой сени;
Направьте нас на высшие ступени!»
— «Коль скоро с оболочкою земной
Расстались вы и к нам, имея право,
Вступаете — идите все направо!»

Когда ответ их был услышан мной,
Я понял из него, что принят ими
За призрак. К поэту я возвел
Глаза мои; он взорами своими
Мне выразил согласье, и такими
Словами речь я с призраком повел:
— О дух! В слезах созреет искупленье.
Без них нельзя в небесные селенья
Тебе вступить, к божественной любви.
Но покаянье временно презри,
Скажи, кто ты? Вернувшись в мир обратно,
Исполню я желания твои.
Еще скажи, нам это непонятно,
Зачем вы все лежите вниз лицом?

Ответил дух: — «Так решено Творцом
В премудрости Его. Тебе понятно
Все будет здесь, когда придет пора.
Узнай, я был наместником Петра[6].
Прекрасная река меж Киавари
И Сестри есть; название берет
От той реки наш знаменитый род.
Немного больше месяца в тиаре
И мантии ходил я, но она
Тем, кто ее спасает от пятна
Малейшего, — тяжка невыносимо.
Позднее лишь, приявши папский сан,
И сделавшись главой духовным Рима,
Постиг вполне я жизни всей обман,
И вспыхнула во мне неугасимо
Бессмертная любовь. До той поры
Чуждалася любви душа скупая.
И здесь казниться, грех свой искупая,
На протяженье этой всей горы

Нет горших мук. Стремился, околдован,
Лишь к дольнему, земному этот взор,
И вот к земле навеки он прикован
Корыстолюбья жалкого позор
В нас умертвил порыв к добру и благу;
Повержены и скованы, ни шагу
Не сделаем отныне мы, пока
Не снимет уз Всевышнего рука!»

Невольному поддавшись уваженью,
Колена я склонил, заговорив,
Но духом был замечен мой порыв.
— «Не поддавайся, брат мой, заблужденью,
Мы все равны пред властью Божества, —
Сказал он, — встань! Писания слова
Ты понял ли: что браков не бывает
За гробом здесь[7]. Но, помни, уходить
Пора тебе, я должен слезы лить.
В них искупленье тайно созревает.
Племянницу в родной моей стране
Оставил я — Аладжию[8]. Беззлобна
Душой она, да будет же родне
Она и впредь нимало не подобна.
Одна она осталась близкой мне».

Город Сестри

Примечания к девятнадцатой песне

[1] Геомантика есть искусство гадания посредством точек, расположенных наугад на бумаге или на земле. Обыкновенно гадатели делали это перед восходом солнца. Когда точки располагались в порядке, похожем на распределение звезд, это считалось особенно благоприятным и предвещающим высшее счастье.

[2] Ломбарди, истолкователь Данте, полагает, что эта женщина олицетворяет ложь.

[3] По мнению того же Ломбарди, святая жена — олицетворение истины, она делает Вергилию, олицетворяющему разум, упреки в том, что он не охранил Данте от лицезрения сирены — лжи.

[4] Ангел стирает следующую букву — грех лености.

[5] Души скупцов. «Моя душа привязалась к земле» — слова псалма 118.

[6] Папа Адриан V, из дома Фиески, графов Лаваньо, от имени реки, протекавшей по владениям этого рода. Он был избран папой в 1276 г., но носил этот сан только один месяц и девять дней.

[7] Слова Иисуса Христа саддукеям, которые полагали, что в будущей жизни будут браки. Поэт хочет сказать, что за гробом не существует никаких земных уз и общественных различий.

[8] Принцесса Аладжия, жена Марчелло Маласпины, покровителя Данте.

Песнь двадцатая

Данте и Вергилий оставляют папу Адриана V и идут дальше, видя грешников, оплакивающих свое несчастье. Внезапно Данте слышит мольбу к Пресвятой Богородице и рассказы о великих деяниях благородной бедности и благотворительности. Заинтересованный рассказами, Данте обращается к говорящему призраку с вопросом о его происхождении. Тот говорит, что он — Гуго Капет, родоначальник французских королей, и перечисляет многих из них, опозоривших свое имя и род преступными деяниями, в основе которых лежали скупость и корыстолюбие. Далее Гуго рассказывает о том, как все души пятого круга постоянно вспоминают преступников древности, грешивших скупостью. Едва Гуго закончил свою речь, начинается землетрясение, а вместе с ним раздается пение славословия: «Слава в вышних Богу!» Это явление исчезает, и поэты продолжают путь.

Бороться воле нашей безрассудно
С достойнейшею волей, потому
Поставил я, хотя мне было трудно,
Границы любопытству моему,
И губку ту, что влаги не впитала
Еще в себя, я вынул из воды.
Тропою шли вдоль горной мы гряды;
Со стороны другой очам предстала
Толпа теней, оплакивавших зло.
Потоком слез из глаз оно текло.
Будь проклята, о древняя волчица![1]
Где алчности твоей была граница?
Не больше ль жертв поглощено тобой,
Чем поглотить их может зверь другой?

Тропою шли вдоль горной мы гряды;
Со стороны другой очам предстала
Толпа теней, оплакивавших зло.

(«Чистилище», Песнь 20)

О небо! Звезд блистающих теченье
Влияние имеет на решенье
Судеб земли! Когда же приидет Он,
Кем будет зверь навеки посрамлен?

Мы тихо шли. С глубоким состраданьем
Внимал я душ страдающих рыданьям.
— «О кроткая Мария!» — раздался
Внезапно крик, напомнив голоса
Тоскующих родильниц. Продолжала
Все та же песнь: — «Тобою нищета
Изведана, и в яслях, для скота
Устроенных, Дитя Твое лежало!»

Тут голос я услышал впереди:
— «Фабриций[2] добродетельный! Среди
Лишений жить ты предпочел когда-то —
Богатой жизни в омуте разврата!»
И эта речь так полюбилась мне,
Что к духу я приблизился, желая
Узнать его. Про щедрость Николая,
Спасающего девственниц в стране[3],
Он говорил, и молвил я, плененный:
— О, призрак, даром слова наделенный,
Лишь от тебя исходит похвала
Достойному! Поведай, где была
Страна твоя, и жди себе награды,
Когда сюда я возвращусь к Творцу,
Свершив мой путь, клонящийся к концу.

— «Не потому, чтоб я молил отрады,
Иль ждал наград, отвечу на вопрос,

Но потому, что милостью вознес
Тебя Господь еще при жизни чудно.
Я корнем был от вредного ствола[4],
Тень от него на всю страну легла,
И в ней созреть плодам хорошим трудно.
Когда б в Дуэ и Брюгге, в Генте, в Лиле —
Прибег народ к вооруженной силе,
Жестокую я получил бы мзду,
Но Божьему вверяюсь я суду.
Филиппов и Людовиков[5] родитель,
Когда-то я звался Гуго Капет.
Мой род теперь — над Францией властитель;
Сын мясника, в Париже Божий свет
Увидел я. Из королевской расы
Единственный потомок тканью рясы
Монашеской скрывал высокий сан.
Правителем я был тогда избран
И приобрел такую власть в народе,
Что мой венец остался в нашем роде;
От моего наследника пошли
Помазанники Божьи, короли.
Пока Прованс[6] блистательным приданым
Пятно происхождения не стер —
Не выдавался род наш. С тех же пор
Он предался захватам и обманам:
Страну Понтье с Гасконьей победив,
Нормандию насильно захватив,
Дружину Карл в Италию направил
И, в виде покаяния, обрек
На гибель Конрадина[7]. В краткий срок
Там и Фому[8] на небо он отправил.
Предвижу я, день этот недалек,

И Карл другой[9] появится оттуда,
Вооружен не воина мечом,
Но тем копьем, каким владел Иуда;
Флоренции он станет палачом,
И там приобретет он во владенье
Не города, но стыд и преступленье.
И третьего из Карлов[10] вижу я
На корабле, подобного корсарам;
Он, дочерью хваляся, как товаром,
Торгуется с купцом из-за нее.
Корыстолюбья жалкого влиянье!
Мой род тобой настолько развращен,
Что плоть свою щадить не может он.
Дабы омыть былые злодеянья
С грядущими, французские цвета —
Цвет Лилии — являются в Ананье.
В лице Его наместника[11], Христа
Там преданным на скорбь и поруганье
Я вижу вновь на высоте креста
Меж грубых двух разбойников Распятым
И обмакнувшим в горечи уста.
Там вижу вновь Его перед Пилатом
Безжалостным, чья алчность так сильна,
Что вторгнуться желает в храм она[12].
Излей, Господь, на них всю меру гнева!
Но ты слыхал, как Пресвятая Дева
Упоминалась нами? Ей хвалы
Мы воздаем, пока лучи дневные
Сияют нам. Среди вечерней мглы
Приводятся примеры здесь иные.
Приходит нам на ум Пигмалион[13],
Из жадности отцеубийцей он,

Преступником презренным стал и вором.
Скупой Мидас[14], преданье о котором
Глумления предметом служит нам,
И спрятавший сокровище Ахам[15],
Навлекший гнев Навина. Укоряем
Анания с Сафирой[16], хвалим тех,
Которыми, в возмездие за грех,
Гелиодор[17] был в храме попираем.
Нам на горе являет свой позор.
Политемнестор[18], тот, кем Полидор
Безжалостно был умерщвлен когда-то.
Мы говорим: — «Расплавленного злата
Известен вкус тебе отныне, Красс?»
Так речь ведем с восхода до заката
То громко мы, то тихо. Но из нас
Один лишь я беседовал в тот час,
Когда, о брат, ты поравнялся с нами».

Расставшись с ним, поспешными шагами
Мы шли вперед; внезапно подо мной
Почувствовал я почвы сотрясенье,
И, словно смерти чуя дуновенье,
Я дрожью был охвачен ледяной.
На Делосе[19], когда родить Латона
Сбиралась там с Дианой Аполлона —
Небесные два ока, — в этот миг
Не потряслася почва так ужасно.
Со всех сторон раздался громкий клик,
Но вождь сказал: — «Не должен ты напрасно
Тревожиться, покуда я с тобой!»
Внезапно тут услышал над собой
Поблизости я: — «Слава в вышних Богу!»[20]

И пение смирило вмиг тревогу
Души моей. Как пастыри в былом,
Что первые услышали псалом
Божественный, стояли без движенья,
Безмолвно мы, пока землетрясенье
И пение не стихли вдалеке.
Тогда опять святым путем пошли мы
Среди теней, простершихся в тоске,
И никогда сомнением томимы
Все помыслы так не были во мне;
Но увлечен поспешною ходьбою,
Их затаив в сердечной глубине,
Я шел смущен, в борьбе с самим собою.

Примечания к двадцатой песне

[1] Скупость. О ней упоминается в «Аде» в песне первой.

[2] Римский вождь, отказавшийся от подкупа.

[3] Св. Николай Мирликийский, узнав, что один бедный гражданин собирается продать своих дочерей, приказал бросить ночью через окно в дом отца их столько золота, чтобы бедняк мог выдать замуж всех трех девиц.

[4] Говорящий — Гуго Капет; он отказывается от молитв своих родственников, которые, как видно из следующих стихов, не признаются им за верующих христиан. Некоторые, однако, считают эту тень не душой Гуго Капета, первого короля из династии Капетингов, но душой отца его, Гуго Великого, герцога Французского, графа Парижского. Во всех дальнейших строках выразилась ненависть Данте к французским королям, которым он не прощал поддержки, оказываемой ими врагам поэта, гвельфам.

[5] Почти все короли династии Капетингов назывались Филиппами и Людовиками.

[6] Карл Анжуйский взял за женой Беатриче в приданое Прованс в 1245 г.

[7] Сын Фридриха II, последний Гогенштауфен и законный наследник королевства Апулии. После битвы при Таглиаццо он был казнен Карлом Анжуйским в Неаполе в 1268 г.

[8] Св. Фома Аквинский, по преданию, отравленный Карлом Анжуйским в 1274 г.

[9] Карл Валуа, брат Филиппа Красивого, он был отправлен папой Бонифацием VIII во Флоренцию и отличался своей жестокостью. После его вступления восторжествовала партия Черных, что вызвало изгнание Данте.

[10] Карл II, король Сицилии, был взят в плен Руджери д'Ория, адмиралом короля Петра Арагонского, в 1284 г., и впоследствии выдал свою дочь Беатриче за Азцона II, заплатившего ему громадную сумму денег.

[11] Здесь речь идет о престарелом папе Бонифации VIII, арестованном в Ананьи, по приказанию Филиппа Красивого, Ногаретом и Колонна, нанесшими ему грубое оскорбление, после которого он через несколько дней умер.

[12] Намек на уничтожение Филиппом Красивым ордена тамплиеров (рыцарей-храмовников).

[13] Пигмалион, изменнически убивший Сихея, своего дядю, и мужа Дидоны. Он женился на последней, чтобы захватить ее богатства.

[14] Мидас, царь Лидии, был наказан тем, что всякая пища, которую он подносил ко рту, превращалась в золото.

[15] Ахам побит камнями за то, что присвоил часть добычи, которая была взята при Иерихоне.

[16] Сафира и ее муж, Ананий, изменили обету бедности и пали мертвыми, как только их стал укорять апостол Петр.

[17] Гелиодор, явившийся в целях грабежа в Иерусалимский храм, был растоптан внезапно появившимся близ него всадником.

[18] Политемнестор, царь Фракии, убил Полидора, сына Приама, чтобы завладеть его богатствами.

[19] Остров Делос был потрясаем постоянными землетрясениями, которые прекратились, когда Латона явилась туда родить Аполлона и Диану, «два небесных ока», по выражению поэта.

[20] Гимн ангелов, приветствовавших рождение Иисуса Христа.

Песнь двадцать первая

Данте, находясь под впечатлением от землетрясения и славословия, слышанного им, томится желанием узнать причину их и идет вместе с Вергилием. Вдруг перед ними является призрак, приветствующий их пожеланием мира. Это римский поэт Стаций. Он вступает в беседу с Вергилием, спрашивает о причине появления поэтов в Чистилище и, по просьбе Вергилия, объясняет причину землетрясения. По его словам, оно происходит тогда, когда какая-нибудь из душ, покаянием очистившись от лежавших на ней грехов, восходит в Рай. Далее он называет свое имя и восхваляет Вергилия. Данте невольно улыбается, видя, что Стаций не предчувствует, что перед ним находится именно Вергилий, и, наконец, называет имя своего учителя. Стаций в умилении готов обнять колена великого поэта, но тот останавливает его.

Томился я великой жаждой тою,
Что может быть утолена водою,
Просимою Самарии женой[1].
Вослед вождю я шел над крутизной,
Скорбя душой, при виде кары строгой,
Постигшей души. Так, как у Луки[2]
Двум путникам, под бременем тоски
Спешившим вдаль, предстал Христос дорогой,
Так призрак нам явился. Сзади нас
Он тихо шел, не поднимая глаз,
И лишь тогда увидели мы духа,
Когда слова его коснулись слуха.
Он молвил: — «Мир да ниспошлет Творец
Обоим вам!» — Исполнен уваженья.
Его спешил приветствовать певец

И начал так: — «В блаженные селенья
Да внидешь ты, откуда изгнан я!»
— «Но, если вы, — промолвил дух, — не тени,
Как с быстротой подобной на ступени
Вы поднялись?» — И, правды не тая,
Ответил вождь: — «Ты видишь начертанья,
Что спутник мой имеет на челе?
С блаженными предстанет он в числе
Избранников в небесное собранье,
Но Парка нить еще прядет во мгле,
Которую для всех готовит Клото[3]:
Не кончил он свои земные дни.
И дух его, который нам сродни,
Не сбросивший еще земного гнета,
Не отдает пока себе отчета
В том, что мы оба ясно сознаем.
Вести его к спасенью было надо,
И призван был из темной бездны Ада
Я для того, чтоб стать его вождем.
Но почему всю гору — от подножья,
Омытого волной, и до вершин —
Потряс удар, и тут же в клик один
Все голоса слилися?» — «Воля Божья
На это есть!» — ответил дух. Меж тем
Я счастлив был: певец вопросом тем
Попал в ушко игольное желанья
И облегчил мне муки ожиданья.
Дух продолжал: — «Лишь Господа глагол
Всесилен здесь, иного нет закона,
И чей-то дух, сошедший в Божье лоно,
Землетрясенье это произвел.
Бездействует здесь мощная природа,
Взошедшие по трем ступеням входа
Не видят здесь, чтоб падала роса,

Дождь или снег; не блещет с небосвода
Им дочери Тавмантовой краса[4].
Здесь и волна сухая испарений,
Идет не выше третьей из ступеней,
Которая наместнику Петра[5]
Подножьем служит. Может быть, гора
Испытывает снизу потрясенье
От скрытого в ней ветра, но она
В вершине лишь тогда потрясена,
Когда душа, достигнув очищенья,
Летит горе; единодушный клик
Ее сопровождает в этот миг.
Влечет ее лишь собственная воля
Туда, где ждет ее иная доля.
И с первых дней туда меня влекло,
Но как в былом меня в своих оковах
Насильственно удерживало зло,
Так и теперь, под гнетом мук суровых,
Удерживала здесь вина моя:
Пятьсот уж лет исполнилось, как я
Страдаю тут, и с этой лишь минуты
Я чувствую, что сбрасываю путы!
Вот почему так дрогнула гора
И голоса ты слышал, что звучали
Мольбой о том, дабы из недр печали
Пришла для всех спасения пора».

Так молвил дух. Чем тягостней истома
От жажды в нас, тем слаще утолять
Ее воды струей из водоема:
Так я речам не уставал внимать.

Поэт сказал: — «Теперь мы знаем сети,
Которые удерживают тут,

Но почему в течение столетий
Томился ты и как тебя зовут?»

Ответил дух: — «Я жил в эпоху Тита,
Отмстившего за ту святую кровь,
Которая Иудою пролита.
Я не постиг небесную любовь,
Но прелестью моей волшебной музы
Прославился и людям был знаком.
Призванный в Рим великий из Тулузы,
Венчался там я миртовым венком,
И Стация отчизна не забыла;
Воспеты мною Фивы и герой,
Носивший имя славного Ахилла,
Но не успел я кончить труд второй.
Светильник вдохновения, чья сила
Столь многие сердца воспламенила, —
Он для меня был Энеидой той,
Которая в поэзии святой,
Как мать, меня питала и вскормила.
И для того чтоб в веке жить одном
С Вергилием[6] в краю его родном —
Остался б я на целый год охотно
В изгнании».
Вергилий мимолетно
Мне кинул взор, к молчанью пригласив,
Но не всегда наш искренний порыв
Мы заглушить властны, и безотчетно
Нас выдает улыбка иль слеза.
Так улыбнулся сам я против воли,
И призрак смолк, смотря в мои глаза,
И, словно в них угадывая боле,
Заговорил: — «Будь твердым до конца!
Но почему сейчас в чертах лица

Улыбки тень я у тебя подметил?»
Вторично взор Вергилия я встретил
И был смущен: один молчанья ждет,
Другому же ответ, наоборот,
Я должен дать, и вздохом я ответил.
Тогда, поняв, учитель произнес:
— «Ответь ему без страха на вопрос!»
И я сказал: — Улыбкою моею
Ты удивлен, но удивить успею
Тебя вдвойне: узнай же, кто ведет
Меня наверх, — Вергилий славный тот,
Которого ты почитаешь свято,
Чьим гением ты вдохновлен когда-то
Воспел достойно смертных и богов.
Когда его в беседе ты коснулся,
Невольно я при этом улыбнулся.
Поверь, о дух, ты правде этих слов!

И, преклонившись, Стаций был готов
Уже обнять учителя колени,
Но тот сказал: — «Оставь: мы оба — тени!» —
И Стаций встал, ему проговорив:
— «Пойми же, как могуществен порыв
Любви моей к тебе, когда, всецело
Тщеславие земное позабыв,
Едва не принял тени я за тело».

Город Гент

Примечания к двадцать первой песне

[1] Эта жажда, по мнению истолкователей, есть желание постигнуть тайны Божии Христос сказал самарянке: «Кто будет пить воду, которую Я дам, тот не возжаждет вовеки»

[2] Евангелие от Луки, гл 24, ст 15.

[3] Парки — дочери Зевса и Фемиды, богини человеческой судьбы. Мойры изображались в виде старух, прядущих жизненную нить. Их было три Клото присутствует при рождении и держит веретено, Лахозис прядет, Атропос обрезает нитку (обрывает жизнь).

[4] Ирида (радуга) была дочерью Электры и кентавра Тавманта

[5] Ангел, стоящий у дверей Чистилища, которому апостол Петр доверил свои ключи

[6] Все это говорит поэт Стаций. Он родился в Неаполе в 45 г. н. э., умер в 96 г и при жизни был очень известен Им написаны эпические произведения «Фиваида» и «Ахиллеида» и, кроме того, сборник стихотворений «Сильве» Данте говорит, что Стаций родился в Тулузе, а между тем из его стихотворений «Сильве» видно, что его родина — Неаполь Очевидно, Данте смешал этого Стация с ритором Капинием Стацием Суркулом, который был родом из Тулузы Объяснить это можно тем, что «Сильве», в которых упоминается Неаполь как настоящее место рождения первого Стация, было открыто после смерти Данте

Песнь двадцать вторая

В течение разговора Вергилия со Стацием поэты приходят в *шестой* круг, куда их привел ангел Божий, стерший с чела Данте пятую букву — грех скупости. Раздается хор «Блаженны жаждущие!». Вергилий обращается к Стацию с вопросом: как он, будучи поэтом и обладая возвышенной душой, мог находиться в нечистилище среди скупцов? Стаций говорит, что в этом круге томятся не только скупцы, но и моты; к числу последних принадлежит и он, Стаций, но он отрешился от своего порока после прочтения произведений Вергилия. Вместе с тем он нашел в них указание на рождение Иисуса Христа, а когда сблизился с христианами, сам сделался последователем Иисуса Христа. Он не скрывал своего обращения и попал сперва в четвертый круг Чистилища, где пребывал 400 лет, а затем в пятый, где оставался 500 лет. Затем он спрашивает Вергилия о многих поэтах древности. Вергилий рассказывает о месте их пребывания в Аду. Поэты в это время подходят к чудесному дереву, отягощенному плодами и орошаемому водой родника. Из-за дерева раздается голос, предупреждающий о том, чтобы плоды не трогать, и упоминающий о примерах воздержания. Это напоминание для обжор, которые томятся в шестом круге.

Покинул нас, приведши в круг шестой,
Господень Ангел. Стер он, благодатен,
На лбу моем еще одно из пятен[1].
Искавших справедливости святой
Раздался хор; они согласно пели:
«Блаженны те, кто жаждет!»[2] И тогда,
Вслед призракам[3], свободней, чем доселе,
Я стал всходить без всякого труда
И, к Стацию Вергилий обращаясь,
Заговорил: — «Любовь, воспламеняясь
В душе у нас, всегда зажжет собой

Ответную любовь в душе другой,
Когда в добре берет она начало.
С тех пор, как нам явился Ювенал[4]
И от него я о любви узнал
Твоей ко мне, — я с самого начала
К тебе любви исполнился большой.
Нельзя сильней сочувствовать душой
Тому, кого узнали мы заочно,
И легким путь с тобою будет мне.
Но мне прости в душевной глубине,
Когда тебя в смущенье не нарочно
Я приведу, речам свободу дав.
Как другу мне, коль скоро я неправ,
Ответишь ты: в душе, где вдохновенье
Рождает лишь высокие стремленья, —
Гнездиться мог ли алчности порок?»

И Стаций так ответил без смущенья
С улыбкою: — «Мне дорог твой упрек,
Он для меня — любви твоей залог.
Но иногда в неверном освещенье
Нам действия являются, когда
Неведомы причины их. Сюда
Я приведен в обитель очищенья
Не скупостью, но мотовством моим,
И сотни лун раскаяньем томим.
Когда б не ты — терзался бы я ныне
С виновными в зияющей пучине,
Но я прочел твой вдохновенный стих[5]:
«О, жажда злата! Скольких бед людских —
Виною ты, как ты сгубила много
Людских сердец, в тебе искавших бога!»
Тут понял я, что расточенье — грех,

И в винах я покаялся во всех.
Из тьмы могил, в испуге и печали,
К суду восстанут многие из нас,
Лишь потому, что в их предсмертный час
Вины своей они не сознавали.
Тут наравне с какой-либо виною
Карается велением небес
И грех другой, идущий с ней вразрез,
И так оно произошло со мною:
Кто расточал — казнится меж скупцов».

И возразил нежнейший из певцов
Пастушеских[6]: — «Ты пел об Иокасте
И о предметах горести двойной,
Терзавших душу матери на части[7],
Но вдохновляем Клио был одной
В то время ты, и не была опорой
Душе твоей та вера, без которой
Спасенья нет. И если это так —
Какой же луч иль дивное светило
Рассеяло перед тобою мрак
И путь к ладье спасенья осветило?»
И молвил тот: — «Ты первый на Парнас
Возвел меня, и первый же дорогу
Ты указал мне к истинному Богу.
Как человек, идущий в поздний час
И позади светильник свой несущий,
Дабы светить толпе за ним грядущей, —
Ты поступал. «Вернулись времена[8]
Блаженные, настало обновленье
И справедливость нам возвращена,
И к нам с небес нисходит поколенье!» —
Ты говорил. Тебе благодаря,

Священным вдохновением горя,
Я сделался поэтом. Чрез тебя же
Христианином сделался я даже.
Но постараюсь в нескольких чертах
Закончить я свое изображенье.
Уж проповедь великого ученья
У всех была в то время на устах,
Речей твоих я слышал повторенье
От пастырей; я слушать их привык,
И правду слов священных я постиг.
Когда позднее, при Домициане,
Подверглися гоненью христиане —
Я вместе с ними слезы проливал
И, где лишь мог, несчастным помогал.
Их чистота и строгость, отвращенье
К язычникам развратным поселив,
Принудили меня принять крещенье
Еще до дня, когда к пределам Фив
Повел я в песне эллинов дружину.
Не надлежало мне, христианину,
Скрывать того, что был я обращен;
И четвертый круг за это помещен,
Я оставался там четыре века.
С того, в чем жизнь и благо человека,
Приподняла покров твоя рука!..
Поведай мне, прошу тебя, пока
С тобою мы идем по этим склонам:
Теренций где, Цецилий, Плавт с Варроном?[9]
В каком кругу они заключены?»

— «Я с Персием и многими другими[10]
Несчастными собратьями моими
В преддверии томлюсь, где лишены

Мы света дня; меж нами — славный гений[11]
Предмет забот и нежных попечений
Кормилиц муз, и в сумраке тюрьмы
Родной Парнас приподнимаем мы —
Жилище муз, как и во время оно.
Меж нами ты найдешь Анакреона,
С ним — Эврипид, а также Симонид,
Певец, носивший имя Агафона.
И многие, кому из лавра свит
Бывал венок[12]. Вослед за Деифилой —
И Антигона бледная очам,
И Аргия — во тьме предстанут там
С Исменою, по-прежнему унылой[13].
Ты встретишь там Остиду с Гипсипиллой,
Дейдамию среди ее сестер
И дочь волхва»[14].
Поэты замолчали,
Они в пути ступени миновали,
И взорам их открылся вдруг простор.
Уж четверо служителей денницы[15]
Остались сзади, пятый же стоял
У пламенного дышла колесницы
И бег ее дальнейший направлял.
И произнес тогда Вергилий: — «Нужно
Направо взять, чтоб гору обойти,
Как делали доселе мы в пути».

И, следуя привычке этой, дружно
Мы двинулися дальше. Впереди
Поэты шли, и с радостью в груди
Внимал я сердцем речи вдохновенной,
Знакомящей с поэзией священной.
Тут к дереву мы трое подошли;

На нем плоды душистые алели
И, суживаясь книзу, ветви шли,
Но расширялись кверху, как у ели;
Достать нельзя их было бы с земли.

Листву своею влагой орошая,
Родник воды струился вниз со скал
И пеною на солнце он сверкал,
Но голос, шум потока заглушая,
Послышался: — «Вкушать воспрещено
Вам от плодов душистых и прозрачных.
Мать Господа на пире новобрачных
Испрашивала лишь для них вино[16].
Довольствовались римляне водою,
И Даниил пренебрегал едою,
Но приобрел науку он взамен.
Был первый век прекрасен и блажен,
Век золотой, и нектара был слаще
Для жаждущих родник, бежавший в чаще.
С акридами вкушал лишь дикий мед
Креститель наш, к которому народ
В пустыню шел, где, в воздержанье строгом,
Смирял он плоть молитвой и постом,
И тем себя поставил перед Богом,
Как говорит Писание о том».

Примечания к двадцать второй песне

[1] Пятно скупости

[2] «Блаженны алчущие и жаждущие правды», — говорится в Св. Евангелии от Матфея

[3] Вергилию и Стацию

[4] Знаменитый поэт-сатирик, хваливший в одной из своих сатир поэму Стация

[5] Слова из «Энеиды» Вергилия.

[6] К лучшим произведениям Вергилия принадлежат его пастушеские эклоги

[7] Иокаста, страдавшая от раздора своих сыновей, Этеокла и Полиника.

[8] Комментаторы полагают, что в этих стихах Вергилий намекает на рождение Иисуса Христа.

[9] Знаменитые комические поэты, жившие до Рождества Христова Варрон — писатель и народный трибун.

[10] Это говорит Вергилий, делая намек на Лимб (см. «Ад», песнь четвертую)

[11] Гомер

[12] Эврипид — трагический поэт (480–402 гг. до Р. Х.). Анакреон — поэт (560–435 гг. до Р. Х.). Симонид — лирический поэт (558–468 гг. до Р. Х.) Агафон — греческий поэт (ум. около 490 г. до Р. Х.).

[13] Антигона — дочь Эдипа, царя Фив, и сестра Этеокла и Полиника. Деифила — дочь Адраста и жена Тидея. Аргия — другая дочь Адраста и жена Полиника. Исмена — сестра Антигоны; поэт говорит, что Исмена и теперь так же печальна, какой была при жизни, потому что ее жених Атис был убит Тидеем.

[14] Гипсипилла — дочь царя Лемносского; Деидамия — дочь Ликомеда. Дочь волхва — кудесница Манто, но некоторые полагают, что под этим именем Данте подразумевает не Манто, уже помещенную им в Ад, в восьмой круг, а дельфийскую сивиллу Дафну; Фетида — мать Ахилла.

[15] Было четыре часа дня.

[16] На свадебном пире в Кане Галилейской Богоматерь сказала Иисусу Христу: «У них нет вина».

Песнь двадцать третья

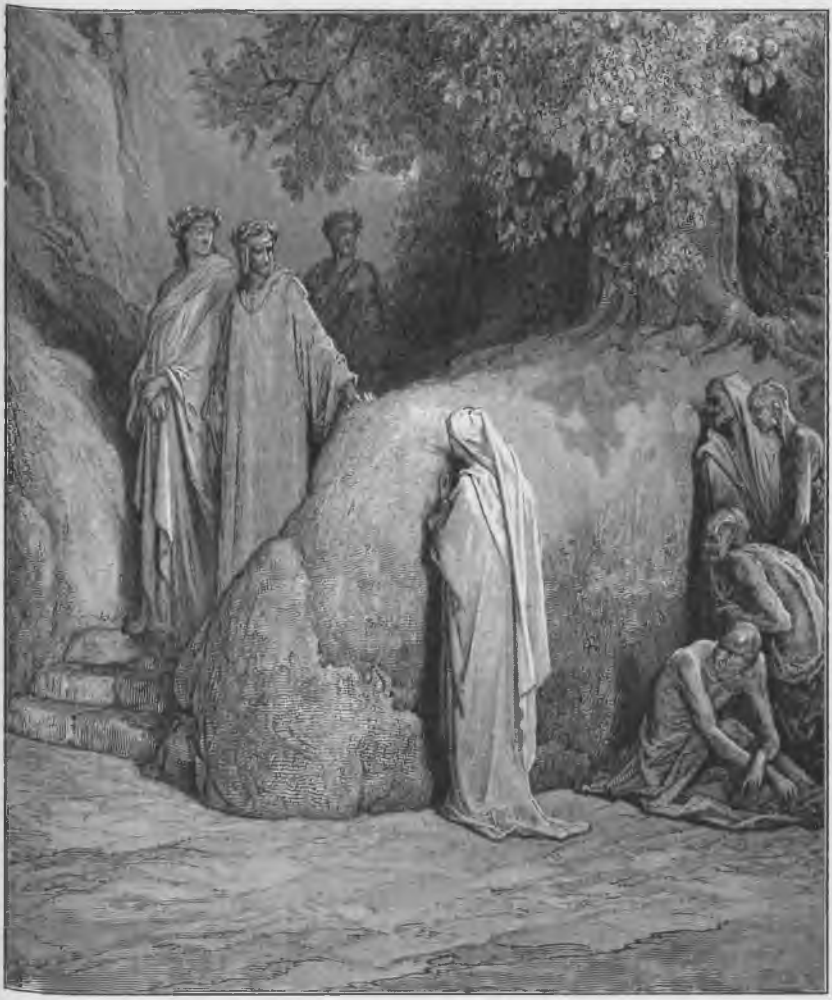
Данте загляделся на чудесное дерево с плодами, но его из этого положения вывел Вергилий, предложивший спешить в путь. Стаций и Вергилий продолжают беседу, а Данте следует за ними и слышит гимн — начало 51-го псалма Давида. Перед поэтами проходит толпа призраков, прекратившая свое пение при виде этих путников. Лица призраков страшно истощены, глаза впали, и в них — выражение невыносимого голода. Это все — обжоры. Один из призраков узнает Данте. Поэт всматривается в его лицо, но не видит в нем знакомых черт и только по голосу узнает, что перед ним его родственник Фарезе. Данте спрашивает его о причине, по которой он, уже через пять только лет после кончины, попал в Чистилище, когда ему следовало бы находиться еще только в преддверии оного. Фарезе объясняет это облегчение для него молитвами своей жены Неллы, угодной Богу вследствие ее чистоты и стыдливости, резко выделяющей ее из среды флорентийских женщин. Данте, выслушав Фарезе, по просьбе его называет имена своих спутников — Вергилия и Стация.

Перед деревом стоял я с головою
Поднятою, как праздный пешеход,
За птичкою следящий меж листвою;
Но тут меня окликнул громко тот,
Кто для меня был больше чем родитель,
И мне сказал, что время нас не ждет.
Со Стацием вперед пошел учитель.
И так была прекрасна речь певца,
Что я идти готов был без конца,
И легким путь казался мне невольно.
Но скорбный гимн раздался в тишине:
«Господь и Бог уста отверзи мне!»[1]

И было мне и радостно, и больно
Внимать ему. — Что слышу, мой отец? —
Воскликнул я, и молвил мне певец:
— «Развязывают узел покаянья
Идущие навстречу нам толпой».

Подобные паломникам, в молчанье
Свершающим обет священный свой,
Они прошли безмолвно, поднимая
На нас глаза, и я увидел тут:
Настолько каждый бледен был и худ.
Что кости их виднелись, выступая
Под кожею сухой.
«Эрезихтон[2]
Так не был тощ, когда томился он
Мучительнейшим голодом, — с кручиной
Подумал я, — когда царя дружиной
Иерусалим обложен был — в тот год —
Таким же был Израиля народ,
И женщина — голодная волчица[3],
Убившая младенца своего
С тем, чтоб пожрать в безумии его».

Бескровные и тощие их лица
Слияние трех букв являли тем,
Кто меж двух О читает букву М[4].
Оправою, камней своих лишенной,
Глаза толпы казались изможденной.
Причины я не понимал тогда,
Как вид плодов и свежая вода,
Струею вниз стекавшая обильно,
Могли терзать и мучить их так сильно?



Но дух один, из глубины орбит,
К нам обратил глаза и громогласно
Проговорил: — «Какая милость мне
Дарована?» — Изменены вполне
Черты его казались, и напрасно
Глядел я в них, по голосу же ясно,
Как будто искрой света озарен,
Я в призраке узнал Фарезе сразу.

(«Чистилище», Песнь 23)

Что привести могло в подобный вид
И изменить несчастных так ужасно?
Но дух один, из глубины орбит,
К нам обратил глаза и громогласно
Проговорил: — «Какая милость мне
Дарована?» — Изменены вполне
Черты его казались, и напрасно
Глядел я в них, по голосу же ясно,
Как будто искрой света озарен,
Я в призраке узнал Фарезе сразу[5].

Тогда с мольбой мне тихо молвил он:
— «Не обращай вниманья на проказу,
Которою весь лик мой изменен,
На тощее и высохшее тело,
Но мне скажи, растрогавшись мольбой:
Кто эти два, идущие с тобой?»

— В тот час, когда навеки отлетела
Душа твоя, — ему ответил я, —
Не меньше я оплакивал тебя,
Чем в этот миг, но мною овладело
Желанье знать, что изнуряет вас?
И ни о чем другом не в состоянье
Я говорить и мыслить в этот час.

Ответил он: — «За грех невоздержанья
Решеньем справедливого суда
Заключены надолго мы сюда,
И причиняют жгучее терзанье
Нам вид плодов и чистая вода.
Но их зову терзаньями напрасно;

То, что влечет на эти муки властно, —
Есть тот порыв, святая воля та,
Что привела к распятию Христа,
Когда к Отцу взывал Он в муках: «Боже!»

И молвил я: — Едва прошло пять лет
С тех пор, как ты покинул грешный свет
Для жизни новой лучшей. Отчего же
Так скоро ты сюда подняться мог?
Мне думалось: пока не минет срок —
В кругах влачишь ты покаянья бремя,
Где времени утрату только время[6]
Вознаградить способно. —
И такой
Он дал ответ: — «Слезами и тоской,
Молитвами возлюбленная Нелла[7]
От адских мук спасти меня успела.
Угодней тем Творцу моя жена,
Что в той стране едва ли не одна
Чиста она меж этих невозвратно
Утративших свою стыдливость жен,
Чьей наглостью бывал я поражен.
В Барбаджии[8] Сардийской, вероятно,
Их менее найдется, чем в другой
Барбаджии, где с Неллой дорогой
Простился я. Грядущее от взора
Не скрыто моего, любезный брат:
Час близится, и он настанет скоро,
Когда с высот амвона воспретят
Грудь обнажать бесстыдным флорентинкам!»
Подобные запреты сарацинкам
И варваров супругам не нужны.

Но если бы они, поражены,
Могли узнать о воздаянье скором —
Развратницы завыли б дружным хором.
Не прежде ль, чем появится пушок
На щечках у ребенка, в колыбели
Заснувшего, — для них настанет срок!
Теперь, когда своей достигнул цели,
И о себе, молю я, дай ответ.
Ты заслонил собою солнца свет,
Не призрак ты!» —
И молвил я виденью:
— Как жили мы, предавшись заблужденью,
Не вспоминай. Вот кем позавчера
Я был изъят от суетного света
(Тут указал я духу на поэта).
Стояла полнолуния пора;
Туда, где смерти истинной обитель,
Меня в ночи привел руководитель,
Хотя и был я плотью облечен,
И им же путь мне в гору облегчен
Которая чудесно исправляет
Все то, что мир преступно искривляет.
Он говорил, что будет мне вождем
И за собой введет меня повсюду,
Покуда Беатриче не найдем.
Тогда я с ним расстаться должен буду.
Зовут его Вергилием. Второй —
Тот самый призрак, чье освобожденье,
Произведя такое сотрясенье,
Почувствовалось целою горой.

Город Тур

Примечания к двадцать третьей песне

[1] Первые слова 51-го псалма Давида

[2] Эрезихтон срубил дуб, посвященный Церере. Богиня отомстила ему: возбудила в нем такой голод, что в конце концов он съел свое собственное тело.

[3] Мария — дочь Элиазара, которая во время осады Иерусалима съела собственного сына

[4] Слово «омо» (по-итальянски — человек), если поместить О между ножками М при некотором воображении, представляет человеческое лицо: два О олицетворяют глаза, боковые ножки М — щеки, а средняя ножка — нос.

[5] Фарезе — один из близких друзей и родственников Данте

[6] «Время временем исправляется». Поздно раскаявшиеся остаются в преддверии Чистилища в течение времени, которое в тридцать раз длиннее того периода, который был проведен при жизни без покаяния

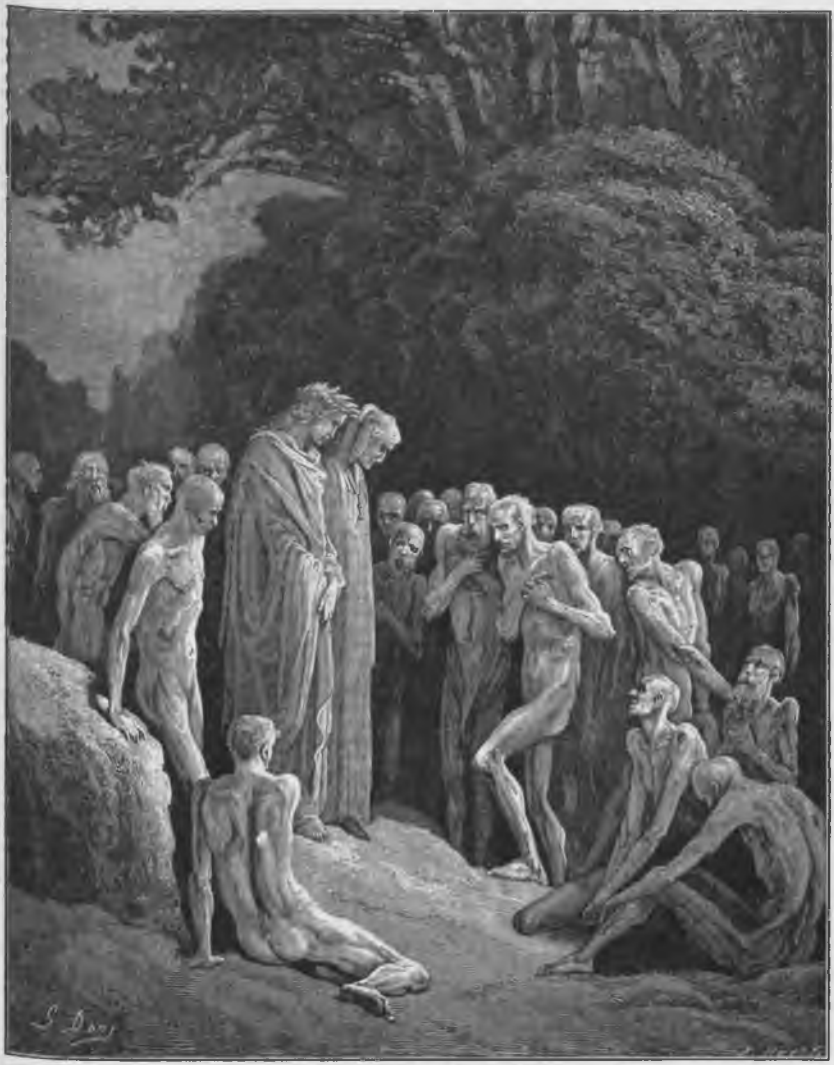
[7] Нелла — жена Фарезе, отличавшаяся редкими в то развратное время стыдливостью и чистотою нрава

[8] Барбаджиа — гора в Сардинии, где живет самый распущенный народ. Под другой Барбаджией Данте подразумевает Флоренцию

Песнь двадцать четвертая

Данте продолжает путь, беседуя с Фарезе. Тот говорит ему о своей сестре, сподобившейся райского венца, и называет имена многих известных чревоугодников. С одним из них — поэтом Буоначжунто — Данте вступает в разговор о поэзии. Вдруг толпа призраков убегает от поэтов, и рядом с Данте остается один лишь Фарезе, но наконец и этот скрывается. Данте снова между Вергилием и Стацием. Они видят второе чудесное дерево, полное плодов, за которыми тщетно тянутся призраки чревоугодников. Подойдя к дереву, поэты слышат голос, предупреждающий их о том, чтобы они не трогали плодов этого дерева, так как оно выросло от того, которое погубило Еву. Во время дальнейшего пути поэты слышат голос, вещающий о разных случаях чревоугодия и о наказаниях за этот порок. Появляется ангел, который стирает с лица Данте шестой смертный грех и приводит поэтов к *седьмому* кругу Чистилища.

Как корабли, что ветром в путь гонимы,
Беседуя мы шли, неутомимы —
Помехою беседе не был путь.
Те, что казались дважды мертвецами[1],
В лицо мое пытались заглянуть,
Меж тем как шел я меж двумя певцами.
И начал я: — Замедлила свой шаг
Вот эта тень, быть может, это — знак,
Что говорить она желает с нами?
Пикарда где[2], скажи мне, и кого
Достойного найду я меж тенями? —
И был ответ немедленный его:
— «Сестра моя (не знаю: красотою
Чарующею стана и лица



Беседуя мы шли, неутомимы —
Помехою беседе не был путь.
Те, что казались дважды мертвецами,
В лицо мое пытались заглянуть.

(«Чистилище», Песнь 24)

Милей она, иль редкой добротою?)
Сподобилась нетленного венца.
Но голод здесь так искажает сходство,
Что всех могу назвать перед тобой.
Вон тот Буонаджунто[3], а другой,
Чья худоба исполнена уродства, —
Был пастырем, ходившим в золотом
Венце Петра[4]; томится он постом
Из-за угрей любимых из Больсены,
Что он варить приказывал в вине».

Еще других стал называть он мне.
Но в их чертах при этом перемены
Не видел я. Зубами скрежетал
От голода злосчастный Убальдино[5]
И Бонифаций, чей стихарь питал
Обжор немало. Там, любивший вина,
Мессир Маркезе[6] жаждущий предстал,
Но ближе всех был гражданин из Лукки[7],
Шептавший имя нежное Джентукки
Беззубым ртом. И я промолвил: — Дух!
Твое лицо желание выражало
Заговорить. Порадуй речью слух. —
И начал он: — «Не носит покрывала[8]
Та женщина, которая внушит
Тебе приязнь к стране моей. Немало
Перенесет за то она обид.
Пускай слова мои звучат невнятно —
Настанет день, и будет все понятно.
Но те стихи, не правда ли, твои:
«Для женщины понятна власть любви»?[9]

И отвечал я призраку из Лукки:
— Они мои, и то, что в тишине

Порой любовь нашептывает мне, —
Я претворяю в сладостные звуки.

И с грустью он промолвил в свой черед:
— «О, милый брат, я понимаю ясно:
Нам недоступен этот новый род
Поэзии. Пытались бы напрасно
Мы так писать — нотариус[10] и я,
С Гвиттоне нашим. Истинно прекрасно
То, что любви возвышенной подвластно
И, вдохновясь, исходит от нее».

Тут он замолк, и, словно птичек стая,
Зимующих на Ниле и гуськом
Летящих вдаль с попутным ветерком,
Помчалася толпа теней густая,
Воздушною и легкою гурьбой,
С поспешностью, рожденной худобой
И рвеньем их. Как будто отдыхая,
Один Фарезе тихо шел со мной
И говорил: — «Когда увижу снова
Тебя я здесь?» — Когда мой путь земной
Окончится — не знаю, но готово
Желание опередить мой срок.
На родине в упадке добродетель,
И — заблуждений горестных свидетель —
Я вижу: час паденья недалек.
И дух сказал: — «Кто больше всех жесток
И грешен был[11], того я вижу ныне
Привязанного к конскому хвосту,
Влекомого к безжалостной долине,
Казнящей грех. И бега быстроту
Все ускоряет конь его, покуда
Из грешника костей не станет груда,

Недолгий путь, — возвел он к небу взор, —
Свершат вон те блестящие созвездья,
Пока над ним исполнится возмездье.
Но мне пора окончить разговор:
В Чистилище нам дороги мгновенья».

Как всадник тот что, мчась во весь опор,
Стремится первым в жаркое сраженье, —
Так и от нас умчался этот дух,
И снова там остался я меж двух
Поэзии вождей в венке лавровом.
Последовать мой взор не мог за ним,
Но мысль моя летела вслед за словом,
Им сказанным. Тут деревом другим
Привлечено мое вниманье было.
Под тяжестью плодов оно клонило
Главу свою. Я увидал под ним
Толпу теней, и жадно тени эти
Рукой к ветвям тянулись, словно дети
Капризные, которым не дано
Просимое, хотя у них оно
Находится так близко пред глазами.
Опомнившись, молившие ушли,
И к дереву, которое слезами
Несчастные растрогать не могли,
Мы подошли.
— «Не приближайтесь к древу! —
Раздался крик. — Оно — росток того,
Которого плоды сгубили Еву!»

Мы отошли, и, миновав его,
Вдоль бездны мы вздыматься стали в гору.
И молвил тот, кто был незримым взору:

.....Тут деревом другим
Привлечено мое вниманье было.
Под тяжестью плодов оно клонило
Главу свою. Я увидал под ним
Толпу теней, и жадно тени эти
Рукой к ветвям тянулись...

(«Чистилище», Песнь 24)

— «Припомните рожденный в недрах туч
Проклятый род[12]. Задорен и могуч,
Двойною грудью бился он с Тезеем,
Но, опьянев, был в бегство обращен.
Перенеситесь мыслью к тем евреям
Изнеженным, которых Гедеон
Не взял в бойцы в долине Мадиана,
Увидев, как, коленопреклонен,
Пил жадно воду каждый из фонтана»[13].

Мы шли, одной держася стороны
Высоких скал; в пути повествованью
Внимали мы: какому наказанью
Подвергнуться обжоры все должны.
Когда ж простор увидели мы снова
И сделали до тысячи шагов,
В безмолвии раздался тот же зов:
— «Куда втроем, не говоря ни слова,
Идете вы?» —
Как дикий зверь лесной,
Я задрожал и поглядел пугливо
Я на того, кто говорил со мной.
Нет, никогда столь яркого отлива,
Такой игры цветов я не видал
В горниле том, где плавится металл,
Какими дух, представший мне, блистал.
Он говорил: — «Когда взойти хотите
Вы на гору — туда, где поворот
Увидите, без страха вы идите,
Он к вечному вас миру приведет!»

И, ослеплен его чудесным светом,
Глаза мои я обратил к поэтам,

Но тут как будто шелест ветерка,
Несущего цветов благоуханье,
Когда зарей алеют облака, —
Почувствовал я крыльев прикасанье[14]
Амврозии струивших аромат,
Обвеявших чело мое. — «Стократ
Блаженны те, кто ведал воздержанье!» —
Тут надо мной послышались слова: —
«Угодны Богу эти существа».

Примечания к двадцать четвертой песне

[1] Вследствие своей худобы

[2] Пикарда, сестра Фарезе и Корсо Дона, которыи насильно похитил ее из монастыря во Флоренции и выдал замуж за Розелино делла Тоза. О ней Данте говорит в «Раю», в песне третьей

[3] Буонаджунто делла Орбичиани — известный поэт и обжора из Лукки

[4] Папа Мартин IV из Тура. Больсена — озеро в Римской области. Мартин скончался от неумеренного потребления угрей, которые, для особого вкуса, были сварены в вине

[5] Убальдино делла Пиля и Бонифации д'Имола, известные обжоры; последний был епископом Равенны в 1274 г

[6] Маркиз Ригольози из Форли — известный пьяница

[7] Буонаджунто

[8] Молодая девушка из Лукки, которую любил Данте во время своего пребывания в этом городе. Это предсказание Буонаджунто исполнилось в 1314 г, когда Джентукке было около 30 лет. Данте оставался в Лукке до 1316 г и закончил там «Чистилище».

[9] Первые слова канцоны Данте, посвященной Беатриче

[10] Джакопо Лентино, прозванный нотариусом, и Гвиттоне из Ареццо, оба они были плохие поэты

[11] Корсо Донати, предводитель Черных, брат Фарезе, принадлежавшего к Белым. Он не пользовался в своей партии расположением и в 1308 г. погиб во время бегства, зацепясь ногой за стремя коня, потащившего его за собой

[12] Центавры (полулюди, полулошади) были сыны Иксиона и Тучи, которой Юпитер дал подобие Юноны. Опьянев на свадьбе Пиритоя, они хотели похитить его невесту Гипподамию, но Тезей одолел их и обратил в бегство

[13] Гедеон хотел выставить против мадианитов рать в 10 тыс. человек, но Бог повелел ему не брать тех, кто станет на колени для того, чтобы напиться воды из фонтана, а взять тех, кто будет черпать воду рукой

[14] Ангел стирает с чела поэта шестую букву — знак греха обжорства

Песнь двадцать пятая

В два часа пополудни поэты приблизились ко входу в *седьмой* круг Чистилища, стесненному высокими скалами. Данте горит страстным желанием узнать причины исхудания грешников, находившихся в шестом круге, и обращается к Вергилию с просьбой о разъяснении. Тот дает краткий намек и поручает Стацию объяснить все подробно. Стаций говорит о крови, о процессе зарождения живого существа, о появлении чувства и, наконец, разума. Далее он объясняет Данте явление смерти, разрушение смертной оболочки и бессмертие души. Во время этого разговора поэты приближаются к седьмому кругу, окутанному пламенем, которое, словно под влиянием чуда, подымается кверху и дает свободный доступ поэтам. В седьмом круге они видят терзания грешников, виновных в любострастии. Раздаются голоса, вещающие о примерах сохранения девственной чистоты, ее нарушений и наказаний за это. Призраки очищаются от своего греха огнем.

Был час, когда необходима сила
Для путников — затем, что круг Тельца
Оставило небесное светило[1].
Как человек, идущий до конца
Без отдыха к намеченной им цели,
Вступили мы, один вслед за другим,
В проход, что был утесами тесним,
Которые по сторонам чернели.
Я был подобен аиста птенцу:
Подняться вверх он делает усилья
И, оробев, вновь опускает крылья.
Так обратиться жаждал я к певцу
С вопросами. Желанье то слабело,
То разгоралось вновь оно огнем,

Приблизились к последней мы из пыток
И были тут поражены. Утес
Пылал в огне, но пламени избыток
Могучий вихрь чудесно кверху нес
И открывал дорогу.

(«Чистилище», Песнь 25)

И, несмотря на быстрый наш подъем,
Сказал поэт: — «Стрелу спускай же смело;
Натянута на луке тетива».
Тут вырвались из уст моих слова:
— Как допустить возможность исхуданья
У призраков, не знающих питанья? —
И мне ответ он дал в таких речах:
— «Припомни лишь: по мере догоранья
Той головни волшебной[2] как исчах
Сам Мелеагр! Припомни, как движенья
Малейшие твои, твои черты —
Все в зеркале находит отраженье,
И многое признаешь гибким ты,
Что признавал за твердое. Но рану
Души твоей пусть Стаций исцелит».

— «Лишь потому, что это мне велит
Вергилий сам, пред ним тебе я стану
Явления божественных начал
Здесь объяснять», — так Стаций отвечал
И молвил мне: — «Когда твой ум воспримет
Слова мои — он истину обнимет.
Кровь чистую, узнай же, никогда
Не поглощают жаждущие вены.
(Так лишние уносятся блюда
На пиршестве, где изобильны смены.)
Но, творчеством наделена, взамен
Образовать она стремится члены,
Их, в свой черед, питает кровь из вен.
Когда же кровь довольно перебродит,
Она в частицу тела переходит,
Которую мы здесь не назовем.
В стремлении естественном своем,

«О милосердный Боже!» — из огня
Вдруг долетело пенье до меня...»

(«Чистилище», Песнь 25)

Затем она уходит вон оттуда,
При помощи природного сосуда
Вливаясь в кровь другого существа.
Соединясь, два эти вещества:
Одно — воспринимает впечатленья,
Другое же — процессу зарожденья
Способствует и образует плод.
Так возникает к жизни и растенье,
Но для него развития черед
Уже вполне законченным бывает,
Меж тем как здесь он только наступает.
И плод, сперва, как будто под волной
Морской полип, лишь одарен двойной
Способностью движенья и дыханья.
Уже поздней рождается сознанье
И высшие способности, что внес
Сюда отец. Но разрешить вопрос:
Каким путем свершилось превращенье
Животного дотоле существа
В разумное — не можешь ты. Сперва
Тут был введен мудрейший[3] в заблужденье:
Доказывал в своем ученье он,
Что от души наш разум отделен
Затем, что не дан орган пониманья
Душе людей. Но удели вниманье
Ты истине. Когда завершено
Образованье мозга у зачатка —
То Двигателю высшего порядка
Вдохнуть в него с любовью суждено
Тот дух добра, который, поглощая
Собою все другое, создает
Из этого ту душу, что живет
Сознательною жизнью, ощущая

И действуя. Словам дивишься ты?
Их поясню примером я наглядным:
Припомни лишь влиянье теплоты
Могучее над соком виноградным:
Становится вином готовым он.
Когда весь лен у Парки истончен —
Душа должна покинуть наше тело,
И все, что в нас божественного есть
И дольнего, спешит она унесть.
Все тленное бездействует всецело,
Но свойства воли, памяти, ума —
В нас истребить не может смерть сама.
Затем душа, как бы посредством чуда
Направлена, стремится к берегам —
Тому или другому, лишь оттуда
Дальнейший путь укажут ей к местам,
Заране уготованным, и там
Вокруг себя лучи того же света
Духовного за гробом льет она,
Как в дни, когда была облечена
Она во плоть. Порой мы видим летом,
Что в воздухе, насыщенном дождем,
Игра лучей рождает отраженье
Цветов и красок, видимых кругом.
Так и лучей душевных преломленье
Здесь воздуху ту форму придает,
Которую имеет. Форма эта —
Душе вослед, везде за ней идет,
Как со свечей — огонь, источник света.
Так как душа свой принимает вид
От формы той — она зовется тенью,
И каждому доступна впечатленью,
И чувствам всем: смеется и скорбит,

Как на горе ты слышал не однажды.
Томимся мы от голода и жажды,
Не чужды здесь волнений и тревог,
И этому ты изумляться мог».

Приблизились к последней мы из пыток
И были тут поражены. Утес
Пылал в огне, но пламени избыток
Могучий вихрь чудесно кверху нес
И открывал дорогу. Друг за другом
Вдоль края мы, охвачены испугом,
Шли медленно — меж бездной и огнем.
— «В дороге той, которою идем, —
Сказал поэт, — наш глаз да будет зорок,
Здесь каждый промах был бы слишком дорог».

«О милосердный Боже!»[1] — из огня
Вдруг долетело пенье до меня,
И проходивших в пламени жестоком
Я призраков увидел длинный ряд.
И, обратив смущенный взор назад.
На них глядел я изумленным оком.
Вдруг все они в волнении глубоком
Воскликнули: — «Не знаю мужа я!»[5] —
И снова гимн запели Богу славы,
И я внимал, дыханье затая.
Раздался глас: — «Диана из дубравы
Гелицию постыдно изгнала,
Вкусившую Венериной отравы!»[6]

Запели вновь. Не ведающих зла
Они мужей и женщин прославляли,
Почтивших брак, хранивших чистоту,

И проходивших в пламени жестоком
Я призраков увидел длинный ряд.

(«Чистилище», Песнь 25)

И понял я: греха их суету
Тут в пламени те души искупали.
Очищены в целительном огне —
Себе найдут спасение оне.

Город Больцано

Примечания к двадцать пятой песне

[1] Было два часа пополудни

При рождении Мелеагра, Парки предсказали, что он будет жить до тех пор, пока не сгорит головня, находившаяся в это время на очаге. Вследствие этого мать его, Алтея, старательно сберегала головню. Но когда на охоте Мелеагр убил братьев Алтеи, она бросила головню снова в огонь, и Мелеагр был сожжен внутренним огнем («Метаморфозы» Овидия). Этим путем, говорил Вергилий, уничтожаются призраки, под влиянием высшей силы, исходящей от обоих чудесных деревьев.

[2] Аверроэс — известный арабский комментатор Аристотеля.

[4] Начало гимна, который поется у католиков в заутреню по субботам и в котором возносятся к Богу моления о том, чтобы он сохранил людей от чувственного искушения.

[5] Евангелие от Луки, гл. I, ст. 34. Когда архангел сказал Деве Марии «И вот зачнешь во чреве», Она отвечала «Как будет это, когда я мужа не знаю?»

[6] Гелиция, или Каллиста, — дочь Ликаона и нимфы Дианы. Юпитер соблазнил ее, за что Диана обратила ее в медведицу и с позором прогнала от себя собаками из своей священной рощи.

Песнь двадцать шестая

Поэты идут друг за другом. Солнце заходит, и тень Данте освещается все сильнее и сильнее. Призраки, находящиеся в седьмом круге, угадывают, что Данте не тень, а живой человек, и просят объяснить им причину этого. Данте готов рассказать всю правду, но видит приближение новой толпы душ, восклицающих «Содом! Гоморра!» и вновь разбегающихся в разные стороны. Он обращается к первой толпе душ за разъяснением. Из толпы выделяется поэт Гвидо Гвиницелли, один из друзей Данте, говорящий о противоестественном пороке сладострастия, которому подвержены были при жизни он сам и окружающие его призраки. За ним к Данте подходит провансальский поэт Арно (Арнольдо Даниелло), он просит Данте не забыть о нем, когда он войдет в рай. Арно, как и Гвидо Гвиницелли, исчезает в огне.

Пока мы шли, один другому вслед,
Учитель мой не раз меня от бед
Остерегал и говорил при этом:
— «Тебе в пути я помогу советом».
Склонилось солнце. Золотистым цветом
Подернулся свод неба голубой,
А тень моя все больше пламенела.
И призраки шептались меж собой:
— «У этого не призрачное тело».
Тогда они столпились вкруг меня,
Не выходя, однако, из огня,
И молвили пылающие тени:
— «Ты, позади идущий не из лени,
Но движимый почтеньем, дай ответ.
Не для меня он только нужен, нет,

Для всех, кто здесь в огне жестоком страждет
И более воды холодной жаждет,
Чем эфиоп с индейцем. Молви мне!
Уподобляясь каменной стене,
Ты заслонил собою нам светила,
Как будто бы тебя не захватила
В объятья смерть. Как это может быть?»

Всю истину успел бы я открыть
И думал я, что им сейчас отвечу,
Но увидал толпу других теней,
Идущую сквозь пламя к ним навстречу.
Сойдясь среди пылающих огней,
Они на миг друг друга заключали
В объятия и путь свой продолжали.
Так на пути столкнувшись, муравьи
Спешат поведать новости свои.
Но, ранее минуты расставанья,
Пришедшие воскликнули: — «Содом[1]
С Гоморрою!» — В ответ им восклицанья
Послышались: — «Припомните о том,
Как, у вола желанья вызывая,
Прикинулась коровой Пазифая!»
Замолкло все, и, словно журавли,
Которых часть спасается вдали
Рифейских гор[2] от зноя, а другая
Летит к степям, морозов избегая,
Так разошлась по разным сторонам
Толпа теней, и доносились к нам
Их пение и клик. Тогда, безмолвны,
Приблизились опять, вниманья полны,
Те призраки, что вопрошали нас.
И я сказал: — Пускай придет желанный час

И осенит вас дивно мир небесный!
Я не мертвец, и мой состав телесный —
Со мною здесь. Иду я в мир иной,
Дабы прозреть: небесною Женой[3]
Мне благодать дарована такая.
Да сжалится же небо, извлекая
Отсюда вас; исполнено любви,
Да примет вас в объятия свои!
Но молвите скорее, кто вы сами?
Что за толпа сейчас встречалась с вами?

Не более дивится житель гор,
Явившийся на площадь городскую,
Где чуждо все и поражает взор,
Чем призраки, услышав речь такую.
Но изумленью избранных сердец
Пределы есть, и молвил, наконец,
Мне первый дух: — «Блажен ты, в мир загробный
Явившийся, чтоб научиться жить!
Постыдный грех, тому греху подобный,
Несчастные успели совершить,
Каким себя сам Цезарь обесславил;
И Цезарю во время празднества
(Как говорит народная молва)
Прозвание царицы он доставил[4].
И для того кричат они: «Содом!» —
Чтоб, распаляясь в пламени стыдом,
Сильней страдать. Все, как гермафродиты,
Грешили мы в падении двойном.
Влечения животные развиты
При жизни были в нас, а потому
Взываем к той, что сделалась животным,
Последовав желанью своему.

Тебе назвать в свиданье мимолетном
Я не могу грешивших имена;
На это власть мне свыше не дана.
Узнай одно: я — Гвидо Гвиницелли[5].
Во всех грехах, что в жизни мной владели,
Покаялся перед кончиной я».

Что ощутили в сердце сыновья,
Увидев мать, Ликургом осужденной[6], —
Почувствовал и я душой смятенной,
Узнав того, который был отцом
Для множества поэтов и творцом
Пленительных любовных песнопений.
Я долго шел под властью размышлений,
Ни говорить, ни слушать я не мог,
Вблизи огонь невыносимо жег,
И подойти мне было невозможно.
Но с призрака я не сводил очей.
И, наконец, при помощи речей,
Что вызвали доверие в поэте,
Ему свои услуги предложил.

— «Слова твои не канут даже в Лете, —
Промолвил он, — но чем я заслужил
Любовь твою, которую в привете
И взорах мне выказываешь ты?»
Ответил я: — Во имя красоты
Стихи твои мы славим неизменно,
И каждая их буква драгоценна.
— «О, милый брат! — сказал он и притом
Мне указал на шедшего перстом. —
Славнейшего поэта в южных странах[7]
Здесь видишь ты! И в песнях, и в романах

Всех выше он, хотя и говорят,
Что будто бы Жиро, его собрат,
Родившийся во Франции, в Лиможе, —
Славней его. Всегда для большинства
Не истина, а шум всего дороже.
Гвиттоне также славился сперва,
Но истина открылась понемногу.
Когда взойдешь в Его обитель, к Богу,
Там «Отче наш» ты за меня прочти
И лишь конец молитвы пропусти:
Здесь незнакомы духи с искушеньем»[8].

Он замолчал, указывая мне
На шедшего за ним руки движеньем,
И вдруг исчез в пылающем огне,
Как будто вьюн в прозрачной глубине.
К пришедшему я подошел с приветом,
Прося его назвать себя при этом
И говоря, что был бы очень рад
Служить во всем и быть ему полезным.
Он отвечал: — «Твое желанье, брат,
Является душе моей любезным.
Я — тот Арно, который слезы льет
И с песнею веселой в путь идет;
Безумие минувшего, тоскуя,
Оплакал я и в будущем, ликуя,
Предвижу я блаженство без конца.
Ведомый в путь могуществом Творца,
Когда взойдешь к сияющей вершине, —
Не позабудь и о моей кручине!»
И он исчез в спасительном для всех
Огне святом, что очищает грех.

Город Лимож

Примечания к двадцать шестой песне

[1] Толпа встречных теней состоит из жителей Содома и Гоморры, предававшихся противоестественным грехам. Вообще в этом кругу искупается чувственная любовь; сам Данте, прошедший беспрепятственно, здесь должен выдержать очищение огнем, прежде чем сподобиться лицезрения Беатриче.

[2] Неизвестный горный хребет на севере Татарии, как называли греки степи. — Ливийская пустыня.

[3] Беатриче.

[4] Светоний обвиняет Цезаря в преступлении против нравственности (за связь с царем Вифинии Никомедом солдаты его называли «Царицей».)

[5] Гвидо Гвиницелли из Болоньи — один из известнейших поэтов в эпоху Данте, скончавшийся в 1276 г. (см. «Чистилище», песнь одиннадцатую.)

[6] Язон и Гипсипила имели двух сыновей, Тоанта и Эвнея. Гипсипила попала в руки пиратов и была продана царю Ликургу, который назначил ее нянькой к своему сыну Офелету. Но по ее недосмотру дитя было насмерть ужалено змеей. Ликург разгневался и собирался убить ее, но в это время появились сыновья Гипсипилы, искавшие ее, и освободили ее. Здесь Данте хочет сказать, что как сыновья бросились к своей матери на помощь, так и он бросился бы к Гвидо.

[7] Арно (Арнольдо Даниелло) — автор романа «Морской Ланцелот», известный провансальский поэт. Джираут де Барнеиль — уроженец Лиможа, самый искусный из трубадуров. Гвиттон — Гвитто ин д'Ареццо, см. «Чистилище», песнь двадцать четвертую.

[8] Т е скажи молитву «Отче наш», исключая слова «Не введи нас во искушение», так как души, находящиеся в Чистилище, уже не могут подлаваться искушению.

Песнь двадцать седьмая

В Чистилище день склоняется к закату. Перед Данте появляется ангел, возглашающий «Блаженны чистые духом!» и говорящий, что для вступления на вершину горы необходимо очиститься огнем. Данте трепещет от страха, но Вергилий уверяет в безопасности прохождения через огонь. Наконец поэт набирается мужества и вступает вместе с Вергилием и Стацием в пламя. Оно жжет его немилосердно. Данте еле выносит жар, но Вергилий ободряет его напоминанием о скором лицезрении Беатриче. Поэты проходят через пламя, которое совершенно очищает Данте от всех его грехов. Наступает ночь, и странники ложатся на отдых, но при наступлении утренней зари Данте видит во сне двух женщин — Лию, символ деятельной жизни, и Рахиль, символ жизни созерцательной. Данте просыпается и видит, что оба его спутника уже восстали от сна. Вергилий говорит ему о том, что он в этот же день изведает небесное блаженство; вместе с тем он сообщает Данте, что отныне тому придется совершать дальнейший путь в одиночестве. Он, Вергилий, исполнил то, что ему поручила небесная жена, дальше же следовать он не может, так как он не христианин; он признает Данте выше себя и венчает двойной короной — знаками светского и духовного владычества.

Настал тот час, в который дня светило
Там, где Христос был Распят, восходило[1].
Над Эбро в те же самые часы
На небесах вздымаются Весы,
А Ганг течет — расплавленному злату
Подобен весь — в полдневный тяжкий зной.
Меж тем у нас клонился день к закату,
Когда явился ангел предо мной.
Вне пламени стоял он; неземной
Гармонией из уст его звучало:
— «Блаженны духом чистые!»[2] И нам

Промолвил он: — «Святые души! Там
Спасенье ждет, но следует сначала
Для этого очиститься в огне.
Внимайте же и повинуйтесь мне!»

И, выслушав, с тоской воздел я руки,
Похолодев, как выходец могил,
Когда себе вообразил я муки,
Каких в былом свидетелем я был[3].

Приблизились вожди, и, состраданья
Исполненный, Вергилий возгласил:
— «Мой сын! В огне ты обретешь страданье,
Не смерть! Когда доставлен невредим,
Ты мною был на плечах Гериона[4] —
Чего б теперь, вблизи Господня трона
Не сделал я! Но ты неуязвим
Останешься, и ни единый волос —
Хотя б в огне провел ты сотни лет —
Не обгорит. Поверь, обмана нет
В словах моих. Иди на дивный голос
И на огонь без страха ты взирай!
Для опыта приблизь одежды край
К огню, и, верь, не опалит он ткани».

Но я стоял, не двигаясь, у грани,
И он сказал: — «Стеной лишь огневой
Ты отделен от Беатриче ныне».
И так же, как Пирам полуживой[5],
Услышав имя Тисбы при кончине,
Раскрыл глаза под тутовой листвой,
Чей плод с тех пор оттенок принял красный, —
Откинул я моих сомнений гнет

При имени волшебном, что цветет
В душе моей. С улыбкой, поневоле
Прорвавшейся, поэт сказал тогда:
— «Мы не хотим здесь оставаться боле».
(Так детское упрямство иногда
Смягчает вид душистого плода.)

Учитель мой, вступая первым в пламя,
Бестрепетно меня с собою вел,
Последним же и третьим Стаций шел,
Давно уже стоявший между нами[6].
И пламя так невыносимо жгло,
Что окунуться в жидкое стекло
Хотелось мне; недоставало мочи
Сносить жару. Чтоб поддержать меня,
Мне говорил поэт среди огня:
— «Божественной Жены я вижу очи!»

На дивный глас, что слышался вдали,
Пройдя сквозь море пламени нетленны,
К подножию горы мы подошли.
— «Грядите вы, Отцом благословенны!»[7] —
Послышались слова, и взор очей
Мне ослепил победный блеск лучей.
Вновь раздалось: — «Склоняются светила
И ночь близка. Итак, ускорьте шаг
Вы прежде, чем покроет землю мрак
На западе!»
Дорога проходила
Меж скал крутых, к восточной стороне
И тень свою пришлося видеть мне
Перед собой. Когда же на ступени
Мы поднялись — исчезновенье тени

Открыло нам, что солнце уж зашло.
И ранее, чем свод необозримый
Покровом тьмы сплошным заволокло,
Из нас троих, усталостью томимый,
Устроил каждый ложе на горе.
Как стадо коз, пока оно не сыто,
Карабкается в горы на заре,
Насытясь же — в тени лежит укрыто,
А сам пастух, на посох опершись,
Следит за тем, дабы к нему в ограду
К хранимому с таким усердьем стаду
Не вторглись волк, лисица или рысь, —
Такими же и мы казались трое:
Я был козой меж пастырей двоих,

Пригрезилась мне юная жена,
Которая в равнинах одиноко
Рвала цветы, и пела мне она:
— «Я Лией называюсь...»

(«Чистилище», Песнь 27)

И наблюдал в торжественном покое
Сиянье звезд блестящих и больших,
И вещим сном, таящим предсказанье,
Отрадное сменилось созерцанье.

В тот час, когда Венерина звезда,
Что кажется объятой всегда
Огнем любви, бросает луч с востока[8],
Пригрезилась мне юная жена,
Которая в равнинах одиноко
Рвала цветы, и пела мне она:
— «Я Лией[9] называюсь и руками
Прекрасными повсюду рву цветы,
Дабы предстать пред зеркалом венками
Украшенной, в сиянье красоты.
Сестра Рахиль проводит дни и ночи
Пред зеркалом своим: отражены
Стеклом его задумчивые очи.
Для разных целей с ней мы рождены:
Для жизни — я, она — для созерцанья».

Забрезжило меж тем зари мерцанье,
Которое тем путнику милей,
Чем ближе он к родной земле своей.
Бежала ночь, а с ней и сновиденье.
Моих вождей в минуту пробужденья
Я вставшими увидел, и тогда
Сказал Вергилий: — «Ныне же плода
Небесного изведаешь ты сладость.
На всех ветвях напрасно смертных род
Тот сладостный отыскивает плод»[10].

О, никогда столь искреннюю радость
Не доставлял мне дар под новый год!

Я с легкостью такою шел вперед,
Как бы несом чудесно парой крылий.
На лестницу поднявшись без усилий,
Когда взошли на верхнюю ступень,
Сказал, смотря в лицо мое, Вергилий:
— «Мой сын, со мной ты видел ада сень,
Ты зрел огонь и временный, и вечный;
Тебе простор открылся бесконечный,
Но не могу вести тебя к нему.
Достигнул ты великого предела,
Благодаря искусству моему
И знанию. Иди отныне смело,
Руководясь лишь волею, один
Ты миновал опасности теснин,
Крутых путей. Смотри же, золотистых
Лучей игру ты видишь на челе,
Растения и травы — на земле.
Но ранее, чем взор очей лучистых
Увидишь ты (благодаря мольбе
Тех чудных глаз, явился я тебе),
Здесь отдохни среди красы и света!
Не жди моих внушений иль совета;
Суждение твое просветлено,
И не введет тебя в обман оно.
Тебя признавши высшим надо мною,
Короною венчаю я двойною!»

Примечания к двадцать седьмой песне

[1] Солнце готовилось взойти в Иерусалиме, так как этот город совершенно противоположен месту, где находится поэт. Данте хочет сказать, что ночь уже начинает спускаться над Чистилищем, и в тот же час на западе река Эбро, протекающая в Испании, катит свои волны под знаком Весов, следовательно, там полночь, а на востоке Ганг — река в Индии — кажется воспламененным, потому что там теперь полдень.

[2] «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 8.

[3] Когда Данте писал эти строки, он, вероятно, вспоминал приговор, вынесенный ему и осуждавший его на сожжение.

[4] Чудовище, перенесшее Данте и Вергилия в седьмой круг Ада (См. «Ад», песнь семнадцатую.)

[5] Овидий в своих «Метаморфозах» рассказывает следующее о Пираме и Тисбе, двух влюбленных уроженцах Вавилона. Когда Пирам увидел в пасти льва часть одежды Тисбы, он подумал, что его возлюбленная растерзана зверем, и заколол себя. Тотчас же после этого пришла Тисба и воскликнула: «О несчастная Тисба!» При этом возгласе Пирам еще раз открыл глаза и скончался, после чего себя убила и Тисба. От крови обоих влюбленных окрасились в красный цвет плоды тутового дерева, возле которого они находились.

[6] Стаций со времени своего появления находился между Вергилием и Данте и как бы разделял их.

[7] Слова Иисуса Христа. Евангелие от Матфея, гл. 25, ст. 34. Эти слова относятся к очистившимся от грехов. Священным огнем уничтожаются последние пятна грехов. С чела Данте также исчезла последняя буква Р — знамение греха.

[8] На заре.

[9] Лия — дочь Лавана, жена Иакова. Рахиль — вторая дочь Лавана и также жена Иакова. Лия олицетворяет у Данте жизнь деятельную, а Рахиль — созерцательную. В «Божественной комедии», как это видно из дальнейшего, им соответствуют две женщины — Матильда и Беатриче.

[10] Блага небесные.

Песнь двадцать восьмая

Поэты наконец подошли к вершине горы Чистилища. Здесь расположен земной Рай, описываемый Данте с удивительной красотой. Данте восхищен открывшейся перед ним картиной и вдруг видит прекрасную женщину, которая, идя по траве, собирает цветы и поет чудную песнь. Данте просит женщину подойти к нему, и она исполняет эту просьбу, но останавливается на другом берегу ручья, у которого стоит Данте. Словами псалма она объясняет причину улыбки, украшающей ее лицо, и выражает готовность ответить на все вопросы поэта. Данте смущен тем, что он увидел в Раю лес, трепещущий своими листьями, и текущий ручей. Смущение его вызвано тем, что Стаций говорил ему: гора Чистилища не подвержена атмосферным влияниям, а потому на ней не может быть ни воды, ни растительности. Женщина — Матильда — отвечает ему, что Господь создал Рай для прародителей, а они, однако, скоро лишились его, преступив его волю. Тогда была создана гора, к которой природа не имеет доступа; лишь вершина ее, возносящаяся к небесам, подвержена влиянию воздуха, а потому на ней и есть растительная жизнь. Ручей, протекающий по Раю, создан Богом и разделяется на две струи, из которых одна — река забвения всего прошлого, а другая — напоминания обо всем добром.

Меня влекло проникнуть в чащу леса
Божественного. Зелени завеса
Смягчала блеск ликующего дня[1].
Спустясь со скал, перед собою поле
Цветущее увидел я; дотоле
Неведомый повеял на меня
Дыханием волшебным аромата
Зефир полей. И, нежным ветерком
Обвеянные каждым лепестком,
Цветы склонялись в сторону заката[2].

Среди ветвей, блестевших от росы,
Звенела песнь: так птицы в дружных хорах
Здесь ранние приветствуют часы,
И вторит им листвы зеленый шорох.
Подобно им, гудит сосновый бор,
Киасси бор[3], когда порой сирокко,
Вдруг выпущен Эолом на простор,
Шумит в ветвях. Зашел я так далеко,
Что местности я разглядеть не мог.
Мне на пути явился ручеек,
Он омывал своей струею травы
У берега. Хотя в тени дубравы,
Преградою служившей для лучей,
Бежал шумя серебряный ручей —
Столь чистыми казались воды эти,
Что не было подобных им на свете.
В пути своем остановился я,
И по другую сторону ручья
Дивился я дерев разнообразью.

Среди мыслей, одною общей связью
Соединенных прочно, иногда
Мелькает мысль, что строю их чужда;
Так предо мной явилася нежданно
Вдруг женщина, скользившая в траве
И певшая. Цветы, благоуханно
Пестревшие на свежей мураве,
Рвала она; и молвил я с приветом:
— Создание высокой красоты,
Согретое любви священной светом,
О чем твои мне говорят черты,
Которые лишь сердца отраженье.
О, подойди, дай мне услышать пенье

Мне на пути явился ручеек,
Он омывал своей струею травы
У берега. Хотя в тени дубравы,
Преградою служившей для лучей,
Бежал шумя серебряный ручей —
Столь чистыми казались воды эти,
Что не было подобных им на свете.

(«Чистилище», Песнь 28)

Из уст твоих! Невинности полна,
Напомнила ты ныне Прозерпину[4],
Сошедшую в ту дивную долину,
Где матерью утрачена она,
А ею — свет и юная весна.

С той легкостью, с какою в вихре танца
Танцовщица ступает на носки,
Так по полю, где цветом померанца
И пурпура блестели лепестки,
Она ко мне приблизилась послушно,
Склоняя взор и девственно воздушна,
И пение ее я слышать мог.
У берега, где омывал поток
Цветы полей, мне милость оказала
Прекрасная, подняв лучистый взор.
В очах самой Венеры не сияло
Подобного огня, когда в упор
Стрелой своей нанес случайно рану[5]
Ей Купидон. Казалось, не устану
Я созерцать улыбку уст ее,
Какой она с той стороны ручья
Мне улыбалась дивно, обрывая
Кругом цветы. Преграда роковая —
Тот Геллеспонт, что Ксеркс переходил,
Леандру[6] он не так несносен был,
Когда, его в ночи переплывая
Близ Абидоса, к Геро он спешил, —
Как мне ручей, нас разделявший с нею.
И молвила она: — «Изумлены
Пришедшие из дальней стороны,
Быть может, вы улыбкою моею?
Пускай слова священного псалма:

«Вы принесли с собою утешенье»[7] —
Сомнения изгонят из ума.
Но если ждет о многом разъясненья
Тот, кто со мною первым речь повел, —
Узнайте же: сошла я в этот дол,
Чтоб разъяснить его недоуменье».

И молвил я: — Вода и листьев шум
В смущение невольно вводят ум[8],
Что вижу здесь — противоречит явно
Тому, что я слыхал еще недавно.
— «Когда тебе явленья разъясню
Причину я, то этим разгоню
Сомнений мглу, — она мне отвечала. —
Верховное Добро находит рай
В себе самом, и смертному сначала,
Которого оно предназначало
Лишь для добра, в жилище этот край
Оно дало, но смертному не долго
Пришлось тут быть, и, первородный грех
Свой совершив, нарушив святость долга,
Он променял на слезы ряд утех.
С тем, чтоб ни дождь, ни бури, ни туманы
В Эдемские не проникали страны —
Была гора воздвигнута, и там,
Со стороны закрытой, к тем местам
Нет доступа игре многообразной
Природы сил. Но воздуха струи
Свершают все движения свои,
Где не разорван круг, кругообразно.
И верх горы, свободно в небеса
Стремящейся, подвержен их влиянью.
Вот почему шумят на ней леса.

Благодаря деревьев колебанью,
Душистый цвет с них сыплется, и он
Во все концы бывает разнесен
На крыльях ветра. Брошенные зерна,
В иной земле принявшись благотворно,
Дают росток. На почве разных стран
Так иногда, без видимых семян,
Являются различные растенья.
Здесь ты найдешь обилие плодов,
Которых нет среди земных садов,
И множество семян. Не испаренья
Сгущенные питают тот родник:
Из вечного источника возник,
Берущего начало в Божьей воле,
Чудесно он и орошает поле
Двойной струей. Вода в одном из тех
Источников влияние такое
Чудесное имеет, что у всех
Из памяти изглаживает грех.
В другом ее влияние — иное:
Все доброе на память приводить.
Они зовутся Летой и Эвноэ[9].
И от обоих следует испить,
Дабы познать Божественную радость.
С другой водой их несравнима сладость
И чистота. Утолена твоя
Томительная жажда, но готова
К моим словам одно прибавить я.
Певцы, поэты века золотого,
С высот Парнаса грезили в мечтах
Об этих лишь пленительных местах,
Где первые из смертных пребывали
В невинности. Для избранной четы

Росли плоды и редкие цветы,
И нектаром ту воду называли,
Которую отведал ныне ты».

К певцам я обернулся, у которых
Улыбку я подметил, и к жене
Божественной, в лесу представшей мне,
Я обратился с радостью во взорах.

Примечания к двадцать восьмой песне

[1] Данте определяет место Рая на самой вершине горы Чистилища и в этом следует указаниям древнейших писателей, помещавших Рай в различных надземных пространствах. Коническая форма горы Чистилища соответствует адской пропасти (воронке), которая, образовавшись от свержения Люцифера с неба, выдвинула из моря землю и имеет такую же глубину, как высокие горы Чистилища.

[2] К западу, так как зефир веял с востока.

[3] Сосновый лес близ города Равенны, недалеко от прежнего портового городка Киасси. Сирокко — сырой юго-восточный ветер, дующий часто в Риме.

[4] Прозерпина, как известно, была похищена Плутоном у матери ее, Цереры, во время собирания цветов на лугу. Под прекрасной женщиной все комментаторы подразумевают графиню Матильду Тосканскую, которая, во время господства папы Григория VII, принесла церкви в дар большие участки земли и считалась одной из самых образцовых правительниц Средних веков.

[5] Когда Венера держала на своих коленях сына Купидона, он случайно ранил ее сердце стрелой, отчего она полюбила Адониса.

[6] Леандр жил в городе Абидосе на азиатском берегу Геллеспонта, а Геро, которую он любил, — в Сестосе, на европейском берегу. Он каждую ночь переплывал Геллеспонт для того, чтобы повидаться с Геро.

[7] Слова 91-го псалма, который прославляет великолепие творений Бога. Матильда, говоря эти слова, дает понять, как хорошо то место, где находится она и перед которым остановились поэты. Улыбка ее объясняется именно восхищением картинами Рая, создания Бога.

[8] Поэт видит здесь противоречие со словами Стация, утверждавшего, что священная гора не подвержена никаким атмосферным явлениям, вследствие чего на ней не может быть никакой жизни (см. «Чистилище», песнь двадцать первую).

[9] Лета — в переводе с греческого — забвение. Эвноэ означает хорошее понимание.

Песнь двадцать девятая

Закончив свое объяснение жизни Рая, Матильда отправляется вверх по течению потока; по другой стороне его наравне с нею следуют Данте и его спутники, Вергилий и Стаций. Через сто шагов Матильда приглашает Данте взглянуть на восток. Там поэт видит ослепительный свет и слышит чудесный напев. Данте упрекает Еву за ее грехопадение, лишившее род людской пребывания в Раю, и продолжает свой путь. Отступая от рассказа, он взывает к музам о помощи для того, чтобы воспеть то видение, которое предстало перед его взором. Он переходит затем к описанию торжества церкви. Он видит сперва семь золотых деревьев, в которых он олицетворяет семь даров Духа Святого; за этими деревьями-светочами следуют двадцать четыре старца-патриарха, одетых в белое, они олицетворяют собою Священное Писание и оставляют за собой семицветный след, соответствующий семи таинствам. Старцы поют славословие Пресвятой Деве Марии. Затем следуют четверо евангельских животных — олицетворение евангелистов. После них движется колесница — церковь — на двух колесах. У правого колеса ее находятся три прекрасные женщины, олицетворяющие собою три богословские добродетели, у левого — четыре женщины, символы кардинальных добродетелей. За колесницей идут святые апостолы: Лука, Павел, Иаков, Петр, Иоанн и Иуда, брат Иакова, и, наконец, св. Иоанн, погруженный в созерцание видений Апокалипсиса. Раздается гром, и шествие останавливается.

Закончив речь, подобная влюбленной
Красавице, запела вдруг она:
— «Блажен, кому прощается вина!»[1]
Как стая нимф из рощи их зеленой,
Одни спешат на солнце и простор,
Другие же — в прохладный темный бор,
Так двинулась она вверх по потоку,
И я — за ней. Вдоль разных берегов
Не сделали и сотни мы шагов,

Как стали оба лицами к востоку,
И молвила она: — «Внимай, смотри,
О, милый брат!» — Как будто луч зари
Иль молния, прорезал чащу бора
Внезапный свет; но исчезает скоро
Блеск молнии, а этот свет меж тем
Все делался блестящей. Тих и нем,
Я спрашивал себя, что значит это?
Вдруг сладостные звуки волны света
Прорезали, и, рвением горя,
Я весь внимал чудесному напеву
И порицал праматерь нашу Еву.
Где, волю их Создавшего творя,
Земля и небо чтили Божье слово,
Там женщина, едва явясь на свет,
Нарушила Божественный запрет,
Не вынося над тайною покрова.
И, не решись она на дерзкий шаг,
Я ранее и дольше этих благ
Вкусить бы мог. Блаженством замирая,
Я тихо шел, предвидя впереди
И высшее из всех — блаженство рая.
Тут различил я песню посреди
Мелодии, которая звенела,
И увидал, как небо пламенело
Над зеленью ветвей.
Пошлите сил
Я вас молю, о девы всеблагие![2]
Не ради ль вас и голод выносил
Я с холодом и бедствия другие?
Пусть напоит струею Геликон
Меня своей! Уранией, со всеми
Ей близкими, чудесно вдохновлен —

Да изложу я тут в своей поэме
Все дивное, чем был я просветлен!

Я расстояньем был обманут странно,
Я мнил, что семь деревьев золотых[3]
Меж зеленью предстали там нежданно,
Но в них узнал я столько же святых
Светильников и различил «Осанна!»
Я в пении небесных голосов.
Светлее, чем над чащею лесов
Во время полнолуния мерцанье
Лучей луны, казалось их сиянье.
Меня восторг чудесный охватил,
К Вергилию я взоры обратил,
Но, как и я, он изумлен был равно.
Светильники к нам приближались плавно,
Напомнив мне походку юных жен[4].
И молвила она: — «Вокруг разлито
Сияние, которым поражен
Не видишь ты того, что в нем сокрыто».
И увидал я светочам вослед
Толпу людей идущих; неземною
Одежда их блистала белизною[5],
Какой на свете не было и нет.
Сверкал налево влагою кристальной
Своей поток, и с левой стороны,
Как будто бы поверхностью зеркальной,
Я отражен был зеркалом волны.
Придя туда, где речкой был одною
Я отделен от светочей, свой шаг
Замедлил я, они же предо мною
Пошли вперед, и, словно дивный стяг
Развернутый, оттенков разноцветных,

Двадцать четыре старца мне предстали,
И лилии на их челе блистали...
.....За ними вдруг,
Как молния, сменившая в эфире
Исчезнувшую молнию, четыре
Евангельских животных с головой,
Увенчанной зеленою листвой,
Предстали нам...

(«Чистилище», Песнь 29)

От них следы ложились в вышине:
Соединенье красок семицветных,
Для солнца служат радугой оне
И поясом для Делии[6]. Знамена
Все уходили дальше от меня;
Под синевой лазурной небосклона,
В сиянии ликующего дня,
Двадцать четыре старца мне предстали,
И лилии на их челе блистали[7].
— «В сиянии нетленной красоты
Да будешь век благословенна Ты[8]
Меж дщерями Адама!» — прозвучали
Их голоса.
Когда цветущий луг
Покинули они, за ними вдруг,
Как молния, сменившая в эфире
Исчезнувшую молнию, четыре
Евангельских животных с головой,
Увенчанной зеленою листвой[9],
Предстали нам, и все они имели
Три пары крыл, которые горели,
Как Аргуса глаза.
Но не могу,
Читатель мой, быть щедр на описанья,
Иль в будущем останусь я в долгу.
Езекииль в своем повествованье
Рисует их, какими сквозь туман
Огонь и снег, пред взорами пророка
Из северных они явились стран.
И с ним во всем согласен Иоанн,
Лишь крыльев цвет его святое око
Иным воображало.
Распустив

Три женщины плясали, и одна
Была, как пламя жгучее, красна,
Другая же в одеждах драгоценных;
Как изумруд, казалась зелена;
Последняя блистала белизною
Чистейшею лишь выпавших снегов.

(«Чистилище», Песнь 29)

Громаднейшие крылья, колесницу
Меж них влачил сверкающую Гриф[10].
Та тела часть, которою Он птицу
Напоминал, — из золота была,
Другая же — пурпурна и бела.
Подобной колесницы триумфатор
Не удостоен в Риме ни один:
Сам Сципион, из Африки равнин
Вернувшийся, и даже император.
В сравненье с ней ничтожной бы нашли
Сияющую солнца колесницу,
Которую, вняв жалобам земли,
Юпитер сжег, когда она границу
Запретную дерзнула перейти,
Вдруг уклонясь с урочного пути.
У правого из тех колес священных
Три женщины плясали[11], и одна
Была, как пламя жгучее, красна,
Другая же в одеждах драгоценных;
Как изумруд, казалась зелена;
Последняя блистала белизною
Чистейшею лишь выпавших снегов.
То белая вела их за собою,
То красная, и легкий ритм шагов
То ускорялся ими в лад напева,
То затихал. У колеса налево
Я четырех[12] увидел; их гурьбу,
Блиставшую одеждами окраски
Пурпуровой, вела с собою в пляске
Четвертая, имевшая во лбу
Не два, а три сияющие ока.
За ними шли, задумавшись глубоко,
Два мудреца уже на склоне лет.

Из них различно каждый был одет[13],
Один из них казался Гиппократа
Учеником, целителя того,
Кого природа, жалостью объята,
Послала тем, кто ей милей всего.
Другой иным казался: обнаженный
Держал он меч могучею рукой,
И я, хотя был отделен рекой,
Затрепетал, испугом пораженный.
За ними шли, склоняя взор к земле,
И четверо других, полны смиреньем[14],
Еще один, объятый сновиденьем[15],
Но с думою высокой на челе.
Явилися в одеждах белоснежных
Все семеро, но вместо лилий нежных
Их украшал из алых роз венок:
Издалека подумать каждый мог,
Что их чело венчает огонек.

Когда ко мне святая колесница
Приблизилась, внезапно грянул гром,
И, словно здесь предстала им граница,
Остановились в шествии своем
Светильники и старцев вереница.

Примечания к двадцать девятой песне

[1] Слова 32-го псалма.

[2] Музы, к которым взывает поэт. Геликон — вершина Парнаса, где рождается источник поэзии. Урания — муза небесной любви и астрономии, к ней обращается поэт, чтобы воспеть семизвездие высшего неба.

[3] Символ семи даров Духа Святого, противопоставленных Данте семи грехам, искупляемым в чистилище. Эти дары суть: смирение, милосердие, знание, храбрость, ум, мудрость и разумение.

[4] Молодые жены имели привычку, ради сохранения скромности, ходить медленно.

[5] Патриархи. Они одеты в белое, что указывает на чистоту их жизни; лилии обозначают чистоту их учения; семь цветов, в которые окрашены их следы, — семь таинств.

[6] Диана, или луна, называлась также Делией, так как она родилась в Делосе.

[7] Двадцать четыре старца-патриарха олицетворяют двадцать четыре книги Ветхого и Нового Заветов.

[8] Намек на слова архангела, обращенные к Пресвятой Деве Марии.

[9] Четыре евангелиста. Они увенчаны лаврами как знаками победы Св. Евангелия над заблуждением.

[10] Здесь Данте аллегорически изображает церковь, представляя ее в виде колесницы. Два колеса — Ветхий и Новый Заветы, по другим комментариям — справедливость и милость. Грифон, или гриф, со своей двойственной природой — Иисус Христос; верхняя — золотая часть обозначает его божественное происхождение; нижняя — белая и красная — невинность и его муки.

[11] Три богословские добродетели: снежного цвета — вера, зеленого — надежда, огненного — милосердие.

[12] Четыре кардинальные добродетели: воздержанность, сила, справедливость и благоразумие. У которой три глаза; она ведет за собою первые три добродетели.

[13] Св. Лука, бывший, по преданию, врачом, и св. Павел. Они олицетворяют Деяния апостолов и Послания св. Павла.

[14] Святые: Иаков, Петр, Иоанн и Иуда, брат Иакова.

[15] Св. Иоанн. Так как им написан Апокалипсис, то Данте изображает его погруженным в видения.

Песнь тридцатая

Торжественная процессия, описанная Данте в предыдущей песне, останавливается. Один из старцев вдохновенным голосом читает стих из Песни песней, и, по его возгласу, над священной колесницей взлетают ангелы, поющие «Благословенна вовеки грядущая!» и рассыпающие вокруг лилии. Среди этих цветов Данте видит святую жену — Беатриче, одетую в одежды белого, зеленого и красного цветов, соответствующих трем богословским добродетелям. Данте трепещет и чувствует, что в нем вновь вспыхнула его былая любовь к Беатриче. Он в страхе спешит к Вергилию, желая сказать ему о своей любви, но не находит уже своего проводника, который, как олицетворение разума, исчез уже при появлении Беатриче, в лице которой Данте воплощает богословие и Божественное откровение. Данте плачет и в это время слышит, что Беатриче называет его по имени. Он со стыдом склоняет свое чело и, не видя лика Беатриче, слушает, как она начинает упрекать его за политические заблуждения и греховную жизнь. Вместе с тем Беатриче говорит, что Данте погиб бы окончательно, если бы она не умолила Вергилия (разум) взять на себя руководительство им, и указывает на то, что перед вступлением на небо Данте слезами и раскаянием должен совершенно очистить свою душу.

В движении своем остановились
На первом небе семеро светил[1],
Чей дивный сонм вовек не заходил,
Которые лишь тьмой греха мрачились
И каждого стезей добра вели,
Как к пристани и семь светил земли
Ведут порой ночною корабли.

Тут первые из старцев тех священных, —
Которые меж колесницей шли

И пламенем светильников нетленных, —
К ней возвели с мольбой глаза свои —
К сокровищнице мира и любви.
Затем один вдруг выступил из круга,
И трижды он воскликнул, вдохновлен:
— «С Ливанских гор гряди сюда, супруга!»[2]
И был напев другими повторен.
Как в судный день, стряхнув могильный сон,
Избранники поднимутся, ликуя,
И возгласят в восторге: «Аллилуйя!» —
Так на призывный глас толпы святой
Служители, посланцы жизни вечной,
Воспрянули над колесницей той.
И, радостью исполнясь бесконечной,
Вся сотня их запела, как один:
— «Грядущая во век благословенна!»[3]
И, вкруг цветы бросая постепенно,
Запела снова: — «Лилии долин
Вы рассыпайте щедрыми руками!»

С рассветом дня, когда полузакрыт
Шар солнечный бывает облаками,
Сиянием смягченным он горит
И смертных взор не ослеплен лучами,
Так и теперь, сквозь облако цветов,
Бросаемых архангелов руками,
Увидел я Жену[4]. Ее покров,
Оливковою веткой прикрепленный,
Весь белый был, а плащ — темно-зеленый,
И красен был ее одежды цвет.
И я, хотя в теченье многих лет
Не трепетал от страха и волненья
В присутствии ее, но в этот миг
Я, прежде чем мне подсказало зренье,

.....Сквозь облако цветов,
Бросаемых архангелов руками,
Увидел я Жену. Ее покров,
Оливковою веткой прикрепленный,
Весь белый был, а плащ — темно-зеленый,
И красен был ее одежды цвет.

(«Чистилище», Песнь 30)

При помощи чудесного внушенья,
Любви былой могущество постиг.
Как только мне предстала эта сила,
Которая еще на утре дней[5]
Болезненно мне душу поразила,
Я, как дитя, что к матери своей
Бежит искать защиты и опоры,
К Вергилию спешил направить взоры,
Сказать ему: — Во мне пылает кровь,
Я узнаю огонь минувшей страсти,
И снова весь я у нее во власти! —
Но он, отца нежнейшего любовь
Являвший мне, хранитель мой Вергилий,
Он, что пришел спасти меня и спас,
Вергилий мой уже оставил нас![6]

Омытые росою белых лилий,
Черты мои омылись слез росой,
Хотя вокруг сиял своей красой
Тот рай земной, которого утрата
Совершена праматерью когда-то.
— «О, Данте! — вдруг я слева услыхал. —
Не плачь, не плачь ты о поэте ныне;
Заплакать здесь придется по причине
Тебе иной». — Как зоркий адмирал,
За целою эскадрой наблюдая,
Ведет ее, так и Жена святая
По имени окликнула меня,
Которое вношу я на страницы
Лишь по нужде. При ярком блеске дня,
Среди своей блестящей колесницы,
Меж ангелов, предстала мне она.
Черты ее я так же, как и в первый,
Не видел раз: покрова белизна,

Увенчанная зеленью Минервы,
Скрывала лик, но, царственным полна
Величием, промолвила она,
Всю силу слов к концу приберегая:
— «Смотри сюда, я — Беатриче, я!
Как ты дерзнул из мрака бытия
Взойти сюда, блаженства достигая?»

К волне речной я наклонил чело,
Но бременем стыда его гнело,
И на траву тут перевел я взоры.
Как матери возлюбленной укоры,
Звучали мне слова Жены святой,
Исполнены суровой добротой.
И ангелов послышались тут хоры:
— «Я на Тебя надеялся, Творец!»[7]

Как те снега, сияющий венец
Высоких гор Италии, в суровом
Дыханье бурь твердеющим покровом
Лежат вокруг, покуда, наконец,
Они ручьем не разольются, тая
От теплого дыханья ветерка
(Как тает воск свечи от огонька), —
Таким я был, покуда мне святая
Песнь ангелов с небесной высоты
Не раздалась, как слово состраданья,
Вещавшее: — «На горькие терзанья
Зачем его здесь обрекаешь ты?»
И, движимый могучих чувств напором,
Тогда в слезах души растаял лед.
И молвила в ответ небесным хорам
Тут Беатриче, выступив вперед:
— «Без отдыха за каждым шагом века

Следите неусыпно вы. Не вам,
Всевидящим, ответ я ныне дам;
Назначен он для слуха человека,
Стоящего на берегу другом.
Он о грехах скорбит нелицемерно,
Но я хочу, чтоб было соразмерно
Раскаянье его с его грехом.
Не вследствие влиянья сфер небесных,
Которыми малейшее зерно
Направлено туда, где быть должно,
Но вследствие и тех даров чудесных:
Обилия божественных щедрот,
Что сыплются на нас с таких высот,
Куда поднять мы взоров не дерзаем, —
Тот, кто теперь раскаяньем терзаем,
Был сотворен для света и добра.
Но почвою, чем более пригодна
Была она к посеву и щедра,
Пренебрегать не следует бесплодно
И запускать ее. Была пора,
Когда ему звездою путеводной
Мой лик служил и девственный мой взор.
Он шел стезей прямой и благородной,
Не ведая соблазна. С тех же пор,
Как на границе возраста иного
Ушла навек из мира я земного,
Забыв меня, он предался другим.
Меж тем как я всем существом моим
Возвысилась от плоти к духу смело
И в красоте и правде преуспела —
Все более меня чуждался он,
На ложную дорогу увлечен,
Гонясь за тем, что призрачно и лживо.
Напрасно я ниспосылала сны,

Предостеречь его пытаясь живо, —
Не слышал он любви моей призыва.
Достиг бы он паденья глубины,
Когда б ему показан не был злобный
Преступный род. Для этого в загробный
Сошла я мир, в слезах моля того,
Кто сделался затем вождем его,
И ныне он завет Творца верховный
Нарушил бы, когда б дерзнул виновный
Переступить священной Леты грань
И освежить уста ее струями,
Не заплатив горючими слезами
Пред Господом раскаяния дань!»

Примечания к тридцатой песне

[1] Подобно семизвездию Большой Медведицы (семь светил земли), которое служит для моряков путеводной звездой, семь даров Святого Духа, о которых говорилось в предыдущей песне и которые происходят из высшего неба, по словам Данте, служат церкви в виде путеводителей; они никогда не затемняются сами по себе, а только по вине людей, вследствие этого Данте называет их семью светилами первого неба.

[2] Песнь песней. Этими словами Соломон взывает к Беатриче.

[3] «Благословен грядущий!» — слова народа, обращенные к Спасителю. Ангелы прибавляют: «Бросайте лилии полными горстями!» (подражание «Энеиде».)

[4] Беатриче, или богословие.

[5] Данте полюбил Беатриче, когда ему было девять лет (см. его биографию).

[6] Вергилий, олицетворявший собой разум, исчезает при появлении Беатриче (богословия).

[7] Начало 8-го псалма.

Песнь тридцать первая

Беатриче снова обращается к Данте и приглашает его признаться и покаяться в своих грехах, так как воспоминания о прошлом у него не смыты священной водой Леты — реки забвения. Он едва слышно кается, так как подавлен укором Беатриче, а она продолжает упрекать его. Она говорит, что после того, как она скончалась, он, Данте, должен был бы совершенно забыть о земных благах и всецело стремиться только к высшему блаженству. Данте слушает Беатриче, потупив взор, она же с презрением приказывает ему поднять кверху лицо. Поэт мгновенно исполняет это и видит черты Беатриче, скрытые легким покрывалом и полные особенной небесной красоты. Взор Беатриче обращен к Божественному Грифону, олицетворяющему Иисуса Христа. Данте поражен и теряет сознание; когда же он приходит в себя, то замечает Матильду, которая приказывает ему войти в реку забвения. Поэт исполняет это и вступает на другой берег реки, где находится Беатриче. Здесь к нему приближаются четыре женщины, говорящие, что они назначены служить Беатриче и привести к ней Данте. Они приводят его к Беатриче и ставят перед ее лицом. В глазах ее отражается Божественный Грифон, на которого направлен его взор. В это время появляются три небесных создания — богословские добродетели: вера, надежда и любовь, которые умоляют Беатриче заговорить с Данте и показать ему свою небесную красоту. Эта красота так ярка и восхитительна, что Данте сомневается в возможности изобразить ее.

«Оставайся с той стороны потока!» —
Так Беатриче продолжала речь,
Чье острие, язвя меня жестоко,
Вонзалося мне в душу, словно меч, —
«Признай же сам всю истину упрека,
Слова мои признаньем подтверди!»

Я скорбью был подавлен так глубоко,
Что замерли слова в моей груди,

И силы все казалися разбиты.
И, подождав, она сказала мне:
— «Когда водой забвения не смыты
Воспоминанья — кайся же в вине!»

Подавленный, страдая от укоров,
Чрез силу мог ответить я тогда,
И с уст моих сорвалось тихо: — Да! —
Понятное при помощи лишь взоров.
Случается, что рвется тетива,
Когда порой натянут лук чрезмерно,
И, задрожав, стрела летит неверно,
Так и мои замедлили слова.

И молвила она: — «Стезею блага
Тебя в былом любовь ко мне вела.
И глубина какого же оврага
Тебя в пути остановить могла?
Покорствуя каким преступным чарам,
Ты ложных благ искал с великим жаром?»
Тяжелый вздох сорвался у меня,
И молвил я, рыдая и стеня:
— Когда твой лик исчез передо мною,
Погнался я за суетой земною. —
Ответила она: — «Грехи твои
Не скрылись бы от зоркости Судьи,
Но каждое признание, подобно
Вот этому, остановить способно
Те жернова, что заостряют меч
Господня правосудия разящий.
Тебя хочу в грядущем остеречь
И от стыда, и от печали вящей.
Когда сирен услышишь зов манящий,

Источник слез горючих осуши
И выслушай всей силою души
Слова мои. Очарованья чувств
Ты находил в моей земной красе,
Которое природы и искусства
Не заменят очарованья все.
Когда ж она добычей стала тленья —
В ней высшего лишася наслажденья,
Ты должен был земному чуждым стать,
Не ожидая нового; страданья
Иль жалкою девчонкой обладанья[1] —
На небеса глаза свои поднять.
Поймать себя лишь маленькая птичка
Дозволит нам; у старых птиц привычка
К опасности дозволить разглядеть
И избежать расставленную сеть».

Объят стыдом, потупив очи долу,
Как иногда случается с детьми,
Внимал и я суровому глаголу.

Промолвила она: — «Приподними
Ты бороду свою, и в созерцанье
Меня найдешь ты большее терзанье,
Чем до сих пор пришлось узнать тебе!»

Могучий дуб с порывом бурь в борьбе
Оказывает им сопротивленье
Не большее, чем проявил тогда
Я мысленно, услышав повеленье.
Ее слова: не лик, а борода —
Казались мне исполнены презренья,
Таящего насмешки жгучий яд,

Увидел я прекрасное созданье,
Представшее мне здесь с зарею дня.
К реке она с собой влекла меня,
Мне говоря: — «Доверься!» — Погруженный
До самых уст, скользил за нею я,
Столь быстрою и легкой, как ладья.

(«Чистилище», Песнь 31)

И, наконец, когда я поднял взгляд,
Увидел я, что ливень роз душистый
Не падает и взор Жены лучистый
К Божественному Зверю устремлен,
Что двойственной природой наделен.
Когда ее под дымкой покрывала
Увидел я — небесные черты
Явились мне в сиянье красоты,
Которая настолько ж затмевала
Ее красу в былом, насколько та
Всех прочих жен красу превосходила.
И вмиг других влечений суета
Раскаяньем так сильно уязвила
Всю душу мне, как терний злых игла —
Что взор очей собой затмила мгла.
Когда ж ко мне вернулось вновь сознанье,
Увидел я прекрасное созданье[2],
Представшее мне здесь с зарею дня.
К реке она с собой влекла меня,
Мне говоря: — «Доверься!» — Погруженный
До самых уст, скользил за нею я,
Столь быстрою и легкой, как ладья.
Вниз берега священного, плененный,
Услышал я торжественный псалом:
«Очисти мя!»[3] — заслышав эти звуки,
Прекрасная жена воздела руки,
Соединив их над моим челом,
И, в воду вновь глубоко погруженный,
Испробовал я вкус воды святой.
Духовною блистая чистотою,
Затем ступил на берег я зеленый,
И тут же был гурьбою окружен
Кружившихся в священной пляске жен[4].

— «Здесь нимфы мы, на небе же — светила,
И ранее, чем Беатриче в мир
Явилася, указано нам было
Служить ей здесь. Тебя вести наш клир
Обязан к ней, но с тем, чтоб лицезренье
Красы ее не ослепило вмиг
Очей твоих, то с помощью других[5]
Ты изощри твое земное зренье!»

К Грифону был я ими подведен
С той стороны, где Беатриче дивной
Был светлый взор к Грифону обращен,
И снова глас послышался призывный:
— «Насыть же взоры жадные твои;
Перед тобой — два чудных изумруда.
Давно уже блеснувшая оттуда
Ужалила тебя стрела любви».

Вмиг тысячи желаний приковали
К ее очам божественным меня.
Могучее и пламенней огня
Желания те не были едва ли,
И в глубине любимых мной очей,
Как в зеркале сияние лучей,
Был отражен то стороной одною,
То стороной другою дивный Гриф
С природою божественно-земною...
Читатель мой, вообрази порыв
Объявшего меня недоуменья,
Когда Его увидел в отраженье
Преображенным я, меж тем как Он
Сам по себе предстал не изменен.

Покуда все я созерцал смущенный
И радостный, а взор ненасыщенный
Все большого желал — явились три
Небесные создания, доселе
Стоявшие поодаль и запели:
— «О, Беатриче дивная, смотри,
Смотри сюда! Взгляни же благосклонно
На верного, который, неуклонно
К тебе стремясь, прошел далекий путь.
Из милости ты милостивой будь:
Заговори, яви очам поэта
Ту красоту, что скрыта от него!»[6]

О, яркий блеск божественного света!
Найдется ли меж теми, для кого
Парнаса тень убежищем служила,
Кого струя поэзии вспоила,
Хотя один, кто не был бы смущен,

Когда б тебя попробовал такою
Изобразить в своей поэме он,
Какою ты явилась предо мною,
Там, где тебя, прозрачна и светла,
Гармония небес обволокла,
Подобно дымке легкой покрывала,
Такою мне ты в воздухе предстала.

Примечания к тридцать первой песне

[1] В оригинале стоит слово: «pargoletto» — девчонка, под которой подразумевается, вероятно, Джентука, молодая девушка, которую Данте любил в Лукке

[2] Матильда (см. песнь двадцать восьмую).

[3] Слова 91-го псалма

[4] Четыре добродетели — воздержанность, сила, справедливость, благоразумие; о них Данте говорит в начале «Чистилища» после описания своего выхода из Ада, когда они сияли на небе в виде четырех светил

[5] Веры, надежды и милосердия Это три богословские добродетели, которые одни способны дать душе возможность постигнуть божественное откровение.

[6] Эта красота есть красота божественная; Беатриче приобрела ее уже на небе.

Песнь тридцать вторая

Данте наслаждается созерцанием Беатриче, он не может оторвать от нее своего взора, но в это время к нему подходят три священные женщины (добродетели, предостерегающие его от слишком долгого созерцания и отворачивающие его лицо от Беатриче). В первый момент Данте ослеплен, но затем видит, что вся торжественная процессия церкви поворачивает направо и движется дальше в своем стройном порядке. Колесницу везет Божественный Грифон. Матильда, Стаций и Данте следуют у правого колеса. Процессия проходит через райский лес и останавливается. Беатриче сходит с колесницы, и Данте слышит слово «Адам». Он видит перед собой лишенное листьев древо познания добра и зла. Божественный Грифон после славословия, воспетого в похвалу его, привязывает дышло колесницы к древу, и оно вдруг покрывается листьями и цветами. Данте впадает в забытье, но тотчас же пробуждается, выведенный из бессознательного состояния словами Матильды. Он спрашивает о том, где находится Беатриче, и, по указанию Матильды, видит ее в тени ожившего древа познания. Беатриче говорит ему, что он пребудет с ней на небе, чтобы сообщить затем на земле, в поучение людям, о страданиях церкви. Тотчас же после этого Данте видит, как на колесницу нападает орел, сокрушающий ее; за орлом в нее проникает лисица, изгоняемая Беатриче, затем вновь в колесницу спускается орел, осыпающий ее перьями. За орлом появляется дракон, отрывающий от колесницы одну из ее частей; затем на колеснице видны семь страшных голов, после которых на нее садится блудница с великаном, бьющим блудницу и исчезающим в лесу. (О значении этого видения см. в примечаниях.)

Измученный десятилетней[1] жаждой,
Минутою я пользовался каждой,
Чтоб утолить скорее мне ее;
И временно как будто забытье
Глубокое все чувства охватило.
Небесная улыбка захватила

Меня опять в чарующую сеть.
— «Остерегись усиленно глядеть!» —
Промолвили три светлые созданья
И в сторону мне обернули лик.

Как взоры нам полдневное сиянье
Слепит порой, так точно в первый миг
Я ослеплен был переходом к свету
Слабейшему. И рать святую эту
Увидел я, идущую гурьбой,
Имея семь огней перед собой
И солнца шар. И так, как, под защитой
Щитов своих построившись, отряд
Повертывает фронт: за рядом ряд, —
Так воинство небесное со свитой
Скорее, чем успела повернуть
Сияющее дышло колесница,
Вновь двинулось в порядке стройном в путь,
И стала жен прекрасных вереница
У двух колес. Божественный Грифон
Вновь двинулся, и колесницу Он
Повлек вперед, не шевеля крылами.
Прекрасная жена и Стаций с нами
У правого держались колеса,
И ангелов звучали голоса.
И, песне в лад, мы легкими шагами
Прошли тот лес, который опустел
С тех пор, как змий, ища себе добычи,
Склонить жену к падению успел.
На расстоянье трех полетов стрел
Остановясь, спустилась Беатриче,
И слово мне послышалось: «Адам!»
Лишенное листвы[2] увидел там

Я дерево, и привела б вершина
Могучего лесного исполина
В восторг людей из отдаленных стран
Среди лесов, какими Индостан
Прославился. Тут нежного напева
Послышались слова: — «Хвала, Грифон,
Тебе за то, что и в порыве гнева
Священного не истребил Ты древа,
Чей сладок плод, хотя приносит он
Вкушающим его страданий бремя!»
И отвечал Божественный Грифон:
— «Так истины Мы сохраняем семя».

Тут привязал к подножию ствола
Бесплодного Он дышло колесницы,
И, как весной, в сиянии денницы,
Живительного света и тепла,
Растения, ожившие от ласки,
Развертывают почки без числа,
Цветов своих возобновляя краски, —
Так дерево, лишенное листов,
Покрылось вдруг обилием цветов,
Которые казались мне бледнее
Пурпурных роз, фиалок же — краснее.
И пения, что вскоре раздалось,
Я на земле не слышал бы вовеки,
Но мне его дослушать не пришлось.
Описывать не стану я, как веки
У Аргуса[3] смежил невольный сон,
Пока внимал повествованью он;
Так потерял, внезапно усыпленный,
Сознанье я, но пробудился вмиг,
Сиянием чудесным ослепленный.

— «Что делаешь? Восстань!» — раздался клик.
Так на горе, их забытье рассея,
Над павшими Иаковом, Петром
И Иоанном, словно Божий гром,
Раздался глас, и, вставши, Моисея
Они с Ильей уж больше не нашли,
А Господа Спасителя вдали
Увидели они преображенным[4].
Так, пробудясь, увидел наклоненным
Я над собой жены прекрасной лик,
С чьей помощью я берега достиг.
— Где Беатриче? — молвил я с тоскою,

И, указав на дерево рукою,
Ответила мне спутница: — «Взгляни,
Со свитою сидит она в тени
Вон той листвы, чудесно обновленной,
Другие же толпою просветленной
Под звуки песни дивно умиленной
Возносятся с Грифоном к небесам».

Что слышал я еще — не помню сам;
По-прежнему с восторгом без границы
Я созерцал ее, лишь на земле
Сидевшую, на страже колесницы.
Семь светлых нимф[5], чьих факелов во мгле
Не загасить вовеки Аквилону[6],
Стояли вкруг, подобно легиону.
И Беатриче голос произнес:
— «Здесь пребыванье наше скоротечно,
Но в Риме[7] том, где гражданин — Христос,
И ты, как Он, со мной пребудешь вечно.
Дабы спасти коснеющих во зле
И указать им путь, ведущий к свету,
Гляди сюда, на колесницу эту.
Что видишь здесь — расскажешь на земле».

И я повиновался.
С быстротою
Подобною огнистых молний луч
Не падает из поднебесных туч,
С какой, спустясь над колесницей тою,
Юпитера орел терзал цветы
И свежие зеленые листы.
Ударил он по колеснице чудной,
И вся она согнулась, как в грозу

.....Так же твердо,
Как горная скала на высоте,
Она в своей бесстыдной наготе
Воссела вдруг на колеснице гордо.
Обвив рукой блудницы этой стан,
С лобзаньем к ней являлся великан...

(«Чистилище», Песнь 32)

Напором волн кидаемое судно,
Которому бороться с бурей трудно.
Тут увидал я тощую лису,
Пробравшуюся тайно в колесницу,
Но прогнала коварную лисицу
Святая Беатриче, и орел,
Которого я видел, снизошел
Затем в нее и перьями своими
Усеял всю; тогда услышал я,
Как в небесах вдруг раздалось над ними:
— «Печальный груз несешь ты, о ладья!»[8]
И голос тот звучал подобьем стона,
Тут меж колес увидел я дракона.
Явившийся из самых недр земли,
Он запустил, не устрашась нимало,
Свой длинный хвост, как запускают жало,
В святую колесницу, и вдали
Затем исчез влача с собой в пыли
Оторванную им ее частицу.
Быстрей, чем вздох к нам ветер бы донес,
Увидел я, как перья колесницу
Покрыли всю, от дышла до колес,
Преобразив в чудовищную птицу.
И семь голов вмиг появилось там.
У дышла — три, четыре — по углам.
На первых я заметил по два рога,
На остальных — всего по одному.
И душу мне смутила вновь тревога,
Но, к вящему испугу моему,
Увидел я блудницу. Так же твердо,
Как горная скала на высоте,
Она в своей бесстыдной наготе
Воссела вдруг на колеснице гордо.

Обвив рукой блудницы этой стан,
С лобзаньем к ней являлся великан,
Но, взор ее заметив сладострастный,
Что на меня был ею обращен,
Немедленно пришел он в гнев ужасный,
И, ревностью безумной ослеплен,
Стал бичевать он яростно блудницу,
И, отвязав поспешно колесницу,
В глуши лесной от глаз сокрылся он[9].

Примечания к тридцать второй песне

[1] Со смерти Беатриче прошло десять лет. Она скончалась в 1290 г., Данте же совершает свое странствование в загробном мире в 1300 г. (см. «Ад», песнь первую).

[2] Древо познания добра и зла, ставшее бесплодным вследствие грехопадения Адама.

[3] Ио была любима Юпитером, но ревнивая Юнона поручила стоглазому Аргусу наблюдать за Ио. Юпитер, узнав про это, послал Меркурия, который усыпил Аргуса, рассказывая ему приключения нимфы Сиринги, и убил его во время сна.

[4] Преображение Иисуса Христа на горе Фавор: Евангелие от Матфея, гл. 17.

[5] Четыре кардинальные добродетели и три богословские (см. предыдущую песнь).

[6] Северный ветер.

[7] В Раю.

[8] Это восклицание принадлежит апостолу Петру, так как ладья его должна быть нагружена лишь благочестивыми душами. Весь рассказ — аллегорическое изображение страданий церкви, олицетворяемой колесницей. Сперва на нее нападает птица Юпитера, что обозначает орла языческой Римской империи, той эпохи, когда происходили гонения на христиан. Беатриче, т. е. богословие, прогоняет затем лисицу, или ересь. Вторично прилетающий орел наполняет колесницу перьями, под видом этого орла подразумевают царя Константина, который дал церкви многие блага, но эти блага дали папам толчок к исканию власти. Дракон, выходящий из земли, олицетворяет магометанство, которое оторвало от христианской церкви Азию. Семь голов — семь смертных грехов; из них с двумя рогами суть гнев, месть и зависть, с одним рогом — лень, скупость, обжорство и любострастие.

[9] Блудница и великан, по мнению некоторых толкователей, изображают собой папу Бонифация VIII и короля Филиппа Красивого.

Песнь тридцать третья

При виде терзаний священной колесницы (церкви) семь жен-добродетелей печально восклицают слова псалма Давида. Беатриче говорит, что она должна будет их покинуть, но скоро вернется, и, поставив Данте и Стация сзади процессии, а семь жен впереди, двигается в путь. Затем она приглашает Данте приблизиться к ней и рассказать обо всем, что его может волновать. Ободрив Данте, она предсказывает будущую судьбу церкви, возмездие за ее поругание и восстановление ее в первоначальной чистоте. Речь свою она ведет в аллегорической форме, как бы желая испытать, насколько проницателен Данте, ум которого закаменел под влиянием его грехов и философских учений, так далеких от божественной истины, как далек земной шар от небесных сфер, приводимых в движение высшим началом. Данте говорит на это, что он не помнит о том, чтобы он мысленно когда-либо был далек от Беатриче, но она указывает ему, что он не без причины испил воды из реки забвения Леты, которую дают тут лишь для того, чтобы забыть былые заблуждения. Затем Беатриче обещает Данте сделать для него совершенно понятными ее речи и приказывает Матильде окунуть Данте в воду реки Эвноэ — реки ясного понимания. Данте погружается в воду и благодаря этому становится вполне готовым к вступлению в Рай. На этом месте он прерывает свой рассказ, заканчивая этим вторую часть поэмы.

«Пришли народы, Господи»[1], — взывали
С рыданием всех семерых уста.
И Беатриче, слушавшей едва ли,
Печальнее казалась у Креста
Мать Господа под бременем печали.
Когда ее подруги замолчали,
Промолвила, воспламенясь, она:
— «Возлюбленные сестры! Недалеко
Тот час, когда покинуть вас должна,
Но вновь опять, по истеченье срока

Недолгого, вы будете со мной».
И, сделав нам движение рукой,
Семь жен она поставила в начале
Процессии, а Стация — в конце,
И с ним меня. Дорогой мы молчали,
Но, ясный взор вдруг на моем лице
Остановив, она сказала нежно:
— «О, милый брат, приблизься! Обо всем,
Что здесь тебя волнует неизбежно, —
Расспрашивай, покуда мы идем».

Я поспешил исполнить повеленье,
Но, словно тот, пред высшими почтенья
Исполненный, кто говорит дрожа,
Бессвязно я промолвил: — Госпожа,
Ты знаешь все души моей стремленья,
И ты вполне их выполнить властна!

И молвила на это мне она:
— «Желаю я, чтоб ты оставил трепет
И ложный стыд и непохожа речь
Была б твоя на полусонный лепет.
Дно колесницы, что успел увлечь
С собою змий, не существует боле[2],
Но скорое возмездье — в Божьей воле,
И от него похлебка не спасет[3].
Наследников орел себе найдет[4];
Он колесницу перьями усеял
И чудищем сперва ее содеял,
А вслед за тем — добычей. Но вперед
Я предскажу: счастливое созвездье
На небесах со временем взойдет,
И числами: пять, десять и пятьсот[5] —
Исполнится законное возмездье
Над гнусною блудницею и тем,

Кто с ней грешит и всем чинит обиды,
Пусть речь моя понятна не совсем,
Как предвещанье Сфинкса иль Фемиды —
События загадку разрешат.
(Так без вреда для хлеба и для стад
Решил ее когда-то рой наяд[6].)
Слова мои, в их полноте и силе,
Ты передай живущим жизнью той,
Которая приводит их к могиле,
Поведай им, плененным суетой,
Что дерево здесь дважды осквернили:
Тот, кто его ломает и листву
С плодами рвет, — наносит оскорбленье
Жестокое тем самым Божеству.
И первая душа[7], во искупленье
Вины своей, нарушивши запрет,
В страданиях ждала пять тысяч лет,
Пока придет Несущий избавленье.
Твой ум заснул, и сон его глубок,
Когда понять не можешь ты и ныне,
Зачем оно так широко в вершине,
А ствол его ветвистый так высок.
И, если бы лишь суете минутной
Весь преданный мыслей твоих поток
Не походил на воды Эльсы мутной[8]
И ими ум не запятнал ты сам,
Как белый плод в крови своей Пирам[9], —
Ты понял бы всю справедливость Бога
В законе том, что воспрещает строго
Опасного плода касаться нам.
Но вижу я: черствеет пониманье
В уме твоем, и так затемнено
Количеством грехов твоих оно,
Что слов моих тебя слепит сиянье.

А потому хотя не в начертанье,
Но в памяти их унеси с собой.
Так на пути зеленом пальм листвой
Спешат обвить свой посох пилигримы».

И отвечал на это я: — Как воск
Печать свою, так сохраняет мозг
Твои слова, они неизгладимы.
Но почему речей твоих полет
Достиг таких сияющих высот,
Что для меня они недостижимы?

И молвила она: — «Затем, чтоб ты
Постигнуть мог всю глубь неправоты,
Ошибки все тобой избранной школы[10]
И понял сам, что Господа глаголы
Так чужды всем житейским голосам,
Как шар земной лазурным небесам,
Подверженным столь быстрому движенью,
Что их нельзя опередить мышленью».

— О, дивная! Не помню, чтоб далек
Я стал тебе, забыв твои советы,
И совести безмолвствует упрек.
— «Ты только что испил воды из Леты, —
Ответила она и на меня
С улыбкою взглянула, — без огня
Немыслим дым[11]: подобное забвенье
Грехов твоих таит изобличенье.
Но знай: покров таинственный сниму
С речей моих, и станет их значенье
Понятным впредь и грубому уму».

В сиянии лучей своих светило
Полдневное в меридиана круг

Торжественно и медленно вступило,
Когда семь жен остановились вдруг,
Подобные разведчиков отряду,
В тени лесной, напомнивший прохладу
Альпийских гор и свежесть ручейков
Под зеленью развесистых дубов.
Невдалеке бежали Тигр с Евфратом
Из одного истока, расходясь
Насильственно, как брат с любимым братом.
И, видя все, воскликнул я, дивясь:
— О, чудный свет, возвысивший народы!
Остановись и снизойди к мольбе;
Поведай мне: какие это воды?

— «Пускай ответ Матильда даст тебе!»
И молвила Матильда: — «Воды Леты
Ужель могли изгладить без следа
Из памяти его мои ответы?»
И Беатриче молвила тогда:
— «Порою их понятие земное
Заботою иной затемнено,
Но подведи его к струям Эвноэ
И оживи, как делать суждено
Тебе всегда, в нем силы благотворно».

Прекрасная приблизилась покорно,
И, женственною прелестью полна,
Тут Стацию промолвила она:
— «Ты с ним иди!»
Читатель мой, избыток
Будь времени и места у меня,
Исполненный священного огня,
Воспел бы я божественный напиток.
Но отдал я второй поэме дань:

Читатель мой, избыток
Будь времени и места у меня,
Исполненный священного огня,
Воспел бы я божественный напиток.

(«Чистилище», Песнь 33)

Приведены к концу ее страницы,
И творчества я не нарушу грань.

Охваченный восторгом без границы,
Покинул я священные струи
Очищенным, для жизни обновленным,
Подобен весь растениям зеленым,
Меняющим весной листы свои,
И вознестись желанье охватило
Меня туда, где блещут нам светила[12].

Примечания к тридцать третьей песне

[1] «Господи, народы пришли!» — это слова, которыми Давид в своем псалме оплакивал разрушение Иерусалима. Здесь Данте, вложив эти слова в уста семи жен-добродетелей, относит их к церкви, которую измучил король Филипп Красивый. Он вел борьбу с папой Бонифацием VIII, а после смерти папы Бенедикта XI перенес резиденцию папы из Рима во Францию, в город Авиньон, в 1305 г.

[2] Т. е. в настоящую минуту папа не находится в Риме, но за его насильственное пленение в Авиньоне со временем последует должное возмездие.

[3] Во времена Данте во Флоренции существовало поверие, что если убийца успеет в течение девяти дней поесть похлебки на могиле убитого, то ему нечего опасаться возмездия за убийство.

[4] Т. е. явится император, который потребует назад от церкви ее светскую власть, основание которой было положено дарами императора Константина (см. песнь тридцать вторую, примечания).

[5] Если написать по римскому исчислению цифры пять, десять и пятьсот, то составится слово DUX, т. е. предводитель. Под это слово толкователи подставляют различные имена и, между прочим, императора Генриха VII и Кана Гранда делла Скала. Другие же толкователи Данте видят здесь указание не на светского, а на духовного вождя и поддерживают свое мнение ссылкой на дальнейшие стихи о хлебе и стаде, которые могут относиться только к духовному пастырю.

[6] Наяды присвоили себе право угадывать предсказания Фемиды.

[7] Адам.

[8] Речка в Тоскане, приток Арно; ее вода имеет свойство покрывать каменистым осадком все, что в нее брошено.

[9] Пирам запятнал кровью плод тутового дерева перед своей смертью.

[10] Мнения философов, мудрецов земли, далекие от божественной истины.

[11] Выражение, соответствующее нашей пословице «Нет дыма без огня» и употребляемое в том же смысле.

[12] Каждая часть трилогии заканчивается словом: STELLA — звезда, светило.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАЙ

Песнь первая

Данте, начиная третью часть поэмы, говорит, что он, поднимаясь на небо, видел чудо, и обещает воспеть все виденное им, но при этом взывает к Аполлону и музам, прося у них помощи в его труде. У врат небесного пространства спутница Данте — Беатриче — останавливается и пристально смотрит на солнце. Поэт, в свою очередь, глядит на Беатриче и чувствует, что он становится иным, чем был на земле. Он замечает движение небесных сфер и, удивляясь им, желает знать причину, по которой ему стало возможным вознестись к первому небу (Луне) над воздухом и огнем. Беатриче дает ему объяснение, говоря об устройстве небесных сфер и о том, что проникновение в первое небо стало доступным для Данте потому, что он избавился от оков страстей и грехов, стал чистым духом и, подобно огню, возносится к небу.

Тот, Кем все движется[1], божественно нетленной
Своею славою сияет во вселенной;
Где — более она, где — меньше разлита.
Я в небо восходил, и горних высота
Была открыта мне; там созерцал я чудо,
Но передать о нем бессильны тех уста,
Кто, лицезрев его, спускается оттуда:
Затем, что разум наш, увидев пред собой
Своих желаний цель[2], такою глубиной
Бывает поглощен, что нет уже возврата
Воспоминаниям. Но все, что мне когда-то
Увидеть довелось в божественном краю, —
Сокровища небес — я в песне воспою.

О, Аполлон благий! Вдохни огонь священный
И свыше вдохнови последний этот труд,

Соделав из него даров твоих сосуд,
Чтоб мог я заслужить по праву лавр бесценный.
Одной вершиною Парнасскою[3] досель
Довольствовался я, теперь же вместе с нею
Нужна другая мне — затем, что я имею
Иную пред собой возвышенную цель.
Дай силу мне, с какой, в былом, казня сурово,
Ты кожу с Марсия[4] виновного совлек.
И, если б тень того здесь передать я мог,
Что видел в царстве я блаженства неземного —
Тогда б венчался я священною листвой[5].
Так редко, мой отец — о, не позор ли это? —
Для увенчания царя или поэта
Приходится срывать нам лавр зеленый твой,
Что сам Дельфийский бог быть должен в восхищенье,
Когда хоть в ком-нибудь могло зажечь влеченье
Пенея дерево[6]. От искры до огня
Не слишком далеко: искуснее меня
Поэты явятся, звучней их песнь польется,
И, может быть, в ответ им Кирра отзовется.

Свет мира[7] в разные вливается врата,
Но там, где четырех кругов соединенье
Образовало три чудесные креста[8], —
Прекрасней звезды там, сильней его теченье,
Послушнее ему бывает воск земной.
У этих чудных врат со стороны одной
День ясный восходил, с другой же — сумрак ночи.
И полушарие казалося одно
Все белое, как снег, другое же — черно.
И тут увидел я, как Беатриче очи
Свои небесные на солнце возвела;
Столь пристальным едва ль бывает взор орла.

И так, как иногда случается порой:
Из первого луча исходит луч второй
И возвращается, как пилигрим, обратно, —
Так действие ее проникло непонятно
Через глаза ее мне в душу, возбудив
Такое ж действие, и, взоры устремив,
На солнце долее глядел я, чем возможно
Оно для смертного. На этих высотах
Доступно многое, что было бы в местах,
Нам уготованных для жизни, невозможно.

Не долго выносить я мог его лучи,
Но видел: как металл, что вынут из печи,

Оно бросало искр блестящих вереницы.
Вдруг показалось мне, что вижу свет денницы
Я новый в небесах, как будто небосвод
Другим светилом дня украсил дивно Тот,
Кому возможно все. Но, с вечной колесницы[9]
Очей не отводя, стояла там Жена,
И вся душа моя, вмиг преображена,
Стремилась ей вослед. Такою же судьбою
Постигнут был и Главк[10], когда, морской травою
Насытясь, божеством он сделался морским.
Нет слова у меня, нет сил для выраженья,
Постигшего меня в тот миг преображенья.
Любовь[11], которою весь мир руководим,
Вознесшая меня своим чудесным светом,
Зачем я не таким остался в мире этом,
Каким я создан был? Какой еще пример
Могу я привести?
Когда движенье сфер[12],
Стремящихся к Тебе струею их небесной,
Уравновешенных гармонией чудесной,
Мое внимание внезапно привлекло,
От солнечных лучей, широко и светло
Вокруг разлившихся, зарделись небосводы;
В обилии таком не разливались воды
Громаднейших озер. И звуков новизна
В связи с неведомым божественным сияньем
Исполнила меня мучительным желаньем
Узнать причину их. Тут молвила Она[13],
Пред кем душа моя была обнажена,
В ответ волнениям томительно тревожным:
— «Ты ныне ослеплен воображеньем ложным
И правды потому увидеть не успел.
Покинул землю ты. Быстрей полета стрел

Из тучи грозовой свершилось возвращенье
Твое на небеса».
От первого сомненья
Ответ, который был с улыбкою мне дан,
Меня освободил; другим же обуян
Сомненьем, я сказал:
— Теперь от изумленья
Я прихожу в себя, но как же в эту высь
Я мог над легкими телами[14] вознестись?

Со вздохом, словно мать, внимая бреду сына,
Ответила она: — «Связует воедино
Все в мире сущее божественный закон;
Ему благодаря, Всевышний отражен
В творении Своем. Безгрешные созданья
Здесь видят яркий след могущества Творца,
К кому закон Его влечет их без конца.
И, следуя ему на близком расстоянье,
На дальнем ли — но всех влечет одно желанье:
Присущий им инстинкт в различные края,
К различным гаваням чрез море бытия.
Огонь стремится вверх, инстинкту покоряясь.
Инстинкт же — двигатель и всех людских сердец;
Звеном связующим он служит, наконец,
И для гостей земли, властителем являясь
Всего живущего, и, словно меткий лук,
Не только он разит созданий низших круг,
Сознанья ясного и разума лишенных,
Но всех, разумною любовью одаренных.
Являет Промысел премудрости пример,
И в небе Он разлить спешит успокоенье
Там, где вращается быстрейшая из сфер;
Туда относит нас, как к цели назначенья,

Могучий этот лук. Бывает иногда,
Что замечается от плана уклоненье
И форма замыслу художника чужда —
Вина материи, глухой и непокорной.
Так и создания, влекомые упорно
Приманкой ложною, от истинных путей
Вдруг уклоняются: так молнии огней
Паденье видишь ты. Не удивляйся боле,
Что поднимаешься, как ни дивился б ты,
Увидев ручеек, бегущий с высоты,
Страннее было бы, когда б по доброй воле
Остался на земле свет истины живой».

И к небу вновь Она взор обратила свой.

Примечания к первой песне

[1] Т. е. Бог.

[2] Господь, которого желает созерцать Данте.

[3] Парнас состоит из двух вершин, называющихся Геликон и Кипарисон. Они посвящены Аполлону и Вакху. Ломбарди полагает, что под первой вершиной Данте разумеет муз, к которым он обращался уже, а под второй — Аполлона, которого он теперь призывает.

[4] Марсий Фригиец, превосходно игравший на флейте и вздумавший состязаться с Аполлоном, тот, победив его, содрал с него живого кожу.

[5] Лиственный лавр, являвшейся наградой людей, чем либо прославившихся.

[6] Пеней — река и вместе с тем бог, отец Дафны, превращенной в лавр, который вследствие этого и дорог Аполлону. Кирра — город у подножия Парнаса, посвященный Аполлону; там был его храм и оракул. Смысл стихов «Дельфийский бог» и т. д. следующий: Аполлон должен обрадоваться тому, что спустя много-много веков находится человек, посвящающий всего себя поэзии, стремящийся заслужить себе драгоценную награду в виде лавра.

[7] Солнце.

[8] Когда солнце входит в линию овна и четыре круга горизонт, зодиак, экватор и колурий — пересекают друг друга, образуя три креста, тогда солнце разливает благотворное тепло, так как приближается весна. Аллегорически здесь изображаются четыре моральные и три теологические добродетели.

[9] Сферы Когда Данте и Беатриче поднялись в сферу огня, Беатриче рядом с солнцем явилась как второе светило

[10] Рыбак Главк с острова Эвбеи оставил на траве несколько рыб, которые, поев травы, почувствовали в себе новые силы и бросились в море Главк последовал их примеру и сделался морским богом («Метаморфозы» Овидия)

[11] Здесь Данте взывает к верховной любви, т. е к Богу.

[12] От первого движущегося неба (primum mobile), двигателем которого является Бог, сущий в Эмпирее, высшем неподвижном небе, получают свое движение все остальные сферы до Луны включительно и распространяют сладкую гармонию, которая становится еще совершенней в высших сферах.

[13] Беатриче

[14] Данте не в состоянии понять, как его тело, имеющее вес, может возноситься над воздухом и огнем — легкими, лишенными веса, стихиями.

Песнь вторая

Объятый желанием скорее проникнуть в Царствие Божие, Данте не отводит своего взгляда от Беатриче; она тоже смотрит на небо и быстрее молнии возносится вместе с поэтом на «первую звезду» — Луну. Вступив на нее, Данте, по указанию Беатриче, приносит хвалу Господу и затем, замечая на Луне пятна, желает узнать их причину, напомнив при этом о народном предании относительно их. Беатриче начинает объяснять строение светил и говорит, что в них таятся коренные различия в их плотности, но не от густоты материи их зависит проницаемость их для света. Далее она говорит, что в небесном пространстве есть высшая сфера, из которой исходит свет, передаваемый последовательно сферам, лежащим ниже ее и приводимым в движение великим двигателем (primum mobile — девятой небесной сферой). Совокупность этих небесных сфер является подобием Бога, и сила света планет зависит не от их строения, а от основных законов Божественного Разума.

Вы, желавшие услышать песнь мою,
Вы кораблю вослед направили ладью,
Вернитесь к берегам; в открытом бурном море
Вы затеряетесь, мой след утратив вскоре;
Никто не плавал в нем, и ходом корабля
Минерва[1] правит здесь, стоит же у руля
Великий Аполлон, и девять Муз чудесных
Указывают путь среди светил небесных.

Но вы, немногие, привыкшие давно
К трапезе ангелов, которой не дано
Насытиться вовек, ладью ведите смело,
Держитесь на волнах вы моего следа,
Который вслед затем исчезнет навсегда.

Колхиды царственной достигшие предела
Герои[2], увидав, как стал пахать Язон,
Дивились менее, чем будет удивлен
Теперь любой из вас.
Желание скорее
То царство увидать, чей первообраз — Бог,
Влекло меня наверх, в Господни эмпireи.
От Беатриче я очей отвесть не мог,
Она же в небеса глядела, и быстрее,
Чем с тетивы своей слетела бы стрела,
Меня святая власть в обитель вознесла,
Где окружавшее пленяло взор мой чудно.
Та, от которой мне таиться было б трудно,
Промолвила тогда, прекрасна и светла:
— «Ты к Богу вознесись душою благодарной
На первую звезду[3]: Он переносит нас».

Мы были пеленой одеты лучезарной,
Такой же плотною и ровной, как алмаз,
На грань которого луч солнца пал беспечно.
И были приняты жемчужиною вечной
Мы, не оставив там малейшего следа:
Так поглощает вмиг игру лучей вода.
Но, телом будучи, я впал в недоуменье
По поводу того: возможно ль, чтоб одно
Могло принять в себя другое протяженье,
Что неминуемо произойти должно,
Когда одно из тел в другое проникает?
И я сильней желал постигнуть сущность ту,
Которая людей с Творцом соединяет,
Чудесно вознося их дух на высоту;
Все постигает он, поднявшись в эту сферу,
Что принимали здесь мы ранее на веру.

— Мадонна, — молвил я, — насколько силы есть,
Благодаренье Творцу спешу вознесть,
Приведшему меня из мира к давней цели.
Но пятна вижу я на светлом лунном теле,
С преданьем связаны о Каине они[4],
Ты истинное их значенье разъясни.

Она ответила мне с легкою улыбкой:
— «Когда суждения являются ошибкой
Там, где ключи от чувств не открывают дверь,
То изумления стрелою ты теперь
Не можешь быть задет; ты видишь: при усилье
Лишь чувствам следовать — теряет разум крылья.
Поведай лучше мне, что думаешь ты сам?»

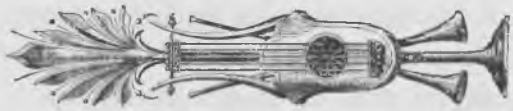
На это я сказал: — То, что я вижу там,
Как будто состоит из жидких тел и плотных.

Она ответила: — «В сужденьях безответных
Ты ошибаешься, и вот тому пример.
Созвездий много есть в восьмой из дивных сфер[5],
Но по количеству и качеству их света
Различна от другой там каждая планета.
И если б разница существовала эта
Лишь в большей плотности иль жидкости из тел,
То ровным пламенем и свет бы их горел,
Но существуют в них различья коренные,
И их причиною — начала основные.
Ты мнением своим их, кроме одного,
Опровергаешь все. Но если б, сверх того,
Лишь тел прозрачностью мы объясняли пятна,
То надо допустить, что в разных их частях
Запас материи иссякнул, вероятно.

И, как животное, жирней в одних местах
И худощавее в других, так и планета
Являла бы собой страниц различных ряд,
В недоумение вводя невольно взгляд.
И в первом случае понятным стало б это
Во время солнечных затмений: волны света
Свободно пропускать тогда б луна могла,
Как пропускают все прозрачные тела.
Но этого ведь нет. Итак, предположенье
Другое разглядим, но если разобью
Я также и его, то этим, без сомненья,
Успешно докажу ошибку я твою.
Когда в себя лучей не пропускает тело,
То, стало быть, оно настолько отвердело
В известной области, что доступа им нет,
И возвращается упавший луч обратно.
Так точно зеркало отталкивает цвет,
Благодаря свинцу. Ты скажешь, вероятно,
Что в месте этом луч темней почти вдвойне
Затем, что отражен на большей глубине?
Но опыт жизнь дает искусствам благодатно,
И подтвердит тебе он все мои слова.
Возьми три зеркала; из них поставишь два
Ты впереди себя на равном расстоянье,
А третье — далее, и обрати вниманье,
Чтоб приходился взор меж первых двух зеркал,
А сзади был огонь, который освещал
Собой три зеркала, и, всеми отраженный,
Он возвращался бы затем к тебе назад.
Тут безошибочно тебе докажет взгляд,
Что в третьем зеркале, от взора отдаленный,
Покажется огонь, в размерах умаленный,
Но с той же яркостью, как в первых отражен.

От заблуждения твой ум освобожденный,
Да будет истины сияньем озарен:
Так под влиянием полдневного светила,
Вокруг струящего тепло свое и свет,
Все то, что под корой морозною застыло,
Утрачивает свой первоначальный цвет
С холодностью своей. Среди высот эфира
Есть тело в области Божественного мира[6],
В котором бытие всего заключено,
И это бытие затем разделено
В ближайших небесах меж сущностей различных,
В нем заключавшихся и от него отличных.
И эти сущности к конечной цели их
Другие небеса приводят постепенным
Движенье органов бывает мировых;
Идущий сверху свет в порядке неизменном
Они передают нижайшим в свой черед.
Заметь, что, следуя дорогою избранной,
Я ныне к истине тебя веду желанной,
Затем уже один идти ты можешь вброд.
Великий двигатель источником движенья
Является для сфер, вращаясь без конца;
Не так ли молота его произведенья
Зависят от одной лишь воли кузнеца?
И небо, где блестит созвездий столько разом,
Становится вполне подобием Того,
Кем движется оно и Кто есть — Высший Разум.
Как дух, что, оживив земное существо,
В нем разливается, всем членам жизнь давая
И назначая им различных действий круг,
Так Разум, посреди созвездий разливая
Свой свет Божественный, вращается вокруг
Единства своего. Случается обычно,

Что силы разные, соединясь различно
С телами дивными, их оживляют вдруг,
Как дух, земную плоть. А так как эта сила,
Которая собой планету оживила,
Светла и радостна, то свет ее очей
Блестит, как счастья луч, из глубины очей.
Итак, не потому, что плотно иль прозрачно
В планетах вещество — и свет различен в них;
Все это от начал зависит основных:
Лишь ими создано все, что светло и мрачно».



Примечания к второй песне

[1] Данте в своей поэме постоянно смешивает языческие античные представления с христианскими. Так и здесь Аполлон и Минерва обозначают Святого Духа и Божественную Мудрость.

[2] Аргонавты, герои древности, совершившие вместе с своим предводителем Язоном поход в Колхиду за Золотым руном, были крайне удивлены, когда увидели, что Язон укротил быков, изрыгавших пламя, и стал с их помощью вспахивать землю, усеянную зубами драконов, из которых вышли вооруженные воины. Но их удивление не может даже сравниться с тем, которое должны испытывать мысленно следующие за Данте в его путешествии в загробный мир.

[3] Беатриче и Данте попадают в сферу Луны, «первой звезды», называемой Данте несколько ниже «вечной жемчужиной».

[4] См. «Ад», песнь двадцатую. По народному преданию, пятна Луны соответствовали изображению Каина.

[5] Во времена Данте ученые насчитывали десять сфер, опираясь на это учение и объясняя его, Данте говорит о небе неподвижных звезд.

[6] Область божественного мира — неподвижная сфера, эмпирея (см. песнь первую, пр. 12). От нее следуют еще девять сфер: первое движущееся небо (primum mobile, великий двигатель), сфера с неподвижными звездами (восьмая от Луны), Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна, ближайшая к Земле.

Песнь третья

Выслушав объяснения Беатриче, поэт хочет возразить ей, но вдруг видит целый ряд прекрасных женских лиц. Он сперва думает, что это — лишь отражения существ, и, оборачиваясь назад, ищет источник этих отражений, но Беатриче говорит, что это не отражения, а святая толпа, и предлагает ему обратиться к ним с вопросом. Данте спрашивает одну из явившихся ему женщин о судьбе ее. Ему отвечает Пикарда, сестра Фарэзе: она была монахиней, но так как против своей воли не вполне исполнила данный ею обет, то волей Божьей оказалась в первой сфере неба вместе с подобными же ей женщинами. На вопрос Данте о том, какой обет ими не вполне исполнен, Пикарда говорит, что она и ближайшая к ней спутница — Констанция, дочь короля Апулии Роже, — обе дали обет девственности, находились уже в монастыре Св. Клары, но по воле родственников были взяты оттуда и насильно выданы замуж. Окончив рассказ, Пикарда исчезает, а Данте, смотря на Беатриче, поражается ослепительным блеском ее лика.

Солнце[1] светлое, которое сначала
Мне сердце на земле огнем любви сжигало,
Позднейже к истине великой привело!

Я был уже готов сознаться в пораженье;
Желая говорить, приподнял я чело,
Но тут явилось мне чудесное виденье.
Как сквозь прозрачное и чистое стекло
Иль воды светлые черты ми видим смутно,
Подобно жемчугу на белизне чела, —
Я лица увидал, как бы сквозь грань стекла,
Готовые уста раскрыть ежеминутно
С тем, чтоб заговорить. Их видя, в первый миг

Я поддался тогда иному заблужденью,
Чем тот, кто, увидав в воде ручья свой лик,
Любовью воспылал безумной к отраженью[2].

Я думал: предо мной — лишь отражений ряд,
И тут же обратил глаза мои назад,
Желая видеть тех, кому принадлежали
Те отражения, но изумленный взгляд
Не встретил никого. У спутницы дрожали
Улыбкой легкою небесные уста,
А взор божественный горел огнем священным,
И молвила она: — «Пускай улыбка та
Тебя не удивит. В твоем несовершенном
Сужденье на пути споткнулся ты не раз,
И здесь тебя в обман невольно вводит глаз:
Не отражение — толпа святая эта.
За нарушение священного обета
Здесь волей Господа они заключены
И свыше истиной святой просвещены;
От них ты должен ждать правдивого ответа».

Тогда из душ святых я обратился к той,
Которая, со мной заговорить желая
Глядела на меня, и молвил ей, пылая
От нетерпения: — Прошу я, дух святой,
Изведавший в лучах блаженной жизни сладость,
Неведомую тем, кто не вкусил ее,
С судьбою имя мне поведай ты свое!

Она со взорами, что выражали радость,
Ответила мне так: — «Мы, следуя Тому,
Кто в благости Своей и высшем милосердье
Желает видеть нас подобными Ему.

Как сквозь прозрачное и чистое стекло
Иль воды светлые черты мы видим смутно,
Подобно жемчугу на белизне чела, —
Я лица увидал, как бы сквозь грань стекла,
Готовые уста раскрыть ежеминутно
С тем, чтоб заговорить.

(«Рай», Песнь 3)

Для справедливого желанья и усердья
Просящих доступа, не закрываем дверь.
Монахиней была я в мире, и, поверь,
Хотя красою я блистаю совершенной —
Пикарду[3] ты во мне узнаешь и теперь
Я тут. С блаженными остаюсь блаженной
Я в сфере медленной[4] с другими наравне.
Привязанности здесь — от Духа Пресвятого,
И счастье наше — в том, что каждая готова
Свершить с восторгом все, что нам Он повелел.
И нам, исполнившим лишь невполне и частью
Обеты данные, даровано в удел
Столь светлая судьба божественною властью!»

И молвил я: — Твои прекрасные черты
Так изменяет блеск небесной красоты,
Что медлили во мне мои воспоминанья.
Но нет ли и у вас, блаженных душ, желанья
Подняться в высоту и ближе к Богу быть,
Затем чтобы Его сильнее возлюбить?

И, обменявшись тут улыбкою с другими,
Причем сиял огонь во взоре дивных глаз,
Как будто бы у той, что любит в первый раз, —
Она ответила словами мне такими:
— «Брат, милосердья дух обуздывает в нас
Порывы тщетные к иной блаженной доле.
Стремленье в более возвышенный предел
Противоречило б Того священной воле,
Кто в сфере этой нам остаться повелел,
И с пребыванием здесь оно несовместимо.
Здесь в милосердии нам жить необходимо,
И в воле Господа — блаженство суждено,

С Чьей волей наши все сливаются в одно.
И в Царстве Божием, к его священной сени
Все занимаем мы различные ступени:
Желанье таково и царства, и Царя,
Чья воля служит нам законом неуклонно.
В ней — счастие и мир, в ее святое лоно
Все то, что создано, стремится, как в моря
Вливаются в ручьи».
И тут мне стало ясно,
Что в небе — всюду Рай, хотя и не равно
Распределяется среди блаженных властно
Первейшие из благ. Но людям не дано
Знать насыщение, и, кушанье одно
Отведав, пожелал вкусить я от другого
И к ней с вопросами я обратился снова.
Узнать хотелось мне: какая ткань была[5],
Которой до конца она не довела?
Она ответила: — «Пред Господом блистая
Душевной чистотой, есть женщина святая[6];
Высоко в небесах поставлена она,
И ею же была в миру возведена
Обитель некогда. Приняв обет суровый,
Готовилась я стать невестою Христовой,
Небесному вполне отдавшись Жениху,
Но люди, склонные скорее ко греху,
Чем к делу доброму, — о, страшная минута! —
Похитили[7] меня из тихого приюта,
И знает лишь Господь, как я жила с тех пор,
Та светлая душа, которую в сиянье
Небесного огня твой созерцает взор, —
При жизни вынесла такое же испытанье,
И сорван был покров святой с ее чела[8],
Но, возвратившись в мир, покрова не сняла

Она с души своей. Констанции великой
Душа перед тобой. И со вторым владыкой
Надменной Швабии в союзе родила
Она последнего в их роде властелина».

Пикарда кончила рассказ свой, и, запев
«Ave Maria» — гимн чистейшей между дев,
Она исчезла вмиг: бездонная пучина
Так поглощает нас своею глубиной.
И, проводив ее, насколько мог, очами,
На Беатриче взор опять возвел я мой,
Но, осиянный весь небесными лучами,
Столь ослепителен ее казался лик,
Что на мгновение мой онемел язык.

Гробница императора Фридриха II в Палермо

Примечания к третьей песне

[1] Под именем Солнца Данте разумеет Беатриче, или богословие.

[2] Нарцисс увидел в воде свое собственное отражение и, подумав, что это совершенно новое существо, влюбился в него. Данте, однако, думал, что явившиеся ему лично образы были только отраженные изображения, и, оборачиваясь назад, стал искать их источник, тогда как в действительности, как говорит Беатриче, это были истинные существа.

[3] О Пикарде см. «Чистилище», песнь двадцать третью. Находясь в монастыре, она насильно была взята из него братом своим, Корсо Донати, и выдана замуж. Она находится на Луне, являющейся синонимом девственности, скромности и целомудрия.

[4] Луна, о которой Птоломей говорит, что она вращается медленнее других светил.

[5] Данте желает знать о тех обетах, которые они не могли выполнить до конца.

[6] Св. Клара, ученица св. Франциска Ассизского; она основала монастырь кларисс во Флоренции, в котором была пострижена Пикарда.

[7] Пикарду, как уже выше говорилось, похитил из монастыря ее брат, Корсо Донати, с двенадцатью вооруженными товарищами. Ее отнесли в дом Фаринаты, сняли с нее монашеские одежды, одели в светские и выдали замуж за Розеллино делла Тоза. Но она перед крестом дала вновь обет сохранить свою девственность, была услышана и скончалась через несколько дней после венчания.

[8] Констанция была дочерью норманна Роже, короля Апулии и Сицилии, стала монахиней в Палермо, но с разрешения палермского архиепископа была взята из монастыря; затем, чтобы сохранился род короля Роже, брак которого не был осчастливлен рождением сыновей, ее заставили выйти замуж за императора Генриха VI, сына Фридриха I Барбароссы, происходившего из швабского дома У нее родился сын Фридрих (II), третий и последний император из этого дома.

Песнь четвертая

Пораженный видом Беатриче, Данте молчит, но по лицу его Беатриче догадывается о двух беспокоящих его вопросах: о пребывании блаженных в Раю и о том, может ли уменьшиться чья либо заслуга в том случае, если ему пришлось уступить насилию. На первый вопрос Беатриче дает подробное разъяснение, критикуя учение Платона, а на второй отвечает соображением о том, что если душа бездействует в момент совершения над ней насилия, то она все-таки несколько виновна, так как нельзя совершенно покорить волю человека. Выслушав Беатриче, Данте говорит, что не в силах отблагодарить ее за разъяснения, но вместе с тем предлагает ей еще третий вопрос: возможно ли, изменив обету, искупить этот проступок благими делами?

Когда бы — избирать одно из них свободный —
Два вкусных кушанья увидел вдруг голодный,
Не прикоснувшись к ним, он умер бы скорей.
Ягненок будет цел меж хищных двух зверей,
И пес не двинется при виде пары ланей.
И если я молчал — хвалы и порицания
Я тем не заслужил, сомненьями томим.

Хранил молчанье я, но всем лицом своим
Я выдавал мое желание наглядно.
И, угадав вопрос, как древле Даниил,
Который гнев царя[1] искусно отвратил,
Готового казнить невинных беспощадно,
Так молвила в ответ небесная Жена:
— «Два рассуждения влекут тебя невольно,
И в слове мысль твоя излиться не вольна;

Ты рассуждаешь так: «Когда непроизвольно
Пришлось мне уступить насилию — цена
Заслуги собственной ужель уменьшена?»
Одно сомнение еще тебя смутило:
Платона мысль[2] о том, что души на светила
Возносятся опять. Но из вопросов двух,
Которые собой гнетут жестоко дух,
Сперва отвечу я на более опасный.
Сам наиболее могучий и прекрасный
Из Серафимов всех, ближайший к Богу сил.
С ним — Иоанна два[3], а также Самуил
И Моисей пророк, и Дева Пресвятая —
С толпою виденных тобою здесь, теней
На тех же небесах находятся, витая,
И срок блаженства их — нимало не длинней.
Но первый круг они украсили, блистая,
И степень счастья их зависит от того,
Поскольку в них живет и дышит Божество.
И здесь перед собой толпу ты видел эту
Перенесенною на низшую планету
Не потому, что им здесь пребывать должно,
Но только оттого, что место суждено
Им в небе низшее. Людское пониманье
В посредничестве чувств нуждается всегда.
К подобной слабости снисходит и Писанье;
Так, Господу оно дарует иногда
Вид человеческий, хотя совсем иное
Здесь разуметь должно Писание святое.
И церковь смертных же приписывает вид
Святым архангелам Господним: Михаилу
И Гавриилу с ним, а также Рафаилу,
Которым был веден в пути его Товит.
К тому, что видишь тут, — суждение Тимея[4]

Едва ль относится, значенья не имея.
Он думал, что душе отчизною звезда
Служила некогда и, форму покидая
Телесную, она возносится туда.
Быть может, мысль его была совсем иная,
Но недостаточно в словах его ясна,
И незаслуженно осмеяна она.
Когда он полагал: хвала иль осужденье
Влиянья высшего возносятся сюда —
Быть может, лук его в известном направленье
Коснулся истины, но это положенье,
Неверно понято, Юпитеру тогда,
И Марсу, и другим родило поклоненье.
Второй вопрос[5], тебя волнующий собой,
Опасен менее: разъединить с тобой
Меня не может он. Исходит лишь из веры,
А не из ереси, то убежденье в вас,
Что в справедливости высокой мы подчас
Несправедливыми бываем свыше меры;
Доступна истина для вашего ума:
Я поясню ее. Когда, терпя насилье,
Душа, хотя она бездействует сама
И помогать ему не делает усилья —
Вполне оправдана не может все же быть.
Подуйте на огонь — он ярче запылает.
Когда она сама того не пожелает —
Нельзя насильственно в нас волю затушить.
Но покоряется порою воля силе,
И так вот именно те души поступили,
Хотя возможен был возврат в приют святой.
А если б воля их была подобна той,
Какой прикован был к решетке раскаленной
Лаврентий[6] мученик, и Муций вдохновлен,

Который, волею своею закален,
Пожертвовал рукой, жестоко опаленной;
Когда бы воля в них подобною была,
То к возвращению на прежнюю дорогу
Она, конечно бы, решимость им дала.
Сомненья твоего рассеяла тревогу
Моею речью я, но собственным умом
Не разберешься ты в сомнении другом.
Тебе сказала я, и это — непреложно,
Что праведнику лгать бывает невозможно,
Но от Пикарды здесь услышал ты о том,
Что и впоследствии, когда уж изменила
Обету своему, в сердечной глубине
Констанция любовь к монашеству хранила.
Наружно те слова противоречат мне.
Но, брат мой, избежать стараясь худшей доли,
Порой мы делаем дурное против воли,
Так, посланный отцом, боясь преступным стать,
Когда-то Алкмеон[7] убил родную мать.
Размысли вот о чем: когда вполне согласны
В нас воля с силою — то были бы напрасны
Попытки всякий проступок оправдать.
Та воля, что у нас зовется безусловной,
Не помогает злу, но все-таки она,
Поскольку кажется опасность ей страшна,
Является к нему причастной и виновной.
К ней исключительно относятся слова
Пикарды праведной, меж тем как разумею
Я волю высшую, итак, она права,
Вернее говоря: мы обе правы с нею».

Так, утолив собой желания мои,
Катились ручейка священного струи,

Берущего свое начало из потока
Великой истины. Взволнованный глубоко,
Воскликнул я:
— О ты, избранница любви
Первейшего из всех возлюбленных! Мадонна,
Дарящая меня беседой благосклонно,
Которая во мне зажгла священный пыл.
Нет, недостаточна моя любовь земная,
Чтоб я за милости достойно отплатил!
Пусть Тот, Кто Всемогущ, все ведая и зная,
Отплатит за меня с великой добротой.
Рассудку нашему вне истины святой —
Нет насыщения. Как зверь в своей берлоге,
В ней отдыхает он, иначе на пороге
Желанья тщетного пришлось бы ждать ему.
Но часто у корней той истины священной
Растет сомнение и с силой неизменной
Влечет к вершине нас и от холма — к холму.
И это придает, мадонна, мне отвагу
Спросить об истине, неясной для меня:
Возможно ль, своему обету изменя,
Проступок искупить направленными к благу
Делами добрыми?
Полны такой любви
Тут очи подняла сиявшие свои
Избранница небес, что взор мой ослепленный
Я опустил пред ней и замер, побежденный.

Примечания к четвертой песне

[1] Навуходоносор, царь Ассирийский, велел предать смерти всех волхвов, не разгадавших его сна. Даниил разгадал сон и потом упросил царя отменить смертный приговор. Таким же путем и Беатриче угадала сомнения, мучившие Данте.

[2] «Тимея», сочинение Платона, который учил, что души, ранее их соединения с телом, жили на светиле, на которое они вновь возвращаются после смерти человека.

[3] Беатриче говорит Данте: «Не на светиле, как учил Платон, а в эмпиреях, небе Бога и ангелов, находятся души Моисея, Самуила, Девы Пресвятой, Иоанна Крестителя и св. Иоанна Евангелиста, а также прочих. В зависимости от того, насколько они радуются лицезрением Бога, измеряется степень их блаженства, и они показываются здесь, в первой сфере, только в то время, пока ты находишься здесь, потому что ты, как человек, нуждаешься в ясном осязательном представлении, между тем Платон в своей «Тимее» говорит, что души постоянно находятся на светилах. Быть может, слова Платона имеют иной смысл, чем тот, который им приписывают, так как он говорит о влиянии светил на душу в том смысле, что она вновь возвращается на светило, и в этом отношении слова его имеют долю правды». Это — мысль Данте, хорошо знавшего философию Платона и все толкования ее.

[4] Т. е. Платона, автора «Тимеи».

[5] Вопрос о том: как может насилие других отнять у меня плоды моих заслуг?

[6] Св. Лаврентий умер смертью мученика в 255 г. Муции Сцевола — римский гражданин — герой, сжегший перед Порсеной свою руку, чтобы до смерти остаться верным своему обету освободить Рим от врага.

[7] Амфиарай, отец Алкмеона, приказал сыну убить родную мать, и тот, опасаясь ослушания отца, совершил это преступление.

[8] Т. е. Бога.

Песнь пятая

Объясняя поставленный Данте вопрос: возможно ли исправить нарушение обета (т. е. совершенное этим недоброе дело) добрыми делами, Беатриче говорит, что Господь наградил человека величайшим даром — свободой воли. Когда человек дает обет, то он соглашается принести в жертву свободу своей воли и обязан исполнить его, но эту жертву он приносит добровольно. Если он не может исполнить данный обет, то должен предмет этого обета заменить новым, не только равнозначным, но даже более ценным. Однако эта замена может быть совершена только с разрешения церкви, так как только она одна обладает властью связывать или разрешать. Закончив увещеванием строго исполнять обеты, Беатриче, горя желанием подняться в эмпирей, подымает свой взор и вместе с Данте возносится во вторую небесную сферу — на планету Меркурий. Здесь Данте видит толпу светлых радостных душ, приветливо встречающих его. Беатриче дает поэту разрешение расспрашивать эти души об их судьбе, на что и сами души вполне соглашаются. Данте обращается к одной из них, и та, скрывшись в сиянии, приступает к рассказу, который Данте обещает сообщить в следующей песне.

«Когда в лучах любви, чья сила превосходит
Все то, что на земле дано увидеть вам,
Предстану я твоим смутившимся очам,
О, не дивись тому! Ведь это происходит
От совершеннейшего зренья: на лету
Мы схватываем все. Теперь я вижу ясно
В сознании твоем святую искру ту,
Которая собой воспламенила властно
Бессмертную любовь. Когда порою свет
Иной пленяет вас, то блеск его — не боле
Как ложно понятый любви небесной след.

Итак, ты хочешь знать: ужели в нашей воле
Благими искупить недобрые дела
И тем избавиться от вечных угрызений?»

Так Беатриче песнь святую начала;
Не прерывая нить премудрых поучений,
Она промолвила: — «Из всех Его щедрот,
Которыми Господь людской осыпал род,
Свобода воли — дар всех более ценимый
И только к существам разумным применимый.
Итак, ты видишь сам: когда обет таков,
Что Бог от смертного принять его готов,
Как велика цена подобному обету!
В союзе меж тобой и Господом Самим
Ты волей жертвуешь — сокровищем твоим
И добровольно ты приносишь жертву эту.
Чем заменить ее — не в этом ли вопрос?
И то, что в жертву ты Всевышнему принес,
Вторично жертвовать — не все равно ли это,
Что выгоду извлечь из ценного предмета,
Приобретенного неправильным путем[1]?
Вот суть. Она — ясна. Но, так как алтарем
Дается иногда от клятвы разрешенье
(Что может поселить в душе твоей сомненье,
С моею истиной как бы идя вразрез), —
Насытясь пищею, ниспосланной с небес,
Помедли за столом и напряги вниманье,
Затем, что без него немыслимо познанье.
Для жертвы нам нужны: во-первых — тот предмет,
Который жертвуют, а во-вторых — обет.
Изгладить, вычеркнуть — ничто не в состоянье
Обета данного. Относятся к нему

Вполне слова мои. Евреи потому
Так свято жертвенный обычай соблюдали,
Хотя, со временем, иными жертвы стали
На алтаре Творца. Когда из них одну
Возможно заменить другою, равносильной, —
Замена Господом не ставится в вину.
Но сколько б ни была нам ноша непосильной,
Но ради истины священной и добра,
Без помощи ключей из злата и сребра[2],
Не может быть людьми совершена замена,
По произволу их. Другой заменена —
Ей жертва новая должна быть равноценна
И в ней, как дважды два — в шести[3], заключена,
Равняясь весом ей; иначе невозможно
Замену совершить подобную. Пускай
Обеты все блюдут, но пусть неосторожно
Никто их не дает, как сделал Иевфай[4].
Он лучше бы сказал: — «Я поступил безумно!» —
Чем дурно поступить, обет свой соблюдя.
Таков проступок был и эллинов вождя[5],
Дочь осудившего на гибель неразумно.
От первых мудрецов до жалкого глупца —
Все Ифигению оплакали заране,
Не осушавшую прекрасного лица.
И в ваших действиях не будьте, христиане,
Преступной легкостью подобны иногда
Перу летящему. От данного обета
Омыть способна вас не всякая вода.
Даны вам пастыри и два святых Завета
В руководители. Подобием зверей
Не становитесь вы, достоинство людское
Старайтесь сохранять, когда влечет дурное

...Души сотнями спешили к нам святые
В сиянье радости и светлой их красе,
И, нас приветствуя, так восклицали все:
— «Любовь сильнейшую вот кто несет с собою!»

(«Рай», Песнь 5)

Желанье в сторону, дабы не мог еврей,
Меж вами будучи, над вами посмеяться.
Ягнятам, что бегут от матери своей
На воле поиграть, нельзя уподобляться».

Такою суть была мной слышанных речей.
Тут Беатриче взор божественных очей
Безмолвно подняла, исполненный желанья,
К стране, где ярче свет струился от лучей.
И взор, и вид ее внушали мне молчанье,
И замерли в устах расспросы и слова.
Но так же, как стрела, достигнувшая цели,
Пока еще дрожит на луке тетива,
Мы к царству высшему — второму — возлетели[6].
Владычица моя явилась мне тогда
Столь лучезарною, что самая звезда
Светлее сделалась; но если озарилась[7]
Улыбкою она, то что же совершилось
Со мною в этот миг! И так, как иногда,
Всплывая над водой, из светлого пруда
Спешат за пищею к нам рыбки золотые, —
Так души[8] сотнями спешили к нам святые
В сиянье радости и светлой их красе,
И, нас приветствуя, так восклицали все:
— «Любовь сильнейшую вот кто несет с собою!»
Когда же к нам они приблизились гурьбою,
Сияние вокруг их ясного чела
Открыло мне собой, как велика была
Та радость, что в удел им даровал Создатель.

Когда бы мой рассказ я здесь прервал, читатель,
То пожелал бы знать, что будет впереди?
И, в очередь свою, поэтому суди,

Как я исполнен был тревогою пытливой
И о судьбе тех душ стремился я узнать.

— «О смертный! Под звездой ты родился счастливой.
Тебе дарована от Бога благодать
Престол Всевышнего во славе увидать.
Мы все озарены идущим свыше светом,
И если хочешь знать о нашей ты судьбе,
То истину открыть готовы мы тебе».

Так молвила одна из светлых душ с приветом.
И Беатриче тут добавила, ко мне
Внезапно обратясь: — «Расспрашивай! Вполне
Ты можешь доверять правдивым их ответам».

— Тебя я вижу здесь окутанной в струи
Сиянья твоего; через глаза твои
Распространяется оно, сильней блистая
В улыбке кротких уст. Но как, душа святая,
Звалась и в сфере ты витаешь отчего,
Которую своим сиянием затмило
Другое, более блестящее, светило[9], —
О том не знаю я, дух светлый, ничего!

Так я душе святой в волнении ответил,
И вдвое лик ее мне показался светел.

Как солнце в знойный день, когда его лучи
Бывают иногда чрезмерно горячи
И влажные пары томительной жарою
Уничтожаются — скрывается порою
В лучах сияние, так и прекрасный лик
В сиянье собственном укрылся в тот же миг.
И, скрытый, молвил то, что в песне я открою.

Стены Константинополя

Примечания к пятой песне

[1] Если человек жертвует свободой своей воли, то только добровольно, но возместить чем-либо эту свободу воли невозможно, так как она есть высшее благо, которое даровал Господь людям.

[2] Предмет обета, например, основание благотворительного учреждения или совершение паломничества, может быть заменен другим, но эта замена может быть совершена только с разрешения церкви, которая владеет райскими золотым и серебряным ключами — властью разрешить и связать.

[3] Новый, вместо замененного, предмет обета должен быть не только равноценным, но даже на одну треть ценнее прежнего предмета уже данного обета — требование (кн. Моисея, 3, 17, 19), направленное к тому, чтобы воспрепятствовать легкомысленным заменам обетов.

[4] Иевфай, вождь иудеев, обещал в случае победы над аммонитянами принести в жертву Богу первое существо, которое выйдет ему навстречу, и первой его встретила дочь его.

[5] Подобный же обет дал предводитель эллинов Агамемнон, принесший дочь свою Ифигению в жертву Диане.

[6] Второе царство, вторая небесная сфера, есть небо планеты Меркурий.

[7] Беатриче радуется тому, что Данте достиг второй ступени Божественного Рая.

[8] На планете Меркурий находятся души тех, кто выше всего ставил стремление к чести и славе. Высшее просвещение этих душ в сравнении с находившимися на Луне выражается их радостью и светлым внешним видом.

[9] Данте хочет сказать, что Меркурий чаще других планет теряется в лучах солнечного света. Планета видима незадолго до восхода солнца и вечером, некоторое время после захода солнца.

Песнь шестая

Выслушавший вопрос Данте и согласившийся отвечать дух — император Юстиниан — рассказывает о своей жизни, сетует на тех, кто совершил покушение на римского императорского орла, и передает блестящую историю Рима со времени его основания до падения и, наконец, до новой защиты его Карлом Великим и эпохи борьбы гвельфов и гибеллинов. Далее он объясняет, что Меркурий служит местом пребывания тех людей, которые при жизни стремились к славе, совершили много великих и добрых дел, но не заслужили награды. Затем он говорит о Ромео, управлявшем делами и облагодетельствовавшем графа Раймонда Беранже, но кончившем жизнь в нищете.

«Стех пор как Константин заставил направленье
Переменить орла, летевшего вослед
Энею мудрому, который похищенье
Лавинии свершил[1], — там целых двести лет,
Где европейская недалеко граница,
Вблизи родной горы[2] божественная птица
Весь укрывала мир в тени священных крыл.
От одного к другим орел переходил
И, наконец, ко мне. По воле Божьей саном
Высоким облечен, я был Юстинианом
И римским цезарем; любовью вдохновлен,
От бесполезного очистил я закон.
Дотоль еретиком я был, монофизитом[3],
Но, в вере утвержден блаженным Агапитом,
Я воспринял речей священных благодать;
Ему поверил я, и стало мне возможно
Повсюду, как тебе, свободно различать

В противоречьях все, что истинно и ложно.
Когда я с Церковью в согласие вступил —
Меня на славное задуманное дело
Своею милостью Господь благословил,
И сам я отдался тогда ему всецело;
Я Велизарию[4] доверил моему
Дружины римские; так очевидно было,
Насколько Божий перст сопутствует ему,
Что свыше знаменьем мне это послужило
Того, что завершить могу я труд другой.
Тебе ответил я, но был настолько сложен
Вопрос, предложенный вначале мне тобой,
Что с поясненьем лишь и мой ответ возможен,
Дабы увидел ты, как виноватый,
Кто на орла идет в безумной слепоте[5]
Иль думает себе присвоить дерзновенно
То, что должно для всех быть свято и священно.
Вот почему орел так славен и велик:
Со смертью мощного Палласа он возник[6]
И, в Альбе воцарясь, там пребывал три века,
Пока из-за него борьбой три человека[7]
Не встали против трех. Что сделал он затем
Под властью цезарей, которых было семь,
Со дня того, когда свершилось похищенье
Сабинянок, до тех ближайших нам времен,
Когда Лукреция погибла, — без сомненья
Все ведомо тебе. Он Риму во владенье
Бесстрашно приобрел соседний ряд племен.
Ты ведаешь, как он, несомый неизменно
В боях героями, смирил гордыню Бренна
И Пирра смелого, и множества других
Народов и вождей. От Квинта Цинцинната,
Что прозывался так из-за волос своих,

До Фабия вождя и Манлия Торквата,
Герои римские стяжали славу здесь.
Тот царственный орел смирил арабов[8] спесь,
Которые, вослед дружине Ганнибала,
Цепь Альпов перешли, где По берет начало.
Помпей и Сципион в цветущей их поре
Под этим же орлом победу одержали,
Принесшую твоей родной горе[9]
Немало горечи, лишений и печали.
Пред наступленьем дня, когда на целый мир,
Затеплясь в небесах звездой неугасимо,
Готовились сойти любовь и вечный мир[10], —
Вручен был Цезарю орел по воле Рима.
И то, что он свершил, от светлых Рейнских волн
До Вара — видели и Сена, и Саона,
Все реи, воды чьи в себя приемлет Рона,
Когда же, завершив равеннский свой поход,
Прошел чрез Рубикон он далее к победам, —
Столь быстрым был его торжественный полет,
Что ни перо, ни речь лететь не могут следом.
Затем направил он в Испанию войска,
Дураццо поразил, нанес удар могучий
Фарсале; рана та была так глубока,
Что боль ее и Нил почувствовал горючий.
Пред ним явились вновь тот город и река,
Которые считал он родиной своею[11], —
Могила Гектора. На гибель Птоломею,
Затем в Египет он повел свои войска,
И, словно Божий гром, рассеяв рати Юбы,
На запад полетел, Помпея слыша трубы.
Что с новым цезарем им было свершено[12] —
Об этом Кассию лишь ведать суждено,
И Бруту мрачному, скрежещущим в геенне

И погруженным в скорбь Перузе и Модене.
Об этом же лила горючих слез ручьи
И Клеопатра та, которая бежала,
Гонимая орлом, и смерть нашла от жала
Неумолимого ничтожнейшей змеи.
Все с тем же цезарем орел могучий Рима
До моря Красного летел непобедимо
И мир установил такой по всем краям,
Что бога Януса тогда закрылся храм[13].
Но все дела его, как ни были велики,
Ничтожны кажутся перед задачей той,
Которую в руках у третьего владыки
Он мог бы выполнить, возмездья долг святой
Достойно совершив. Той правды непреложность,
Которая и мне внушает мой напев,
Ему в те времена желала дать возможность
Отмстить Божественный и правосудный гнев[14].
Но слушай и дивись! Лишь с Титом полетев,
Орел уже поздней исполнил дело мщенья
Над местью древнего греха и преступленья;
Когда ломбардский[15] зуб, готов ее терзать,
Боролся с церковью святою, Карл Великий,
Бесстрашно произвол обуздывая дикий,
Под сенью дивных крыл повел к победам рать.
Теперь ты знаешь всех, свершивших ряд насилий,
Явившихся затем причиной ваших зол.
Из них желал один, чтоб заменен орел
Победоносный был цветами желтых лилий,
Другой же завладеть намеревался им[16],
И кто виновнее — не знаю. Строят ковы
Пусть гибеллины все под знаменем другим:
Затем, что следовать немыслимо за ним
Для тех, что правдою пренебрегать готовы

И справедливостью. С дружиною своей
Пускай же новый Карл страшится тех когтей[17],
Которыми лишен и лев сильнейшей гривы.
Сынам приходится оплакивать порывы
Отцов своих. Пускай не думают, что Бог
На лилии сменять Свое оружье мог.
Планета малая[18] — жилище душ блаженных,
В стремлении к труду и благу неизменных;
Со славою и честь они приобрели.
Когда от истинной дороги их вдали
Желанья чересчур к земной стремятся славе,
То истинной любви неугасимый луч
Восходит к небесам не столь блаженно жгуч;
С заслугой наравне — награды ждать мы вправе.
Здесь, справедливостью живою смягчены,
У нас навек сердца от зла удалены.
Различны голоса, но все в напевах нежных
Сливаются они: так степень бытия
Различна нашего среди небес безбрежных,
Но одинакова гармония ее
Здесь в этой радужной жемчужине[19] небесной
Блестит Ромео[20] свет: заслугою чудесной
Себя прославил он и не был награжден.
Но провансальцам тем, которыми безбожно
Он оклеветан был и слепо осужден,
Смеяться не пришлось: ждет кара неотложно
Того, кто за добро отплачивает злом.
Раймонд, граф Беранже, нуждавшийся в былом,
Четыре дочери, четыре юных девы
(Впоследствии же все — четыре королевы),
Имел в дому своем, старанием своим
Устроил браки те Ромео, пилигрим.
Позднее, хитрою обманут клеветою,

У праведника граф потребовал отчет,
И вместо десяти вернул двенадцать тот.
Затем же, старостью согбен и нищетою,
Пошел он далее, и, если б мир узнал,
С какою твердостью, покорный воле неба,
Старик выпрашивал кусок сухого хлеба, —
Он больших бы еще сподобился похвал!»

Примечания к шестой песне

[1] В 324 г Константин перенес столицу из Рима в Византию, и, значит, римский орел полетел на восток, т. е. взял направление, обратное тому (с востока на запад), которому следовал Эней Так как этот полет противоположен направлению движения светил, Данте видит в нем дурное предзнаменование и находит в нем причину гибели Римской империи, тогда как защитники папства признают это за указание Провидения, послужившее к возвышению папства.

[2] Трои.

[3] Монофизиты признавали, вопреки истинному вероучению, лишь одно естество в Иисусе Христе, божественное. Супруга Юстиниана, Феодора, последовательница этого учения, добилась назначения епископа Анфима патриархом Константинопольским, но Агапит, римский епископ, отправился лично к Юстиниану, указал ему на заблуждения Анфима, после чего тот был смещен со своего поста

[4] Знаменитый полководец Юстиниана, удачно воевавший с персами, вандалами и остготами

[5] Т. е. гвельфы, приверженцы пап и враги гибеллинов, сторонников светской власти

[6] Паллас был послан своим отцом Эвандером на помощь Энею в войне его с Турном и пал в эту войну, после чего Эней стал основателем Римского государства

[7] Со времени Аскания, сына Энея и основателя города Альбалонги, до Туллия Гостилия, который разрушил город и во время которого в результате борьбы горациев и куриациев победа обернулась в пользу Рима, римский царственный орел господствовал в Альба(лонге).

[8] Северный берег Африки был занят в то время рабами, вследствие чего Данте и ставит здесь их имя вместо пунийцев — карфагенян.

[9] Фиезоле близ Флоренции, родины Данте, где Петрей разбил Катилину

[10] Рождество Иисуса Христа; за 48 лет до него Юлий Цезарь был назначен диктатором.

[11] Антандр — троянский город, Симоис — река, протекавшая перед Троей Фарсала — город Фессалии, где Юлий Цезарь разбил Помпея, бежавшего затем в Египет к царю Птоломою и убитого в устье Нила, что отдало Египет во власть Цезаря. Юба — нумидийский царь, союзник Сципиона и Катона, разбитый Цезарем при г Тапсе.

[12] Речь идет о победах римского орла при Октавиане Августе, разбившем убийц Юлия Цезаря — Кассия и Брута, при Филиппах

[13] В мирные времена храм Януса бывал закрыт.

[14] Тиверий мог отомстить за смерть Христа, распятого в его царствование, и не сделал этого. За распятие Иисуса Христа, по словам Юстиниана, отомстил Тит, разрушив Иерусалим

[15] Италию после великого переселения народов захватили лонгобарды, основавшие там свое королевство и боровшиеся с папами за город Рич. Уже папа Стефан II, притесненный лонгобардским (ломбардским) королем Астольфом, обратился за помощью к Пипину, отцу Карла Великого Но последний окончательно покорил лонгобардов, уничтожив в 774 г их королевство при Дезидерии.

вскоре после чего, в 800 г. Карл даже короновался как римский император.

[16] Желтые лилии — герб Франции и французских королей Неаполя со времен Карла Анжуйского.

[17] Новый Карл — Карл Анжуйский.

[18] Эта планета — приют тех душ, которые на земле творили добро, побуждаемые стремлением к славе.

[19] Жемчужина здесь — планета Меркурий.

[20] Ромео — Ромэ де Вильнев, министр Рамондо Беренгьера, или Раймунда-Беренгария IV, последнего графа Прованского. После смерти графа в 1245 г. Ромео остался опекуном его младшей дочери и наследницы Беатрисы, которую в 1246 г. выдал замуж за Карла Анжуйского, впоследствии короля Сицилии и Неаполя, получившего путем этого брака в свое владение Прованс. Умер в 1250 г. Три старшие дочери Раймунда-Беренгария тоже стали королевами. Маргарита вышла замуж за Людовика IX Французского, Элеонора — за Генриха III Английского, Санча — за его брата Ричарда, графа Корнвалльского, впоследствии (с 1257 по 1272 г.) короля Германии. В XIII в. сложилась легенда, будто бы Ромео пришел ко двору графа Прованского бедным паломником, привел в порядок его имущественные дела, выдал его дочерей за четырех королей, но завистливые придворные оговорили его. Граф потребовал от Ромео отчета в управлении, тот предъявил графу его приумноженные богатства и покинул графский двор таким же нищим странником, каким пришел. Граф, видя свою неправоту, казнил клеветников.

Песнь седьмая

Юстиниан, окончивший свою речь, воспел, как кажется Данте, хвалебный гимн Господу и, соединившись с другими душами, исчез. У Данте родились вследствие рассказа Юстиниана некоторые сомнения, и за разъяснением их он хочет обратиться к Беатриче, но в робости смущенно опускает свое лицо Беатриче, однако, сама приходит к нему на помощь, угадывая его сомнение об искуплении грехов. Она говорит о прегрешении Адама, о наказании его Богом и о спасении мира крестной смертью Иисуса Христа. Далее она разъясняет сомнение Данте относительно бессмертия души и возможность для человека в будущем, благодаря воскресению, достигнуть чистоты своего первоначального естества.

«Благословение Творцу небесных сил[1],
Чей свет блистательный мир здешний озарил!» —
Так, мнилось мне, к своей планете обращаясь,
Стоявший предо мной дух светлый возгласил,
В двойном сиянии[2] чудесно мне являясь.
Затем, соединясь с гурьбою душ других,
Он закружился вдруг в блестящем хороводе,
И все, как туча искр на темном небосводе,
Исчезли вдалеке они из глаз моих.

И молвил я себе: — Но обратись с вопросом
К избраннице твоей. Подобно нежным росам.
Слова ее теперь, как прежде, утолят
Ту жажду знания, которой ты объят. —
Но, трепет чувствуя при слове Биче[3],
Благоговейно я склонил мое чело,
Как бы объятый сном. Так радостно, светло
Мне улыбнулась тут мадонна Беатриче,

Что счастлив был бы я и в пламени костра;
И молвила она, божественно добра:
— «Непогрешимое мне открывает зренье
Сомнений суть, тебя гнетущих тяжело.
Понять желаешь ты: коль справедливо мненье,
То как же быть оно наказано могло
По справедливости? Но тяжкого сомненья
Слова мои сейчас рассеют все следы.
Тот, кто не родился[4], за то, что он узды
Для воли не имел, желаньям дав свободу,
Проклятия себе и собственному роду
Навлек от Господа. Был грех его таков,
Что слабый род людской в течение веков
Во мраке пребывал, объят грехом и ложью,
Покуда не было угодно Слову Божью
На землю снизойти; тогда живая связь,
Что меж природою и Богом порвалась, —
Восстановилась вновь в лице Его меж ними,
Святому подвигу любви благодаря.
Теперь, вниманием своим меня даря,
Проникнись глубоко словами ты моими.
С Творцом соединясь — такой, какой она
Первоначально им была сотворена, —
Природа искренней и доброю явилась,
Но потому, что путь был ею брошен тот,
Который к истине и жизни всех ведет[5],
Ее изгнание из рая совершилось.
Распятый на кресте за грех людей Христос
По справедливости возмездие понес,
Но муки тяжкие и крестная кончина
Несправедливыми явились потому,
Что их перенести пришлося не кому
Иному, как Христу. Итак, одна причина
Имела следствие двойное. Эта смерть

Евреям и Творцу равно была угодна:
Земля разверзлась там и засияла твердь[6].

Понятия о том усвоил ты свободно,
Что мщенье правое постигнет правый суд[7].
Но вижу я: твой ум — еще во власти пут.
Ты говоришь себе: «Все это мне понятно,
Но почему Господь к спасению людей
Избрал лишь этот путь?» О, брат, Его путей
Тот, кто в лучах любви не вырос благодатно,
Не в силах уяснить. Чем больше тайна та
Влечет собою нас, тем глубже слепота
В безгневии святош, огнем любви пылая
И, вечную красу обильно разливая,
Нам благостью Своей сияет Божество.
Что непосредственно исходит от Него —
Не ведает конца, отмечено печатью
Неизгладимою Его, как благодатью.
Что непосредственно исходит от Него —
Не изменяется вовек в своих основах
Свободное вполне от изменений новых
И их влияния. Чем больше существа,
Им сотворенные, с Творцом бывают схожи,
Тем для Создателя миров они дороже —
Затем что рвение святое Божества
Сияет ярче там, где ближе это сходство,
Дарами высшими владеет человек,
Когда ж один из них утрачен им навек —
Теряет он и сам природы благородство[8].
Свободы истинной бывает он лишен,
Благодаря своим деяниям греховным,
И сходство с Существом теряет он Верховным,
Его сиянием лишь слабо убелен.

Восстать в достоинстве своем первоначальном
Возможно для него: заполнив пустоту,
Что заблуждением оставлено печальным,
И карой искупив проступков суету.
Так первый человек, достоинство теряя
Ему присущее, был удален из Рая;
Двояким лишь путем вернуть его он мог:
Иль должен был простить его проступок Бог.
Иль сам он — искупить преступное деянье,
Которым удален от праведной стези.
В пучину мысли взор отныне погрузи
И, сколько можешь ты, мне удели вниманья.
Ввиду природных свойств, для искупленья был
Не создан человек, который согрешил;
Настолько он не мог посредством послушанья
Смирить мятежный дух, насколько думал он
Непослушанием возвыситься. Лишен
Сам был поэтому возможности он всякой
Проступок искупить, и жизни полноту
Вернуть ему Господь стезею мог двоякой[9].
Дороже мастер сам работу ценит ту,
Где ярче воплотил он сердца доброту.
Творец же в благости Своей — запечатленной
Неизгладимою печатью во вселенной, —
К спасенью все пути открыл для вас, любя,
Дабы из пропасти поднять вас до Себя.
С зари и до часов последних мирозданья[10]
Не совершится вновь столь дивное деянье:
Пожертвовав Собой для смертного, Господь
Великодушней был, чем если б отпущенье
Он даровал ему. Во имя искупленья
И правосудия облечься в кровь и плоть
Сын Божий должен был. Теперь, дабы понятно

Все стало для тебя, на миг вернусь обратно.
Ты говоришь себе: «То, что я вижу здесь:
Огонь, земля, вода и воздух — все не вечно,
И разрушению подвержена их смесь,
Меж тем как жить они должны бы бесконечно,
Так как от Господа им эта жизнь дана».
Брат! Ангелы Его и светлая страна,
Где ты находишься, возникли из природы
Их собственной на свет; земля же, воздух, воды —
Произведенья их — вид получили свой
И вещество, им жизнь дающее собой,
От силы созданной. В движение светила
Приводит эта же — Им созданная — сила.
В образовательной материи планет —
Начало, что дает движение и свет
Растеньям и зверям[11]. Меж тем существованьем
Мы непосредственно обязаны Тому,
Кто — Благо Высшее. Полны любви желаньем,
Не устаем вовек стремиться мы к Нему.
Размысли же теперь, припомни сотворенье
Адама с Евою, и тайна воскресенья[12]
Понятной станет вдруг пытливому уму».

Город Модена

Примечания к седьмой песне

[1] В оригинале — латинские и три еврейских слова.

[2] Двойная заслуга Юстиниана как законодателя и полководца

[3] Уменьшительное от имени Беатриче — Биче.

[4] Адам, созданный Богом и преступивший его запрет

[5] Человеческая природа восстала против Бога, который есть «истина и жизнь».

[6] Разверзшаяся земля была знаком того, что преступление евреев не угодно Богу, а засиявшая твердь — знамением того, что добровольная жертва Христа угодна Ему.

[7] Слова оригинала

[8] Человек, согрешив, утратил превосходство свое и затемнил в себе подобие Божие, а потому с той же поры он уже подлежал обычным законам природы

[9] Т. е. либо путем милосердия, либо путем правосудия, или же обоими этими путями.

[10] Т. е. от сотворения мира до Страшного суда.

[11] Средневековые схоластики полагали, что душу животных создает природа, а душа людей получает свое начало непосредственно от Божества

[12] Это место, не совсем ясное, толкуется так: Бог сотворил Адама с Евой Своей Божественной рукой, без помощи иных сил, поэтому и наше естество может сделаться тем, чем оно было первоначально, и вернуть себе утраченную чистоту

Песнь восьмая

Данте с Беатриче поднимаются на третью небесную сферу — планету Венера; здесь, несмотря на сияющий лик Беатриче, поэт видит массу светлых душ — людей, стремившихся при жизни к чистой непорочной любви или бывших преданными друзьями своих ближних. Эти души кружатся в хороводе и поют гимн Богу. Одна из них говорит Данте о своей готовности ответить на каждый его вопрос и на вопрос Данте об ее имени рассказывает свою историю. Это Карл Мартелл, король Венгерский, сын неаполитанского короля Карла II и друг Данте. Судьба всей его семьи была печальна, ознаменовавшись сопротивлением подданных и прочими несчастьями, зависевшими от того, что в потомстве Карла Анжуйского и Рудольфа Габсбургского не сохранился благородный характер этих последних. Данте, пораженный этим, спрашивает, возможно ли, чтобы от людей хорошего характера явилось потомство дурное. Карл Мартелл развивает перед ним теорию происхождения человека, его стремление к общественности, зависимой от различия свойств и способностей членов общества, и говорит, что все свойства человека зависят исключительно от воли Бога и что человек, во избежание дурных последствий, должен всегда следовать указаниям природы.

В былом ошибочно народ склонялся к вере
В то, что Кипридою[1], которая должна,
По воле Господа, вращаться в третьей сфере, —
В сердцах людей любовь бывает зажжена,
И жертвы приносить спешили все Венере,
И возносить мольбы — в былые времена.
С ней Дионею[2] — мать, а также Купидона,
В объятиях кого покоилась Дидона,
Все почитали там. Итак, была тогда
Венерой названа прекрасная звезда,
Блистающая там в лазури небосвода

В урочные часы заката и восхода[3].
О том, как поднялись чудесно мы туда —
Я только потому немедленно заметил,
Что Беатриче лик предстал мне дивно светел.
А так как искорки отдельные в огне
Возможно различить и голос — в общем хоре,
То и в сиянии стал различать я вскоре
Все души светлые: кружилися оне
То тише, то быстрей — смотря по созерцанью[4].
Из туч, окутанных густой тумана тканью,
Не мчится ураган с такою быстротой,
С какою, хоровод покинувши святой
В той горной высоте, где блещут Серафимы, —
Стремились души к нам, в любви неутомимы.
«Осанна» — пение чудесное неслось.
О, если б мне его вновь слышать удалось!

И молвил первый дух: — «Мы рады, сообразно
Велениям Творца, по мере наших сил,
На все давать ответ, что ты бы ни спросил.
В той сфере движемся мы все кругообразно,
С такой же быстротой и рвением таким,
Как и воспетые тобой князья вселенной,
Чьей властью свыше ход светил руководим.
Познавшие Творца во славе неизменной,
И неба третьего движенье знали все[5].
Одушевившие нас чувства таковы,
Что ради твоего желания мы рады
Предаться отдыху[6]».
На Беатриче взгляды
С почтеньем я возвел и, прочитав ответ,
Исполнивший меня покоя и отрады,
На духа я взглянул, чей ласковый привет

Меня порадовал. — Кто ты? — спросил я духа
С сердечной теплотой. И сказанные мной
Слова приветствия едва коснулись слуха,
Как тут же просиял он радостью двойной[7]
И мне ответил так: — «Немало бед различных
Предотвратил бы я, когда б среди людей
Прожил я долее. Как в нитях шелковичных
Червяк скрывается, так посреди лучей
Блаженства моего укрыт я от очей.
Но ты любил меня, любил не без причины,
И если б отдален был час моей кончины
И цели я достиг желаний и трудов —
Отведал бы и ты любви моей плодов.
На левом берегу, что омывает Рона[8],
Сливаясь с Соргою, я был наследник трона;
Принадлежало мне Авзонии крыло[9]
Там, где цветут Бари, Гаэта и Кротона
И в море две реки прозрачных, как стекло,
Бегут вдоль берегов. Венчала мне чело
И придунайских стран блестящая корона[10],
А та Тринакрия[11], прекрасная страна,
Приманкой дивною служащая для взора,
Которая в краю лишь том омрачена,
Где грозно высятся Пакино и Пелоро
И Эвром гладь волны сильней возмущена
(Чему причиною — не тщетные усилья
Тифея мощного, но серы изобилье),
Ждала бы и досель Сицилии страна
Наследников моих, от Карла порожденных
И знаменитого Рудольфа королей[12], —
Когда б наместники жестокостью своей
Не раздражили все туземцев побежденных
И крик не раздался среди Палермо: «Бей!»[13]

На левом берегу, что омывает Рона,
Сливаясь с Соргою, я был наследник трона;
Принадлежало мне Авзонии крыло...

(«Рай», Песнь 8)

О, если б в будущем читал мой брат свободно —
То в Каталонии с доверием слепым
Он не отнесся бы к сынам ее скупым,
Его к погибели приведшим безысходно[14].
Он остерегся бы так погружать свою
И без того тяжелую ладью.
Из щедрого скупым он стал неблагородно,
Затем, что видел он друзей своих вокруг,
Мечтавших об одном: набить себе сундук».

— О повелитель мой, — сказал я, — радость эту,
Которой твоему обязан я ответу, —
Ты видишь и ее ты созерцаешь в Нем,
Кто блага всякого в величии Своем —
Начало и конец[15], и эта радость вдвое
Дороже для меня при мысли, что достиг
Ты горней высоты, где созерцаешь Лик
Пресветлый Господа. Блаженство неземное
Таят слова твои, но разъясни одно:
Как может горький плод дать сладкое зерно?

И он ответил мне: — «Когда покров откину
С великой истины, прозрев от слепоты,
Лицом немедленно к ней обратишься ты,
Меж тем как ныне ты к ней обращаешь спину.
Исполнен благостью Господнею предел,
Куда вступаешь ты; движенья звездных тел
Исходят от нее, она дает блаженство.
Не только свой приют находят существа
На лоне мысли той, в котором — совершенство,
Но и спасенье их — во власти Божества.
Из лука Божия всегда доходит к цели
Назначенной стрела, иначе бы узрели

Мы в небе вместо звезд — развалины и мрак.
Но это не могло произойти никак:
Несовершенною не может быть та сила,
Которой движутся небесные светила:
Из совершенного начала бытие
Берет она свое. Но правда непонятна,
Быть может, для тебя?» — О нет, невероятно,
Чтоб назначение великое свое
Природа выполнить была не в состоянье! —
Ответил я, и дух сказал на это мне:
— «А если б человек держался в стороне,
Вне общества людей влача существованье,
Ведь это было б злом?» — И я без колебанья
Ему ответил: — Да! И этому причин
Не надо приводить.
— «Возможен гражданин
В том случае, когда, сплотившись словно братья,
Все люди изберут различные занятья;
Так Аристотель ваш когда-то мир учил[16]», —
И выводом таким дух светлый заключил:
— «Вот почему один рожден Мельхиседеком,
Другой, наоборот, безумным человеком,
Который пожелал, чтоб сын его летал,
Чем погубил его в безумии Дедал;
Тот — Ксерксом, а другой рождается Солоном[17].
Перед природой сфер с ее святым законом
Все без различия семейного равны.
С рожденья своего навек разлучены
Исав с Иаковом. Квириний[18] — порожденье
Столь гнусного отца, что в Марсовы сыны
Его произвело общественное мненье.
В природе — если бы не воля Провиденья —
Руководила б всем наследственность одна.

Отныне истина вполне тебе ясна,
Но увенчать ее хочу последним словом.
Природе творческой бесплодье суждено,
Когда могучий рок бывает к ней суровым:
Так гибнет — брошено в сухой песок — зерно.
И если б следовал весь мир его основам,
То лучше был бы он. Но рясою облечь
Стремитесь вы того, кому пристал бы меч.
А призванных вещать народу Божье слово —
Возводите на трон, сойдя с пути прямого».

Примечания к восьмой песне

[1] Венера, или Киприда, богиня любви и красоты.

[2] Дионея — мать, Купидон — сын Венеры; он под видом Аскания увлек Дидону, которая здесь является прообразом чувственной любви; древние их почитали как божество.

[3] Данте выражается так: звезда Венеры или предшествует солнцу, или следует за ним. Звезда, появляющаяся при восходе и закате солнца, называется в первом случае — Люцифером, а во втором — Геспером, эта звезда и есть Венера

[4] Большая иль меньшая скорость движения душ есть следствие их большой или меньшей любви и созерцания.

[5] Это первый стих первой канцоны Данте «Любовное пиршество» («Convio amorosa»)

[6] Радость делать добро другим увеличивает радость блаженных душ Эта мысль проводится по всей поэме «Рай».

[7] Говорящий дух — Карл Мартелл (1271–1295), старший сын Карла II Анжуйского и Марии, сестры венгерского короля Ладислава IV, которого Данте лично знал. В 1290 г. он был коронован как венгерский король, но не правил, потому что престол достался другому претенденту, Андрею III

[8] Прованс

[9] Крыло Авзонии (т. е. Италии) — королевство Неаполитанское, две реки этого королевства — Тронто и Верде

[10] Страна при Дунае — Венгрия

[11] Тринакрия, или Сицилия; она носила название Тринакрии вследствие своих трех мысов: Пакино, Пелоро и Лилибеи, придающих ей вид треугольника Эвр — восточный ветер.

[12] Карл Мартелл Венгерский был женат на Клементине, дочери короля Рудольфа Габсбургского. От этого произошло несколько сыновей и среди них Карл-Роберт (см. прим. 7).

[13] Речь идет о так называемой сицилийской вечерне, т. е. резне 1282 г. в Палермо, стоившей жизни 4 тыс. французов

[14] Роберт, посланный в Каталонию как заложник, сблизился там с многими сеньорами и, вступив на неаполитанский престол в 1309 г., после отца, Карла II, доверил им важные должности, дозволяя грабить народ

[15] Здесь заключается тройная мысль: 1) блаженство, которое даровал Данте ответ Карла Мартелла, 2) радость поэта, вызванная тем, что Карл познает блаженство в Боге, 3) другая радость Данте по поводу того, что Карл находит в Боге умножение блаженств (Д. Минаев)

[16] Аристотель называет человека «общественным животным», т. е. существом, созданным для жизни в обществе, а это возможно лишь вследствие различия в свойствах людей.

[17] Под именем Солона поэт разумеет законодателя, под именем Ксеркса — царя-полководца, Мельхиседек — пастырь, а Дедал, привязавший восковые крылья сыну своему Икару, — художник, ученый или мечтатель

[18] Т. е. Ромул; он был незаконным сыном человека низкого происхождения, поэтому мать решила его выдать за сына Марса, чему поверил народ, так как существовало убеждение, что сын безусловно наследует все свойства отца. Данте же словами Карла Мартелла приводит мысль, что на рождение человека и его свойства влияют светила, в свою очередь, зависимые от воли Бога как их двигающей силы. Человек всегда должен следовать указаниям природы, если же естественные наклонности его получат неправильное, противоположное их существу направление, как, например, если воина заставить стать монахом, а стремящегося к религиозно-созерцательной жизни — возведут на трон, то плоды этого будут крайне печальны.

Песнь девятая

Дух Карла Мартелла исчезает, но, оставаясь на Венере, Данте видит другую светлую душу. Это Куницца, родственница графа Эццелино ди Романо. Она предсказывает поэту различные горестные события, которые должны постигнуть Италию после 1300 года, а затем исчезает, и на смену ей появляется Фулько из Марселя, трубадур, впоследствии ставший монахом и епископом. Он рассказывает о своей безграничной любви и указывает на иерихонку Раав, не убоявшуюся врагов и спасшую воинов любимого ею Навина. Этим указанием Фулько бросает едкий упрек папе Бонифацию VIII и римскому клиру, мало заботившимся о возвращении Святой земли под власть христиан, а всецело поглощенных материальными интересами

Когда отцом твоим я был, о Клементина[1],
Наставлен в истине, не скрыл он, что кручина
С изменой гнусною постигнут царский род:
— «Молчи! Пусть чередой идет за годом год».
А я скажу одно: грядущие несчастья
Собою вызовут во всех сердцах участье.

Меж тем блаженный дух всей силой существа
Стремился своего к сиянью Божества,
Как к благу высшему для каждого созданья.
О, души слабые! Вы не себе ли враг!
Одною суетой желая обладанья,
Вы отстраняетесь от лучшего из благ!

Тут светлая душа другая мне предстала
И, видимо, вступить желая в разговор,

Сияньем радости окружена, блистала.
Согласье выразил мне Беатриче взор,
И я заговорил: — В душе моей читая,
Ответ желанный дай, о ты, душа святая!

И молвила она с великой добротой:
— «В земле Италии, в стране растленной той[2],
Которая лежит меж Брентой и Пиавой,
Есть невысокий холм; оттуда жгучей лавой,
Когда-то разлился огонь по всей стране[3],
Повсюду причинив несчастья без границы.
Я — родственна ему; под именем Куниццы
Известна я была в отечестве, и мне
Назначено блистать не выше этой сферы,
Так как и на земле я знала власть Венеры[4],
Но, несогласная в воззрениях с толпой,
Мирюсь я радостно с подобною судьбой.
Стоящий близ меня вот этот дух блаженный[5],
Сияющий меж всех, как камень драгоценный,
Известность приобрел, и блеск ее таков,
Что не затмиться ей и через пять веков.
Ты видишь ли, что те в своих стремленьях правы,
Кто для заслуг своих посмертной жаждет славы.
К несчастью, этого не думает народ,
Живущий в слепоте у Тальяменто[6] вод:
Раскаяния он не знает, побежденный.
Но вскоре Падуи народ ожесточенный
Восстанет, долг забыв в безумии своем,
И близ Виченцы вод польется кровь ручьем[7].
Где с Зиле голубым сливается Каньяко —
Есть некий властелин[8]; с поднятой головой
Он гордо шествует, меж тем как сеть обмана
Плетется для него рукою роковой.

И Фельтро гражданам назначено бесспорно
Их злого пастыря оплакать гнусный грех[9];
Его деяние — куда преступней тех,
Какие Мальтою[10] наказаны позорно.
Едва ль отыщется такой громадный чан,
Где поместится кровь из всех феррарских ран,
По каплям счесть ее возьмется кто едва ли:
В таком обилии привычною рукой
Клевреты пастыря кровь эту проливали;
Стране и партии принес он дар такой,
Согласный с нравами и вкусами народа.
Над нами высятся в лазури небосвода
Престолы ангелов — Господни зеркала,
И отражают суд, который справедливо
Святая власть Его над всеми изрекла.
Вот почему тебе вещала я правдиво[11]».

Окончив речь свою, она замолкла вдруг
И тут же, удалясь, вступила в светлый круг,
Где ранее была. Но вскоре я с немалым
Восторгом увидал, что близится другой
Уже известный дух[12]; сияньем нежно-алым
Блистал он, как рубин сверкает дорогой
Под солнечным лучом. Здесь радости порывы
У духов праведных так ярки и так живы,
Как смех у смертного, но ввергнутая в сень
Геенны огненной — скорбит безмерно тень.

— Всевышний видит все, и ты проникновенно
В Его велениях читаешь, светлый дух, —
Так я заговорил, — и, серафимов слух
Чудесным пением лаская неизменно,
Зачем не хочешь ты мне молвить ничего?

Я сам не стал бы ждать вопроса твоего,
Когда б в душе твоей я мог читать открыто.

И дух заговорил: — «Равнина, что покрыта[13]
Водой, которую в обилии дает
Великий океан (им вся земля обвита),
От солнца далеко за горизонт идет,
Который заменен чертою меридиана.
Лежит меж берегов враждующих она,
И на одном из них была моя страна
Меж Эбро голубым и Магрой, где Тоскана
Лишь незначительным путем отделена
От ближней Генуи. На равном расстоянье
От точек, где с зарей восходит дня сиянье
И где закат его, на стороне одной
Буджея[14] там видна, с другой — мой край родной
И воды гавани, алевшей нашей кровью.
Я Фулько назван был, и ныне свет любви
Я разливаю здесь, которого струи
Проникли в душу мне. Столь пылкою любовью
Как я, ни сам Алкид[15] в былом не пламенел,
Когда почувствовал Иолы нежной узы,
Ни та, кому отцом был финикийский Бел,
Дух оскорбившая Сихея и Креузы[16],
Ни Родопея та, к которой Демофон
Вернуться опоздал[17]. И здесь таков закон,
Что духи светлые не знают сокрушений
По поводу своих забытых прегрешений,
Которых самый след из памяти исчез,
Но в благости Творца все счастливы бесспорно,
Чьей воле зиждущей вселенная покорна, —
И в созерцаниях Им созданных чудес.
Здесь научаемся мы благу, чье влиянье

Из мира горнего нисходит в дальний мир.
Теперь еще одно скажу я в назиданье
И этим водворю в душе смущенной мир.
Узнать желаешь ты: сияньем окруженный
Кто этот светлый дух, поблизости моей
Блистающий, как луч, водою отраженный?
Так знай же: то — Раав[18], которая светлей
И лучезарней всех блистает дивным светом.
И первую из душ, которым сам Христос
Победою Своей спасение принес, —
Прощенная Раав предстала в небе этом.
Как пальму, в небеса Господь ее вознес,
Как знак победы той, которую руками
Своими одержал, прибитыми к кресту.
Она, когда вступить готовился с войсками
Вождь Иисус Навин в Святую землю ту,
Которую забыл первосвященник Рима,
Спасла бойцов его. Флоренция — росток
От города того, где был неумолимо
Спаситель осужден, и тем неутомимо
Распространяется губительный цветок[19].
Плененные того растенья лепестками,
Там пастыри овец становятся волками.
Взамен Писанию церковный лишь декрет
Там изучается в усердии немалом —
И папою самим, и каждым кардиналом.
Не вслед Архангелу, не в дивный Назарет —
Увы! — направлены их помышленья ныне.
Но приближается желанная пора.
Когда и Ватикан, и римские святыни —
Кладбище воинов апостола Петра[20],
Все то, что предано во власть прелюбодею, —
Освободит Господь десницею Своею».

Примечания к девятой песне

[1] Клементина, дочь Карла Мартелла, жена Людовика X, короля Французского. Когда Данте писал свою поэму, она была еще жива, и этим можно объяснить упоминание ее имени здесь, хотя правильнее было бы подразумевать, из связи с предыдущим, Клементину, жену Карла.

[2] Венеция.

[3] Куницца была, по словам одних, сестрой, по словам других — дочерью падуанского тирана Эццелино ди Романо, она родилась на холме, расположенном между источниками Бренты и Шавы, где стоял замок Романо; оттуда Эццелино, подобно огню, производил в стране опустошения. Сравнение Эццелино с огнем объясняется тем, что мать его видела во сне, будто она рождает горящий факел (см. «Ад», песнь двенадцатую).

[4] Куницца помещена здесь, так как жизнь ее протекла под влиянием Венеры, т. е. была посвящена чистой, лишенной чувственности любви.

[5] Знаменитый трубадур Фулько (Фолью) из Марселя.

[6] Адиджа и Тальяменто — две реки Венецианской республики.

[7] Генрих VII отделил в 1312 г. Виченцу от Падуи и передал ее Кану Гранде делла Скала. После смерти Генриха VII падуанцы рассорились с Каном и были им разбиты в 1314 г., после чего он завоевал Виченцу. Здесь Куницца лишь предсказывает это событие.

[8] Здесь говорится о городе Тревизо, которым правил Ричард ди Коммино, человек добрый, но ведший разгульную жизнь. Он был убит заговорщиками (1313 г.).

[9] Фельтро — город тревизской марки, где был епископом Александр из Пиаченцы, выдавший просивших у него убежища феррарцев правителю Феррары, поставленному королем Апулии Робертом. Тот приказал отрубить им головы (в 1314 г.).

[10] Мальта, или Марта — название башни близ Больсены, служившей папской тюрьмой.

[11] Это место надо понимать так: на сказанное мной ты должен смотреть как на правдивое пророчество, так как находящиеся над нами престолы ангелов отражают Господни приговоры, которые от них передаются нам.

[12] Фулько.

[13] Равнина, покрытая водою, — Средиземное море, берущее ее из океана, который опоясывает всю землю. Оно образует юг в том месте, где прежде был горизонт. Враждующие меж собой берега его — европейский и африканский. Марсель — родина Фулько стоит на равном расстоянии между устьями реки Эбро в Испании и реки Магры, находящейся на самой границе Генуи и Тосканы.

[14] Город на африканском берегу, почти напротив Марселя. Кровь, от которой алели воды гавани Марселя, — была пролита во время похода, предпринятого Юлием Цезарем, желавшим овладеть Марселем.

[15] Алкид — Геркулес, любивший Иолу, дочь Эврита. Сам Фулько любил графиню Аделазию Рокмартин, был трубадуром при различных дворах, а затем стал монахом и, наконец, епископом Тулузским.

[16] Дидона, дочь царя Бела, забывшая ради Энея своего первого мужа Сихея и возбудившая ревность тени Креузы, которая была первой женой Сихея.

[17] Филлиса, царица Фракии, дочь Ликурга, которая, не дождавшись возвращения Демофона, сына Тезея, с отчаяния повесилась и была обращена в миндальное дерево.

[18] Раав, иерихонская блудница, укрывшая Навина от преследователей.

[19] Флорин — флорентийская монета с изображением лилии; деньгами покупали всех, даже пастырей церкви.

[20] Намек на близкую смерть папы Бонифация VIII, не заботившегося о возвращении христианскому миру Святой земли.

Песнь десятая

Данте приглашает читателя вознестись в ту сферу, которая устроена волей Св. Троицы, и в кратких словах говорит о порядке устройства вселенной. Затем он сам с Беатриче поднимается в четвертую сферу небесную — в царство Солнца, замечая при этом, что Беатриче по мере приближения к высшей сфере становится все светлее и светлее. Там, на Солнце, Данте видит блестящее кольцо душ, но он больше всего поражается не их блеском, а удивительной гармонией голосов. Души, находящиеся здесь, суть души блаженных, насыщаемых присутствием Иисуса Христа и Св. Духа. Один из духов — св. Фома Аквинский — вступает в разговор с Данте и последовательно указывает ему на учителей церкви, потрудившихся во славу ее. По окончании речи св Фомы небеса приходят в движение и оглашаются бесконечно гармоничными голосами блаженных.

Непостижимые, слитые воедино,
Та Сила и Любовь, которые на Сына
Взирают Своего[1] — в могуществе Своем
Когда-то создали в таком порядке дивном
Все то, что мыслью мы и взором познаем, —
Что мы охвачены восторгом непрерывным
Пред благостью Творца. Читатель, в эту высь

За мною взорами своими вознесись
В том направлении, где встречные два круга[2]
Пересекают путь взаимно друг у друга.
Искусству Мастера великого дивись;
Создание Свое Он ценит бесконечно
И Сам его в Себе Он созерцает вечно.
Движение планет вот этот круг кривой[3]

Обозначает здесь. Когда бы их дорога
Кривою не была, почти весь мир живой
Погиб бы на земле, а в небе слишком много
Осталось лишних сил. Малейший их уклон
Нарушил бы собой весь мировой закон.

Тебе, читатель мой, даю я предвкушенье
Грядущего. Дабы избегнуть утомленья,
На время отдохни ты в помыслах о нем.
Я пищу дал уму в творении моем,
Вкусить же от нее ты можешь на свободе,
Меж тем как труд меня всецело поглотил,
Которому свои я силы посвятил.

Могущественнейший из мастеров в природе[4],
Гонящий на земле бесплодие и мрак,
Теченье времени там измеряя светом
И разливая жизнь — уже вступил в тот знак,
Который я назвал, и, сам не знаю, как —
Почувствовал себя я на светиле этом:
Скорей, чем промелькнуть успеет мысль в мозгу.

Меж тем ту быстроту, с какою становилась
Прекраснее Жена святая, — не могу
Измерить временем. Как ярко засветилась
На солнце красота небесная ее,
Очам явясь моим не в измененном цвете,
Но только в более живом и ярком свете —
Об этом передать пытался б тщетно я,
Искусство, опыт, ум на помощь призывая.
Итак, довольствуйтесь словами, уповая
В грядущем лицезреть святую красоту.
Воображение на эту высоту

Бессильно воспарить. Очами ли земными
Нам солнце лицезреть с лучами золотыми?
Четвертая семья Верховного Отца,
Которой созерцать возможно без конца
Святую Троицу, — такою мне предстала.
И Беатриче мне торжественно сказала:
— «Ты Солнцу Ангелов воздать хвалу спеши,
Вознесшему тебя на солнечную сферу!»

О, никогда еще всей силою души
Я так не ощущал любовь к Нему и веру,
Как ныне, услыхав подобные слова!
В благоговении пред славой Божества
И Беатриче мной была на миг забыта,
Но по лицу ее казалася разлита
Улыбка нежная, и милостивый взгляд
Указывал собой явлений новых ряд.

Тогда блаженных душ увидел я немало,
Нас окружающих блистательным кольцом.
Меня не столько их сиянье поражало,
Как прелесть голосов. Так иногда венцом,
Образовавшимся из пелены тумана,
Где светлый луч ее бывает отражен
Окружена во тьме Латоны дочь, Диана[5].
На небе том, куда был дивно вознесен,
Я много созерцал сокровищ драгоценных,
Оттуда было б их немыслимо увлечь,
И первым посреди их качеств несравненных —
Считал я пение. О звуках этих речь
Тому, кто сам взлететь туда не в состоянье, —
Пусть поведет немой.
Струя вокруг сиянье,

Нас трижды обошел их светлый хоровод,
Как звезды яркие, вкруг полюса обход
Свершающие свой. Они напоминали
Мне жен танцующих, когда, остановясь,
Те ждут, чтоб музыка им снова раздалась,
Затем услышал я, как души мне сказали:
— «Луч благодати той, которым зажжена
Великая любовь (сама собой она
Становится сильней в сердцах, объятых ею), —
Так видимо тебя отметил он своею
Печатью светлою, что мог подняться ты
На эту лестницу, с чьей светлой высоты
Нельзя спуститься вниз, не восходя сначала.
Как реки — в океан несущие струю,
Так жажду утолить духовную твою
Мы все обязаны из нашего фиала.
Узнать желаешь ты: что это за цветы
Составили венок нетленной красоты
Вокруг Жены святой, тебя ведущей к Богу?
Овца из стада я, где пастырь — Доминик[6],
Пасомых вывел он на верную дорогу.
Вблизи стоящего я — брат и ученик,
Из Кельна Альберт он, а я зовусь Фомою
Из Аквитании. Теперь следи за мною
Своими взорами, и весь блаженный круг
Я назову тебе. В Раю стяжавший славу,
Улыбкою своей сиянье льет вокруг
Блаженный Грациан, пером служивший праву[7].
К нему ближайший — Петр; как бедная вдова,
Он церкви отдал все[8]. За ним блистает пятый,
Всех ярче пламенем божественным объятый,
О нем и на земле еще живет молва[9];
Когда свидетельство Всевышнего не ложно —

Мудрейшего найти меж смертных невозможно.
Тот пламень — светлый дух, который изучал
Природу ангелов и тайны их начал[10].
Здесь улыбается из этой искры малой
Нам тот, кто ревностно отстаивал один
Господни алтари, постигнуты опалой[11],
Его творенье знал блаженный Августин.
Теперь, переходя от одного к другому,
Ты взоры обрати к сиянию восьмому[12]:
Величью Господа в нем радуется дух,
Указывавший всем на ложь и злобу мира,
Кто к слову истины склонял усердно слух.
Через мученья он пришел в обитель мира,
В стенах Чиель д'ауро[13] был предан прах земле.
Там дальше — с пламенным сиянием на челе
Стоят, прославлены духовною победой,
Блаженный Исидор с неутолимым Бедой,
Рикард[14] (по мудрости он был сверхчеловек).
А этот, от кого ты отвращаешь взгляды, —
Сегье[15] великий дух. Он истинной отрады
Лишь в смерти ожидал. Гонений не избег
Он, как и многие, что истиной влекомы,
Когда вещал ее на улице Соломы[16]».

Подобно тем часам, что пробуждают нас
Такою нежною мелодией в тот час,
Когда встает уже избранница Христова[17],
Что переполниться душа у нас готова
Любовью сладостной — мгновенно небеса
Пришли в движение, и тут же в бесконечной
Гармонии слились блаженных голоса,
Возможной только там, где радость будет вечной.

Город Кельн

Примечания к десятой песне

[1] Св Троица Сила — Бог Отец, Любовь — Дух Святой, Сын — Иисус Христос.

[2] Экватор и эклиптика, или путь животных, по нему движутся Солнце и планеты

[3] Зодиак

[4] Солнце, которое, по тогдашним понятиям, вращалось вокруг Земли В момент описания Данте оно стояло в знаке Овна.

[5] Диана — Луна Сравнение это основано на кругообразном отражении Луны в окружающих ее парах тумана

[6] Эту речь ведет св. Фома Аквинский, великий богослов (1227–1274), бывший в ордене доминиканцев Альберт Кельнский — один из величайших схоластиков XIII века, учитель его (1193–1280)

[7] Грациан де Киузи, монах-бенедиктинец, написавший книгу о гражданском и каноническом праве.

[8] Петр Ломбарди, епископ Парижский, автор четырех книг сентенций, которые комментировались Фомой Аквинским и Альбертом Кельнским

[9] Царь Соломон

[10] Дионисий Ареопагит, афинский философ, автор книги «Небесная иерархия»

[11] Павел Орозиус, автор книг о языческих гонителях христианства, посвятивший свой труд блаженному Августину; он жил в начале V века

[12] Философ Северин Боэций (470–524) был по подозрению заключен в тюрьму и казнен. Он написал знаменитую книгу «Утешение в философии»

[13] Чьель д'Ауро (золотое небо), церковь Св Петра в Павии, где покоится прах Боэция.

[14] Св Исидор Испанский (560–636), севильский епископ Богослов Беда Достопочтенный (673–735) — англосаксонский летописец, монах из Нортумбрии Рикард ди Сан Витторе, монах, поборник мистической теологии, скончался в 1173 г

[15] Сегье — Сигер Брабантский — философ XIII в., профессор Парижского университета

[16] Аудитория Сигера помещалась тогда на улице Соломы, прозванной так потому, что слушатели за неимением в ней скамеек и стульев приносили с собой связки сена и соломы, заменявшие сиденья

[17] Святая церковь, приветствующая Господа заутренею

Песнь одиннадцатая

После обращения к человечеству и указания на то, что мирские заботы бесцельны, Данте рассказывает о своей беседе со св. Фомой Аквинским. Духи прекратили движение в небесной сфере, и св. Фома, обращаясь к Данте, развеивает те сомнения, которые одолели душу поэта; главнейшее желание Данте — узнать о том пути, который приводит к спасению, и св. Фома говорит ему о двух защитниках церкви — св. Франциске Ассизском и св. Доминике, причем, главным образом, рассказывает житие св. Франциска до его кончины, давая этим понять, что путем к спасению должна быть столь же праведная жизнь, как жизнь св. Франциска.

Безумен, смертные, заботы дольней гнет:
К земле он вашу мысль невидимо влечет
Кто — право изучил, а кто — священным саном
Облечься пожелал, а кто — силой и обманом
На свете царствовал. Иной же в свой черед
Прилежно изучал науку Гиппократа[1];
Кто жил для роскоши и тонкого разврата,
Кто — просто воровал, а кто по мере сил
Общественным делам и выгодам служил.
Меж тем, подобными заботами не связан,
Я с Беатриче сам на небо восходил,
Где столь торжественный прием ей был оказан.
Как свечи вставлены в кружки паникадил,
Так души светлые вернулись к точке круга,
Где были ранее в сообществе друг друга,
И тот же самый дух, дававший мне ответ[2],
Улыбки радостной распространяя свет,

Со мной заговорил: — «Как сам в лучах сиянья
Неугасимого вдруг загораюсь я —
Так мне в лучах его понятна мысль твоя.
Сомнением томясь, исполнен ты желанья
Узнать из уст моих о том святом пути,
Который может всех к спасенью привести,
А также и о том, кто всех мудрей на свете.
Неясны для тебя слова остались эти.
Предначертание Творца, их глубина
И тайны Промысла — очам непостижимы.
И в высшей мудрости своей непостижимы.
Затем, чтоб Жениху Небесному верна
Была избранница (исполненный любовью,
С ней обручился Он Своей святою кровью[3]), —
Над нею Промысел, в защиту от сетей
Соблазна гибельных, поставил двух вождей.
Один усердием был равен серафимам[4],
Другой же, мудрости своей благодаря,
Причислен может быть небесным херувимам[5].
Я, об одном из них с тобою говоря,
О том и о другом упомяну на деле —
Затем, что оба шли к одной великой цели.
Есть холм поблизости Тупино светлых вод
И речки небольшой[6]. Там жил святой Убальдо.
И, где Перузою из солнечных ворот[7]
Жар получается и холод (в свой черед,
Страдают этим же Ночера и Гуальдо),
Близ этой местности есть плодоносный склон,
Покрытый зеленью полей, лугов и леса.
Там, где спускается к земле отлого он,
Как солнце светлое из синих вод Гангеса —
Там солнце новое для всей земли взошло[8].
Пусть не Ассизами зовется место это,

К нему название Востока подошло
Гораздо более: Восток — источник света.
Оно не поднялось еще на высоту,
Когда уже явить земле оно успело
Свет добродетели. Презревший суету
От юности своей, с отцом боролся смело

И мужественно он из-за любви к жене[9],
Которая страшна со смертью наравне
Бывает для людей. Пред алтарем церковным,
Благословляемый отцом своим духовным,
Соединился он с избранницей своей
И с каждым новым днем любил ее сильней.
В теченье тысячи ста лет она вдовою
От Мужа первого[10] влачила бытие,
И ей не помогло, когда нашел ее
У Амикласа вождь, прославленный молвою[11].
Не помогло и то, когда была она,
Оставшись до конца верна завету Божью,
С Христом к Его Кресту на казнь пригвождена,
Меж тем как пала Мать в тоске к его подножью[12].
Яснее говоря: Франциск и Нищета —
Так звали этих двух любовников блаженных,
В своем согласии и мире неизменных.
Их лица ясные, восторг и чистота —
Внушали и другим высокие стремленья.
Так, в лоне нищеты ища себе спасенья,
За нею босиком бежал святой Бернар[13],
Скорбя, что медлит он. Незримый высший дар,
О, благо высшее, сокровищ всех дороже!
Эгидий и Сильвестр[14] снимают обувь тоже,
Чтоб следовать за ней! Так по стопам отца[15],
Все пропоясаны веревкою смиренно,

Идут сыны его. Хотя обыкновенно
Был духом кротости исполнен сын купца,
Сын именитого Пиетро Бернардоне[16],
Но перед папою[17], с величием царя,
Он изложил устав и твердо на законе
Своем настаивал, пока от алтаря
Он там не получил на орден разрешенья.
Когда ж у пастыря, достойного хваленья
Из уст архангельских, прибавилось овец —

Дух Вечный даровал ему второй венец
Через Гонория[18], который папским саном
В те дни был облечен. Душой возжаждав мук,
Он смело о Христе вещал перед султаном,
Но тщетно расточал слова свои вокруг
И, видя, что ему не внемлют там народы,
В Италию свою вернулся, где зерно,
Посеянное им, ему сулило всходы.
На горной крутизне меж Тибром и Арно[19],
Он, как свидетельство Христовой благодати,
Стигматы[20] получил — священные печати,
Которые носил в течение двух лет.
Когда ж пришла пора ему покинуть свет
Для получения награды той нетленной,
Которую сумел святою и смиренной
Он жизнью заслужить, — любимая жена
Наследникам его была поручена:
Он братьям завещал с любовью неизменной
Служить ей до конца. Когда же захотел
Великий дух его вернуться в свой предел
Из лона нищеты — в смиренье без границы,
Святой не пожелал себе иной гробницы,
За исключением земли сырой. Суди
Поэтому теперь: ведущий посреди
Опасных отмелей ладью Петрову к цели —
Каким же должен быть его преемник в деле!
Им стал наш патриарх[21]. Кто с верою в груди
Заветам пастыря последовал покорно,
Тот брал в ладью к себе хороший груз бесспорно.
Когда же, соблазнясь, порой во все концы
За пищею новою бежит поспешно стадо —
У возвратившейся с чужих лугов овцы
Нет больше молока и пусты все сосцы.

Не многим из овец милее их ограда,
И жмутся к пастырю в опасности они.
Но так немного их осталось в наши дни,
Что на одежду им сукна немного надо[22].
Коль скоро речь моя ясна тебе вполне,
И ты запомнил все, внимая с верой мне, —
Исполнено твое желанье вполовину.
Ты видишь пред собой излома сердцевину:
Листву к погибели он может привести[23].
Вот говорил тебе я о каком пути».

Город Ассизи

Примечания к одиннадцатой песне

[1] Медицину.

[2] Св. Фома Аквитанский (Аквинский), см. песнь десятую, примечание шестое.

[3] Под невестой Христа нужно разуметь церковь, с которой Он обручился на кресте Своей кровью.

[4] Св. Франциск Ассизский (род в 1182 г.), прозванный при жизни «ангелоподобным», учредил орден францисканцев.

[5] Св. Доминик (род. в 1170 г.), учредитель ордена доминиканцев, которые так же, как и францисканцы, давали примеры истинной веры, отреклись от богатства, живя подаянием, помогая больным.

[6] Чиази, берущая свое начало вблизи г. Губбио (Агоббио) и соединяющаяся с р. Топино. Между ними находилось аббатство Св. Убальдо. Ночера и Гуальдо находились на противоположной стороне хребта.

[7] Ворота Перузы, ведущие в город Ассизи.

[8] Родился св. Франциск Ассизский.

[9] Св. Франциск, будучи сыном богатого купца, добровольно отрекся от состояния. Он называл бедность своей невестой, которую он избрал против воли отца, и постоянно преуспевал в любви к ней.

[10] Первым мужем бедности был Христос, не имевший где преклонить голову.

[11] Юлий Цезарь постучался ночью в дверь бедняка-рыболова по имени Амикласа, без страха

отворившего ему. Этот рыбак перевез Цезаря из Эпира в Италию и восхвалял перед ним бедность.

[12] Мать Господа проводила его до креста, между тем как нищета не покинула Его и в смерти, так как Он умер бедным и нагим.

[13] Бернар, один из самых почтенных граждан города Ассизи, решивший, по примеру св. Франциска, оставить мир.

[14] Ученики св. Франциска.

[15] Св. Франциск.

[16] В смирении своем св. Франциск всегда именовал себя сыном Пиетро Бернардоне. Это не помешало ему с достоинством отстаивать перед папой суровый устав своего ордена.

[17] Иннокентий III.

[18] Вторую печать Св. Духа даровал ордену папа Гонорий III, разрешивший его монахам священство.

[19] На горе Альвернии, в Тоскане.

[20] Стигматами называются у католиков знаки ран Христовых в боку, на руках и ногах. Франциск получил таковые за два года до смерти.

[21] Св. Доминик, к ордену которого принадлежал и говорящий это св. Фома Аквитанский.

[22] Речь идет о монахах, уклонившихся с истинного, ведущего к спасению пути, впавших в ересь и заблуждение.

[23] Монашеский орден похож на ствол дерева, начинающий расщепляться, что угрожает гибелью листьям.

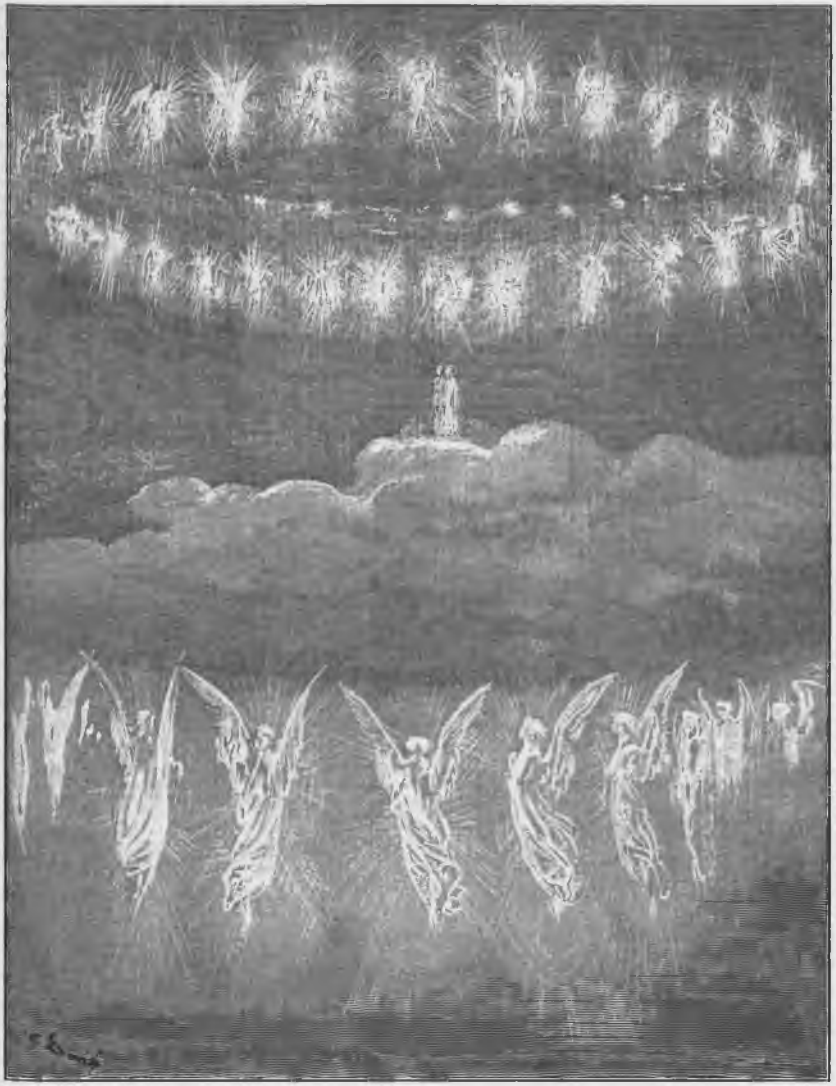
Песнь двенадцатая

По окончании речи св. Фомы Аквинского святые души вновь составляют хоровод, но не успели они сделать еще полного круга, как вокруг них появляется второй хоровод душ. Из этого второго круга раздается голос, обращенный к Данте. Это св. Бонавентура, генерал ордена францисканцев. Подобно тому как доминиканец св. Фома возносит хвалу св. Франциску, так Бонавентура-францисканец восхваляет св. Доминика и рассказывает его житие. Далее он делает намек на некоторые признаки порчи в поведении францисканцев, бросает укор папе Бонифацию VIII и перечисляет различных святителей и Отцов Церкви, ее защитников.

Едва закончил речь светильник тот нетленный[1],
Как закружился вновь их хоровод блаженный,
Но круга полного еще не сделал он,
Как был гирляндой душ другою окружен,
Согласовавшей с ним и пенье, и движенье
Кругообразное. Но духов голоса
Настолько же собой превосходили пенье
Земных сирен и муз — насколько отраженья
Прекрасней своего бывает самый свет.
Когда посланницу на землю шлет Юнона[2],
Мы видим иногда в лазури небосклона
Две радуги — в один окрашенные цвет,
От первой радуги рождается вторая.
Так голос родился от нимфы молодой,
Погибшей горестно, в лучах любви сгорая[3]:
На солнце тает пар, клубившийся грядой.
Подобно радугам — гирляндою двойною

Блеснувшим в небесах и возвестившим Ною,
Что кончился потоп и опасаться гроз[4]
Не надо более, — так райских этих роз
Был также окружен гирляндой я двойною.
Когда же пляска их, весь этот мир огней

И волн гармонии, звучавшей все нежней
В пылу всеобщего священного экстаза,
Остановились вдруг (так, волею одной
Руководимые, смежаются два глаза), —
Внезапно услыхал тут голос неземной
Я из среды другой гирлянды лучезарной,
И обратил туда я взоры, как компас,
Вмиг обращается к большой звезде полярной.
И вот что произнес священный этот глас[5]:
— «Любовь, чьи светлые лучи меня венчали,
Принудила меня заговорить о том,
По поводу кого хвалы здесь расточали
И моему вождю[6]. В усердии святом
За Господа они сражались непрерывно,
И славою одной сияют неразрывно
Они пред Господом. Когда Христова рать,
Которую трудней вторично собирать,
Не многочисленна, вослед святому стягу,
Чуть двигалась вперед, утративши отвагу, —
Великий Царь царей, дабы упавший дух
Невесты[7] поддержать, послал на помощь двух
Великих рыцарей, чьи подвиги и слово
Вернули к истине весь христианский мир.
Там, где в Европу шлет свои струи зефир[8],
Дабы одеть ее листвой зеленой снова —
Вблизи прибоя волн; за чьею синевой



Подобно радугам — гирляндою двойною
Блеснувшим в небесах и возвестившим Ною,
Что кончился потоп и опасаться гроз
Не надо более, — так райских этих роз
Был также окружен гирляндой я двойною.

(«Рай», Песнь 12)

Порой скрывается шар солнца огневой,
Лежит на берегу счастливом Калларога[9]
Под покровительством герба: изображен
Лев-победитель в нем и лев, что побежден.
Здесь родился атлет, борец во имя Бога,
Поборник пламенный учения Христа,
Любимый близкими, врагов каравший строго.
Так велика была в нем добродетель та,
Что в лоне матери объят священным жаром,
Ее пророческим он наделяет даром[10].
Когда же, погружен в священные струи
Для их взаимного спасенья и любви[11],
Соединился там он с верою святою,
То крестной матери его приснился плод[12],
Который принести впоследствии, с толпою
Наследников своих, он должен был в народ,
А с тем, чтоб все его, от мала до велика,
Признали за того, кем он пред Богом был,
Господень дух его незримо осенил,
И даровал ему он имя Доминика[13].
Христос призвал его работать в Вертоград,
И, послужить Христу душою всею рад,
Он стал воистину посланником Христовым,
Завету первому[14] последовать готовым.
Не раз кормилице пришлось видать его
Порою позднею коленопреклоненным
И в благодатную молитву погруженным;
Он словно говорил: — «Пришел я для того!» —
Недаром, мать его, звалась ты Джиованной[15]
И Феликсом — отец! Лишь истинною манной
Науки дорожа и пользою людей,
Он книги изучал, которые Фаддей[16]

С Остийцем написал. Достигнув очень быстро
Большой учености и звания магистра,
Пошел он в Вертоград, который бы засох,
Когда б, к несчастию, был вертоградарь плох.
Когда же он предстал перед престолом Рима,
Который был тогда добрей неизмеримо
Для бедных, чем теперь (вина не самого
Престола, но того, кто стал главой его),
Предстал он не затем, чтоб вымолить смягченье
Обета данного иль землю во владенье
Иль десятиною Господних бедняков[17]
По праву завладеть. Просил он разрешенья
Бойцом за семя стать, которое ростков
Немало принесло: их здесь двадцать четыре[18],
Дабы искоренить грехи и ересь в мире.
Могучий волею, не ведая преград,
Как будто с крутизны нагорной водопад —
Он ринулся в свое апостольское дело,
И ереси поля губил повсюду смело.
Там, где противились, — грознее был напор.
Затем произошли из этого потока
Другие ручейки и разлились широко,
И церкви Божьей сад зазеленел с тех пор.
Второе из колес священной колесницы[19],
Нашедшей в нем оплот от недругов своих —
Отныне знаешь ты. О первом же из них
Повествовал Фома с восторгом без границы.
Но вырытая им когда-то колея
Теперь заброшена и предана упадку;
В начале шедшая во след вождю семья —
С пути сбивается, и там, где ставил пятку
Их вождь, — сыны его там ставят лишь носок.

Но приближается духовной жатвы срок;
Возропщут плевелы, что наравне с пшеницей
Их в житницу Христа не складывают впрок.
Когда перелистать страницу за страницей
Всю книгу[20], то одна еще найдется в ней,
Гласящая: «Я тот, каким я был в начале!»
Не в Аква-Спарте он и также не в Казале[21].
Один — чрезмерною суровостью своей
Вредит ученью, другой же — по натуре
К виновным слишком слаб. Я сам в Бонавентуре[22]
Из Баньяреджио в прошедшем обитал,
Высоким званием был облечен когда-то,
Но к суете мирской презрение питал.
Босые, нищие, со мной — Иллюминато[23]
И Агостино здесь, веревкою простой
Все опоясаны. Еще в толпе святой
Ты видишь пред собой Гуго ди Сан Витторе[24]
И Пьетро — именем другим: Манджиадоре.
Вон там испанец Петр; бессмертья он достиг,
Вселенной подарив двенадцать мудрых книг;
Великий Златоуст, ниспосланный Царьградом,
Ансельм, пророк Нафан, а вот Донато рядом,
«Искусству первому» усердием своим
При жизни он служил; Раван, Иоаким —
От Бога одарен предведеньем пророка.
Здесь рыцарю Христа[25] мной воздана хвала,
В ответ на речь Фомы, которою была
Блаженных душ толпа растрогана глубоко.

Примечания к двенадцатой песне

[1] Святой Фома Аквитанский (Аквинский).

[2] Ирису, или радугу.

[3] Нимфа Эхо, которая, будучи влюблена в Нарцисса и отвергнута им, так часто проклинала свою судьбу, что от нее ничего не осталось, кроме голоса.

[4] Господь обещал Ною, что потопа более не будет (Книга Бытия. 9, 12–17).

[5] Голос святого Бонавентуры (1221–1273), монаха-францисканца.

[6] Т. е. св. Доминику. В предыдущей песне св. Фома (доминиканец) восхваляет св. Франциска, основателя ордена францисканцев, а в настоящей песне св. Бонавентура (францисканец) восхваляет св. Доминика, основателя ордена доминиканцев. Оба этих монашеских ордена были верными слугами пап в защите церкви и преследовании еретиков.

[7] Т. е. церкви. Ее защитники, рыцари — св. Франциск и Доминик.

[8] Здесь говорится о западе Европы, о той части Испании, где солнце заходит в Атлантическом океане и откуда дует весенний ветер.

[9] Город старой Кастилии, которая, будучи соединена с королевством Леон, имела в своем гербе двух львов. В этом городе родился св. Доминик.

[10] Матери св. Доминика приснилось, что она родила собаку белую с черным, держащую в пасти факел, которым она воспламенит весь мир.

[11] В то время как благодаря вере он достиг вечной жизни, вера в лице его приобрела упорного защитника.

[12] Крестная мать Доминика видела его во сне с двумя звездами: одной во лбу, освещавшей восток, другой на затылке, озарявшей запад: предзнаменование широкой деятельности святого.

[13] Доминик происходит от латинского слова dominus, что означает «господин».

[14] Посвятил себя бедным.

[15] Джиованна значит по-еврейски «озаренная благодатью». Феликс — счастливый.

[16] Известный флорентийский медик остиец — кардинал-епископ Остии, Генрих Сузский, писавший о декреталиях папы Григория IX.

[17] Десятина, десятая часть доходов, которую обязаны были платить церкви миряне, назначалась для поддержания церкви, а также и бедных прихожан. Данте указывает на контраст между прежними папами, вроде Иннокентия III и Гонория III, которые милостиво покровительствовали нищенствующим орденам, и нынешним (современником Данте) папой Бонифацием VIII, известным своими злоупотреблениями.

[18] Семя — истинное учение, а ростки его — окружающие Данте святители церкви. Двенадцать из них составляют внутренний круг, двенадцать других — наружный.

[19] Св. Франциск Ассизский.

[20] Т. е. список служителей церкви.

[21] Брат Матвей из Аква-Спарты своей снисходительностью дал повод к злоупотреблениям среди последователей св. франциска. Уберто де Казале был, наоборот, чересчур строг по отношению к ученикам.

[22] Св. Бонавентура был кардиналом и генералом ордена францисканцев; он родился в Баньяреджио (Баньярея) в 1221 г.

[23] Иллюминато и Агостино — первые францисканцы.

[24] Гуго ди Сан Витторе был монахом и известным богословом. Манджиадоре, или Коместор, написал историю церкви. Петр Испанец — двенадцать книг о логике. Св. Ансельм — архиепископ Кентерберийский. Донато был учителем св. Иеронима и составил первую латинскую грамматику. Раван — аббат в Фульде и епископ Майнца. Иоаким, аббат Калабрийский, считался пророком.

[25] Св. Доминика.

Песнь тринадцатая

Два хоровода святых продолжают двигаться, а Данте предлагает читателю — для того чтобы понять всю красоту виденного им — представить себе движение небесных звезд первой величины, а также звезд Большой и Малой Медведиц, сгруппированных в два венца и совершающих свое вращение. Наконец священный хоровод останавливается, и, обращаясь к Данте, вновь начинает свою речь св. Фома Аквинский, разъясняя ему возникшее в нем сомнение относительно Соломона. Он сперва говорит о том, что все сущее в мире получает свою жизнь и свет мудрости от самого Господа Бога, причем каждая сфера передает этот свет ближайшей следующей за ней; затем этот свет нисходит ниже и дает жизнь людям и всему, что лишь временно в мире. Все в мире совершается лишь по воле бога. Что касается Соломона, то он стал мудрейшим по воле Бога, даровавшего ему разум за то, что тот выразил желание пользоваться им для управления и суда над народом, а не для изысканий и изучения отвлеченных идей и понятий. Затем св. Фома дает поэту совет осторожно относиться к исканию истины, не подчиняясь влиянию страсти, и приводит в пример обратного нескольких лжеучителей. Данте заключает песнь размышлением об отношении к другим людям толпы, судящей о них лишь по внешним проявлениям.

Желающий понять все то, что мне предстало, —
Пускай вообразит, и образ сохранит
Он в памяти своей, как надпись ту гранит,
Которую рука людская начертала;
Пускай представит он себе пятнадцать звезд[1],
Струящих яркий свет, но из различных мест;
Пускай представит он и небо без границы,
Где есть для солнечной блестящей колесницы
Достаточный простор: она не заходя
В нем обращается, за ночью день ведя.

Пускай представит рог[2] — той оси продолженье,
Вокруг которой там обычное движенье
Свершает первый круг. Пускай же, наконец,
Вообразит себе, что звезд соединенье
Образовало тот сияющий венец,
Каким в последний час венчалась дочь Миноса[3],
И оба круга тех, которые горят
Гирляндою двойной, — вращаясь, как колеса.
О том, как двигался двойной блестящий ряд
Небесных светочей, понятие составит

Тот отдаленное, кто это все представит.
Их вид превосходил настолько ж красотой
Земные зрелища, насколько быстротой
Киану быструю[4] — движенье сфер небесных.
Не Бахус, не Пеан в созвучиях чудесных
Там воспевалися, но Троица одна
Единосущная, сияние — она
Природы Божеской с природою земною.

Остановился тут священный хоровод,
Готовясь сызнова заговорить со мною:
От радости одной был этот переход
К не меньшей радости[5], и в их единогласном
Собранье тот же дух[6], который передал
О подвигах святых и житии прекрасном
Того, кто бедняком во имя Бога стал,
Опять заговорил: — «Пусть в житницу пшеница:
Отчасти свезена — последняя частица
Еще не смолота; исполненный забот,
С любовью я готов докончить умолот
Ты думаешь: та грудь[7], откуда было взято
Ребро, которое сгубило мир когда-то,

И та другая грудь[8], пронзенная копьем,
Чья кровь священная, из ран струясь ручьем,
Все преступления людей перетянула
На Божиих весах; ты думаешь: вдохнула
В них сила высшая столь несравненный свет,
Что равного ему во всей природе нет?
И, без сомнения, дивишься ты немало
Сужденью моему о светоче святом[9]
Из круга пятого, о праведнике том,
Кому премудростью великой не бывало
На свете равного. Но выслушай сначала.
Суждения мои —
тобой повторены,
И, словно в круге — центр, они заключены
В великой истине. Все то, что во вселенной
Есть тленного, и все, что сущностью нетленной
Одарено вовек, — есть отблеск мысли той,
Рожденной Господом в любви Его святой.
И этот яркий свет, от Господа идущий.
Сливающийся с Ним и в Триединстве сущий, —
Все девять высших сфер живит собою он,
И, словно зеркалом, он всеми отражен.
Оттуда ниже он нисходит постепенно,
Давая жизнь тому, что временно и бренно;
Такие существа я разумею тут,
Которым жизнь дает небесное движенье,
И бытие не все из семени берут.
Различно вещество и их происхожденье;
Согласно этому, слабее и сильней
Божественная мысль сияет в них своей
Печатью дивною. Наклонности не схожи
Бывают у людей; дурной иль вкусный плод
Порою дерево дает одно и то же,

Чему причиною — различие пород.
Когда б материя везде располагалась
В порядке правильном, небес же благодать
Со всею силою своею проявлялась —
Ясней виднелась бы и Божия печать.
Но у природы есть особый недостаток,
Она ослабленный дает нам отпечаток:
Художник, пишущий картины мастерски,
Подвержен иногда дрожанию руки,
Когда же луч любви Божественной и жгучей
Нисходит, с высоты во всей красе могучей,
Со всею силою — творения его,
Все совершенными бывают без изъятья:
Так землю создало в начале Божество,
Так совершилося Мариино зачатье.
И совершеннейших, чем те два существа[10],
В природе не было: ты рассуждаешь здраво,
Но ты спросить меня зато имеешь право:
«Но как же тот, о ком ты речь свою повел, —
Всех в мире мудростью великой превзошел?»
Размысли, кто он был и что — когда Всевышний
Сказал ему: «Проси!»[11] — без гордости излишней
Он испросил себе! Он в мире был царем
И мудрости просил пред Божьим алтарем,
Дабы царить в стране и править в ней достойно.
Количество миров, вращающихся стройно,
Он не стремился знать; а также — меж планет
Есть первый двигатель Божественный иль нет?
Не подражая тем, кто — знания невольник,
Не добивался он: возможно ль треугольник
Из полукружия составить без угла?
Необходимое в союзе со случайным —
Необходимое рождает ли? Была

Полна душа его стремленьем чрезвычайным
К той мудрости царей, которую стрела
Вниманья моего указывает метко.
Когда я говорил: он в мире всех мудрей,
То это значило — мудрейший из царей.
Великого царя мы видим очень редко.
Приняв подобное различие — твое
Суждение с моим согласовать возможно,
По поводу того, кто дал нам бытие,
А также и Того, Кто возлюбил не ложно.
Иди на поиски за правдой осторожно,
И на ногах твоих да будут, как свинец,
В пути слова мои: тот из глупцов глупец,
Кто без различия малейшего бесспорно
Все отрицать готов иль утверждать упорно.
Вот почему должно всегда в ошибку впасть
Сужденье пошлое, и ум идет покорно
Путем, какой ему указывает страсть.
Тот, кто умением искать не обладает,
За истиной стремясь, напрасно покидает
Родные берега; тому примером Брисс,
А также Парменид философ и Мелисс[12].
Так заблуждалися упорно и нелепо
Сабеллий с Арием и все безумцы те,
Которые, мечам подобны закаленным,
Пронзали Божие Писанье в слепоте,
И отражали все прямое — искривленным.

Никто не должен быть в сужденьях слишком смел.
Как те, что ценят хлеб, который не поспел;
Я видел мертвым куст в жестокие морозы,
Весною же на нем вновь распустились розы;
Я видел, как корабль, избегший бурь и скал,

В виду у гавани надежной погибал.
Пусть Берта и Мартин[13] — он, будучи свидетель,
Что кражу совершить намеревался взор,
Она — как приходил с дарами благодетель —
Пусть не спешат они изречь свой приговор
И не торопятся судить неосторожно.
Подняться одному и пасть другому можно.

Примечания к тринадцатой песне

[1] Явление духов, окружающих в блестящем сиянии Данте и Беатриче и начавших снова свое движение, подобно двадцати четырем звездам, соединенным в два венца: в числе этих звезд находятся пятнадцать первой величины, семь звезд Большой Медведицы, две Малой Медведицы и в том числе Полярная звезда, вокруг которой вращается сфера неба, называемая «великий двигатель» (см. песнь вторую)

[2] Рог — созвездие Малой Медведицы, между двух начальных звезд которой проходит мнимая ось, оканчивающаяся Полярной звездой.

[3] Дочь Миноса Ариадна. Когда Вакх стремился достигнуть ее любви, она потребовала от него доказательств того, что он — бог. Тогда он снял с головы цветочный венок и бросил его в небо, где венок тотчас же преобразился в звезду («Метаморфозы» Овидия, 8).

[4] Река в Тоскане. Подобно тому как движение быстрейшей сферы неба относится к медленному течению реки, так вид сферического движения двадцати четырех духов превышал все, что есть прекрасного и великого на земле.

[5] Духи уже разрешили одно сомнение Данте и теперь готовы доставить ему другую радость — дать ему новое разъяснение.

[6] Св. Фома Аквинский, чей рассказ стал основой одиннадцатой песни «Рая».

[7] Грудь Адама; из него Господь взял ребро и сотворил виновницу первого прегрешения.

[8] Грудь Иисуса Христа, своей смертью искупившего мир.

[9] Соломон.

[10] Иисус Христос и Адам, совершеннейшие существа, так как Иисус Христос есть Богочеловек, а Адам создан самим Богом.

[11] В третьей Книге Царств говорится, что Господь явился Соломону во сне и сказал: «Проси, что дать тебе!», на что Соломон ответил: «Даруй рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой!»

[12] Брисс (Брисон) — математик. Парменид и Мелисс — древнегреческие философы, первый из них написал поэму «Poesia philosophica», содержание которой составляет учение Парменида. Савеллий (Савелий) и Арий — епископы, основатели ересей.

[13] Берта и Мартин — произвольно взятые имена, представляющие легковерную толпу, которая не должна судить лишь по внешним поступкам, так как тот, кто согрешил, может исправиться, а тот, кто жертвует, способен грешить.

Песнь четырнадцатая

Св. Фома умолкает, и после него, обращаясь к святым душам, начинает говорить Беатриче, советуя им разъяснить Данте, навсегда ли останется у них божественный свет, украсивший их и гробы, будет с ними после воскресения мертвых. Святые души приходят в восторг, услышав речь Беатриче, и произносят славословие Пресвятой Троице, после чего раздается обращенный к Данте голос Соломона, который дает ясный ответ на вопрос Беатриче. Речь Соломона заключается возгласом «Аминь!», после чего вдали Данте замечает третий круг светлых душ. Вместе с тем он и Беатриче поднимаются в следующую, четвертую, сферу — на планету Марс. Сперва здесь появляются два светлых духа, а затем сияние блестящих лучей создает изображение Св. Креста, на котором Данте видит распятого Христа. По кресту мелькают огоньки, одновременно раздается священный напев «Воскресни!» Все это приводит Данте в неописуемый восторг, превышающий наслаждение, которое он черпал во взоре Беатриче. Поэт просит извинить его за это, но вместе с тем говорит о том что Беатриче становится все чище и светлее.

Вода, заключена в сосуде округленном,
Переливается в порядке неуклонном
От центра до краев, и от краев к нему
Она стремится вновь, согласно лишь тому:
Извне иль изнутри была она теснима[1].

Сравненье это вдруг явилось у меня,
Когда, умолкший дух святителя[2] сменя,
Заговорила та, что мной была любима:
— «Хотя безмолвствует и мысленно отчет
Он в этом сам себе пока не отдает, —
Но к истине другой стремится дух поэта.
Поведайте ему: при вас ли навсегда

Останутся лучи божественного света,
Украсившие вас венцами? Если — да,
То как же этот свет в минуту воплощенья[3]
Способно перенесть земное ваше зренье?»

Подобно пляшущим, которые, прилив
Живейшей радости внезапно ощутив,
В движеньях, в голосе являют оживленье,
Стремясь веселостью ближайших к ним увлечь, —
Так праведных круги, услышав эту речь,
Небесным пением и пляскою священной
Восторг объявший их, нам выразили весь.
Всяк, ропщущий на то, что умирает здесь,
Дабы воскреснуть там, не ведал несравненной
Дождя Господнего прохлады в небесах.
И трижды с нежностью великой в голосах —
Прославлена была толпою душ блаженной
Святая Троица, которая весь мир
Вместить могла в Себе, ни в ком не заключаясь.
Так сладостно их песнь звучала раздаваясь,
Что каждый, слышавший священный этот клир, —
Мог счесть их пение за высшую награду.

В толпе блаженных душ, представившихся взгляду,
Блиставший ярче всех[4] во внутреннем кругу —
Со мной заговорил, и голос тот могу
Сравнить лишь с голосом небесным Гавриила[5].
— «Доколе будет Рай — священные лучи
Любви, которая всех свыше озарила, —
Нас будут окружать, светлы и горячи.
Их блеск во всем любви великой отвечает,
А созерцанию — любовь, и, в свой черед,
Господня благодать сама усугубляет
То созерцание. Когда ж нас облечет

Плоть совершенная, то наша благодарность
Удвоит этого сиянья лучезарность,
Сиянья нашего; которое дает
Нам силу зрения: чем будет созерцанье
Живее, тем любовь, которую зажжет
Собой оно — сильней, и тем ее сиянье —
Чудесней. Пламени светлее — уголек,
Он светится в огне, который сам зажег.
Так и чудесный блеск, каким теперь блистаем, —
Сияньем плоти той он будет побеждаем,
Которая земле покуда предана.
Плоть обновленная в нас будет так сильна,
Что этот дивный блеск не вызовет страданья».

— «Аминь!» — воскликнуло священное собранье
С единодушием, показывавшим мне,
Насколько все они облечься плотью рады,
Не для себя самих, скорее — для отрады
И утешенья тех, кто был в земной стране
Им дорог, прежде чем они святыми стали.

Вдруг, как сияние, окрасившее дали,
Над нами занялся какой-то новый свет.
Когда нисходит мрак ночной — ежеминутно
Мерцанья звездные мерещатся нам смутно:
Мы словно видим их, и их как будто нет[6].
Так точно в этот миг представилося глазу,
Что новый светлый круг венчает прежних два.

О, несравненное сиянье Божества!
Мой ослепленный взор ты победило сразу.
Тут Беатриче я увидел пред собой —
Такою светлою и блещущей красой,
Что дивный образ твой остался меж видений,

О, несравненное сиянье Божества!
Мой ослепленный взор ты победило сразу.
Тут Беатриче я увидел пред собой —
Такою светлою и блещущей красой,
Что дивный образ твой остался меж видений,
Которых в памяти нельзя воспроизвесть.

(«Рай», Песнь 14)

Которых в памяти нельзя воспроизвесть.
Когда открыл глаза чрез несколько мгновений,
Я понял, что меня успела перенесть
На высшую звезду[7] невидимая сила.
Мне показался цвет небесного светила
Воспламененного — краснее, чем всегда.
И стал благодарить я Господа тогда
За милость новую, и в сердце не остыла
Молитва жаркая, которую уста
Мои произнесли, как я увидел ясно,
Что жертва Господом Всевышним принята.

Одеты пурпуром блистающим прекрасно,
В сиянии лучей явились духа два
Столь ослепительных, что вырвались слова
Невольно у меня: — Как, Гелиос предвечный[8],
Ты украшаешь их!
Как путь составлен млечный
Из малых и больших сверкающих планет,
И меж двух полюсов он образует след,
Блистая белизной — загадка для ученых, —
Так и блистание лучей соединенных
На Марсе пламенном являло знак Креста[9].

Тут перед памятью склоняется мой гений:
В сиянье на Кресте увидел я Христа!
Для описания я не найду сравнений,
Но тот меня простит, кто по стопам Христа,
Неся свой крест, идет, не убоясь гонений:
В сиянии и сам увидит он Христа.

И вдоль, и поперек чудесного Креста
Мелькали огоньки, перебегая роем.
Так в тех убежищах, которые мы строим,

..... Блистание лучей соединенных
На Марсе пламенном являло знак Креста.
Тут перед памятью склоняется мой гений:
В сиянье на Кресте увидел я Христа!

(«Рай», Песнь 14)

В сиянье солнечном пылинок вьется рой.
Как лютни сладостной иль арфы дивный строй
Звучат мелодией и для непосвященных —
Так из средины душ, чудесно просветленных,
Образовавших Крест сиянием своим,
Послышался напев. Слова их дивной песни
Не доносились к нам, я слышал лишь: — «Воскресни
Затем, чтоб победить!» — Восторгом столь живым
И сладостным объят я был, какого в жизни
Я не испытывал ни разу до сих пор.
Быть может, я за то подвергнусь укоризне,
Когда сознаюсь я, что Беатриче взор,
В котором черпал я желаний утоленье,
Не мог доставить мне такого наслажденья.
Но так как — тем сильней сиянье красоты,
Чем большей в небе мы достигли высоты —
К Жене святой не мог я взором обратиться,
И сам виню себя, затем чтоб извиниться.
Светла и велика святая радость та,
Которую дает мне взор ее. По мере
Полета нашего от сферы к высшей сфере —
Она становится все более чиста.

Гробница св. Доминика в Болонье

Примечания к четырнадцатой песне

[1] Данте и Беатриче находятся в центре кругов, составленных из духов. Св. Фома находится на окружности круга, следовательно, его речь к Данте идет от края к центру; когда же начинает говорить Беатриче, то речь ее идет из центра к краю, т. е. происходит то же движение, что и в стакане, наполненном водой, которая приводится в движение.

[2] Св. Фома.

[3] После воскресения мертвых.

[4] Дух Соломона

[5] Когда он явился с вестью к Пресвятой Деве Марии

[6] Звезды под вечер мерцают так слабо, что их то видно, то нет.

[7] Планета Марс, имеющая красноватый цвет.

[8] Гелиос — Солнце. Обращение к Богу

[9] Соединение кругов святых душ образует знак Креста, на котором Данте видит распятого Иисуса Христа.

Песнь пятнадцатая

Священное пение прекратилось, и духи молчат, хотя Данте горит желанием разъяснений видимого им; поэт предполагает, что это молчание явилось по повелению высшей воли. С правой части Креста отделяется звезда, но она сохраняет за собой блестящую светлую нить и скатывается вниз; вместе с тем Данте слышит обращенное к нему приветствие. Последнее исходит из уст его прадеда Качиагвиди, который сперва возносит хвалу Господу Богу, а затем беседует с Данте, не открывая, однако, сперва имени своего, так как хотя он и видит желание поэта узнать говорящего с ним и хочет открыться, но ради собственного удовлетворения не делает этого. Данте обращает свой взор на Беатриче и, увидев ее улыбку, смело спрашивает об имени говорящего с ним духа. Тот отзывается, рассказывает о своем рождении и описывает современную ему Флоренцию, которая отличалась крайней простотой нравов. Далее он говорит о своей женитьбе и об участии в крестовом походе вместе с императором Конрадом III. Он, Качиагвиди, был посвящен в рыцари и кончил свою жизнь в борьбе с неверными сарацинами, похитителями Святой земли. За эту мученическую смерть он воспринял небесную награду.

И воля добрая, которая начало
Дает любви, меж тем как злою рождена
Лишь алчность гнусная — молчанье налагала
На лиру нежную, и смолкла та струна[1],
Что волею небес единственно звучала.
Иначе как могла б глухою быть она
К моим желаниям и ждать моих молений?
И тот воистину достоин сожалений,
Кто, временное все безмерно возлюбя,
Блаженства вечного лишает тем себя.
Как иногда скользят в лазури метеоры

И привлекают вдруг рассеянные взоры,
Блеснув, как яркая падучая звезда
(Хотя созвездия не сходят никогда
Со своего пути), — так точно с ветви правой
Креста, сиявшего неизреченной славой,
Звезда скатилась вниз. Но перл, не отделясь
От нити, соскользнул вдоль звездной вереницы:
Так блещет огонек, сквозь алебастр светясь.
Не так же ль был объят восторгом без границы
В былом Анхиза дух[2], — как повествует нам
Славнейший из певцов, — когда его очам
Явился сын его, великий дух Энея,
Витающий в полях цветущих Элизея.
— «О кровь моя! Была безмерной доброта
Создателя к тебе! Кому из нас дотоле
Он дважды открывал небесные врата»[3].

Так молвил светлый дух, и взоры поневоле
Я поднял на него, затем же поглядел
На Беатриче я, и лик ее светлел
Такой улыбкою, что мнил я, замирая
Восторгом сладостным, что вижу я предел
Блаженства моего и наслаждений Рая.
Затем дух праведный, чей образ для очей
Был привлекателен, а голос так приятен,
Опять заговорил, но смысл его речей
По глубине своей был смертным непонятен.
Когда же пылкого восторга тетива
Была ослаблена настолько, что слова
Доступны сделались для разума простого,
Услышал я из уст светильника святого:
— «О Триединый Бог! Хвала Тебе! Мой род
Ты милостью Своей осыпал в изобилье!» —

Затем он продолжал: — «О сын мой, твой приход
Сюда приветствую! И ей, дающей крылья,
С которыми ты мог подняться до высот, —
Благодаренье шлю. Из книги[4], где нетленны
Господни письмена и вечно неизменны,
Я знал, что ты придешь: теперь утолено
Желание, в меня запавшее давно.
Предполагаешь ты, что мысль твоя доходит
Ко мне через Того, в Ком все отражено:
Так от известного единства происходит
Число и пять, и шесть. Молчание храня,
Поэтому сейчас ты не спросил меня,
Кто я и почему сильнее всех ликую
В ликующей толпе? Лелея мысль такую,
Ты совершенно прав. Здесь, в радостном краю,
Всем духам праведным — какое положение
Ни занимали бы те светочи в раю —
Известны помыслы еще до зарожденья.
Но для того чтоб жар священной той любви,
С которой предаюсь я созерцанью света,
Я лучше утолил — желаний не таи;
Свободно выскажись и жди на все ответа!»
Тут взоры обратил молящие свои
На Беатриче я; она в ответ на это
И ранее, чем я ей предложил вопрос,
Так улыбнулась мне, что смело произнес
Я, духом окрылен: — С тех пор как вам Равенство[5]
Явилось первое — в благословенный час
Уравновесились любовь и мудрость в вас —
Затем, что все равны пред Солнцем[6] совершенства,
Всех озаряющим и греющим равно.
Но в смертных не всегда с рассудком заодно
Бывает воля их. Я — смертный и блаженства

Лишен подобного, но в сердце я своем
Тебя благодарю за ласковый прием.
Кто ты, живой топаз, молю тебя, поведай!

И удостоивший меня своей беседой
Дух светлый отвечал: — «Мой отпрыск, я любил
И ожидал тебя! Твоим я корнем был;
Тот, имя от кого наследовало племя[7],
Кто сотню лет назад нес искупленья бремя,
Круг первый проходя[8], был прадедом твоим.
Давно усталостью великой он томим,
Ты должен сократить его страданий время.
В те дни Флоренция простую жизнь вела
Под сенью той стены[9], где в третьем и в девятом
Часу сзывали весь народ колокола
К молитве и к труду. Не тронута развратом
И целомудренна, чужда она была
Безумной роскоши и бурного веселья.
Там не виднелися на женах ожерелья
И драгоценные венцы, и пояса,
С которыми едва ль владелиц их краса
Померяться могла б. Рождение девицы
Отец за бедствие не почитал никак,
Затем, что в эти дни не вышли из границы:
Размер приданого и год вступленья в брак.
В то время без детей жилища не бывало;
Не появлялося еще Сарданапала[10]:
В жилищах первый ввел излишества он все.
И не был превзойден в то время Монтемало[11]
Учеллатойею в величье и красе,
Как будет превзойден в падении и смерти.
Я был свидетелем, как в гости шел с женой,
Не знавшею румян, Беллинчионе Берти[12],

И пояс он носил с отделкой костяной.
А Черли с Веккио[13] и не слыхали даже
О роскоши одежд, меж тем как жены их
Лишь о веретене заботились и пряже,
И были счастливы в занятиях своих.
Не угрожало им вдовство на брачном ложе[14],
И знала каждая свою могилу тоже.
Одна — баюкала ребенка в час ночной
Словами нежными, которые дороже
Всего для матерей; в кругу семьи родной
Другая женщина про древний Рим и Трою,
Про Фиезоле речь за прялкою вела.
В те дни такою же бы странною была
Известная своим распутством Чиангелла[15],
Иль ненавистный всем законник Сальтарелло,
Как были б Цинциннат с Корнелией у вас
В теперешние дни. И в этом чудном месте,
Где царствовали мир и дух гражданской чести,
Мария[16], к милости которой в этот час
Взывала мать моя, меня призвала к жизни,
В соборе окрещен, христианином стал
И Качиагвидою я с той поры в отчизне.
Я из долины по себе супругу взял, —
Оттуда прозвище другое также взято[17].
Элизео, Моронт — звались моих два брата.
Последовав за ним, служил мечом в бою
Я императору великому Конраду[18],
И, милость мне явив высокую свою,
Он званье рыцаря мне даровал в награду.
Я следовал за ним, когда на мусульман
Неверных он ходил упорною войною,
На похитителей святыни христиан,
Чему лишь пастырь ваш — единственно виною[19].

Там в битве я погиб от нечестивых рук
И так из мира лжи нашел освобожденье,
Любовь к которому дает лишь униженье, —
И мира вечного достиг ценою мук».

Примечания к пятнадцатой песне

[1] Хор блаженных душ.

[2] Встреча Анхиза с сыном его Энеем в Елисейских полях, описанная Вергилием в «Энеиде».

[3] В оригинале эти строки — приветствие Анхиза сыну — написаны по-латыни. Этими же словами встречает Качиагвиди своего потомка, Данте.

[4] Блаженные, как и ангелы, познают будущее через божественное слово в Книге Провидения. Качиагвиди, знавший из нее о пришествии Данте, сравнивает мысль Божию, служащую источником всего, с единицей, от которой происходят числа пять и шесть.

[5] В Боге все качества равномерно совершенны, почему он и называется первым равенством.

[6] Т. е. Богом.

[7] Алигиери, прадед Данте с материнской стороны.

[8] В первом кругу Чистилища очищаются гордецы.

[9] Внутри старых городских стен стояла бенедиктинская церковь, колокол которой звонил в третьем и девятом часу, возвещая время молитвы и труда.

[10] Сарданапал, царь Ассирийский, известен своей изнеженной роскошью.

[11] Монтемало — гора близ Рима, с которой открывается вид на город с его зданиями; Учеллатойя — такая же гора, близ Флоренции, превзошедшей Рим роскошью своих построек, но зато подвергшейся опасности скорой гибели.

[12] Беллинчионе Берти из рода Равиньяни, ведший простой и скромный образ жизни. Он был отцом прекрасной Гуальдрады, о которой упоминается в шестнадцатой песне «Ада».

[13] Знатные флорентийские фамилии.

[14] Флорентинцы имели обыкновение ездить во Францию по торговым делам, причем женам предоставлялся выбор: или сопровождать их, рискуя умереть на чужбине, или потерять своих мужей.

[15] Чиангелла делла Тоза — легкомысленная флорентийка. Лапо Сальтарелло — законовед, известный злоязычием и дурным нравом. Цинцинат — великий римский диктатор, добродетельная Корнелия — мать Гракхов.

[16] Роженицы обычно призывали в помощь Пресвятую Деву.

[17] Супруга Качиагвиди была Алигиери из Феррары и, согласно обычаю, передала эту фамилию одному из сыновей своих, прадеду поэта.

[18] Император германский Конрад III, предпринявший Второй крестовый поход (1147 г.), в котором скончался Качиагвиди.

[19] Данте во многих местах своей трилогии упрекает римских пап за нерадение их в деле освобождения Гроба Господня из рук сарацин. Здесь упрек направлен к Бонифацию VIII.

Песнь шестнадцатая

Высказав в красивой аллегории мысль о том, что благородство теряется в потомстве, если последнее не поддерживает честь своего рода славными деяниями, Данте говорит о том, как он спросил своего предка Качиагвиди о том, где он родился и как провел свою жизнь. Качиагвиди довольно туманно указывает год своего рождения, иносказательно называет место своего рождения — Флоренцию и затем перечисляет знаменитейшие роды флорентийского населения, бегло рассказывая об их взаимных распрях, послуживших источником непрерывных междоусобий в некогда богатой, мирной и счастливой Флоренции. При этом он иносказательно говорит о разделении жителей города на партии гвельфов и гибеллинов и на изменчивость их в убеждениях

О, крови чистота, ничтожна ты! Когда
Ты служишь на земле тщеславия предметом
Не изумляюсь я: перенесен сюда,
Где царствует любовь, и я виновен в этом.
Воистину ты — плащ, который с каждым днем
Мы надставлять должны в усердии своем,
От ножниц времени его оберегая[1].

И, к выраженью вы в беседе прибегая,
Которое здесь ввел в употребленье Рим[2],
Хотя и не вполне, — заговорил я с ним.
В чертах жены святой я не заметил гнева,
Улыбкой легкою светился дивный лик,
И женщину она напомнила в тот миг,
Которая, когда Джиневра королева
Свершила первый грех, закашлялась слегка[3].

Я начал: — Мой отец, так радость велика,
Столь многими в меня вливается ручьями,
Что сам я становлюсь источником ее.
Превыше всех заслуг я возвеличен вами.
Теперь поведайте, вас умоляю я,
О том, как провели вы молодость и детство,
О предках — славное оставивших наследство,
И об овчарне той, где пастырь — Иоанн[4].
Как назывались те, которым высший сан
В те дни присвоен был? —
Как уголь раздуваем
Бывает в пламени и вспыхивает вдруг
От дуновения порою, так, ласкаем
Словами нежными, и тот великий дух
Светлее засиял, являясь в большей славе,
И речь его сильней очаровала слух.
Он молвил: — «С дня того, когда сказали: «Ave!»[5]
До дня, как матерью мне жизнь была дана,
Теперь находится среди святых она,
Воспламенялся Марс лучами Льва в эфире
Пятьсот и пятьдесят три раза. Я в сестире[6],
Последнем городе, где — место для бегов,
С семьей моею жил, но кто она, откуда —
Об этом умолчать пристойнее покуда.
Все те, кто мог ходить с оружьем на врагов
И оставался тверд пред грозным их напором —
Те были пятою лишь частью горожан;
Стояли их дома меж Марсом и Собором[7],
Но чистой в эти дни была и кровь мещан,
Что с кровью жителей Гертальдо и Фиггине,
И Кампи[8] ближнего перемешалась ныне.
О, лучше б тех людей соседями иметь,
Границей же земель — Галуццо с Треспиано[9],

Чем в собственных стенах быть жертвами обмана
И грязных выходцев насилие терпеть,
Которые туда пришли из Агульоне[10].
Когда бы, развратясь, для Цезаря на троне
Не стал вдруг мачехой Флоренции народ
На место матери — менялы с торгашами,
Из Симифонте[11] все ведущие свой род,
Где побирался и предки их грошами,
В смущении бежав, вернулись бы туда.
Не изгнаны тогда, конечно, были б Конти
Из Монтемурло их и Черки — из гнезда
Анконы древнего, и род Буондельмонте[12] —
Из дома своего. Страдали города,
И постигавшая порою их невзгода
Была последствием прямым смешенья рода:
Так пища нам вредна в излишестве всегда,
Порой нанесть удар случается быстрее
Мечом единственным, чем дюжиной мечей,
И спотыкается ослепший бык скорее
Ягненка малого, лишенного очей.
Когда бы вспомнил ты, как Луни с Урбисалья[13]
К паденью пришли, и гаснут без следа
Теперь подобно им: Киузи Синигалья —
Не удивился б ты, что сами города
С исчезновеньем их исчезли навсегда.
Как люди, так и все земное — скоротечно,
И кажется оно для смертных долговечно
Затем, что им самим дни краткие даны.
И так же, как прилив сменяется отливом,
Согласно тайному влиянию луны —
Так во Флоренции за временем счастливым
Немедля следовал и злополучный год.
Не удивляйся же имен перечисленью,

.....Так, ласкаем
Словами нежными, и тот великий дух
Светлее засиял, являясь в большей славе,
И речь его сильней очаровала слух.

(«Рай», Песнь 16)

Прославленных в былом и преданных забвенью.
Орманни помню я и Альберики род
До их падения, Филиппи, Кателлини
И Уги. Города великого твердыни,
Все те, кто в старину был родом знаменит:
Санелла, Бостики, Дель-Арко, Сольданиери
Ардинги! В те года из той высокой двери,
Которую теперь бесчестье тяготит,
Сулящее ладье[14] крушение в тумане —
Явились из нее когда-то Равиньяни
Граф Гвидо и все те, которые потом
Назвались именем, что в старину прославил
Беллинчионе сам. И делла-Пресса правил
Успешно в эти дни, и Гампаио дом
Имел уже мечи в оправе золоченой.
Сплотились меж собой могучею колонной —
Кто шляпу пеструю железную носил[15].
Сакетти видел я в расцвете полным сил,
Сифанти славный дом, Баруччи, Джиуоки
И тех, которые стыдом объяты вмиг,
Едва им вспомнится позорный четверик[16].
Раскинувшись вокруг, могучи и широки,
Побеги юные Кальфучи расцвели,
А на сидения курульные взошли
И Сицци гордые, и Аричучи тоже.
В каком сиянии являлися вельможи,
Гордыней собственной загублены потом!
Был золотистый шар Флоренции цветком
Во всех ее былых деяньях благородных
Такими я знавал отцов тех самых чад,
Что в консистории, покуда месть доходных
Им не отыщется, на счет казны едят[17].
Уже и в те года я был знаком с семьею[18],

Которая всегда кидается змеею
На отступающих, выбрасывая яд;
Но стоит показать ей золото иль зубы —
Становится овцы смиреннее она.
Родоначальники ее в те времена
Настолько были все принижены и грубы,
Что тестю своему, как говорит молва,
Донато не простил подобного родства.
Восстали за народ Джиудо с Инфангато,
А из окрестностей Фьезоле, где когда-то
Почетом окружал великим их народ,
До рынка старого спустились Капонтакко.
Невероятною покажется, однако,
Та истина тебе, что имя для ворот
Одних Флоренции заимствовано было
У делла-Пера. Все дворяне той земли
От славного Гуго барона род вели,
А празднество его всегда происходило
В день праздника Фомы[19]. Один из них, в гербе
Прибавив полосу, участие в борьбе
Народной принимал. Явились Гвальтерати
За Импортуни вслед; соседей же некстати
Судьба жестокая послала вскоре им.
О, злополучный дом, причина ваших бедствий
И многих гибельных для всей страны последствий, —
По справедливости ты был своими чтим!
Буондельмонте, ты, союз отвергнув с ним[20,21],
Был истинно неправ и проклинаем всеми
За легкомысленный и дерзкий твой отказ.
И лучше б Господом ты подарен был Эме[22],
Когда ты в городе явился в первый раз.
Но Он судил тебе быть в жертву принесенным
На камне сломанном[23], во искупленье зла.

И мир, каким тогда Флоренция цвела,
Раздором был сменен с тех пор ожесточенным.
С родами этими в прошедшие года
Я знал цветущий край, столь мирный и счастливый,
Что слез Флоренция не ведала тогда.
С родами этими настолько справедливым
И славным был народ моей родной земли,
Что лилию свою он не влачил в пыли
На острие копья, и в той борьбе опасной
Не сделалась она из белой — ярко-красной[24].

Примечания к шестнадцатой песне

[1] В этой аллегории Данте говорит, что благородство предков теряет свое значение в потомстве, если последнее не стремится возвышать его своими заслугами

[2] Данте, обращаясь к предку, употребляет местоимение «вы» вместо «ты». Местоимение «вы» вошло в употребление в III веке

[3] Джиневра — супруга короля Артура, поцеловала своего возлюбленного Ланцелота, причем преданная ей женщина кашлянула для того, чтобы предостеречь свою госпожу от соблазна

[4] Овчарня — Флоренция, имевшая покровителя Иоанна Крестителя

[5] С тех пор как архангел Гавриил явился к Деве Марии со словом «Ave!», «Радуйся!», и до рождения Качиагвиди планета Марс вращалась вокруг солнца 555 раза, следовательно, Качиагвиди мог родиться между 1090 и 1093 гг.; другие толкователи указывают 1106 г.

[6] Флоренция разделялась на шесть частей; в последней из них, где происходили бега, был дом предков Данте. Из скромности он умалчивает о том, что они происходили от римлян

[7] Древняя Флоренция простиралась от статуи Марса, стоявшей на мосту через реку Арно, до церкви св. Иоанна Крестителя

[8] Все три — местечки вблизи Флоренции, в городе было во времена Данте 70 тыс. жителей

[9] Для Флоренции лучше бы было, если бы ее граница доходила только до Галуццо и Треспиано, так как она тогда была бы избавлена от обманов Бальдо Агульоне и подкупности Бонифация Убальдини

[10] Здесь Данте намекает на личного врага Бальдо Агульоне.

[11] Замок в долине реки Эльсы, разрушенный флорентинцами в 1202 г.

[12] Замок фамилии Буондельмонте был также разрушен флорентийцами, как и владения фамилии Чорки. Оба этих рода сделались предводителями партии, нарушавших мир Флоренции.

[13] Луни, некогда главный город Луниджианы, более не существующий. Урбисолия — незначительное местечко. Кизуи — резиденция этрусского царя Порсены, а теперь — небольшой городок Синигалья — город церковной области

[14] Государственный корабль Флорентийской республики

[15] Железной или пестрой шляпой (vair) назывался герб, принадлежавший роду Билли

[16] Род Кпарамонти. Они должны были наблюдать за продажей зерна, но из корыстолюбия уменьшили объем законной меры

[17] Висдомини, Кортиджиани и другие. Для избрания епископа они собирались в консистории, где не стеснялись жить в свое удовольствие доходами от епископства

[18] Фамилия Адимори, пользовавшаяся дурной славой. Когда Беллинчионе Берти выдал свою вторую дочь за Адимори, Убертино Донато, женатый на его старшей дочери, поссорился с тестем.

[19] Многие флорентийские роды присваивали себе герб барона Гуго, день ангела которого праздновался в День св. Фомы. Гуго имел в своем гербе красную и белую полосы; этот герб присвоил себе Джиано Белла, окружил его золотым бордюром и сам стал во главе партии народа

[20 21] Под соседями следует разуметь фамилию Буондельмонте, прибывшую во Флоренцию в 1135 г. один из них обещал жениться на девице из уважаемого рода Амидеи, но не исполнил обещания, что послужило поводом для раздоров между гвельфами и гибеллинами (см. «Ад», песнь двадцать восьмую).

[22] Река по дороге в замок Буондельмонте

[23] Статуя Марса на мосту через Арно, у подножия которой был убит Буондельмонте

[24] У флорентинцев на знамени была лилия. Когда сражение выигрывалось, они имели обыкновение нести неприятельские знамена верхом вниз. Гвельфы заменили белую лилию красной

Песнь семнадцатая

Данте вновь находится в сомнении, что он аллегорически выражает через напоминание о Фаэтоне, но Беатриче ободряет его к дальнейшим расспросам. Поэт вновь обращается к Качиагвиди, прося его разъяснить пророчества, которые ему пришлось выслушать во время пребывания в Аду и в Чистилище. Качиагвиди, отвечая на это, сперва говорит, что хотя Господь и провидит будущее, но это не значит, что оно непременно случится, однако все-таки говорит, что Данте грозит изгнание, виновником которого будет папа со своими приближенными; вместе с Данте удалятся еще многие, но Данте с ними разойдется, а они потерпят неудачу в своих попытках вернуться в Флоренцию. Он, Данте, найдет приют у двух братьев из рода Скала и в особенности у Кана Гранде делла Скала. Качиагвиди заканчивает речь свою утешительными словами, а Данте говорит: он согласен удалиться из родного города, но выражает опасение, что если он будет скрытным в своих произведениях, не расскажет того, что узнал во время своего путешествия в загробном мире, то он останется бесславным. Качиагвиди утешает его тем, что если речи поэта и будут сперва неприятны для многих, зато впоследствии их признают высокоценными. (Здесь видно пророчество будущей славы Данте.)

Пред Беатриче был и этим светлым духом
Подобен я тому, кто, веря ложным слухам,
К Климене поспешил, чтобы разъяснить свое
Происхождение[1], и безрассудство чье
Заставило отцов быть строже с их сынами.
И Беатриче так сказала мне: — «Пред нами
Излей словами ты своих желаний пыл
Не для того, чтоб он для нас понятней был,
Но с тем, чтоб заявить о жажде без смущенья,
И ей найти у нас немедля утоленье».

— О, предок дорогой! Как для земных умов
Понятна истина, что двух тупых углов
Нет в треугольнике, так в будущем далеком,
До зарожденья их, ты прозреваешь оком
Событий целый ряд — Всевышним просветлен,
Кому все времена бывают настоящим.
Когда Вергилием в Чистилище введен
И в Ад спускался я к виновным и скорбящим, —
Печали многие с различных мне сторон
Предсказывались там, и тверд, как тетрагон[2],
Я подготовился ко всем судьбы ударам,
Но все же знать о них желаю наперед:
Стрелы предвиденной — медлительней полет.

Воспламеняемый любви отцовской жаром,
Дух праведный, прозрев двусмысленный язык
Лже-толкователей, смущать умы готовых
И живших ранее великих дней Христовых,
Так по-латыни мне ответил напрямик:
— «Дела случайные, все, что не преступает
Границы вашего земного вещества, —
Бывает видимо очами Божества,
Хотя из этого ничуть не вытекает
Необходимость их. Так движется ладья
Порою по реке, но взор, за ней следящий,
Не направляет сам движение ее[3].
Как слух внимает наш гармонии звучащей —
Так зрению судьба рисуется твоя.
Ты, словно Ипполит, под бременем кручины,
По злобе мачехи оставивший Афины[4],
Покинешь милую Флоренцию: о том
Хлопочут и того добьются люди вскоре,
Которые ведут постыдный торг Христом[5].

И будет, как всегда, для побежденных — горе.
Но правосудный Бог в возмездии святом
Откроет истину для всех неутомимо.
Покинешь ты все то, что близко и любимо,
И это — первая изгнания стрела.
И ты изведаешь, как хлеб чужой нам солон
И как дорога нам бывает тяжела
По лестницам чужим, когда, печали полон,
Спускаться должен ты и восходить по ним.
Но будет бременем несноснейшим твоим
Собрание людей пустых и тупоумных[6];
Они, за доброту отплачивая злом,
Восстанут на тебя в стремлениях безумных,
Но с окровавленным останутся челом.
Их грубость — худшее для них же осужденье,
По счастию, от них ты будешь в отдаленье
Ломбардец, лестницу имеющий с орлом
В наследственном гербе[7], убежище, как другу,
Тебе немедля даст в жилище у себя,
Без просьбы оказав столь важную услугу,
И будет взор его приветлив для тебя.
Того, кто был рожден под этою звездою, —
Увидишь вместе с ним. Не знает свет его,
Затем, что обошли урочной чередою
Всего лишь девять раз планеты вкруг него.
Но перед Генрихом великим не слукавит
Еще Гасконец злой[8], как он себя прославит
Неутомимостью, презрением к деньгам —
В столь сильной степени, что и его врагам
Не будет мыслимо хранить о том молчанье.
С доверьем от него ты жди себе щедрот
И обрати к нему всецело упованья.

Иных он вознесет, других, наоборот,
Низвергнет, изменив судьбу людей по воле —
Вельмож и бедняков, живущих в скромной доле.
Ты предсказания мои в душе храни,
Но пусть останутся неведомы они».

И сказанное им настолько было чудно,
Что даже будущим свидетелям его —
Происходящему поверить будет трудно[9].

— «Вот пояснение пророчества всего! —
Закончил светлый дух. — Вот скрытая засада,
Грозящая тебе; день этот недалек,
Но злобою врагов печалиться не надо:
Господь продлит тебе настолько жизни срок,
Чтоб видел ты удар, постигший их сурово»[10].

Он смолк, и видел я, что до конца была
Доведена холста чудесного основа,
Но светлая душа мне дать совет могла
Любовный и благой, и ей сказал я снова:
— Отец мой, вижу я: ударами грозя,
Которые ничем предотвратить нельзя,
Навстречу мне коня пришпоривает время.
И, если отразить нельзя ударов бремя
И край оставлю я, который мной любим,
Дабы не потерять и все другое с ним —
В стихах обязан быть я осторожней ныне.
Во тьме страдания, а также на вершине
Горы Чистилища, откуда в небеса
За Беатриче я чудесно поднялся,
Узнал я истины, чья горечь не по вкусу

Придется для иных. Но, если, тем смущен,
Я скрою истину от всех, подобно трусу, —
Умру я навсегда для будущих времен.

Улыбка на лице мелькнула у святого.
Так в грани зеркала играет золотого
Луч ослепительный. И он ответил мне:
— «Пусть отягченная чужим позором совесть
Иль им покрытая по собственной вине —
Найдет правдивую своих деяний повесть
Чрезмерно горькою. Будь искренен вполне,
И пусть почешутся подверженные зуду[11].
Вначале речь твоя понравится навряд;
Когда ж со временем ее переварят —
Здоровой пищею ее признают всюду.
Пускай же голос твой как ветер прошумит,
Который иногда среди лесной дубравы
Вершины самые высокие крутит.
И, наступая так, ты будешь знаменит.
Вот почему лишь те, кто мог достигнуть славы
Являлися тебе: среди небесных сфер,
В пучине, на горе. Для смертных не блестящий,
Неведомо для всех откуда исходящий —
Неубедительным является пример».

Примечания к семнадцатой песне

[1] Фаэтон спросил свою мать Климену, действительно ли он — сын Аполлона (Солнца), и, когда последний, снисходя к безрассудному желанию сына, дозволил ему управлять колесницей Солнца, Фаэтон опрокинул ее и погиб в этом падении

[11] Фигура, имеющая четыре угла и четыре стороны

[3] Т е полная достоверность, с которой Бог предвидит грядущие события, еще не приводит к мысли о неотвратимости того, что эти события произойдут.

[4] Федра, жена Тезея, полюбила Ипполита, своего пасынка, и, не встретив у него взаимности, оклеветала его перед своим супругом, вследствие чего Ипполит был принужден оставить Афины

[5] Здесь подразумеваются Рим и в особенности — папа Бонифаций VIII

[6] Данте намекает на несогласие и дурные поступки изгнанных вместе с ним гибеллинов; он разошелся с ними и потому не принимал участия в их неудавшейся попытке вернуться в отечество в 1304 г

[7] Бартоломео делла Скала, правитель Вероны, в гербе которого находилась лестница (SCALA) с орлом Тот, о ком говорится Далее, — Кан Гранде, которому в то время было всего девять лет, сын делла Скала; он, по мнению астрологов, родился под покровительством планеты Марс.

[8] Т е. папа Климент V, которого Данте обвиняет в двуличности по отношению к императору германскому Генриху VII (1308–1313)

[9] Данте намекает на свою надежду видеть Кана Гранде королем Италии Во всем предыдущем повествовании Данте указывает на Кана Гранде, еще ребенка и затем юношу, но так как «Рай» написан в 1317 г , когда Кану было уже 26 лет, то он уже успел совершить многое, что хорошо было известно Данте.

[10] Этому не суждено было осуществиться

[11] Народная поговорка

Песнь восемнадцатая

Качиагвиди замолчал и снова погрузился в созерцание Бога. Данте предается размышлениям. Беатриче, замечая это, ободряет его, а Данте видит полный любви ее взор и приходит в восторг от него. Беатриче вновь выводит его из этого состояния, приглашая наблюдать за тем, что происходит в Раю. С ним вновь начинает беседу Качиагвиди, указывающий на слетающие с креста огоньки, которые олицетворяли собой различных праведников, послуживших во славу Бога. После этого Данте поднимается вместе с Беатриче в шестую сферу Рая — на планету Юпитер, сияющую серебристым светом. Здесь летают сонмы святых душ, которые в движении выписывают очертания букв и постепенно составляют пять слов Соломона «Любите справедливость, вы, которые судите землю». Затем души соединяются в вершине буквы М, составляя там фигуру императорского орла, синоним монархической власти. Данте обращается к звезде Юпитер с мольбой о том, чтобы Бог покарал всех врагов монархии, и направляет свои упреки, главным образом, папе, представителю и главе партии, враждебной светской власти императоров, — папе, забывшему учение Иисуса Христа ради золота.

Дух праведный умолк в блаженстве созерцанья,
И размышлениям, где радость пополам
Мешалась с горечью, я предавался там.
Но спутница моя прервала так молчанье:
— «Направь к иному ты все помыслы твои,
Ведь я — вблизи Того, Кто властен за страданье
Людей вознаградить». — И луч такой любви
Блеснул мне из очей божественных и милых,
Что передать о том словами я не в силах, —
Не только потому, что слову моему
Не доверяю я, но также потому,
Что ум наш передать о том, что превосходит

Его понятие, — не может никогда
И без вожатого во тьме бессильно бродит.
Одно могу сказать поистине: когда
Я созерцал ее — желания иного
Не знал я, и душой безмерно счастлив был
Я в блеске радостном блаженства неземного,
Который от нее чудесно исходил.

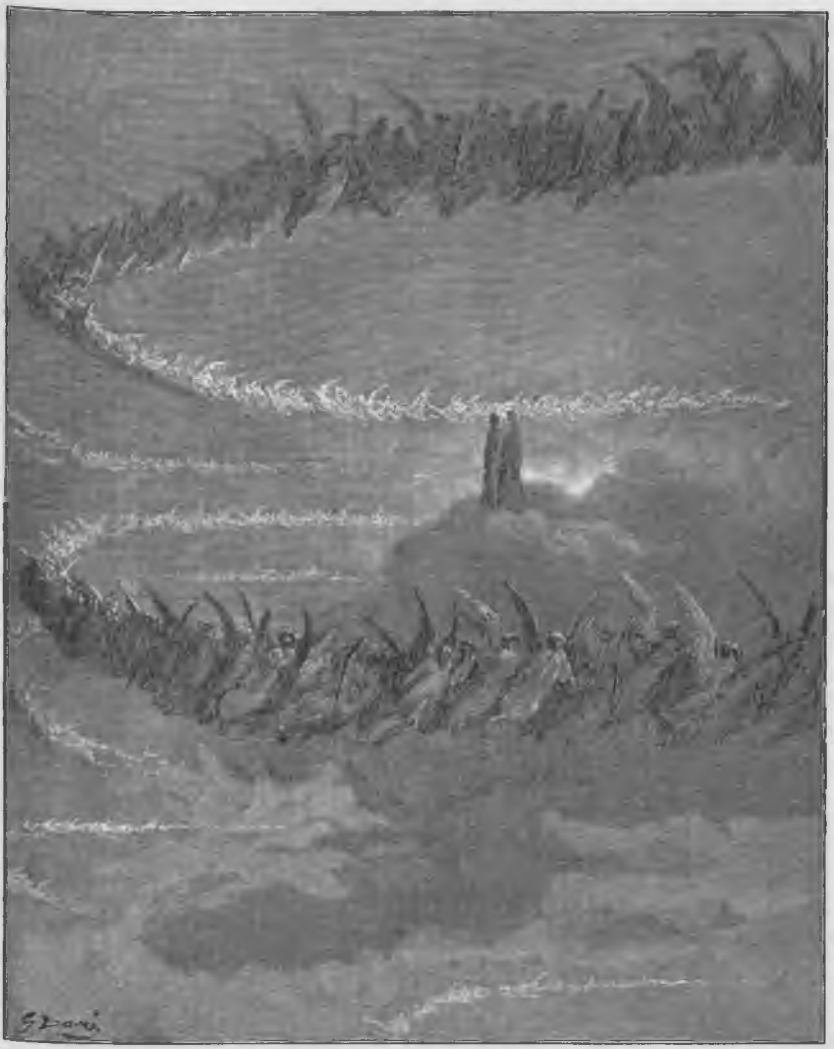
И молвила она, мне душу покоряя
Улыбкою: — «Гляди и слушай! Счастье Рая
Ведь не в одних очах моих заключено!»

Итак, как иногда сияет пламя страсти
Во взоре смертного, когда подчинено
Все существо его ее могучей власти,
Так и в глазах того, к кому я взор возвел,
Заговорить со мной желанье я прочел.

И светоч вымолвил: — «На ветви древа пятой[1]
(Живет оно одной вершиною своей,
Имея множество плодов среди ветвей,
И осень не грозит ему листов утратой) —
На ветви райской той святые духи есть,
И раньше, чем они порвали жизни узы,
Досталась им в удел с великой славой — честь,
И все деянья их достойны дивной музы.
Взгляни туда, где Крест Господень разветвлен;
Кого я назову — сверкнет перед тобою,
Подобно молнии блестящей, небосклон
Прорезавшей во тьме стрелою огневою».

И тут увидел я, как промелькнул один
Блиставший ярко свет при имени: Навин!
Затем, при имени великом Маккавея,
Стремительно кружась и ярче пламенея,
Скатился свет другой. Когда же, наконец,
Мне были названы Роланд и Карл Великий,
В волненье я впился в них взором. Так ловец
Следит, как в небесах теряет сокол дикий.
И было мне затем увидеть суждено
Блеснувшими на миг, подобно метеором:
Готфрида герцога, Гильома и Рено
С Гискаром доблестным[2]. А дух, смешавшись с хором
Других блаженных душ, прославивших Творца,
Искусство проявил великого певца.

От Беатриче ждал меж тем я повеленья
И не сводил очей с небесного лица.
И взор ее сиял красою без сравненья,
Затмившей каждый лик и даже выраженье
Его последнее. Как тот, кто с каждым днем,
Творя одно добро, преуспевает в нем



О ты, кому всегда покорен был Пегас!
Ты гениям даешь бессмертие по праву,
Бессмертием даришь и город, и державу,
Своим наитием чудесно осеня,
Дай силу мне воспеть блаженных духов славу,
К изображенью их ты вдохнови меня!

(«Рай», Песнь 18)

И радуется сам при этом молчаливо,
Так точно, увидав, как стало это диво[3]
Еще прекраснее, — почувствовал я вдруг,
Что поднимаюсь я, описывая круг.
С такой же быстротой, как лик жены, стыдлив,
Алевший краскою, бледнеет через миг —
Так, по смягченному умеренному свету,
Увидел я, что был на высшую планету
Шестую вознесен[4], и в небе я достиг
Звезды Юпитера, где сонмы душ, летая
И в виде светлых букв сливаясь и блистая,
Изображали все собою наш язык.
Порой изгибами такими птичек стая
Взлетает над рекой, себе наметив цель,
Так духи светлые, как будто в начертаньях,
Изображали там в чудесных сочетаньях —
Для взоров ясные: то D, то J, то L.
Сперва кружилися они под звуки пенья,
Составив же одну из этих букв — тотчас
Недвижны делались, смолкая на мгновенье.

О ты, кому всегда покорен был Пегас![5]
Ты гениям даешь бессмертие по праву,
Бессмертием даришь и город, и державу,
Своим наитием чудесно осеня,
Дай силу мне воспеть блаженных духов славу,
К изображенью их ты вдохнови меня!

Пять раз образовав семь гласных и согласных,
Слова: *diligite justitiam* сперва
Составило собой слиянье душ прекрасных;
Затем: *qui judicatis terram!*[6] — и слова
Мог эти прочитать я в начертаньях ясных.
Узором золотым составили затем

О рать небесная! За сбившихся с пути
Спеши пред Господом моленья вознести.

(«Рай», Песнь 18)

Они на серебре планеты букву М.
К вершине буквы той слеталось духов много,
И в песнях сладостных все восхваляли Бога.

Как, сталкиваясь, две горящих головни
Рождают тучу искр, глупец же предсказанье
Старается извлечь из этого гаданья,
Так поднимались вверх небесные огни,
Где заняли места различные они,
Назначенные им великим Солнцем света,
Их зажигающим, и тут слиянье это
Образовала грудь и голову орла.

Тот, Чьим велением начертана была
Фигура дивная, в безмерном превосходстве,
Не может в чьем-либо нуждаться руководстве:
Он Сам — учитель свой, и птенчик из яйца
Является на свет велением Творца.
Те духи светлые, которые вначале,
Подобно лилиям, все букву М венчали, —
Изображение докончили орла.

Звезда Юпитера, божественно светла,
Ты — справедливости Божественной обитель!
И так тебя молю: да узрит Вседержитель,
Откуда стелется тебя затмивший дым,
Да покарает Он возмездием святым
Людей, которые, вторгаясь в храм священный,
Опять в его стенах открыли торг презренный.

О рать небесная! За сбившихся с пути
Спеши пред Господом моленья вознести.
Досель, при помощи мечей из твердой стали,
Сражались на войне; к позору своему

Теперь же отнимать и хлеб священный стали[7],
В котором не было отказа никому.
Ты, пишущий затем, чтоб вычеркнуть сегодня
То, что написано тобою же вчера[8],
Возделана трудом и Павла, и Петра —
Тобою нива вся загублена Господня,
Но в смерти живы те, кто свято ей служил,
На это скажешь ты: — «К тому я так привязан,
Кто жил пустынником и пляской предан был[9],
Что знать ни Рыбака, ни Павла не обязан».

Примечания к восемнадцатой песне

[1] Рай, подобный вечно плодоносному и зеленеющему дереву (в пятом круге которого, на планете Марс, находится поэт), в противоположность земным деревьям, питающимся корнями, получает жизненные соки сверху, от Божьего престола.

[2] Среди душ Данте видит Иисуса Навина, Иуду Маккавея, императора Карла Великого, Роланда, племянника его, Гильома — графа Оверисского, и Рено — его родственника, участвовавших в крестовых походах, Готфрида Бульонского, завоевавшего Иерусалим, и Роберта Гюискара, освободившего Сицилию от сарацин.

[3] Дивом поэт называет Беатриче.

[4] Планета Юпитер имеет белый серебристый цвет, между тем как Марс — красного цвета, и для определения перехода из раскаленного света Марса в белый свет Юпитера поэт прибегает к указанию на перемену в лице женщины, когда она, будучи румяной, вдруг становится бледной, когда пройдет ее смущение.

[5] Муза.

[6] Души, находящиеся на Юпитере, составляют своими движениями светящиеся буквы, из которых создаются слова Соломона. «Diligite justitiam, qui judicatis terram», т. е. «Любите справедливость, вы, которые судите землю». Далее светлые духи, спускаясь, останавливаются на верхушке М, которая есть первая буква слова «monarchia», над ней духи изображают императорского орла, являющегося тоже олицетворением монархии. Толкователи поэмы объясняют подобное положение тем, что Данте был всегда сторонником монархии (см. дальнейшие стихи) и даже написал сочинение «De monarchia».

[7] Святое причастие.

[8] Бонифации VIII. Данте обвиняет его в том, что он налагал отлучения от церкви, но легко соглашался на снятие их, раз к нему обращались с просьбами об этом, сопровождаемыми какими-либо выгодами для папства.

[9] Т. е. — я, папа, не нуждаюсь в признании Господа и его апостола, раз я имею возможность наполнять казну золотыми гульденами с изображением св. Иоанна Крестителя. Эти монеты чеканились во Флоренции.

Песнь девятнадцатая

Данте видит перед собой орла с расправленными крыльями. Этот орел состоит из душ, которые соединяют свои голоса в один голос царственной птицы и говорят, что они вознесены на небесную высоту и пользуются блаженством потому, что при жизни были справедливы, милостивы и благочестивы. Данте обращается к орлу, который, по объяснению толкователей, есть прообраз монархии, с просьбой разъяснить возникшее в нем сомнение о том, почему не может спастись без крещения человек, не познавший Христа, но обладающий безгрешной душой. Орел не отвечает прямо на этот вопрос, но говорит о непостижимости воли и премудрости Божией и переходит к рассказу о Страшном суде, на котором Господь отделит безгрешных от грешных и воздаст каждому по заслугам. Далее дух перечисляет многих царственных особ, которые займут последнее место на Страшном суде за свои позорные деяния.

Изображение увидел я орла,
Который развернул два мощные крыла;
Там каждая из душ, объятых созерцаньем,
Казалась счастлива чудесным их сияньем,
Блистая, как рубин, под солнечным лучом.

Но то неведомое смертному, о чем
Хочу поведать я, — еще никто покуда
Здесь не описывал, никто не воспевал,
В воображении никто не создавал.

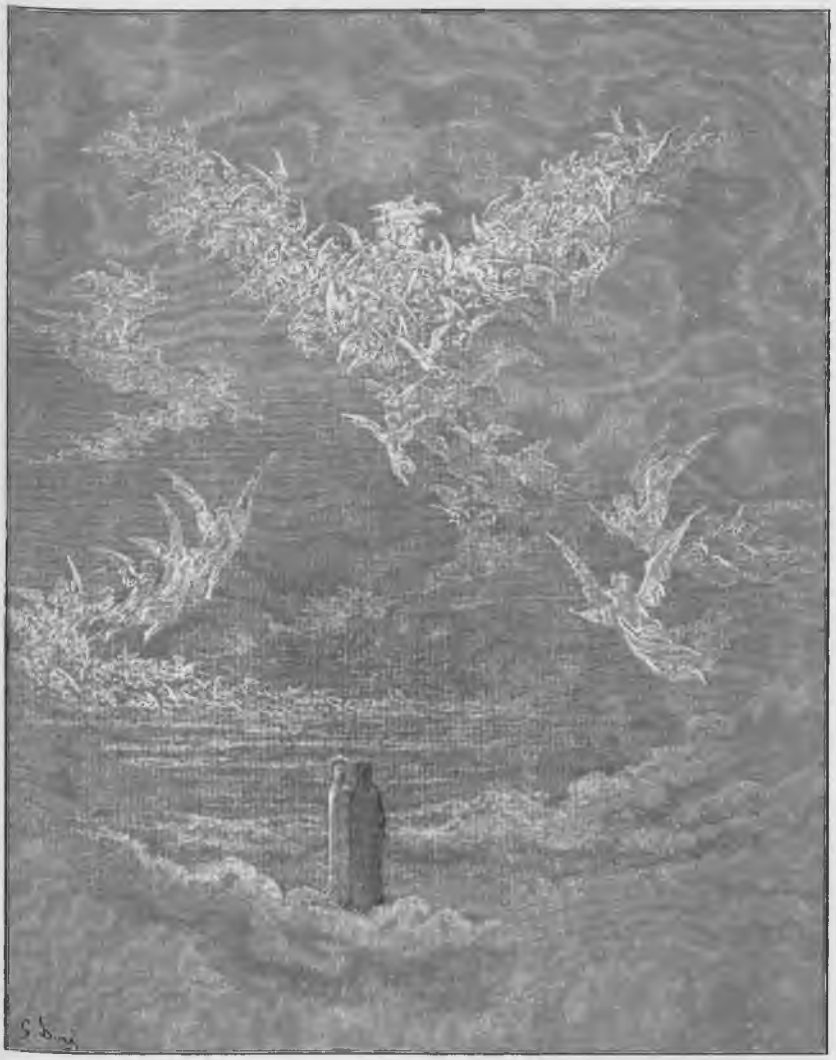
Раскрылся клюв орла, и видел я — о, чудо! —
От изумления глубокого немой,
И слышал я, что он промолвил: «я» и «мой»!

Но в мыслях: «мы» и «наш» имел орел парящий[1].
Он молвил: — «Вознесен сюда к непреходящей
И вечной славе я за то, что справедлив
И милосерд я был. Всегда благочестив,
Оставил память я среди толпы порочной
И многими она зовется безупречной,
Но подражавших мне — лишь малое число».

И так же, как всегда, идет одно тепло
Из многих угольев, так здесь для выраженья
Любви совместной душ, орла изображенье
Единым языком вещало с высоты.
Я молвил: — Радости бессмертные цветы,
В едином запахе свои благоуханья
Вы изливаете! Пускай его дыханье
Повеет на меня, ту жажду утоля,
Которой никогда не утолит земля.
Здесь правосудие Творца, что воссияло
И для миров других, снимает покрывало.
Пусть речи мудрые сомненье разъяснят,
Которое меня так долго волновало.

Как сокол молодой, когда бывает снят
Железный колпачок, бьет радостно крылами
И отряхается, красуясь перед нами,
Готовый полететь, — так встрепенулся весь
И дивный тот орел, из светлых душ слиянный,
Которые Творца прославили «Осанной»,
Понятною лишь тем, кто ей внимает здесь.
Он молвил: — «Кто в конец измерил мирозданье[2]
И Кто определил везде существованье
Незримых сущностей и зримых, Тот не мог
Всем этим сущностям, и видимым и явным,

Дать отпечаток тот, что Слову был бы равным.
И первый тот гордец[3], кого Господь и Бог
Всех больше наделил высоким совершенством, —
Пал ранее других, не насладясь блаженством.
Отсюда следует: кто одарен был им
В слабейшей степени — вместилищем, конечно,
Не может благу быть, чья сущность бесконечна:
Оно собою лишь измерено самим.
Земное зрение — лишь луч, единый света,
Все озарившего. Не дозволяет это
Ему увидеть свет божественный таким,
Каким действительно блистает он пред нами.
Как взору — глубь морей, струящихся волнами,
Так правосудия Господня глубина
Неведома уму. Близ берега до дна
Проникнуть может взор, но дальше, на просторе
Он не увидит дна в открытом бурном море
Помимо тех лучей, которые лазурь
Ниспосылает нам, не знающая бурь, —
Все прочее — лишь мрак, тень плоти и отрава.
О справедливости судить ты можешь здраво:
Перед тобой ее завеса поднята.
Ты говорил себе: — «Вот человек, рожденный
На Инда берегах, где имени Христа
Не произносится, но свыше одаренный
Душой, которая прекрасна и чиста,
Он в мыслях и делах является безгрешным,
И если он умрет, не будучи крещен.
Ужели должен он страдать в аду кромешном?
Где справедливость та, какою осужден
Он на мучения, и в чем же заблужденье,
Когда не ведал он высокого ученья?»
Седалище судьи стремящийся занять,



Изображение увидел я орла,
Который развернул два мощные крыла;
Там каждая из душ, объятых созерцаньем,
Казалась счастлива чудесным их сияньем.

(«Рай», Песнь 19)

Того, чей взор острей и поле зренья шире,
Ты хочешь видеть все, что происходит в мире,
Но зренья твоего хватает лишь на пядь!
Лукавящий со мной имел бы основанье
Питать сомнения, когда бы устранять
Не помогало их Священное Писанье.
О, грубые умы! Лишь Божество одно —
Есть совокупность благ, и потому Оно
Не удаляется от блага. Справедливо
Все, что согласно с Ним и с волею Его,
Ничто привлечь к себе не может Божество,
Но все лишь от Него исходит, нам на диво».

Как аист, птенчикам обильно пищу дав,
Кружится над гнездом, и, голову подняв,
Они следят за ним, так и орел, в котором
Соединилося так много светлых сил,
Ликуя и кружась, высоко воспарил;
Я следовал за ним благоговейно взором,
И мне послышался тогда орлиный глас:
— «Вот справедливость та, что суждена для вас!
Вот песнь моя, она — не для земного слуха».

Когда же пламенный язык Святого Духа
Вновь осенил того, изображеньем чьим
Перед вселенною гордился древний Рим, —
Он громко продолжал: — «И ранее Христова
Распятья, и потом не восходил сюда
Никто из тех, кто чужд крещения святого,
Но многие к Нему взывают иногда,
Крича: — «Христос! Христос!» — которых Он сурово
Отринет от Себя в день Страшного суда[4],
Поставив дальше тех, кто чужд Его ученья.
Подобных христиан словами осужденья

Накажет эфиоп[5], когда миров Творец
Навеки отделит всех козлищ от овец —
Одних — для вечных мук, других — для жизни вечной.
Персидские цари что скажут королям
При виде списка всем позорным их делам?
Они увидят там разгром бесчеловечный:
Под знаменем орла — главнейшим из знамен,
Альбрехтом будет он над Прагой совершен[6].
Увидят и того, кто, на потеху свету,
В Париже делает фальшивую монету
И вепрем будет сам смертельно поражен[7].
Увидят там вражду шотландца и британца[8],
Которые, стремясь земель раздвинуть грань,
Ведут в безумии полки свои на брань.
Увидят там разврат венчанного испанца[9]
И трусость короля Богемии: он дел
Отважных не свершал и даже не терпел.
Там будут вписаны подробно на странице —
Иерусалимского хромого[10] все дела;
Из них достойные — равнялись единице,
Постыдным же и злым деяньям нет числа.
Они увидят там позорный ряд обманов,
Который совершил презреннейший скупец,
Имеющий престол на острове вулканов,
Где некогда Анхиз нашел себе конец[11].
Как мало стоит он — достаточно об этом
И краткой записи: немногие слова
Укажут многое, и перед целым светом
На славу гнусную докажут все права
Как дяди короля, так и родного брата,
Сгубивших свой народ и царства без возврата[12].
Все португальского узнают короля,
А также и того, владенье чье — земля
Норвежская, а с ним — из Расции поэта,

Кем выбивалась там фальшивая монета.
О, благо Венгрии[13], когда она отпор
Готовит недругам и гордая отвага
Опять проснется в ней! Стране наваррской — благо,
Когда укроется она за цепью гор,
Врага не допустив переступить границы!
В задаток мщения две кипрские столицы[14]
Скорбят и плачутся на то, что их теперь,
С других беря пример, терзает лютый зверь».

Примечания к девятнадцатой песне

[1] Орел является прообразом всемирной монархии и справедливости ее, как Божьего учреждения; духи, составляющие этого орла, находятся в тесном единении и выражают свои мысли через орла в одном голосе.

[2] Бог

[3] Сатана, или Люцифер

[4] «Не всякий говорящий мне „Господи! Господи!» — войдет в Царствие Небесное». (Евангелие от Матфея, гл. 7)

[5] Подражание Евангелию («Ниневитяне восстанут на суд с родом своим и осудят его».)

[6] Император Альбрехт I, сын Рудольфа Габсбургского, опустошил Богемию в 1304 г по наущению Бонифация VIII, который поощрял притязания на венгерский престол Карла Роберта, короля Неаполитанского, вопреки желанию венгров, решивших возвести на престол сына короля Венцеля

[7] Король Французский Филипп Красивый, который, не имея возможности собрать войско для походов во Фландрию, приказал чеканить фальшивую монету. Он умер на охоте, пораженный вепрем

[8] Эдуард II английский король, и Роберт король Шотландский

[9] Король Испанский Фердинанд IV, король Богемский Венцеслав IV

[10] Карл II — король Апулии и Иерусалима, с 1289 г

[11] Сицилия Королем ее был Фридрих, сын Петра Арагонского

[12] Дядя Фридриха — Иаков, король Болеарских островов, брат — Иаков Арагонский, норвежский король Гикон, португальский король Дионисий (Агрикола), поэт из Расции — князь одного из далматинских владений, Стефан II, подделывавший монету

[13] Относительно Венгрии см. примеч. шестое: Наварра стала с 1304 г принадлежать Франции благодаря браку французского короля Филиппа Красивого с Иоанной, дочерью Генриха I Наваррского.

[14] В это время королем Кипра был Генрих II Лузинианский, под управлением которого изнемогали обе кипрские столицы — Никозия и Фамагоста. Данте приводит это в пример Венгрии как намек на необходимость держаться подальше от французских властителей, в том числе и из рода Анжу

Песнь двадцатая

Духи, составлявшие орла, воспели чудесную песнь; когда же они замолкли, то Данте слышит из шеи орла переливающийся звук, который переходит вскоре в речь. И в ней орел разъясняет, из чего составлены у него зрачок и глаз. Это души великих людей, отличавшихся справедливостью или стремившихся ко благу мира: Давид — в зрачке, и пять душ, составляющие бровь, — Траян, Иезекия, св. Константин Великий, Вильгельм II, король Сицилии, и, наконец, троянец Рифей. Орел на некоторое время замолкает, а затем объясняет возникшее у Данте недоумение по поводу того, каким образом язычники Траян и Рифей могли удостоиться пребывания в раю; этим орел удовлетворяет поэта, который восторгается двумя светочами, бывшими язычниками.

Когда светило дня, что озаряет мир,
Заходит и кругом ложится тьма ночная,
То освещавшийся лишь им одним эфир
Является, в огнях бесчисленных блистая:
Меж них горит один особенно светло.
На ум сравнение такое мне пришло,
Когда замолк орел — священный символ мира
С его владыками; блаженных же огней
Сиянье сделалось блестящей и ясней,
И зазвучала песнь небесная, как лира.

О, нежная любовь[1], блистая с высоты
Улыбкой светлою, какою жгучей ты
Казалась посреди тех светочей лучистых,
Исполненных одних лишь помышлений чистых!
Когда же светочи, струившие свой блеск,

Замолкли, прекратив чарующее пенье,
Казалось мне, что я потока слышу плеск,
Который с высоты бежит через каменья.
Как зарождается на струнах лиры звук,
А ветер, проходя в отверстие свирели,
Преображается в мелодию и трели,
Полны гармонии, разносятся вокруг, —
Так и журчанье то чудесно исходило
Из шеи у орла, как будто бы в ней было
Отверстье сделано; плеск этот перешел
В слова, каких я ждал, исполнен упованья;
И в сердце я храню то, что сказал орел.

Он молвил: «Обрати на часть мою вниманье[2],
Которой суждено и у земных орлов
Выдерживать лучей полдневное сиянье.
Составлен я из душ великих и святых,
Но те, что у меня во взоре видишь ныне, —
Первейшие из всех[3], возвышенных Творцом.
Вон тот, которого ты видишь посредине
Блистающим в зрачке, — был Господа певцом[4]
И охранителем Израиля святыни;
Он сам из града в град ковчег переносил.
Теперь оценена заслуга песнопений,
За них, по мере он своих заслуг и сил,
В раю вознагражден. Пять светлых украшений
Блистающих — мою образовали бровь.
Ближайший к клюву тот, кто матери-вдовицы
Когда-то облегчил страданье без границы[5].
Теперь изведавший небесную любовь,
Он также ведает об участи суровой
Всех тех, кто не пошел дорогою Христовой.
Вот этот отдалил своей кончины срок

.....Блаженных же огней
Сиянье сделалось блестящей и ясней,
И зазвучала песнь небесная, как лира.

(«Рай», Песнь 20)

Раскаяньем[6]. Теперь он убедиться мог,
Что силою молитв лишь отдалить возможно
То, что постановил Всевышний непреложно.
Вон тот на новый путь с собой меня увлек,
И греком сделался он пастырю в угоду,
Благим намереньем вред причинив народу[7].
Теперь он ведает: хотя из-за того
Погиб в прошедшем мир — вина в том не его.
А вот — страной своей оплаканный владыка;
И плачет вновь она от тех, кто ныне жив:
От Карла грубого и злого Фредерика.
Он ведает теперь, что тот, кто справедлив,
Угоден небесам бывает на престоле[8],
И потому он здесь блистает в ореоле.
Но мог ли думать мир по слепоте своей,
Что пятый из огней сияющих — Рифей?[9]
Теперь он ведает о благодати боле,
Чем люди, от кого она удалена,
Хотя и не проник он взорами до дна».

Как жаворонок тот, который, поднимаясь
С веселой песнею высоко к небесам,
Поет и, наконец, вдруг умолкает, сам
Прощальной прелестью тех звуков наслаждаясь, —
Так смолк передо мной Божественный орел,
В котором отражен Небесный Произвол,
Создавший вещи все, какими надлежало
Быть созданными им. Хотя и выражало
Мои сомнения лицо мое (стекло
Так покрывается порой цветным узором),
Но ожидание так было тяжело,
Что громко молвил я: — Как это быть могло? —
И отвечал орел с воспламененным взором:

— «Всему, что сказано, ты веришь потому,
Что это я сказал: осталось непонятно
Оно для разума. Подобен ты тому,
Кто слово наизусть заучивает внятно,
Значенье же его понять не может он,
Пока не будет смысл другими разъяснен.
При помощи любви, которая чиста,
И упования, могучим их усильем
Возможно царствие небес открыть врата.
Но в том насилии нет общего с насильем,
Присущим смертному. Верховной Воле той
Самой угодно быть любовью побежденной,
Она, побеждена мольбою умиленной,
Всех побеждает вновь своею добротой.
Ты изумляешься, сомнением объятый,
По поводу того, что первый дух и пятый[10]
Из тех, которые священную мою
Образовали бровь, — находятся в Раю?
Но духи их вошли в небесные чертоги,
От тьмы язычества навек отрешены.
Один уверовал в божественные ноги,
Что будут ко Кресту людьми пригвождены[11],
Другой — к ногам Христа склонился, пригвожденным.
Один из царства мук, откуда осужденным
Возврата нет к добру, восстал, покинув тьму,
Что было от Творца наградою ему
За веру, полную столь пылких упований,
Что изменил свое решение Господь,
Изъяв несчастного из пламени страданий.
И дух на краткий срок опять вернулся в плоть,
Уверовав в того, кто был его Спаситель,
И восприяв любви великой благодать —
Достойным он вступил в небесную обитель,

Когда пришлося жизнь вторично покидать.
Другой же, вследствие сокрытой столь глубоко
Верховной милости, что сквозь ее волну
Не может проникать ничье земное око, —
При жизни возлюбил лишь истину одну.
И постепенно Бог в Своем благоволенье
Открыл избраннику всю тайну искупленья.
Поверив в Господа, с тех пор уже не мог
Он мрака выносить и в гневе без границы
Громил язычества заразу и порок.
Три праведных жены[12] — у светлой колесницы
Ты справа видел их — за много сотен лет
Пред тем, как истины увидели мы свет —
Его крестили там, даруя обновленье.
Источник твой далек — о, Предопределенье! —
От взора тех, кому причина всех причин
Неведома. Итак, судите осторожно
О том, чего из вас не знает ни один.
Нам, созерцающим Владыку, невозможно
Знать избранных Его; мы рады своему
Неведенью, затем, что Богу так угодно,
А счастье наше — быть угодными Ему!»

Итак, дабы во тьме я не блуждал бесплодно,
Орлом дарован был чудесный мне бальзам
И силу зрения он дал моим глазам.

Как вторит музыкант искусным перебором
Звучащих нежно струн — мелодии певца,
Так я увидеть мог благоговейним взором,
Что, вторя голосу, избранники Творца,
Два дивных светоча, как два зрачка, мигали
И, словно молния, при звуке слов сверкали.

Обитель Фонте-Авелано, близ Тосканы

Примечания к двадцатой песне

[1] Нежная любовь Бога

[2 3] Речь идет о зрачке орла, который состоит из царя Давида; бровь орла составляют Траян, Иезекия, св. Константин, Вильгельм II, король Сицилии, и Рифей-троянец.

[4] Царь Давид, перенесший в Иерусалим святыню евреев — Ковчег Завета.

[5] Траян. Об этом уже упоминается в «Чистилище» (песнь десятая).

[6] Иезекия, который, узнавши от пророка Исайи о своей близкой кончине, стал молить Бога о продлении жизни; Господь продлил ее на пятнадцать лет.

[7] Император Константин перенес столицу империи из Рима в Константинополь по совету папы, думая этим совершить доброе дело для мира.

[8] Вильгельм II Добрый, король Сицилии, царствовавший с 1166-го по 1189 г.

[9] Рифей. О нем Вергилий в своей «Энеиде» сказал:

CADIT ET RIPHEUS JUSTISSIMUS UNUS
QUI FUIT IN TEUCRIS ET SERVANTISSIMUS AEQUE,

т. е. падает и Рифей, единственный бывший в Тевкрах справедливейшим и вернейшим слугой правды.

[10] Траян и Рифей.

[11] Эти символические слова относятся к ногам Иисуса Христа и означают его страдания. Рифей и Траян умерли как христиане: в своих деяниях они были воодушевлены божественной верой. Рифей верил в грядущего Христа и удостоен пребывания в Раю за свою справедливость, а Траян уверовал в пришедшего Христа и, сверх того, как говорит легенда, душа его, бывшая в Аду, вновь вернулась в его тело, вследствие молитвы папы Григория Великого, ради принятия Крещения (см. «Чистилище», песнь десятую).

[12] Три теологические добродетели (см. «Чистилище», песнь двадцать девятую).

Песнь двадцать первая

Данте обращает вновь свой взор к Беатриче, но, вопреки ожиданиям, не встречает на лице ее обычной улыбки. В объяснение этого Беатриче говорит, что она не рискует подарить поэта улыбкой, боясь погубить его, так как он, как человек, не в состоянии был бы вынести созерцания все увеличивающейся ее красоты. Поэт и Беатриче находятся теперь в седьмой сфере Рая — на Сатурне, где пребывают в блаженстве люди, посвятившие свою жизнь созерцанию божества и удалившиеся от мира, т. е. отшельники. Данте видит бесконечно уходящую в высоту золотую лестницу, по ней спускаются и движутся в разных направлениях ярко блистающие души блаженных. Ему хочется поговорить с кем-либо из них, и он делает это, с разрешения Беатриче обращаясь к ближайшему светочу с вопросом о причинах его появления и отсутствия на Сатурне песнопений. Поэту охотно отвечает спрошенный, который рассказывает ему свою жизнь. Это пустынник св. Петр-Дамиан, живший в скиту близ Тосканы, на горе Катриа, и достигший сана кардинала. Рассказывая об этом, св. Петр кидает резкий упрек римскому духовенству, и слова его вызывают такой сильный, гневный возглас остальных блаженных душ, согласных со св. Петром, что Данте не в состоянии уловить смысл его

К Беатриче вновь был взорами прикован
И всей душой моей, забыв об остальном;
Но я улыбки той, которой очарован
Был прежде, не видал на лике неземном.
— «Когда б я подарить тебя улыбкой смела,
То в пепел превращен ты был бы, как Семела[1], —
Сказала мне она. — Чем ближе к высоте,
Тем в большей я тебе являюсь красоте
И потому ее сиянье умеряю,
Дабы в лучах ее не мог погибнуть ты,
Как в бурю — молнией спаленные листы.

Я к Беатриче вновь был взорами прикован
И всей душой моей, забыв об остальном;
Но я улыбки той, которой очарован
Был прежде, не видал на лике неземном.

(«Рай», Песнь 21)

Мы вознеслись с тобой теперь к седьмому краю,
К седьмой из дивных сфер[2], и на груди она
У пламенного Льва, огнем его полна,
На землю вместе с ним струит свое сиянье.
Удвой очей своих и разума вниманье,
Да будет зеркалом ума отражено
Все то, что взору здесь увидеть суждено».

Кто ведает, как был я счастлив в созерцанье
Жены святой, поймет, что счастие одно
Сменилося другим — блаженством послушанья[3].
На пламенной звезде — по имени царя
Того известной нам, который вел святую
И праведную жизнь, — увидел золотую
Я в небе лестницу[4]: она, как бы горя
В сиянье солнечном, вздымалась так высоко,
Что следовать за ней не в силах было око.
И столько светочей увидел я на ней —
Спускающихся вниз по лестнице чудесной,
Как будто бы с нее скатился ряд огней,
Которые блестят на высоте небесной.
И так, как вороны с рассветом дня всегда
Отогреваются, отряхиваясь вместе,
Затем одни летят неведомо куда,
Другие кружатся на том же самом месте, —
Так подвигалися небесные огни,
Пока обычных мест не заняли они.
Ближайший[5] к нам сиял таким чудесным светом,
Что я сказал себе: — Я вижу ту любовь,
Которую ты мне сулишь своим приветом, —
Но так как не дерзал заговорить я вновь
Без разрешенья той, которая стояла
Безмолвной в этот миг, желанья моего
Исполнить я не смел. Она, прочтя его

.....Увидел золотую
Я в небе лестницу: она, как бы горя
В сиянье солнечном, вздымалась так высоко,
Что следовать за ней не в силах было око.
И столько светочей увидел я на ней —
Спускающихся вниз по лестнице чудесной,
Как будто бы с нее скатился ряд огней,
Которые блестят на высоте небесной. *(«Рай», Песнь 21)*

Во взоре у Того, Кто видит все, сказала:
— «Ты можешь утолить своих желаний пыл!» —
И начал я: — Моя заслуга столь ничтожна,
Что получить ответ мне было б невозможно,
Но ради той, кем я уполномочен был,
Поведай, светлый дух, окутанный лучами
Небесной радости, зачем перед очами
Моими ты предстал и почему в краю
Лишь в этом не звучат напевы сладкогласно,
Которым я досель внимал во всем Раю?

И дух ответил мне: — «Здесь пения напрасно,
Как и улыбки, ждать: земные слух и взор
Не вынесли бы их. В сияющий убор
Одетый, я сошел, чтоб радостью великой
Тебя порадовать — не потому, что я
В любви сильнее всех, — горят лучи ее
В других и пламенней, — но послан я Владыкой.
Нас в милосердии верховном Божество
(Лишь милостью Оно всем правит во вселенной)
Рабами делает желанья Своего
И помещает здесь в обители блаженной».

Я отвечал ему: — Благословенный свет,
Здесь повинуетесь вы Промыслу свободно,
Но было почему, на это дай ответ,
Тебя послом Своим избрать Ему угодно?

Едва докончил я, как начал дух святой
Вокруг своей оси вращаться с быстротой,
Подобно жернову, и вслед затем ответил,
В лучах любви своей необычайно светел:
— «В сияние мое проник небесный луч;
По свойству своему настолько он могуч,
Что с силой зрения, мне данного, слиянный —

Дает постигнуть мне всю сущность Божества.
Преисполняюсь я святого торжества,
Великой радостью моею осиянный —
Затем, что ясности лучей моих равна
И ясность зрения, что свыше нам дана.
Но дух, превыше всех заслугами венчанный,
Всех ближе к Господу стоящий херувим —
Вопросом были бы затруднены твоим.
Ведь то, чего узнать желаешь ты причину, —
На глубине такой погружено в пучину
Решений Божества, что смертный взор досель
Не проникал в нее. Из царства неземною,
Когда в далекий мир ты возвратишься снова,
Скажи, чтоб смертные себе такую цель
Не ставили вовек: она недостижима.
Тот дух, что в небе — свет, у них — подобье дыма,
И может ли понять из них хотя один
То, что неведомо среди святых вершин?»

Ответом поражен таким невыразимо,
Смиренно я спросил: кто родом светлый дух? —
И он ответил так: — «В Италии меж двух
Высоких берегов[6], от края недалеко,
Где ты увидел свет, вздымаясь так высоко,
Что у подножия порою гром гремит, —
Есть Катриа гора, и тут же Божий скит,
Где в созерцании я пребывал счастливом.
Я холод выносил с жестокою жарой,
И лишь благодаря растущим там оливам
Мог пищу скудную я приправлять порой.
Для сферы, где меня ты видишь, плодородной
Была обитель та, пустою и бесплодной
Недавно ставшая; тогда Петр Дамиан
Я назывался в ней, в отличье от другого

Петра, носившего священнический сан,
Который жил тогда у берега морского[7].
Уже на склоне лет тот головной убор
Мне был пожалован, каким с недавних пор
Привыкли награждать все с меньшею удачей[8].
Явился Кифа-Петр без обуви и худ,
Явился и другой «избрания сосуд»[9],
И оба, в жизни их суровой и бродячей,
Входили в первый дом, ища себе приют,
А нынче пастыри так все отяжелели,
Что требуют себе поддержки там и тут
И даже на коня садятся еле-еле.
Их кони пышною покрыты пеленой,
И ходят два скота под шкурою одной[10].
Как велико, Господь, Твое долготерпенье!»

Тут стали с лестницы спускаться духи все,
И каждый из святых, по мере приближенья,
Являлся в большей мне возвышенной красе.
Приблизившись к тому, с кем говорил я ране,
Вдруг испустили все столь громогласный крик[11],
Что, пораженный им, стоял я, как в тумане,
И в смысл воззвания всеобщего не вник.

Гора Катриа

Примечания к двадцать первой песне

[1] Семела, дочь Кадма, любимая Юпитером; когда он явился ей во всей славе, она была не в состоянии вынести этого и погибла в пламени.

[2] Т. е. Сатурна, где находятся проведшие жизнь в созерцании и в удалении от мира и его соблазнов — монахи и отшельники.

[3] Повиновение Беатриче является счастьем для Данте.

[4] Лестницу, которую видел патриарх Иаков. Век Сатурна именуется золотым веком.

[5] Петр Дамиан — один из ученейших Отцов Церкви, родившийся в Равенне около 983 г. и умерший в Фаенце в 1072 г. он был сперва свинопасом, затем монахом-отшельником и, наконец, кардиналом-епископом и отличался строгой жизнью.

[6] Между Средиземным и Адриатическим морями, близ Тосканы, возвышается гора Катриа, где находится обитель Санта-Кроче. Она прежде называлась скитом Фонте-Авелано, и в ней св. Петр Дамиан был настоятелем.

[7] Петр назывался Дамианом в отличие от другого Петра, прозванного грешником и жившего в монастыре Богоматери, на берегу Адриатического моря.

[8] Кардинальская шапка, даваемая в награду далеко не по заслугам. Как уже сказано в прим. 5, Петр Дамиан был кардиналом, именно в Остии, при папе Стефане IX.

[9] Апостол Павел.

[10] Флорентийская поговорка.

[11] Крик негодования и мести, вызванный среди святых рассказами Петра Дамиана об испорченности римского духовенства и поддержанный ими.

Песнь двадцать вторая

Данте изумлен криком блаженных и безмолвно просит у Беатриче разъяснения. Она говорит ему о значении этого крика и о мщении, которое постигнет виновных, делая намек на поражение папства, а затем предлагает поэту взглянуть на окружающую его толпу праведных. Данте не решается никого из них спросить, но к нему приближается св. Бенедикт, рассказывающий о том, как он начал свою подвижническую жизнь, и указывающий еще на ревностных служителей бога — св. Ромуальда, св. Макария Александрийского и прочих. Данте спрашивает затем св. Бенедикта, увидит ли он его в высшей сфере неба — Эмпирее. Св. Бенедикт дает утвердительный ответ, определяет значение Эмпиреи и резко порицает духовенство, которое охвачено корыстолюбивыми помыслами. Затем святой вместе с другими праведниками исчезает. К Данте подходит Беатриче и возводит его мимо созвездия Близнецов по золотой лестнице в восьмую небесную сферу — небо неподвижных звезд. Затем она предлагает поэту взглянуть на пройденный путь, и он видит семь сфер Рая, через которые он уже прошел. Увидев, наконец, и Землю, он возводит свой взор к лицу Беатриче.

В том изумлении, что овладело мной,
К небесной спутнице я обернулся живо.
Так льнет к родной груди ребенок боязливо.
Она же, матери подобная родной,
Спешащей приласкать трепещущего сына,
Когда томит его недуг или кручина,
Сказала мне: — «Ужель о том не знаешь ты,
Что здесь, среди святой небесной высоты,
Где ты находишься, — все дивно и священно
И рвеньем рождено похвальным неизменно?
Но, если, услыхать лишь этот крик успев,
Так изумился ты, — что было бы с тобою,

Когда б услышал ты блаженных душ напев
Иль увидал меня теперь перед собою
С улыбкой на устах? И если б ты постиг
Мольбу, которую таит всеобщий крик, —
О мщенье[1] знал бы ты, виновных ждущем грозно:
Пред смертью ты его увидишь торжество.
Меч Господа разит ни рано и ни поздно,
И независимо нисколько от того:
Боимся мы иль ждем падения его.
Но обернись теперь ты в сторону другую,
И праведных толпу увидишь ты благую».

И сотни малых сфер, ей повинуясь, я
Увидел пред собой. Лучи свои лия,
Они сияньем их друг друга украшали.
Безмолвно я стоял, желанье затая,
Из скромности уста мои не вопрошали,
Но самый светлый перл[2] приблизился ко мне
И вымолвил: — «Когда б увидел ты, как жгуче, —
В нас пламя истинной любви и как могуче, —
Таиться б ты не стал в душевной глубине!
Дабы, промедливши, не опоздал ты к цели,
Отвечу на вопрос, который не посмели
Произнести уста. Давнишнею порой
Благословенною Создателем горой,
Где ныне высится Кассино, — завладели[3]
Народы, что в грехе язычества коснели.
Я первый с именем Того туда пришел,
Кто с неба истину великую низвел,
Вознесшую всех нас на небесах высоко.
Столь дивно осенил меня святой восторг,
Что много городов чудесно я исторг
Из тьмы неверия и гнусного порока.

Все в созерцание погружены глубоко,
Господни светочи, которых видел ты,
Горели пламенем, рождающим цветы
Святые и плоды. Перед престолом Бога
Хранившие обет в сердцах достойных строго —
Вот Ромуальд[4], а вот еще Макарий брат,
И все другие тут, кто пребывал со мною».

И молвил я: — Любовь, которой ты объят,
С сияньем милости, струящимся волною
От прочих светочей — к доверию вполне
Раскрыли душу мне, как солнце — венчик розы.
Скажи, святой отец, исполнятся ли грезы
И твой открытый лик придется ль видеть мне? —
Дух светлый отвечал: — «В последней высшей сфере,
Где исполняются желанья в полной мере,
Исполнится твое желанье и мое.
Перенесенные из прочих сфер в нее,
Там совершенны все и чисты все желанья,
Которые вполне достойны увенчанья.
Все в ней содержится, но не заключена
Сама она ни в чем и также не должна
Свершать меж полюсов урочное движенье[5].
Святая лестница, где видел в сновиденье
Иаков ангелов, лишь на нее ведет.
Но за предел ее твой взор не достает
Подняться от земли к святой ее вершине
Не в состоянии никто из смертных ныне
И даром тратятся на орденский статут
Листы пергамента. Где был святой приют,
Там — запустение, и рясы с клобуками
Отныне сделались плохой муки мешками.

Но Господу не так противны торгаши
И ими созданный наживы алчный рынок,
Как обезумевший в корыстолюбье инок,
Который с жадностью считает барыши.
И помогать должно имуществом церковным
Во имя Господа просящим, — не тому,
Кто пастырям сродни приходится духовным.
Плоть смертная слаба, и мало потому
Начала доброго, а срок — весьма далекий
От зарождения дерев до тех времен,
Как будет ими плод созревший принесен.
Петром апостолом предпринят был высокий
И славный труд его без злата и сребра[6];
С молитвой и постом я шел путем Петра,
Франциск — вооружен смирением покорным.
Теперь с последствием начало ты сравни:
Все белым бывшее — отныне стало черным,
Но может Сам Господь и в нынешние дни
Придти на помощь нам в падении и горе.
Ведь чуда большего пример Всевышним дан
В тот час, как молвил Он, и расступилось море,
И вспять Он обратил текущий Иордан»[7].

Так светоч заключил, с толпой соединяясь,
И вмиг она, как вихрь, умчалась, поднимаясь.
Тут кроткая Жена приблизилась, светла;
Так велика была ее святая сила,
Что естество мое земное победила
И вверх она меня с собою увлекла.
С неведомой еще для смертных быстротою
За нею восходил я лестницей святою.
Быстрей, читатель мой, чем положить персты

И снова из огня успел бы вынуть ты
(Когда не истина священная все это,
Пусть не вернуться мне обратно в царство света,
Хотя взываю я молитвенно к Творцу), —
Скорее для меня открылась та планета,
Которая всегда идет вослед Тельцу[8].
О звезды! дивный свет — источник вдохновений
И добродетели! каков бы ни был он —
Мне вами, сознаюсь, дарован был мой гений.
Скрывался с вами тот, кто с вами был рожден[9],
Когда впервые я увидел свет в отчизне,
И от кого идет начало всякой жизни.
Поздней, когда я был чудесно вознесен
В ту сферу высшую, что управляет вами, —
Вы мне открылися. И ныне со словами
Благочестивыми в душе взываю к вам:
О, помогите ей, влекомой к небесам,
Вы переход свершить — мучительный и трудный!

— «Теперь к последнему спасенью близок ты! —
Раздался спутницы небесной голос чудный. —
Глазами ясными взгляни же с высоты
На множество миров: их положила ныне
Я все к ногам твоим, дабы, когда к дружине
Ликующей войдешь в лазоревый чертог,
Ты с нею наравне порадоваться мог».
И семь[10] пройденных сфер тут я окинул взглядом
И землю увидал; она с другими рядом
Так показалась мне ничтожна и мала,
Что я не мог сдержать презрительной улыбки.
И все, кого мечта в иной предел влекла,
Те в мудрости своей не сделали ошибки,

И ими вечная заслужена хвала.
Воспламененною Латоны[11] дщерь предстала,
Лишенной тени той, которая дала
Мне повод заключить о том, что состояла
Она из плотных тел и жидких. Озарен
Сияньем солнечным я был, Гиперион[12],
Близ сына твоего я видел Дионею,
Что двигалась вокруг, и Майю вместе с нею.
Юпитер мне сиял, как серебристый шар;
Он сына своего смягчал палящий жар
И холод своего родителя[13]. Отдельно
Сияли звезды все, и, мнилось, беспредельна
Была величина и быстрый их полет.
С созвездьем Близнецов сияющих — покуда
Вращался в небе я, увидел я оттуда
Всю землю, от морей глубоких до высот, —
И очи перевел я от созвездий ясных
По направлению других очей прекрасных[14].

Примечания к двадцать второй песне

[1] Под мщением разумеется позорный конец папы Бенедикта VIII, современника Данте (1303 г.), а также перенесение папского престола в Авиньон (1305 г.)

[2] Св. Бенедикт, скончавшийся в 543 г.; он основал орден бенедиктинцев, по образцу и уставу которого создались впоследствии все западные монастыри. Орден основан был им на горе Кассино

[3] На горе Кассино находился храм Аполлона он был разрушен св. Бенедиктом, создавшим на том же месте церковь во имя св. Мартина

[4] Ромуальд из г. Равенны родился в 956 г., он основал много монастырей и в том числе орден Камальдулов. Св. Макарий Александрийский был известен своими чудесами и твердой верой, а также своим преследованием ариан; он умер в 394 г

[5] Эмпирея, высшая и последняя сфера неба, где исполняются все желания, неподвижна, не имеет полюсов и не знает ни времени, ни пространства. Последнее существует лишь между землей и первым двигателем (primum mobile), а за последним находится бесконечность

[6] Приводя в пример св. апостола Петра, сказавшего «серебра и золота нет у меня», т. е. трудившегося во славу церкви безвозмездно, св. Бенедикт выше порицает все духовенство и монашество, не исполняющих строгих уставов монастырских, обуянных корыстолюбием и обращающих церковные до-

ходы не в помощь бедным, а в пользу своих же собратьев.

[7] Духовенство пало столь низко, что исправить его может только Божье чудо; чудеса же Божии сильны, что выразилось уже столь ярко при прохождении евреев через Красное море, когда Иордан стал течь в обратном направлении.

[8] На восьмую сферу Данте попадает через знак Близнецов, под которым, как говорит его воспитатель Брунети Латини, родился сам поэт между 18 мая и 18 июня 1265 г.

[9] Солнце.

[10] Беатриче разрешает Данте оглянуться на семь пройденных сфер; они с знака Близнецов следуют в таком порядке: Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна. Земля, по системе Птоломея, лежит в центре Вселенной.

[11] Луна, сияющая светом, но без тени, так как Данте смотрит на нее сверху; эта часть невидима с Земли (см. «Рай», песнь вторую).

[12] У Гипериона — по мифол. сын Солнца, Дионея — мать Венеры, а Майя — мать Меркурия.

[13] Юпитер умиряет пылающий воинственный жар сына своего Марса и холод отца Сатурна.

[14] К очам Беатриче.

Песнь двадцать третья

Данте замечает, что Беатриче напряженно смотрит в южную сторону неба; он молчит, ожидая разъяснения, и получает это разъяснение от Беатриче, указывающей ему на появление Иисуса Христа, окруженного сонмом праведников. Данте поражен видением и просит поддержки у своей спутницы. Она объясняет ему видение и вместе с тем приглашает поэта взглянуть на ее собственное лицо и насладиться улыбкой. Блеск и красота этой улыбки столь сильны, что ее не в состоянии описать Данте даже в том случае, если бы ему помогли поэты всего мира. Беатриче, однако, замечая его восторг, предлагает ему не смотреть лишь на нее, а наблюдать торжественное шествие Иисуса Христа. Данте видит ярких светочей, озаренных сиянием Спасителя, и ищет между ними Пресвятую Богородицу, или Розу. Наконец он видит Пресвятую Деву, над которой в виде венца вращается архангел Гавриил, прославляющий Богородицу. К этому восхвалению присоединяются и прочие праведники. Данте же, обладая слабым для этой небесной сферы зрением, не может видеть ни великого двигателя, ни того, как Богоматерь поднимается по лестнице к Иисусу Христу. За ней следуют праведники, поющие гимн Пресвятой Деве. Среди этих праведников, ведущих к спасению весь мир, находится и св. апостол Петр.

Так птица по ночам среди ветвей любимых,
Поблизости гнезда своих птенцов родимых,
Стремится увидать головок милых ряд
И с нетерпением вдаль устремляет взгляд,
Чтоб, солнце меж листвой увидев изумрудной,
Лететь за пищею для птенчиков своих,
И, радость находя в своей задаче трудной,
Лучей денницы ждет прозрачно-золотых —
Так спутница моя внимательно глядела
По направлению небесного предела,

Где замедляется порою солнца ход[1].
И, видя это, я безмолвствовал, как тот,
Кто ждет и чьей душой надежда овладела;
Ио я не долго ждал, сильнее небо рдело,
И тут промолвили Жены святой уста:
— «Смотри, вот легион ликующий Христа!
Благословенный плод любви святой и веры[2],
Который ты сорвешь, пройдя все эти сферы».

Черты лица ее горели, как в огне,
Глаза сияли так, что передать вполне
О том не в силах я. Как в полнолунье Фебэ
Нам улыбается меж нимф бессмертных[3] в небе, —
Так Солнце[4] я узрел, горевшее светло.
Оно лучом своим блаженных сонм зажгло,
Как солнце наше — звезд небесных мириады.
Так был я ослеплен сияньем Божества,
Что на Него поднять я не решался взгляды.
И вырвались из уст воззвания слова:
— О Беатриче, вождь нежнейший и любимый. —
Она ответила: — «То, чем с неизъяснимой
Ты силой угнетен, есть Добродетель та,
Все победившая, в которой — полнота
Премудрости и сил, открывшая дорогу
К спасенью от земли, она приводит к Богу».
Подобно молнии, когда она прорвет
Собою туч гряду, блеснув на небосводе,
И падает с высот наперекор природе[5] —
Мой ум среди чудес расширил свой полет.
Что было далее — я вспомнить не сумею.
— «Открой глаза свои! Все то, что до сих пор
Ты видел дивного, — твой обновило взор,
И ныне насладись улыбкою моею!»

На человека я в то время походил,
Что вызвать силится забытое виденье;
Когда желанное услышал предложенье;
Я в памяти его навеки сохранил.
И если б все, кого Полимния[6] вскормила
И рой сестер ее нежнейшим молоком,
Пришли на помощь мне с их дивным языком, —
Святой улыбки той, что блеском озарила
Божественным черты небесные ее,
И в слабой степени воспеть не мог бы я.
Поэтому должна при описанье Рая
Поэма сделать здесь решительный прыжок,
Как тот, кто обойти препятствие не мог,
Когда в пути оно явилось, возникая.
Для смертных плеч моих тяжел предмет такой,
И понимающий судить меня не станет
За то, что я пишу дрожащею рукой.
Нет, не для кормчего, чей зоркий взор туманит
Усталость по ночам и кто жалеет сил,
Не для ладьи его — тот путь назначен был,
Которым я плыву с моей ладьею смело.

— «Зачем глаза твои прикованы всецело
К моим чертам и ты не направляешь взгляд
На расцветающий в лучах Христовых сад?
Там Роза[7] расцвела, в которой воплотился
Божественный глагол. Там лилий белых ряд
Благоуханье льет, дабы с пути не сбился
Руководимый им чудесно человек».

Так молвила она. Вторично слабость век
Стараясь победить, послушал я совета.
И так же, как глазам, отвыкнувшим от света,

Когда сквозь дымку туч проглянет солнце вдруг,
Является порой покрыт цветами луг, —
Так сонмы светочей увидел я, сиявших
В лучах, которые струились с высоты;
Источника лучей, их ярко озарявших,
Меж тем не видел я. О Добродетель[8], Ты
В величии Своем так вознеслась высоко,
Дабы не ослепить мое земное око.
Меж этих радостно светящихся огней
Искал я в пламени, сияющем ясней, —
Цветок божественный, к которому с зарею
Дня восходящего и позднею порою
Привык с молитвою взывать я. И, когда
На небе и земле царящая звезда
Предстала мне в красе своей неизреченной,
Увидел я вверху, над этою священной
Звездою, огонек[9]: вращаясь без конца,
Он осенил ее подобием венца.
Земные песни все, как нежны и певучи
Нам ни казались бы, своею красотой
Сердца пленяя в нас, звучат, как гром из тучи, —

В сравненье с лирою благословенной той,
Которая среди лазурного эфира
Венчала чистоту прекрасного сафира[10].

— «Я — ангелов любовь, и я вокруг святой
Вращаюсь радости, из лона исходящей,
Где заключалася всех упований цель.
Вращаться буду здесь я так же, как досель;
Ты к Сыну Твоему войдешь в чертог блестящий
И сделаешь его счастливым — потому,
Что Ты взойдешь в него, Небесная Царица!» —

Так пел сверкающий венец[11], и вереница
Блаженных светочей, как бы в ответ ему,
Пропела сладостно воззвание: «Мария!»

Тот королевский плащ[12] — дыханьем Божества
Воспламеняемый, тот плащ, чья синева
Собой окутала все сферы мировые, —
Он растилался так далеко в вышине,
Что не пришлось его покуда видеть мне.
И слабость зрения возможности лишила
Меня следить за тем, как к Сыну восходила,
Из света соткана, венчанная Звезда.
Как малое дитя ласкается, когда
Насытилось оно, и тянется руками
С любовью к матери — своими огоньками,
Так эти светочи стремились вслед за Ней,
К Владычице любовь высокую питая.
Затем запели все они еще нежней:
— «Владычица Небес, Царица Пресвятая!» —
И песнь их в памяти останется моей.

О, как сокровища, которые хранимы
В ковчегах Божиих, вовек неистощимы,
На землю падая, как доброе зерно!
Здесь наслаждаемся свободно мы дарами,
Которые унесть нам было со слезами
Из Вавилонского плененья[13] суждено,
Где мы лишь золото оставили одно.
В сообществе святых, ведущих мир к спасенью,
Здесь наслаждается победою, под сенью
Христа, Который был Мариею рожден, —
И тот, кому был ключ от Рая поручен[14].

Кассино

Примечания к двадцать третьей песне

[1] Солнце, если смотреть на него в полдень, кажется двигающимся медленнее, чем утром и вечером. Беатриче взглянула на юг.

[2] Высшей целью человека должно быть стремление к спасению души и пребыванию в Раю. Блаженство Рая состоит в близости к Богу и в созерцании Его. Оно достигается высокоправедной и добродетельной жизнью по милосердию Бога и соразмеряется с заслугами праведников. Эту соразмерность Данте выразил тем, что распределил всех блаженных по сферам неба; высшей степенью блаженства из земных праведников одарены святые апостолы, составляющие ликующий легион Иисуса Христа, в котором образно воплощено милосердие Бога.

[3] Бессмертные нимфы — звезды. Фебэ — то же, что Тривия, или троеликая богиня — Луна на небе, Диана на Земле и Геката в Аду.

[4] Под этим солнцем подразумевается Христос. Его же поэт называет добродетелью, открывшей путь к спасению.

[5] Огонь вследствие легкости своей должен постоянно стремиться кверху; но исключением является молния, ударяющая вниз.

[6] Полимния (Полигимния) — муза поэзии, те. кто вскормлены ею, поэты; даже с помощью их всех Данте не в состоянии описать улыбку Беатриче.

[7] Пресвятая Дева Мария, которую католическая церковь именует мистической Розой Лилии — праведники, апостолы Христовы.

[8] Христос Спаситель. Божественный цветок — Роза, или Пресвятая Дева Мария.

[9] Архангел Гавриил. Он же — любовь ангелов.

[10] Пресвятая Богородица на образах всегда изображается в мантии синего цвета — цвета сапфира и неба.

[11] Архангел Гавриил.

[12] Первый двигатель, или девятое небо, находящееся между Эмпиреей и восьмой сферой.

[13] Вавилон здесь означает мир и его бренные блага, которые мы не берем с собой на небо, где ценятся лишь духовные сокровища; ими же пренебрегли и блаженные ради небесных благ.

[14] Апостол Петр.

Песнь двадцать четвертая

Беатриче обращается с воззванием к святым, сопровождающим Иисуса Христа, и просит их удовлетворить желания, томящие Данте. После этих слов святые начинают вращаться подобно сферам, но с разной скоростью. Из небесного хоровода выделяется блестящий огонек — св. апостол Петр, который трижды облетает Беатриче с дивной песней. Беатриче обращается к нему с просьбой испытать поэта в вере. Св. Петр вопрошает Данте, в чем состоит сущность веры, и поэт определяет веру словами св. апостола Павла. Далее апостол Петр спрашивает Данте, чиста ли его вера, и, получив утвердительный ответ, ставит вопрос о том, откуда поэт получил веру. Данте указывает на Священное Писание как на источник веры. После этого спутники Иисуса Христа прославляют его песнопением, а св. Петр вопрошает Данте, во что он верует. Поэт исповедует свою веру, после чего св. апостол трижды осеняет его чело своим сиянием.

«Собранье избранных у Агнца Пресвятого
На Тайной вечере, где пища вам готова —
Поскольку вы вкусить желаете ее!
По милости Творца, Чья благость без границы,
Коль скоро смертный тот[1], не кончив бытие,
От вашего стола спешит вкусит крупицы —
Размыслите о том, как должен быть велик
Его желаний пыл, и дайте утоленье
Духовной жажде той. Для вас открыт родник,
Где помыслы его берут свое теченье».

Так молвила Жена небесная, и вмиг
Вращаться начали, как сферы, души эти,
Подобны яркостью блистательной планете.

Напоминая мне устройство часовое,
Где колесо одно из двух дающих ход
Недвижным кажется, вертится же другое, —
Так двигался двойной небесный хоровод.
Тут из среды того, который был чудесней,
Явился ярче всех блиставший огонек[2].
Вкруг Беатриче он с такою дивной песней,
Что в памяти ее я сохранить не мог, —
Три раза облетел. Вот почему кладу я
Перо мое пока; во всей ее красе
Нельзя воспроизвесть картину мне такую:
И грубы и бледны земные краски все.
— «Благословенная сестра, своим моленьем,
Любовью, полною небесного огня,
От круга светлого ты отвлекла меня!» —
Так молвил избранный светильник, дуновеньем

Любви своей Жену святую осеня.
И молвила она ему с благоговеньем:
— «О ты, апостола святого вечный свет,
Тебе поручены Господним повеленьем
Ключи от радости, которой выше нет,
Дарованной Христом. Заставь же дать ответ
Пришельца этого по всем вопросам веры
И сложным, и простым. Ходил ты по волнам,
Ведомый верою. Пускай ответит нам
И веры собственной он приведет примеры,
Надежды и любви. Его душа и ум
Открыты для тебя во всех изгибах дум;
Но верующих всех — жилище здесь по праву;
Пускай же ей воздаст и он речами славу!»

Как юный бакалавр безмолвствует пред тем,
Как будет задана ему одна из тем,
Которая подаст для долгих прений повод
(Он может защищать, но не решать ее),
Так я в уме своем уже готовил довод,
Решаясь изложить суждение мое
Пред исповедником, стоящим столь высоко.

— «Ответь, как преданный добру христианин,
В чем вера состоит, в чем суть ее, мой сын».

На вопрошавшего, взволнованный глубоко,
Я поднял взор, затем на Беатриче я
Вновь перевел его, и спутница моя,
Внушая мне речей не сдерживать потока,
Движеньем головы дала немедля знак.
— Всевышний в милости Своей, — я начал так, —
Мне исповедаться дозволив пред главою

Первоучителей[3], пусть волей всеблагою
И ясность сообщит ответу моему!
Отец мой, — продолжал я, обратясь к нему, —
Я знаю, веры есть святой определенье
У брата твоего, с которым вместе Рим[1]
Ты призывал к добру учением своим:

«Того, что все мы ждем, она — осуществленье,
Она — уверенность в невидимом для нас».

Он молвил: — «Истину поведал ты сейчас,
Коль скоро понял сам, зачем ее сначала
Он между сущностей, затем же поместил
Меж доказательств он». — Все то, что осветил
Господь на небесах, — сказал я, — слишком мало
Понятно для людей в юдоли их земной,
И существует там лишь верою одной,
Дающей, в свой черед, надежде зарожденье,
И вера сущностью зовется оттого.
Из веры этой же исходит и сужденье,
Поэтому она зовется, сверх того,
И доказательством. — «Когда бы без изъятья
Все люди на земле научные понятья
Так правильно, как ты, усвоили — тогда
Не оставалось бы софизмов и следа, —
Светильник пламенный ответил мне на это,
прибавив: — Хорошо проверена монета,
И вес, и качество; имеется ль она
В кармане у тебя?» — Столь чистого чекана,
Что допустить нельзя возможности обмана, —
Ему ответил я, — монета мне дана.

И вопросил меня небесный этот пламень:
— «Но кто же дал тебе бесценной веры камень?
Всем добродетелям основой служит он.
Скажи, откуда он тобой приобретен?»
— Святого Духа дождь, пролившийся обильно
На древние листы и новые[5], служил
Мне силлогизмом тем, который укрепил
В великой истине меня настолько сильно,

Что доказательство другое рядом с ним
Мне показалось бы неверным и плохим.

За этим вопросил блаженный светоч снова:
— «Но эти древние и новые листы —
На основании каком за Божье слово
И откровение — их почитаешь ты?»
Ему ответил я: — Свершилися деянья,
Что были некогда предсказаны в Писанье,
Природы творчество тут было ни при чем.

Дух светлый возразил: — «Но подтвержденье — в чем?
В чем — доказательство тех дел существованья?»

Сказал я: — Если мир без чуда обращен,
То это самое есть чудо, и такое,
Что с ним не выдержит сравнение другое;
Терпя лишения, лишь верою силен,
Из нивы сделал ты святых семян рассадник;
Теперь терновник — там, где был твой виноградник[6].

— «Той песнью, звукам чьим внимают небеса,
Прославим Господа!» — запели голоса
Коллегии святой, и ведший на вершину,
От ветки до другой, меня искусно князь,
Сановник Господа, сказал, остановясь:
— «Приличествует твой ответ христианину.
Отверзты милостью Творца твои уста!
Итак, да будет речь благословенна та!
Но выяснить еще одно необходимо:
Во что ты веруешь? Где веры той родник?»

— Отец святой, о дух, который все проник!
Для взора твоего все ныне достижимо,

Во что ты веровал так твердо, что в пути
Ко гробу Господа скорей успел прийти,
Чем тот, кто был тебя моложе несомненно[7].
Ты разъяснения желаешь тех причин,
Какими приведен я к вере неизменно?
Я верую в Того, Кто вечен и един,
Кто силою любви привел в движенье сферы
И неподвижен Сам. Опора этой веры
Есть в метафизике и есть в природе всей,
Но больше — в истине, чьи светлые потоки
В Писанье и в псалмах излили Моисей,
А также прочие великие пророки
И все апостолы, когда на них сошел
И дал им Дух Святой Божественный глагол.
Исполнен к Троице я верой беспредельной;
Единосущною такой и нераздельной
Ее считаю я, что говорю равно
О ней и суть, и есть. Открыло мне давно
Всю тайну сущности Божественной Писанье,
Источник веры — в Нем, в Нем — искра, чье сиянье
Становится огнем священным иногда;
Она в душе моей сияет, как звезда.

Итак, как господин, которому приятно
Услышать от слуги желаемый ответ, —
Так, выслушав меня, благословенный свет
Сияньем осенил чело мне троекратно.

Примечания к двадцать четвертой песне

[1] Данте. С такими словами обращается Беатриче к святым, в Раю сопровождающим Агнца Божьего — Иисуса Христа.

[2] Св. апостол Петр, который готовится испытать Данте в вере.

[3] В оригинале апостол Петр назван великим *прилиминарием*, этим именем назывался первый центурион римского легиона.

[4] Св. апостол Павел; он вместе со св. апостолом Петром проповедовал христианство в Риме и в Послании к евреям (гл. 11) определяет веру.

[5] Ветхий и Новый Заветы.

[6] Намек на современное Данте печальное состояние римской церкви.

[7] Узнав об исчезновении тела Иисуса Христа, св. Петр и Иоанн поспешили ко Гробу Господню: Иоанн, будучи моложе, пришел первым, но не решился войти, и Петр, пришедший позднее, сподобился войти первым.

Песнь двадцать пятая

Выразив надежду что поэма послужит ему опорой против врагов. Данте говорит, что он в Раю получит второе крещение. Из рядов светлых духов появляется второй светоч — св апостол Иаков, символ надежды Он спешит к апостолу Петру и вместе с ним останавливается перед поэтом. К св. Иакову сперва обращается с кратким словом Беатриче, после чего апостол ободряет Данте и спрашивает его, что такое надежда, как она расцвела и откуда явилась ему. Вместо Данте на второй вопрос отвечает Беатриче, восхваляя его как верного сына церкви, а на остальные два вопроса предлагает ответить поэту. Данте определяет надежду словами Петра Ломбардского, а источниками ее называет царя Давида и других Отцов Церкви. Св. Иаков спрашивает его, что сулит ему упование на Бога, и Данте ссылается на слова пророка Исайи и откровение св Иоанна. Раздается возглас святых: «О Боже, на Тебя надежду возлагаем». В это время появляется новый яркий светоч — св. Иоанн, начинающий вместе со св. Петром и Иаковом радостное движение и песнопение. Данте под впечатлением легенды, говорившей, что св. Иоанн был взят живым на небо, напряженно смотрит, но св. евангелист опровергает это сказание, говоря, что лишь Иисус Христос и Пресвятая Богородица вознеслись на небо в своей земной оболочке Хоровод святых останавливается, Данте оглядывается кругом, но уже не видит лика Беатриче.

Когда со временем поэма, над которой
Томлюсь я много лет, — в ней небо и земля
Участье приняли, — послужит мне опорой,
Вражду гонителей суровых умоля,
Которые из той овчарни, сердцу милой[1],
Где был ягненком я, меня изгнали силой,
Как недруга волков, — коль скоро суждено
Тому случиться — я вернусь перерожденным,
И вместе с голосом чудесно обновленным
Певец приобретет и новое руно.

Здесь принял я венец вторичного крещенья,
Той веры истинной, рождающей сближенье
Душ наших с Господом. Венцом ее светло
Апостол осенил три раза мне чело.

Из сонма светлых душ, кого Господь прославил,
Где был и тот, кого наместником поставил
Он первым по Себе, — явился новый свет,
И молвила Жена: — «К нему уж сотни лет
Спешат в Галицию толпой на поклоненье,
Перед тобой еще Господней церкви князь»[2].

Как голубь, увидав голубки приближенье,
Спешит с любовью к ней, воркуя и кружась, —
Так встретились они, птенцы гнезда Христова[3],
И пищу славили — от Духа Пресвятого
Даруемую Им: затем передо мной
Остановилися в молчанье, ослепляя
Меня сиянием их славы неземной.
И Беатриче тут, улыбкой просветляя
Свой лучезарный лик, заговорила с ним:
— «Воспевший на земле небесную обитель,
Надежды символом ты был всегда, Святитель,
Когда во славе всей ученикам троим[4]
Являлся Иисус!» — «С доверием взирая,
Чело приподними, дабы созреть могло
В сиянии лучей Божественного Рая
Все то, что от земли на небеса пришло!»

Так молвил дух второй[5]. Тогда возвел я взоры
На подавлявшие своим величьем горы[6].
— «Господь, Небесный Царь желал, чтоб видеть мог
Очами смертными ты ранее кончины

Князей, избранных Им, и светлые дружины;
Он сокровеннейший открыл тебе чертог,
Дабы, узнав его и возвратясь оттуда,
В себе и в братьях ты надежду укрепил,
Которою рожден любви священный пыл.
Скажи мне: что она? Как расцвела? Откуда
Пришла она к тебе?» — Так молвил этот свет.
Но та, которая, верна своей заботе,
Руководила мной в возвышенном полете,
Предупредив меня, дала такой ответ:
— «У церкви Божией, чья велика дружина,
Нет преданнейшего святой надежды сына!
Как солнце, луч ее всех озаряет нас.
И раньше, чем настал его кончины час,
Он, в силу Божиих решений неизменных,
Из стран египетских в Иерусалим блаженных[7]
Допущен был сюда. Пускай ответит сам
Тебе на оба он вопроса остальные.
Того, что изрекут уста его земные, —
Не нужно для тебя, но пусть узнают там
Другие смертные, как добродетель эта
Тобой ценима здесь. Пускай ответит он
И Божьей милостью да будет осенен.
В ответах этих нет для похвальбы предмета[8]».
И, как учителю прилежный ученик
С готовностью на все вопросы отвечает,
В которых знатоком считать себя привык,
Ему ответил я: — Надежда нам сияет,
Как убеждение в той славе, что должна
Заслуги увенчать, и Богом нам дана[9].
Струило много звезд, и малых и великих,
Мне в душу этот свет, но тот, кто в оны дни
Великим был певцом Великого Владыки[10],

Во мне зажег его он раньше, чем они!
Псалом его гласит: «Кто знает Бога — смело
Пускай на Господа надеется всецело.
Кто верует, как я, — тот знает Бога сил!»
Так щедро ты меня надеждой оросил,
Которою полны твоих посланий строки,
Что нынче на других я лью ее потоки.

Пока держал я речь, довольный несомненно
Ответом слышанным — как молния, мгновенно
Светильник вспыхивал и, наконец, сказал:
— «Любовь безмерная, которую питал
Я к добродетели, приведшей без боязни
Меня к борьбе моей, мучениям и казни, —
Повелевает мне вещать тебе о ней.
Надежду возлюбил и ты душою всей,
Но что сулит тебе на Бога упованье —
О том хочу я знать!» — И молвил я: — Доселе
Определяет нам Священное Писанье
Избранных Богом душ возвышенную цель.
И эта цель — не что иное, как надежда.
Исайя говорит, что Господом дана
Двойная будет им на родине одежда,
А эта родина — небесная страна.
Все это объяснил подробнее в писаньях
Твой брат, упомянув о белых одеяньях[11].

Как только я замолк, послышалось с высот:
— «О Боже, на Тебя надежду возлагаем!» —
И, всеми сонмами святыми повторяем,
Напев их огласил собою небосвод.
Светильник новый тут явился предо мной,
И если б так могло сиять созвездье Рака —

В теченье месяца царил бы день сплошной[12].
И, как на празднике, в день заключенья брака,
Для пляски радостно встает одна из дев,
Чтоб удовольствие доставить тем невесте, —
Так этот новый свет, с двумя другими вместе,
Кружился радостно и повторял напев,
А Беатриче им внимала неуклонно
И молчаливая, как юная жена.

— «Вот он, кого привлек наш Пеликан[13] на лоно, —
Не отрывая глаз, сказала мне она, —
Он исполнением священнейшего долга
Был с высоты Креста Господня облечен».

Как всякий, кто глядел на солнце слишком долго,
Кто был сиянием невольно ослеплен,
И кажется ему, что настает затменье, —
Так точно ослеплен я был при появленье
Светила третьего[14]. И молвил дивный свет:
— «Напрасно взор очей ты напрягаешь с силой,
Желая видеть то, чему здесь места нет.
Как прочие тела, мой прах был взят могилой,
И не восстанет он, пока не возрастет
Число избранников до точного предела.
Здесь — облеченные в свое земное тело,
Лишь два сияния[15] направили полет
В селенья горния. Скажи об этом в мире!»

При звуках пения великих трех певцов[16]
Блестящий хоровод, кружившийся в эфире,
Остановился вмиг, — так весла у гребцов,
Сигнал услышавших и чующих невзгоду
Иль утомившихся, не пенят больше воду.

Но как был поражен я в следующий миг,
Когда я, обведя вокруг тревожным взглядом,
Небесной Спутницы моей не встретил лик,
Хотя в Раю святом стоял я с нею рядом.

Примечания к двадцать пятой песне

[1] Флоренция — родина Данте.

[2] В оригинале: барон — св. апостол Иаков, служащий олицетворением надежды, между тем как св. Петр олицетворяет собой веру. Обоих их Данте называет баронами: так в Средние века именовали святых. Из особого к ним уважения Мощи св. Иакова находятся в соборе г. Компостелла в Галиции, части Испании.

[3] Св. Петр и Иаков.

[4] Св. Петру, Иакову и Иоанну.

[5] Св. Иаков.

[6] Оба апостола, поражающие поэта своим величием.

[7] Иерусалим — Рай Господа, земля Египта — грешный мир.

[8] На первый вопрос, щадя скромность Данте, Беатриче отвечает за него.

[9] Это определение надежды принадлежит знаменитому итальянскому богослову Петру Ломбардскому (Пиотро Ломбарди).

[10] Певец Великого Владыки — царь Давид. Звезды — духовные писатели и богословы.

[11] Откровение св. Иоанна.

[12] Этот новый свет (апостол Иоанн) Данте сравнивает по ясности с солнцем. Когда зимой, с конца декабря до конца января, солнце находится в созвездии Козерога и последнее заходит, то появляется созвездие Рака, и если бы это созвездие обладало звездой, по яркости равной солнцу, то на земле в течение всего месяца было бы светло, как днем.

[13] Иисус Христос, питающий, подобно пеликану, детей своих своей кровью.

[14] Св. Иоанн.

[15] Лишь Иисус Христос и Пресвятая Дева обладают на небе и духом, и плотью. О св. Иоанне также сложилось предание, что он взят живым на небо, но он опровергает это.

[16] Св. Петр, Иаков и Иоанн.

Песнь двадцать шестая

Изумленный поэт слышит голос, исходящий из света и принадлежащий св. евангелисту Иоанну. Он спрашивает поэта, к чему стремится его душа, освобожденная от греха. Поэт отвечает на это определением предмета любви — стремления его духа, и этот предмет есть Бог, высшее добро, начало и конец всего того, что дает любовь. Затем на второй вопрос св. евангелиста: кто направил его к великой цели? Данте подробно говорит о сущности любви и о том, что она укрепилась в нем философией и всеми его знаниями, чему также способствовали Евангелие от св. Иоанна и слова самого Господа Бога, обращенные к Моисею. По окончании речи поэта раздается песнопение: «Свят! Свят! Свят!» — и Данте прозревает с помощью взоров Беатриче. Среди небесных светочей он видит прародителя Адама и просит его объяснить ему томящие его вопросы. Адам угадывает их и объясняет Данте, что грехопадение его состояло в нарушении Божьего запрета, что со времени его сотворения прошло 5232 года, что первоначальный язык людей уже угас со времени построения Вавилонской башни, но что Бога сперва называли El, а затем Eli. Наконец, он говорит о том, что пробыл в земном Раю семь часов.

Меж тем как я стоял глубоко изумлен,
Услышал голос[1] я, из света исходящий,
Которым был я вмиг чудесно ослеплен;
И так заговорил со мною свет блестящий:
— «Пока Померкшие от блеска моего
Глаза твои кругом не видят ничего,
Тебя вознаградить желаю я беседой.
Итак, ты ранее всего теперь поведай:
К чему стремится твой освобожденный дух?
Знай, свет очей твоих померк, но не потух.
У той, которая тобой руководила, —

Во взоре та же есть целительная сила,
Какою обладал Анания пророк[2]».

Ему ответил я: — В какой угодно срок
Пусть для очей моих настанет исцеленье;
Они — врата души, чрез них внесла она[3]
Мне в душу тот огонь, которым зажжена
С тех пор душа моя. Добро, каким богата
И преисполнена небесная палата, —
Начало и конец всего, что мне любовь
Дает могучего и слабого.
И вновь
Желанье говорить мне голос тот навеял,
Который ужас мой пред слепотой рассеял.
Он молвил: — «Предстоит теперь еще пройти
Тебе по трудному и узкому пути;
Кто лук направил твой к великой этой цели?»

Сказал я: — Ту любовь запечатлеть успели
И философия, и набожность во мне.
Добро, когда оно постигнуто вполне,
Любовь рождает в нас, и чем добро сильнее,
Чем больше в нем добра, тем и любовь полнее
К Добру же Высшему, Чье свойство таково,
Что всякое добро и благо вне Его —
Лишь отражение лучей Его, не боле.
К Нему с глубокою любовью поневоле
Стремиться должен ум, что истину открыл, —
Для доказательства служащую основой.
И в этой истине я убедился новой,
Благодаря тому, кто миру уяснил,
Посредством доводов правдивых и конечных,
Что первая — любовь среди субстанций вечных.

«Итак, ты ранее всего теперь поведай:
К чему стремится твой освобожденный дух?
Знай, свет очей твоих померк, но не потух».

(«Рай», Песнь 26)

И то же самое доказывал Творец,
Когда промолвил Он пророку Моисею:
— «Я покажу тебе все доброе!» Своею[4]
Великой книгою и сам ты, наконец,
Доказывал ее: в начале вдохновенном
Ты ближе подошел к тем тайнам сокровенным.
Которыми полны святые небеса[5],
Чем удалось другим глашатаям блаженным.

— «Во имя разума, во имя высших сил,
Ты к Богу сохрани любви священный пыл.
Но молви мне: влеком ты струнами другими,
Быть может, к Господу? Поведай мне, какими
Шипами жгучими любовь тебя язвит?»

Но умысел того, кто Божии глаголы
В Писанье возвестил, был для меня открыт[6],
И молвил я орлу Христову: — Все уколы,
Которые влекут сердца людей к Нему, —
Способствовали все влеченью моему.
Существование миров, существованье
И самого меня, та смерть, что перенес,
Даруя этим жизнь иную мне, Христос,
Приобретенные мной ранее познанья —
Меня из бездны зла чудесно извлекли
И к берегу любви великой привели.
Поскольку на нее Он милость изливает,
Постольку дорога и для меня бывает —
Садовником Святым взрощенная листва!

Едва я замолчал, как раздались слова
Псалма священного, и Беатриче тоже
С другими духами запела: — «Свят! Свят! Свят!»

Как просыпаемся порою мы на ложе
От света яркого, и пораженный взгляд
Всего пугается в минуту пробужденья —
Как прогнала она туман из глаз моих
Своими взорами, которые сияли
На сотни миль кругом. Яснее видеть стали
Глаза мои, и тут меж светочей троих
Предстал четвертый мне[7]. Спросил я в изумленье:
— Кто он? — и молвила небесная Жена:
— «Душа, что первою была сотворена
Миров Создателем в дни первые творенья, —
Сияет в тех лучах, с восторгом без конца
И светлой радостью взирая на Творца».

Пред ветром дерево склоняется главою
И выпрямляется опять, шумя листвою, —

Так, услыхав ответ, склонился я сперва,
Но вскоре был я весь объят порывом смелым;
И пылко вырвались из уст моих слова:
— О, плод единственный, который создан спелым![8]
О, прародитель наш! На всей земле теперь
Невестка для тебя и в то же время — дщерь
Не каждая ль жена? Ты знаешь несомненно
Мое желание, молю тебя смиренно:
Заговори! Молчу и жду твоих речей!

Как у животного заметна дрожь волненья
Под кожею его — так радости движенье
В нем обнаружилось игрой его лучей,
И дух ответил мне: — «Открытое чудесно —
Желание твое мне более известно,
Чем для тебя все то, что знаешь ты давно.
В правдивом Зеркале явилось мне оно,
Которое весь мир собою отразило,
Не будучи само ни в чем отражено.
Ты хочешь знать: когда угодно Богу было
Жилищем для меня избрать высокий сад[9],
Где Беатриче ты увидел, и за нею
По длинной лестнице пошел, стезей своею,
И долго ль рай земной пленял собою взгляд?
А также — чем навлек ты Божие презренье?
И даже — тот язык, которым я тогда
В Эдеме говорил? Не то, что я плода
Запретного вкусил, но долга нарушенье
Меня изгнанию подвергло навсегда.
Откуда за тобой Вергилия послала
Жена святая — там душа моя мечтала
Четыре тысячи и триста с лишним лет[10]
О месте, где царит неизреченный свет.

Прибавим девятьсот и тридцать лет земного
Существования. А что до языка
Первоначального и для меня родного —
Среди людей угас бесследно он, пока
Еще не начата была толпой народа
Постройка дикая во времена Немврода[11].
Не вечны на земле бывают все дела,
Подвержены небес влияниям. Природа
Дар слова людям всем естественно дала,
Но говорят они на языках различных,
И раньше же, чем в мир страданий безграничных
Сошел я, — на земле именовали El[12]
Добро Верховное и всех стремлений цель,
Лучи Которого собою мир одели.
Позднее слово то преобразилось в Eli.
Обычаи людей подобны тем листам,
Что блекнут на ветвях и опадают вскоре,
Сменяясь новыми порой весенней. Там,
Где высится гора, с которой видно море,
И где дарован был мне Господом Эдем, —
Безгрешно и в грехе провел часов я семь»[13].

Примечания к двадцать шестой песне

[1] Св. Иоанн евангелист, предлагающий Данте вопрос о цели христианской любви.

[2] Св. пророк Анания возвратил зрение св. апостолу Павлу.

[3] Беатриче.

[4] Моисей сказал Богу: «Покажи мне всю славу Твою». Бог отвечал: «Я покажу тебе всяческое добро».

[5] Первая глава Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово».

[6] Поэт угадывает умысел св. Иоанна, желающего, чтобы он подробнее и глубже развил свою мысль. Орел — эмблема евангелиста Иоанна.

[7] Адам.

[8] Адам был создан взрослым, 30 лет.

[9] Высокий сад — земной рай, длинная лестница — восхождение на небо.

[10] Адам хочет сказать, что 930 лет он провел на земле и 4302 г. томился в преддверии Ада. Таким образом, промежуток времени от сотворения Адама до смерти Иисуса Христа Данте определяет в 5232 года. Определение лет Адама вполне согласно с книгой Моисея.

[11] Немврод, внук Хама, строивший Вавилонскую башню.

[12] Св. Исидор в своей этимологии говорит, что первое имя Божие было El, т. е. единый, второе — Eloi, или Eli, т. е. мой единый.

[13] Что Адам провел в Раю всего семь часов — это мнение некоторых теологов; другие с ним не согласны и полагают, что пребывание первого человека в Эдеме длилось значительно дольше.

Песнь двадцать седьмая

В Раю раздается славословие Богу, и поэт приходит в неизреченный восторг; затем перед ним появляются четыре светоча, и первый из них — св. Петр — вдруг начинает сиять светом Марса, т. е. красным, что объясняется его гневом. Он обращается со словом к поэту, в котором гневно упрекает папу Бонифация VIII за осквернение папского престола. После этих слов св. Петра все небо вспыхивает багровым светом, а вместе с ним покрывается краской смущения и лик Беатриче. Св. Петр продолжает затем свою речь, причем поэт замечает даже изменение, происшедшее в его голосе и вызванное опять-таки гневом. Св. Петр разгневан тем, что церковь, современная Данте, далеко ушла от апостольских заветов. Во-первых, папы стали корыстолюбивы, тогда как первые преемники св. Петра проливали свою кровь вовсе не за золото; во-вторых, папство ставит различия между членами церкви, предпочитая одних другим; в-третьих, оно даже свой стяг выносит в битву с христианами, и в-четвертых, папство не стесняется осквернять печать с изображением св. Петра при незаконной и своекорыстной раздаче привилегий, инвеститур и проч. Св. Петр провидит и дальнейшую опасность для церкви со стороны пап, последующих за Бонифацием VIII, но возлагает надежду на то, что Бог избавит ее от бедственного положения. После этого Данте наблюдает за удалением светлых духов, сравнивая движение их с падением снежинок, и получает от Беатриче приглашение взглянуть на пройденный им уже путь. Поэт бегло описывает его и говорит далее об усилении красоты Беатриче, совершившемся вместе с тем, как они оба вознеслись в девятую сферу неба, на первый, или великий, двигатель. Беатриче объясняет ему значение первого двигателя, называя его источником движения всех прочих сфер, источником любви и добра, а затем говорит о современных Данте людях, испорченных нравственно и потерявших истинный путь; однако она выражает надежду, что все это грустное положение изменится к лучшему даже значительно раньше того, как исчезнет из зимы январь, т. е. через не слишком долгое время.

«Да славятся Отец и Сын, и Дух Святой!» —
Весь Рай божественный запел согласным хором,
И я охвачен был восторга полнотой;
Мне опьянение передавалось взором
И слухом. В небесах все то, что видел я,
Казалось дивною улыбкою вселенной.
О, счастье! О, восторг! О, радость бытия,
Которая полна любви неизреченной!
Богатство, что с собой заботы не влечет
И не рождает в нас греховные желанья!

Четыре светоча предстали мне, и тот,
Кто первым был из них, — сильней струил сиянье[1],
Таким явился б нам Юпитер, если б он
Был в птицу так же, как и Марс, преображен
И поменялся с ним блестящим опереньем[2].

Замолк небесный хор, как было Провиденьем
Ему предписано, и голос[3] возвестил:
— «О, не дивись тому, что цвет мой изменился,
Он изменяется и у других светил.
Пришлец, что на моем престоле воцарился,
Бесправно мой престол, престол[4] мой захватил,
Оставшийся в глазах Творца незамещенным,
И сделал скопищем нечистым и зловонным
Мое кладбище он, чему безмерно рад
Мятежник[5], сверженный отсюда прямо в Ад!»

Тут небо вспыхнуло мгновенно тем багрянцем,
Каким всегда залит бывает небосвод,
Когда блистают в нем закат или восход.

«Да славятся Отец и Сын, и Дух Святой!» —
Весь Рай божественный запел согласным хором,
И я охвачен был восторга полнотой.

(«Рай», Песнь 27)

Как чистая жена пылает вся румянцем,
Когда рассказана чужая ей вина, —
Так Беатриче вмиг зарделась, смущена,
И столь же омрачен был лик ее небесный,
Как небо ясное — во время муки крестной[6].

А светоч продолжал, и более всего,
Казалось, изменен был голос у него:
Он молвил: — «Не затем питалась кровью Клета,
И Лина, и моей избранница Христа[7],
Чтоб золото стяжать. Для лицезренья света
Неизреченного Каликстом пролита
И Пием кровь его, и Сикстом, и Урбаном[8].
Кто думал, что места готовы христианам
По обе стороны преемников моих:
Направо — для одних, налево — для других?[9]
А ключ, врученный мне и сохраненный мною, —
Собой украсит стяг кощунственных дружин,
Идущих на того преступною войною,
Кто называется собрат-христианин?[10]
Кто думал, что скреплять своим изображеньем
Бумаги буду я, которые собой
Ведут к продаже прав и злоупотребленьям
И зачастую гнев воспламеняют мой.
Там волки, ризою пастушеской одеты,
Везде грозят стадам. О, правосудье, где ты?
И почему, Господь, Ты медлишь до сих пор?
Намереваются Гасконь, а с ней — Кагор
Кровь нашу высосать[11]. Благие начинанья,
Какое жалкое грозит вам окончанье!
Но Промысел Творца — Он неисповедим:
Чрез Сципиона Он избавил древний Рим

И славу мира спас. И в эти дни, быть может,
Он миру в бедствиях бесчисленных поможет.
В телесном образе на землю возвратясь,
Все то, что я не скрыл, — поведай не таясь».

Когда светило дня встречает Козерога
В пути[12], то с высоты воздушного чертога
Пары замерзшие, в снежинки превратясь,
На землю падают — так в небе забелели,
Как хлопья снежные, те духи, что доселе
Сияли возле нас. И взорами следил
Я за движением сияющих светил,
Пока пространство их собой не проглотило.
И Беатриче мне сказала: — «Опусти
Глаза твои, взгляни на всю длину пути,
Каким тебя возвесть угодно Богу было!»

Я убедился тут, бросая взор вокруг,
Что климат первый[13] тот, который полукруг
Образовал собой, — прошел я от средины
До самого конца. Но тут среди равнины
Морской увидел я, где некогда пылала
Улиссова ладья, и берег, где была
Желанной ношею Европа молодая[14].
Я мог бы, зрением чудесным обладая,
И больше разглядеть, но солнце не один
Небесный знак прошло внизу среди равнин
Эфира светлого, и мой влюбленный разум,
Сильнее прежнего охваченный экстазом,
Жену небесную стремился созерцать.

Все чары, что могли когда-либо создать
Искусство или жизнь, через посредство зренья

Пленяющие нас, — ничтожны все в сравненье
С тем счастием, каким я был охвачен в миг,
Когда улыбкою блеснул мне дивный лик!
В том взоре почерпнул я силу для победы
Над плотью бренною: я из приюта Леды[15]
Вознесся в небеса быстрейшие, но там
Все одинаково казалося очам,
И указать звезду я сам не в состоянье,
Куда меня Жена святая вознесла.
Она, читавшая в душе мое желанье,
Заговорила тут, и так была светла
Улыбка ясная ее святого лика, —
Как будто ликовал в лице ее Владыка.

— «Здесь — неба высшего начало. От него
Исходит прочих сфер сияющих движенье,
Но небо самое, по воле Провиденья,
Недвижно. Окружил со всех сторон его
Лишь Дух Божественный; берут в нем зарожденье
Любовь, что движет всем, и добродетель та,
Которая везде любовью разлита.
Оно окружено кольцом любви и света,
И заключаются другие сферы в нем.
И, независимо в течении своем
От всех небесных сфер, — подвластно небо это
Лишь Богу. Сферы все должны соразмерять
Свое движенье с ним: так дважды пять и пять
Бесспорно в десяти заключено бывает.
В нем — корень времени, в других мирах — листы.
О, жадность гнусная, влечешь как будто ты,
И глаз от волн твоих никто не отрывает.
Здесь воля добрая дает порою всход

И начинает цвесть, но ягодой терновой
Становится порой от частых ливней плод.
Полны невинности и верою Христовой
Лишь дети малые, но прежде чем пушок
Собою оттенит у них румянец щек —
Покинут навсегда их вера с чистотою,
Кто в детстве голодал — пресытится едою,
Кто в детстве мать любил и матери своей
Всегда покорен был, тот пожелает ей
Скорейшего конца. Так время неизбежно
Румянец юных дев, когда-то рдевший нежно,
Сменяет желтизной. Узнай же: никакой
Нет силы на земле, людьми руководящей,
И потому с пути сбивался род людской.
Но прежде, чем январь, нам холод приносящий,
Исчезнет, вычеркнут навеки из зимы[16], —
Теченье новое светила примут вскоре:
Фортуна светлая, которой жаждем мы,
Так повернет корабль, что сторону кормы
Займет собою руль; тогда в открытом море
К желанным берегам направится наш флот[17],
И цвет растения даст настоящий плод».

Примечания к двадцать седьмой песне

[1] Апостол Петр, явившийся ранее других, остальные трое суть: св. Иаков, св. Иоанн и Адам.

[2] Свет Марса краснее, чем свет Юпитера, поэтому, как говорит поэт, если бы обе планеты были птицами и обменялись перьями, то Юпитер покраснел бы, как покраснел св. Петр в своем справедливом гневе.

[3] Голос св. Петра.

[4] В оригинале трижды повторяется слово luogo (место, престол). Здесь Данте намекает на папу Бонифация VIII.

[5] Сатана.

[6] Во время распятия Иисуса Христа.

[7] [8] Избранница Христа — церковь. Лин — второй папа. Клет — третий. Следующие четверо: Сикст, Пий, Каликс и Урбан — были папами после-

довательно в царствования Адриана, Каракаллы и Александра Севера

[9] Намек на гвельфов и гибеллинов, враждовавших между собой К ним папы относились неодинаково, тогда как предпочтение одной партии перед другой вообще не входило в помыслы первых благочестивых пап.

[10] Папское знамя с изображением ключей св. Петра распускалось не только во время борьбы с неверными, но и во время войн с христианами, чего, однако, не должно было бы быть

[11] Папа Иоанн XXII был родом из Кагора, а Климент V — из Гаскони. Оба они были и преемниками Бонифация VIII и преследовали лишь свои собственные интересы, забывая о религии

[12] Когда Солнце находится в знаке Козерога, а именно в декабре.

[13] Первый климат, по системе Птоломея, которой следует Данте, есть жаркий пояс. Всего, по системе, семь климатов

[14] Финикия, из которой Юпитер похитил желанную ношу, Европу, дочь Агенора, царя Финикийского, превратившись для этого в белого вола

[15] Приютом Леды называется знак Близнецов — Кастора и Поллукса, ее сыновей Отсюда взгляд Беатриче переносит поэта в девятую сферу неба — первый (великий) двигатель

[16] Между гражданским годом и солнечным в юлианском календаре существует разница, благодаря которой после ряда тысячелетий январь совсем исчез бы из зимы, заняв место апреля.

[17] Под настоящим благоприятным направлением флота комментаторы подразумевают появление в Италии германского короля Генриха VII, в котором итальянцы ожидали встретить спасителя их от бедственного положения внутренней анархии Если бы это сопровождалось успехом (чего, впрочем, не было), то и Данте был бы помилован и возвращен из изгнания Комментаторы полагают, что Данте здесь выражает надежду именно на это.

Песнь двадцать восьмая

Вознесясь в девятую сферу неба — великий, или первый, двигатель. — Данте тотчас же видит ее, так как она отражается в глазах Беатриче, как в зеркале. Но он все-таки отводит свой взор от Беатриче, глядит назад и видит Бога в виде точки, которая чрезвычайно мала, но сияет таким ярким светом, что поэт принужден отвести свой взор. Вокруг Господа Бога вращаются с различной быстротой девять кругов небесных сил, причем быстрота движения их зависит от степени близости к Богу, уменьшаясь постепенно по мере отдаления от Господа. Беатриче объясняет ему значение светящейся точки, под которой подразумевается Бог, а поэт просит у нее разъяснения причин различной быстроты движения кругов, которое не согласуется с тем, что происходит в земном мире. Беатриче говорит ему о тайне Божественного промысла, не разрешенной ни для кого, и указывает на то, что пределы всех небесных сфер зависят от количества добра, заключенного в них, и на то, что всем им соответствуют круги небесных сил, движущиеся вокруг Бога. В небесах раздаются «Осанна», а Беатриче, угадывая желание поэта получить дальнейшие разъяснения, говорит ему о небесной иерархии, о Дионисии Ареопагите, ученике св. апостола Павла, установившем, благодаря откровению, эту иерархию, и о Григории Великом, совершившем ошибку в установлении ее, но в Раю познавшем свое заблуждение.

Когда ведущая меня путем спасенья
Открыла мне людей несчастие и стыд
В стране моей — как тот, кто в зеркало глядит
И, раньше в нем свечи увидев отраженье,
Чем самую свечу заметит он, — назад
Бросает чрез плечо свое поспешно взгляд
И убеждается, что зеркало согласно
Настолько же с истиной, как с музыкой — слова;
Так было и со мной, я помню это ясно,

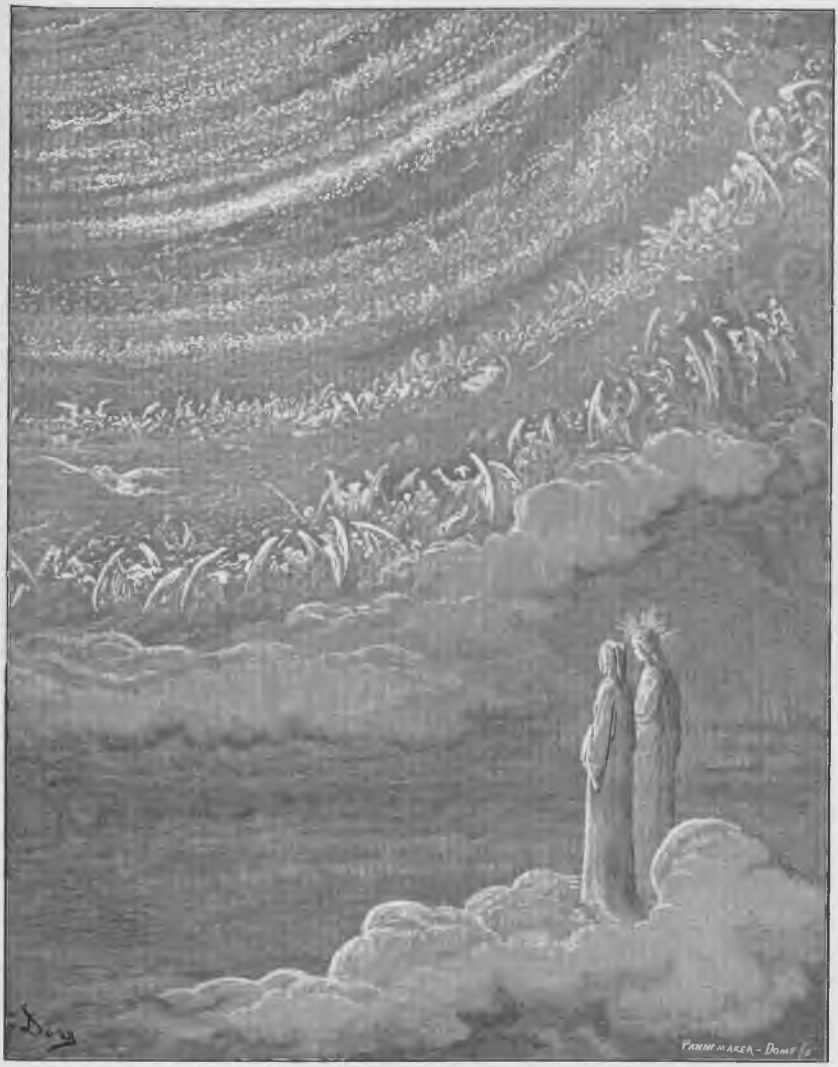
При виде тех очей, которыми права
Любовь приобрела над сердцем этим властно[1].
Когда же поглядел назад я и простор
Небесный поразил мой изумленный взор,
Увидел Точку я: столь несравненным светом
Она сияла там, божественно светла,
Что взоры опустить я должен был при этом,
Дабы Она собой их ранить не могла[2].
С Ней рядом каждая звезда, как ни мала
Нам кажется она, — казалась бы луною.
Так близко, как к луне, сияя белизною,
Находится венец паров ее — вокруг
Блестящей Точки той вращался светлый круг
Багрово-огненный со скоростью такой,
Что превзошла она светил быстрейших ход.
Второй подобный круг венчал его собою,
Второй же третьим был, и третий, в свой черед,
Четвертым окружен; вслед за четвертым — пятый
Все также следовал, за пятым же — шестой.
Затем увидел я, волнением объятый,
Седьмой по счету круг. Он с меньшей быстротой
Вращался, прочие превосходя в размере.
И были таковы: девятый круг с восьмым;
Круги все медленней вращалися по мере
Их отдаленности от первого. Палим
Тот круг был пламенем чистейшим и святым,
Затем что ближе всех он к Точке находился,
Распространявшей свет[3]. Душою я смутился,
И так промолвила мне спутница моя:
— «Ты видишь Искру ту? Зависит от Нее
Судьба вселенной всей, и круг, расположенный
К Ней ближе, — скоростью сильнейшей наделен
Затем, что он сильней любовью распален».

Я молвил: — Если б мне тобою разъясненный
И в мире чувственном порядок был таков,
Какой царит среди сияющих кругов!
Но там, наоборот, по мере отдаленья,
Все кажется светлей и чище без сравненья[4].
Здесь в храме ангелов — его пределы: свет
И вечная любовь — я находил ответ
На каждый мой вопрос и умоляю ныне
Сказать мне, по какой неведомой причине
Не согласуется подобье с образцом?

Она ответила: — «Не изумляйся очень,
Что узел развязать, завязанный Творцом,
Тебе не удалось, тот узел слишком прочен
И не касалися его ничьи персты,
Но объяснение мое запомни ты.
С тем соответственно бывают или шире,
Иль уже все круги, лежащие в эфире,
Поскольку в их частях добра заключено.
И добродетелью сильнейшей рождено
Сильнейшее добро; чем более границы
Пространства каждого, когда его частицы
По совершенству все между собой равны,
Тем более добра вместить они должны.
Круг первый, движущий другими в мирозданье,
Он соответствует вполне тому из них,
В котором более любви и больше знанья[5].
Коль скоро свойствами, не протяженьем их
Измеришь ты круги, найдешь согласованье
Меж небом этих сфер и им дающей ход
Разумной силою».
От легкого дыханья
Борея иногда туманный небосвод

Вмиг проясняется улыбкою с высот;
Так было и со мной, лишь только разъяснила
Мне Беатриче все. Как светлая звезда,
Зажглася истина передо мной тогда.
Подобно жидкому железу из горнила —
Круги блеснули вдруг. Горевшая светло,
Там искра каждая собой воспламенила
Немало новых искр, и верно б их число
Количество двойных квадратов превзошло
На шахматной доске. Ликующей «Осанной»
Был громко оглашен сияющий эфир
И к Точке, славою великой осиянной,
Которой держится на месте целый мир,
Передавалася она, из клира в клир.

Как ни были мечты мои неуловимы,
Но Беатриче их прочла в моих глазах,
И молвила она: — «В ближайших к нам кругах
Витают с быстротой великой Серафимы
И Херувимов сонм, приблизиться стремясь
К срединной точке той. Поскольку преуспели
Все в созерцании — постольку этой цели
И достигают все. А далее, светясь,
Другие ангелы венцом их окружают:
Престолы Божиих очей и заключают
Тройное первое число они собой[6].
Чем глубже в истину проник их взор святой,
Тем счастие — полней. Заключено блаженство
Их в созерцании, затем уже — в любви.
Оно дается всем по мере совершенства.
И так, по степеням, как видишь ты, круги
Располагаются. Вот тройственность другая,
Рожденная на свет той вечною весной,



Подобно жидкому железу из горнила —
Круги блеснули вдруг. Горевшая светло,
Там искра каждая собой воспламенила
Немало новых искр.

(«Рай», Песнь 28)

Сгубить которую не мог Овен ночной[7].
Тремя напевами поет, не умолкая,
«Осанну» Господу в троих кругах она.
Так иерархия ее разделена:
Сначала круг Властей, затем идет, блистая,
Круг Добродетелей, затем — Могуществ круг;
В идущих далее вращаются Начала,
Затем — Архангелы, и весь последний круг —
Утеха ангелов. От Бога воссияла
Всем благодать Его, и взоры их очей,
Воспринимая свет Божественных лучей,
Передают его лежащим ниже сферам.
И Дионисий[8] взор так страстно погрузил
В их созерцание, что первый он открыл
Все эти степени. Григорий же, примером
Собрата увлечен, ошибся, и свою
Ошибку он познал впервые здесь, в Раю[9].
Но не дивись тому, что столь необычайно
Открыта смертному была такая тайна:
О ней поведал тот, кто здесь ее постиг
И в тайны многие священных сфер проник»[10].

Примечания к двадцать восьмой песне

[1] Поэту предстоит лично увидеть новое зрелище, но он, даже не оборачиваясь, видит его, так как это зрелище ясно отражается в глазах Беатриче, которые, становясь все более прекрасными, вместе с тем настолько чисты, что являются своего рода зеркалом.

[2] Под точкой этой подразумевается Бог, которого окружают девять ангельских кругов.

[3] Первый круг — Серафимы — вращается быстрее, так как находится ближе к Божественной любви, одушевляющей его.

[4] Вращение небесных сфер происходит тем медленнее, чем ближе они к земле и дальше от Бога, тогда как на земле все происходит наоборот и чем дальше отходит предмет, тем он кажется светлее и чище.

[5] Круги ангелов, окружающих Бога, соответствуют девяти сферам неба, но измерять их нужно не по их протяжению, а по их свойствам. Наиболее сильно вращается и увлекает за собою другие круги — круг Серафимов; они самые близкие к божеству, так как наиболее полны любви и добра, и соответствуют девятой сфере — великому двигателю; второй круг составляют Херувимы, которые соответствуют восьмой сфере — неподвижных звезд; третий круг есть сфера Престолов, соответствующих седьмой небесной ступени — Сатурну; четвертый круг есть круг Властей, соответствующий шестой сфере — Юпитеру, пятый круг составляют Добродетели, которые соответствуют пятой сфере — Марсу, шестой круг есть круг Могуществ, соответствующий четвертой сфере — Солнцу, седьмой является кругом Начал, соответствуя третьей сфере — Венере, восьмой составляют Архангелы, соответствующие второй сфере — Меркурию, и, наконец, девятый есть круг Ангелов, которые соответствуют первой сфере — Луне.

[6] Первая из трех иерархий, имеющих каждая по три круга, или степени. В первой находятся Серафимы, Херувимы и Престолы. Во второй — Власти, Добродетели и Могущества, в третьей — Начала, Архангелы и Ангелы.

[7] Осенью, когда падают листья, знак Овна стоит над горизонтом.

[8] Дионисий Ареопагит первый установил небесную иерархию, определив порядок ангельских чинов.

[9] Григорий Великий ошибочно переставил порядок в небесной иерархии.

[10] Св. Павел возвестил эту истину о небесной иерархии Дионисию Ареопагиту, своему ученику.

Песнь двадцать девятая

Беатриче пребывает мгновение в молчании, но, как это было видно до сих пор во всей поэме, угадывает желание Данте получить разъяснения на томящие его вопросы. Этих вопросов три. Первый касается Бога и сотворения мира, и Беатриче изрекает, что Бог вечен и до проявления Своей творческой деятельности в сотворении мира не был бездеятелен. После сотворения вселенной, являющейся делом вечной любви Бога, дух, форма и материя нашли свое распределение. Второй вопрос поэта касается места сотворения ангелов, и Беатриче говорит о вершине Эмпирея; что касается третьего вопроса относительно того, были ли все ангелы созданы добрыми, то Беатриче сообщает о падении некоторой части ангелов и о награде тех из них, которые остались верны Богу. Затем Беатриче опровергает существующее в мире предположение о том, что ангелы могут испытывать желания и иметь воспоминания, и объясняет сущность их блаженства. Наконец, она переходит к рассуждению о мирских заблуждениях, порождаемых философией, и говорит об угодности Богу тех, кто верит безотчетно. Упомянув о разных мнениях, существовавших относительно затмения, происшедшего во время крестной смерти Спасителя, она заявляет, что истина заключена лишь в словах Священного Писания, и упрекает современное Данте духовенство в том, что оно пользуется легковерием народа, проповедует не так, как предписывает истинное христианское учение, и раздает индульгенции. Речь свою Беатриче заканчивает словами о величии Бога, пребывающего единым и нераздельным.

Небесный горизонт окутывает словно
Лазурным поясом Латоны светлых чад[1],
Когда венчают их Весы со знаком Овна,
И в равновесии лишь временно стоят;
Затем меняются светила гемисферой.
В теченье времени такого же она[2]
В молчанье полное была погружена
И, улыбаяся, взор устремляла с верой

На Точку яркую, Чьим блеском ослеплен
Был глаз мой.
Наконец, она заговорила:
— «Тебе скажу я все, что близ Того открыла,
Кто пребывает вне пространства и времен.
Не с тем, чтоб большего достигнуть совершенства:
Оно немыслимо, — но только для того,
Чтоб славой молвило своею Божество:
«Я есмь!» — раскрылося Верховное Блаженство,
И девять степеней любви произвело[3].
Но пребывать Оно и прежде не могло
В бездействии — затем, что раньше сотворенья
Дух Божий в хаосе над бездною парил[4];
Когда ж вселенную Всевышний сотворил,
Дух, форма, вещество — в своем соединенье
Законное себе нашли распределенье.
Тройною тетивой когда натянут лук,
То разом три стрелы он выпускает вдруг.
И так, как уследит немыслимо для глаза,
Как проникает луч в стекло иль в грань алмаза —
Определить нельзя начало и конец
Того мгновения, когда явил Творец
Тройное дивное Свое произведенье[5].
Нашло немедленно себе определенье
Рожденное на свет из лона Божества:
Все духи чистые остались на вершине,
Материя — внизу, а что до вещества —
То с формою его скрепила посредине
Связь неразрывная. Святой Иероним
Нам сочинением доказывал своим,
Что были ангелы сотворены за много
Столетий перед тем, как был по воле Бога
Мир новый сотворен[6]. И подтвержденьем той

Великой истины послужат все писанья,
Которые Собой Дух вдохновил Святой.
Поймешь ты разумом, что чистые созданья
Так долго не могли вести существованье
Не совершенствуясь. Ответ мой утолил
Тройного твоего желанья жгучий пыл.
Быстрей, чем сосчитать до двадцати возможно,
В мир возмущение с собой внесла тревожно
Часть Божьих ангелов, уже успевших пасть.
Осталась верною Творцу другая часть,
Круговращенье чье ты наблюдаешь ныне.
Паденье ангелов свершилось по причине
Безумной гордости того, кто мировой
Раздавлен тяжестью в пучине роковой[7].
Оставшиеся здесь признали все смиренно,
Что лишь от Господа исходит неизменно
Познанье высшее. И свыше озарил
Их светом истины Господь и совершенной
И твердой волею покорных одарил.
Да будет истина такая несомненной:
Что все награждены по мере их заслуг.
Отныне созерцать ты можешь на свободе
Собранье светлых Сил, сияющих вокруг.
Но, так как учат вас, что ангельской природе
Бывает свойственно желать и вспоминать, —

Я разъяснение тебе желаю дать
И положить конец неверным толкованьям.
Все ангелы Его, увидев Божий лик,
Так осчастливлены бывают созерцаньем,
Что отвратить очей не могут ни на миг
Они от Божьего всевидящего взгляда,

Не отвлекается их мысль, и потому
Желать и вспоминать им ничего не надо.
А в мире — верят ли, не верят ли тому —
Все грезят наяву, и — более позора
Им в первом случае. По одному пути
Вы в философии не можете идти:
Везде является приманкою для взора
Влеченье к внешности. Но в небе этот грех
Прощается скорей, чем прегрешенья тех,
Кто искажает смысл Священного Писанья.
Не знают на земле: покуда удалось
Распространить его святое толкованье —
Как много в мире слез и крови пролилось.
И близок Богу тот, кто верит без отчета.
Стремясь прославиться, по-своему готов
Там каждый толковать святой завет Христов,
И проповедь его — для разума тенета,
Меж тем Писание безмолвствует. И так
Один вещает нам: во время муки крестной
Луною затемнен был в высоте небесной
Свет солнца. А другой вещает нам, что мрак
Затменья наступил, и это повсеместно
Испанцы видели, индийцы в свой черед.
Смущен был не один израильский народ.
Так многочисленны едва ль среди столицы
И Лапи разные, и Бинди[9], как в устах
У проповедников различных небылицы.
И овцы тощие, бродившие в лугах,
Насытясь ветром лишь, идут к себе обратно,
Но их невежество — не извиненье им.
Христос не говорил ученикам Своим:
«Ложь проповедуйте!» — Он дал им благодатно

В основу истину, и, данная Христом,
Так мощно в их устах та истина гремела,
Что им копьем она служила и мечом.
Когда с язычеством они боролись смело.
Теперь же проповедь — подобье шутовства,
И, если публика встречает громким смехом
Остроты пастыря, исполнен торжества,
Забавник в клобуке тщеславится успехом.
Но если бы толпа народа поняла,
Какая птичка в нем гнездо себе свила[10],
То отказалась бы от этих ощущений[11].
Настолько глупостью обогатился мир,
Что верит слепо им без всяких подтверждений,
И, им благодаря, нагуливает жир
Свинья Антония и те святые мужи,
Которые свиней неизмеримо хуже[12]:
Поддельным золотом вам платит этот клир.
Но отступление окончено. Дорога
Прямая пред тобой, и к этому пути
Отныне взоры ты свободно обрати,
Чтоб время выиграть. Перед престолом Бога,
В селениях Его так много светлых сил,
Что в откровении священном Даниил
Не мог определить число субстанций строго.
Воспринимается первоначальный свет
Различной ангельской природою различно,
И созерцанию любовь идет вослед.
Отныне видишь ты, насколько безгранично
Могущество Того, Чей образ — отражен
Во множестве зеркал, Им созданных, — сияет
Великой славою, меж тем, как пребывает
Единым навсегда и Нераздельным Он».

Примечания к двадцать девятой песне

[1] Когда Близнецы, дети Латоны — Аполлон (Солнце) и Диана (Луна) — находятся в знаках Весов и Овна, именно во время равноденствия оба они на мгновение появляются на горизонте на западе и на востоке. Столько же времени, сколько они находятся в равновесии, — длилось молчание Беатриче.

[2] Беатриче.

[3] Девять родов ангельских субстанций. Сотворение вселенной Богом есть дело его вечной любви и не преследует никакой его собственной пользы.

[4] Бог существует вне времени и пространства, но в вечности, поэтому он не мог быть бездеятельным до сотворения мира, так как перед ним нет ни прошлого, ни будущего, но лишь одно настоящее.

[5] Дух, форма и материя, или вещество. Мир был, по мнению Данте, создан мгновенно.

[6] Св Иероним полагал, что ангелы были созданы за много тысячелетий до сотворения мира.

[7] Люцифер, томящийся в бездне Ада.

[8] О происхождении великого затмения при крестной смерти Спасителя имелись разные мнения.

[9] Лапи и Бинди — общеупотребительные во Флоренции имена: уменьшительные от Джакопо и Альдобрандино.

[10] Вместо голубя, эмблемы Св Духа, дьявол, дух гордыни и честолюбия, которые были свойственны духовенству.

[11] Данте более всего возмущается продажей индульгенций (отпущение грехов), которая практиковалась тогдашним духовенством.

[12] Св Антоний Великий (251–306) изображался со свиньей, лежащей у его ног, как символ чувственности, которую он поборол. Данте, упоминая об этой свинье в связи с предыдущим, хочет сказать, что современное ему духовенство, пользуясь легковерием народа, обращает все доходы церкви на удовлетворение лишь своих страстей, с которыми оно, однако, должно было бы бороться.

Песнь тридцатая

Поэт замечает, что все светочи, окружавшие Бога, гаснут перед ним подобно тому, как погасают звезды при появлении утренней зари Когда светочи эти исчезли, он обращает свой взор к Беатриче, но видит ее в такой блестящей преображенной красоте, что признает себя бессильным описать ее в стихе. Объясняется эта красота тем, что Беатриче вместе с Данте вознеслась в последнюю десятую сферу неба — Эмпирею. Беатриче сама говорит об этом, указывая Данте на райские дружины, которые предстанут пред Богом на Страшном суде. Тотчас же после этого Данте видит яркий свет, который окутывает его блестящей пеленой; раздаются слова, объясняющие этот свет, а взор поэта настолько проясняется, что он в состоянии вынести сияние небесной красоты. Прибегая к Апокалипсису, Данте изображает блестящий свет, подобный реке; это река божественной жизни, над которой возносятся искры — ангелы и падают цветы — праведники. Беатриче опять угадывает желание поэта знать все, что происходит перед ним, и предлагает ему испробовать протекающей перед ним воды для того, чтобы прозреть окончательно Поэт со стремительностью делает это и, проясненный, видит, как все светлые небесные силы и праведники составляют небесную розу, в центре которой находится Бог. Беатриче подводит его к центру этой розы и указывает ему на то, что еще ранее прихода поэта в этом цветке появится дух императора Генриха VII. наконец, Беатриче говорит еще о папах Клименте V и Бонифации VIII, которые подвергнутся страшному наказанию за симонию.

Когда за целые шесть тысяч миль от нас
На полушарии другом уже в исходе
Находится шестой — полудня знойный — час —
Мерцание светил на нашем небосводе
Все уменьшается; по мере же того,
Как приближаются служители денницы,
На небе гаснут звезд блестящих вереницы,
Включая лучшую из светлых звезд его[1].

Так точно предо мной погасли все светила,
Чей лучезарный сонм блистал со всех сторон
Вкруг Точки, блеском Чьим был взор мой побежден.
С исчезновеньем их — любви святая сила
На Беатриче вновь направила мой взор,
И если б все хвалы, какими до сих пор
Я осыпал ее, теперь возможно было
Соединить в одну — подобная хвала
Была бы чересчур на этот раз мала.
Сиянье красоты ее превосходило
Воображение бессильное мое,
И лишь Создатель мог Один понять ее.

Сильней, чем кто-либо среди певцов доселе,
Поэтов нынешних или былых времен —
Отныне я своим сюжетом побежден,
Как не выносит тот, чьи очи ослабели
Свет солнечных лучей, так не могу и я
Улыбку передать небесную ее.
Я в честь ее слагал немолчно песнопенья,
Со дня того, когда увидел дивный лик
Впервые на земле, до этого мгновенья,
И грани творчества отныне я достиг.
Красу, представшую в сиянье несравненном,
Другому — более великому — певцу
Прославить надлежит напевом вдохновенным,
Я мой великий труд здесь привожу к концу.

Тут молвила она, мой вождь-руководитель:
— «С громаднейшей из всех сияющих планет
Мы ныне поднялись в небесную обитель[2],
В которой искрится небесный чистый свет,
Любовью, истиной святою озаряя

И тою радостью, которой выше нет.
И здесь увидишь ты, дружины обегая,
Все воинство, каким в день Страшного суда
Оно пред Господом Всевидящим предстанет».

Подобно молнии, чей отблеск иногда
На время взор очей испуганных туманит, —
Мгновенно яркий свет блеснул передо мной:
Я был сверкающей окутан пеленой.
— «Любовь[3], рождающая мир на небе этом,
Встречает всех сюда вступающих приветом
Таким же пламенным, дабы ее лучу
Немедля удалось затеплить их свечу».
Едва услышал я те речи неземные.
Как силы я в себе почувствовал двойные,
А взор исполнился столь дивной остроты,
Что мог он выносить сиянье светозарной
И совершеннейшей небесной красоты.

И свет увидел я: подобен лучезарной
Реке, струился он, и дивные цветы
Росли по берегам. Порою, как живые,
Над нею искорки взлетали огневые,
И падали они на дивные цветы[4],
Как падает рубин в оправу золотую.
Затем, как бы вдохнув благоуханье их,
Вновь погружалися они в волну святую.
Едва скрывалася в струях одна из них —
Как видел я взамен ее уже другую.
— «Желание понять, что видишь ты теперь,
Приветствую в тебе с тем большею отрадой,
Чем пламенней оно, но для того, поверь,
Тебе испробовать воды священной надо». —

Так молвила она, светило этих глаз[5],
Прибавив: — «Над рекой взлетающий топаз
И самая река с травою изумрудной —
Они — преддверие, не более, для чудной
Великой истины. Ты не прозрел вполне,
И потому тебе, по собственной вине,
Проникнуть в глубину еще покуда трудно».

Младенец, пробудясь позднее, чем всегда,
Не тянется к груди с поспешностью такою,
С какой нагнулся я над дивною рекою,
Чтоб вежды омочить в волнах ее. Тогда
Вдруг стало зрение земное совершенным,
И все предстало мне в сиянье несравненном,
Едва коснулися ресниц моих струи,
Река же круглою вдруг сделалась из длинной[6].
Как люди, внешность чья скрывалась под личиной,
Вдруг изменяются, открыв черты свои, —
Все изменилось тут, и с райскою дружиной,
Представшею во всем сиянье красоты,
Прекрасней сделались там искры и цветы.

О слава Божия, дозволившая ныне
Мне царства истины увидеть торжество,
Молю я, помоги в стихах воспеть его!
Есть лучезарный свет, горящий на вершине;
Творца в лучах его те могут созерцать,
Кто в этом высшую находит благодать,
Окружность же его настолько безгранична,
Что солнцу поясом служить не может он.
Его сиянье — луч, который отражен
Вершиной Двигателя Первого обычно,
И тот в нем черпает и мощь, и бытие.

Как холм, купающий подножие свое
В струящейся волне, там видит отраженный
Убор цветущий свой, рисующийся в ней,
Так здесь на тысяче различных степеней
Увидел я собор блаженных душ, склоненных
Над лучезарною поверхностью реки.
И, если у стебля прекрасна Роза Рая, —
Как дивны верхние должны быть лепестки!
На красоту ее восторженно взирая,
Я в созерцании охватывал моем
Ее величие и славу, и объем.
Где непосредственно царит один Всевышний —
Там расстояние не значит ничего,
И сам естественный закон природы — лишний:
Не может зрение зависеть от него.

И к средоточию той Розы драгоценной,
Которой лепестки прекрасные струят
Пред Солнцем истины хвалений аромат —
Тут был я возведен подругой несравненной.
Промолвила она: — «Ты видишь длинный ряд
Одежд, блистающих безгрешной белизною,
Ты видишь, как велик наш лучезарный град,
Который славою исполнен неземною,
Ряды его полны, и лишь немногих ждут.
Но ранее, чем ты за пир воссядешь тут,
Вон там, на высоте блистательного трона —
Его украсила имперская корона, —
Мы душу Генриха увидим короля[7],
Которого не ждет Италии земля,
Но мир внести в нее — была его задача.
Похожи на детей вы в жадности слепой,
Что грудь кормилицы отталкивают, плача,

И гибнут с голоду. Дорогою одной
С монархом не пойдет ни косвенно, ни явно
Тот, кто на форуме Божественном бесславно
Префектом явится[8]. Но воля Божества
Не может допустить, чтоб осквернялось долго
Им исполнение священнейшего долга;
Но тьму, куда низверг Он Симона-волхва,
Его низвергнет Он за гнусное деянье,
А ниже погрузит пришельца из Ананьи»[9].

Примечания к тридцатой песне

[1] Когда на расстоянии 6 тыс миль от Италии, т. е. в Индии, полдень, в Европе разгорается утренняя заря, а звезды гаснут одна за другой, включая самую прекрасную из них (Люцифер, или утренняя звезда)

С первого двигателя они перенеслись на десятое небо — Эмпирею

[3] Бог

[4] Искры, взлетающие над рекой (рекой божественной жизни), суть ангелы; цветы падающие — праведники

[5] Беатриче.

[6] Поэт омывает свои глаза в реке божественного света, вследствие чего взор его становится вполне ясным, река представляется ему бесконечной, а в цветах и искрах он узнает души святых, которые вместе с ангелами составляют Небесную Розу, имея в своем центре Бога

[7] Поэт вновь, но уже в последний раз, упоминает имя германского императора Генриха VII на которого он возлагал надежды как на спасителя его лично и его родины, и прославляет его.

[8] Данте говорит с укором о папе Клименте V, скончавшемся в 1314 г

[9] Папа Бонифаций VIII родом из Ананьи Как ему, так и Клименту V Данте грозит страшным наказанием — таким же низвержением в Ад, которому подвергся Симон-волхв (см «Ад», песнь девятнадцатую), положивший начало раздаче духовных мест за деньги, так называемой симонии

Песнь тридцать первая

Находясь в высшей сфере Рая, Данте видит две небесные дружины, которые расположены в виде Небесной Розы. Одна дружина состоит из душ святых, образующих лепестки Розы, а другую составляют ангелы, которые беспрестанно перелетают в пространстве между Богом и святыми. Ангелы сияют любовью и белизною, а крылья их горят золотом, но, несмотря на то что сонмы их заполнили все небесное пространство, поэт видит все благодаря дивней силе божественных лучей. Все в Раю обращает свой взор лишь на единого Господа Бога, а сам Данте поражен тем, что ему пришлось пережить переход от земного к небесному, от смертного к бессмертию, и с изумлением смотрит на представившуюся ему картину. Вдруг он замечает, что к нему приближается праведник. Данте озирается кругом, ищет Беатриче, но не находит ее и спрашивает об этом явившегося праведника. Тот объясняет, что Беатриче заняла, по воле Бога и соответственно своим заслугам, престол в Раю, а сам он является ее послом. Данте возводит свой взор на престол Беатриче, озаренной дивным сиянием, благодарит ее за спасение и молит не оставлять без помощи. Праведный старец называет поэту свое имя — св. Бернар — и предлагает Данте обратиться взглядом к Царице Небесной. В высокопоэтических выражениях Данте описывает увиденную им Пресвятую Деву, которую он сравнивает с орифламмой мира. С умилением говорит он о том, как Пресвятая Богородица взирала на забавы ангелов, и, подобно св. Бернару, проникается к ней неизреченной святой любовью.

Так, в виде лепестков прекраснейшей из роз
Предстала предо мной небесная дружина[1]:
С ней кровью заключил святой союз Христос.
Другое воинство, что славит Властелина,
Вознесшего его на эту высоту,
Ему хваления слагая налету
(Подобно рою пчел над веткою жасмина —
Которые с цветка то собирают мед,

То в улей отнести спешат работы плод), —
Спускалось на цветок, имеющий так много
Чудесных лепестков, и чрез минуту вновь
От розы праведных назад к престолу Бога.
Неутомимая влекла его любовь.

Их лики пламенем любви святой блистали,
Горели золотом их крылья за спиной,
И члены дивною сияли белизной.
Меж тем как с лепестка на лепесток слетали
Святые духи — мир, любви священный пыл,
На лоне Господа почерпнутые ими,
Струились на цветок от их прозрачных крыл.
И сонмами хотя наполнили своими
Они пространство все от Бога до цветка,
Но не были они преградою для зренья:
Божественных лучей так сила велика,
Что проникает все она без исключенья.

Все было к Точке здесь направлено одной.
Любовь и зрение в счастливых и спокойных
Селеньях праведных, приюте душ достойных!
Единою звездой горящий свет Тройной[2],
Смири порывы Ты земного урагана!
В прошедшем варвары из северных равнин,
Где блещет Гелика[3], а с нею — милый сын,
Дивились, видя Рим и славу Латерана,
Но не был потрясен в той мере ни один,
Как был взволнован я чудесным переходом
От мира смертного к бессмертью, от времен
К безбрежной вечности, от близости с народом
Флоренции — к Тому, Кто правдой просветлен.

Моею радостью и удивленьем полный,
Я слух не напрягал и пребывал безмолвный.
Когда обет его уже исполнен им,
Осматривает храм усердный пилигрим,
Чтоб дома рассказать о виденной святыне,
Так постепенно свет я созерцал живой,
Вокруг струившийся — внизу и на вершине;
Светились лица здесь улыбкою святой,
И милосердье их казалось беспредельно.

Я в общем видел Рай, но разглядеть отдельно
Не мог частей его, и обернулся я
Затем, чтоб спутница поведала моя
О том, что привело меня в недоуменье,
Но старец некий мне предстал взамен ее —
В одежде праведных. Ко мне расположенье
Светилось нежное в чертах его лица,
И весь он походил на кроткого отца.
— Но где же, где она? — вскричал я, изумленный.
И тут же отвечал мне старец благосклонный:
— «От Беатриче я, я здесь — ее посол.
На первой степени в небесной третьей сфере[5]
Она помещена Создателем, по мере
Святых заслуг своих, и вот ее престол».

И я глаза мои туда возвел в молчанье,
Где отраженное святых лучей сиянье
Венчало славою ее, как ореол.
Взор человеческий, что погружен в пучины,
Не столько удален бывает от вершины,
Где слышен гром, как я — от Беатриче был,
Но лик божественный мне издали светил.

Так, в виде лепестков прекраснейшей из роз
Предстала предо мной небесная дружина:
С ней кровью заключил святой союз Христос.

(«Рай», Песнь 31)

— О, дивная жена! В тебе моя ограда
И упование. Благоволила ты,
Дабы спасти меня, спуститься в бездну Ада.
Могуществу твоей безмерной доброты
Обязан счастьем я, мне выпавшим на долю.
Страстями обуян, я ввержен был в неволю.
Из рабства этого меня ты извлекла
И множеством путей к свободе привела.
О, сохрани ко мне свое благоволенье,
Дабы душа, тобой спасенная от зла,
В тебе нашедшая свое оздоровленье,
Из тела отлетев, по-прежнему была
Тебя достойною! —
Так я из отдаленья
К ней воссылал мольбы усердные свои,
Она же, улыбкою ответив на моленья,
Вновь обратила взор к Источнику любви.

И старец продолжал: — «Безгрешною мольбою,
Любовью чистою к тебе я приведен,
Дабы достойно путь закончен был тобою.
Гляди на дивный сад, и взор, воспламенен,
К божественным лучам скорее вознесется.
Царица же Небес, к Которой сердце бьется
Любовью с юных лет пошлет нам дивный дар
Щедрот Своих. Ведь я — слуга ее, Бернар»[6].

Как из Кроаци[7], от мала до велика
Приходят многие с молитвой в стены те,
Где сохраняется доныне Вероника[8],
И молвят: — «Вот каков, о Господи Христе,
Твой Лик Божественный!» — так я в благоговенье
Стоял перед святым, который в жизни той

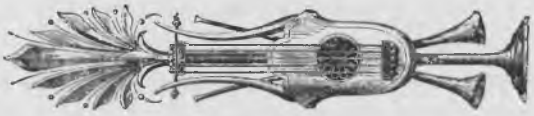
Она же, с высоты неизреченной славы,
С улыбкой кроткою взирала на забавы
Поющих ангелов. Но если б я имел
С воображением равнявшийся богатый
Дар красноречия, — воспеть бы не посмел
Я эти чудеса, волнением объятый.

(«Рай», Песнь 31)

Изведал райского блаженства предвкушенье.
— «О, благодати сын, — промолвил мне святой, —
Зачем глаза твои ты опускаешь долу?
Не можешь видеть ты блаженный светлый Рай.
На дальние круги небесные взирай
И очи возведи к блестящему престолу
Владычицы Небес, благому произволу
Которой подчинен и предан этот край!»

Тут поднял взоры я, и, как в часы восхода
Всегда со стороны восточной небосвода
Бывает ярче свет, чем с западной разлит, —
Так взору моему, из глубины долины
Вознесшемуся вверх престол среди вершины
Явился, ярче всех сиянием залит.
И так же, как всегда в той части небосклона,
Где колесницы путь сияющий лежит,
Направленной рукой неловкой Фаэтона[9],
Блистает ярче свет, бледнея по краям,
Так точно посреди Божественного храма
Явилась дивная мне мира орифламма[10],
И меркли перед ней огни другие там.
На крыльях ангелы вокруг Нее парили,
Но блеском и красой они различны были.
И я благоговел перед красою Той,
Что служит радостью для всей страны святой;
Она же, с высоты неизреченной славы,
С улыбкой кроткою взирала на забавы
Поющих ангелов. Но если б я имел
С воображением равнявшийся богатый
Дар красноречия, — воспеть бы не посмел
Я эти чудеса, волнением объятый.

Мой взор, исполненный вниманья, уловив,
Тогда возвел Бернар глаза на Лик Царицы,
Проникшись к Ней такой любовью без границы,
Что ощутил и я святой любви прилив.



Примечания к тридцать первой песне

[1] Первую небесную дружину составляют души праведных, а второе воинство — ангелы, они похожи на рой пчел и постоянно находятся в движении. Праведники образуют лепестки прекрасной Розы, а ангелы летают между Богом и праведниками, сообщая всей Розе блаженство, полученное ими наверху. Золото их крыльев обозначает неизменяемость, а белизна — чистоту.

[2] Пресвятая Троица.

[3] Гелика, или Каллисто, была превращена вместе с сыном своим Аркасом в созвездие Большой и Малой Медведицы. Страна, над которой она сияет, — северная сторона Земли, откуда явились в Рим разграбившие его варвары.

[4] Знаменитый собор св. Иоанна Латеранского в Риме, который считается первой и главной церковью католического мира.

[5] Престолы, составляющие третий круг первой иерархии.

[6] Св. Бернар, клервоский аббат, известен как основатель ордена бернардинцев (1091–1153) и славился своими благочестием и красноречием. Он вдохновенно воспевал Святую Деву Марию и был проповедником Второго крестового похода. Данте в лице св. Бернара видит образец созерцательной жизни.

[7] Название Кроации употреблено здесь для определения вообще всякой отдаленной страны.

[8] Когда Иисус Христос шел на Голгофу на распятие и лицо Его было покрыто кровавым потом, Ему подала платок благочестивая женщина, и, после того как Спаситель отер им Свое лицо, на платке создалось Его изображение. Этот платок как величайшая реликвия сохраняется в храме Св. Петра в Риме. Изображение это называется «Vera icon», т. е. истинное изображение, и по имени его была названа Вероникой женщина, подавшая платок.

[9] Фаэтон — сын Аполлона и Климены, воссев на колесницу отца, так дурно управлял ею, что зажег небо и землю, но за это был поражен стрелой Юпитера.

[10] Поэт сравнивает Пресвятую Богородицу с орифламмою (знаменем) мира, перед которой все меркнет. Орифламма — французское королевское знамя с 1124 г. До того времени она принадлежала аббатству Сен-Дени и была огненного цвета, по преданию, она была принесена ангелами. В первый раз как королевское знамя орифламма была взята Людовиком IX.

Песнь тридцать вторая

Святой Бернар, созерцая Пресвятую Богородицу, описывает Данте Эмпирею и расположение в ней праведных душ. Ниже Пресвятой Девы находится Ева, третье место занимает Рахиль, с правой стороны которой восседает Беатриче, далее следуют Ревекка, Сарра, Юдифь и Руфь. После этих семи праведных женщин помещены благочестивые еврейки, они разделяют Небесную Розу на две половины: в одной, вполне уже занятой, восседают те, кто веровал в грядущего Спасителя, а в другой, где еще есть свободные места, находятся души тех, кто уверовал в Спасителя уже пришедшего. Напротив трона Пресвятой Богородицы находится престол св. евангелиста Иоанна, ниже которого восседают св. Франциск, Бенедикт и Августин. За ними следуют души младенцев, умерших в крещении. У Данте появляется сомнение по поводу того, что эти дети, не имеющие собственных заслуг, все-таки помещены в Раю, и св. Бернар объясняет ему это, говоря о различном распределении благодати Божией между людьми и о заслугах родителей, благодаря которым умершие крещеные младенцы получают доступ в Рай. Св. Бернар предлагает Данте вновь взглянуть на Пресвятую Деву, чтобы приготовиться к лицезрению Иисуса Христа. Богоматерь является ему в величайшей славе, а перед ней парит св. архангел Михаил. Возле Пресвятой Богородицы данте видит Адама, св. Петра, св. евангелиста Иоанна и Моисея; напротив св. Петра находятся св. Анна, мать Пресвятой Богородицы, а за нею св. Лючия. Но на этом св. Бернар заканчивает объяснение Розы, предлагает Данте обратить свои взоры к Богу и просить помощи Богоматери, а сам начинает молиться.

Весь в созерцание уйдя, слова такие
Святитель произнес мне в назиданье сам:
— «Та язва древняя, в которую бальзам
Всеисцеляющий успела влить Мария,
Была прекрасною женой нанесена,
Что там у самых ног ее помещена[1].
Пониже в том кругу Рахиль[2] на третьем месте

И Беатриче с ней; ты можешь видеть вместе
Ревекку с Саррою, Юдифью и певца,
Который, оскорбив Предвечного Творца,
С тоскою восклицал: — «Меня помилуй, Боже!» —
Праматерь славную ты можешь видеть тоже[3].
Спускаясь взорами по райскому цветку,
От лепестка его к другому лепестку,
Я всех их назову, а ты — следи за мною,
С седьмого ряда вниз, до самого конца,
И от него наверх являются стеною
Живой еврейки все в обители Творца,
И Розу надвое собою разделяют.
Со стороны одной, где Розы красота
Достигла полного развития, — блистают
Все те, кто веровал в грядущего Христа.
С другой же стороны, где есть еще места
Свободные досель, — отдельно восседают
Те, кто уверовал в пришедшего Христа[4].
Как образуют здесь собою разделенье
Царицы Неба трон и прочие сиденья,
Которые внизу под ним размещены,
Так помещается с противной стороны
Престол великого Предтечи, Иоанна.
Он муки претерпел, постился неустанно
И, будучи казнен, в течение двух лет
В преддверье Ада ждал, пока забрезжит свет[5].
Внизу помещены в порядке нисходящем
Франциск, и Бенедикт, и кроткий Августин.
Дивись премудрости, с какою Властелин
Всем тем, кто веровал в былом и настоящем
Не одинаково, — в Божественном саду
Дал разные места. Узнай же: в том ряду,
Который разделил от самой середины

Всю Розу райскую здесь на две половины, —
Все помещаются не в силу их заслуг,
Но ради близких им: в младенчестве изъяты
Все эти существа из мира были вдруг,
Покуда не созрел рассудок их[6]. Когда ты
Прислушаешься сам и кинешь взор вокруг,
Узнаешь детские ты голоса и лица,
В святых субстанциях признаешь ты детей.
Но ты молчишь, в уме — сомнений вереница,
И я освобожу тебя от их сетей.
В Небесном Царствии существовать не может
Ничто случайное; неведом никому
Здесь холод с жаждою, печаль души не гложет,
И соответствует все месту своему,
Как пальцу на руке бывает перстень впору.
Но души юные, представшие здесь взору,
Не без причины. Им сюда вознесены
Столь преждевременно. Царь этой стороны,
По милости Кого на твердом основанье
Любви и счастия покоится она,
Что исключает все дальнейшие желанья, —
Творец, Которым жизнь созданиям дана,
Меж них распределил дар благодати разно,
Лишь воле собственной верховной сообразно.
Святым Писанием оно подтверждено:
Припомни близнецов, которые в утробе
Родимой матери уж враждовали в злобе.
Различным волосам различно суждено
Увенчанными быть. И так, не принимая
В соображение младенческих их дел,
Им разные места Господь занять велел;
Законом служит тут лишь воля Властелина.
Так в первые века достаточно сынам
Лишь было воспринять святую веру с детства,

Которую отец передавал в наследство.
Но соответственно позднейшим временам,
С установлением обрезанья обряда,
Для укрепления отцовской веры в них —
Подверглися ему мужского пола чада.
Когда ж забрезжило сиянье дней иных,
Остались навсегда в преддверье темном Ада
Все те, кто не крещен был именем Христа.
Теперь гляди сюда на этот лик прекрасный[8],
Похожий больше всех на светлый Лик Христа,
Да подготовит он, сияющий и ясный,
Твой взор к явлению Спасителя Христа!»

И в славе мне такой предстала несравненной
Она[9], несомая дружиною блаженной;
И столько радости струил небесный Лик,
Что образ Господа с такою полнотою
Ничто еще досель из виденного мною
Не рисовало мне.
И тот Архистратиг[10],
Что к Деве послан был и произнес благие
Слова приветствия: «О, радуйся, Мария!» —
Спеша к Владычице, в пространстве распростер
Прозрачных два крыла; и вторил светлый хор
Святых и проведных нагревом вдохновенным.

— Отец[11], расставшийся с престолом драгоценным,
Тебе назначенным, чтоб снизойти ко мне,
Скажи, кто ангел тот прекрасный и лучистый,
Перед Мадонною парящий в вышине?
С такой любовью он глядит на Лик Пречистый,
Что лик его горит, как будто бы в огне, —
Так обратился я к тому за толкованьем,
Кто украшался весь Мариным сияньем,

Как блеском солнечным — последняя звезда[12].
И старец праведный ответил мне тогда:
— «В нем совмещаются та благодать и сила,
Что духам свойственна и ангелам святым,
И мы желаем все, чтоб так оно и было.
Он тот — кто вестником явился неземным
Пред Девою Святой, когда настало время
Христу Спасителю принять земное бремя.
Приблизься и внимай теперь словам моим:
Я укажу князей страны благочестивой.
К Владычице Небес — ближайшею четой
И потому в Раю всех более счастливой —
Те два являются[13]. В них — корень основной
Всей Розы праведных. Сидящий там налево —
Ослушался Творца и целый род земной
Подверг страданью он и каре Божья гнева[14],
Направо же — глава всей церкви, чья рука
Хранит священный ключ от райскóго цветка,
Христом доверенный[15]. Там занимает место
Поблизости его святой апостол тот[16],
Который видел сам гонений тяжких гнет,
Что вынесла Христа Спасителя Невеста[17],
С которой кровью Он своею обручен.
А далее — тот вождь израильских племен[18],
При ком в пустыне им служила пищей манна.
Напротив же Петра — с дочернего лица
Глаз не сводящая — сидит святая Анна[19],
И радостно звучит из уст ее «Осанна».
Напротив общего великого отца
Блистает Лючия[20] — от Беатриче нежной,
Представшая тебе посланницей, когда
Зажмурил ты глаза пред бездною безбрежной.
Но истекает срок, и так у этой грани
Мы остановимся. Так сообразно ткани

Короче иль длинней кроят камзол всегда[21].
Ты взоры обрати, сияньем проникаясь,
К первоначальному Источнику любви[22],
Но для того, чтоб ты, на крыльях поднимаясь,
С пути не сбился вновь, на помощь призови
Ты милости Ея[23], Которой все возможно.
Тогда последуешь за мною неотложно,
И отклик речь моя найдет в душе твоей».

И так молиться начал он душою всей.

Примечания к тридцать второй песне

[1] Ева Пресвятая Богородица через сына своего Иисуса Христа исцелила рану, которую своим грехопадением нанесла человечеству Ева.

[2] Символ жизни созерцательной Рядом с ней находится Беатриче, олицетворяющая богословие.

[3] Руфь — жена Воаза, прабабка Давида, создавшего псалом «Помилуй мя, Боже!» и т. д.

[4] На одной стороне Розы находятся святые, веровавшие в Христа до Его пришествия, а на другой те, кто веровал в Него после того, как Он сошел на землю.

[5] Иоанн Креститель ожидал там сошествия в Ад Иисуса Христа.

[6] В глубине Розы помещены души умерших крещеных младенцев. Малые дети получают доступ в Рай не вследствие собственных заслуг, а только благодаря молитвам и заслугам их родителей.

[7] Исав и Иаков, сыновья Исаака и Ревекки, враждовали между собою еще во чреве матери Бог, еще до их рождения, Иакова возлюбил, а Исава возненавидел. Далее Данте говорит о том, что у них были разного цвета волосы (у Исава — рыжие).

[8] На лик Пресвятой Богородицы.

[9] Богоматерь.

[10] Архангел Гавриил.

[11] Данте обращается к св. Бернару.

[12] Св. Бернар.

[13] Налево от Пресвятой Девы Марии сидит Адам, направо — св. Петр; они помещены в Раю, так как первые поверили в грядущего и явившегося Спасителя.

[14] Адам, преступивший завет Бога.

[15] Св. Петр, владеющий ключами от Рая.

[16] Св. Иоанн Евангелист, который в своем откровении предвещал те преследования, которые пришлось перенести св. церкви.

[17] Церковь — невеста Иисуса Христа.

[18] Моисей.

[19] Св. Анна, мать Пресвятой Девы Марии.

[20] Св. Лючия, или Люция (от lux — свет). Мученица католической церкви. Она признается защитницей болящих глазами и олицетворением божественной благодати (см. «Ад», песнь вторую).

[21] Данте по своему плану поэмы решил написать ее в ста песнях, и поэтому он заканчивает описание виденной им Небесной Розы.

[22] К Богу.

[23] Пресвятой Богородицы.

Песнь тридцать третья

Святой Бернар возносит молитву к Пресвятой Богородице, восхваляя ее милосердие, сострадание и величие, и просит о том, чтобы она помогла Данте достигнуть высшего блаженства, т. е. созерцания Бога. Эта молитва явилась угодной Пресвятой Деве, и она возносит свой взор к вечному свету. Святой Бернар указывает поэту наверх, но Данте сам уже становится совершенно просветленным, и взор его все дальше проникает в сияние Божества. Однако он настолько подавлен величием всего виденного, что не в состоянии выразить его словами, и самые впечатления его неясны и отрывочны. Обратившись к Богу с мольбою о помощи: чтобы он — поэт — был способен передать потомству хоть ничтожную искру величия Божия, он говорит, что перед ним, как ясная книга, явилось все разбросанное и необъяснимое на земле бытие. Он восхищен блаженством и не может отвести своего взора от представившейся ему славы Божией, но еще раз говорит о своем бессилии воспроизвести ее. Наконец, он описывает свое последнее видение. Ему явились три равных, но разного цвета круга — воплощение Св. Троицы, и среди этих кругов человеческий образ, создавшийся из второго круга, круга Бога Сына. Он пытается проникнуть в тайну этого видения, но усилия его остаются тщетны, и вместе с этим его покидает сила воображения и он заканчивает свою поэму словами о вечной любви, приводящей в движение Землю, Солнце и светила.

Святая Дева-Мать, Дочь Сына Своего[1]
И цель конечная предвечной Божьей воли;
Не возносилося так высоко дотоле
В смирении таком земное существо!
Облагорожена Тобой людей природа
Настолько, что Творец всего земного рода
Не погнушался стать творением Своим.
И в лоне у Тебя зажглась, как солнце мира,
Любовь, согревшая дыханием живым

Цветок Божественный в блаженном царстве мира[2].
Здесь — милосердья Ты полдневный жгучий луч,
На грешной же земле — живой надежды ключ.
Жена! Так велика Твоя святая сила,
Кто тот, кто в бедствии мольбы к Тебе не шлет,
Без крыльев совершить желает свой полет.
Ты не к просящим лишь на помощь приходила,
Владычица небес; в избытке доброты,
Желания людей предупреждала Ты.
И милосердие — в Тебе, и состраданье,
И блеск величия. В Тебе совмещено
Все то, что только есть великого в созданье.
И этот человек, которому дано
Увидеть многое, он, видевший отдельно
Существованья все, восшедший к небесам
Из бездны, где царит страданье беспредельно,
Тебя о милости он умоляет сам.
Для зренья своего он молит совершенства,
Дабы достигнуть мог он высоты блаженства.
Блаженства этого себе душою всей
Не больше я желал, чем для него желаю.
О том к Тебе мольбы смиренно воссылаю
Все тучи смертности в душе его рассей,
Скопленье этих туч собою взор туманит;
И благо Высшее пускай ему предстанет.
Еще молю Тебя, Царица, сохрани
В нем после этого небесного виденья
Ты чувства чистыми на будущие дни;
Возможно всех Твоих желаний исполненье;
Восторжествуй над злом, в душе его смирив
Могуществом Своим земных страстей порыв.
За Беатриче вслед — все праведники рая
О том же молятся Тебе, о Пресвятая!»

Тут на мольбу свою усердную в ответ
Он встретил дивный взор Царицы благодатной,
И, очевидно, Ей мольба была приятной.
Затем же к области, где блещет Вечный Свет,
Вознесся взор Ее; немыслимо, чтоб око
Могло в лучи Его проникнуть так глубоко.
И в сердце у меня утих желаний жар,
Едва достигнул я желаний этих цели.
С улыбкой мне наверх указывал Бернар,
Но я уж был таким, каким меня на деле
Желал увидеть он, и взор моих очей
Все дальше проникал в сияние лучей

Всесовершенного и праведного Света.
Слова становятся бессильны с этих пор
Повествовать о том, что видел этот взор,
И весь подавлен я величием предмета,
Как тот, кто позабыл привидившийся сон
Во всех подробностях его, и впечатленье
Одно неясное лишь сохраняет он —
Так у меня почти изгладилось виденье,
И лишь в душе моей я смутно сознаю
Доселе сладкого волнения струю;
Не так ли тает снег, сверкающий от силы
Полуденных лучей? Не так ли ветерком
Разносится листок летучий за листком,
Где излагаются пророчества Сивиллы?[3]
О, совершенный Свет, над разумом людским
Стоящий высоко, мне удели частицу
От блеска Своего, могуществом таким
Ты вдохнови меня, чтоб я хотя крупицу,
Хоть искру слабую величья Твоего
Мог в песне передать грядущим поколеньям!
Пускай среди людей посильным песнопеньем
Прославлю я Твоей победы торжество!

Утратил бы я дар бесценный созерцанья,
Когда бы взор очей отвел хотя на миг,
Но погружал его упорно я в сиянье,
Покуда высоты блаженства не достиг.
О, милость Господа! Мое земное око
По милости Творца безмерной погрузил
Я в этот Вечный Свет так страстно и глубоко,
Что зренье Он мое всецело поглотил.
Все то, что ранее рассеянным в границах
Вселенной видел я, как будто на страницах,

Отдельно брошенных, в усердии святом
Соединила здесь любовь в единый том:
Самостоятельно живущее[4], случайно
Явившееся в мир[5], все виды бытия[6]
Увидел в глубине Господня Света я;
Но передать о том, что так необычайно,
Лишь в слабой степени земная речь могла.
Казалось мне, что я заметил очертанья
Связующего все Предвечного узла,
И в сердце чую я восторга трепетанье.
В теченье одного мгновения скорей
Из памяти моей изгладилось виденье,
Чем за двадцать и пять столетий появленье
Язонова судна, чьей тенью царь морей
Нептун повергнут был в немалое смущенье[7].
Так восхищением в Раю всецело был
Мой разум поглощен, и черпал новый пыл
Он в восхищении глубоком. Впечатленье
От Света дивного казалось таково,
Что силы не было отвлечься от Него,
Хотя на миг один — для нового предмета
Затем, что все добро, которое должно
Для воли целью быть, — лишь в Нем заключено,
И все прекрасное в лучах небесных Света —
Вне света Божия — уродливо оно.
И, впредь робеющий пред трудностью задачи,
Бессильным чувствую себя для передачи
Всего, что видел я, как и младенец тот,
Который, лепеча, грудь матери сосет, —
Не потому, чтоб Свет, всегда неизменяем,
Предстал моим глазам с различных двух сторон —
Таким же был всегда и вечно будет Он, —
Но, созерцанием чудесным укрепляем,

Взор глубже проникал; по мере же того,
Как поле зрения все становилось шире —
Преображался Свет, Единый в целом мире,
И форму принимал другую для Него.
В святой субстанции Божественного Света
Три круга видел я — величины одной,
Но все различного они казались цвета
Как радуга одна отражена другой —
Один казался мне другого отраженьем[8],
А третий пламенем сверкающим светил
И словно из кругов обоих исходил[9].

О, как бессилен я с моим воображеньем
И словом перед тем, что высказать желал!
Все их ничтожество я чувствую невольно,
И голос мой так слаб, что даже не довольно
Сказать мне было бы, что он чрезмерно мал.
О, Свет Божественный, покоющийся вечно
Всегда в Себе Самом, познавший Сам Себя
И Самого Себя познав и возлюбя,
Ты улыбаешься — блаженный бесконечно!
Там показался мне — рожденным от Тебя,
Как отраженный свет, ближайший круг, в котором,
Когда я пробежал по нем смущенным взором,
Мне человеческий явился образ вдруг[10],
Но, отблеском лучей небесных озаренный,
Я погрузил в него мой взор воспламененный.
Смутясь, как геометр, что измеряет круг
И напрягает ум, не находя разгадки,
Затем, что все его соображенья шатки,
Так я хотел узнать, как меж собой слились
Изображение и круг, но все усилья
Остались тщетными[11]. И собственные крылья

Не вознесли б меня на ту святую высь,
Когда б Верховный Свет не просветил мой разум,
И вследствие того желанья не сбылись.
Но тут могущество воображенья разом
Покинуло меня, желания мои
И волю покорив, с небес переместила
В земную сферу их влиянье той любви,
Которой движутся и солнце, и светила.

Примечания к тридцать третьей песне

[1] Молитва св Бернара

[2] Пресвятая Дева была столь совершенным созданием Бога, что стала достойной быть родительницею Бога Сына Вечная любовь создала человека, но она была вновь потеряна вследствие первого грехопадения; эта любовь вновь воплотилась в Марии ради спасения людей через Иисуса Христа

[3] Сивилла, прорицательница, писала свои предсказания на листьях деревьев, которые разносил затем ветер своим дуновением (см. «Энеиду» Вергилия) Данте, приводя подобное сравнение, имеет в виду, что впечатления, полученные им в Раю, были столь сильны, что они не могли сохраниться у него в полном связном порядке и что он сохранил лишь отрывки

[4–6] Субстанция, акциденция, модусы Эти термины употребляются в философии Один из блестящих представителей ее — Спиноза — дает такие определения: субстанция есть все то, что существует вполне самостоятельно, не нуждаясь в помощи другого для своего существования (самостоятельно живущее); акциденция есть случайно явившееся в мир и обладающее свойствами, которые не составляют безусловно необходимой принадлежности существа; модус — то же, что образ, вид

[7] Со времени предприятия аргонавтов до тех пор, когда Данте увидел Рай, прошло, по его расчету, двадцать пять столетий Корабль Язона — Арго, был первый, разрезавший гладь моря, и потому он удивил морского царя Нептуна, но, по словам Данте, в то время как 2500 лет не могли совершенно уничтожить воспоминание об этом походе аргонавтов, — для него лично одно лишь мгновение, в которое не видишь Бога, уничтожает всякое воспоминание об этом блаженном созерцании

[8] Бог Сын, отражаемый Богом Отцом

[9] Дух Святой

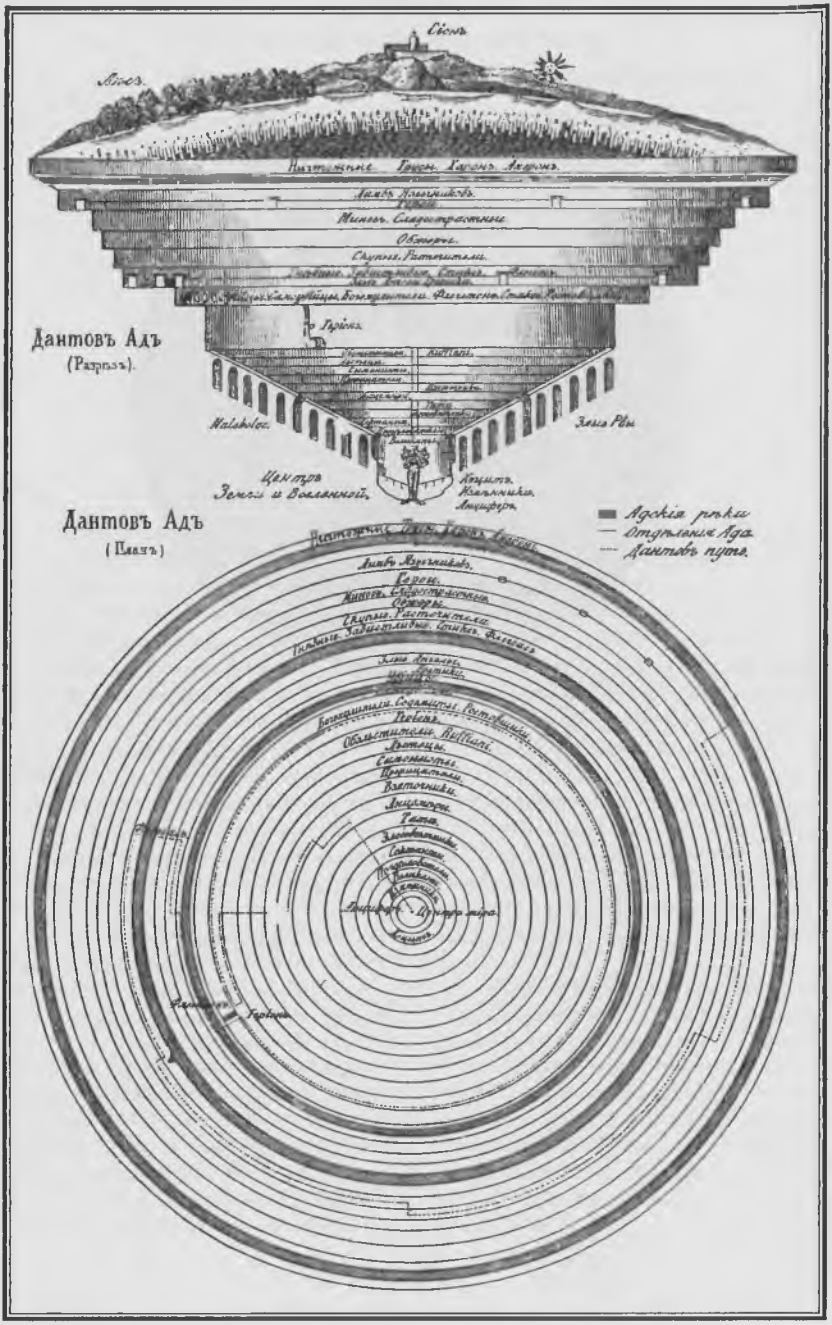
[10] Данте говорит, что перед ним явились три круга равной величины, но они представились ему в разном цвете Среди этих кругов ему видятся человеческий образ, создающийся в том круге, который является отражением круга Бога Отца и ближе всего к этому последнему, т. е. в круге Бога Сына

[11] Данте стремится узнать, каким образом соединились этот образ и круг, но все его попытки столь же тщетны, как труды геометра разгадать квадратуру круга Поэт признает, что он испытал это высшее блаженство созерцания Бога лишь по воле самого Божества, но здесь уже он не в состоянии изобразить все виденное, он подчиняет свои желания и силы воле вечной любви, запрещающей ему дальнейшее проникновение и приводящей в движение Солнце и светила

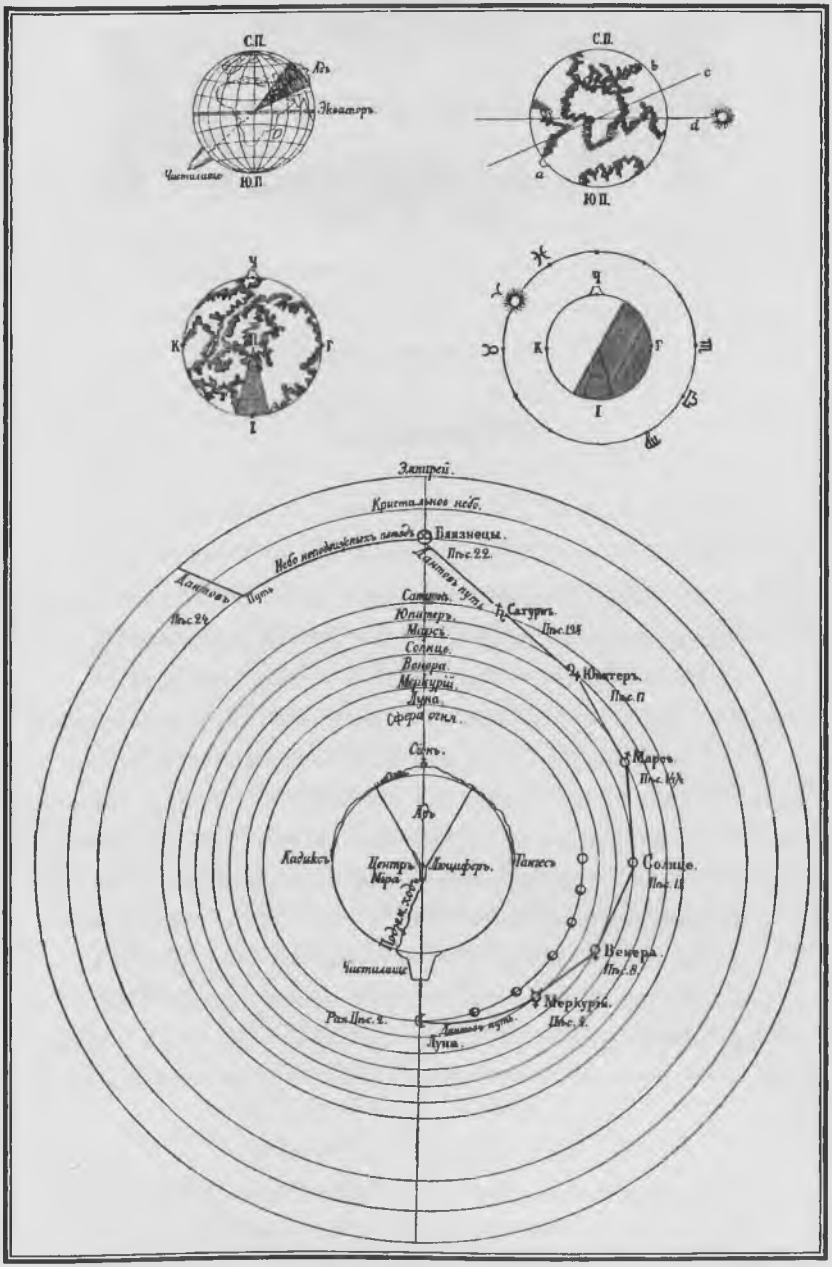
Данте Алигьери

Джотто

Строение Ада (по Данте)*



Строение мира (по Данте)*



* Таблицы воспроизведены по изданию А. С. Суворина «Божественная Комедия», С.-Пб., 1909.

Содержание

От издательства
5
Предисловие
6

Часть первая. Ад

Песнь первая (10). Песнь вторая (21). Песнь третья (29). Песнь четвертая (38). Песнь пятая (46). Песнь шестая (58). Песнь седьмая (64). Песнь восьмая (71). Песнь девятая (79). Песнь десятая (88). Песнь одиннадцатая (95). Песнь двенадцатая (101). Песнь тринадцатая (109). Песнь четырнадцатая (118). Песнь пятнадцатая (125). Песнь шестнадцатая (131). Песнь семнадцатая (136). Песнь восемнадцатая (144). Песнь девятнадцатая (152). Песнь двадцатая (159). Песнь двадцать первая (165). Песнь двадцать вторая (172). Песнь двадцать третья (179). Песнь двадцать четвертая (188). Песнь двадцать пятая (194). Песнь двадцать шестая (200). Песнь двадцать седьмая (207). Песнь двадцать восьмая (213). Песнь двадцать девятая (222). Песнь тридцатая (230). Песнь тридцать первая (237). Песнь тридцать вторая (246). Песнь тридцать третья (254). Песнь тридцать четвертая (264)

Часть вторая. Чистилище

Песнь первая (274). Песнь вторая (283). Песнь третья (291). Песнь четвертая (298). Песнь пятая (306). Песнь шестая (316). Песнь седьмая (322). Песнь восьмая (330). Песнь девятая (338). Песнь десятая (348). Песнь одиннадцатая (355). Песнь двенадцатая (361).

Песнь тринадцатая (369). Песнь четырнадцатая (377). Песнь пятнадцатая (384). Песнь шестнадцатая (391). Песнь семнадцатая (400). Песнь восемнадцатая (406). Песнь девятнадцатая (413). Песнь двадцатая (422). Песнь двадцать первая (430). Песнь двадцать вторая (436). Песнь двадцать третья (443). Песнь двадцать четвертая (450). Песнь двадцать пятая (458). Песнь двадцать шестая (467). Песнь двадцать седьмая (473). Песнь двадцать восьмая (481). Песнь двадцать девятая (488). Песнь тридцатая (497). Песнь тридцать первая (504). Песнь тридцать вторая (512). Песнь тридцать третья (520)

Часть третья. Рай

Песнь первая (528). Песнь вторая (535). Песнь третья (541). Песнь четвертая (548). Песнь пятая (554). Песнь шестая (561). Песнь седьмая (568). Песнь восьмая (574). Песнь девятая (582). Песнь десятая (588). Песнь одиннадцатая (594). Песнь двенадцатая (601). Песнь тринадцатая (608). Песнь четырнадцатая (614). Песнь пятнадцатая (622). Песнь шестнадцатая (628). Песнь семнадцатая (636). Песнь восемнадцатая (642). Песнь девятнадцатая (650). Песнь двадцатая (657). Песнь двадцать первая (664). Песнь двадцать вторая (672). Песнь двадцать третья (679). Песнь двадцать четвертая (685). Песнь двадцать пятая (693). Песнь двадцать шестая (699). Песнь двадцать седьмая (707). Песнь двадцать восьмая (715). Песнь двадцать девятая (722). Песнь тридцатая (728). Песнь тридцать первая (734). Песнь тридцать вторая (742). Песнь тридцать третья (748)

Строение Ада (*по Данте*)
756
Строение мира (*по Данте*)
757

Данте А.

Д 17 Божественная Комедия / Перевод с итал. О. Чюминой. Ил. Г. Доре и др. — М.: Эксмо, 2007. — 760 с.: ил.

УДК 82 (1-87)
ББК 84 (4Ита)

ISBN 978-5-699-14625-3

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Исключительные права на данное издание принадлежат издательству «Эксмо». Книга или любая часть не может быть издана в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения письменного разрешения от издателя.

Литературно-художественное издание

Данте Алигьери

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Перевод *Ольги Чюминой*

Ответственный редактор *Л. Кондрашова*
Редактор *В. Еремеева*. Дизайн переплета *П. Сацкий*. Компьютерная графика *И Сауков*
Подбор иллюстраций *С. Калинина*. Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *О. Яресько*. Корректор *О. Ямщикова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

ISBN 978-5-699-14625-3

Подписано в печать 22.01.2007. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Антиква».
Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 47,5.
Тираж 3000 экз.